

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRNG D

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

І ю л ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ланцау, Театральная площадь, 2.
1801.

Δ

KSF 458 ($\frac{1901}{7-9}$)

Slavic Exchange

Соломонъ Мудрый.

РАЗСКАЗЪ.

(Продолженіе)¹⁾.

VIII.

Исторія еще одной любви, которая кончилась не совѣмъ благополучно.

Вольфзонъ старшій, женихъ номеръ первый, помимо того, что былъ очень элегантнымъ кавалеромъ и всегда носилъ самые модные воротнички и галстухи—былъ еще очень умный и практическій молодой человекъ. Онъ весьма справедливо рассуждалъ, что женитьба—это слишкомъ серьезный шагъ въ жизни для того, чтобы сдѣлать его опрометчиво и безъ надлежащей осмотрительности. И потому для того, чтобы рѣшиться сдѣлать выборъ между безчисленными невѣстами, которыя всегда имѣются наготовѣ въ каждомъ еврейскомъ городѣ, слѣдуетъ каждую изъ нихъ основательно изучить, то есть, обстоятельно обслѣдовать какъ ее самое, такъ и ея семейное и общественное положеніе. И потому онъ былъ такъ постоянно занятъ изученіемъ всѣхъ вилонскихъ невѣстъ. Не было въ Вильнѣ мало-мальски состоятельной дѣвушки въ брачномъ возрастѣ, про которую онъ не зналъ бы всю подноготную. И если случалось, что при немъ упоминалось имя какой-нибудь дѣвушки, онъ немедленно же считалъ своимъ долгомъ сдѣлать приблизительно слѣдующее замѣчаніе: А, такая то! Всего пять тысячъ приданого. Обѣщаютъ десять, но это ввдорь... надуютъ. Больше пяти тысячъ дать не могутъ.

¹⁾ См. „вн. Восхода“ № 6.

Или же: Она считает себя красавицей, а о томъ умалчиваетъ, что у нея лѣвый бокъ кривой. Когда же ему предлагали вопросъ, откуда онъ это знаетъ, онъ дѣлалъ таинственную и глубокомысленную мину и отвѣчалъ:—А это ужъ мое дѣло. Но замѣчательно то, что въ большинствѣ случаевъ онъ оказывался правымъ. И говорилъ онъ обо всемъ этомъ такъ серьезно, обстоятельно, съ такими подробностями, какъ будто это была какая-нибудь наука, которой онъ специально занятъ. Но съ другой стороны, этотъ молодой человѣкъ прекрасно понималъ, что не единымъ хлѣбомъ насущнымъ человѣкъ сытъ бываетъ, что жена когда-то еще у него будетъ, а вѣдь онъ элегантный молодой человѣкъ цвѣтущаго здоровья, и что такому молодому человѣку какъ-то даже неловко безъ любви, любви свободной, не связанной никакими узами. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что между дѣломъ онъ не прочь былъ и отъ случайной, мимолетной любви. Разумѣется, въ этомъ случаѣ не требовалось никакого изученія какъ самого «предмета», такъ и его семейнаго положенія; все, что въ данномъ случаѣ требовалось, это красивое личико и жажда любви. А въ Вильнѣ женщины, безразлично съ какими лицами, какъ и женщины во всемъ мѣрѣ, конечно, жаждутъ любви. Нужно только умѣть вызвать эту жажду изъ тайниковъ души. А ужъ такой элегантный кавалеръ, какъ Вольфсонъ старшій, сумѣетъ это сдѣлать! И онъ, дѣйствительно, сумѣлъ вызвать эту жажду любви у одной очень хорошенькой приказчицы, Ревекки.

Это была дѣвушка очень бѣдныхъ родителей, которая съ семи—восьми лѣтъ находилась въ галантерейной лавкѣ, откуда она съ утра до вечера таскала на себѣ цѣлыя груды товара по разнымъ отдаленнымъ уголкамъ города.

Такихъ дѣвушекъ въ Вильнѣ тысячи, по цѣлой дюжинѣ въ каждой захудалой лавочкѣ, и при одной перспективѣ торговать на гривенникъ онѣ вамъ за тридцать земель натащутъ товару на тысячи. Онѣ пойдутъ куда угодно, понесутъ сколько угодно товару, очень любезно будутъ разговаривать,

особенной претензіи не будутъ имѣть, если имъ скажутъ комплиментъ,—но дальше этого не идутъ, это ужъ атамане. Но вѣдь и эти дѣвушки—женщины, и, понятно, тоже жаждутъ любви.

Когда нашъ франтъ обратилъ вниманіе на Ревекку, онъ немедленно же сталъ употреблять усилія для того, чтобы познакомиться съ ней. Это вовсе не было такъ трудно. Прослѣдивши за ней и узнавши, изъ какого она магазина, онъ туда зашелъ съ тѣмъ, чтобы купить себѣ галстухъ.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что постарался онъ это сдѣлать такъ, чтобы галстухъ показывала ему Ревекка и чтобы выборъ галстуха продолжался по возможности дольше. Будеть совершенно излишне говорить и о томъ, что такой элегантный молодой человѣкъ не могъ ограничиться однимъ галстухомъ, и что послѣ перваго своего посѣщенія магазина онъ не замедлилъ явиться туда вторично, а потомъ и въ третій разъ. Продѣлавши нѣсколько разъ операцію съ покупками галстуха и запонокъ, причемъ каждый разъ онъ старался имѣть дѣло только съ Ревеккой, онъ, естественно, успѣлъ съ ней слегка познакомиться и при встрѣчахъ на улицѣ сталъ раскланиваться, а потомъ даже сталъ разговаривать, какъ знакомый.

Умѣнье заговаривать зубы наследовалъ онъ отъ отца, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ своего знакомства съ Ревеккой, какъ ему ужъ удалось вскружить голову дѣвушки, которая, конечно, была не прочь выйти замужъ за такого элегантнаго кавалера, какъ Вольфзонъ.

Говорять, что еврейкѣ чуждо сильное увлеченіе потому, что она очень разсчетлива и разсудительна. По моему, это неправда,—еврейка такая же женщина, какъ и всѣ остальные женщины, а когда женщина серьезно полюбитъ, то ей не помогутъ никакая разсудительность, никакая разсчетливость—она обязательно надѣлаетъ глупостей. Еврейка только менѣе другихъ женщинъ подвержена соблазнамъ: условія не тѣ, да

и еврей рѣдко создаетъ себѣ специальность соблазнять женщинъ, какъ это сплошь и рядомъ практикуется у другихъ национальностей. Какъ бы то ни было, Ревекка полюбила Вольфсона. Но любовь, какъ извѣстно, сладка, только плоды ея не всегда бываютъ сладки. Она, конечно, была въ отчаяніи, а мистеръ Вольфсонъ, узнавъ про этотъ казусъ, замѣтно сталъ отлынивать. Но Ревекка была дѣвушка съ темпераментомъ, она любила, была обманута, оскорблена въ своихъ лучшихъ чувствахъ и нельзя было ручаться, что она не пойдетъ на скандалъ. Мистеръ Вольфсонъ очень серьезно сталъ задумываться надъ тѣмъ, какъ ему быть, и какъ ему выйти сухимъ изъ воды.

Конечно, первое, что тутъ нужно было, это—деньги, и деньги не пустяшныя, а серьезныя, тогда еще можно было подумать и какъ-нибудь постараться уладить дѣло; но денегъ у него не было, а если и были, то гроши какіе-нибудь. А особенно долго тутъ раздумывать нельзя было, нужно было на что-нибудь рѣшиться, потому что Ревекка съ каждымъ днемъ становилась все нетерпѣливѣе и метала громы и молніи. Да и положеніе дѣвушки, дѣйствительно, было отчаянное. И вотъ для того, чтобы какъ-нибудь выйти изъ этого положенія, Вольфсонъ старшій рѣшился воспользоваться браслетами и серьгами своихъ сестричекъ. Помню того, что это могло дать ему нѣсколько сотъ рублей (серьги были брилліантовыя), но этимъ онъ еще кстати могъ насолить «противнымъ дѣвчонкамъ», отъ которыхъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ серьезно стали воображать себя невѣстами, въ домѣ житья не стало.

Сдѣлать это, конечно, для него не представляло никакой трудности. И въ одно прекрасное утро въ домѣ Вольфсона поднялась ужасная суматоха. Крики, стоны, вопли:—Браслетки, серьги, воры, кража—слились въ одинъ неопредѣленный гулъ.

IX.

Дипломатическій ходъ.

Когда первая суматоха въ домѣ улеглась, и женскій полъ пересталъ бѣгать, кричать, стонать, ломать руки, потому что на крикъ явился самъ Вольфзонъ и велѣлъ рассказать въ чемъ дѣло—то начали разсматривать обстоятельства, при которыхъ кража была совершена. Но обстоятельства были такія, что никто изъ постороннихъ, не живущихъ въ домѣ, этой кражи совершить не могъ. Слѣдовательно, воръ долженъ былъ быть домашній. Кто же изъ домашнихъ могъ ее совершить; не членъ же семьи. Но въ домѣ помимо членовъ семьи жило еще двое постороннихъ, а именно—кухарка и Сарра—горничная. Кухарка знала свою кухню и очень рѣдко бывала въ общихъ комнатахъ, оставалась одна Сарра. Сарра, кто же больше могъ это сдѣлать? Придя къ этому заключенію, мадамъ Вольфзонъ и барышни немедленно же подняли на Сарру ужасный крикъ: Воровка, подлая, немедленно же отдай вещи, а то сейчасъ пошлемъ за полиціей... Но самъ Вольфзонъ приказалъ имъ замолчать, а Саррѣ велѣлъ идти за собой въ кабинетъ.

Тамъ онъ заперъ на ключъ дверь и обратился къ сильно поблѣднѣвшей и оторопѣвшей дѣвушкѣ съ такою рѣчью:

— Слушай, Сарра. Ты жила въ моемъ домѣ три года. Мы тебя всегда считали честной, всегда тебѣ довѣряли. Но случился такой грѣхъ, кто грѣшенъ не бываетъ передъ Богомъ. Ну, ты дѣвушка бѣдная, вещицы хорошія, такихъ вещей ты сама себѣ купить не можешь. Ну, нечистый и попуталъ, вяла. Тутъ ничего особеннаго нѣтъ. Всякая другая дѣвушка на твоемъ мѣстѣ сдѣлала бы то же самое. Можно быть очень честнымъ человѣкомъ—и разъ въ жизни сдѣлать глупость. Отдай! И даю тебѣ слово, что никто объ этомъ не узнаетъ. Ты даже мѣста не лишишься: все пойдетъ по старому, ты только впередъ будешь умнѣе, будешь знать, что такихъ вещей дѣлать нельзя.

Все время, когда говорилъ Вольфзонъ, Сарра, блѣдная, какъ смерть, неподвижная, какъ статуя, стояла и слушала, а когда онъ кончилъ, то закрыла лицо руками и судорожно разрыдалась.

— Ну, вотъ, сейчасъ и слезы,—прежнимъ добродушно-сострадательнымъ тономъ продолжалъ Вольфзонъ.—Бѣда съ этими женщинами, что-жъ тутъ плакать, вѣдь тебѣ ничего не дѣлають. Полиція я не зову, протоколовъ не составляю, не обыскиваю. Зачѣмъ это? Лучше по хорошему. Протоколы, полиція,—вѣдь это для дѣвушки нехорошо. Я знаю, что ты бѣдная дѣвушка, что тебѣ нужно выйти замужъ, зачѣмъ же мнѣ тебѣ вредить, порочить твое доброе имя, когда мы можемъ съ тобой покончить дѣло миромъ.

— Вы можете дѣлать все, что вамъ угодно,—сквозь рыданія проговорила Сарра,—можете звать полицію, составлять протоколъ, обыскивать, но я не могу вамъ возвратить того, чего не брала.

— Дѣвушка, не говори глупостей,—строго проманилъ Вольфзонъ,—сама посуди, кто же кромѣ тебя могъ взять.

— Этого я не знаю, знаю только, что я ихъ не брала. Ищите у меня въ моихъ вещахъ, я сегодня никуда изъ дому не выходила.

— Ну,—добродушно улыбнулся Вольфзонъ,—неужели ты думаешь, что я считаю тебя такой дурой, что могу предположить, что, взявши такія вещи, ты ихъ будешь держать при себѣ или прятать въ своихъ вещахъ.

— И вамъ не грѣхъ, господинъ Вольфзонъ, такъ обижать бѣдную дѣвушку?

— Вотъ потому-то я съ тобой и разговариваю,—съ таинственнымъ видомъ развелъ Вольфзонъ руками,—а то бы я съ тобой и разговаривать не сталъ. Сейчасъ послалъ бы за полиціей.

Авторъ однако считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что Вольфзонъ ни въ какомъ случаѣ не послалъ бы за полиціей. Онъ прекрасно зналъ, что чѣмъ

меньше онъ будетъ имѣть дѣло съ этимъ учрежденіемъ, которому, разумѣется, небезвѣстно было о его операціяхъ, тѣмъ для него спокойнѣе и выгоднѣе.

— А знаешь ли что, — вдругъ спохватился онъ, — хочешь, мы пошлемъ за твоимъ отцомъ и увидишь, что онъ тебѣ то же самое скажетъ. Мы съ нимъ уладимъ дѣло.

— Дѣлайте, что хотите, — проговорила дѣвушка сквозь слезы, — но вещей вашихъ я не брала.

— Ну, хорошо, хорошо, тамъ увидимъ. Иди къ себѣ, а я пошлю за твоимъ отцомъ.

Дѣвушка, заливаясь слезами, вышла изъ кабинета.

Х.

Попала коса на камень.

Вольфзонъ-старшій, какъ извѣстно, унаслѣдовалъ отъ отца умъ, проницательность и дѣловитость. Задумывая сдѣлать оборотъ съ «гордостью и украшеніемъ» своихъ сестричекъ, онъ, конечно, не могъ не знать, какія эта операція можетъ имѣть послѣдствія, то есть, что отъ этого очень легко можетъ пострадать доброе имя Сарры.

И, разумѣется, что безъ особенной надобности онъ бы не подвергъ эту дѣвушку такому испытанію. Но вѣдь, какъ извѣстно, своя рубашка ближе къ тѣлу, и чѣмъ онъ былъ виновать, что обстоятельства такъ сложились. А такъ какъ Вольфзонъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ людей, которые немедленно же находятъ себѣ оправданье, — то и въ данномъ случаѣ послѣ зрѣлаго размышленія онъ пришелъ къ заключенію, что и подѣломъ этой дрянной и дерзкой дѣвчонкѣ. Онъ положительно имѣлъ основанія быть ею недовольнымъ. Онъ былъ бы, конечно, настоящимъ дуракомъ, если бы не обратилъ вниманія на ея красоту и не дѣлалъ попытокъ сблизиться съ нею. Но Сарра, повидимому, очень тихая и уступчивая дѣвушка, на дѣлѣ оказалась большой недотрогой и хорошо знающей, въ какихъ случаяхъ нужно уступить, а въ ка-

кихъ не мѣшаетъ дать по фѣзюномѣ. И самолюбѣе такого «красавца», какимъ онъ себя считалъ, было сильно задѣто. Было бы еще въ самоѣ дѣлѣ о комъ разговаривать, а то прислуга и тоже туда съ гоноромъ. Разсмотрѣвъ дѣло со всѣхъ сторонъ и не найдя въ этомъ ничего предосудительнаго (кражей это не могло считаться, потому какая это кража у сестеръ и у отца!),—онъ, понятно, первымъ дѣломъ сталъ реализировать цѣнности. Это, конечно, не представляло трудности. Но ему пришла вотъ какая идея. Вѣдь главное, что ему нужно, это задобрить Ревекку и какъ-нибудь сплавить ее. У него ужъ былъ выработанъ планъ, и много разъ онъ ужъ говорилъ съ ней объ этомъ. Зналъ онъ, что у Ревекки имѣется въ Петербургѣ тетка, и онъ ставилъ дѣло такъ, что Ревекка подъ предлогомъ поѣздки къ теткѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда недѣльки черезъ двѣ прѣзжаетъ и онъ за тѣмъ, разумѣется, чтобы тамъ съ ней обвѣнчаться. Какъ бы тамъ ни было, а ему нужно было, чтобы Ревекка отнеслась къ нему съ довѣріемъ. А такъ какъ онъ зналъ, что женщины очень падки до разныхъ побрякушекъ, то онъ и рѣшилъ оставить для нея одинъ браслетъ. Браслетъ былъ золотой, массивный, красивый и, понятно, что увидѣвъ его, у бѣдной дѣвушки глаза должны были рабѣжаться. Положивъ въ карманъ три сотни и браслетъ, онъ немедленно же извѣстнымъ ему условленнымъ способомъ устроить свиданіе съ своей возлюбленной.

Необходимо еще сказать два слова о Ревеккѣ.

Ревекка выросла въ очень бѣдной семьѣ, гдѣ большую роль игралъ каждый кусокъ хлѣба; естественно, что она была житейски очень опытна и наблюдательна. Для нея вовсе не составляло секрета, что ее ожидаетъ въ будущемъ, когда ей каторжнымъ трудомъ удастся скопить сотню—другую приданаго. Ну что жъ, выйдетъ она замужъ за какого-нибудь подмастерья, нарожаетъ кучу дѣтей и будетъ умирать съ голоду. Перспектива, согласитесь, не привлекательная, въ особенности для дѣвушки грамотной, которая была въ «домахъ», видѣла, какъ люди живутъ—но на что же лучшее она могла надѣяться?

Но и у нея могли быть мечты. И онѣ, дѣйствительно, у нея были, какъ бываютъ онѣ у всякаго человѣка. Въ чемъ собственно заключались эти мечты, это довольно трудно опредѣлить, но въ общемъ онѣ походили на того сказочнаго принца, который рисуется въ воображеніи каждой дѣвушки, когда она приходитъ въ извѣстный возрастъ. Правда, принцъ Ревекки не отличался героическими подвигами, не вель борьбы съ драконами, заколдованными чудовищами,—это просто былъ сынъ очень богатыхъ родителей, красивый, ловкій, умный, который съ перваго же взгляда влюбляется въ нее такъ, что безъ нея жить не можетъ, и который, несмотря ни на какія препятствія, въ концѣ концовъ женится на ней,—но всетаки это былъ принцъ. И когда ей такъ неожиданно подвернулся Вольфзонъ, она сразу увидѣла, что это именно тотъ герой, который рисовался въ ея воображеніи. Тѣмъ болѣе, что сначала онъ былъ очень таинствененъ и загадоченъ: сначала она даже не знала, кто онъ такой. Но она была не дурой и, конечно, очень скоро узнала, кто и что онъ такой. Слишкомъ сильно сжившись съ своей мечтой, она, естественно, сначала очень довѣрчиво отнеслась къ своему герою. Ей хотѣлось вѣрить, что ея мечта осуществится, и она вѣрила. Но когда она увидѣла, что принцъ, несомнѣнно, отлыниваетъ, въ ней заговорило самолюбіе, какъ же это,—она дура, что ли?—и она твердо рѣшила показать своему герою, что она не изъ тѣхъ дурь, надъ которыми безнаказанно можно насмѣхаться. Она рѣшилась бороться, не уступать своего счастья, взять его съ бою. И она пустила въ ходъ свое исконное женское оружіе, то есть, хитрость. Съ одной стороны дѣлая видъ, что она, вѣритъ тѣмъ баснямъ, которыми кормилъ ее Вольфзонъ, она, съ другой стороны очень зорко стала слѣдить за нимъ и искать возможности за что-нибудь ухватиться, уцѣпиться для того, чтобы удержаться на своей позиціи.

Такъ обстояло дѣло, когда нашъ герой, замѣтно возбужденный и радостный, прибѣжалъ на свиданіе съ Ревеккой и торжественно провозгласилъ:

— Ну, вотъ, душа моя! слава Тебѣ, Господи, планъ нашъ удастся осуществить. Теперь мы съ тобой скоро заживемъ. Деньги есть, а вотъ это тебѣ подарокъ отъ жениха, — и при этомъ онъ вынулъ изъ кармана и подалъ ей браслетъ.

Ревекка пристально взглянула на своего возлюбленнаго, улыбулась, молча взяла браслетъ въ руки, начала его разсматривать и произнесла.

— Хорошая вещица.

— Еще бы, сто двадцать пять рублей заплачено! — воскликнулъ Вольфзонъ.

— Только какъ же это, — произнесла Ревекка, разсматривая внутреннюю сторону браслета, — зовутъ меня Ревеккой, а тутъ написано Соня, въ день рожденія, 19 сентября, а теперь только июль. На вотъ, посмотри.

— Ну, что жъ мудренаго, — замѣтно смутился Вольфзонъ, — браслетъ не новый, купленъ по случаю. Можетъ быть, онъ и былъ заказанъ для какой-нибудь Сони. Тебѣ вѣдь это все равно.

— Конечно все равно, — сказала она, надѣвая браслетъ на руку, — что жъ благодарю тебя, — и она обвила руками его шею и крѣпко поцѣловала въ губы.

— Ну, теперь будемъ говорить о дѣлѣ, — произнесъ Вольфзонъ самымъ развязнымъ тономъ, — когда ты ѣдешь?

Ревекка медленно подняла свои длинные шелковистыя рѣсницы какъ - то особенно, не то недоумѣвающе, не то насмѣшливо посмотрѣла на него своими большими черными глазами и тихо, едва слышно спросила:

— А ты непременно хочешь, чтобъ я ѣхала?

— Но, душа моя, сама ты посуди, какъ же иначе? Ты въ такомъ положеніи, теперь начать переговоры съ моими родителями это, Богъ вѣсть, сколько затянется. Да они добровольно никогда и не согласятся. Одиѣ непріятности выйдутъ. У тебя тоже отецъ, мать что-нибудь замѣтятъ, тоже жизни рада не будешь. Какъ же быть? Единственный выходъ — Петербургъ. Тамъ насъ никто не знаетъ, обвиняемся

и дѣло будетъ кончено. Послѣ ужъ говори, не говори—ничего не поможетъ.

— Ты значить тоже ѣдешь вмѣстѣ со мною?—задумчиво проговорила дѣвушка.

— Нѣтъ, видишь ли,—смѣшался Вольфзонъ,—это невозможно. Нужно же приготовить, создать предлогъ, а то вдругъ ни съ того, ни съ сего я ѣду въ Петербургъ.

— А ты не обманешь?—протяжно и нараспѣвъ спросила Ревекка.

— Ну, вотъ еще, за кого ты меня принимаешь!

— Хорошо, дѣлать нечего. Только ты скажи мнѣ, черезъ сколько времени самое позднее будешь ты въ Петербургъ.

— Ну, самое большее недѣли черезъ двѣ, три послѣ твоего отъѣзда.

— Хорошо. Только вотъ что, голубчикъ, дай мнѣ свою карточку. Такъ долго не видѣть тебя и не имѣть твоей карточки—я съ ума сойду.

— Да я бы съ удовольствіемъ,—покраснѣлъ Вольфзонъ,—у меня ея нѣтъ.

— Ну такъ я никуда не поѣду,—капризно топнула Ревекка ногой.—Пусть, пусть, пусть,—вдругъ расплакалась она,—пропадаетъ моя голова, пусть всѣ видятъ мой поворъ, мое несчастіе... Я никого, никого, ничего не боюсь. Я всё скажу... Я на всѣхъ перекресткахъ стану кричать, что ты меня погубилъ. Если ты для меня такой бездѣлицы не хочешь сдѣлать, что же отъ тебя ждать дальше. Карточки у него нѣтъ... какъ будто карточку такъ трудно получить. Можетъ быть у тебя трехъ рублей нѣтъ, чтобъ сняться, на, возьми у меня... я дамъ,—и у дѣвушки сдѣлалась чуть-ли не формальная истерика.

Вольфзонъ сильно испугался; онъ сталъ ее уговаривать, успокаивать и обѣщалъ черезъ два дня доставить свою карточку.

Черезъ два дня, на послѣднемъ свиданіи, Ревекка обнаружила глубокую преданность и довѣріе къ каждому

слову своего возлюбленного. Она мечтала о будущемъ счастьѣ, рисовала картины будущей совмѣстной жизни, поминутно осыпала поцѣлуями его самого, его карточку, которую онъ ей принесъ, словомъ, дѣлала все для того, чтобы доказать, что она, дѣйствительно, дура, а когда онъ самъ невольно увлекся своей ролью, она вдругъ спохватилась, какъ бы что то вспомнивъ, и, крѣпко обвивъ его шею, подвела его къ столу, на которомъ лежала его карточка, дала ему въ руки перо и сказала:

— А ты забылъ, что на карточкѣ нужно написать.

— Что писать и на что писать?—началь было онъ.

— Не разговаривать,—съ капризной шаловливостью топнула она ногой, — дѣлай, что приказываютъ, иначе съ мѣста не тронусь—пиши!

— Что писать, я не знаю что писать?—взявъ въ руки перо, сказалъ Вольфзонъ.

— Моей дорогой невѣстѣ,—начала Ревекка диктовать.

— Послушай, къ чему это, для чего?—замаялся Вольфзонъ, котораго такое требованіе серьезно встревожило. —Мы съ тобой и такъ знаемъ, что мы женихъ и невѣста.

— А, ты не хочешь сдѣлать мнѣ это удовольствіе написать даже на своей карточкѣ, что я твоя невѣста?—и Ревекка истерически зарыдала:—Я вижу, къ чему ты клонишь, ты хочешь отъ меня отдѣлаться, выпроводить. О, я несчастная!—и Ревекка опять устроила довольно эффектную истерическую сцену.

Какъ Вольфзонъ ни былъ хитеръ, уменъ, но онъ совсѣмъ былъ сбитъ съ толку. Съ одной стороны, онъ прекрасно сознавалъ, какая для него опасность сдѣлать такую надпись на карточкѣ, а съ другой стороны, онъ не зналъ, что ему дѣлать, какъ успокоить дѣвушку. Онъ вѣдь ничуть не былъ увѣренъ, что эта дѣвушка сейчасъ, сію минуту, не устроитъ ему скандала.

— Ну, ладно, сказалъ онъ, —если тебѣ ужъ такъ хочется, я напишу. Говори что писать.

Буря, само собой, скоро утихла, тучи разсѣялись, и Ревекка, улыбаясь сквозь слезы, проговорила:

— Противный, зачѣмъ ты меня разстраилаешь,—а потомъ начала диктовать:

— «Моей дорогой возлюбленной невѣстѣ, Ревеккѣ Троканецкой, на добрую память отъ ея любящаго жениха Абрама Вольфсона 19...., 18 июля.

Вольфзонъ, скрѣпя сердце, написалъ все то, что продиктовала ему Ревекка.

ГЛАВА XI.

Изъ которой видно, что Исаакъ Львовичъ Вольфзонъ очень добрый и снисходительный человекъ.

Соломонъ хорошо зналъ Вольфсона, его семью по рассказамъ своей дочери, и, благодаря большому знакомству на школьномъ дворѣ, гдѣ у Вольфсона была большая клиентура—имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія о его дѣятельности, которую обыкновенно называлъ шкуроснимательной. И онъ смѣялся постоянно надъ тѣми наивными бѣдняками, которыхъ Вольфзонъ успѣвалъ такъ умаслить, что они не замѣчали, въ какую ловушку онъ ихъ втягивалъ. По этому поводу онъ обыкновенно говорилъ: евреи, несмотря на ихъ почтенный возрастъ, въ сущности настоящія дѣти и обращаться съ ними нужно, какъ съ настоящими дѣтьми. Прямо съ ними никогда ничего не сдѣлаешь, а помажь самую горькую пилюлю сахаромъ и ничего, они, не поморщившись, проглотятъ. Тотъ же самый Вольфзонъ, обращай онъ иначе и не будь онъ такъ хитеръ, былъ бы извергомъ, кровопійцею, ростовщикомъ; но онъ прикидывается добрякомъ и слыветъ чуть-ли не благодѣтелемъ. А когда случалось въ минуту жизни трудную Гитля начинала къ нему приставать, чтобы онъ пошелъ къ Вольфзону и взялъ у него нѣсколько рублей, онъ категорически заявлялъ, что лучше умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлаеть это. По крайней мѣрѣ, безъ хлопотъ, возни. А то на всю жизнь

— Къ сожалѣнiю, въ данномъ случаѣ я вамъ ничего посоветовать не могу,—отрѣзвалъ Соломонъ,—вы можете звать полицію и составлять протоколъ.

— Господь съ вами,—замахалъ Вольфзонъ на Соломона руками:—о чемъ вы говорите, кто думаетъ о полициѣ? Вѣдь я тоже отецъ, у меня тоже — дочери. Какъ-же это я стану поворить дѣвушку? Кстати,—повернулъ онъ круто,—хорошiй у васъ сынъ; я много хорошаго о немъ слышала.

— Докторъ?

— Да!

— Благодаренiе Богу,—сразу осѣлъ Соломонъ,—жаловаться не могу. Такими дѣтymi не каждый можетъ похвастать.—И тутъ Соломонъ довольно подробно и очень краснорѣчиво сталъ распространяться о своемъ сынѣ.

Когда чудеса, которыя Соломонъ рассказывалъ о своемъ сынѣ, истопились, Вольфзонъ вдругъ самымъ любезнымъ образомъ обратился къ Соломону:

— Вы, Соломонъ, конечно на меня не сердитесь?

— За что?

— Вы сами понимаете,—отрывисто сталъ онъ бросать фразы, не отвѣчая на вопросъ Соломона,—мало-ли что въ такую минуту приходитъ въ голову. Я бы васъ просилъ, поговорите съ Саррой, чтобы она не обращала вниманiя на пустяки. Мало-ли что иногда сорвется съ языка.

— А ей уже развѣ что-нибудь говорили?

— Ну, конечно, женщины дуры съ ума сошли отъ потери, можетъ быть что-нибудь и взболтнули. Но все это, конечно, пустяки, все это будетъ между нами и все останется по старому.

— Нѣтъ, господинъ Вольфзонъ,—возразилъ Соломонъ,—по старому оно остаться не можетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я хочу сказать, что моя дочь не можетъ больше оставаться въ домѣ, гдѣ она можетъ быть заподозрѣна въ воровствѣ.

- Ну, полноте, мы вашей дочерью такъ довольны.
- Благодарю васъ, только все-таки она сейчасъ-же должна оставить вашъ домъ; этого требуетъ не только ея собственная честь, но и честь ея жениха.
- Да развѣ она невѣста?—удивился Вольфзонъ.
- Да, и скоро выйдеть замужъ.
- За кого-же она выходитъ?
- За Волькенштейна.
- Учителя?
- Да.
- Не можетъ быть!
- Зачѣмъ-же мнѣ васъ обманывать.
- Ну, поздравляю васъ Соломонъ, отъ души поздравляю. Этимъ женихомъ вы такъ же можете гордиться, какъ своимъ сыномъ.
- Я и горжусь.
- Очень радъ, очень радъ,—зачастилъ Вольфзонъ.—Вотъ и будемъ мы съ вами гулять на свадьбѣ. Сначала погуляемъ на свадьбѣ вашей дочери, а потомъ на свадьбѣ моей дочери.
- Э! господинъ Вольфзонъ, гдѣ намъ бывать на такихъ шикарныхъ свадьбахъ, какъ у вашей дочери.
- Ну, братъ,—фамиліарно хлопнулъ его Вольфзонъ по плечу,—всѣ мы изъ одного тѣста. Между евреями всѣ равны. Вы бѣдный, я съ достатками, но изъ этого не слѣдуетъ, что я передъ вами долженъ гордиться. Только вы ужъ, пожалуйста, ничего не говорите объ этомъ Волькенштейну.
- Но вѣдь, я думаю, и такъ до него дойдетъ.
- Откуда?—Будьте покойны, что все это останется между нами, я ужъ принялъ мѣры. А во избѣжаніе всякихъ догадокъ, разговоровъ, я бы вамъ посоветовалъ, чтобы Сарра на нѣкоторое время осталась у меня въ домѣ. Гораздо будетъ лучше.
- Пожалуй,—послѣ нѣкотораго размышленія согласился Соломонъ,—только въ такомъ случаѣ вамъ пока придется держать въ секретѣ то, что Сарра невѣста. Сами понимаете, что невѣста Волькенштейна не можетъ служить.

— Основательно. Ну, хорошо, я сейчас-же пошлю къ вамъ Сарру, вы ей и скажете, а я пока пойду къ своимъ и покончу со всѣмъ этимъ.—И Вольфзонъ вышелъ, а минуты черезъ двѣ въ кабинетъ Сарра вошла съ заплаканными глазами.

Когда отецъ передалъ дочери всю сцену, которая произошла между нимъ и Вольфзономъ, а она въ свою очередь передала все то, что произошло съ ней до этого, то имъ не могла не броситься въ глаза загадочность той роли, которую въ этомъ инцидентѣ игралъ Вольфзонъ. Слишкомъ онъ ужъ былъ податливъ и снисходителенъ. Тутъ что-нибудь да не такъ,—рѣшили они,—тутъ что-то есть.

Когда они стали обсуждать, слѣдуетъ-ли Сарѣ немедленно оставить службу, они пришли къ заключенію, что для нея, дѣйствительно, удобнѣе на нѣкоторое время остаться въ домѣ Вольфсона.

ГЛАВА XII.

Изъ которой видно, что Вольфзонъ зналъ, что онъ дѣлалъ.

Вольфзонъ былъ, что называется, себѣ на умѣ. Онъ прекрасно понималъ, что какую бы роль онъ ни игралъ и какую бы личину ни надѣвалъ, но на дѣлѣ онъ всегда останется ростовщикомъ, съ которымъ порядочный человѣкъ связываться не захочетъ. И для него вовсе не составляло секрета, что на блестящія партіи, въ смыслѣ родовитости, благородства, какъ для своихъ сыновей, такъ и для дочерей, ему рассчитывать нечего. Тѣмъ болѣе, что товаръ у него былъ не ахтителный. Сыновья ничемъ собой не представляли; настоящіе оболтусы, прожигатели денежекъ, а у дочерей, не говоря объ ихъ ужъ очень неважномъ воспитаніи, и красота подлежала большому сомнѣнію. Сами-то онѣ, конечно, были убѣждены въ своей неотразимости, но вѣдь онъ, Вольфзонъ, кое-что смыслилъ въ этомъ, его невѣроятныхъ размѣровъ шляпами и разными другими финтифлюшками не проведешь. Нельзя даже про нихъ сказать, чтобы онѣ были умны,—настоящіе сороки. Само собою, что всѣ эти

недостатки можно исправить, пополнить, но для этого нужно хорошо раскошелиться, а онъ вовсе не изъ тѣхъ дураковъ, которые ради дѣтей остаются безъ рубашки.

Дѣтей, конечно, нужно воспитать, постараться поставить на ноги, но при этомъ не нужно забывать и себя. Онъ вѣдь вовсе не такой миллионеръ, какимъ его считали; онъ подвергался общеврейской участи и ему при оцѣнкѣ состоянія прибавляли, по крайней мѣрѣ, вдвое больше, чѣмъ онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ. И потому то, когда у него заходила рѣчь о приданомъ для дочерей онъ бывалъ очень загадоченъ; смотря по жениху—вѣявлялъ онъ.

Это, конечно, было очень эластическое опредѣленіе, которое не всегда удовлетворяло специальныхъ свадебныхъ дѣлъ мастеровъ.

— Ну сколько же? ну приблизительно, — приставали къ нему.

— Да тамъ увидимъ, что пока объ этомъ говорить.

Эта неопредѣленность могла возбудить самыя блестящія надежды жениховъ, что, естественно, усиливало спросъ. Справедливость однакожь требуетъ сказать, что онъ, дѣйствительно, думалъ обѣщать хорошее приданое, но это при томъ только условіи, еслибъ подвернулся такой женихъ, которому можно потомъ не добавить, по крайней мѣрѣ, половину обѣщаннаго. Съ этой именно точки зрѣнія онъ и опредѣлялъ качества жениха. Если на его взглядъ это былъ такой, который изъ горла вырветъ и передъ вѣнцомъ шага не сдѣлаетъ до тѣхъ поръ, пока ему все не будетъ выложено на столъ, то цѣна ему была не больше десяти тысячъ, если же это былъ человѣкъ, котораго не трудно было окопачить, то можно было обѣщать и двадцать пять тысячъ. И потому-то, когда ему предложили въ женихи доктора Савицкаго, онъ сразу опредѣлилъ, что ему можно обѣщать двадцать пять тысячъ. Самъ докторъ хотѣлъ двадцать тысячъ, а онъ пятерку прикинулъ на всякій случай, потому что тутъ обѣщаніе, по его взгляду, ровно ничего не значило. Во первыхъ, докторъ Савицкій былъ военнымъ врачомъ на службѣ въ одной изъ внутреннихъ губерній,

а человекъ служащій изъ-за десяти, пятнадцать тысячъ не станеть заводить скандалы со своимъ тестемъ. Во вторыхъ, самъ докторъ Савицкій былъ съ маленькимъ изъясномъ: онъ былъ сыномъ виленскаго портного Соломона философа, а человекъ съ такимъ отцомъ тоже не будетъ особенно требовательнъ. Правда, слово портной, которое должно было связаться съ его именемъ, его немного смущало, ну да вѣдь чтожъ подѣлаешь; и самъ-то онъ былъ не сыномъ раввина.

Вольфзонъ былъ человекомъ очень положительнымъ и всякое дѣло дѣлалъ спокойно, безъ суеты, лишнихъ разговоровъ и говорилъ онъ о немъ только тогда, когда оно было совсѣмъ кончено. Не говори гопъ, пока не перескочишь—это была его обычная поговорка. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, когда онъ чрезъ посредство одного ингороднаго шадхона велъ переговоры съ докторомъ Савицкимъ, у него въ домѣ объ этомъ ровно ничего не было извѣстно. Выяснится дѣловая сторона—тогда можно будетъ сказать, а пока какой смыслъ болтать объ этомъ.

Изъ этого читатель видитъ, что политика, которой Вольфзонъ придерживался въ инцидентѣ съ кражей, имѣла свои вѣскія основанія.

ГЛАВА XIII.

Завѣса начинается приподниматься.

Эстерка, или мадамъ Вольфзонъ, которая въ глубинѣ души терпѣть не могла цивилизацію и всячески ей пакостила, не прочь однако-жъ была пользоваться ея благами. Такъ, напримѣръ, она ровно ничего не имѣла противъ того, чтобы одѣваться по модѣ и быть шикарной дамой. И ея дочери всегда надъ ней подтрунивали; говорили, что она себя воображаетъ шестнадцатилѣтней дѣвочкой. Это, конечно, было преувеличеніемъ, шестнадцатилѣтней дѣвочкой мадамъ Вольфзонъ никогда себя не воображала, но что она полагала, что она еще можетъ заткнуть за поясъ другую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, то это

вѣрно. И поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, когда она бывала въ обществѣ, то о чемъ бы ни шелъ разговоръ, она всегда умѣла свернуть его на рюши, лифы, банты, складочки, схватки и на тому подобныя таинства моды. Это, впрочемъ, не удивительно, потому что ей, откровенно сказать, очень льстило то обстоятельство, что она, Эстерка, бывшая служанка, теперь настоящая дама, которая не только говоритъ на нѣмецкомъ языкѣ (русскій языкъ у нея хромалъ), но и говорить о модахъ.

Желая сдѣлать это обстоятельство по возможности обще-извѣстнымъ, она, естественно, старалась, чтобы объ этомъ знали не только всѣ ея знакомые, но и всѣ тѣ, которые такъ или иначе прикосновенны къ модѣ, какъ наприимѣръ: магазины, портники и такъ далѣе. Если, скажемъ, ей нужно было сдѣлать шерстяное платье, то объ этомъ знали не только всѣ ея знакомые, но и было извѣстно во всѣхъ магазинахъ и мастерскихъ города. Такъ какъ въ добавокъ къ этому у ней еще были двѣ дочери невѣсты, которыхъ тоже слѣдовало одѣвать по модѣ, то эта почтенная дама, въ сущности, тѣмъ только была занята, что съ утра до вечера ходила по магазинамъ, мастерскимъ, рассматривала матеріи, фасоны, модныя картинки и т. д. Если же случалось, что она уставала, или ей нездоровилось, то она посылала дворника въ какой-нибудь магазинъ, приказывала принести товару, ей его приносили, она рассматривала, щупала, прицѣнивалась, а потомъ отпускала приказчицу съ Богомъ. Очень рѣдко случалось, чтобы она покупала. Объ этомъ знали въ магазинахъ, но тѣмъ не менѣе, товаръ ей все-таки тащили, — чѣмъ чортъ ни шутить, вдругъ что-нибудь да купить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ вышеописанныхъ сценъ, въ магазинъ, гдѣ служила Ревекка, пришелъ дворникъ дома Вольфсона и велѣлъ нести прикладъ для шелковаго платья. Хозяинъ, обратившись къ группѣ стоявшихъ у дверей дѣвушекъ, сказалъ: ну чортъ съ ней, снесите ей, пусть пороется, все равно дѣлать нечего. Ревекка, стоявшая тутъ-же, встрепенулась и то-

ропивно сказала, что она понесетъ. Неси ты, — равнодушно сказала хозяйнѣ.

Ревекка положила въ картонку разный товаръ и ушла, но пошла она не прямо къ Вольфзону, а къ себѣ домой, гдѣ приодѣлась, поправила себѣ прическу, а ужъ потомъ пошла по назначенію.

Въ домѣ Вольфзона только что позавтракали, и всѣ еще сидѣли за столомъ. Когда пришла Сарра и сказала, что пришла приказчица съ прикладомъ, то ее велѣли провести въ столовую. Въ столовую вошла высокая стройная брюнетка съ чудными глазами, роскошными волосами, очень прилично одѣтая, съ большой синей картонкой въ рукахъ.

Еслибъ для присутствующихъ появленіе такой дѣвушки было новостью, то имъ, вѣроятно, бросилось бы въ глаза волненіе этой дѣвушки при ея появленіи въ столовой. Въ лицѣ Ревекки положительно не было ни кровинки, но это продолжалось одну только секунду. Она моментально оправилась, и, когда уловила устремленный на нее испуганно недоумѣвающий взглядъ Вольфзона старшаго, то была ужъ совершенно спокойна, сдѣлала общій поклонъ, взяла стулъ, поставила на него свою картонку и стала развязывать шнурки.

Глава дома изъ опасенія, чтобы его не заставили сверхъ мѣты раскошелиться, заблагоразсудилъ немедленно же удалиться. Младшему сыну куда-то нужно было, и онъ тоже ушелъ. Барышни и мадамъ, какъ угорѣлыя, бросились къ картонкѣ. За столомъ ни живъ, ни мертвъ остался сидѣть только Вольфзонъ—старшій, который всячески старался встрѣтиться взглядомъ съ Ревеккой. Но та его ужъ больше не замѣчала, она была занята своимъ дѣломъ: она вынимала, развертывала и показывала свои товары.

Барышни при нѣкоторыхъ новинкахъ визжали отъ восторга, а при другихъ строили гримасы, мадамъ довольно странно распространялась о складкахъ, схваткахъ, стеклярускахъ, пуговицахъ, словомъ все шло такъ, какъ обыкновенно идутъ такія дѣла. Впрочемъ, на этотъ разъ Ревеккѣ посчаст-

ливилось, дѣло не ограничилось одними разговорами, ей дали торговать на цѣлую красненькую, и она ужъ стала укладывать свой товаръ обратно въ картонку. Въ то время, когда она свертывала широкую ленту, кисть приподнятой руки немного оголилась, и на ней явственно со всѣми мельчайшими подробностями обрисовался подаренный Вольфзономъ—старшимъ браслетъ.

Авторъ, положе руку на сердце, не можетъ сказать, былъ-ли это заранѣе рассчитанный маневръ, или произошло совершенно случайно. Житейская опытность говорить ему, что въ этихъ случаяхъ нужно быть очень осторожнымъ для того, чтобы дѣлать какія бы то ни было заключенія. Не разъ ему приходилось убѣждаться, что самые, повидимому, гениальные, строго обдуманые планы, которые возбуждали восторгъ и удивленіе — на дѣлѣ оказывались простыми случайностями. Какъ бы тамъ ни было, но грѣхъ случился, и одна изъ барышень скользнула по браслету своими глазами и у ней невольно вырвался возгласъ: смотри, мама, точь въ точь мой браслетъ.

— Дѣйствительно,—въ одинъ голосъ воскликнули маменька и сестрица, многозначительно между собою переглядываясь: — точь въ точь. Вотъ странность!

— А вы полагаете, что только одинъ такой браслетъ, какъ у васъ, и есть на свѣтѣ?—счелъ нужнымъ, съ искривленной улыбкой, вставить Вольфзонъ старшій.

Ревекка, какъ ни въ чемъ не бывало, не обращая вниманія на это замѣчаніе, продолжала складывать въ картонку свой товаръ и ее, повидимому, это вовсе не интересовало.

— Сколько вашъ браслетъ вамъ стоитъ?—полюбопытствовала узнать мадамъ.

— Не могу вамъ сказать сколько онъ стоитъ, мнѣ его подарил.

— Давно?

— Нѣтъ очень недавно, всего нѣсколько дней тому назадъ.

— Не можетъ быть! — воскликнули барышни въ одинъ голосъ.

— А что?—удивилась Ревекка.

— Да вѣдь какъ же, нѣсколько дней тому назадъ у насъ была совершена кража, пропали два браслета и двѣ пары серегъ.

— Ну, что вы понапрасну задерживаете дѣвушку,—всталъ съ своего мѣста Вольфзонъ старшій.—Для чего и къ чему этой дѣвушкѣ знать, что и когда у васъ пропало?

— Да тебѣ-то что?—огрызнулись на него барышни:—а вотъ мы нарочно посмотримъ браслетъ. Будьте добры,—обратились онѣ къ Ревеккѣ,—покажите намъ свой браслетъ.

Ревекка, молча, сняла свой браслетъ и подала его дѣвушкамъ, и не успѣли онѣ взглянуть на внутреннюю сторону, какъ въ одинъ голосъ закричали: нашъ браслетъ, нашъ, вотъ надпись—и съ браслетомъ въ рукахъ стремглавъ бросились къ отцу въ кабинетъ.

Трудно описать, что въ этотъ моментъ сдѣлалось съ Вольфзономъ старшимъ. Онъ совершенно растерялся и, инстинктивно предчувствуя, что на него надвигается гроза, заблагодарасудилъ немедленно же до приказа отца улетучиться. Мадамъ тоже сильно растерялась и съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ смотрѣла на Ревекку, которая держала себя такъ, какъ будто это ея вовсе не касалось.

Черезъ минуту въ столовую, съ браслетомъ въ рукѣ, вошелъ глава дома. Онъ былъ совершенно спокоенъ, и на его губахъ играла добродушная улыбка. Онъ подошелъ къ Ревеккѣ, которая уже успѣла уложить въ картонку свой товаръ и только ждала возвращенія браслета, и, вручая ей браслетъ, сказалъ:

— Дѣйствительно странно. У насъ на дняхъ пропали два браслета, одинъ изъ которыхъ совершенно такой-же, какъ вашъ и даже надпись такая-же. И вы, сударыня, конечно, скажете, кто вамъ подарилъ его. Ни васъ, ни того, кто вамъ подарилъ его, это конечно, касаться не можетъ, но вѣдь очень легко можетъ случиться, что такимъ образомъ доберемся и до вора.

Ревекка сильно покраснѣла, потупила глаза и тихо произнесла:

— Я вамъ это скажу, но только попросила бы васъ выслушать меня наединѣ.

— О, сдѣлайте одолженіе, — любезно проговорилъ Вольфзонъ, — пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

ГЛАВА XIV.

Еще одно дипломатическое объясненіе.

Когда Вольфзонъ съ хорошенькой Ревеккой очутился въ кабинетѣ, онъ, какъ элегантный кавалеръ, послѣвшиль придвинуть ей мягкое кресло, и самъ усѣвшись и закуривъ папиросу, протяжно произнесъ:

— Ну-съ, барышня, рассказывайте.

— Вы меня, господинъ Вольфзонъ, простите, — начала Ревекка, — если я своимъ рассказомъ причиню вамъ огорченіе.

— Огорченіе, — пожалъ Вольфзонъ плечами, — вы думаете, что, если у меня пропадетъ на тысячу рублей вещей, то я изъ за этого буду убиваться. Повѣрьте, что у меня еще кое-что останется. Все, что вы мнѣ ни скажете, останется между нами.

— Это, видите-ли, длинная исторія, — запинаясь и краснѣя, начала дѣвушка.

— Ничего, у меня время есть; я васъ выслушаю.

Ревекка, со слезами на глазахъ, начала рассказывать исторію своей любви. Она все рассказала и ничего не утаила.

Вольфзонъ не произносилъ ни одного звука, а только усиленно дымилъ папиросой. Молчалъ онъ и теперь, когда ова кончила и, опустивъ голову внизъ и закрывъ себѣ лицо руками, тихо всхлипывала. Минуты двѣ продолжалось это тягостное для обоихъ молчаніе. Наконецъ, онъ прервалъ его возгласомъ: «дрянной мальчишка» и, быстро вскочивъ на ноги, нѣсколько разъ прошелся по кабинету, а потомъ

круто остановился передъ дѣвушкой, съ раздраженіемъ и нервной дрожью въ голосѣ отрывочно сталъ говорить:

— И вы тоже хороши. Что вы—десятилѣтняя дѣвочка, не знаете, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Первый попавшійся мальчишка началъ вамъ молотъ вздоръ о женитьбѣ, а вы и уши развѣсили. Ну, вотъ и заварили кашу, теперь расхлебывайте ее! Я то тутъ при чемъ?

И онъ опять нервно заходилъ по кабинету.

— Онъ вашъ сынъ, вы его отецъ, — тихо проговорила дѣвушка.

— Ну такъ чтожъ что я отецъ; развѣ я могу ходить за нимъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ. Я ничего для васъ не могу сдѣлать, вы сами виноваты.

— Но вы войдите въ мое положеніе.

— Голубушка, на бѣломъ свѣтѣ есть столько скверныхъ положеній, что еслибъ захотѣтъ входить во всѣ эти положенія, то самъ очутишься въ наисквернѣйшемъ. Каждый долженъ о себѣ заботиться, на то человѣку и умъ данъ.

— Вотъ поэтому-то, господинъ Вольфзонъ, я о себѣ и позаботилась, — твердо проговорила дѣвушка.

— Что, что вы сказали? — круто остановился Вольфзонъ: — вы о себѣ позаботились, ну и прекрасно. Очень радъ. Но я то тутъ причемъ?

— Видите-ли, господинъ Вольфзонъ, — сквозь слезы улыбнулась Ревекка, — вы меня несовсѣмъ поняли, я не такъ выразилась. Я хочу сказать, что если у вашего сына хватить совѣсти обманутую дѣвушку, въ моемъ положеніи, бросить на произволь судьбы, то я сумѣю заставить его исполнить свой долгъ.

Вольфзонъ пристально посмотрѣлъ на дѣвушку, а потомъ съ искривленной улыбкой проговорилъ:

— Чтожъ, это ваше дѣло, только простите, я не вижу, какъ это вы можете сдѣлать.

— Для этого есть судъ, — твердо проговорила дѣвушка.

— Судъ?

— Чтожъ васъ, господинъ Вольфзонъ, удивляетъ? Вѣдь если у васъ возьмутъ тысячу рублей и не отдадутъ ихъ, вы не стѣсняясь подадите въ судъ, а у меня обманомъ взяли всю жизнь, и вы ходите, чтобы я это такъ оставила.

— Да, но вѣдь судъ на слово не повѣритъ, онъ потребуетъ доказательствъ, а какія тутъ могутъ быть доказательства?

— Доказательства есть и они будутъ представлены,—ясно и отчетливо выговорила дѣвушка.

— У васъ есть доказательства? Покажите ка ихъ — любопытно взглянуть, какія тамъ у васъ могутъ быть доказательства.

— Вы, господинъ Вольфзонъ, сами сказали, что я не десятилѣтняя дѣвочка,—слабо улыбнулась Ревекка,—какъ-же вы хотите, чтобы я сдѣлала такую глупость, дала бы вамъ въ руки свои доказательства. Но могу васъ увѣрить, что у меня имѣется его карточка, гдѣ онъ прямо называетъ меня своей невѣстой. Имѣются еще и свидѣтельскія показанія; словомъ, для суда не останется ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что я имъ обманута.

— Ахъ, онъ болванъ этакій, ахъ онъ дуракъ! — быстро забѣгаль Вольфзонъ по кабинету:—ахъ онъ дрянной мальчишка!—Потомъ, немного успокоившись, онъ остановился передъ Ревеккой и совершенно другимъ тономъ произнесъ:

— Однакожъ, барышня, вы птичка!

— Нельзя господинъ Вольфзонъ,—улыбнулась Ревекка,—каждый долженъ заботиться о себѣ.

— Да, да — подсѣлъ къ ней Вольфзонъ,—но я действительно не понимаю, что вы такъ за нимъ гонитесь? Вы такая красавица — губа у него, подлеца, не дура — что въ немъ толку? Ну, что вы съ нимъ дуракомъ станете дѣлать? Я бы на вашемъ мѣстѣ просто плюнулъ на него. Развѣ такая красавица, какъ вы, не найдете жениховъ, въ особенности если бы у васъ было маленькое приданое? И откровенно вамъ сказать, жалѣя васъ и входя въ ваше положенiе, я бы

вамъ даже помочь. Я вѣдь самъ отецъ, имѣю дочерей, понимаю положеніе. И вотъ что я вамъ скажу: въ тотъ день, когда вы доставите мнѣ его карточку съ надписью, вы получите пятьсотъ рублей, и покончимъ съ этимъ.

— Никогда,—сверкнувъ глазами, быстро вскочила на ноги Ревекка.—Я не изъ тѣхъ, которыя продаются.

— Ну, тысячу рублей,—тѣмъ-же тономъ произнесъ Вольфзонъ, не обращая вниманія на вспышку Ревекки.

— Если бы вы мнѣ предложили миллионъ, и то я бы не взяла. Мнѣ нужны не ваши деньги, а онъ мнѣ нуженъ,—твердо произнесла Ревекка.

Нѣсколько секундъ Вольфзонъ молча пристально смотрѣлъ на дѣвушку, а потомъ указавъ ей рукою на кресло и сказалъ:

— Сядьте, барышня, успокойтесь, горячиться незачѣмъ.

Ревекка сѣла.

— Вы знаете, барышня, что вы мнѣ начинаете нравиться.

— Благодарю васъ,—улыбнулась Ревекка.

— Мнѣ въ васъ нравится именно то,—продолжалъ Вольфзонъ, тоже опускаясь на свое мѣсто,—что вы дорожите своимъ счастьемъ, хотя можетъ быть и ошибочнымъ, и готовы постоять за него грудью. Мнѣ такіе люди нравятся. Мнѣ кажется, что люди только потому бываютъ несчастливы, что они не дорожатъ своимъ счастьемъ и, въ случаѣ надобности, не умѣютъ постоять за него; у нихъ для этого смѣлости не хватаетъ. Я увѣренъ, что вы въ жизни не пропадете. И знаете-ли, что я вамъ еще скажу?—Что для моего безпутнаго мальчишки именно и нужна такая жена, какъ вы. Вы сумѣете его взнудать и насильно сдѣлать человекомъ.

Ревекка молча поклонилась.

— Только уговоръ лучше денегъ. Вы, можетъ быть, рассчитываете на состояніе, думаете, что я ему дамъ большое приданое?—на это вы не должны рассчитывать.

— Простите за нескромный вопросъ, вы сами много взяли приданаго?

— Шесть рублей сорокъ пять копѣекъ,—улыбнулся Вольфзонъ.

— Однакожъ вы женились, Такъ вотъ и я, выходя замужъ за вашего сына, рассчитываю не на ваше приданое, а на себя и на Бога. Если Богъ захочетъ, онъ можетъ мнѣ дать гораздо больше, чѣмъ можете дать мнѣ вы.

— Барышня, вы не только красавица, но и большая умница и мы съ вами, несомнѣнно, сойдемся. Только безъ жениха все-таки нельзя справлять свадьбу и поэтому прежде, чѣмъ мы съ вами покончимъ, вы отлично понимаете, что мнѣ нужно поговорить съ нимъ. И если все, обстоитъ такъ, какъ вы говорите, то дѣлать нечего, будемъ справлять свадьбу.

Н. Пружанскій.

По промышленной чертѣ осѣдлости.

Путевые наброски техника.

(Продолженіе ¹⁾).

У. Лѣсопильные заводы, столярная, мебельная и токарная мастерскія въ Бѣлостоку.

Лѣсопильный заводъ 3. Ручныя лѣсопильни. Отсутствие на лѣсопильныхъ заводахъ евреевъ-рабочихъ. Причины этого. Изготовление ручныхъ ткацкихъ станковъ. Плотники-бѣлодеревцы. Столяры-мебельщики. Появленіе въ столярномъ дѣлѣ мелкихъ двигателей и машинъ и оригинальная форма эксплуатаціи послѣднихъ. Токарныя мастерскія. Рабочіе въ столярныхъ, мебельныхъ и токарныхъ мастерскихъ. Безработица. Ученичество и своеобразная общественная форма профессиональнаго обученія. Условія жизни рабочихъ. Ихъ жажда образованія. Жилища бѣлостокскаго рабочаго населенія.

Чѣмъ шире передъ глазами обозрѣвателя развертывается картина положенія въ Бѣлостоку еврейскаго народнаго труда, тѣмъ все больше и больше приходится убѣждаться, что здѣсь сфера примѣненія силъ еврейскаго рабочаго населенія—крайне узка и ограничена. Въ вышеописанномъ мы видѣли, что еврей-рабочіе, вслѣдствіе рокового для нихъ стеченія обстоятельствъ—совершенно отстранены отъ тѣхъ производствъ, гдѣ примѣняются машины, приводимыя въ дѣйствіе механическими двигателями. Въ упомянутыхъ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и металловъ—на нихъ долю выпалъ лишь ручной трудъ. Они значительно преобладаютъ тамъ, гдѣ ремесло не вышло еще изъ своей первоначальной стадіи ручной обработки. Но какъ только ручной трудъ, без-

---

¹⁾ См. „Кн. Восх.“ № 6.

сильный въ борьбѣ съ своимъ могучимъ соперникомъ—машиннымъ производствомъ, вынужденъ уступить послѣднему дорогу—цѣлые кадры еврейскихъ тружениковъ безпощадно выбрасываются на улицу, лишенные возможности примѣнять пріобрѣтенную ими опытность. Передо мною живо проносятся образы еврейскихъ рабочихъ, образы, полные необычайнаго трагизма. Съ одной стороны, необходимость ютиться въ скученныхъ городахъ бѣдной и промышленно отсталой «черты осѣдлости», необходимость ожесточенно вырывать другъ у друга кусокъ хлѣба тутъ же на мѣстѣ, не смѣя перейти въ село или за «черту», въ Россію, или за границу въ Пруссію, а съ другой—отсутствіе возможности проникнуть въ тѣ мѣстныя крупныя промышленныя предпріятія, которыя, воспользовавшись успѣхами техники и работая на дальніе рынки, могли бы въ значительной степени занять рабочія руки, оставшіяся по тѣмъ или другимъ причинамъ безъ работы.

«Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и въ Бѣлостокѣ не будетъ еврейскихъ ткачей», говорилъ мнѣ съ глубокой грустью ручной ткачъ: «до кризиса послѣднихъ лѣтъ было пріобрѣтено въ Бѣлостокѣ за 2—3 года до 100 механическихъ ткацкихъ станковъ, а теперь столько же пріобрѣтено лишь за нѣсколько мѣсяцевъ. Прежде механическіе ткацкіе станки пріобрѣтались лишь болѣе крупными фабрикантами, а теперь они закупаются бѣдными лонкетниками ¹⁾. Но намъ отъ этого не легче. Наоборотъ, прежде у лонкетниковъ работали еврейскіе ткачи, а послѣ введенія механическихъ ткацкихъ станковъ они будутъ замѣнены неевреями. Куда же намъ дѣваться?»

«Куда?» Я не находилъ отвѣта. Но жизнь его уже подготовила. Эти еврейскіе ремесленники, вытѣсненные машинами и не принимаемые даже на принадлежащія евреямъ фабрики и заводы, будутъ, конечно, безпорядочно, стихійно эмигрировать, вѣчно обращаться къ мѣстной благотворительности, ютиться въ зловонныхъ рвахъ (какъ напр. въ Гомелѣ) и составлять ту кипящую полуголодную еврейскую массу, которой такъ полны города черты осѣдлости, и вслѣдствіе существованія ко-

¹⁾ Ставки эти пріобрѣтаются съ разсрочкой платежа въ теченіе 2—3 лѣтъ.

торой всё истинно отзывчивые еврейскіе общественные дѣятели незамѣтно для себя ушли въ бесплодную и безсильную благотворительность. А рядомъ съ этимъ еврейскіе капиталы, еврейская предпріимчивость и энергія дѣлаютъ тамъ далеко, за предѣлами «черты», свою творческую работу... Тамъ, за предѣлами этого края, возникаютъ фабрики, оживляется промышленность, и туда направляются техническія знанія въ лицѣ еврейскихъ инженерновъ и техниковъ.

Но познакомимся съ положеніемъ въ Бѣлостокѣ еврейскаго населенія, занятаго въ производствахъ по обработкѣ дерева. Въ Бѣлостокѣ это производство сравнительно менѣе развито. Здѣсь находится въ дѣйствиі паровой лѣсопильный заводъ З., нѣсколько ручныхъ лѣсопилень и мастерскія столяровъ, плотниковъ и токарей. Другихъ деревообдѣлочныхъ производствъ, какъ-то: пробочныхъ фабрикъ, спичечныхъ, фанерочныхъ (изготавливающихъ тонкія дощечки для разныхъ цѣлей), шпилечныхъ, т. е. фабрикующихъ сапожные деревянные гвозди, и другихъ здѣсь совершенно нѣтъ. Подобныя фабрики сильно развиты въ Минской губ., и съ точки зрѣнія примѣненія на нихъ труда еврейскихъ рабочихъ—особенно интересны деревообдѣлочные фабрики г. Пинска. Но къ этому городу мы вернемся впоследствии.

Какъ извѣстно, лѣсопильные заводы устраиваются на берегу сплавныхъ рѣкъ. Такъ, въ Гроднѣ, Брестѣ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, расположенныхъ по водянымъ системамъ, лѣсъ изъ Гродненской губ. сплавляется въ г.г. Данцигъ и Мемель, служащіе рынками для заграничной торговли лѣсомъ. Отсутствие же сплавной рѣки въ Бѣлостокѣ является причиной неразвита въ этомъ крупномъ промышленномъ центрѣ лѣсопильнаго дѣла. Потребность въ доскахъ въ Бѣлостокѣ, насчитывающемъ до 354 фабрикъ и заводовъ съ годовымъ оборотомъ свыше 10 мил. руб., далеко не удовлетворяется существующимъ уже 15 лѣтъ упомянутымъ лѣсопильнымъ заводомъ г. З. И, понятно, Бѣлостокъ получаетъ доски изъ Гродны, Бреста, мѣстечка Василькова и другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ пунктовъ. Лѣсопильный заводъ З. дѣлаетъ до 250 тыс. годоваго оборота; механическая сила, необходимая для приведенія въ дѣйствиі лѣсопильныхъ станковъ, другихъ

вспомогательныхъ машинъ и для электрическаго освѣщенія доставляется паровой машиной въ 40 лошади. силъ. Распиливаемые бревна доставляются на заводъ на лошадяхъ и по желѣзной дорогѣ изъ собственнаго лѣса. При заводѣ устроена небольшая слесарная мастерская, занятая ремонтомъ машинъ, принадлежащихъ заводу.

Рубкой лѣса заняты рабочіе, получающіе 75 коп. въ день. Чернорабочіе же, таскающіе бревна и доски и складывающіе ихъ въ штабели, наблюдающіе за дѣйствіемъ лѣсопильных станковъ—получаютъ 50—65 коп. въ день. На заводѣ занято около 40 рабочихъ, 20 конторщиковъ и надсмотрщиковъ. Дѣло это, связанное въ значительной степени съ спекуляціей на лѣсѣ, весьма выгодно.

Рабочіе на лѣсопильныхъ заводахъ не нуждаются въ какой-либо профессиональной подготовкѣ. Большинство изъ нихъ—чернорабочіе. Вся ихъ работа состоитъ въ уходѣ за станками, въ перетаскиваніи и складываніи досокъ въ такъ назыв. штабели, въ перевозкѣ ихъ и т. д., а также въ рубкѣ деревьевъ въ лѣсу. Трудъ этотъ требуетъ лишь здоровыхъ мускуловъ, и заработная плата на лѣсопильныхъ заводахъ—въ большинствѣ случаевъ рыночная цѣна чернорабочихъ въ данной мѣстности.

Значительное количество лѣса распиливается также ручнымъ способомъ въ лѣсопильныхъ, не имѣющихъ механическихъ двигателей и лѣсопильныхъ станковъ. Такихъ лѣсопиленъ особенно много въ мѣстечкѣ Васильковѣ, расположенномъ въ 7 вер. отъ Бѣлостока. Здѣсь бѣдные еврей-предприниматели закупаютъ въ мѣстахъ рубки лѣса худшіе сорта бревенъ и распиливаютъ ихъ посредствомъ ручныхъ пилъ. Въ то время, какъ лучшіе сорта дерева сплавляются въ Данцигъ по рѣкамъ Супрасли, Нареву, Бугу и Вислѣ, доски, полученныя при распиловкѣ плохихъ сортовъ, продаются въ Бѣлостокѣ. Распиливаніемъ бревенъ заняты чернорабочіе, среди которыхъ встрѣчаются также евреи. Въ день они получаютъ не выше 50 к. Хозяева этихъ ручныхъ лѣсопиленъ—бѣдняки, постоянно нуждающіеся въ необходимыхъ средствахъ и едва сводящіе концы съ концами.

И въ этой отрасли промышленности такъ же, какъ и въ другихъ видахъ фабрично-заводскаго труда въ Бѣлостокѣ—евреи

заняты лишь ручными работами. Я ихъ не встрѣчалъ за работами у двигателей и машинъ. *На лесопильномъ заводе 3. ихъ совершенно нѣтъ. Нѣтъ ихъ также на другихъ лесопильныхъ заводахъ Гродненской губ.* (напр. въ Гроднѣ, Брестѣ и др.)

Это отсутствіе еврейскихъ рабочихъ мнѣ объясняли нерасположеніемъ послѣднихъ къ тяжелому физическому труду (старыя антисемитскія сказки, повторяемыя устами благочестивыхъ евреевъ!). Лучшимъ опроверженіемъ этого ни на чемъ не основаннаго мнѣнія могло бы, конечно, служить посѣщеніе, напр., г. Пинска. Здѣсь сотни евреевъ-чернорабочихъ заняты на мѣстномъ крупномъ лесопильномъ заводѣ г.г. Лурье и на берегу нагрузкой и разгрузкой прибывающихъ и уходящихъ пароходовъ, баржъ и плотовъ. Да развѣ трудъ ручныхъ ткачей въ самомъ Бѣлостокѣ легче, нежели тасканіе бревенъ?

Правда, среди еврейскихъ рабочихъ попадаетея значительное количество болѣе или менѣе интеллигентныхъ, которыхъ не привлекаетъ грубая физическая работа. Немало однако среди нихъ и такихъ, которымъ незамысловатая мускульная работа больше по душѣ, нежели какая-либо другая, требующая извѣстной вдумчивости и нѣкотораго умственного напряженія.

Ближе къ истинѣ было бы, еслибъ мы искали причину отсутствія евреевъ-рабочихъ на лесопильныхъ заводахъ Гродн. губ. 1) въ низкой заработной платѣ и 2) въ нежеланіи владѣльцевъ-евреевъ принимать своихъ единовѣрцевъ въ качествѣ рабочихъ. Мы видѣли выше, что заработная плата бѣлостокскихъ ткачей и ремесленниковъ, какъ представителей труда, требующаго извѣстной профессиональной подготовки, значительно выше 3-хъ рублей въ нед. (обыкновенный заработокъ чернорабочаго). И не мудрено, что всякій, имѣющій малѣйшую возможность сдѣлаться профессионалистомъ, избѣгаетъ труда чернорабочаго. Но немало такихъ, которые рады были бы и этому минимальному заработку взрослого мужчины.

Но имъ не легко найти себѣ работу: къ антагонизму, естественно возникающему на почвѣ классовыхъ интересовъ между предпринимателями и рабочими, примѣшивается особое недовольство еврейскими рабочими. Ихъ болѣе интеллигентность, болѣе сознаніе своего человѣческаго достоинства, а вслѣдствіе этого и болѣе требовательность въ отношеніи

вознагражденія за трудъ, а главнымъ образомъ успѣхъ среди нихъ рабочаго движенія побуждаютъ бѣлостокскихъ предпринимателей предпочитать рабочихъ другихъ національностей, менѣе требовательныхъ и болѣе спокойныхъ. Не малую роль въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ производствахъ, играетъ празднованіе еврейскими рабочими субботы.

Распространеніе въ Бѣлостокѣ и его районѣ ручного ткачества вызвало большой спросъ на столяровъ, которые могли бы изготовлять ручные ткацкіе станки. Среди бѣлостокскихъ столяровъ эта спеціальность имѣла большое распространеніе. Но это было прежде. Теперь же, вслѣдствіе вытѣсненія ручного ткачества механическимъ—многія фабрики и даже мелкія ткацкія заведенія замѣняютъ деревянные ручные станки механическими, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаются заработка тѣ изъ столяровъ, которые спеціализировались на этомъ производствѣ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохранилось еще ручное ткачество, эти столяры вырабатываютъ въ нед. до 10 руб. Они работаютъ вмѣстѣ съ подмастерьемъ и ученикомъ въ мастерскихъ, совершенно лишенныхъ какихъ-либо машинъ. Орудія ихъ работы—простые ручные инструменты. Въ мѣстечкѣ Городкѣ, напр., гдѣ еще находится въ дѣйствиіи много ручныхъ ткацкихъ—столяры эти пользуются сравнительнымъ достаткомъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ собственные домишки, и во всей ихъ обстановкѣ не чувствуется нужды. Но такихъ немного. Кризисъ послѣднихъ лѣтъ не пощадилъ большинства столяровъ, и многіе изъ нихъ въ послѣднее время совершенно лишились работы.

До кризиса, въ Бѣлостокѣ строилось много фабрикъ и вообще зданій. При этомъ вся такъ называется *бѣлая* столярная работа, т. е. изготовленіе рамъ, дверей, оконныхъ переплетовъ, лѣстницъ и т. п., выпадала на долю бѣлостокскихъ плотниковъ. Понятно, что заработокъ ихъ лѣтомъ былъ значительно выше, нежели зимой. Теперь же въ виду затишья въ постройкахъ, вызваннаго кризисомъ, огромное количество плотниковъ осталось безъ работы.

Вмѣстѣ съ столярами, изготовляющими разную мебель, ихъ насчитываютъ въ Бѣлостокѣ до 400 человекъ. Лучшія мастерскія, хотя въ общемъ далеко неудовлетворительныя, принадле-

жать мастерамъ, изготовляющимъ мебель. Мастерскія же плотниковъ представляютъ собой въ большинствѣ случаевъ грязныя низкія комнаты—часть жилья хозяевъ—съ 1 или 2 верстаками. Въ нихъ работаетъ самъ хозяинъ съ подмастерьемъ и ученикомъ. Лѣтомъ работы нерѣдко выполняются на самой постройкѣ. Кромѣ верстаковъ и нѣсколькихъ рубанковъ—въ мастерскихъ нѣтъ никакихъ станковъ или инструментовъ.

Мастера, т. е. владѣльцы мастерскихъ, зарабатываютъ лѣтомъ до 8 руб. въ нед., зимой же—не выше 6 руб. Подмастерья же—не выше 5—6 руб. въ нед. Таковъ заработокъ во время существованія постоянной работы. Нерѣдки однако періоды безработицы. Тогда мастера распускаютъ своихъ подмастерьевъ и работа временно приостанавливается. Вслѣдствіе этого средній недѣльный заработокъ, какъ мастера, такъ и подмастерья—значительно ниже.

Эти плотники-бѣлодеревцы постоянно жалуются на отсутствіе заказовъ и на существующую въ ихъ средѣ конкуренцію. Заработокъ въ 8 руб. въ нед., перепадая имъ въ тѣ рѣдкіе счастливые моменты, когда они имѣютъ работу—не въ состояніи прокормить ихъ многочисленныхъ семей. Тутъ же въ мастерскихъ, занимающихъ часть жилья, валяются грязныя и блѣдныя дѣтишки, а въ кухнѣ возится со стряпней „хозяйка“. Эти женщины съ блѣдными, малокровными лицами внушаютъ къ себѣ безконечную жалость. Грязныя, оборванныя, небрежно одѣтыя, онѣ и въ молодыхъ лѣтахъ выглядятъ поблекшими старухами. Въ ихъ манерѣ говорить, въ нервныхъ движеніяхъ, въ наболѣвшихъ надтреснутыхъ ноткахъ ихъ голоса, когда онѣ жалуются на отсутствіе заработковъ у мужей—невольнo чувствуется, что жизнь ихъ полна горя и нужды, что ихъ доля хранительницы счастья семейнаго очага—далеко не изъ легкихъ.

Плотники-бѣлодеревцы находятся въ полной зависимости отъ построекъ зданій: нѣтъ послѣднихъ, — и они лишаются работы. Въ періоды безработицы они дѣлаютъ попытки выполнять для продажи всякія столярныя работы: предметы простой домашней мебели (табуретки, скамьи, простые стулья, и т. п.). Но для этого нужны средства, нужно имѣть небольшой оборотный капиталъ для закупки матеріала и уплаты рабочимъ. А какихъ-либо запасныхъ средствъ у этихъ бѣдняковъ-хозяевъ со-

вершенно нѣтъ. Неоцѣнимую услугу въ этомъ отношеніи имъ могутъ оказывать учрежденія мелкаго кредита, какъ напр. ссудо-сберегательныя товарищества. Правда, легко доступный кредитъ только незначительно улучшить ихъ экономическое положеніе, такъ какъ хорошую мебель (какъ напр. письменные столы, шкафы, буфеты и т. п.) они не въ состояніи сдѣлать: они вѣдь учились работать исключительно на грубой, на плотничьей работѣ.

Не менѣе плачевно также положеніе столяровъ, занятыхъ изготовленіемъ мебели. Большинство изъ нихъ страдаетъ отъ отсутствія заказовъ и безпоощадной конкуренціи варшавскихъ и виленскихъ фабрикъ. Въ Бѣлостокѣ средній зажиточный классъ покупаетъ варшавскую мебель. Менѣе зажиточные, но желающіе все-таки имѣть приличный и недорогой буфетъ, письменный столъ, шкафъ, коммодъ и т. п., заказываютъ эту мебель у лучшихъ мѣстныхъ мастеровъ: Ф. и Р. Но и эти послѣдніе сильно жалуются на конкуренцію фабричной мебели.

А между тѣмъ мастерскія ихъ оборудованы сравнительно недурно. У Ф. напр. въ довольно большой, свѣтлой и высокой мастерской работаетъ керосиновый двигатель въ 4 лошадиныхъ силы, приводящій въ дѣйствіе быстро-вращающуюся круглую пилу и 2 фреверныя машины (для вырѣзыванія разнообразныхъ профилей карнизовъ). Кромѣ упомянутыхъ машинъ, мастерская располагаетъ 5 верстаками, прессами и другими нужными инструментами. Дерево сушится тутъ же въ мастерской на особыхъ полатяхъ.

Въ этой мастерской работаетъ 9 человекъ, изъ которыхъ 5 евреевъ и 4 христіанина. Подмастерья, какъ въ этой мастерской, такъ и въ другихъ, подобныхъ ей, начали изучать свое ремесло въ качествѣ учениковъ, отданныхъ къ хозяину на выучку на 3—4 года. Самъ хозяинъ Ф.—одинъ изъ талантливейшихъ столяровъ въ Бѣлостокѣ. Онъ изготовляетъ болѣе дорогую, изящную мебель и самъ составляетъ карандашемъ нужные ему рисунки. Онъ бываетъ часто въ Варшавѣ, ему приходится видѣть тамъ мебельныя фабрики, и это обстоятельство въ значительной степени отразилось на организациіи его мастерской. Изъ всѣхъ бѣлостокскихъ столяровъ у него одного есть двигатель и ма-

шины, и это свое преимущество онъ эксплуатировалъ въ чрезвычайно оригинальной для еврейскихъ ремесленниковъ формѣ.

Фрезерныя машины и двигатель онъ поставилъ въ своей мастерской лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это открывало ему возможность стоять внѣ конкуренціи по отношенію къ своимъ коллегамъ по ремеслу. Возможность быстро и хорошо выполнять разнообразныя профили въ карнизахъ для рамъ, въ лучшихъ сортахъ мебели и т. п. создала ему очень выгодную клиентуру: онъ началъ получать много хорошихъ заказовъ. Это побудило его конкурентовъ изготовлять свои карнизы также на фрезерныхъ машинахъ, но, такъ какъ послѣднихъ у нихъ не было, то они эти работы поручали своему коллегѣ—Ф. Положеніе его, единственнаго владѣльца машинъ, оказалось для него весьма выгоднымъ; онъ имѣлъ возможность диктовать своимъ товарищамъ по ремеслу свои условія. Вслѣдствіе этого одинъ изъ столяровъ предложилъ своимъ товарищамъ такую комбинацію: онъ приобрѣтетъ машину и будетъ выполнять для нихъ работы дешевле, нежели Ф; за это они всѣ *обязаны* заказывать фрезерныя работы у него. Предложеніе это было принято, заказы столяровъ перешли къ новому владѣльцу фрезернаго станка. Но это положеніе продолжалось недолго. Тотчасъ же Ф. понизилъ цѣну за работы на своихъ машинахъ, чѣмъ снова залучилъ къ себѣ своихъ старыхъ клиентов—коллегъ. Въ тотъ годъ эти фрезерныя машины принесли ему до 300 руб. дохода. Изъ этой борьбы вышелъ побѣдителемъ Ф. Конкурентъ его продалъ свой керосиновый двигатель, который былъ приобрѣтенъ съ разсрочкой платежа въ чаяніи выгодныхъ заказовъ. Увидя себя снова внѣ конкуренціи, Ф. снова повысилъ цѣну за работы.

Мастерская Ф. работаетъ исключительно на заказъ дубовую и орѣховую мебель: коммоды, буфеты, письменныя столы и т. д. Но на ряду съ ней существуетъ въ Вѣлостокѣ другая мастерская Р. съ такимъ же приблизительно числомъ рабочихъ, но работающая для собственнаго мебельнаго магазина. Здѣсь производятся обойныя работы, зеркала, шкафы, коммоды и всякая дубовая и орѣховая мебель. Она продается въ Гроднѣ, Осовцѣ и въ самомъ Вѣлостокѣ. Матеріалъ закупается въ складахъ дерева, на лѣсопильномъ заводѣ З. и въ Варшавѣ. Большинство рабочихъ—евреи.

Мастерская значительно хуже оборудована, нежели предыдущая. Мелкаго двигателя нѣтъ, и вся работа производится въ тѣсной, темной и низкой мастерской, заваленной производящейся мебелью и матеріаломъ.

Рабочіе въ мебельныхъ мастерскихъ заняты отъ 8 утра до 8 вечера зимой, отъ 7 до 7 лѣтомъ при $1\frac{1}{2}$ часовомъ перерывѣ на обѣдъ и завтракъ. Высшій заработокъ подмастерьевъ не достигаетъ 7 руб. 50 коп. въ недѣлю. Наиболѣе часто встрѣчающаяся заработная плата вполне самостоятельнаго подмастерья— 6 руб. въ недѣлю, но нерѣдко они получаютъ и 3—4 руб. въ недѣлю. Расчетъ ведется либо поденно, либо сдѣльно. Первое чаще: изъ 6 рабочихъ Р.—лишь 2 получали сдѣльно.

Необходимыя токарныя работы, какъ напр. ножки столовъ, стульевъ и проч., столяры-мебельщики заказываютъ у токарей. Послѣднихъ насчитываютъ въ Бѣлостокѣ до 50 человекъ, изъ которыхъ самостоятельныхъ мастеровъ не больше 20. Въ каждой мастерской въ среднемъ работаетъ 2—3 человекъ: 1 или 2 подмастерья и мальчикъ. Помимо 2—3 ножныхъ токарныхъ станковъ нѣтъ никакихъ машинъ. Въ этихъ мастерскихъ точатся также катушки для сновалентъ, употребляемыхъ при ткацествѣ.

Ручная и несложная токарная работа, производимая на станкахъ своего изготовленія, приноситъ мало дохода владѣльцамъ мастерскихъ и еще меньше ихъ подмастерьямъ. При существованіи заказовъ мастера зарабатываютъ до 10 руб. въ недѣлю, подмастерья же отъ 3 до 5 въ недѣлю. Этимъ ремесломъ заняты исключительно евреи; христіанъ токарей насчитываютъ всего 2-хъ. Вслѣдствіе конкуренціи въ средѣ самихъ токарей—цѣны на ихъ трудъ очень низко упали. Кромѣ того, ихъ бѣдственное матеріальное положеніе постоянно поддерживается частыми періодами безработицы, особенно тяжело отзывающимися на подмастерьяхъ, получающихъ обыкновенно сдѣльно.

Конкуренція варшавской и виленской мебели даетъ себя тяжело чувствовать и токарямъ, такъ какъ главная ихъ работа—точенныя части мебели.

Постоянный недостатокъ въ работѣ, жестокая конкуренція другъ съ другомъ, ноннжающая до minimum'a вознагражденіе за трудъ, недостатокъ оборотныхъ средствъ и жалкая техниче-

ская подготовка евреевъ-столяровъ и токарей по дереву ставить ихъ въ тяжелыя условія существованія. Не лучше, конечно, положеніе ихъ подмастерьевъ и учениковъ. Въ періоды безработицы имъ приходится либо, ничего не зарабатывая, ждать полученія заказа, либо уходить изъ мастерской: вѣдь ховяинъ ихъ, вслѣдствіе постоянной нужды въ оборотныхъ средствахъ, не въ состояніи работать на продажу во время отсутствія заказовъ. Вслѣдствіе этого средній недѣльный заработокъ, получаемый подмастерьемъ въ теченіе всего года — окажется значительно ниже той заработной платы, которую подмастерье получитъ въ хорошее время, когда на его трудъ есть спросъ.

И въ этихъ ремеслахъ ученичество продолжается 3—4 года, въ теченіе которыхъ будущимъ ремесленникамъ приходится не столько учиться, сколько выполнять всевозможныя порученія своего ховяина, въ большинствѣ случаевъ мало общаго имѣющія съ его ремесломъ, какъ напр. заниматься домашними работами, ухаживать за дѣтьми и т. п. Въ этихъ мастерскихъ можно встрѣтить немало учениковъ, круглыхъ сиротъ, отданныхъ въ ученіе мастерамъ мѣстнымъ благотворительнымъ обществомъ, платящимъ за обученіе своихъ питомцевъ. Разъ въ недѣлю, делегатъ этого общества, невѣжественный „шамесь“, навѣдывается въ мастерскія, куда отданы находящіеся подъ его призоромъ питомцы для того, чтобы выслушать жалобы на своихъ опекаемыхъ и чтобы сдѣлать имъ за это соотвѣтствующія внушенія... Къ счастью, этотъ жалкій видъ профессиональнаго обученія, сильно распространенный во многихъ городахъ сѣверо-западнаго края, постепенно уступаетъ мѣсто ремесленнымъ школамъ¹⁾.

Среди рабочихъ этихъ столярныхъ и токарныхъ мастерскихъ также замѣтно указанное уже выше стремленіе къ образованію. Здѣсь также изъ бюджета въ 12—15 руб. въ мѣсяцъ подмастерье урываетъ до 3 руб. на плату частному учителю и за уроки по предметамъ начальной грамоты. Чѣмъ ближе знако-

¹⁾ Въ настоящее время, благодаря обещаннымъ пожертвованіямъ въ 60.000 руб. московскаго благотворителя г. Высоцкаго, нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣателей и субсидіи Еврейскаго колонизаціоннаго общества является возможность открыть въ Вѣлостокѣ при мѣстной талмудъ-горѣ ремесленное отдѣленіе съ слесарно-механическимъ, модельно-столярнымъ и прядильно-ткацкимъ отдѣленіями.

мишься съ условіями жизни бѣлостокскаго трудового населенія въ мастерской, тѣмъ больше является возможность оцѣнить значеніе жертвы, приносимой бѣлостокскимъ рабочимъ образованію. Жажда учиться такъ сильна, что, несмотря на тяжелыя лишенія, несмотря на невозможность содержать себя своимъ жалкимъ непостояннымъ заработкомъ — онъ удѣляетъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ послѣдняго на самообразованіе!

По настоящее время въ Бѣлостокѣ совершенно отсутствуютъ бесплатныя образовательныя учрежденія въ видѣ субботнихъ или вечернихъ курсовъ для взрослого рабочаго населенія. Уже во многихъ менѣе крупныхъ въ промышленномъ отношеніи городахъ сѣверо-западнаго края существуютъ подобныя курсы (напримѣръ, въ Минскѣ, Гомелѣ, Гроднѣ, Витебскѣ и др.). Но въ Бѣлостокѣ, гдѣ потребность въ подобныхъ курсахъ уже давно назрѣла, нѣтъ даже этихъ сравнительно легко осуществимыхъ образовательныхъ учрежденій.

Мнѣ вспоминаются серьезныя, вдумчивыя лица нѣкоторыхъ подмастерьевъ—столяровъ, повторившихъ одну и ту же жалобу на отсутствіе возможности получить за доступную имъ плату элементарное образованіе. „Тѣ познанія, которыя мы вынесли изъ „талмудъ-торы“, насъ далеко не удовлетворяютъ“, говоритъ мнѣ юноша-токарь, стоя за самодѣльнымъ токарнымъ станкомъ: „вѣдь хочется читать научную книжку, газету, а для этого нужно учиться русскому языку, географіи и др. предметамъ. Вотъ мы и приглашаемъ учителя, плата ему въ складчину по 3 р. въ мѣсяцъ. Правда, когда вдругъ не станетъ работы, приходится очень тяжело; мы урѣзываемъ тогда себя въ самомъ необходимомъ... Не много у насъ свободнаго времени, и мы не знаемъ, на что его лучше употребить: хочется учиться и общеобразовательнымъ предметамъ и техническому черченію и рисованію на курсахъ при реальномъ училищѣ, и такъ какъ вечеровъ свободныхъ у насъ немного, то мы предпочитаемъ занятія у учителя: общее образованіе важнѣе“.

По мѣрѣ того, какъ этотъ труженикъ съ блѣднымъ лицомъ и пытливымъ, любознательнымъ умомъ раскрывалъ передо мною неприглядныя стороны своего существованія, мнѣ приходилось все больше и больше удивляться. За уголь, гдѣ онъ ночуетъ и гдѣ проводитъ свои немногіе часы отдыха—онъ пла-

тить 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Эти „углы“ сдаются въ рабочихъ квартирахъ, въ одной комнатѣ которыхъ нерѣдко спятъ 8—9 человекъ. Завтракаетъ и обѣдаетъ онъ въ специальной рабочей кухмистерской, гдѣ обѣдъ ему обходится въ 15—20 коп. „Обѣдъ“ состоитъ изъ одного блюда, заключающаго въ себѣ всякіе отбросы мяса: легкія, печень и т. д. На ѣду (завтракъ, обѣдъ, ужинъ) онъ тратитъ до 35 коп. въ день; въ субботу же—вдвое больше. Такимъ образомъ около 10 руб. уходитъ у него на питаніе, остальное—на другія нужды, и однако въ праздники бѣлостокскій рабочий выходитъ на улицу чисто и аккуратно одѣтымъ и въ то время, когда онъ или работаетъ, или гуляетъ на улицѣ, или бесѣдуетъ съ вами—вы постоянно чувствуете, что передъ вами человекъ, совнающій свое человеческое достоинство, стоящій постоянно на стражѣ своихъ интересовъ, но всегда готовый быть вашимъ другомъ, какъ только онъ замѣтитъ съ вашей стороны сочувствіе къ себѣ и участіе.

Пришедшіе изъ мѣстечекъ выглядятъ еще дикими, малоразвитыми и малограмотными. Выросшіе же въ Бѣлостокѣ часто отличаются значительнымъ развитіемъ, говорятъ и читаютъ по-русски, читаютъ газеты и рвутся вонъ изъ своихъ затхлыхъ мастерскихъ на свободу. Мысли объ эмиграціи въ Америку не покидаютъ ихъ. Въ мечтахъ о ней они рисуютъ себѣ лучшую матеріальную жизнь и гражданскую свободу. Между тѣмъ необходимость томиться въ «чертѣ», ставя ихъ въ безвыходное положеніе во время отсутствія работы, постоянно гнететъ ихъ, не давая выхода ихъ рвущимся наружу стремленіямъ. Достоинство, съ которымъ они держатъ себя, обдуманые отвѣты, указывающіе на раннюю работу мысли, полное отсутствіе молодой жизнерадостности и печальное выраженіе глазъ—все это рѣзко бросается въ глаза въ бесѣдѣ съ ними.

Кварталы, въ которыхъ ютится бѣлостокскій пролетаріатъ, носятъ общія названія: «Ханайниковъ» и «Аргентины». Въ этихъ кварталахъ, охватывающихъ Минскую, Малиновую, Суражскую, Песчаную и др. улицы, въ тѣснотѣ, сырости и при тяжелыхъ санитарно-гигіеническихъ условіяхъ, ютится еврейскій ремесленный и рабочий людъ. Мы посѣтили нѣкоторыя изъ этихъ жилищъ. Нѣкоторыя давныя, въ общихъ чертахъ характеризующія жилищныя условія рабочаго населенія, мы приводимъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

чьѣ занимается кварти- романитель.	Мѣсячная зарабо- токъ.		Сколько платитъ за квартиру? (въ годъ).		Сколько получаетъ съ жильцовъ? (въ годъ).		Во что обходится квартира?		Сколько душъ въ семьѣ?		Сколько душъ жи- вить въ квартирѣ?		Кубическое содер- жаніе воздуха? (куб. саж.).		Сколько куб. саж. приходится на 1 душѣ?		Какая часть изъ свѣтлаго заработка составляетъ плата за квартиру?		Сколько комнатъ въ квартирѣ (от- гороженныхъ)?	
	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.	годъ.
Токаръ	20 р.	70 р.	—	70 р.	—	70 р.	—	46 "	6	6	9 (3 уч.)	9 куб. саж.	1,00 куб. с.	0,39	2	2	0,39	2	2	
Трапичница (вдова)	10 "	46 "	—	46 "	—	46 "	—	46 "	6	6	6	5,2 "	0,87 "	0,38	9 (перег.)	0,38	9 (перег.)	9	9	
Жестяникъ	20 "	45 "	—	45 "	—	45 "	—	45 "	8	8	8	1,5 "	0,2 "	0,19	2	0,19	2	2	2	
Столяръ	20 "	52 "	—	52 "	—	52 "	—	52 "	7	8 (1 уч.)	8 (1 уч.)	5,1 "	0,63 "	0,32	2	0,32	2	2	2	
Сапожникъ	20 "	62 "	—	62 "	—	62 "	—	62 "	4	5 (1 уч.)	5 (1 уч.)	4,6 "	0,58 "	0,26	2	0,26	2	2	2	
Извозчикъ (лозовой)	12 "	26 "	—	26 "	—	26 "	—	26 "	5	5	5	1,4 "	0,28 "	0,19	1	0,19	1	1	1	
Портной	14 "	30 "	—	30 "	—	30 "	—	30 "	6	12 (2 семьи)	12 (2 семьи)	5,3 "	0,44 "	0,16	2	0,16	2	2	2	
Мясникъ	12 "	50 "	—	50 "	—	50 "	—	50 "	3	3	3	2,6 "	0,9 "	0,21	1	0,21	1	1	1	
Колбасница (вдова)	12 "	48 "	—	48 "	—	48 "	—	48 "	3	3	3	3,2 "	1,06 "	0,39	2	0,39	2	2	2	
Ломов. извозчикъ	20 "	Соб. д.	—	Соб. д.	—	Соб. д.	—	Соб. д.	6	6	6	2,8 "	0,47 "	—	1	—	—	1	1	

Какъ видно изъ таблицы, плата за квартиру въ 2 комнаты, изъ которой вторая составляетъ кухню—колеблется отъ 30—70 руб. въ годъ; наболѣе же часто встрѣчающаяся средняя плата—около 50 руб. въ годъ. Квартирная плата уплачивается впередъ по полугодіямъ, и такъ какъ такой большой суммы ремесленникъ не имѣетъ, то онъ прибѣгаетъ къ помощи ростовщика, которому выплачиваетъ понедѣльно свой долгъ (вохерь). Занимая 25 руб. на полугодіе, должникъ платитъ ростовщику 1 руб. въ недѣлю въ счетъ погашенія ссуды и 25 коп. процентныхъ денегъ. Несмотря на постепенное погашеніе ссуды, каждую недѣлю выплачиваются однѣ и тѣ же процентныя деньги (25 коп.). При этомъ ростовщикъ съ *среднемъ* получаетъ свыше 200% (!!). Иногда сумма, нужная для взноса за квартиру, одалживается у мѣстнаго благотворительнаго общества.

Квартиры очень тѣсны. На одну душу приходится отъ 0,2 до 0,9 куб. саж. воздуха, считая его содержаніе въ квартирѣ безъ мебели. Но, въ дѣйствительности, на каждую душу приходится значительно меньше, т. к. въ этихъ жилыхъ квартирахъ помѣщаются также мастерскія съ верстаками и инструментами, хранится матеріалъ, а у стѣнъ стоитъ всякій хламъ въ видѣ столовъ, шкафовъ, кроватей и колыбелей. Значительную часть пространства отнимаетъ также печь, занимающая всю кухню. Всѣ эти квартиры—сыры, холодны и пропитаны тяжелыми испареніями, какъ отъ матеріаловъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ и на полу, такъ и отъ нечистоплотности и недостаточнаго ухода за дѣтьми. Въ низкой покривившейся конурѣ, сырой и темной, уже въ теченіе многихъ лѣтъ напр. живетъ, жестяникъ, съ своей семьей, состоящей изъ 7 душъ. Горбатый, съ зеленымъ цвѣтомъ лица, весь дрожа, онъ олицетворялъ въ себѣ крайнюю степень нищеты и обездоленности. Тутъ же промежъ луженой посуды валялись на полу его дѣтишки, одинъ видъ которыхъ, безкровныхъ, покрытыхъ какими-то красными пятнами, приводилъ въ содраганье. Этотъ жестяникъ больше 20 руб. въ мѣсяцъ не зарабатываетъ и платитъ за свою гнилую зловонную яму 45 руб. въ годъ. На каждого обитателя этой квар-

тры приходится, если не считать занимающій все помещеніе хламъ—0,2 куб. саж.

Трудно долго стоять въ этой удушливой атмосферѣ, и невольно спѣшишь поскорѣй на свѣжій воздухъ. Дворовъ тамъ нѣтъ и изъ ухаго, кривого и грязнаго переулка ведутъ двери въ квартиры равныхъ ремесленниковъ.

Мы въ квартирѣ вдовы-тряпичницы. Она собираетъ тряпки и продаетъ ихъ на фабрикахъ искусственной шерсти. Она зарабатываетъ около 10 руб. въ мѣс. и содержитъ своихъ 5 дѣтей, изъ которыхъ старшія помогаютъ ей въ ея работѣ. За квартиру въ 2 комнаты, изъ которой одна сплошь занята печью, она платитъ 46 руб. въ годъ, будучи постоянно въ долгу у ростовщика. Рано узнавши нужду, ея хилыя дѣти прилежно и серьезно сортируютъ и складываютъ въ мѣшки тряпки. На ихъ лицахъ нетрудно прочесть, что для нихъ это не забава, а тяжелый, утомительный, но необходимый трудъ.

Всѣ лачуги этого квартала—грязны, низки и сыры. На полу липкая грязь. И за такой сарай, не приспособленный для нормального жилья, сапожникъ напр. платитъ 62 руб. въ годъ!

Въ квартирахъ, состоящихъ изъ комнаты и кухни, не живетъ меньше 5 душъ. Наоборотъ, часто встрѣчаются 8, 9 и 12 душъ. Квартирная плата составляетъ изъ 0,2 до 0,4 всего бюджета квартиранта. Но если принять во вниманіе, что ему приходится постоянно платить ростовщику и часто сидѣть безъ работы (въ таблицѣ зареботокъ указанъ при условіи постоянной работы), то часть бюджета, поглощаемая квартирной платой, значительно повысится.

Въ этихъ посѣщенныхъ нами квартирахъ, въ противоположность жилищамъ рабочихъ въ г. Пинскѣ—совершенно нѣтъ такъ назыв. жильцовъ.

Но удалимся изъ «Ханайниковъ»—изъ этихъ трущобъ и и перейдемъ на Песчаную улицу. Здѣсь мы увидимъ цѣлый рядъ каменныхъ домиковъ, составляющихъ собственность ихъ обитателей: извозчиковъ, лавочниковъ и ремесленниковъ. Они всѣ выстроены на средства банковъ, выдававшихъ для этого ссуды на необременительныхъ условіяхъ. Хотя домики каменные, улица широкая и свободная, но нѣкоторыя квартирки

—тѣсны, темны и наполнены затхлымъ воздухомъ. Эта тѣснота обусловлена стремленіемъ мелкаго домохозяина по возможности извлечь больше выгоды изъ своей «недвижимости».

Мы видѣли выше, что за нѣкоторыя изъ сырыхъ, грязныхъ и темныхъ бѣлостокскихъ лачугъ рабочіе платятъ по 5—6 руб. въ недѣлю. За эту же плату можно нанять въ одной изъ хорошихъ и чистыхъ улицъ прилично-меблированную комнату... И если сравнить во что обходится каждая куб. сажень воздуха обитателю Ханайниковъ или Аргентины и жителю просторной хорошей квартиры въ центральныхъ улицахъ, то, конечно, окажется, что первому она обходится гораздо дороже, да и качество ея—несравненно хуже.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Хорошъ.

Гласъ изъ пустыни.

Письмо шестое.

Собственно, совершенно достаточно и того, что было описано въ предыдущемъ письмѣ, чтобы получить представленіе о жилищахъ нѣкоторой и довольно многочисленной части еврейскаго виленскаго населенія. Но мы очень склонны быстро забывать особенно то, что тяжело или по какимъ либо причинамъ не желательно и неприятно помнить. Мнѣ же вовсе не хотѣлось бы, чтобы подобныя вещи такъ быстро изгладились изъ памяти. Онѣ должны бы служить своего рода *תולדות אדם*. Я поэтому для освѣженія въ памяти этой мрачной картины, дамъ здѣсь описаніе еще одного человѣческаго жилья. Это вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, что въ необъятномъ еврейскомъ несчастьѣ нѣтъ послѣдняго слова...

Когда я выразилъ вышеописанной красавицѣ Прозерпинѣ, хозяйкѣ печи и припечныхъ, межпечныхъ, надпечныхъ апартаментовъ, весь ужасъ по поводу ея адскаго жилья, она на меня посмотрѣла только съ удивленіемъ.

«Чѣмъ дурна эта квартира? Кажется не хуже, чѣмъ у людей». Она уже живетъ тутъ больше десяти лѣтъ. Платитъ она очень хорошія деньги: пятьдесятъ рублей въ годъ. Это вѣдь считается доходной квартирой (*דירת רווח*). «Ея квартиранты», благодаря Господу, тоже не жалуются. За пятьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ они имѣютъ спокойный уголь, а зимой и теплый. Гдѣ они еще найдутъ такую теплоту, чего имъ еще надо? Словомъ, она совсѣмъ не понимаетъ, чтѣ мы тутъ находимъ дурного. И это наивное довольство своимъ положеніемъ, своей обстановкой, которыя меня приводятъ въ содроганіе, это несо-

званіе окружающаго ужаса поражаютъ столько же, сколько самый ужасъ, если не больше. Но сознаніе убило бы этихъ людей. Даже дочь, молодая дѣвушка, которую я видѣлъ тутъ на слѣдующій день, въ субботу очень мило, по праздничному одѣтой, и та находила все въ порядкѣ вещей, не гнушалась этихъ людей, покрытыхъ вонючими рубищами, которые выползали изъ черной норы за печью, словно гадкія насѣкомыя; она бесѣдовала съ ними очень мило, дружески какъ съ равными, между тѣмъ какъ я, признаюсь, при видѣ этихъ людей отступилъ въ ужасъ, готовый убѣжать. Я, однако, преодолѣлъ себя и съ нѣкоторыми вступилъ въ бесѣду.

Оказалось, что они, дѣйствительно, такіе же люди, какъ мы всѣ, морально, быть можетъ даже выше много юркаго интеллегента и многихъ дипломированныхъ мѣщанъ и высококультурныхъ софистовъ и шарлатановъ въ тогѣ общественныхъ дѣятелей, «народныхъ просвѣтителей» и т. д.

Одинъ изъ этихъ несчастныхъ мнѣ объяснилъ, что онъ живетъ въ этой труппѣ уже больше шести мѣсяцевъ потому, что не можетъ себѣ добыть паспорта. Это должно стоить около трехъ рублей, а гдѣ ему достать такіе деньги? А съ паспортомъ онъ уѣхалъ бы куда нибудь искать занятія, сдѣлался бы меламедомъ гдѣ-нибудь. Ибо знаній у него много, слава Богу. Хозяйка все это сочувственно подтверждала и просила меня сдѣлать что-нибудь для этого человѣка. Видно было, что она ему очень симпатизировала за его великія познанія.

Когда мы, т. е. я и мой пріятель, уже попрощались съ хозяйкой, она какъ-то таинственно, не безъ нѣкотораго лукавства сказала намъ:

— Васъ, какъ видно, очень интересуютъ наши жилища. Если такъ, зайдите вотъ въ слѣдующую дверь.

Мы послѣдовали ея указанію и отворили слѣдующую дверь. Но какъ только я переступилъ порогъ, я стремглавъ кинулся обратно въ какомъ-то одуреніи, еле удерживая подступавшую рвоту: такая тамъ стояла затхлая, вонючая, насквозь пропитанная какой-то острой гнилью атмосфера.

Я однажды въ Брестъ-Литовскѣ, обреченномъ какъ будто вѣчному огню, посѣтилъ одну казарму, гдѣ послѣ пожара

жило нѣсколько сотъ душъ съ малыми грудными дѣтьми. И тамъ стояла адская атмосфера, отъ которой меня въ первый моментъ сильно стошнило, и я долженъ былъ выбѣжать. Но все таки въ концѣ концовъ могъ себя одолѣть и простоялъ тамъ съ полчаса. Тутъ же оказалось невозможнымъ продержаться полъ-минуты.

Черезъ три дня я явился снова туда, вооруженный бутылкой, содержащей смѣсь карболовой кислоты и о-де-колона, и съ пульверизаторомъ.

Брызгая непрерывно предъ собой этимъ составомъ, я могъ только быстро оглядѣть первую комнату, но оставаться тамъ хотя бы минуты двѣ оказалось выше моихъ силъ. При осмотрѣ я замѣтилъ сейчасъ налѣво отъ дверей человѣка длиннаго роста, съ большой темнорусой взъерошенной головой и заросшимъ грязнымъ лицомъ, въ отвратительныхъ рубищахъ, который лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и въ полудремотѣ, какъ будто безсознательно, но съ большимъ остервенѣніемъ чесалъ свое тѣло, только частями покрытое изодранными отрѣпьями. Дальше въ глубинѣ цѣлый рядъ постелей, словно въ лазаретѣ, одна тѣсно придвинутая къ другой. Большинство этихъ постелей были заняты больными женщинами, между которыми я обратилъ вниманіе на одну дѣвушку, лежавшую ближе къ свѣту, который еле проникалъ черезъ грязныя стекла дверей. Если не ошибаюсь, тутъ было не меньше пятнадцати постелей. Я быстро перешелъ въ кухню большую, довольно просторную, но ужасно черную и грязную, заваленную какими-то кучами мусора. Между печью и стѣной широкія нары, а тамъ дальше большой столъ, грязный, загроможденный всякой всячиной. У одного конца этого стола сидѣлъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати съ красивымъ интеллигентнымъ лицомъ. Хозяйка мнѣ объяснила, что онъ совсѣмъ безродный, явился изъ какого-то городка и тутъ учится въ одномъ изъ ешиботовъ. Она его приютила у себя, чтобы дать возможность учиться.

Такія явленія можно часто наблюдать въ Вильнѣ. Меня глубоко тронули ея чисто материнскія отношенія къ этому мальчику. Когда она мнѣ о немъ говорила, она смотрѣла на него съ такою любовью и гордостью.

Хозяйка сама женщина лѣтъ пятидесяти очень почтенной,

наружности. Она вдова и живетъ тѣмъ, что платять ей всѣ эти калѣки и нищѣ за пріютъ. Когда я ее спросилъ, зачѣмъ она не держитъ открытыми окно въ кухнѣ или дверь въ смежной комнатѣ, она съ недоумѣніемъ взглянула на меня.—«Зачѣмъ это? Вѣдь это большею частью больные люди. Воздухъ, избави Богъ, можетъ имъ причинить какую-нибудь новую болѣзнь». Эта болѣзнь притока свѣжаго воздуха, когда въ домѣ есть больной или даже просто спящій, сильно распространена не только среди еврейской народной массы, но еще очень крѣпко держится у большей части интеллигенціи.

Я, къ сожалѣнію, на кухнѣ не могъ остаться болѣе пяти-шести минутъ, и въ этой самой страшной изъ всѣхъ труппъ, я могъ собрать очень мало свѣдѣній. Тутъ между тѣмъ можно было найти много интереснаго. Особенно я сожалѣлъ, что не могъ побесѣдовать подробно съ самими обитателями этого чистилища.

Кстати, въ этомъ же дворѣ находится знаменитый историческій погребъ, формально «судебнымъ порядкомъ» уступленный дьяволу для жилья. Одна женщина даже хотѣла меня повести туда, но никакъ не могла достать ключей. Дѣло, какъ мнѣ рассказывали, заключается вотъ въ чемъ. Поселился еврей со своимъ семействомъ на квартирѣ въ подвземельѣ. Ночью, какъ только всѣ заснули, поднялся адскій шумъ. Пробудились всѣ въ испугѣ, а шумъ все продолжается. Зажгли свѣчу, обыскали всѣ углы—нѣтъ ничего. потушили свѣчку, улеглись, опять шумъ и адскій гвалтъ. И такъ каждую ночь. Ужасъ охватилъ бѣднаго еврея, и побѣжалъ онъ къ раввину. Рѣшили, что тамъ несомнѣнно sched живетъ (нечистая сила). Попробовали его изгонять обычными книжными заклинаніями,—ничего не помогаетъ. Sched продолжаетъ свое. Рѣшили, наконецъ, просто спросить его, въ чемъ дѣло, и по какой такой причинѣ нарушаетъ онъ покой бѣдной еврейской семьи. Нечистый, разумѣется, могъ бы отвѣтить, что никакихъ такихъ причинъ чорту вовсе не надо, чтобы отравлять покой еврея, что это собственно и есть главное назначеніе всякой нечистой силы. Но этотъ нечистый оказался изъ тѣхъ, которые представляютъ доводы. Доводъ его былъ изъ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ устахъ нечистой силы: Какое право имѣлъ тутъ поселиться еврей,

когда камера эта издавна принадлежала ему, чорту, тутъ обитающему съ незапамятныхъ временъ. Услышавъ о такомъ притязаніи, рѣшили снарядить судъ изъ равнина и почетнѣйшихъ представителей общины. На судъ явился самъ чортъ поддерживать свои права. Само собою разумѣется, что, когда есть судъ между бѣднымъ евреемъ и всесильнымъ чортомъ, и судьями являются «почетнѣйшіе еврейскіе представители» города Вильны, дѣло всегда будетъ рѣшено въ пользу чорта. Ибо никто такъ не трепещетъ передъ малѣйшимъ чертенкомъ, никто не заискиваетъ у него столько, не пресмыкается начетверенькахъ какъ «почетнѣйшіе» наши представители. Всѣ эти «почетные» и «почетнѣйшіе» представители еврейства всѣхъ формаций и всѣхъ видовъ и степеней культуры всегда увѣрены, что есть единственный путь къ достиженію покоя и спасенія: это дѣлать всегда уступки чорту.

И вотъ, въ данномъ случаѣ, было рѣшено, что квартира въ подземельѣ должна быть уступлена sched'u, который тогда, быть можетъ, перестанетъ беспокоить и мучить бѣднаго еврея. Съ тѣхъ поръ эта квартира тщательно заколочена. Утверждаютъ, что чортъ ею и не думалъ пользоваться. Ему главное было выселить еврея.

Черезъ годъ я снова посѣтилъ Вильну, и опять былъ во всѣхъ этихъ страшныхъ грязныхъ норахъ, и *все рѣшительно все* до мельчайшихъ подробностей нашелъ въ такомъ же видѣ и въ такомъ же положеніи, какими ихъ оставилъ, нашелъ даже ту же безродную забитую женщину, которая чистила картофель за шесть копѣекъ въ день, на томъ же мѣстѣ на порогѣ, нашелъ того же челоуѣка въ грязныхъ рубищахъ, лежащимъ на томъ же мѣстѣ налѣво отъ дверей съ закрытыми глазами, и съ такимъ же остервенѣніемъ онъ чесалъ свое несчастное тѣло. И такъ какъ вообще матеріальное положеніе евреевъ ухудшилось за послѣдніе годы, хотя казалось бы, что хуже быть не можетъ, — то нельзя предполагать, чтобы и въ настоящее время тамъ произошло какое либо улучшеніе въ этомъ отношеніи. Смѣшно также было бы думать, что построенные два дома сдѣлали много въ этомъ отношеніи.

Какъ я уже сказалъ выше, и другія жилища, особенно въ

переулкахъ, прилегающихъ къ рыбному базару, меня поразили своимъ мракомъ, сыростью и страшною тѣснотой.

Считаю важнымъ отмѣтить, что за исключеніемъ двухъ квартиръ, гдѣ поднаиматели составляютъ большую часть нищія, всѣ остальные видѣнные мною квартиры принадлежали разнымъ труженикамъ, мелкимъ торговцамъ, ремесленникамъ, рабочимъ. Нѣкоторыя квартиры даже принадлежали содержателямъ бакалейныхъ лавочекъ, и среди нихъ мнѣ попались двѣтри, которыя *совсѣмъ не имѣли* оконъ, хотя и находились не въ подземельѣ, а на уровнѣ съ улицей. Вообще я не встрѣтилъ ни одной квартиры, а я ихъ видѣлъ не меньше пятидесяти,— которая принадлежала бы одному жильцу; вездѣ жили по два и по три и даже по четыре семейства, даже въ квартирахъ въ одну комнату полагалось не меньше двухъ семействъ. Въ виду сравнительной дороговизны квартиръ для бѣдняковъ, утилизируется для жилья все, особенно лѣтомъ, когда въ жилое помѣщеніе обращается сарай и чаще всего чердакъ.

Въ центрѣ города, т. е. поближе къ разнымъ базарамъ, площадямъ и торговымъ мѣстамъ, жалчайшая квартира стоитъ не меньше сорока - пятидесяти рублей въ годъ, т. е. не меньше четырехъ рублей въ мѣсяцъ. Для огромнаго большинства виленской массы, живущей заработками отъ двадцати до сорока копѣекъ въ день, это является очень высокою платой, для многихъ совершенно недоступной.

Вотъ почему это большинство рѣдко нанимаетъ непосредственно квартиру у хозяина дома. Какой-нибудь болѣе имущій или просто болѣе предприимчивый человекъ нанимаетъ квартиру въ двѣ-три комнаты и уже отъ себя отдаетъ «углы» или цѣлыя комнаты другимъ. Я разъ въ пятницу нашелъ четырехъ женщинъ въ одной тѣсной мрачной кухнѣ, гдѣ онѣ «дѣлали субботу» всѣ вмѣстѣ. Это были хозяйки четырехъ семействъ, жившихъ въ трехъ крошечныхъ конурахъ, которыя могли бы только служить для складыванія всякаго старого хлама.

Вслѣдствіе этого сохозяинничанья нѣсколькихъ женщинъ, и безъ того неприглядная жизнь бѣдняковъ часто въ концѣ отравляется ссорами и драками, особенно въ кануны субботы и праздниковъ, когда всѣ хозяйки сталкиваются на кухнѣ. Къ чести виленскихъ женщинъ я долженъ сказать, что мнѣ

чаще приходилось удивляться царившему между ними миру, чѣмъ происходившимъ ссорамъ. Глядя на нихъ, я всегда думалъ: «кабы вмѣсто нихъ поставить въ подобное положеніе культурныхъ женщинъ. Я увѣренъ, одной минуты не поладили бы». Разумѣется, и тутъ происходитъ не мало междуусобиць и дикихъ сценъ. Въ виленской массовой еврейской женщинѣ, болѣе чѣмъ во всякой другой, сохранился еще этотъ высшій духовный нравственный элементъ, составляющій самое дивное украшеніе еврейской женщины вообще.

Чтобы видѣть, какъ живетъ и чѣмъ живетъ еврейская масса въ Вильнѣ, достаточно пройти по *Jatkewer gass*, *Jüdiche gasse*, по многочисленнымъ узенькимъ переулкамъ, прилегающимъ къ синагогѣ и синагогональному двору, составляющимъ главный торговый и духовный центръ виленскаго еврейскаго населенія. Для огромнаго числа кшапаго тутъ люда заработокъ въ двадцать-тридцать копѣекъ въ день есть почти благосостояніе.

У очень многихъ заработокъ не достигаетъ десяти копѣекъ. Евреи, на всей Литвѣ, какъ теперь и на всей Руси, не пренебрегаютъ никакимъ трудомъ; они исполняютъ самыя тяжелыя, самыя унизительныя и самыя отвратительныя работы. Нѣтъ буквально той работы, за которую не взялся бы теперь еврей, лишь бы имѣть возможность быть сытымъ. Дошло то того, что въ Одессѣ, напримѣръ, евреи конкурируютъ съ самыми отпѣтыми босьяками. Часто видишь еврея за такимъ трудомъ, что тебя охватываетъ мучительная боль. Евреи не только чистятъ снѣгъ на улицахъ (за этой работой я видѣлъ въ Одессѣ даже подростковъ пятнадцати лѣтъ), но даже добиваются такой работы на линіяхъ во время снѣжныхъ заносовъ. Но ничто на меня не производитъ такого тяжелаго впечатлѣнія, не вызываетъ такой боли въ душѣ, какъ видъ евреевъ, работающихъ у прачекъ въ качествѣ гладильщицъ. А это можно видѣть въ Одессѣ на каждомъ шагу. Да, тяжело, какъ во времена фараоновъ, работаютъ теперь евреи. Но нигдѣ, быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ, евреи не работаютъ такъ много и за такое ничтожное вознагражденіе, какъ на Литвѣ вообще и въ Вильнѣ въ частности; здѣсь евреи—штукатуры, каменщики, мостовщики, землекопы и т. д.

А самый тяжелый трудъ, какъ трудъ землекопа и всякая подобная работа, оплачивается не больше, какъ сорока-пятьюдесятью копѣйками въ день, приче́мъ тутъ число рабочихъ часовъ часто доходить до шестнадцати въ день. Ибо, сказать мимоходомъ, нигдѣ я не видѣлъ такого жестокаго, безчеловѣчнаго отношенія къ чужому труду, какъ здѣсь на Литвѣ.

И, несмотря на все это, я нигдѣ, рѣшительно нигдѣ въ мірѣ, не видѣлъ такой интеллигентной, такой духовно и умственно одаренной массы, какъ виленская, нигдѣ не видѣлъ людей, у которыхъ было бы столько духовныхъ интересовъ, какъ здѣсь. У виленской народной массы умственно-духовная сторона жизни составляетъ основу, главную цѣль существованія; все прочее представляетъ только какъ бы вспомогательное средство для этой основной цѣли.

Вслѣдствіе этого матеріальныя бѣдствія не производятъ тутъ того деморализирующаго дѣйствія и вообще не отзываются такъ на народномъ характерѣ, какъ на югѣ. Онъ рѣдко бываетъ вполне сытъ, онъ рѣдко дышетъ чистымъ воздухомъ, видитъ еще рѣже ясный лучъ солнца. Но ему стоитъ только удалиться въ ближайшій «клаузь», гдѣ поучаетъ ежедневно магидъ— между Минхо и Маривъ, гдѣ каждый вечеръ старый глядящій патриархомъ ребе преподаетъ Библию, Талмудъ или Мадрашъ, стоитъ ему усѣсться самому за фолиантомъ или даже просто горячо помолиться, какъ онъ сейчасъ забываетъ всѣ лишения и его душа испытываетъ высшій восторгъ, наслаждается высшими радостями, онъ весь переносится въ высшія сферы, гдѣ воображеніе дышетъ ароматомъ райскихъ садовъ, озаряется ослѣпительнымъ блескомъ Божества. И весь этотъ хотя фантастическій міръ даетъ ему совсѣмъ недожизненные реальныя силы.

Сначала меня сильно поразило то обстоятельство, что при посѣщеніи самыхъ ужасныхъ подземелій, при разговорѣ съ самыми горькими бѣдняками-тружениками, я почти никогда не слышалъ жалобъ, не замѣчалъ унынія, удрученности. Напротивъ, всѣ словно были довольны своею участью; многіе даже удивлялись, отчего это все на меня такъ дѣйствуетъ. Выходя изъ общеувоеннаго взгляда, я это принималъ, какъ признакъ отупѣнія, доводящаго до полнаго равнодушія. Между тѣмъ они сами все это находятъ въ порядкѣ вещей. Позже,

когда предо мной такъ рельефно выступила преобладающая умственно-духовная сторона ихъ жизни, я все понялъ. Нѣтъ, это не ступѣніе, а, нѣкоторымъ образомъ, философскій оптимизмъ, до котораго тяжелыя обстоятельства возвысили народъ при наличности его высшихъ духовныхъ благъ. И вотъ подъ вліяніемъ этого кругомъ стоящаго поразительнаго оптимизма, я самъ измѣнилъ свои отношенія ко всему тому, что я видѣлъ вокругъ, и оно перестало меня такъ удручать, какъ прежде. И пребываніе среди этой, лишенной всякихъ матеріальныхъ благъ массы, стало для меня служить источникомъ даже нѣкотораго счастья. Ахъ, что это за славный милый народъ, вотъ всѣ эти сотни мелкихъ торговцевъ и торговокъ съ товаромъ на двадцать или тридцать копѣекъ, сплоченными рядами наполняющихъ улицы и закоулки. И эти тысячи покупателей и покупательницъ, медленными волнами двигающихся среди этихъ сомкнутыхъ рядовъ, словно величавая широкая рѣка въ своихъ берегахъ, медленно катящая свои воды. Мнѣ доставляло истинное наслажденіе двигаться среди этихъ волнъ, смотрѣть на тысячи продавщицъ и покупательницъ, видѣть процессъ продажи и покупки, прислушиваться къ переговорамъ и живымъ, полнымъ веселаго юмора бесѣдамъ.

Каждый день я проводилъ пять, шесть часовъ среди этого влопочущаго моря людей, которые, несмотря на всю неприглядность своей жизни, всегда сохраняютъ бодрость и живость духа, даже веселость, словно надѣваясь надъ всѣми продѣлками судьбы и людей, наивно думающими покончить съ ними подобнымъ путемъ; они всегда находятъ мѣткое, острое словцо, острое замѣчаніе, умѣютъ направить противъ кого слѣдуетъ тонкую еле замѣтную иронию. И все это дѣлается съ такой прелестной веселостью и милымъ добродушіемъ. И какой мѣткій яркій живописный языкъ у этой виленской толпы. Какъ полна живости и остроумія рѣчь этихъ мелкихъ торговокъ, проводящихъ по пятнадцати часовъ въ сутки за своими корзинами или горшками съ бобами, варенымъ картофелемъ или соусомъ изъ печени и легкихъ, приправленныхъ лукомъ.

Да, прелестный, живописный, сильный и мѣткій языкъ, этотъ виленскій «жаргонъ». Я знаю отлично, что существованіе этого «просторѣчія» сильно волнуется и огорчаетъ нѣкоторыхъ

казенныхъ еврейскихъ наставниковъ-фельдфебелей, которые не могутъ о немъ говорить безъ благороднаго ужаса и полицейскаго негодованія. Какъ это хватаетъ дерзости у людей говорить на языкѣ, котораго не понимаютъ ни дворникъ, ни хозяинъ, ни, быть можетъ, самъ квартальный. А вдругъ тѣ подумаютъ, что о превратныхъ идеяхъ говорить. И зная высокую гражданскую ревность этихъ сподвижниковъ «умиротворенія», надо полагать, что не одно уже «отношеніе» направлено куда не слѣдуетъ о «вредѣ» этого «тайнственнаго» нарѣчія, служащаго если не единственной, то одной изъ главныхъ причинъ ненависти и недобѣрія къ намъ окружающихъ народовъ, въ общемъ столь склонныхъ къ нѣжности и любви къ намъ. Правда, на этомъ «вредномъ» и предосудительномъ «просторѣчій», быть можетъ, не было бы столь удобно по фельдфебельски распекать и грубо унижать святаго старца, стоящаго во главѣ великой духовной школы, служившей когда-то лучшимъ разсадникомъ еврейскихъ знаній; на этомъ нарѣчій также быть можетъ не особенно удобно было бы писать отношенія о «вредѣ» этой школы и повести къ ея закрытію; еще меньше удобно было бы на этомъ «вредномъ» нарѣчій воспитывать враговъ своего народа и фанатическихъ ненавистниковъ своей религіи. Быть можетъ, на этомъ языкѣ честнаго простонародія было бы также крайне неудобно какому-либо ученому по профессіи еврею приглашать въ крестные отцы для своихъ дѣтей высокую особу и обезпечить имъ такимъ образомъ опору въ «превратной» судьбѣ (довольно вѣдь, что отецъ, въ качествѣ представителя *еврейскихъ* интересовъ, получаетъ жалованье изъ *еврейскихъ суммъ*); пускай уже дѣти ищутъ другихъ источниковъ). Это все вполне вѣрно, и въ этомъ отношеніи я вполне понимаю благородную ревность виленскихъ еврейскихъ фельдфебелей, которые съ такой похвальной горячностью, стѣмненной и оцѣненной вѣроятнo кѣмъ слѣдуетъ, хотятъ взять приступомъ „китайскую стѣну народнаго просторѣчія“.

Я обычно выносить не могу толпы; для меня нѣтъ ничего тягостнѣе уличнаго шума, уличной суетоли. А между тѣмъ въ Вильнѣ все это меня притягивало съ какой-то невыразимой силой. Есть какое-то неодолимое обаяніе въ этой виленской еврейской массѣ, которое трудно даже опредѣлить.

Многимъ, навѣрное, покажется страннымъ, если я скажу, что виленская народная масса, преимущественно женская ея половина, всегда напоминала мнѣ парижскую массу по своей живости, бойкости, легкому юмору и склонности къ добродушной насмѣлкѣ надъ всѣмъ, даже надъ собой. Если виленскія старыя женщины часто весьма добродушно относятся къ своей внѣшности и одѣваются въ ужасныя лохмотья — по средствамъ своимъ, то за то молодыя дѣвушки далеко не лишены вкуса и даже нѣкотораго изящества. Въ самыхъ темныхъ и увикхъ закоулкахъ и грязныхъ базарахъ на каждомъ шагу встрѣчаются молодыя дѣвушки продавщицы, одѣтыя простенько, но съ большимъ вкусомъ, съ мило и изящно убранными головками, и которыя очень мило, обаятельно держатся и бесѣдуютъ съ вами, совсѣмъ не уступая въ этомъ отношеніи парижскимъ продавщицамъ. Но дальше нѣкоторой внѣшности, разумѣется, сходство не идетъ. Виленская женщина изъ народа, какъ извѣстно, отличается своей дѣловитостью, энергіей и практичностью. Она заткнетъ за поясъ любого мужчину своимъ умомъ, дальновидностью, находчивостью въ жизни. Въ борьбѣ за существованіе она не меньше закалена, чѣмъ мужчина, и, пожалуй, больше его въ состояніи устоять въ этой борьбѣ. Это, впрочемъ, можно отнести къ литовской женщинѣ вообще. И вотъ, несмотря на все это, правильнѣе, вслѣдствіе этого, виленская еврейская женщина сохранила чуткое сердце, отзывчивое ко всему хорошему и благородному.

И въ той умственной и духовной жизни, которая въ Вильнѣ процвѣтала между евреями больше чѣмъ гдѣ бы то ни было на Литвѣ, не малая роль принадлежала ей, этой виленской бѣдной женщинѣ изъ народа.

Иная Fischerke или продавщица крупы у синагонального двора сдѣлала больше для еврейства, чѣмъ тридцать дюжинъ высококультурныхъ благотворительныхъ дамъ со всѣми ихъ «благотворительными обществами» вмѣстѣ, взятыми. Никто, напримѣръ, не дѣлалъ и не дѣлаетъ еще теперь столько для бѣдной молодежи, учащейся въ разныхъ ешиботахъ и ботемидрашмъ.

На Литвѣ есть обычай, что мужское подрастающее поколѣ-

нѣ тѣхъ мѣсть, гдѣ нѣтъ крупныхъ талмудическихъ школъ, отправляется въ города, гдѣ таковыя существуютъ. Этотъ обычай сохранился еще съ эпохи существованія великихъ школъ въ Палестинѣ и Вавилоніи.

О снабженіи отправляющихся какими-либо средствами родители чаще всего мало думаютъ или даже совсѣмъ не думаютъ, просто потому, что всѣ думы ни къ чему существенному привести не могутъ. Весьма часто бѣдному юношѣ даже на дорогу ничего не даютъ. Положить ему въ мѣшокъ «торбу» тефелинъ, если онъ уже достигъ тринадцати лѣтъ, одну или двѣ рубахи, тщательно заплатаанныя специально для отъѣзда заботливой материнской рукой, ржаной хлѣбъ— и готово. Возьметъ юноша или подростокъ этотъ мѣшокъ подъ мышку, а то перекинетъ его черезъ плечо — и пойдетъ шагать пѣшечкомъ, пробираясь отъ деревни до деревни, отъ мѣстечка до мѣстечка, ночуя въ клаузахъ или у добрыхъ людей, которые и накормятъ и снабдятъ его хлѣбомъ для дальнѣйшаго пути, и такимъ образомъ онъ, наконецъ, добирается до мѣста. Тамъ, гдѣ есть желѣзная дорога, юноша, если онъ достаточно смѣлъ, пользуется и ею для проѣзда. Онъ ѣдетъ „банковымъ“ билетомъ, т. е. запрячется подъ скамейку (по еврейски скамейка — Вапк), а добрые люди какъ-нибудь прикроютъ и защитятъ его, если не руками, то ногами.

Въ былыя времена, почти каждый еврейскій юноша на Литвѣ продѣлывалъ этотъ длинный тяжелый ломоносовскій путь, плетясь иногда по пяти и шести недѣль. И лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-то тому назадъ изъ одного глухого мѣстечка Минской губерніи, запрятавшася среди дремучихъ лѣсовъ, медленно и задумчиво пробираясь подобнымъ образомъ юноша подростокъ съ глубокой воспримчивой поэтической душой, въ которой неизгладимо отпечатались всѣ эти дивныя красоты. Этотъ юноша сталъ потомъ великъ во Израилѣ подъ столь образнымъ и многоговорящимъ намъ именемъ «ребъ Менделе». Теперь юношество въ значительно меньшемъ количествѣ отправляется искать чистой Торы; кромѣ того, благодаря Всевышнему и великому прогрессу, есть во Израилѣ теперь газеты, посредствомъ которыхъ можно «предостерегать» бѣдныхъ неопытныхъ юношей отъ рискованнаго шага пускаться

искать Торы, не имѣя достаточнаго запаса кемаха (муки); ибо теперь въ силѣ одна только половина известнаго изреченія, а именно: *תן רמ לרמ רמ*. Вторую же половину перестали признавать даже ортодоксальные наши печальники и опекуны, и пуще всего они страшатся, чтобы не пришлось дать каплю изъ своего кемаха бѣднымъ искателямъ Торы. Но не такъ смотрятъ на это бѣдныя виленскія женщины. Онѣ не только не предупреждаютъ, но сами отыскиваютъ бѣдныхъ, безпріютныхъ искателей Торы, прибывающихъ изъ другихъ мѣстностей, и по мѣрѣ силъ своихъ снабжаютъ ихъ необходимымъ. Почти всякій клаузь имѣетъ одну или двухъ женщинъ, которыя снабжаютъ бѣдныхъ юношей пищею, скудною, разумѣется, такой-же, какой онѣ сами питаются. Но это не важно, лишь были бы сыты. Да и тѣ вполне довольны, если у нихъ есть достаточно хлѣба одного. За то раздаютъ его не только безъ униженій, но съ искренней радостью и съ материнскою любовью. Дающая испытываетъ при этомъ высшее блаженство, возможное для нея на землѣ.

Проходите въ пятницу часа за два до захода солнца по *Jatkever gass* или по Еврейской, и вы увидите слѣдующее: около корзинокъ нѣкоторыхъ торговыхъ лежатъ на маленькихъ табуреткахъ большіе плоскіе хлѣба, а на нихъ мелкія монеты, которыя бросаютъ прохожія покупательницы, большею частью, женщины сами очень бѣдныя. Эти хлѣба назначаются для бѣдныхъ юношей, учащихся въ клаузахъ. Одна изъ торговыхъ бобами или зеленью беретъ на свой страхъ и рискъ хлѣбъ въ пекарнѣ, выставляетъ его на видъ для прохожихъ, которые уже знаютъ, въ чемъ дѣло, а потомъ собранными копѣйками и полукопѣйками уплачиваетъ за него. Если собирается больше, она купить еще хлѣба, если не хватаетъ, она уже кое-какъ заплатитъ остальное. Высокая честность этихъ женщинъ известна всѣмъ, и всѣ относятся къ нимъ съ безграничнымъ довѣріемъ. Бѣдныя, забитыя, вѣчно трудящіяся существа, которыя сами едва-ли будутъ сыты даже въ наступающую субботу, думаютъ о томъ, чтобы снабдить хлѣбомъ учащихся бѣдняковъ, и именно потому, что они учатся. Укажите мнѣ болѣе возвышенное зрѣлище въ цѣломъ мѣрѣ!

Разъ въ пятницу, когда я проходилъ по упомянутому *Fisch-*

марке, присматриваясь особенно къ наиболѣе замѣчательному типу виленскихъ Fischerkes, я обратилъ вниманіе на одну изъ нихъ, которая торговала самой мелкой, величиной съ сардинку рыбой; вокругъ нея копошился самый несчастный, самый бѣдный людъ. Рыба эта продавалась по копѣйкѣ фунтъ, и легко себѣ представить, какого она была качества. Ничто такъ не волнуетъ и не трогаетъ душу, какъ видъ подобныхъ «субботнихъ» закупокъ.

Когда Fischerke осталась, наконецъ, одна, я подошелъ къ ней, разговорился и, затѣмъ, уплативъ ей за оставшуюся еще у нея въ корзинѣ рыбу (ея было немного), попросилъ раздать ее кому она пожелаетъ изъ бѣдняковъ.

Я удалился и уже повернулъ въ улицу, тянущуюся направо отъ рыбнаго базара по берегу Вилейки, какъ вдругъ вижу, что моя рыбачка, вся запыхавшись, бѣжитъ за мной.

— Что такое? спрашиваю я у нея.

— Хочу васъ попросить, чтобъ вы мнѣ позволили шесть фунтовъ изъ этой рыбы отнести для бѣдныхъ клаузниковъ, сказала она, глядя на меня съ славной улыбкой, въ которой я ясно читалъ радость, которую доставить ей это приношеніе клаузникамъ.

Чудная женщина! Никакое женское существо не казалось мнѣ еще столь прекраснымъ, какъ это бѣдное созданіе въ засаленныхъ рубищахъ съ чернымъ загорѣлымъ, но дышавшимъ въ эту минуту высшимъ блаженствомъ лицомъ.

Не объ однихъ, однако, духовныхъ только нуждахъ бѣдняковъ заботится виленская массовая женщина. Тутъ даже есть своего рода спеціализація, и каждая отрасль въ области безчисленныхъ нуждъ имѣетъ своихъ женщинъ. Однѣ заботятся о доставленіи пищи солдатамъ, другія осужденнымъ и заключеннымъ, третьи заботятся о больныхъ и т. д. Нѣкоторыя даже пользуются монополіей въ своемъ дѣлѣ. Но вотъ что по истинѣ замѣчательно. О дешевомъ доступномъ кредитѣ для бѣднѣйшихъ мелкихъ торговцевъ и торговокъ позаботилась бѣдная женщина, разносившая по домамъ хлѣбъ и разныя печенія. Имя этой женщины—Эстеръ-Двойра, и она достойна быть увѣковѣченной въ исторіи еврейскаго народа: ибо эта исторія есть дѣйствительно, исторія народа, а не разныхъ угнетателей и

вождей его. Я имѣлъ счастье говорить съ этой рѣдкой женщиной и пожимать восторженно ея благородную старческую руку, и этимъ горжусь въ сотни разъ больше чѣмъ, еслибы «имѣлъ счастье» представляться кому бы то ни было въ мірѣ.

Эта вѣчно нагруженная корзинами женщина, зарабатывавшая полтора—два рубля въ недѣлю, знала горькую нужду сотенъ людей, бьющихся въ адскихъ мукахъ, когда истощится вдругъ ихъ основной капиталъ въ рубль или въ три, составляющій единственный источникъ существованія ихъ. Кто имъ дастъ взаимы этимъ безвѣстнымъ мученикамъ? А если уже найдется такой «благодѣтель», то онъ высосетъ всю кровь, весь заработокъ своими процентами. Платять же нѣкоторые несчастные мелкіе торговцы по пять копѣекъ въ день съ рубля (есть случаи что и десять копѣекъ), т. е. въ годъ восемнадцать рублей процентовъ за одинъ рубль.

И Эстеръ-Двойра рѣшила прійти на помощь этимъ несчастнымъ. Она разумѣется не устраивала «засѣданій», а просто подѣлилась мыслью съ нѣкоторыми женщинами своего круга, въ сердцѣ которыхъ надѣялась найти сочувствіе. Сначала она собрала десятокъ-другой рублей, которые раздала нѣсколькимъ женщинамъ на слѣдующихъ условіяхъ: ссуда безпроцентная, за каждый взятый рубль выплачивается пять копѣекъ въ недѣлю. Эти деньги вносятся въ концѣ недѣли. Дѣло пошло хорошо. Бѣдняки выплачивали свой долгъ аккуратнѣйшимъ образомъ. Эстеръ-Двойра дѣлалась все смѣлѣе и энергичнѣе, ибо къ ней стали обращаться все больше и больше бѣдняковъ, которыхъ надо было удовлетворить. Дѣло стало все разрастаться и получило скромное названіе *тот пльз*. Ей содѣйствовали многія добрыя женщины изъ ея состоятельныхъ кліентовъ; но главными сотрудницами въ этомъ дѣлѣ явились равныя мелкія торговки—и больше всего эти удивительныя *Fischerkess*. Нѣкоторые изъ нихъ внесли безвозвратно въ основной капиталъ по двадцати, тридцати и даже пятьдесяти рублей. Я лично видѣлъ пинкусъ, куда занесены всѣ взносы. Когда я былъ въ Вильнѣ, капиталъ *тот пльз* Эстеръ-Двойры достигъ семнадцати тысячъ рублей. Двѣнадцать или тринадцать тысячъ она употребила на покупку дома, гдѣ помѣщается клаузь, а доходы съ этого клауза, разумѣется, идутъ въ пользу дѣла.

Въ этомъ клаузѣ происходила раздача ссудъ еженедѣльно по субботамъ вечеромъ. И въ какомъ строгомъ порядкѣ все тутъ совершалось. Я не могъ налюбоваться этими славными женщинами, съ умными, энергичными и столь добрыми лицами въ ихъ субботнихъ ситцевыхъ платьяхъ, съ повязанными такими же ситцевыми платками головами. Однѣ сидѣли за длиннымъ столомъ и считали огромное количество мѣдяковъ, собранныхъ въ послѣднюю пятницу съ должниковъ, другія выдавали деньги тѣмъ, которые получали записки на выдачи, третьи записывали.

Сама Эстеръ-Двойра, уже согбенная старуха, но съ еще яснымъ, умнымъ взоромъ, добродушнымъ милымъ, изборожденнымъ морщинами лицомъ, въ чистенькомъ ситцевомъ нарядѣ переходила отъ одного просителя или просительницы къ другому. Тутъ, впрочемъ, совершенно неумѣстно говорить о «просителяхъ».

Всѣ эти пришедшіе за ссудами мужчины и женщины не стояли у порога въ ожиданіи того, чтобы на нихъ удостоили, наконецъ, обратить вниманіе, а сидѣли или рассказывали среди столовъ и чувствовали себя, какъ дома. Всѣ они считаютъ это своимъ дѣломъ и охраняютъ его, какъ свою собственность.

Какъ эти бѣдняки смотрятъ на это дѣло, достаточно доказываетъ тотъ фактъ, что ни одна копѣйка не пропадаетъ никогда. Они считаютъ это своей кассой, и, естественно, охраняютъ эту кассу въ своихъ собственныхъ интересахъ. Собираетъ долги сама Эстеръ-Двойра. Какая бы погода ни стояла, будь тамъ дождь, слякоть, морозъ или вьюга, она въ пятницу съ утра садится на своей низенькой скамеечкѣ среди Fischmark'a. Всѣ уже знаютъ ея мѣсто и спѣшатъ туда нести выплачиваемые пятакки. Около пятисотъ человекъ постоянно пользовались кассой Эстеръ-Двойры.

Пускай послѣ этого расписываютъ мнѣ въ напыщенныхъ фразахъ всѣхъ высокоблагородныхъ дамъ и дѣвицъ, всѣхъ этихъ безплотныхъ, ангелоподобныхъ «святыхъ Цецилій», которыя посвятили свою жизнь бѣдному и немущему, т. е. удѣляютъ отъ своего драгоценнаго времени, котораго некуда дѣть, два-три часа въ недѣлю на равныя скуки убивающія «засѣданія», соглашаются брать на себя трудныя функціи предсѣдательницъ, «секретаршъ» и т. п.; иногда же дохо-

дать до такого самопожертвованія, что даже удѣляютъ ежедневно часть, другой, чтобы «вносить свѣтъ въ это бѣдное темное царство», просвѣщать этихъ «несчастныхъ», «безпріютныхъ», на произволь оставленныхъ дѣтей. Какъ все это возвышенно и трогательно! Ахъ, пускай другіе говорятъ, что имъ угодно, пускай меня обвиняютъ въ чемъ угодно, но признаюсь, всё эти «благодѣянія», вся эта «дѣятельность» милѣйшихъ дамъ и дѣвицъ мнѣ въ большинствѣ случаевъ не симпатичны; я не могу видѣть безъ глубокаго омерзѣнія этихъ прекрасныхъ наряженныхъ фей въ ихъ возвышенной роли покровительницъ «несчастныхъ», когда онѣ, напримѣръ, такъ трогательно разливаютъ кушанье «этимъ бѣднымъ», слѣдя въ сантиментальномъ упоеніи, какъ тѣ насыщаются; когда собственноручно распредѣляютъ имъ одежду, ожидая слезъ умиленія или трогательной благодарности отъ наряженныхъ въ новые штаны счастливыхъ, или же когда въ какой-нибудь праздникъ раздаютъ разноцвѣтные пакетики со сладостями и т. д.

Между вами, мои прелестныя дамы и дѣвицы, несомнѣнно и искреннія души, и благородныя сердца. Но всё эти покровительствуемые и благодѣтельствуемые вами бѣдняки не видятъ того, что въ васъ, а хорошо лишь замѣчаютъ то, что на васъ.

Имъ прежде всего бросаются въ глаза ваша богатая обстановка, ваши изящныя наряды; они съ замираніемъ слушаютъ шуршаніе вашихъ красивыхъ платьевъ, глядятъ съ восторгомъ на ваши огромныя шляпы, украшенныя безчисленными блестящими перьями, словно шлемы предводителей дикихъ племенъ Центральной Африки; съ невыразимымъ наслаженіемъ вдыхаютъ тонкій ароматъ вашихъ духовъ,—и все это опьяняетъ ихъ, вызываетъ скверныя чувства и вожделѣнія. Идеаломъ жизни они начинаютъ считать вашу, а свою они презираютъ и чувствуютъ себя глубоко несчастными. Вы можете имъ внушать совершенно противоположное, восхвалять простоту и т. п. Но то, что они видятъ, дѣйствуетъ сильнѣе всякихъ словъ, которыя всегда безсильны. И помимо всего этого, покровительство богатыхъ и высшихъ имѣетъ какое то особенно деморализирующее дѣйствіе. Создается какой-то особенный, противный, отталкивающий типъ привилегированнаго и покровительствуемаго бѣдняка, который превращается въ нѣчто далеко худшее, чѣмъ

тотъ, который ему покровительствуетъ. Не деморализируетъ только помощь и поддержка *равныхъ*, не деморализируетъ потому, что она не заключаетъ въ себѣ унижающихъ и подобострастіе вызывающихъ элементовъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь еще будетъ впереди, когда я подробно буду говорить о нашей благотворительности.

Я знаю, что нѣкоторые зубоскалы новой формаціи, издѣвающіеся надъ всякими возвышенными, не связанными съ грубой матеріей проявленіями, особенно же надъ тѣмъ, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ религіи, по поводу виленскихъ женщинъ навѣрное скажутъ слѣдующее: „Эти женщины, столь хлопочущія о разныхъ клаузуникахъ, предающихся изученію святой Торы, точно такъ же, какъ и тѣ, которыя инымъ путемъ дѣлаютъ добро, имѣютъ въ виду награду въ будущей жизни. Это онѣ все дѣлаютъ для того, чтобы приготовить себѣ мѣсто въ раю“.

Прежде всего это вообще грубая психологическая ошибка искать непременно и всегда какихъ-либо своекорыстныхъ побужденій въ тѣхъ дѣйствіяхъ людскихъ, къ которымъ побуждаютъ сердце и чувства. Въ эту ошибку всегда впадаютъ люди, которымъ не доступны никакія чувства, слѣдовательно, и безкорыстные побужденія. Очень трудно себѣ представить то, чего самъ никогда не испыталъ. Какъ можетъ человѣкъ, совершенно лишенный музыкальности, понять вашъ восторгъ Бетховеномъ или Гайдномъ. Одному вы смѣшны, въ другомъ вызываете недоверіе.

Да, нелѣпо думать, что человѣкъ, у котораго есть хоть малѣйшее чувство, при каждомъ благородномъ дѣяніи въ чью-либо пользу руководствуется соображеніями о тѣхъ благахъ, которыя приносятъ ему это дѣяніе. Впослѣдствіи еще кое-что подобное у нѣкоторыхъ и можетъ промелькнуть. Но все таки, высшее наслажденіе и высшая непосредственная награда—въ благѣ или счастьѣ, которое данное дѣйствіе можетъ доставить другимъ. Всѣ благочестивые люди, и эти виленскія женщины, въ томъ числѣ, несомнѣнно думаютъ о будущей жизни и глубоко увѣрены въ томъ, что ее можно пріобрѣсти добрыми дѣлами, почему и стараются дѣлать побольше добрыхъ дѣлъ. Но что въ этомъ предосудительнаго? Уже сама вѣра въ то, что твое благо

зависеть отъ блага, которое ты дѣлаешь другому, должна возвышаться и облагораживать. Лютеръ доказываетъ ничтожество нашихъ дѣяній и что ими ничего достигнуть нельзя. Онъ даже говорить, что всѣ заповѣди Богъ намъ далъ, чтобы показать намъ, какъ ничтожна наша воля, такъ какъ мы ихъ никогда выполнять не можемъ. Поэтому, остается одна вѣра, которая можетъ спасти наши грѣшныя души. Еще больше обострилъ это ученіе Кальвинъ. Я никогда не могу забыть слѣдующаго случая. Въ Женевѣ я около полугода обѣдалъ въ одномъ пансіонѣ, въ компаніи добрыхъ благочестивыхъ дамъ и одного студента-теолога, который раньше кончилъ естественный факультетъ. Это все были очень ревностныя кальвинистки. За обѣдомъ постоянно говорили о разныхъ религиозно-философскихъ вопросахъ. Однажды, когда разговорились о томъ, что дѣянія ничего не значатъ, а главное есть вѣра, я замѣтилъ: «Если бы Богъ сошелъ къ намъ на землю, и мы могли бы Его спросить, что Онъ больше желаетъ: нашей вѣры, или нашихъ добрыхъ дѣлъ, Онъ навѣрное сказалъ бы: добрыхъ дѣлъ».

Не успѣлъ я кончить этой фразы, какъ всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и яростно закричали: «Mais vous blasphémez, Monsieur» ¹⁾. Студентъ весь дрожалъ отъ ревностнаго негодованія.

Это ученіе о преимуществѣ вѣры передъ дѣлами, естественно, должно было возникнуть у людей, для которыхъ завѣты альтруизма явились извнѣ навѣянными, а не выработанными на собственной почвѣ, и собственной исторіей, какъ у евреевъ.

Люди никогда не проникнутся духомъ чужого высокаго моральнаго ученія, котораго источникъ, главнымъ образомъ, въ душѣ, въ сердцѣ. Нельзя полюбить добро, проникнуться имъ на основаніи проповѣдей, какъ бы пламенны и убѣдительны онѣ ни были. Можно мгновенно воспламениться, но потомъ раньше выработанныя основныя черты берутъ верхъ, и человѣкъ поступаетъ такъ, какъ подсказываетъ ему вся его природа, а не такъ, какъ ему говорятъ проповѣди и моральные завѣты, какими бы священными онѣ ихъ ни почиталъ. Это по-

¹⁾ Вы богохульствуете, милостивый государь!

нялъ апостолъ Павелъ и, перенося великіе моральныя принципы іудаизма на языческую почву, онъ прежде всего настаивалъ на вѣрѣ.

Прежде, однако, могла существовать увѣренность, что со-временемъ вѣра приведетъ къ дѣламъ. Но прошло пятнадцать вѣковъ, которые доказали, что великое сѣмя добра и альтруизма попало на каменистую почву, и, чтобы больше не обманывать себя, пришлось европейскимъ реформаторамъ вѣру выдвигать на первый планъ. Вообще вѣрой въ свое спасеніе помощью дѣлаемаго другимъ добра проникаются больше люди, уже по своей натурѣ склонные къ добру, и потому они не всегда напередъ думаютъ о будущемъ воздаяніи.

Да, стремиться къ своему благу, какого оно рода и характера ни было бы, посредствомъ доставленія блага другому, можетъ только высшаго разряда душа, особенно когда получаемое воздаяніе такъ безконечно далеко и отдѣлено цѣлыми мірами. Развѣ мало высшихъ нравственныхъ силъ нужно, чтобы работать даже для своего собственнаго, но весьма отдаленнаго будущаго. Корень очень многихъ людскихъ несчастій и людского зла именно въ томъ, что люди рѣдко оказываются способными что-либо дѣлать для завтрашняго дня, а жертвуютъ всѣмъ своимъ будущимъ для данной минуты, даннаго дня. Часто, ради одного только спокойствія данной минуты, люди жертвуютъ высшими интересами будущаго. И если бѣдная, вѣчно согбенная подъ тяжестью тысячъ заботъ и лишеній, вѣчно навьюченная своими корзинами, вѣчно впряженная въ тяжелое жизненное иго женщина можетъ еще думать о высшемъ небесномъ благѣ, она достойна преклоненія. Но большею частью эти благородныя бѣдныя существа вовсе не думаютъ о будущихъ воздаяніяхъ, хотя они имъ и очень дороги, а счастливы тѣмъ, что онѣ, сами слабыя и обиженныя, могутъ все таки еще кое-что дѣлать для облегченія участи своихъ ближнихъ. Надо ихъ только видѣть, когда имъ это счастье представляется.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бенъ-Ами.

Происхождение Шейлока.

Wer die Welt vernünftig ansieht, den
sieht sie auch vernünftig an.
Hegel.

I.

Если мы ближе присмотримся къ тому сложному хаосу, который называется „еврейскимъ вопросомъ“, глубже вникнемъ въ лабиринтъ всевозможныхъ тенденцій и предположеній, замѣчаемыхъ при его обсужденіи, намъ не трудно будетъ уловить два совершенно разнородныхъ теченія, которыя и раздѣляютъ всю эту пеструю сѣнь мнѣній и толкованій разныхъ публицистовъ и ученыхъ на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга категоріи: въ одной изъ нихъ преобладаетъ духъ XVIII вѣка съ его ученіемъ о „неизмѣнной натурѣ“ человѣка и объ ея основныхъ свойствахъ, при чемъ „натура человѣка“ замѣнена болѣе модными словами „типъ арійца и семита“; другая же—проникнута духомъ XIX в. съ его ученіемъ о непрерывной эволюціи. Люди со взглядами первой категоріи приходятъ къ двумъ совершенно противоположнымъ выводамъ: одни, указывая на свойственныя будто еврейской натурѣ добродѣтели, какъ милосердіе, трудолюбіе, трезвость и пр., приходятъ къ заключенію, что евреи заслуживаютъ, чтобъ къ нимъ относились какъ къ равнымъ; другіе же, исходя все изъ тѣхъ же типовъ арійца и семита, трактуютъ о врожденномъ благородствѣ перваго и врожденной низости втораго: евреи де по самой природѣ своей составляютъ дурное, вредное племя, одаренное отрицательными качествами, и для того, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, необходимо возобновить средневѣковныя „поскрипціи.“ Эволюціонисты же, считающіе „постоянные“, „неизмѣнные“ типы не болѣе какъ продуктомъ извѣстныхъ историческихъ условій, утверждаютъ, что люди не рождаются съ предназначеніемъ къ

тому или другому созданному человеческой культурой занятію—такъ могутъ думать только метафизики. Евреи въ Европѣ направили свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ сторону торговли, финансовыхъ и ссудныхъ операцій не вслѣдствіе „торгашескихъ инстинктовъ“ семитической расы, а въ силу тѣхъ крайне неблагоприятныхъ условий, въ какихъ евреямъ приходилось жить въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Такъ какъ вторая половина XIX вѣка окончательно сроднилась съ идеей эволюціи и въ ней привыкли мыслить и аргументировать эволюціонно, то и къ еврейскому вопросу безпристрастнее, *честные* исследователи стали принимать, преимущественно, точку зрѣнія строгаго эволюціонизма, сознавая, насколько невѣренъ и бесплоденъ метафизическій взглядъ на натуру человѣка вообще и на натуру еврея въ частности. Мнѣніе о зловредности семитической расы и о врожденныхъ будто еврейскому племени злыхъ инстинктахъ теряетъ все болѣе и болѣе свой кредитъ. Одни только антисемиты для своихъ личныхъ цѣлей пользуются еще этими устарѣлыми аргументомъ, точно также какъ въ средніе вѣка гоненія и преслѣдованія евреевъ пользовались религиозными мотивами. Но что съ успѣхомъ практиковалось въ средніе вѣка, то стало затруднительнымъ въ наши дни. Въ нашъ положительный, реальный вѣкъ, когда интересы и стремленія личности не облакаются болѣе въ религиозную оболочку, гораздо легче докопаться до сути вещей, отличить главный двигатель даннаго явленія, основной источникъ его происхожденія отъ внѣшнихъ, случайныхъ формъ, въ которыхъ оно обнаруживается. И если и теперь корыстные интересы, борьбу за наживу, стараются прикрыть шумихой возвышенныхъ фразъ, то современную критическую мысль не такъ легко усыпить и громкія, эффектные слова рѣдко вводятъ кого въ заблужденіе.

Не религиозный антагонизмъ, не свойственные семитической расѣ „злые инстинкты“ вызвали это мутное теченіе, а борьба конкуренціи, соперничество капиталистовъ и собственниковъ изъ христіанъ съ представителями еврейскаго финансоваго міра, война, объявленная еврейскимъ купцамъ, ростовщикамъ, банкирамъ, ихъ христіанскими конкурентами. Властѣющее экономическое положеніе евреевъ въ Германіи и Франціи, подготовленное цѣлыми вѣками неутомной коммерческой дѣятельности и упорной, непрерыв-

ной работой, направленной исторически условиями по одному пути, не могло не вызвать зависти и личных возжеланий среди христианских соперниковъ. Аристократамъ, какъ представителямъ крупной земельной собственности, известнымъ слоямъ крупной средней буржуазии, страшень еврейскій капиталъ, еврейская конкуренція, и понятно поэтому ихъ ожесточенное желаніе избавиться отъ опасныхъ конкурентовъ и овладѣть ихъ богатствами, понятно ихъ ратованіе за возобновленіе варварскихъ средневѣковыхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, ихъ дикіе канibalскіе крики объ изгнаніи, смерти и грабежѣ ненавистныхъ соперниковъ. Пристантъ къ этой кликѣ разные неудачники либеральныхъ профессій, руководимые завистью и безсильной злобой къ болѣе энергичнымъ и трудолюбивымъ соперникамъ евреевъ, которымъ часто приходится уступать въ борьбѣ за существованіе. Легко вкореняется враждебное отношеніе къ евреямъ и въ умахъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, которые страдаютъ какъ отъ конкуренціи крупнаго капитала, такъ и отъ конкуренціи въ своей собственной средѣ. Число ихъ слишкомъ велико, они сознаютъ, что положеніе ихъ весьма критическое, а тутъ раздаются возгласы людей, задавшихся цѣлью отстранить опаснаго конкурента и занять его мѣсто: „жди во всемъ виноваты! удалите ихъ—и вы будете спасены!“ Подогрѣвается старыи расовой предрасудокъ и „онъ подсказываетъ отвѣтъ на экономическій вопросъ“.

Но ядъ антисемитизма не проникаетъ въ среду рабочаго и безработнаго классовъ. Въ нихъ вполне окрѣпло сознаніе, что вся суть заключается въ капитализмѣ, въ капиталистическомъ режимѣ, а не въ чемъ иномъ. Если нѣсколько евреевъ наряду съ христианами захватили часть капитала, то это доказываетъ только, что они достигли большого совершенства въ сферѣ финансовыхъ операций, а вовсе не означаетъ, что создали сами денежные обороты, принавшіе въ своемъ развитіи известныя формы. Европейскій рабочій знаетъ, что, если даже изгнать всѣхъ евреевъ, тогда на ихъ счетъ станутъ на ноги нѣсколько единовѣрныхъ капиталистовъ, а въ общемъ останется по прежнему.

Въ настоящее время лучшіе умы прониклись сознаніемъ, что еврейскій вопросъ менѣе всего религіозный, также не національный, а экономическій, социальный. Они сознаютъ, что всѣ расо-

вне и національные вопросы уступаютъ передъ социальными, на социальной же почвѣ долженъ быть рѣшенъ и еврейскій вопросъ.

Замѣчательно, что первый, который поставилъ еврейскій вопросъ на социально-экономическую почву и пришелъ къ заключенію, что только паденіе конкуренціи устранитъ окончательно еврейскій вопросъ, былъ тотъ самый великій мыслитель, который произвелъ полный переворотъ въ общественномъ міросозерцаніи, во всемъ пониманіи хода общественной жизни, установилъ основные законы экономической эволюціи и самымъ блестящимъ образомъ обосновалъ мысль, что не существуетъ вѣчныхъ неизбѣжныхъ законовъ исторической жизни, проявляющихъ свою силу, не смотря на условія пространства и времени—мы говоримъ о Карлѣ Марксѣ. Когда въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Германіи все чаще и настойчивѣе стали раздаваться изъ лагера интеллигентныхъ евреевъ требованія уравнять ихъ единовѣрцевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, извѣстный своими богословско-философскими трудами Бруно-Бауэръ выпустилъ въ свѣтъ одну за другой двѣ книги: „Zur Judenfrage“ и „Die Fähigkeit der heutigen Juden und Christen frei zu werden“. Видя въ еврейскомъ вопросѣ исключительно вопросъ религіозный, Бауэръ высказывается слѣдующимъ образомъ: Требуя равноправія отъ христіанскаго государства, еврей желаетъ, чтобы оно отреклось отъ религіознаго предубѣжденія, но, не отрекшись самъ отъ своихъ религіозныхъ предубѣжденій, имѣетъ ли еврей право требовать отъ другихъ такого отреченія? Бауэръ ставитъ такимъ образомъ эмансипацію отъ религіи условіемъ какъ еврею, желающему политической эмансипаціи, такъ и государству, которое должно эмансипировать другихъ и быть самому эмансипированнымъ. Касаясь же способности современныхъ евреевъ и христіанъ, а также ихъ религіи сдѣлаться эмансипированными, онъ приходитъ къ выводу, что христіане значительно легче евреевъ обладаютъ этой способностью.

Противъ Бауэра выступилъ съ обширной статьёй будущій авторъ „Капитала“. Легко доказавъ, какъ невѣрно и односторонне подобное рѣшеніе еврейскаго вопроса, онъ и ополчается противъ высказаннаго Бауэромъ мнѣнія о способности современныхъ евреевъ и христіанъ эмансипироваться. Карлъ Марксъ, какъ извѣстно, мнѣе всего былъ склоненъ идеализировать „современнаго еврея“ (den Alltagsjuden). Зная преимущественно еврейскихъ ростовщи-

ковъ и банкировъ и отождествляя, по недоразумѣнн, ихъ идеалы съ идеалами всего еврейства, онъ прямо заявляетъ: „Свѣтская основа іудейства—практическія потребности, эгоизмъ; свѣтскій культъ евреевъ—торгашество, свѣтскій Богъ евреевъ—деньги“. „Не въ Пятикнижии и Талмудѣ, а въ современномъ обществѣ мы находимъ существо современнаго еврея, не абстрактное, а въ высшей степени эмпирическое, не какъ условіе ограниченности еврея, а какъ условіе еврейской ограниченности гражданскаго общества. Еврейство такимъ образомъ сохранилось не вопреки исторіи, а именно въ силу ея: изъ своей собственной утробы гражданское общество постоянно рождаетъ еврея... Общественная эмансипація должна быть прежде всего эмансипаціей всего общества отъ присущаго ему торгашескаго элемента“¹⁾.

Какъ оно ни странно на первый взглядъ, но выраженная въ серединѣ XIX в. великимъ ученымъ мысль, что „изъ собственной утробы гражданское общество постоянно рождаетъ еврея“, могло бы служить лучшимъ эпиграфомъ къ знаменитой драмѣ Шекспира, написанной еще на порогѣ XVI в., когда объ „эволюціонной“ точкѣ зрѣнія не могло быть и рѣчи. Мы говоримъ о „Венеціанскомъ купцѣ“.

Шекспиръ, несмотря на то, что обладалъ значительно меньшимъ запасомъ знаній, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, приступивъ къ самымъ сложнымъ запутаннымъ явленіямъ жизни, легко открывалъ самыя сокровенныя и вѣстѣ съ тѣмъ главныя пружины, управляющія этими явленіями; его дивный гоній былъ своего рода волшебный жезлъ, предъ которымъ раскрывался чудеснѣйшій, драгоцѣннѣйшій кладъ—тайна жизни. Отъ его ясновидящаго взора не ускользали поэтому и такія явленія, о которыхъ остальной міръ не вѣдалъ еще цѣлыя столѣтія. Такъ мы въ „Гамлетѣ“ въ сценѣ съ могильщиками встрѣчаемъ воззрѣнія на разныя явленія и измѣненія, происходящія въ природѣ, которыя стали лишь въ XIX в. достояніемъ науки; а въ своемъ „Венеціанскомъ Купцѣ“ Шекспиръ въ XVI в. открываетъ и освѣщаетъ такіе факторы соціальной жизни, значеніе которыхъ было вполнѣ оцѣнено не раньше второй половины XIX в. Присматриваясь къ внѣшнимъ условіямъ, въ которыя въ его время были поставлены евреи въ Европѣ, вида

¹⁾ См. Deutsch-Französische Jahrbücher herausgegeben K. A. Ruge und K. Marx. Paris 1844 (209—244).

непріязненные отношенія христіанскихъ народовъ къ евреямъ, Шекспиръ въ своей драмѣ установилъ съ удивительной вѣрностью *норму* происходившихъ передъ нимъ явленій. Въ нормѣ выражается обыкновенно *основная тенденція* даннаго ряда фактовъ, изолированное вліяніе основныхъ условій, которыми порождаются эти факты. Драма Шекспира наглядно показываетъ, что если поставить людей въ такія условія, какъ евреевъ въ средніе вѣка, то основная первичная тенденція этихъ условій клонится къ тому, что эти люди волей неволей превращаются въ Шейлока. Если же „эмпирическая величина“ не вполне соответствуетъ „нормальной“, т. е. если евреи въ дѣйствительности въ мрачные средніе вѣка не дошли до „озвѣрвія“ Шейлока, то это лишь благодаря тому, что къ внѣшнимъ факторамъ присоединился еще другой факторъ — воспитанный тысячелѣтіями гуманный духъ іудаизма, который даже при ужасныхъ средневѣковыхъ условіяхъ не могъ быть окончательно заглушенъ и подавленъ. Этотъ еще больше увеличивается интересъ, который драма Шекспира должна будить въ насъ, евреяхъ.

Но для того, чтобы можно было вполне оцѣнить Шекспировскую драму и тѣ важные, поучительные выводы, къ которымъ она приводитъ, необходимо прежде всего прослѣдить ту цѣпь историческихъ причинъ и явленій, которая могли создать и вызвать на свѣтъ Божій грозный типъ Шейлока.

II.

Извѣстный эволюціонистъ Летурно, возражая развязнымъ публицистамъ, трактующимъ о врожденныхъ еврейской натурѣ торгашескихъ инстинктахъ, говоритъ между прочимъ: „Спеціальныя, законодательныя мѣры, принятіявшіяся къ нимъ (евреямъ), удаляли ихъ изъ равноправной гражданской среды, заставляли уединиться, скрываться. Служа предметомъ безчестія и ненависти, они, естественно, тѣсно сплотились другъ съ другомъ и выработали свою солидарность на началахъ взаимопомощи и взаимнаго довѣрія. Почти всѣ двери были закрыты передъ ними, исключая той, которая вела къ занятіямъ торговлей. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ особенности „ужаснаго“ въ томъ, что они направились въ эту дверь. Историческія обстоятельства создали изъ евреевъ коммерсантовъ по преимуществу, но разсматривать ихъ коммерческія способности какъ нѣчто врожденное въ нихъ, полагать, что евреи

только созданы для денежных оборотовъ, было бы по меньшей мѣрѣ ненаучно“.

Присмотримся нѣсколько поближе къ тѣмъ „историческимъ обстоятельствамъ“, которыя „создали изъ евреевъ торговцевъ по преимуществу“.

Евреи, живя на своей собственной территоріи, были по преимуществу земледѣльческіи народомъ. Мы — говорить извѣстный историкъ Флавій Іосифъ въ своей книгѣ „Противъ Апіона“ (кн. 1 гл. 12)—не населяемъ страны прибрежной и не питаемъ склонности ни къ торговлѣ, ни къ вызываемому ею общенію съ другими народами. Наши города отстоятъ далеко отъ моря и такъ какъ мы надѣлены хорошей землей, то ее и воздѣлываемъ. „Воздѣлываніе земли“ считалось у евреевъ самымъ почетнымъ занятіемъ. „Кто не имѣетъ своего клочка земли, тотъ не считается человѣкомъ“, говоритъ одинъ изъ мудрецовъ Талмуда (Евасотъ 63). Какъ народъ по преимуществу земледѣльческій и чуждый торговли, евреи смотрѣли на торговцевъ и на ихъ ремесло съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Извѣстно, напримѣръ, что ессее не принимали въ свою секту торговцевъ; множество изреченій мудрецовъ того времени говорить все о томъ же непріязненномъ отношеніи евреевъ къ торговцамъ. „Профессія торговца—разбойничья профессія“ сказано въ трактатѣ Биддушинъ (р. 82). „Объ откупщикахъ хлѣба (съ цѣлью перепродажи по повышеннымъ цѣнамъ)—читаемъ мы во второй главѣ трактата „Дерехъ-Эрецъ-Раба“—и объ одалживающихъ подъ проценты сказано въ Свatomъ писаніи: И клялся Господь валичимъ сыновъ Якова, что Онъ никогда не забудетъ ихъ (преступныхъ) дѣланій“.

Но потеря собственной территоріи и переселеніе въ чужія страны не обошлось еврейскому народу безъ рѣзкой экономической ломки. Въ древнемъ культурномъ мѣрѣ рабство было главной экономической основой государства, и имъ однимъ обуславливался способъ производства. Всѣ чуждые, пришлые элементы были, понятно, изъяты изъ рабовладѣтельской организаци и для того, чтобы они могли существовать, они принуждены были обратиться къ постороннимъ занятіямъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ была торговля.

Съ крушеніемъ древняго міра образовалась средневѣковая феодально-землевладѣльская организаци, изъ которой евреи, опять таки какъ чужой элементъ, были изъяты и они въ силу

все тѣхъ же экономическихъ условій принуждены были отдаться торговлѣ, чему вдобавокъ какъ нельзя болѣе благопріятствовала и самая ихъ разбѣянность по всѣмъ, извѣстнымъ тогда частямъ свѣта. Коренное населеніе смотрѣло, подобно древнимъ евреямъ, съ пренебреженіемъ на ивравшую тогда столь незначительную роль торговлю. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя изреченія римскихъ писателей, какъ и средневѣковыхъ богослововъ, у которыхъ, понятно, пренебрежительное отношеніе къ торговлѣ выражалось чаще всего въ религіозной формѣ. „Римляне — рассказываетъ Титъ-Ливій — знали только два свободныхъ и благородныхъ призванія: земледѣліе и военную службу, всѣ граждане жили на счетъ государственной казны, чѣмъ они освобождались отъ необходимости заниматься для своего существованія какою-нибудь изъ тѣхъ „Sordidae artes“ (грязныя ремесла), которыя пристойны только рабамъ. „Все что носитъ названіе торговли, говоритъ Цицеронъ, — недостойно порядочнаго человѣка, такъ какъ торговцы безъ обмана зарабатывать не могутъ, а что позорнѣе обмана?... Кто отдастъ свой трудъ для прибыли, для наживы, тотъ ставитъ себя на одну ступень съ рабомъ“. У древнихъ германцевъ, у которыхъ война и охота были любимѣйшими занятіями, одно только земледѣліе изъ всѣхъ мирныхъ занятій считалось достойнымъ свободнаго воина, торговля же была признана непристойнымъ, нерыцарскимъ занятіемъ. Этотъ взглядъ на торговлю нашелъ свою санкцію въ религіи. За идеаломъ грековъ и римлянъ „shönes und gutes Leben im Dienste der Gesamtheit des Staates“ (Hegel) послѣдовалъ идеалъ христіанства „leben im Dienste Gottes“, когда на всю земную жизнь стали смотрѣть какъ на одно только преддверье къ будущей лучшей жизни. На земледѣліе смотрѣли какъ на занятіе, которое менѣе всего можетъ ввести въ грѣхъ (велѣлъ же Господь человѣку въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ); торговля же считалась самымъ опаснымъ для спасенія души занятіемъ (выгналъ же Христосъ изъ храма ростовщиковъ и мѣнялъ).

Это неприязненное отношеніе къ торговцамъ и ростовщикамъ вообще перешло въ частности на евреевъ, въ рукахъ которыхъ до крестовыхъ походовъ сосредоточена была вся торговля, а послѣ нихъ, ростовщичество и торгашество. Не этииъ однихъ объясняется, понятно, неприязнь христіанскихъ народовъ къ

евреямъ въ средніе вѣка: въ ней безспорно играли извѣстную роль и религіозный моментъ, и расовой предрасудокъ; но несомнѣнно и то, что непріязнь эта приняла лишь тогда свой роковой характеръ, когда преобладающимъ мотивомъ стала алчность, борьба за наживу, охраненіе узкихъ, эгоистическихъ интересовъ. До начала крестовыхъ походовъ, еврейскіе жилища еще сравнительно сносно, но, съ ихъ наступленіемъ, положеніе евреевъ рѣзко измѣнилось къ худшему. Брѣвѣвѣи буквами занесены крестовые походы на страницы исторіи несчастнаго народа. Цѣлые потоки еврейской крови были безвинно пролиты въ эту ужасную эпоху ¹⁾ „частью но фанатическимъ побужденіямъ, главнымъ же образомъ, потому, что евреи по своей беззащитности были вполне подходящимъ объектомъ для грабежей и разныхъ другихъ безчинствъ тѣхъ подонковъ общества, которые составляли преобладающій элементъ въ рати крестоносцевъ. Но этимъ бѣдствіямъ евреевъ только начались. Крестовые походы произвели цѣлый переворотъ въ экономическомъ положеніи западной Европы, что отозвалось роковымъ образомъ на положеніи евреевъ. До крестовыхъ походовъ европейское христіанское народонаселеніе жило совершенно замкнуто. Мелкое производство было господствующимъ, при чемъ цѣлью производства было главнымъ образомъ непосредственное употребленіе (потребителемъ являлся самъ производитель или феодалъ). Но во время крестовыхъ походовъ христіанскіе народы пришли въ соприкосновеніе съ разными странами, стоявшими въ культурномъ отношеніи значительно выше европейскихъ. Они познакомились съ невѣдомой имъ дотола роскошью, потребности ихъ расширились и они успѣли завязать торговныя сношенія съ этими новыми странами, не исключая даже дальняго востока. Это дало сильный толчокъ развитію торговли, промышленности и ремесленной производительности. Производство продуктовъ для непосредственнаго употребленія превратилось въ производство товаровъ. Не потребленіе, а рынокъ сталъ главной цѣлью производства. Товарное производство стало быстро развиваться, города процвѣтали. Торговля, бывшая у европейскихъ народовъ до тѣхъ поръ въ загонѣ, стала почетнымъ занятіемъ. Среди городскихъ христіанскихъ общинъ явилось очень скоро желаніе монополизировать тѣ выгоды, которыя

¹⁾ Въ одной Германіи отъ 1198 до 1331 г. устроили надъ евреями 52 кровавыхъ бани.

доставляютъ торговля и ремесленная промышленность. Повсемѣстно стали возникать купеческія гильдіи и ремесленные цехи съ исключительнымъ правомъ на производство или торговли. Но чтобы избавиться отъ опасной конкуренціи евреевъ въ торговлѣ и промыслахъ, доступъ въ гильдіи и цехи былъ для нихъ закрытъ. На арену исторіи выступилъ новый мотивъ для угнетенія и ограниченія правъ евреевъ—охраненіе личныхъ интересовъ и выгодъ, узкихъ, эгоистическихъ расчетовъ извѣстнаго класса или сословія безъ всякаго соображенія о томъ, насколько это полезно для общихъ государственныхъ интересовъ. Эти торгашескіе инстинкты, эта борьба и погоня за наживой, оставшіяся до нашего времени главнымъ двигателемъ юдофобства, всегда находили желанную надежную опору въ религіозной враждѣ къ евреямъ. И эти „взрывы торгашеской желчи“ проявлялись вплоть до нашихъ дней погромами, избиеніями, изгнаніями евреевъ.

Такимъ образомъ, евреи, предъ которыми былъ закрытъ доступъ къ земледѣлію, ремесленные цехи и торговля гильдіи, принуждены были отдаться мелкому торгашеству, торговлѣ деньгами т. е. ростовщачеству. Но не одни только экономическія условія толкали евреевъ на этотъ путь. Свѣтскія и духовныя власти всячески поощряли евреевъ въ этомъ. Съ развитіемъ торговли и городовъ значительно расширились потребности духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ. Явилась страсть къ роскоши, съ которой они познакомились на востокѣ во время крестовныхъ походовъ. Потребности эти не могли больше быть удовлетворены натуральными продуктами, доставляемыми вѣрноподданниками. Явилась ненасытная, безграничная жажда денегъ, за которую приходилось дорого расплачиваться евреямъ. Въ средніе вѣка не существовало никакихъ собственно человѣческихъ правъ, право гражданства получалъ лишь тотъ, кто считался членомъ господствующей католической церкви и лишь потому именно, что онъ членъ ея.

Евреи стояли поэтому внѣ закона, и ихъ въ видѣ милости владѣлецъ страны благосклонно принималъ подъ свою охрану, за что тѣ должны были ему платить особый „охранный налогъ“ (Schutzgeld); въ Германіи, напримѣръ, евреи находились подъ охраной императора. Охранять евреевъ было чрезвычайно выгодно, оно ни къ чему не обязывало, находящихса подъ охраной евреевъ можно было безнаказанно рѣзать и убивать; но за эту фактивную

охрану евреи принуждены были платить громадные, невѣроятныя деньги. Охрана евреевъ была настолько выгодна, что германскій императоръ или римскій папа даровалъ своимъ приближеннымъ и вассаламъ въ видѣ особой милости или награды право охранять евреевъ извѣстныхъ городовъ и округовъ. Благодаря „праву охраны“, евреи превратились въ движимую собственность, переходящую изъ рукъ въ руки; съ развитіемъ товарнаго производства и евреи превратились въ товаръ¹⁾. Такимъ образомъ, не пользуясь никакими правами и покровительствомъ закона, евреи тѣмъ не менѣе платили въ пользу казны въ нѣсколько разъ больше христіанъ²⁾. Евреи должны были платить за душу и тѣло, за всякое занятіе или дѣйствіе; каждый шагъ въ жизни евреевъ былъ обложенъ особой повинностью, спеціальнымъ налогомъ. Евреи платили за въѣздъ и выѣздъ изъ города, за проходъ черезъ ворота и мосты, за переходъ границы любого изъ многочисленныхъ крошечныхъ нѣмецкихъ княжествъ, за всякую куплю и продажу, за свадьбу и похороны³⁾, на ихъ счетъ содержали католическія семинаріи, устраивали народныя игры, такъ что общее количество еврейскихъ налоговъ разныхъ наименованій составляло въ нѣкоторыхъ странахъ около 60. Такъ, совершенно забывъ о человѣческихъ правахъ евреевъ, на нихъ смотрѣли съ точки зрѣнія самаго грубаго матеріальнаго интереса. Такое заглушеніе корыстными цѣлями всѣхъ другихъ чувствъ—въ чемъ, къ слову сказать, такъ тяжело обвиняютъ евреевъ—нерѣдко было пагубнымъ въ отношеніи ихъ, побуждая государей, владѣтельныхъ бароновъ и городскія общины просто на просто грабить этихъ несчастныхъ, безправныхъ людей, изгонять или даже истреблять ихъ и затѣмъ присвоивать себѣ ихъ состояніе. Этотъ налогъ на 'еврейское имущество, какъ и большинство средневѣковыхъ насилій и гнусностей, прикрывалось мантией благочестія и христіанскаго милосердія. Во имя католической церкви, евреи, по распоряженію папы Иннокентія III, обязаны были

¹⁾ Вся еврей—гласитъ золотая булла Карла IV за 1347 г.—душою и тѣломъ и всѣмъ имуществомъ принадлежать нашей палатѣ, и мы можемъ дѣлать съ ними что намъ угодно.

²⁾ Въ Англіи, гдѣ евреи составляли ничтожную часть населенія, они носили на своихъ плечахъ двѣнадцатую часть всей суммы доходовъ государства.

³⁾ Въ Курпфальцѣ у еврейскаго кладбища находился особый сборникъ податей, не позволявшій хоронить покойника пока не уплачивали два флорина (Lövenstein, Gesch. d. Juden in der Kurpfalz 32).

платить десятину духовенству, во славу той же церкви инквизиція явилась „однимъ изъ легальнѣйшихъ средствъ захвата еврейскаго имущества“, а король Фердинандъ католикъ и жена его Изабелла выгнали евреевъ изъ Испаніи и присвоили себѣ ихъ громаднаго богатства¹⁾. Во имя церкви, еврей, какъ потомъ чернокожіе, признаны были съ высоты папскаго престола не людьми, а низшими, отверженными, презрѣнными существами „естественными рабами христіанъ“. Когда бургундская герцогиня освѣдомлялась у знаменитаго Томы Аквината, позволительно ли ей иногда и когда именно производить усиленные поборы съ евреевъ, ученый мужъ ей отвѣтилъ: „на этотъ вопросъ можно вашей свѣтлости отвѣтить, что позволительно, какъ гласятъ о томъ и законы (3), держать евреевъ по причинѣ самаго преступленія въ постоянномъ рабствѣ; и такимъ образомъ властители могутъ считать имущества евреевъ за свои собственныя“. Это пришлось по вкусу „властителямъ“. Они съ истинной виртуозностью старались извлекать изъ евреевъ какъ можно большую матеріальную пользу, и удерживая ихъ въ самомъ приниженномъ, угнетенномъ, презираемомъ положеніи, заставляли ихъ непрерывно, безропотно работать на своихъ угнетателей. Но чтобы можно было пользоваться въ случаѣ надобности еврейскимъ имуществомъ, надо было и заботиться о томъ, чтобы еврей былъ въ состояніи его скопить. Дать евреямъ возможность обогащаться „властители“ видѣли преимущественно въ насильственномъ приурочиваніи евреевъ къ ростовщичеству. Въ этомъ отношеніи еврей пользовался значительными привилегіями. Въ то время какъ христіанамъ не позволялось взимать больше 6%¹⁾, евреямъ разрѣшалось взимать 12%²⁾; еврей могъ безнаказанно принимать въ залогъ по ссудамъ завѣдомо краденую вещь и т. д.

Такимъ образомъ въ средніе вѣка, какъ вполне основательно замѣчаетъ Штоббе, „на евреевъ смотрѣли, какъ на общественную казенную копилку; единственное ихъ право состояло въ томъ, что

¹⁾ Я причинила много несчастій странѣ, пишетъ Изабелла папѣ—я обезлюдяла города, провинціи, но все это я дѣлала и дѣлаю единственно изъ чистой любви къ Христу и его Св. Матери. То же самое утверждали и кальскія власти, увирая, что ограбленіе евреевъ дѣлалось во славу Божию... Stobbe 192.

²⁾ Богатые христіане и даже католическое духовенство давали поэтому евреямъ свои капиталы, чтобы получить ростъ черезъ ихъ посредство. (См. Д. Елизъ Haschleach IV 323 и Gothein Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes § 469).

они по мѣрѣ силъ и возможности могли составлять капиталы, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что казна, городское общество и даже отдѣльныя, вліятельныя лица могли опустошать эту копилку, когда вѣтъ заблагоразсудится, и когда накопится въ ней достаточно денегъ“¹⁾. Нѣмецкіе феодалы и польская шляхта употребляли евреевъ въ видѣ губки, которой они высасывали соки народа. Несчастные евреи, сами безжалостно угнетаемые и эксплуатируемые, фигурировали въ свою очередь передъ народной массой, какъ эксплуататоры, какъ представители капитала. Оттуда и глубокая ненависть къ евреямъ, которая часто разражалась кровавыми боями. Эпоха Хмельницкаго, Гонты, „Гайдамачины“ могутъ служить тому краснорѣчивой иллюстраціей.

Мы видимъ, какимъ образомъ у евреевъ деньги стали „свѣтскимъ богомъ“: этотъ богъ достался имъ страшно дорогой цѣной, онъ былъ купленъ кровью цѣлыхъ поколѣній, длинной цѣпью невѣроятныхъ страданій и униженій, и онъ при всемъ этомъ оказался сворѣе ихъ демоновъ, чѣмъ богомъ. Правда, только деньгами евреи могли откупаться отъ своихъ неумолимыхъ враговъ, лишь онѣ могли ихъ спасти порой отъ неминуемой гибели, но тѣ же деньги часто и навлекали бѣду на еврейскія головы. Изъ-за жадности къ ихъ богатствамъ духовные и свѣтскіе „властители“ угнетали ихъ какъ только могли, изъ-за ненависти къ богатымъ угнетаемымъ массамъ населенія питали къ евреямъ затаенную злобу, которая, благодаря безправности евреевъ, могла безнаказанно прорываться наружу стихійнымъ, безобразнымъ буйствомъ и грабежомъ. Наконецъ, изъ-за денежныхъ, корыстныхъ расчетовъ, евреи были насильно отщепенены отъ находившейся раньше исключительно въ ихъ рукахъ торговли окрѣпшими христіанскими городскими общинами, они приобрѣли себѣ въ послѣднихъ страшныхъ непримиримыхъ враговъ, возненавидѣнныхъ евреевъ и какъ опасныхъ конкурентовъ, для устраненія которыхъ, „честные торговцы“ не пренебрегали и самыми возмутительными средствами²⁾, и какъ ростовщиковъ, къ которымъ, нуждаясь въ деньгахъ для своихъ операцій, имъ приходилось довольно часто обращаться, при чемъ тѣ, понятно,

¹⁾ Stobbe „Die Juden im Mittelalter“ 61.

²⁾ Такъ, напримѣръ, изъ одной польской королевской грамоты 1576 г. видно, что на евреевъ возведено было обвиненіе въ употребленіи христіанской крови именно съ этой цѣлью (это было обнаружено слѣдствіемъ) „чтобы жадность съ мѣстъ нашихъ (королевства) искоренить“. Такихъ примѣровъ много.

пользовались данной имъ привилегіей взимать „жидовскіе“ проценты.

Ничего удивительнаго нѣтъ, что евреи платили христіанамъ за ихъ ненависть и презрѣніе той же монетой; они всей душой ненавидѣли своихъ жестокихъ мучителей, которые травили ихъ какъ дикихъ зрѣрей, заключали въ душныхъ гетто, облачали въ спеціальныя клейменныя одежды, сибались и надругались надъ ними. Христіанскій міръ исключилъ ихъ изъ своей среды, и они съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергли этотъ міръ; они создали свой міръ мистическій, мрачный, аскетическій, тщательно оберегаемый отъ прикосновенія съ внѣшнимъ, вражескимъ міромъ. А въ этомъ послѣднемъ происходили тогда крупныя перемѣны. Къ началу XV в. торговля достигла небывалаго расцвѣта. Дикія орды турокъ и другихъ азіатскихъ народовъ, двинувшихся на Европу, загородили сухопутный торговый путь на востокъ. Это дало толчокъ къ поискамъ морскихъ путей въ Азію. Смѣлые мореплаватели стали искать новый путь въ Индію, открыли Америку съ ея золотыми и серебрянными рудниками, началось порабощеніе и разграбленіе восточной и западной Индіи.

Обогнули берега Африки, и на рынокъ явился новый товаръ—чернокожій. Съ высоты папскаго престола послѣдній былъ признанъ низшимъ существомъ, „природнымъ рабомъ христіанъ“ и Африка превратилась въ громадную территорію, на которой охотились за двуногимъ звѣремъ—чернокожимъ. Несчастныхъ негровъ силой заковывали въ цѣпи и на Sklavenschiffe отправляли въ ново-открытыя колоніи. „Варварство и возмутительныя жестокости“—говоритъ объ этой зарѣ колониальнаго хозяйства William Novitt¹⁾ такъ называемыхъ христіанскихъ расъ въ каждой части свѣта надъ каждымъ народомъ, который они только порабощали, не имѣютъ себѣ равнаго во всей всемірной исторіи ни у какой другой расы, какъ бы она ни была дика и некультурна, беспощадна и безстыдна“. „Исторія колониальнаго хозяйства, — прибавляетъ другой авторъ—развертываетъ предъ нами небывалую картину коварства, подкупа, убійствъ и низостей“. Купленная такой цѣной морская торговля достигла небывалыхъ размѣровъ и прибрежныя города Англіи, Голландіи и южной Италіи стали быстро богатѣть.

¹⁾ Цит. у Маркса Kapital I 4 Anfl. 716.

Вмѣстѣ съ богатствомъ сатли измѣнились нравы и образъ жизни. Аскетическо-христіанское мировоззрѣніе стало уступать болѣе жизнерадостному, настала эпоха возрожденія какъ искусство, такъ и дукалловскихъ обѣдовъ, пооекъ и безшабашной жизни. Евреи, заключенные въ своихъ тѣсныхъ гетто, остались въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ событій. Еврейскій замкнутый аскетическій міръ сталъ еще болѣе чуждымъ жизнерадостному христіанскому, и это отчужденіе еще болѣе усугубило вражду между ними.

Вотъ этотъ-то важный историческій моментъ и рисуетъ своей мастерской кистью Шекспиръ въ „Венеціанскомъ купцѣ“.

С. Л. Цинбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дни испытанія.

Романъ въ двухъ частяхъ.

Е. Левонтина

(Продолженіе) 1).

IX.

Гительзонъ сталъ приводить въ исполненіе свой проектъ и сталъ во главѣ небольшого кружка, занявшагося устройствомъ вечера въ праздникъ Пуримъ. Начались уже переговоры съ нѣкоторыми извѣстными пѣвцами и музыкантами, которые охотно согласились принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Получено было уже разрѣшеніе на продажу билетовъ, а въ одной газетѣ появилась замѣтка, что вечеръ состоится въ купеческомъ клубѣ при участіи пѣвца N и пѣвицы NN, что концертъ обѣщаетъ быть однимъ изъ интереснѣйшихъ въ текущемъ сезонѣ, и что цѣль концерта очень симпатичная: прійти на помощь несчастнымъ эмигрантамъ, скопившимся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ въ пограничномъ городѣ Б. и неимѣющимъ возможности двинуться въ путь дальше, въ Америку. Можно поэтому надѣяться—говорилъ авторъ замѣтки,—что почтенная столичная публика, извѣстная своей отзывчивостью, удостоитъ и т. д.

Но Гительзонъ и его товарищи, однако, не полагались на чудеса и на отзывчивость столичныхъ благотворителей и рѣшили развозить билеты по богатымъ домамъ, надѣясь такимъ образомъ получать за билеты больше номинальной цѣны. Раз-

---

1) См. „Книжки Восхода“ № 6 с. г.

дѣлившись по двое и запасшись билетами, они стали разѣзжаться по богачамъ и просить ихъ явиться вмѣстѣ съ почтенными супругами и дочерьми, которыя послѣ концерта могутъ участвовать и въ танцахъ... Сначала рѣшили было ограничиться однимъ концертомъ безъ танцевъ—вѣдь не Богъ вѣсть какая радость—но слова Гительсона, весьма опытнаго распорядителя, одержали верхъ:

— Если мы желаемъ—говорилъ Гительсонъ—собрать порядочную сумму, а не гроши какіе-нибудь, то мы не должны отступать отъ принятыхъ обычаевъ... Что же дѣлать? Человѣческой природы намъ не передѣлать, а здѣшняя публика любитъ сочетать пріятное съ полезнымъ: совмѣстить пожертвованіе съ удовольствіемъ, которое испытываетъ его танцующая дочка.

Послѣ долгихъ разговоровъ и упорной оппозиціи со стороны противниковъ танцевъ, собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что противъ воли приходится уступить принятому обычаю, что лучше было бы, пожалуй, совсѣмъ этой исторіи не затѣвать, но что сдѣлано, того уже не вернешь...

На долю Гительсона и Хаймовича выпала обязанность ходить по домамъ наиболѣе извѣстныхъ богачей, христіанъ и евреевъ, такъ какъ они будутъ внушать къ себѣ уваженіе своимъ виднымъ ростомъ и представительностью и, кромѣ того, они были знакомы во многихъ богатыхъ домахъ. Имъ предстояло поэтому посѣтить также домъ Энгельштейновъ.

Сначала Гительсонъ и его товарищи думали было поручить это дѣло Гутину, такъ какъ онъ тамъ свой человѣкъ въ домѣ и могъ бы получить солидную сумму. Но Гутинъ, который не отходилъ отъ постели своего больного товарища и былъ вообще очень мрачно настроенъ въ послѣдніе дни, сказалъ, что не приметъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ и не придетъ даже къ ужину, который они намѣрены устроить послѣ концерта для тѣхъ, кто желаетъ вернуться къ своему народу: онъ не придетъ, говорилъ онъ, смотрѣть,

какъ искусственно подогрѣваются національныя чувства сыт-нымъ ужиномъ...

Гительзонъ и Хаймовичъ, придя въ контору Энгельштейна, передали тамъ два почетныхъ билета Давиду Исааковичу. А такъ какъ онъ постоянно былъ занятъ своими дѣлами и зналъ, что долженъ дать пожертвованіе всякому просящему, то услышавъ, что студенты еврей устраиваютъ концертъ, подумалъ, что они просятъ въ пользу своихъ бѣдныхъ товарищей и далъ свое обычное пожертвованіе въ пятьдесятъ рублей. Гительзонъ хотѣлъ было вступить съ нимъ въ разговоръ, сказать, что это скромное даяніе, что число нуждающихся въ помощи очень велико, но Хаймовичъ отозвалъ его въ сторону и сказалъ, что и это вполне приличное пожертвованіе. Между тѣмъ пришли еще другіе посѣтители и стали говорить съ хозяиномъ о торговыхъ дѣлахъ. Гительзонъ вышелъ оттуда очень мрачный и даже не поклонился Энгельштейну на прощаніе. Узнавъ, что Владиміръ Энгельштейнъ въ контору не придетъ и что онъ теперь дома, они направились прямо туда.

Передъ ними открывалась тяжелая дверь съ очень затѣйливыми вырѣзками и украшениями. Изъ большого вестибюля съ пальмами и мраморными колоннами вела широкая лѣстница въ квартиру хозяина. Лѣстница была устлана дорогимъ персидскимъ ковромъ, а наверху у самаго входа стояли изваянія двухъ огромныхъ львовъ съ раскрытыми пастьми.

Лакей, дородный широкоплечій дѣтина, провелъ Гительзона и его товарища въ большую, богато обставленную гостинную.

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ Владиміръ Исааковичъ Энгельштейнъ и медленными шагами съ большою важностью сталъ приближаться къ гостямъ.

— Чѣмъ могу служить, господа?—спросилъ онъ тихо, глядя прямо въ глаза стоявшимъ передъ нимъ студентамъ и не подавая имъ руки.

— Мы студенты—громко отвѣтилъ Гительзонъ—студенты

евреи и устраниваемъ вечеръ въ пользу нашихъ несчастныхъ братьевъ, которымъ въ это тяжкое время приходится эмигрировать и скитаться вдалекѣ отъ родины.

— Но, господа, я удивляюсь: кто далъ вамъ право вмѣшиваться въ такія важныя дѣла? Если вы студенты, то ваше дѣло учиться въ своемъ учебномъ заведеніи, а не заниматься политикой... Вѣдь это прямо бѣда, если молодежь оставляетъ свои науки и начинаетъ заниматься посторонними дѣлами...

— Милостивый государь—прервалъ Гительзонъ стоявшаго передъ нимъ Энгельштейна—мы пришли не диспутировать съ вами и не за совѣтами мы обратились къ вамъ; мы просимъ у васъ пожертвованія для несчастныхъ людей, которыхъ постигло несчастье... они хлѣба просятъ для своихъ голодающихъ дѣтей...

— А я скажу вамъ, что и мы знаемъ свое дѣло, мы знаемъ, когда нужно давать на благотворительныя дѣла, и живемъ мы не по вашимъ указаніямъ... А вы хотите подорвать основы нашего существованія, выслать нашихъ единовѣрцевъ изъ ихъ отечества, чтобы всѣ народы могли потомъ утверждать, что у насъ нѣтъ любви къ родинѣ и чтобы такимъ образомъ ненависть къ намъ еще усилилась... Что касается этихъ бѣдняковъ и нищихъ, то мы сами знаемъ, что имъ нужно дать. Къ сожалѣнію—прибавилъ онъ съ насмѣшкой—я долженъ вамъ сказать: идите своей дорогой, господа, и вернитесь къ своимъ учебнымъ заведеніямъ... Говоря это, онъ повернулся къ нимъ спиной и быстро удалился въ сосѣднюю комнату.

Оба пріятеля стояли ошеломленные. Гительзонъ, видѣ себя отъ гнѣва, съ сжатými кулаками, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, но пріостановился и блуждающимъ взоромъ посматрѣлъ вокругъ себя.

— Пойдемъ отсюда скорѣе, чего намъ стоять здѣсь?—сказалъ Хаймовичъ, взявъ товарища за руку и потащилъ его внизъ.

Но и на улицѣ Гительзонъ не успокоился. Онъ весь кипѣлъ негодованіемъ. Изъ его устъ посыпались проклятія на

этихъ «палачей», «кровопійць» и «душегубовъ», на этихъ аристократовъ, засѣвшихъ въ своихъ роскошныхъ хоромахъ и основавшихъ свое могущество «на грабежѣ и насиліяхъ». На этотъ разъ и Хаймовичъ сталъ негодовать на всю эту исторію, и отъ гнѣва покраснѣли его полныя щеки и бритый подбородокъ.

— Я этого дѣла такъ не оставлю, ему придется считаться съ моими кулаками!—закричалъ Гительзонъ съ яростью:—слыханное-ли дѣло? Эдакій негодяй оскорбляетъ студентовъ, а я буду молчать? Нѣтъ, благодарю покорно! Я долженъ его видѣть во что бы то ни стало.

— Но куда-же вы пойдете, безумецъ? Вѣдь онъ спрятался въ своихъ апартаментяхъ и не дастъ улицеврѣть свою почтенную фивіономію.

— Хотите-ли вы пойти со мною, или нѣтъ — мнѣ все равно, но я еще не кончилъ своихъ счетовъ съ этимъ господиномъ...

Они дошли до дома, гдѣ на вывѣскѣ золотыми буквами было написано: «Торговый домъ Исаака Энгельштейна, Сыновей и К^о», вступили въ обширную прихожую, гдѣ Гительзонъ спросилъ благообразнаго старика-швейцара, пришелъ-ли уже Владиміръ Энгельштейнъ.

— Давидъ Исааковичъ сидятъ уже въ конторѣ, а Владиміръ Исааковичъ еще не изволили предти,—важно отвѣтилъ швейцаръ.—Они всегда изволятъ приходить въ часъ дня. Ежели вамъ угодно ихъ видѣть, то вамъ нужно обратиться къ швейцару на квартирѣ Владиміра Исааковича. Отсюда сейчасъ направо ихній домъ.

— Хорошо!—пробормоталъ Гительзонъ и сунулъ швейцару въ руки двугривенный.

Это обстоятельство тотчасъ расположило почтеннаго старика въ ихъ пользу, и онъ широко распахнулъ двери, подобострастно кланаясь выходящимъ студентамъ. Гительзону не хотѣлось больше ходить по сбору пожертвованій.

— Ну ихъ къ дьяволу!—рѣшилъ онъ.—Я больше нигде не пойду, покуда не окончу своей бесѣды съ Энгельштейномъ.

— А мнѣ вѣдь нужно еще сегодня пойти въ лабораторію, — возразилъ Хаймовичъ, — у меня тамъ накопилось много работы къ концу семестра.

— Тогда вы можете идти. Ждите меня къ шести часамъ у Сапирштейна, тамъ соберутся всѣ члены нашего кружка для разсмотрѣнія дѣлъ будущаго вечера.

Они разстались. Хаймовичъ пошелъ своей дорогой, а Гительзонъ поднялъ воротникъ пальто, такъ какъ дулъ холодный вѣтеръ, и торопливо перешелъ на другую сторону улицы.

Во второмъ часу Гительзонъ вернулся къ конторѣ. У подъѣзда онъ увидѣлъ богатую карету. Кучеръ, натянувъ возжи, съ трудомъ удерживалъ лошадей. Знакомый старикъ-швейцаръ открылъ ему дверь и сказалъ:

— Сію минуту Владиміръ Исааковичъ выйдутъ отсюда... Вотъ уже и карета ихъ ждетъ.

И дѣйствительно, тотчасъ вышелъ «самъ», закутанный въ дорогую шубу, въ красивой мѣховой шапкѣ съ палкой въ рукѣ.

— Милостивый государь, — окликнулъ его Гительзонъ, и Энгельштейнъ повернулъ немного лицо въ его сторону, — вы убѣжали, спрятались и даже не подумали...

— Да кто вы такой?

— Вы своимъ поступкомъ оскорбили меня и моего товарища, и должны поэтому извиниться передъ нами.

— А! — протянулъ Энгельштейнъ, повернулся и сталъ медленно спускаться по ступенямъ.

— Стойте! Ни съ мѣста! — закричалъ Гительзонъ, вспыхнувъ. — Я еще разъ повторяю вамъ, что вы поступили мерзко, благородные люди такъ не дѣлаютъ.

Энгельштейнъ повернулся въ сторону студента, посмотрѣлъ на стоявшаго въ дверяхъ на вытяжку швейцара и произнесъ спокойно:

— Швейцаръ, прогони этого человѣка отсюда и повови полицейскаго.

Въ одно мгновеніе Гительзонъ подскочилъ къ Энгельштейну, поднялъ руку и влѣпилъ ему пощечину.

Крикъ ужаса и изумленія вырвался у всѣхъ стоявшихъ поблизости: Энгельштейнъ поднялъ свою палку, чтобы защищаться.

Стали останавливаться прохожіе у мѣста происшествія; поднялся шумъ, суматоха; явился и околочный.

— Если г. Энгельштейнъ захочетъ потребовать отъ меня удовлетворенія, то вотъ моя визитная карточка,—и онъ передалъ одну карточку швейцару, а другую околочному.

— Вамъ нужно отправиться со мною въ участокъ, за нарушение общественной тишины,—заявилъ околочный.

— Мы вмѣстѣ съ нимъ пойдѣмъ,—воскликнулъ Гительзонъ, указывая въ ту сторону, гдѣ стоялъ Энгельштейнъ.— Мы оба нарушили тишину.

Но Энгельштейнъ успѣлъ уже усѣсться въ карету и уѣхать, а Гительзонъ со свидѣтелями въ сопровожденіи полицейскаго отправились въ участокъ.

По городу, между тѣмъ, быстро разнесся слухъ о томъ, что какой-то молодой человѣкъ жестоко избилъ Энгельштейна. Одни говорили, что онъ даже стрѣлялъ въ него изъ револьвера, другіе передавали, что онъ только сбилъ Энгельштейна съ ногъ и палкой избилъ его до крови. Были и такіе слухи, что это былъ одинъ изъ анархистовъ, которые приходятъ къ богатымъ людямъ и подъ угрозами требуютъ денегъ. Другіе говорили; *cherchez la femme*,—дѣло, молъ, личной мести этого молодого человѣка за то, что богатъ хотѣлъ у него отнять даму его сердца...

На слѣдующій день всѣ жители столицы могли читать въ газетахъ, въ отдѣлѣ мѣстныхъ новостей, что студентъ-медикъ далъ пощечину извѣстному банкиру Э. за то, что послѣдній отказался дать пожертвованіе въ пользу своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ, вынужденныхъ теперь по извѣстнымъ причинамъ пуститься въ далекую эмиграцію. Весь городъ волновался по поводу этого происшествія. Многіе радовались этому событію. Другіе, хотя и не одобряли такого образа дѣйствій, тѣмъ не менѣе находили и поступокъ богатаго Энгельштейна

безобразнымъ. Были, однако-же, и такіе, которыхъ эта исторія возмущала: неужели-де мы должны во всемъ слушаться пылкаго студенчества? Кромѣ того, вѣдь братья Энгельштейны извѣстны, какъ щедрые благотворили, и они, навѣрное, дали свою обычную ежегодную лепту въ пользу бѣдныхъ евреевъ. Многіе были очень довольны, когда черезъ нѣсколько дней стало извѣстно рѣшеніе мирового судьи по этому дѣлу: Гительсона присудили къ 15-ти рублевому штрафу, съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, трехдневнымъ арестомъ.

Это происшествіе и послѣдовавшій за нимъ процессъ возбуждалъ у многихъ любопытство; имъ захотѣлось увидѣть въ лицо того молодого человѣка, который билъ банкира, и билеты на вечеръ благодаря этому бойко раскупались. О Гительсонѣ говорили во всемъ городѣ, а также и въ провинціи, и онъ сталъ «героемъ дня». Въ «чертѣ» имя его превозносилось молодежью: въ немъ видѣли защитника еврейскихъ интересовъ, выступающаго на борьбу съ денежными аристократами, которые оторваны отъ народа, каменные сердца которыхъ остаются безучастными къ воплямъ страдающихъ единоплеменниковъ. Онъ получалъ множество писемъ изъ провинціи, авторы которыхъ ободряли его и побуждали къ дальнѣйшей дѣятельности, которая, можетъ быть, возымѣетъ вліяніе на богачей, и они измѣнятъ свои отношенія къ народу.

Само собою разумѣется, что товарищи Гительсона и его единомышленники нашли теперь удобный моментъ, чтобы высказать свои взгляды и обнаружить свои симпатіи къ любимому товарищу. Онъ сталъ центромъ, вокругъ котораго сгруппировалась вся молодежь, охваченная новымъ движеніемъ; онъ былъ главнымъ ораторомъ на ихъ многочисленныхъ собраніяхъ, гдѣ много говорили о еврейскомъ самосознаніи, объ отношеніяхъ еврейства къ окружающимъ народамъ, объ отношеніяхъ еврейскихъ капиталистовъ къ бѣдствующей массѣ, о крѣпкихъ устахъ, связывающихъ молодежь съ роднымъ, гонимымъ народомъ, о стремленіи къ живой дѣятельности и о готовности на самопожертваніе.

Одного только Гутина инцидентъ съ Гительзономъ мало радовалъ. Онъ даже былъ этимъ огорченъ.

— Сила Израиля не въ кулакѣ,—говорилъ онъ посѣщавшимъ его товарищамъ,—а въ словѣ и духѣ его. Вы посмотрите, что дѣлаетъ еврейская народная масса теперь, когда ея муки перешли черезъ край, когда горе давить и гнететь ее: она собирается въ синагогахъ и обращается съ мольбою къ Богу, чтобы Онъ отвратилъ свой гнѣвъ отъ народа и спасъ его отъ гибели и позора. Въ устахъ народа есть только молитва къ Богу, и эта молитва, выливающаяся изъ разбитой народной души, эти душу раздирающіе вопли и цѣлые потоки горячихъ слезъ,—только они поддерживаютъ его и даютъ ему силы, чтобы продолжать вѣчный путь, чтобы молча переносить тяжесть невзгодъ, поднимать голову изъ-подъ бушующихъ надъ нимъ бурныхъ волнъ и напрягать всѣ усилія къ тому, чтобы пристать къ безопасному берегу...

Нѣтъ, господа, теперь не время бить нашихъ враговъ. Для насъ—это дни раскаянія, и мы должны теперь вернуться преданными сынами къ своему народу, вернуться съ любовью къ нему, къ его Библии, языку и образу жизни. Мы должны дорожить его великимъ духомъ и изучать его жизнь, чтобы остаться вѣрными ему и потомъ, когда пройдетъ гроза, когда настанутъ для насъ лучшіе дни. Если мы не забываемъ о народѣ въ несчастіи, то наша заслуга передъ нимъ еще не такъ велика. Наша дѣятельность будетъ цѣнна, и мы будемъ вправѣ гордиться ею только тогда, если мы и въ болѣе счастливое время не оставимъ народа и не измѣнимъ его интересовъ...

Богѣвнъ Шуба, которая не только не ослабѣвала, но съ каждымъ днемъ становилась все тяжелѣе, держала Гутина взаперти, прикованнымъ къ постели товарища. Въ больницу онъ не хотѣлъ его помѣстить, боясь, какъ-бы больному не повредило одно сознаніе въ свѣтлые промежутки что находится въ больницѣ. Онъ всецѣло предался больному товарищу и, просиживая по цѣлымъ днямъ дома, усердно

читать еврейскія книги, желая въ совершенствѣ овладѣть языкомъ.

— Мы должны, — говорилъ онъ посѣщавшимъ его товарищамъ, — говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ. И этотъ языкъ есть древнее-врейскій языкъ, это единственное наслѣдіе нашего древняго величія. Мы должны поэтому развить, обогатить его, сдѣлать вполне литературнымъ языкомъ наравнѣ съ языками другихъ культурныхъ народовъ. Ибо только онъ, этотъ языкъ, въ состояніи объединить разрозненные и разсѣянные по всему міру силы еврейства, онъ является тѣмъ духовнымъ центромъ, къ которому будутъ стремиться всѣ наши единоплеменники, чуждые другъ другу по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Еврейскій языкъ долженъ стать языкомъ всѣхъ евреевъ, на которомъ они могли бы высказывать всѣ свои мысли, могли бы увѣковѣчить всѣ приобрѣтенія культуры и науки всѣхъ временъ и народовъ. Языкъ этотъ — та красная нить, которая должна соединить всѣхъ насъ, отъ взобравшихся на высшія ступени науки и богатства до стоящихъ внизу и въ потѣ лица добывающихъ себѣ насущный хлѣбъ, отъ изнѣженной красавицы, ступающей только на дорогіе ковры, до грязной, нищей поденщицы.

X.

Концертный залъ и просторныя боковыя комнаты въ купеческомъ клубѣ ярко освѣщены. На небольшой изящно убранной эстрадѣ стоитъ рояль, передъ нимъ два стула.

Весь залъ залитъ моремъ огня, ярко освѣщающимъ роскошныя дамскіе туалеты, веселыя, улыбающіяся лица слушательницъ и слушателей, изъ которыхъ многіе внимательно слушаютъ пѣніе, другіе-же тихо разговариваютъ со своими дамами, которыя ухитряются одновременно прислушиваться и къ пѣнію и къ «комплиментамъ» кавалеровъ...

Громъ аплодисментовъ и крики: «браво» раздались со всѣхъ сторонъ, когда пѣвица кончила свой номеръ. Многіе изъ-за жары поспѣшили покинуть залъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ въ другихъ комнатахъ, гдѣ производилась продажа цвѣтовъ и всякихъ бездѣлушекъ барышнями-благо-

творительницами. Въ одной изъ комнатъ былъ устроенъ буфетъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ курильней.

Здѣсь собрались многіе наши старые знакомые: Михайлъ Денисовъ, Генрихъ Яковлевичъ со своими товарищами, они оживленно бесѣдовали.

— Вы видѣли Александра Давидовича?—спросилъ Генрихъ Михайла Денисова.

— Да, онъ былъ у меня на второй день послѣ того, какъ вернулся изъ «ссылки».

— Правда-ли, что его дѣдъ будто опасно боленъ?—спросилъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

— Не знаю. Но вѣдь вы можете спросить самого Александра, потому что и онъ сюда придетъ, если уже не пришелъ.

— Какъ? Онъ придетъ сюда?—изумился Генрихъ и набросилъ пенснэ на носъ.—Послѣ того, какъ одинъ изъ устроителей вечера такъ оскорбилъ его дядю?

— Этотъ вопросъ вамъ разрѣшить самъ Александръ,—отвѣтилъ Денисовъ, смѣясь,—если ужъ это васъ такъ интересуетъ. А я тутъ не при чемъ.

Въ эту минуту позади нихъ послышался пріятный смѣхъ.

— Я такъ и зналъ, что найду сію почтенную компанію только тамъ, гдѣ на столахъ разставлены яства, а виночерпій наливаетъ стаканы!..

— Александръ!—воскликнули всѣ съ радостью.

— Онъ самый,—весело отвѣтилъ прибывшій, пожимая по очереди всѣмъ руку.

— О вашемъ здоровьѣ справляться нечего,—замѣтилъ кто-то изъ стоявшихъ кругомъ,—ваше полное лицо показываетъ, что вы и на чужбинѣ не отказывали себѣ въ удовольствіяхъ.

— Мы теперь, господа, должны встрѣтить вернушагося товарища съ полными бокалами,—сказалъ Денисовъ и направился къ одному изъ столиковъ.

Всѣ послѣдовали за нимъ и стали пить за здоровье Александра.

— Такъ-то вы поступаете со своимъ пріятелемъ?—обратился Александръ къ Денисову, положивъ руку на его плечо,—мнѣ говорили, что къ вамъ пріѣхала сестра-красавица, а вы мнѣ объ этомъ ни словомъ не обмолвились...

— Простите, голубчикъ. Но вы не забывайте, что всего пять дней, какъ вы пріѣхали и всего разъ были у меня, когда сестры не было. Она вѣдь живетъ на другой квартирѣ, далеко отъ меня. А теперь я не знаю, гдѣ она: она, видите-ли, «перешла въ іудейство» и участвуетъ на этомъ вечерѣ. Я думаю, что вы ее найдете у одного изъ кіосковъ, гдѣ продаются никому не нужныя вещи ко благу бѣдныхъ и къ несчастію богатыхъ...

— При чьей же это помощи она успѣла такъ скоро «перейти въ іудейство», какъ вы говорите?

— Благодаря вашему товарищу Гутину, который былъ ея руководителемъ по части наукъ. Затѣмъ она еще подружилась съ госпожей Рохлинъ, о которой могу только сказать, что если бы она была такъ же красива, какъ умна, то я первый предложилъ бы ей руку и сердце.

— Пойдемъ, посмотримъ на нее,—сказалъ Энгельштейнъ.

Наталья, дѣйствительно, стояла у одного изъ кіосковъ съ цвѣтами и всякаго рода изящными бездѣлушками, и была окружена изряднымъ числомъ покупателей и покупательницъ.

Александръ сталъ среди покупателей и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Наталью, по лицу которой блуждала легкая улыбка, когда она говорила съ покупателями и продавала имъ свои вещи по очень дорогой цѣнѣ.

Большинство окружающихъ скоро ушло въ концертный залъ, гдѣ уже началось второе отдѣленіе концерта. Въ это время Михаилъ и Александръ приблизились къ кіоску.

— Мой товарищъ, Александръ Давидовичъ Энгельштейнъ. Онъ горитъ желаніемъ познакомиться съ тобой.

Наталья привѣтливо протянула руку Александру.

— Я давно уже слыхала о васъ, еще въ первые дни послѣ моего пріѣзда сюда. Особенно много похвальнаго о васъ мнѣ говорилъ Гутинъ.

— Это мой лучший другъ,—замѣтилъ Александръ.

— Можетъ быть, вамъ, Александръ Давидовичъ, понравится чтонибудь изъ этихъ вещицъ? Вѣдь это все отечественныя надѣлія, а не привезенныя изъ чужихъ странъ,—засмѣялась Наталья.

— Я съ удовольствіемъ пріобрѣлъ бы изъ рукъ очарова-

тельной продавщицы вот этот прекрасный цвѣтокъ,—сказалъ Александръ.

— Возьмите, это лучший изъ имѣющихся у меня цвѣтовъ, но зато и цѣна ему очень высокая: сто рублей, никакъ не меньше,—улыбнулась Наталья.

Александръ протянулъ ей сторублевую бумажку и взялъ цвѣтокъ.

— Такой дорогой цвѣтокъ,—сказалъ онъ,—достоинъ только украшать такую хорошую женщину, какъ вы, сударыня. А потому, позвольте мнѣ подарить его вамъ, Наталья Ивановна...

Михаилъ Денисовъ отъ души смѣялся, глядя на эту сцену, а Наталья вся покраснѣла и, нѣсколько мгновений спустя, отвѣтила:

— Я готова исполнить ваше желаніе и вашу просьбу въ вознагражденіе за вашу щедрость,—и взяла цвѣтокъ изъ его рукъ.

Въ это время къ нимъ подошла Рохлина и обратилась къ Натальѣ:

— Вы, милая, уже очень давно здѣсь стоите. Дайте мнѣ постоять здѣсь, а вы пойдите, послушайте музыку.

Наталья видимо колебалась, оставить-ли ей свой кіоскъ или пойти съ кавалерами, но Михаилъ вывелъ ее изъ этого затрудненія.

— Въ самомъ дѣлѣ, Наташа, будетъ тебѣ стоять тутъ. Воспользуйся любовью м-лле Рохлинъ.

Александръ подалъ руку Натальѣ и всѣ вмѣстѣ пошли въ концертный залъ.

Александръ цѣлый вечеръ не отходилъ отъ Натальи, онъ ей рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ за-границей, о жизни въ Англии, Франціи и Германіи, о борьбѣ политическихъ партій въ парламентахъ, о веселой жизни въ курортахъ. Онъ рассказывалъ и о выдающихся дѣятеляхъ литературы, науки и политики, съ которыми имѣлъ случай встрѣчаться, говорилъ даже о новѣйшихъ парижскихъ модахъ. Потомъ онъ сталъ рисовать въ яркихъ краскахъ природу морского побережья, окрестностей Рейна и швейцарскихъ Альпъ. Она внимательно слушала его слова. Онъ обрадовался, узнавъ, что она въ совершенствѣ

зладѣть французскимъ языкомъ и тотчасъ заговорилъ съ нею по французски.

Александръ отдавалъ полную справедливость ея стремленію — поступить на высшіе женскіе курсы: онъ-деи самъ всецѣло преданъ тому великому движенію, которое требуетъ полной эмансипаціи для женщинъ и въ жизни и на поприщѣ науки. По его мнѣнію, ей слѣдовало-бы на годъ или на два уѣхать въ Швейцарію, тамъ пополнить свое образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ насладиться жизнью на югѣ Европы.

Между тѣмъ, въ одной изъ крайнихъ комнатъ собрались студенты и куренстки на ужинъ, устроенный въ честь національнаго праздника, Пуримъ, «того памятнаго дня, когда горе Израиля превратилось въ радость, и злая мысль изверга Гамана разсѣялась какъ дымъ передъ мановеніемъ руки красавицы Эсеири, когда Гаманъ и его сыновья были повѣшены, въ назиданіе всѣмъ гонителямъ и преслѣдователямъ вѣчнаго народа, народа мудрости и знанія».

Такъ говорилъ Гительзонъ въ своей рѣчи, обращенной къ собравшейся молодежи. Онъ съ энтузіазмомъ убѣждалъ ихъ, чтобы они крѣпкими узами навсегда соединились съ роднымъ народомъ и всегда храбро выступали на борьбу за его честь и счастье.

Гительзонъ въ этотъ вечеръ былъ въ ударѣ: онъ добился своего и собралъ изрядную сумму денегъ, которыми можно будетъ прокормить много голодающихъ семействъ. Кромѣ того, во всемъ былъ удивительный порядокъ, такъ что, по словамъ многихъ гостей, этотъ вечеръ по образцовому порядку превзошелъ многіе великосвѣтскіе благотворительные вечера. Онъ даже самъ слышалъ, какъ нѣкоторые изъ христіанъ, отзываясь съ большой похвалою о пѣніи и игрѣ концертантовъ, добавляли при этомъ, что евреи — люди талантливые и даже вечера они умѣютъ устраивать особенно удачно. Какъ же было ему не гордиться и не радоваться?... Товарищи благодарили его и съ восторгомъ слушали его рѣчь. Въ эту веселую минуту они охотно предоставили слово и Сапир-

штейну, который воспользовался моментом и произнес длинную рѣчь о современном положеніи евреевъ и о пути, который поведетъ къ спасенію. Путь этотъ—въ колонизаціи Палестины, въ обработкѣ ея плодородной почвы. Страна эта, сказалъ онъ, еще и теперь, какъ и въ древности, есть «страна, текущая млекою и медомъ», «страна смоковницъ и гранатовъ». Тамъ довольно небольшого клочка земли, чтобы прокормить многочисленную семью и доставить ей всѣ удобства жизни. Самая работа на поляхъ и виноградникахъ очень легка; климатъ мягкій, здоровый, а по послѣднимъ исчисленіямъ компетентныхъ людей любая семья на тысячу рублей можетъ себѣ приобрести тамъ небольшой участокъ, построить домъ, обзавестись домашнимъ хозяйствомъ, купить скотъ, земледѣльческія орудія и сѣмена на первый посѣвъ, а затѣмъ... затѣмъ богатый урожай будетъ ее кормить, одѣвать и доставлять все необходимое... Съ воодушевленіемъ онъ принялся рисовать передъ товарищами всѣ прелести страны, ея достопримѣчательности и перешелъ потомъ къ любви, которой глубоко проникнутъ каждый благовѣрный еврей къ странѣ своихъ предковъ. Онъ передалъ слушателямъ величественную картину изъ жизни Іегуды Галеви, который, живя въ Испаніи, всю жизнь стремился къ святой странѣ, вѣчно тосковалъ по ней и не успокоился до тѣхъ поръ, пока его мечта не осуществилась. Прибывъ туда, онъ припалъ къ землѣ и, цѣлуя эту дорогую ему землю, онъ заплѣлъ свою знаменитую пѣснь: «Сіонъ, вѣдь ты спрашиваешь о судьбѣ твоихъ плѣнныхъ!» По преданію, онъ тамъ нашелъ себѣ могилу, растоптанный лошадыю какого-то турка. «Мы должны — продолжалъ ораторъ — постоянно твердить народу о томъ, чтобы онъ направилъ свой путь въ страну своихъ предковъ, ибо только оттуда произрастетъ для насъ вѣчная свобода, тамъ только будетъ спасенъ весь народъ, тамъ только мы покажемъ міру, что мы въ силахъ жить жизнью честныхъ труженниковъ, тамъ мы проживемъ свѣтлой жизнью свободной націи и не будемъ попусту тратить свои силы, смѣшиваясь съ другими»...

«Домъ Якова, выйдемъ въ путь!»—воскликнулъ Сапирштейнъ съ энтузіазмомъ—вотъ эти слова мы должны написать на своемъ знамени. Возьми, мой народъ, свой посохъ и свою жотомку и поиди въ свою страну, гдѣ ты найдешь покой, котораго не могъ найти за всѣ свои тысячелѣтнія скитанія на чужбинѣ. Вернись къ своей старухѣ-матери, которая ждетъ похищенныхъ у нея дѣтей. Проложите этотъ путь, братья, и выступите во главѣ изгнанниковъ!... Взойди на высокую гору, вѣстница Сіона, и возвѣсти народу нашему, что его освобожденіе близко! Возьмемъ съ собою нашу книгу, Виблію, и наше еврейское просвѣщеніе и сохой и плугомъ положимъ фундаментъ будущему дому Израіля»...

Долго еще танулась горячая бесѣда на эту тему. Пѣли національныя пѣсни по-русски и по-еврейски... Кто-то изъ студентовъ загѣлъ: «Плачь, Сіонъ!» Его тотчасъ окружили и всѣ хорошо подхватили эту трогательную элегію. У многихъ на глазахъ навернулись слезы.

XI.

Думаль-ли Гилель Сапирштейнъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ еще сидѣлъ на хедерной скамьѣ и готовился помогать своему отцу въ торговлѣ, что онъ когда-нибудь станетъ въ главѣ огромнаго движенія, которое вызоветъ крупныя перемѣны въ жизни народа?

Его отецъ, Симха Сапирштейнъ, содержалъ винный погребъ въ одномъ городкѣ на Литвѣ и считался зажиточнымъ домовладѣльцемъ. Онъ былъ яримъ хасидомъ, глубоко вѣрилъ въ своего падика и считалъ его святымъ не за творимыя имъ чудеса, а за его ученость, скромность и благочестіе. Все свое свободное время онъ тратилъ на усердное чтеніе каббалы, предъ которой онъ всю жизнь не переставалъ благоговѣть. Въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ безукоризненно честенъ и справедливъ, терпѣть не могъ лжи, никогда никто отъ него не слышалъ ни клятвы, ни проклятія. Онъ со всѣми обращался привѣтливо и тактично.

Жена Симха была скромная, простая и очень добрая женщина. Мужа своего она глубоко уважала и считала его человекомъ выдающимся. Она всецѣло была предана дѣтямъ и мужу, съ которымъ всю жизнь прожила въ мирѣ и любви.

Своихъ дѣтей Симха воспитывалъ по строго опредѣленному плану. Въ дѣтствѣ они твердо заучивали Пятикнижіе и Пророковъ; затѣмъ начинали учить Талмудъ, при чемъ преподаваніе велось ясно, просто безъ всякихъ пилюлистическихъ тонкостей, которыхъ Симха очень не любилъ. Только, въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ того какъ они приобрѣли солидныя познанія въ Талмудѣ, онъ открывалъ передъ ними премудрости хасидской литературы. Такъ же точно воспитывался и его сынъ Гилель, который оказался гораздо способнѣе всѣхъ своихъ братьевъ. Въ городѣ онъ пользовался славой очень прилежнаго и серьезнаго юноши. Онъ отличался выдающимся прилежаніемъ и усидчивостью: по утрамъ онъ училъ гемару подъ руководствомъ своего меламеда, день посвящался повторенію Пророковъ, а по вечерамъ изучалъ книгу «Таніа», потомъ онъ еще дома занимался у учителя русскимъ языкомъ и общими предметами, а остатокъ времени до полуночи уходилъ на изученіе религіозно-раввинской литературы.

Читалъ онъ все, что ни попадало ему въ руки. По временамъ онъ виѣстѣ со своимъ меламедомъ читалъ Кузри (Іегуда Галеви). Его меламедъ, старый раби Исаія, былъ «немного философъ», онъ благоговѣлъ передъ произведеніями средневѣковой литературы, которымъ посвящалъ весь свой досугъ, и любилъ пофилософствовать съ любимыми учениками. Ненависти къ европейскому просвѣщенію въ домѣ Салпрштейна не замѣчалось. Отецъ только недолго любилъ самихъ маскилимъ за то, что они «оставляютъ обычаи предковъ и гонятся за пустяками». Таково было и мнѣніе р. Исаи, что не сама «haskolo» плоха, а плохи тѣ «просвѣщенные», которые смѣются надъ еврейской святыней и «оставляютъ «путь благочестія».

Но тѣ зачатки просвѣщенія, которые Гилель приобрѣлъ въ

родительскомъ домѣ, только возбуждали въ немъ стремленіе къ дальнѣйшему образованію. Наконецъ, онъ сталъ сознавать, что ему тѣсно въ хедерѣ и дома, сталъ настойчиво требовать, чтобы его отдали въ гимназію. Сначала отецъ и слушать не хотѣлъ объ этомъ, но старшіе братья Гилеля пришли на помощь и стали уговаривать отца, чтобы онъ исполнилъ желаніе мальчика. Льготы по воинской повинности, которыя тогда уже предоставлялись молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, не мало способствовали тому, чтобы Сапирштейнъ уступилъ, наконецъ, настойчивымъ просьбамъ Гилеля, но подъ однимъ условіемъ: чтобы онъ остался преданнымъ сыномъ родного народа и родной вѣры, чтобы онъ соединилъ вѣру съ просвѣщеніемъ и «служилъ образцомъ для всѣхъ маскилимъ». Гилелю это требованіе очень пришлось по душѣ, и онъ горячо увѣрялъ отца, что такимъ именно онъ и будетъ. Гилель въ то время былъ очень религіозно настроенъ, находясь подъ вліяніемъ р. Исаи, который твердилъ ему, что въ прежнія времена Тора и просвѣщеніе были неразрывно связаны въ лицѣ лучшихъ представителей народа, что величайшіе авторитеты въ дѣлѣ вѣры были вмѣстѣ съ тѣмъ врачами и философиями, каковы Маймонидъ, раби Іегуда Галеви и др., труды которыхъ изучаются еще и по сію пору. Эта миссія возбуждала въ Гилелѣ цѣлый рядъ мыслей, и онъ сталъ рисовать въ своемъ воображеніи, какъ онъ объединить вѣру и образованіе, какъ онъ будетъ бороться съ противниками такого единенія и съ тѣми, которые считаютъ его невозможнымъ. Даже послѣ того, какъ онъ прочиталъ «Грѣхи молодости», и книга эта произвела на него такое глубокое впечатлѣніе, что онъ нѣсколько дней не могъ приниматься за занятія,—онъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ въ душѣ, что если бы авторъ этой книги былъ въ его положеніи, если бы авторъ получилъ такое-же воспитаніе, какъ и онъ, то согласился-бы, что союзъ вѣры съ просвѣщеніемъ возможенъ и необходимъ для еврейскаго народа. Изъ произведеній Смоленскина онъ выводилъ то заключеніе, что нужно любить народъ и ненавидѣть ту мнимую, ложную

цивилизацию, которая навѣяна изъ Берлина, что любовь къ народу вызываетъ также любовь къ его ученію, къ его религіи...

Два года онъ готовился къ поступленію въ гимназію съ неимоверной усидчивостью и прилежаніемъ. Занимаясь цѣлый день предметами гимназическаго курса, онъ по вечерамъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ р. Исаіей изучалъ Талмудъ или читалъ Кузри и Море Невухимъ, а по ночамъ по прежнему зачитывался романами. Сначала онъ было думалъ поступить въ одинъ изъ высшихъ классовъ гимназіи, но потомъ рѣшилъ позаняться дома еще годъ или два и держать потомъ сразу на аттестатъ зрѣлости. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Прибывъ по полученіи аттестата въ столицу для поступленія въ какое-либо высшее учебное заведеніе и не чувствуя влеченія ни къ медицинѣ, ни къ юриспруденціи, онъ рѣшилъ поступить въ технологическій институтъ. Здѣсь—говорилъ онъ своимъ знакомымъ—только здѣсь открыто широкое поле для дѣятельности, ибо вся современная цивилизація виждется на прогрессѣ техническихъ наукъ.

Сдѣлавшись студентомъ, онъ сблизился со многими студентами-евреями, постоянно устраивалъ собранія, и стоило собрать ему трехъ-четырехъ товарищей, чтобы начались ожесточенные споры. Самъ онъ при этомъ всегда говорилъ съ энтузіазмомъ о еврействѣ, о его величественной миссіи среди другихъ народовъ. Онъ поддерживалъ также дѣятельную переписку со студентами другихъ университетовъ, убѣждая дальнихъ товарищей придти на помощь своимъ братьямъ, изучать быть евреевъ, знакомиться съ еврейскою исторіей и пропагандировать среди молодежи дружную работу на народную пользу.

Сапирштейнъ-отецъ высоко цѣнилъ въ своемъ сынѣ то, что онъ постоянно занимается еврейскими науками, и былъ увѣренъ, что его Гидель соединяетъ на дѣлѣ просвѣщеніе съ религіей,—съ религіозными обрядностями въ ихъ мельчайшихъ

деталяхъ, вплоть до омовенія рукъ и послѣобѣденной молитвы. Онъ не зналъ, что съ этой обрядовой стороною въ жизнь его сына произошли крупныя измѣненія: онъ не только не былъ аккуратенъ въ молитвѣ, но и по части пищи не очень строго придерживался ритуала, а по субботамъ писалъ статьи и письма на еврейскомъ языкѣ по еврейскимъ вопросамъ... Отецъ зналъ, что сердце его сына полно любви къ своему народу, къ его языку и религiи. Но онъ не могъ видѣть и понимать, что еврейскiй языкъ Гилеля—это языкъ Гордона, Смоленскаина, Вейса, Крохмала и пр., между тѣмъ какъ его еврейскiй языкъ есть языкъ «Талпo» и раввинской литературы; что ученiе сына есть проповѣдь пророковъ, творцовъ агады, ученiе великихъ народныхъ философовъ, мыслителей и историковъ умственного развитiя еврейства, между тѣмъ какъ ученiе отца заключалось въ ученiи Ретши и р. Залмана изъ Ляды. То же и по отношенiю къ идеѣ колонизаціи Палестины: и отецъ и сынъ были ея поклонниками, но каждый понималъ ее по своему. Въ глазахъ Симхы Палестина была той страной чудесъ, той святыней, къ которой стремится душа каждаго еврея, о которой онъ молится: «Въ градъ Твой Іерусалимъ возвратись по милости Твоей... И покажи намъ, Господи, утѣшенiе города Твоего Сіона и восстановленiе Іерусалима, города святости Твоей»... И Іерусалимъ рисовался въ воображенiи Симхы въ видѣ святого города, полного праведниковъ, проводящихъ цѣлые дни въ изученiи Торы и въ молитвахъ. Сіонъ былъ связанъ въ его душѣ съ воспоминанiями о той порѣ, когда процвѣталъ храмъ, а Богъ Израиля изъ своей священной обители являлъ смертнымъ свои чудеса... А въ глазахъ Гилеля Палестина—плодородная, удобная для земледѣлiя страна. Она—колыбель нашего народа, въ которой протекли жизнь и дѣятельность нашихъ пророковъ и національныхъ героевъ, страна, въ которой каждая пядь земли говоритъ о нашемъ быломъ величiи... Палестина является въ его глазахъ той единственной страной, въ которой народъ еврейскiй послѣ тысячелѣтнихъ скитанiй могъ-бы опять вер-

нуться къ земледѣлю. А Иерусалимъ?.. Иерусалимъ для него только монументъ, дорогой, правда, монументъ, но который онъ готовъ предоставить всѣмъ многочисленнымъ націямъ, претендующимъ на него, лишь-бы въ его окрестностяхъ мы могли обрабатывать землю...

Но при всемъ разстояніи, отдѣлявшемъ ихъ конечныя стремленія и душевные порывы, они въ сущности стремились къ одной и той же цѣли: къ счастью народа въ его святой странѣ на началахъ іудайзма. Неудивительно поэтому, что и Симха былъ въ числѣ первыхъ, послѣдовавшихъ за Гилелемъ и восклицавшихъ: «домъ Якова, пойдемъ въ нашу святую страну!» И ему удалось найти много послѣдователей этой идеи, особенно въ средѣ той обездоленной, бѣдствующей части населенія, которой такъ горько жилось въ тѣснотѣ и нищетѣ и которая мечтала о томъ, что она скоро упрочится на своей землѣ и каждый беззаботно заживетъ «подъ своимъ винограднымъ кустомъ и смоковницей»...

И Гилель, въ самомъ дѣлѣ, рисовалъ передъ ними и виноградныя лозы и смоковницы и гранатовыя яблони: вѣдь эти слова такъ привычны въ устахъ знающихъ языкъ пророковъ... Его глаза пылали огнемъ, когда онъ говорилъ собиравшимся вокругъ него, въ синагогѣ или въ домѣ его родителей, о прелестяхъ страны, которой онъ не видѣлъ и не зналъ, о величіи идеи, долженствующей объединить разрозненные части дома Израиля: хасидовъ, миснагдовъ, просвѣщенныхъ, реформаторовъ и т. д. И всѣ слушатели, разинувъ рты, съ наслажденіемъ ловили его слова, горько вздыхали и подолгу обсуждали его пріятныя рѣчи...

Немудрено поэтому, что молодой Сапирштейнъ составлялъ предметъ обожанія для многихъ мѣстныхъ барышень, особенно для Сарры Самуиловны Мандлинъ, принадлежавшей къ очень почтенной семьѣ въ этомъ городѣ. Она знала Сапирштейна съ дѣтства, когда она еще училась въ гимназіи. Подъ его вліяніемъ она рѣшила уѣхать въ столицу и поступить на высшіе курсы. Къ Гилелею она была привязана всѣми силами

своей души, но она никому никогда не говорила о своей любви, и даже ее подруга, Дебора Рохлинъ, ничего объ этомъ не знала и не подозрѣвала что пламенная любовь горитъ въ сердцѣ этой тихой, молчаливой дѣвушки, прислушивающейся съ такимъ восторгомъ къ словамъ ораторовъ-энтузіастовъ. Рохлинъ знала только, что Сарра предана національной идеѣ, что она изучаетъ исторію евреевъ и усердно учится еврейскому языку по книгамъ, которыя ей даетъ Гизель Сапирштейнъ.

Питалъ-ли и Гизель нѣжность къ этой дѣвушкѣ, ловившей съ такою жадностью каждое его слово? Этого онъ не зналъ, да онъ никогда и не задавался этимъ вопросомъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда же было ему уходить въ себя и анализировать свои чувства? Вѣдь онъ всегда былъ занятъ дѣломъ: днемъ онъ былъ занятъ слушаніемъ лекцій, работой въ лабораторіяхъ, составленіемъ всякаго рода чертежей, а по вечерамъ—нужно было то повидаться со знакомыми студентами и курсистками и поговорить о предстоящемъ собраніи въ томъ или другомъ кружкѣ или прочесть имъ письма, полученные изъ провинціи, то похлопотать объ изданіи какой-либо брошюры въ защиту палестинской идеи и позаботиться объ ея распространеніи въ еврейской публикѣ, то прочесть новую статью объ этомъ предметѣ какого-нибудь единомышленника или противника, а то и подготовить рефератъ, предназначенный къ чтенію въ ближайшемъ собраніи. Вѣдь въ большинствѣ собраній читались его рефераты о Палестинѣ, о необходимости знанія Библии, о великомъ значеніи еврейскаго языка, о Галеви, Смоленскинѣ или о турецкихъ законахъ и т. п. Въ его рефератахъ и статьяхъ не было опредѣленнаго плана, онъ пересказивалъ отъ одного предмета къ другому, но его рѣчь всегда была проникнута неподдѣльнымъ чувствомъ, въ ней слышались душевные стоны и искреннія слезы, и поэтическое чувство сквозило въ каждомъ его словѣ.

Сарра Самуиловна всегда садилась противъ него, и его рѣчь была для нея цѣлительнымъ бальзамомъ. Она всегда была готова помочь ему въ его духовной работѣ, и онъ поручалъ ей

по временамъ то повидаться съ нужнымъ человекомъ, то составлять отчеты по изданію брошюръ, то списывать въ десяткахъ экземпляровъ какое-нибудь письмо къ провинціальнымъ кружкамъ, которое онъ наскоро набросалъ, не умѣя и самъ разобрать написанное, а она прекрасно разбирала его неразборчивыя каракули. Иногда онъ просилъ ее перевести для него какую-нибудь статью съ французскаго языка, которыми она владѣла, или прочитатъ какую-нибудь книгу и изложить ему потомъ содержаніе, а она всегда охотно и добросовѣстно исполняла эти порученія. Она въ этой работѣ видѣла высшее счастье, и это счастье и душевная радость отражались на ея прекрасномъ лицѣ.

ГЛАВА XII.

Когда Александръ Энгельштейнъ послѣ концерта вышелъ изъ купеческаго клуба вмѣстѣ съ Денисовымъ и его сестрой, онъ попросилъ Наталью оказать ему честь и позволить ему отвезти ее домой въ своей каретѣ. Она охотно согласилась на его просьбу и усѣлась вмѣстѣ съ братомъ и Александромъ въ его каретѣ.

Наталья сидѣла, погружившись въ раздумье, и устремила взоръ на безлюдную въ этотъ поздній часъ улицу.

— Изъ Англій,—обратился Александръ къ Михаилу—я привезъ только одну сильную страсть—страсть къ лошадамъ. Я поэтому хотѣлъ-бы съѣздить кое-куда и купить себѣ хорошихъ лошадей, а затѣмъ я думаю построить для нихъ конюшню по англійскому образцу.

Денисовъ высказалъ свои соображенія по этому поводу, показавъ, что и онъ знаетъ толкъ въ лошадяхъ. Это обстоятельство очень обрадовало Александра, и онъ сталъ упрашивать Денисова отправиться съ нимъ въ тотъ городъ, куда онъ думаетъ съѣздить въ поискахъ за хорошими лошадьми.

Между тѣмъ, они доѣхали до квартиры Натальи. Мужчины

вышли изъ кареты и Александръ подалъ руку Натальѣ, помогая ей выйти, и прощаясь съ ней сказалъ:

— Осмѣлюсь просить васъ, Наталья Ивановна, зайти къ намъ, къ моимъ роднымъ. Мои родители будутъ очень рады познакомиться съ вами... Приходите вмѣстѣ съ Михаиломъ, — прибавилъ онъ — вѣдь, онъ у насъ бываетъ запросто.

— Отлично, — сказалъ Михаилъ. — Я думаю, что нехорошо тебѣ, Наташа, сидѣть по пѣлымъ днямъ взаперти у себя въ комнатѣ и все заниматься книгами... Всему вѣдь свое время...

— Я охотно исполню ваше желаніе, — замѣтила Наталья, протянувъ Александру руку на прощанье.

— Если такъ, то позвольте попросить васъ прійти къ намъ завтра же; а въ какое время — это какъ вамъ удобнѣе.

— Я думаю... часовъ въ 7 вечера... Не такъ-ли, Михаилъ?

— Я готовъ къ тому времени.

Они разстались.

Наталья проснулась на слѣдующій день только въ часъ дня. Она вся еще была во власти сладкихъ грезъ и сновидній... Она хотѣла встать съ постели, но пріятная дремота смыкала ея вѣки, и во всемъ тѣлѣ она чувствовала какое-то невѣдомое блаженство. Она укуталась въ одѣяло и снова погрузилась въ рой свѣтлыхъ грезъ...

— Барышня, вѣдь люди скоро ужинать будутъ!

При этихъ словахъ, прозвнесенныхъ появившейся въ комнатѣ горничной, Наталья подняла голову.

— Неужели такъ уже поздно? — удивилась она и посмотрѣла на часики, лежавшіе на ночномъ столикѣ у кровати.

— Скорѣй, скорѣй, Дуня! Уже второй часъ. Дай мнѣ холодной воды и приготовь поскорѣе молоко.

Холодная вода ее освѣжила. Она была въ этотъ день особенно миловидна, хотя нужно признаться что она около получаса простояла передъ зеркаламъ, одѣваясь и заплетая свои прелестные волосы.

Въ семь часовъ явился Михаилъ, чтобы неѣхать въѣздѣ къ Энгельштейнамъ. Тамъ давно готовились къ ихъ приходу; мать Александра, Розалія Морицовна, съ большимъ нетерпѣнiемъ ждала Наталью.

— Я недовольна вами, Михаилъ Михайловичъ,—сказала Розалія Морицовна, когда гости вошли въ изящно убранную маленькую гостиную, гдѣ хозяйка обыкновенно принимала особенно желанныхъ гостей,—я вами очень недовольна, что вы до сихъ поръ не хотѣли оказать намъ честь и привести въ нашъ домъ вашу прекрасную кузину.

— Не я виновата, сударыня, а вотъ эта самая барышня, что передъ вами. Она хочетъ непремѣнно жить монахиней и вѣчно сидѣть надъ своими книгами.

— Ахъ, милая! Нехорошо это, право. Вѣрьте мнѣ, что мы должны веселиться въ молодости, а то вѣдь не успѣешь оглянуться—и молодость исчезаетъ, какъ тѣнь... Тѣмъ болѣе это нужно такой милой, прелестной дѣвушкѣ, какъ вы... Я понимаю, понимаю вашу мысль—продолжала хозяйка, замѣтивъ, что Наталья хочетъ ей что-то возразить—я сама тоже думаю, что науки составляютъ украшенiе молодой дѣвушки... Я всегда любила возвышенныя идеи и всегда утверждала, что женщины должны учиться наравнѣ съ мужчинами, потому что онѣ нисколько не хуже ихъ по своимъ способностямъ.... Я всецѣло предана женской эмансипаціи и горячо желаю, чтобы не было никакихъ ограниченiй для женщинъ... Да, да, милая моя! Да вотъ вамъ и доказательство: я своихъ дочерей воспитывала наравнѣ съ сыновьями, и онѣ учились у тѣхъ-же знаменитыхъ учителей, которые даютъ у меня дома уроки моимъ сыновьямъ. И чѣмъ онѣ въ самомъ дѣлѣ хуже своихъ братьевъ?..

Наталья слушала и удивлялась, что и по чертамъ лица и по манерѣ говорить эта дама удивительно напоминала ея маичиху... Какимъ чудомъ, думала она, духъ моего родного захолустья воплотился въ этой почтенной дамѣ?..

Въ эту минуту въ комнату вошли двѣ сестры Александра,

и тотчас посыпались французскія фразы въ перемежку съ русскими. Подали чай съ печеньями и фруктами. Давидъ Исааковичъ тоже зашелъ въ гостиную и посидѣлъ съ полчаса, бесѣдуя съ Денисовымъ о желѣзнодорожныхъ постройкахъ. Александръ сидѣлъ рядомъ съ Натальей и занималъ ее разговорами. Появилось еще нѣсколько почтенныхъ гостей, между ними какой-то артистъ, одинъ сотрудникъ большой мѣстной газеты и три-четыре извѣстныхъ банкира съ женами. Пришелъ также Владиміръ Исааковичъ съ женой и дочерью.

Всѣ гости выказали особое вниманіе Натальѣ: всякій старался поговорить съ нею, сказать ей что-нибудь пріятное. Артистъ спрашивалъ ее о театрѣ въ ея родномъ городѣ, писатель интересовался городомъ вообще; оказалось, что онъ знаетъ тамошняго предводителя дворянства, что онъ слышалъ также и о Денисовѣ и т. д.

Всѣ эти лица показались ей весьма неинтересными: этого сорта люди ей слишкомъ надоѣли и на родинѣ. Но Александръ и его сестра, Лиза, очаровали ее, и въ ихъ обществѣ она себя чувствовала превосходно: въ нихъ она видѣла близкія себѣ натуры, стремящіяся къ болѣе осмысленной жизни, чѣмъ жизнь этихъ людей съ ихъ страстишками и мелочными вождельными. Владиміръ Исааковичъ сверхъ ожиданія тоже произвелъ на нее хорошее впечатлѣніе. Она знала о его столкновеніи съ Гительзономъ, въ поступкѣ котораго она видѣла выдающееся геройство по отношенію къ богачу, безсердечному кулаку, какимъ она себѣ его представляла. Между тѣмъ, она увидѣла передъ собою человѣка очень дѣльнаго, просвѣщеннаго, обнаруживающаго въ разговорѣ много ума и знанія жизни.

Правда, въ душѣ она не мало удивлялась тому, что въ этомъ обществѣ, состоящемъ почти исключительно изъ евреевъ, никто за цѣлый вечеръ ни однимъ словомъ не упомянулъ о событіяхъ, пережитыхъ евреями за послѣднее время, о тяжелыхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ несчастный народъ — вѣдь только объ этомъ она привыкла слушать въ обществѣ своихъ

знакомыхъ студентовъ и курсистокъ изъ евреевъ. Она хотѣла спросить объ этомъ Александра или Владиміра Исааковича, но не рѣшалась задать имъ этотъ вопросъ, боясь обидѣть. Она видѣла, что всѣ эти люди очень довольны, что ни одно облачко не омрачаетъ ихъ здоровыя, веселыя лица, какъ будто-бы и тамъ, въ ихъ родныхъ мѣстечкахъ, не раздавались вопли ихъ братьевъ-страдальцевъ, какъ будто-бы и тамъ царил тишина да благодать. Разъ только она какъ-то спросила Александра, не видѣлъ-ли онъ Гутина, удивляясь, что его нигдѣ не видно въ послѣдніе дни.

— Гутин я видѣлъ въ день моего пріѣзда изъ-заграницы, — отвѣтилъ Александръ. — Но и его взгляды, и лицо успѣли рѣзко измѣниться за эти два года нашей разлуки... Я не знаю, что съ нимъ. Очень жаль, если и онъ увлекся этими новыми бреднями еврейской молодежи... Но, знаете, объ этомъ не стоитъ и говорить... Повѣрьте, что капиталисты сдѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы помочь ограбленнымъ въ нѣсколькихъ городахъ... Но изъ-за этого поднимать бурю въ стаканѣ воды, — это по моему глупость...

Наталья хотѣла было высказать свой взглядъ на это дѣло, но Александръ повелъ рѣчь о чемъ-то другомъ. Его сестра Лиза, сидѣвшая рядомъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, широко открывъ глаза, слушала ихъ разговоръ. Она хотѣла спросить у брата, кто эти ограбленные, что это за дѣло такое, изъ-за котораго какой-то студентъ такъ оскорбилъ ея любимаго дядю. Но видя, что Александръ старается прекратить этотъ разговоръ, она смолчала, густо покраснѣвъ.

Могла-ли Наталья знать, что всѣ эти сытые люди не чувствуютъ и не хотятъ знать безысходной нужды своихъ голодающихъ братьевъ? Могла-ли она, дочь здороваго и сильнаго народа, понять, что эти люди боятся провозносить имя своего народа, чтобы не подумали, что они такіе-же, какъ и всѣ евреи? Знала-ли она, что подъ маской веселыхъ и радостныхъ лицъ въ душѣ этихъ людей скрывается постоянный трепеть, не услышатъ-ли и они за своей спиной грозный, по-

трепещущей оклеветки: жиды? Знала-ли она, что и они, хотя и ублаживают себя ложной надеждой, что их не коснется бѣда,—все-же втайнѣ трепещутъ, что и они въ глубинѣ души спрашиваютъ: что дѣлать?

Если-бы она могла на мгновение заглянуть въ душу этихъ улыбающихся и довольныхъ собою людей, — она тогда увидѣла-бы все это. Больше того: она увидѣла-бы тамъ дикость и невѣжество подъ маской просвѣщенія; зависть, страсть къ наживнѣ и самыя низменныя стремленія—подъ маской культурности и благовоспитанности...

Но она видѣла только лицо Александра и его глаза, горѣвшіе радостью и душевнымъ блаженствомъ. Прощаясь съ нею, Александръ сказалъ ей, что онъ надѣется, что отнынѣ они будутъ друзьями, онъ далъ ей повясть также, какое глубокое впечатлѣніе она произвела на него съ того вечера, какъ онъ впервые встрѣтился съ нею. Онъ говорилъ ей объ этомъ, стоя съ нею въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ никто не могъ услышать ихъ разговора. Его глаза горѣли огнемъ любви, а его сердце также усиленно билось. Спустившись внизъ по лѣстницѣ, вмѣстѣ со своимъ кузеномъ Михайломъ, она въ передней посмотрѣла на себя въ зеркало и замѣтила, что ея лицо сильно покраснѣлось. Михайлъ упрашивалъ ее посидѣть немногу внизу, а то долго-ли простудиться. Но она поспѣшила выйти на улицу и стала съ жадностью вдыхать холодный освѣжительный воздухъ.

ГЛАВА XIII.

Былъ пасмурный, ненастный день. Весь городъ былъ окутанъ туманомъ; небо заволокло тучами; снѣгъ таялъ на улицахъ и, смѣшиваясь на тротуарахъ съ водой, стекавшей съ крышъ, превращался въ жидкую грязь.

По одной изъ большихъ улицъ медленно двигалась черная траурная колесница съ четверкой лошадей, покрытыхъ черными покрывалами. На помостѣ стоялъ черный гробъ, на крышкѣ котораго выдѣлялся одинъ большой вѣнокъ, окруженный съ

боковъ множествомъ меньшихъ вѣнковъ. За гробомъ шло много народу, все молодые люди и барышни, а за ними медленно плелся рядъ извозчичьихъ дрожекъ. У всѣхъ, идущихъ за гробомъ, мрачныя, угрюмыя лица...

Кого это хоронять? Почему гробъ сопровождаетъ только молодежь, среди которой не видно ни одного старика, ни одной пожилой женщины?.. Гдѣ родители или родственники умершаго? Не слышно ни плача, ни стоновъ, только мертвая, жуткая тишина царитъ во всей этой многочисленной толпѣ глубоко задумчивыхъ, мрачныхъ, печальныхъ лицъ.

Многіе изъ прохожихъ останавливаются на минуту, провожаютъ глазами печальную процессію, спрашиваютъ у встрѣчныхъ, кого хоронять, но и тѣ въ недоумѣніи пожимаютъ плечами и идутъ своей дорогой, тотчасъ забывая и о процессіи, и о покойникѣ, и о молодыхъ людяхъ, идущихъ за гробомъ...

Пройдя цѣлый рядъ улицъ и переулковъ, процессія, наконецъ, приблизилась къ кладбищу. Тамъ молодые люди сняли гробъ съ колесницы и на рукахъ понесли къ свѣже вырытой могилѣ. Когда могильщики, вынувъ трупъ изъ гроба, опустили его въ могилу и бросили туда первую горсть земли, одинъ изъ молодыхъ людей жестомъ останавливалъ ихъ, приблизился къ гробу, поднялъ голову и со слезами въ глазахъ посмотрѣлъ на окружающихъ. Слезы потекли съ глазъ по его лицу, упали въ открытую могилу... Онъ сіялся сказать что-то, но не могъ... Глубокій стонъ вырвался изъ его груди; глубоко вдохнувъ и устремивъ взоръ въ могилу онъ, наконецъ, заговорилъ:

— Миръ праху твоему, дорогой Шубъ, мой вѣрный и многострадальный товарищъ... Только здѣсь ты нашелъ покой, котораго ты тщетно искалъ въ жизни... Кто можетъ передать весь ужасъ пережитыхъ тобою страданій, дорогой Борухъ... Да, *Борухъ* (Благословенный) было твое имя, но не благословенна была твоя короткая и многострадальная жизнь: проклетіе преслѣдовало тебя по пятамъ и, наконецъ, настигло тебя... Еще такъ недавно мы слышали твой громовой голосъ, при-

зывавшій насъ къ любви, ко *всѣмъ* людямъ, ко *всѣмъ*, созданнымъ, по образу Божию... Еще такъ близки тѣ дни, когда мы видѣли тебя въ нашей средѣ, полного юношескихъ силъ, свѣтлыхъ надеждъ и сильной воли, такъ благотворно дѣйствовавшихъ на насъ,—и вотъ такъ внезапно нагрянула бѣда и настигла тебя... Разразилась гроза и подкосила этотъ нѣжный цвѣтокъ, начинавшій только расцвѣтать... Велика была твоя скорбь, много ты видѣлъ горя и страданій, ты увидѣлъ свои кумиры побитыми, поверженными въ прахъ у ногъ твоихъ, ты видѣлъ свою опозоренную сестру... и ты измученный, истерзанный палъ подъ бременемъ невзгодъ... Теперь мы окружили твой гробъ, бессильные, подавленные, со слезами на глазахъ... Ты явился къ намъ и могучимъ голосомъ зывалъ: что дѣлать? И отъ этого голоса содрагались наши сердца, сблизилась наша души, и мы протянули другъ другу руки, чтобы общими усиліями поднять народное знамя, прійти на помощь своимъ угнетеннымъ братьямъ, воодушевленные горячею къ нимъ любовью... Но ты погибъ... Знаете-ли вы, товарищи, кто здѣсь лежитъ передъ вами? Это—жертва, жертва нашего положенія, положенія всего народа, разсѣяннаго, скитающагося среди чужихъ и не могущаго во всемъ мѣрѣ найти себѣ пристанища...

Ораторъ на минуту прервалъ свою рѣчь. Послышались его тихія рыданія. Многие изъ стоявшихъ кругомъ не удержались отъ слезъ.

Послѣ небольшой паузы ораторъ, повысивъ голосъ, продолжалъ:

— Дорогие братья! къ вамъ я обращаюсь теперь, прежде чѣмъ мы разстанемся съ нашимъ умершимъ братомъ. Словами пророка я скажу вамъ: не плачьте надъ мертвецомъ и не жалѣйте его, ибо зачѣмъ ему наши слезы, наши стоны?.. Но плачьте, горько плачьте надъ живыми, которые къ намъ не вернуться, ибо они ушли далеко отъ насъ,—отъ нашего народа, нашей религій и жизни! Слишкомъ еще много среди насъ, молодежи, этихъ людей, которые остаются глухими къ кри-

камъ ихъ родныхъ братьевъ о помощи, окаменѣвшія сердца которыхъ не отвѣчаютъ на народное горе... Намъ пока немного, и стоимъ мы особнякомъ, окруженные большою толпою тѣхъ, которые, удалившись отъ своего народа, стараются увѣрить себя, что у нихъ все обстоитъ благополучно... Мы оставляемъ еще позади себя людей сильныхъ и просвѣщенныхъ, желающихъ потопить народную ладью въ волнахъ бушующаго кругомъ моря... Еще живы и здравствуютъ эти наши разрушители, вышедшіе изъ нашей же среды, какъ плоть отъ плоти нашей... Имъ чужды страданія еврейскія, родное горе, имъ чуждъ и духъ народный... Я вижу передъ собою мощное дерево, богатое вѣтвями, пустившее въ землю глубокіе, могучіе корни,—и вотъ пронесся ураганъ и не могъ двинуть его съ мѣста, но какъ много листочковъ и цвѣтковъ сорваны бурей и разсыялись по вѣтру во всѣ стороны!.. Гдѣ вы, цвѣтки народные?.. Они далеко унеслись отъ насъ и отдають чужимъ свою сладость и свой аромат... Они еще и насмѣхаются надъ старымъ деревомъ, говоря: «рубите, его, рубите, вырвите его съ корнемъ: оно слишкомъ разрослось и своею тѣнью закрываетъ солнце»... Кто сохранить намъ нашихъ сыновей и дочерей? Кто внушитъ имъ преданность къ своему народу и родной вѣрѣ? Кто научитъ ихъ любить нашъ языкъ, нашъ религіозный культъ? Итакъ, товарищи, соберитесь съ силами и возьмитесь за дѣло! Во имя нашего умершаго товарища, лежащаго передъ нами... Вы своими глазами видѣли, вы вмѣстѣ съ нимъ пережили его горе и страданія... Встаньте-же, братья, подымитесь за нашъ народъ и его Библию! Гдѣ-бы вы ни очутились, куда-бы вы ни пришли, неустанно пропагандируйте среди своихъ родныхъ и ближнихъ національную идею, великую идею о томъ, что мы — *народъ* и что мы должны познать самихъ себя, что мы, интеллигенты, должны работать сообща съ простымъ народомъ на пользу всей націи, что благо народное должно стоять выше кружковыхъ интересовъ, выше нашихъ личныхъ взглядовъ на религію и просвѣщеніе... Именемъ умершаго товарища я заклинаю васъ,

братья, остаться на всю жизнь вѣрными этой идеѣ, и тогда обрѣтетъ покой душа нашего брата, мученика, павшаго за наше общее горе, за наши страданія... Миръ праху твоему, дорогой другъ нашъ! Прости, если мы согрѣшили передъ тобой и не поняли твоей страдальческой души...

Какъ только Гутинъ окончилъ свою рѣчь — это онъ произнесъ надгробное слово—Сапирштейнъ протолкнулся впередъ сквозь толпу, окружившую могилу.

— «Что дѣлать!» выывалъ ты къ намъ, дорогой товарищъ,—воскликнулъ Сапирштейнъ.—Ты говорилъ намъ, что теперь не время для словопреній, что нужно дѣло дѣлать... И ты былъ правъ: намъ не слова нужны, а дѣло... Пусть каждый идетъ, куда ему угодно, а мы должны стать примѣромъ для всего Израиля! Мы положимъ краеугольный камень, мы покажемъ нашему народу, что онъ *можетъ* объединиться и утвердиться въ странѣ своихъ предковъ, воздѣлывать ея землю, возстановить ея руины и зажить безмятежной, спокойной жизнью, не растрачивая попусту свои силы и дарованія по чужимъ странамъ... Я поэтому клянусь теперь передъ этой открытой могилкой—и пусть будутъ моими свидѣтелями нашъ умершій другъ и вы, живые товарищи,—что я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не приведу въ исполненіе свою завѣтную мечту, пока не ступлю на дорогую землю, на народную почву Палестины!..

Голосъ нашего народа громко выываетъ къ намъ: гдѣ вы? гдѣ сыны мои, почему они меня оставили?.. Вотъ мы!.. Тебѣ, мой народъ, мы посвятимъ свои силы, отдадимъ свою кровь, свою молодость... Мы здѣсь, готовые явиться на твой призывъ! Кто за нашъ народъ—за мной! Товарищи, выступимъ въ путь! Не науки должны мы изучать, а должны учиться сами и приучать свой народъ къ тяжелому труду пахаря... Молодежь должна оставить свои университеты и выступить во главѣ переселенцевъ въ родную страну... Не золотомъ, а одною силою своихъ рукъ, силою юношеской вѣры мы завоеуемъ себѣ прочное положеніе... И если мы падемъ подъ гнетомъ

тяжкой борьбы, — придуть другіе послѣ насъ, и они будутъ продолжать начатую нами работу: мы со слезами будемъ сѣять, а они съ пѣснями будутъ собирать жатву. Я клянусь теперь — продолжалъ Сапирштейнъ — передъ тобою, дорогой Борухъ, что завтра-же я оставлю университетъ и присоединюсь къ уходящимъ въ родную страну... А твое имя и память о тебѣ будутъ служить для меня яркимъ свѣточемъ на моемъ пути... Миръ, миръ твоему праху здѣсь!»...

Въ эту минуту послышался чей-то тяжелый вздохъ. Стоявшіе вокругъ могилы въ испугѣ оглянулись и увидѣли, какъ Сарра Самуиловна безъ чувствъ упала на руки своей подруги Деборы. Нѣкоторые изъ присутствующихъ поспѣшили къ ней; гдѣ-то достали и принесли холодную воду. Сарру на рукахъ донесли до ближайшей извозничьей дрожки.

Могильщики кончили свое дѣло. Всякій изъ присутствующихъ бросилъ горсть земли на могилу, а Гутинъ рыдающимъ голосомъ прочиталъ надгробную молитву: «Да возвеличится и освятится имя Всевышняго».

Сарру привезли на квартиру. Тамъ она открыла глаза и увидѣла, что съ нею въ комнатѣ только одна Дебора. Она кинулась на шею своей подругѣ и, тихо зарыдавъ, тряслась всѣмъ тѣломъ.

— Что съ тобою, Сарра, милая; скажи мнѣ, откройся мнѣ—и тебѣ легче станетъ...

— Ты развѣ не слышала, что онъ сказалъ, Гилель Сапирштейнъ? Вѣдь онъ исполнить свою клятву и переѣдетъ въ ту страну...

— Да, ужъ если онъ сказалъ, то исполнить... Гилель не такой человѣкъ, чтобы отступить отъ даннаго слова... Признаться, я и раньше была увѣрена, что онъ именно такъ сдѣлаетъ: вѣдь онъ такой горячій, увлекающійся человѣкъ...

— Но что же будетъ со мною?—воскликнула съ отчаяніемъ

Сарра.—Ахъ, милая, дорогая, вѣдь я его такъ люблю!.. Она закрыла лицо руками и опять заплакала.

Дебора сидѣла нѣсколько минутъ неподвижно, молча глядя на свою подругу и не находя, что сказать ей.

Вдругъ Сарра вскочила съ мѣста и воскликнула:

— Что за глупости? О чемъ я спрашиваю?.. Я за нимъ пойду, куда-бы онъ ни пошелъ. Мы вмѣстѣ будемъ заниматься... Если-бы только онъ захотѣлъ взять меня съ собою!—прибавила она, вздохнувъ и опустивъ глаза въ землю.

— Уже много лѣтъ,—продолжала она—какъ я горячо люблю его, всѣмъ сердцемъ и душой... А вѣдь онъ ничего объ этомъ не знаетъ... Если онъ уйдетъ въ Палестину, то я пойду за нимъ. Я въ колоніи буду дѣлать всякую черную работу... Я вѣдь умѣю и стряпать и шить, умѣю и коровъ доить. Когда-то, въ дѣтствѣ, въ родительскомъ домѣ, я и на огородѣ работала... Но они-то, родители, какъ они будутъ огорчены... Какъ я ихъ оставлю и уѣду въ далекую страну? Вѣдь я у нихъ одна, и они меня такъ беззавѣтно любятъ...

Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь. Обѣ подруги вздохнули и спросили, кто тамъ.

— Я,—послышался голосъ Гительсона за дверью.

Ему пришлось постоять съ минуту за дверью, пока Сарра вытерла глаза. Дебора попросила его войти.

— Здравствуйте, друзья! Какъ здоровье? Какъ здоровье Сарры Самуиловны? Неужели васъ такъ потрясла рѣчь Сапирштейна? Вамъ, можетъ быть, нужна медицинская помощь, скажите мнѣ: вѣдь я почти докторъ,—прибавилъ онъ, смѣясь.

— Благодарю васъ, мнѣ теперь легче. Мнѣ дѣйствительно тяжело было стоять... у могилы...

— Да, друзья мои, великое слово сказалъ Сапирштейнъ, и многіе скажутъ ему за это горячее спасибо... хотя я лично вовсе не прихожу въ восторгъ отъ палестинской идеи. Но нужно сознаться, что нашъ товарищъ Сапирштейнъ обладаетъ огромной силой воли... Дай Богъ, чтобы онъ не разочаровался въ своихъ надеждахъ, и чтобы эта страна не оказалась

негостеприимной... Вѣдь это такая страшная пустыня... То-ли дѣло Америка! Страна свободы и равенства, богатая, благословенная страна, гдѣ всякій, кто только хочет трудиться, живетъ припѣваючи... Вы, вѣроятно, знаете, что уже составилъ кружокъ изъ молодыхъ людей, желающихъ приобрести землю въ одномъ изъ мало населенныхъ штатовъ Сѣверной Америки и основать тамъ колонію на новыхъ началахъ... Земля будетъ считаться собственностью всей общины, всѣ будутъ одинаково трудиться, доходы равномерно будутъ распределены между всѣми участниками. У насъ будетъ общая касса, глава общины будетъ распределять общественныя работы сообразно съ силами каждаго члена общины. Само собою разумѣется, что тамъ будетъ царить свобода и полное равенство. Одни и тѣ же законы будутъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ... Глава общины будетъ избираться большинствомъ голосовъ, изъ своей-же среды мы будемъ выбирать и судей, и я увѣренъ, что наши братья быстро отовсюду устремятся туда... Тогда составитъ цѣлое государство, еврейскій штатъ въ Америкѣ, которое войдетъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ евреи заживутъ на свободѣ, со всѣхъ странъ свѣта они начнутъ переселяться въ эту страну и будутъ увеличивать и обогащать ее своею физическою и умственною работою...

— Вашими-бы устами да медъ пить,—замѣтила Дебора смѣясь.—Спустя немного тамъ воцарится еврейскій король...

— Не забывайте, сударыня, что Штаты—не королевство, а республика...

— Виновата, простите, Гительзонъ; я объ этомъ и забыла—продолжала смѣяться Дебора.

Сарра сидѣла угрюмая, въ глубокомъ раздумьи и вздрогнула, когда Гительзонъ обратился къ ней:

— А вы какъ думаете, Сарра Самуиловна?

— Я думаю—начала она, не зная, о чемъ собственно онъ ее спрашиваетъ—я думаю, что мы дѣйствительно должны, не колеблясь, приняться за земледѣліе въ странѣ, составляющей нашъ оплотъ въ будущемъ... Да!.. И почему это мы не мо-

жамъ перемѣнить свою жизнь? Чѣмъ земледѣліе хуже... ну, хотя-бы технологіи или медицины... Да, Сапирштейнъ правъ, все, что онъ говоритъ, справедливо...

— Но, поймите же, что это страна дикая, по которой рыщутъ разбойники-бедуаны въ погонѣ за добычей. И всякій, кто отправляется туда, рискуетъ жизнью... А если мы вѣчно должны будемъ воевать съ этими разбойниками, то вѣдь мы отстанемъ отъ всякой культуры и просвѣщенія... Вѣдь мы такимъ образомъ погрузимъ народъ въ пропасть самаго тупого невѣжества.

Сарра посмотрѣла на него удивленными глазами. Легкій румянецъ покрылъ ея блѣдныя щеки, и она ничего не возразила.

— Вотъ видите, вы сознаете, что мы правы, и вы ничего возразить не можете... И зачѣмъ только мы будемъ дробить на части и безъ того слабыя силы?.. Не лучше-ли намъ объединиться, составить одно общество и вмѣстѣ отправиться въ Америку... Я тоже рѣшилъ туда поѣхать... будущимъ лѣтомъ, когда сдамъ экзаменъ и получу дипломъ на званіе врача. Вѣдь врачомъ я могу быть и въ колоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнять тѣ полевые работы, какія на меня возложить... Развѣ вы несогласны со мной?—спросилъ онъ, обращаясь опять къ Саррѣ.

— Еще вотъ что скажу вамъ,—продолжалъ Гительзонъ, видя, что Сарра ничего ему не отвѣчаетъ.—Вы и ваша подруга непременно должны убѣдить Сапирштейна, чтобы онъ оставилъ свою затѣю... Онъ такой искренній, правдивый человекъ, готовый на самоотверженіе ради идеи; онъ могъ-бы сдѣлать много хорошаго и оказать намъ неоцѣнимыя услуги въ нашемъ дѣлѣ... Пусть онъ присоединится къ намъ. Идея наша получила уже широкое распространеніе среди молодежи, я получилъ массу писемъ изъ разныхъ городовъ и мнѣ пишутъ, что эмигранты цѣлыми партіями готовятся къ отъѣзду въ Америку... А тамъ они встрѣтятся съ толпами другихъ переселенцевъ, скитающихся безъ цѣли. Мы были-бы ихъ

руководителями и повели-бы ихъ по вѣрному пути къ возвышенной цѣли, къ которой стремимся сами... Тамъ развернется знамя еврейское и къ нему стекутся всѣ обиженные, угнетенные, предавныя великой идеѣ... А вы, женщины, могли-бы многое сдѣлать: за вами вѣдь мужчины хоть на край свѣта пойдутъ,—прибавилъ онъ, смѣясь. По лицамъ барышень мелькнула легкая улыбка, но онѣ ничего не отвѣтили.

— Особенно вы,—началъ опять Гительзонъ, обращаясь къ Саррѣ,—вы, Сарра Самуиловна, такъ близко знаете своего земляка Сапирштейна.... А онъ всегда о васъ отзывается съ такой похвалой, всегда передъ нами выставляетъ на видъ вашу преданность народной идеѣ... Васъ-то вѣдь онъ послушается!.. Зачѣмъ вы даете ему идти по ложному пути, игибельному и для него самого и для народа?—продолжалъ Гительзонъ съ чувствомъ, замѣтивъ, что Сарра очень внимательно слушаетъ его послѣднія слова.—Почему-бы вамъ не повліять на него и обратить его вниманіе на Америку? Какъ можете вы равнодушно смотрѣть на то, какъ вашъ землякъ и нашъ лучшій товарищ повергаетъ себя въ страшную бездну, навлекаетъ на себя бѣду, изъ которой онъ никогда не выпутается?...

— Онъ не одинъ пойдетъ туда—вскликнула вдругъ Сарра, вскочивъ съ мѣста.—Я буду его защитой, я всегда буду ему въ помощь, я... я пойду за нимъ и въ эту страшную пустыню, о которой вы говорите... и къ этимъ бедуинамъ... И если онъ упадетъ въ пропасть,—то я упаду вслѣдъ за нимъ и вмѣстѣ будемъ въ могилѣ!...

Говоря это, Сарра смотрѣла широко открытыми глазами и тряслась всѣмъ тѣломъ.

Гительзонъ поднялся съ мѣста и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Сарру. Вдругъ онъ покраснѣлъ, догадавшись, что Сарра, увлекшись, невольно открыла свою тайну. Онъ молчалъ.

— Ты слишком волнуешься. Успокойся, милая, — проговорила Дебора, взявъ подругу за руку.

Гительзонъ досталъ свою шапку и молча удалился изъ комнаты.

Конецъ 1-й части.

Изъ иностранной литературы.

Исторія дѣла Дрейфуса.

(*Joseph Reinack. Histoire de l'affaire Dreyfus. Paris 1901.*)

Передъ нами лежитъ большой томъ въ 600 слишкомъ стр. и на немъ — выписанное выше заглавіе. Но это еще не вся „Исторія“, это лишь изложеніе перваго акта драмы — событій 1894 г. Судя по оглавленію и въ некоторымъ напечатаннымъ уже въ разныхъ журналахъ, но не включеннымъ въ данное произведеніе статьямъ того же автора, продолженіе должно послѣдовать. Тогда мы будемъ обладать всестороннимъ, документальнымъ изслѣдованіемъ знаменитаго дѣла, изслѣдованіемъ, произведеннымъ искусной и опытной рукой.

О дѣлѣ Дрейфуса писали уже немало, вѣрнѣе сказать, о немъ писали слишкомъ много, потому что количество труда, времени и средствъ, затраченныхъ на эту разросшуюся до колоссальныхъ размѣровъ „дрейфусовскую“ литературу, далеко не искупается ея содержаніемъ. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что рѣдко кто изъ писавшихъ по данному вопросу задавался исключительной цѣлью изслѣдовать самое дѣло, его генезисъ и развитіе внѣ всякой связи съ текущими событіями дня или интересами той, либо иной партіи. Какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, „дѣло“ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служило средоточіемъ всѣхъ интересовъ, было пробнымъ камнемъ, о который каждый хотѣлъ испробовать свои силы.

Среди всѣхъ писавшихъ Рейнаку болѣе другихъ приличествуетъ роль историка дѣла. Онъ съ неослабывающимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ съ самаго его возникновенія. Онъ, не въ притѣрѣ прочимъ, не связывалъ его съ партійными интересами. Онъ почти одинъ вынесъ на своихъ плечахъ юридическую сторону дѣла, неустанно ана-

лизирова на столбцах Siécle'я всё дѣяніе представителей главнаго штаба съ точки зрѣнія политики, права и дѣйствующаго законодательства. Благодаря его положенію въ политическомъ мірѣ, ему доступно и понятно было многое, что скрыто отъ глазъ непосвященныхъ лицъ.

Но главная причина дѣла, зерно, породившее его, было открыто взорамъ всѣхъ желающихъ и углубляющихъ видѣть давно уже. Не рискуя ошибиться, можно категорически заявить, что въ данномъ отношеніи Ж. Рейнакъ оказался менѣе зрячимъ, чѣмъ многіе изъ нашихъ читателей, слѣдившихъ за перепетіями дѣла по газетнымъ отчетамъ. Можетъ быть, — даже менѣе своихъ собратьевъ французскихъ евреевъ, — онъ долгое время не давалъ себѣ отчета о разнѣрахъ той роли, какую сыграла въ „дѣлѣ“ ненависть къ евреямъ. Доискиваясь до первопричинъ дѣла, нащупывая его потаенныя пружины, онъ, думаемъ, съ немалымъ изумленіемъ и великою грустью выводилъ мерзкое слово „антисемитизмъ“. И какою тоскою звучать его обращенія къ завѣтамъ великой революціи, такъ грубо нарушеннымъ сто лѣтъ спустя послѣ ихъ провозглашенія...

* *
* *
* *

Когда читаешь у Рейнака частныя ссылки на антисемитизмъ и встрѣчаешь замѣчанія, что и тотъ, и другой изъ противниковъ Дрейфуса были отъявленными антисемитами, то сначала начинаешь какъ-то подозрительно относиться къ автору: кажется, что онъ пользуется приѣмами своихъ враговъ по дѣлу, объясняющихъ измѣну Дрейфуса его еврействомъ. Но стоитъ только больше вчитаться въ книгу, углубиться въ подробности и, слѣдуя опытнымъ указаніямъ Рейнака, анализировать каждый отдѣльный актъ, каждое звено, какъ это первое впечатлѣніе исчезаетъ, и изумленіе и грусть, владѣющія авторомъ, сообщаются читателю. Для того, чтобы не видѣть того, что лежитъ на открытомъ, доступномъ для всѣхъ мѣстѣ, чтобы дѣлать натянутые, искусственные выводы въ то время, когда связь между причиною и слѣдствіемъ напрашивалась сама собой, чтобы, будучи честнымъ отъ природы, сознательно и со спокойной совѣстью дѣлать завѣдомую подлость, — для этого нужно было находиться въ особенномъ состояніи, дѣйствовать подъ вліяніемъ своеобразнаго гипноза, страдать отъ злоупотребленія какиихъ

то одуряющимъ зельемъ. Иного объясненія для поступковъ многихъ изъ замѣшанныхъ въ дѣло лицъ подискать нельзя. Ихъ отношеніе къ Дрейфусу вытекало изъ ихъ отношеній къ еврейству; антисемитизмъ былъ этимъ зельемъ, подѣйствіемъ котораго обыкновенно нормальные люди въ данномъ случаѣ смѣшивали день съ ночью, черное съ бѣлымъ.

Конечно, кромѣ антисемитизма, вліяли и другія причины: личный и сословный эгоизмъ, культъ арміи и поклоненіе мундиру, доведенное до крайняго, болѣзненного состоянія, дисциплина, воплощающая всю полноту принципа слѣпого повиновенія, развращающее вліяніе продажной, бульварной прессы, національный характеръ французовъ, надкыхъ на сенсаціонныя извѣстія, любящихъ сенсационныя эффекты, легко поддающихся первому порыву чувствъ. Нельзя оспаривать вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ, но характерно то, что зарожденіе дѣла обуславливалось еврействомъ Дрейфуса; если бы подавляющему большинству замѣшанныхъ въ дѣло лицъ приходилось имѣть дѣло со своимъ братомъ — офицеромъ, съ согражданиномъ — французомъ, а не съ евреемъ, существомъ особой расы — чужой, враждебной, по отношенію къ которому надо руководиться особенными соображеніями, чувствомъ злобы и ненависти — дѣла бы не было, возникшее подозрѣніе противъ Дрейфуса не нашло бы для себя оправданія.

Теперь, когда мы рассматриваемъ «дѣло» до известной степени, какъ событіе минувшихъ дней и къ тому же занимаемъ привилегированное положеніе зрителей, намъ сравнительно легко разобраться въ громадѣ составлявшихъ дѣло фактовъ, и отдѣлать зерно отъ шелухи. Труднѣе это было сдѣлать прежде, когда драма еще разыгрывалась; особенно трудно было это для лицъ непосредственно участвовавшихъ въ ней. Не мало страданій пришлось вынести Дрейфусу среди бесплодныхъ поисковъ причины своего таинственнаго ареста, прежде чѣмъ онъ понялъ, что вся вина его состоитъ въ томъ, что родился евреемъ. А между тѣмъ жизнь въ военномъ кругу давала ему по временамъ чувствовать всѣ неудобства еврейскаго происхожденія: когда онъ кончалъ военную школу, ему не по заслугамъ поставили дурной баллы на томъ основаніи, что „въ главномъ штабѣ не хотятъ имѣть евреевъ“.

И это абсурдное, въ качествѣ мѣрила для оцѣнки познанія учащихся, положеніе, само по себѣ соответствовало дѣйствительности.

Когда, по окончаніи военной школы, Дрейфусъ былъ, всетаки, назначенъ практикантомъ въ главный штабъ, Сандеръ, начальникъ развѣдочнаго отдѣленія, умолялъ генерала Мирабеля, стоявшаго въ то время во главѣ учрежденія, воспротивиться вступленію еврея въ штабъ. Отношеніе товарищей къ Дрейфусу, при его вступленіи, было таково, что Пикару пришлось взять его подъ свою защиту, и онъ опредѣлилъ его въ отдѣленіе маневровъ, которымъ завѣдывалъ нѣкто Мерсье-Милонъ, человекъ, не раздѣлявшій предрасудковъ своихъ коллегъ.

Первый, кто указалъ на Дрейфуса, какъ на автора бордеро, былъ лейтенантъ-полковникъ д'Абовилля, помощникъ начальника 4-го отдѣленія. Въ разговорѣ со своимъ сослуживцемъ Фабромъ онъ высказалъ предположеніе, что бордеро принадлежит какому-нибудь изъ работающих въ штабѣ практикантовъ. Сособѣдники заглянули въ списокъ практикантовъ, — и обвиняемый былъ тотчасъ найденъ. Дрейфусъ было первое еврейское имя, которое они прочитали. Но при дальнѣйшемъ анализѣ инкриминируемаго документа возникали сомнѣнія въ вѣрности разгадки. И любопытно слѣдить, какъ люди, находясь подъ вліяніемъ одной идеи, — въ данномъ случаѣ, вражды къ еврею, — приходятъ къ желательнымъ для нихъ заключеніямъ, пользуясь недѣльными аргументами. Въ бордеро неизвѣстный авторъ (т. е. Эстергази) писалъ: „Я отправляюсь на маневры“, — между тѣмъ изъ официального циркуляра было извѣстно, что никто изъ практикантовъ въ этомъ году не поидеть на маневры. Ясно, что практикантъ никоимъ образомъ не можетъ быть составителемъ бордеро. Но слово еврей, значившееся въ спискѣхъ рядомъ съ именемъ Дрейфуса, произвело уже свое магическое дѣйствіе на д'Абовилля и Фабра, имъ уже трудно отдѣлаться отъ пріятной мысли уличить въ жервости еврея, — и Фабръ истолковываетъ слова бордеро объ участіи въ маневрахъ въ томъ смыслѣ, что рѣчь тутъ идетъ о путешествіи на востокъ Франціи, которое дѣйствительно было предпринято Дрейфусомъ четыре мѣсяца тому назадъ, въ іюнѣ. Сособѣдники попробовали сами сличить почерки бордеро и Дрейфуса, и разумѣется, нашли абсолютное тождество.

Такъ зародилось „дѣло“. О своемъ открытіи офицеры заявили начальству. На реннскомъ процессѣ Сандеръ показалъ, что „какъ только онъ узналъ фамилію заподозрѣннаго офицера, открытіе его уже больше не удивляло“, а между тѣмъ онъ такъ мало

зналъ Дрейфуса, что разъ, повстрѣчавшись съ нимъ, назвалъ его другимъ именемъ. Всѣ служащіе въ штабѣ съ радостью привѣтствовали открытіе; таготѣвшее надъ всѣми ними подозрѣніе въ шпіонствѣ падало. Но это обстоятельство только отчасти было причиной всеобщаго ликования. „Если бы въ дѣлѣ былъ замѣчанъ христіанинъ, человекъ одной и той же религіи и расы, то, несомнѣнно, вѣкоторые сначала были бы удивлены и даже, послѣ этого перваго движенія чувствъ, стали бы искать поводовъ для сомнѣнія, говорить Рейнакъ. Между тѣмъ первымъ движеніемъ всѣхъ было вздохнуть посвободнѣе. Дѣло шло о евреѣ, высочайше!—тѣмъ большее облегченіе почувствовали всѣ. Сказалась долго сдерживавшаяся ненависть. Въ какомъ всѣ восторгѣ, что попался онъ! Эти солдаты сразу увѣровали, потому что хотѣли вѣрить“ (стр. 67—68). Увѣровалъ и Мерсье; въ отвѣтъ на докладъ онъ замѣтилъ, что „предположеніе, *на первый взглядъ*, не возбуждаетъ сомнѣнія“.

А между тѣмъ у него, равно какъ и другихъ начальствующихъ лицъ, сомнѣнія должны были быть: они знали то, что было неизвѣстно д'Абовиллю и Фабру, а именно, что происхожденіе бордеро относится къ августу или сентябрю, такъ что въ немъ никоимъ образомъ не могло быть рѣчи объ июньской поѣздкѣ Дрейфуса. Такимъ образомъ обвиненіе падало само собой. Это было совершенно ясно для начальниковъ—Гонза, Вуадефра и Мерсье. „Но Дрейфусъ—еврей, и чтобы слово маневры могло быть признанно къ поѣздкѣ, происхожденіе бордеро отнесли къ веснѣ“. Въ процессѣ Золя Гонзъ и Пеллье признались, что въ дѣйствительности бордеро было написано въ осенніе мѣсяцы. И такъ былъ сдѣланъ несомнѣнный подлогъ—измѣнена дата на документѣ такой колоссальной важности, и что особенно характерно во всей этой исторіи,—ни сами виновники преступленія—генералы, никто изъ зрителей—офицеровъ штаба не усмотрѣли въ этомъ дѣяніи ничего необычнаго; до того всѣ были рады открытію мнимаго преступника и поражены антисемитизмомъ. Одинъ только Пикаръ не болѣлъ общей болѣзнью.

Дѣлу дать ходъ, поручаютъ коменданту Дю-Пати сравнить почеркъ бордеро съ почеркомъ Дрейфуса. Маркизь Дю-Пати, типичный представитель старой, оставшейся не у дѣлъ знати, которая видитъ единственное для себя спасеніе въ военной службѣ, но вытѣсняется и изъ нея болѣе способными и дѣловитыми кон-

куррентами, въ томъ числѣ и евреями,—послѣ бѣгло сравненія почерковъ признаеть ихъ тождество. Одновременно полковникъ Вюше, въ отдѣлѣ котораго Дрейфусъ работалъ въ послѣднее время, слышитъ заявленія Пикара, которому онъ приказалъ собрать рукописи Дрейфуса, что почеркъ послѣдняго принадлежитъ „къ одной семьѣ“ съ почеркомъ бордеро, но не тотъ же самый.

Отзывъ Пикара былъ первымъ предостереженіемъ; за нимъ послѣдовало второе. Мерсье обратился съ просьбой къ министру юстиціи Герену откомендовать ему специалиста графолога; Геренъ прислалъ къ нему Гобера, эксперта при французскомъ банкѣ. Гоберъ является въ главный штабъ, его окружають главные офицеры и непрерывно доказываютъ ему, насколько легка задаваемая ему задача,—вѣдь почеркъ бордеро такъ схожъ съ рукой подозрѣваемаго практиканта. Своими уговорами они достигаютъ лишь того, что Гоберъ уходитъ изъ штаба съ твердымъ убѣжденіемъ, что у нихъ нѣтъ другихъ, неотразимыхъ доказательствъ заподозрѣннаго лица. Что касается до бордеро, то въ интересахъ дѣла, онъ проситъ разрѣшенія снять фотографическій снимокъ съ документа, въ чемъ получаетъ отказъ, подъ предлогомъ, что такимъ путемъ тайна станетъ известна всему Парижу, хотя подобныя фотографическіе снимки давно уже ходили по рукамъ въ главномъ штабѣ. Далѣе Гоберъ, ссылаясь на положительное предписаніе закона, требуетъ, чтобы ему сообщили имя инкриминированной особы; ему отказываютъ и въ этомъ, хотя по нѣкоторымъ извѣстиямъ въ доставленныхъ ему бумагахъ даннымъ онъ безъ особеннаго труда догадывается, что рѣчь идетъ о Дрейфусѣ. Послѣ тщательнаго анализа всѣхъ документовъ Гоберъ даетъ отрицательное заключеніе: бордеро не написано рукой Дрейфуса.

Приглашая Гобера, Мерсье одновременно призвалъ и Кошфора, полицейскаго чиновника особыхъ порученій. Рассказавъ ему о заиженномъ фактѣ чьей-то измѣны и указавъ достаточно опредѣленно на Дрейфуса, какъ виновника ея, онъ условился съ нимъ относительно ареста обвиняемаго. Дю-Пати, Сандеръ и Апри, съ которыми онъ познакомилъ Кошфора, всѣ увѣрили послѣдняго, что „развѣдочное бюро давно уже вело слѣдствіе“, и доказательствъ виновности—множество.

Понятно, что категорическое заявленіе Гобера противорѣчило такому общему настроенію. Тогда обратились за содѣйствіемъ къ

Бертильону, но и онъ далъ сначала уклончивый отвѣтъ. Кажется бы, что двѣ отрицательныя экспертизы должны были заставить героевъ главнаго штаба призадуматься, но они, напротивъ, продолжаютъ походъ противъ невинно заподозрѣннаго еврея и арестовываютъ его. Дѣло въ томъ, что впасть въ порывъ антисемитическаго ослѣпленія въ заблужденіе, они теперь не могли отступить по соображеніямъ личнаго характера. Фабръ и д'Абовиль—потому, что иначе посрамилась бы ихъ слава находчиковъ виновнаго; Дю-Пати потому, что было бы опровергнуто его заключеніе о тождествѣ почерковъ; Буадефръ—начальникъ главнаго штаба и Гонзъ—его помощникъ, потому—что на подвѣдомственномъ имъ учрежденіи продолжало бы тяготѣть обвиненіе въ измѣнѣ; самъ Мерсье, наконецъ,—потому, что пойти назадъ было бы для него равносильно потерѣ всякаго уваженія въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. Итакъ, еврей долженъ погибнуть... Дрейфуса арестовали и посадили въ тюрьму вопреки открытому протесту военнаго губернатора Парижа Соссье, которому принадлежала военная юрисдикція въ предѣлахъ столицы. Отъ Соссье скрыли арестъ, и Форцинетти, начальникъ тюрьмы Шернг-Миди, въ которую заключили Дрейфуса, не подозревая сути дѣла, подчинился формальному приказу военнаго министра о принятіи арестованнаго офицера. Въ данномъ случаѣ Мерсье обманулъ также и Ганото, министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣдній, изъ соображеній международнаго характера, очень сильно настаивалъ на томъ, чтобы не поднимали шума изъ-за бордеро, въ особенности, если противъ заподозрѣннаго лица нѣтъ вполнѣ установленныхъ уликъ; Мерсье обѣщаль ему начать слѣдствіе только въ томъ случаѣ, если виновность Дрейфуса будетъ твердо установлена, а между тѣмъ арестъ былъ рѣшенъ послѣ отрицательной экспертизы Гобера и наканунѣ неопредѣленной экспертизы Бертильона.

Арестъ Дрейфуса могъ бы, кажется, свидѣтельствовать о томъ, что Мерсье былъ вполнѣ убѣжденъ въ его виновности; но такого убѣжденія у министра, очевидно, не было, потому что уже послѣ ареста бордеро, по его приказу, подвергнулось новой экспертизѣ; его вторично исследовалъ Бертильонъ, поумиравшій съ ходомъ событій и признавшій на этотъ разъ сходство почерковъ, а кромѣ него три судебныхъ эксперта—Шаравэ, Палетье и Тейссоньеръ.

Возмущенная неправотой своихъ поступковъ совѣсть искала хотя бы вѣшняго оправданія для нихъ.

Къ экспертизѣ приставили на помощь увѣровавшаго Вертильона. Тейссоньеръ, человекъ, состоявшій подъ судомъ за некрасивую продѣлку при одной экспертизѣ, послѣдовалъ, конечно, указаніямъ своего руководителя и далъ утвердительный отвѣтъ. Пеллетье, чиновникъ министерства изящныхъ искусствъ, отказался имѣть дѣло съ Вертильономъ и вынесъ категорическое отрицательное рѣшеніе. Шаравэ колебался, онъ бесѣдовалъ съ Вертильономъ, и тотъ сужѣлъ сбить его съ толку, но всетаки полной увѣренности въ тождествѣ почерка бордера съ рукой Дрейфуса у него не было. Человекъ безусловной честности, можно сказать, фанатикъ честности, онъ не былъ доступенъ никакимъ соблазнамъ, никакимъ воздѣйствіямъ. Напротивъ, малѣйшее воздѣйствіе могло заславить его дать противоположное заключеніе. Этой чертой его характера и воспользовались.

„Однажды вечеромъ, — рассказываетъ Рейналь, — къ Шаравэ явился какой-то незнакомецъ. Отрекомендовавшись другомъ заповѣрливаго офицера, онъ сталъ увѣрять эксперта въ его невинности, въ томъ, что инкриминированный документъ написать не имъ, говорилъ, что вся ихъ семья будетъ Шаравэ очень признательна“. Экспертъ не пожелалъ дальше слушать его, указавъ гостю дверь и, совершенно не подозрѣвая того, что изъ всей семьи Дрейфусовъ объ арестѣ знала одна только Люси Дрейфусъ, которой строжайше было запрещено Пати-де-Кламомъ рассказывать объ этомъ роднымъ, возмущенный этой попыткой подкупа, высказался въ пользу тождества почерковъ, хотя добавилъ, что, можетъ быть, имѣеть дѣло лишь съ схожими почерками, какъ бываютъ схожія физиономіи.

Результаты этой экспертизы смутили Мерсье и его присныхъ. Они знали цѣну показаніямъ Тейссоньера. Дѣлавшіяся одновременно старанія добиться признанія у Дрейфуса тоже не увѣчались успѣхомъ. Довести дѣло до судебного разбирательства и потомъ быть свидѣтелями оправданія обвиняемаго значило покрѣть себя вѣчными позоромъ, испортить себѣ карьеру. Поэтому у коноводовъ появляется мысль о прекращеніи дѣла... Съ нѣкотораго времени Дю-Пати уже не скрывалъ своего унынія. Вернувшись однажды вечеромъ изъ Шершъ-Миди, онъ сталъ жаловаться своему

начальнику Буине и Пикару на „трудности борьбы съ Дрейфусомъ“. Палачъ горевалъ. Буше и Пикаръ вынесли такое впечатлѣніе, что „дѣло не ладится“. Значить, ошиблись? Дю-Пати полагае, что еще возможно выпутаться изъ этой исторіи безъ особеннаго ущерба. Онъ подалъ министру докладъ, въ которомъ, изложивъ на-чистоту положеніе дѣла, ставилъ альтернативу: или отпустить Дрейфуса, за отсутствіемъ уликъ, или, несмотря на отсутствіе ихъ, продолжать дѣло. Рѣшеніе предоставлялось постановить министру.

Мерсье колебался... Но его колебаніямъ былъ положенъ предѣлъ, когда на слѣдующее утро онъ прочиталъ въ Libre Parole замѣтку такого содержанія: „Правда — ли, что недавно, по приказу военныхъ властей, былъ произведенъ крупный арестъ. Арестованнаго обвиняютъ будто бы въ шпіонствѣ. Если это извѣстіе дѣйствительно, почему военныя власти хранятъ о немъ полное молчаніе. Отвѣтъ неизбеженъ“. За Libre Parole отозвались другія бульварныя газеты—Patrie, Esclair. Вести дѣло тайнѣ было теперь невозможно. Мерсье послалъ въ Агентство Гаваса официальное извѣщеніе о *временномъ* арестѣ одного офицера, заповѣданнаго въ выдачѣ иностранцамъ незначительныхъ, но тайныхъ документовъ. Когда на другое утро Libre Parole вышла съ кричащимъ заголовкомъ: „Государственная измѣна. Арестъ еврея-офицера А. Дрейфуса“, Мерсье пошелъ еще дальше,—онъ принеся на засѣданіе совѣта министровъ бордеро, комментировалъ его, отвѣчалъ на всѣ вопросы, былъ категориченъ и увѣренъ въ своихъ отвѣтахъ. И министры, считавшіе его недалекииъ, но несомнѣнно честнымъ человѣкомъ, вѣрятъ ему на слово и единогласно постановляютъ открыть судебное слѣдствіе. „Потребовали ли бы они еще иныхъ доказательствъ, если бы въ дѣло былъ замѣшанъ не еврей и если бы они не знали о походѣ Libre Parole“?—спрашиваетъ Рейнакъ.

Итакъ, не только Мерсье, но и другіе министры отступили передъ натискомъ Libre Parole; внимательство этой газеты имѣло рѣшающее значеніе. О томъ, какимъ образомъ Дримоиъ провѣдалъ о происходящемъ въ главномъ штабѣ, сообщалось уже на разѣ въ печати. Разглашеніе этой тайны было сдѣлано Рейнакомъ же, которому удалось достать копию письма, адресованнаго наканунѣ появленія въ Libre Parole первой глухой замѣтки о дѣлѣ къ

сотруднику этой газеты Parillaud. Въ письмѣ сообщалось объ арестѣ Дрейфуса по подозрѣнію въ измѣнѣ, и подписано было оно именемъ Анри. Нѣкоторые высказывали предположеніе, что это Дю-Пати подписался именемъ Анри, но Рейнакъ настаиваетъ на авторствѣ послѣдняго. Онъ подробно выясняетъ роль Анри въ дѣлѣ, считая его главнымъ виновникомъ, ведшимъ скротно всю интригу и выступавшимъ на сцену лишь въ рѣшительные моменты, когда, безъ его виѣшательства, дѣло могло потерпѣть фіаско. Въ дѣйствительности, какъ рассказываетъ Рейнакъ, бордеро не было принесено въ главный штабъ виѣстѣ съ другими бумагами, подобранными въ нѣмецкомъ посольствѣ подкупленной служанкой. Оно, въ видѣ письма Эстергази къ нѣмецкому военному атташе Шварцкопфену, было перехвачено въ швейцарской нѣмецкаго посла однимъ шпиономъ и доставлено Анри. Послѣдній призналъ почеркъ своего стараго пріятели и должника Эстергази. Уничтожить это несомнѣнное доказательство виновности своего друга было невозможно, такъ какъ такому уничтоженію воспротивился бы агентъ, доставившій документъ и знавшій его цѣну. Оставалось приложить это бордеро къ другимъ бумагамъ, доставляемымъ изъ нѣмецкаго посольства, и для большей правдоподобности разорвать его на кусочки. Понятно теперь, почему Анри былъ заинтересованъ въ осужденіи Дрейфуса.

Но почему Libre Parole отозвалась на его приглашеніе выступить въ походъ противъ Дрейфуса?

Дрюмонъ, служившій нѣкогда у еврейскаго банкира Перейры и написавшій въ защиту его брошюру, полную диатрибъ, въ 1885 г. перешелъ на службу духовныхъ конгрегацій, вступивъ въ самыя близкія сношенія съ іезуитами. Администраторомъ Libre Parole былъ сдѣланъ нѣкто Одеманъ, состоявшій одновременно директоромъ іезуитскаго коллежа въ Парижѣ. Первые удары газеты были направлены противъ евреевъ-офицеровъ, которые съ нѣкотораго времени стали замѣтно одерживать верхъ надъ воспитанниками конгрегаціонныхъ коллежей при поступленіи въ высшія военныя школы—Политехническую и Сентъ-Сирскую. Газета не задумалась обвинить всѣхъ евреевъ-офицеровъ въ государственной измѣнѣ, что повлекло за собой сильно на шумѣвшія въ то время дуэли Кремье-Фоа съ Дрюмономъ и Дамазомъ и Майера

съ Морессонъ. Естественно, что дѣло давало іезуитскимъ напиктамъ полную возможность проявить свое усердіе.

Мы видѣли, какіе результаты имѣло первое выступленіе Libre Papele; инспирируемая освѣдомленными лицами (помимо Анри, съ ней поддерживали сношенія и другіе офицеры главнаго штаба), она имѣла вѣла атаку, постоянно направляя удары на большія мѣста колеблющихся заправилъ главнаго штаба. Но дѣятельность этого органа имѣла еще и другую сторону, не менѣе пагубную: своимъ сообщеніемъ о „дѣлѣ“ она дала пищу для уличной прессы, своимъ отношеніемъ къ „дѣлу“ задавала тонъ послѣдней. Разыгралась омерзительная сцена охоты за живыми, невинными человѣкомъ, началась варварская травля цѣлой національности; раззадоренное построчной платой воображеніе газетчиковъ, этихъ, какъ ихъ называетъ Рейнакъ, „кондотьеры печати“, нагромождало противъ Дрейфуса одно обвиненіе надъ другимъ. Увѣренные въ его осужденіи, они предлагали свои услуги въ качествѣ палачей, и съ изысканнымъ сладострастіемъ подыскивали подходящій родъ казни для „измѣнника.“ Разсказъ одной газеты о томъ, что въ Китаѣ одному военному, обвиненному въ государственной измѣнѣ, выгнали плачущей головошкой вѣки, вырвали языкъ, руки и ноги, обмазанные смолой, сожгли на огнѣ, а ударами молотка вышибли зубы, раздробили носъ и выкупали всего въ кипящей смолѣ—этотъ образъ безумной, адской фантазіи вызвалъ всеобщее ликованіе, нашелся даже такой читатель Petit Journal, который предлагалъ запретить Дрейфуса въ клѣтку, какъ дикое животное, и возить его такъ до разстрѣла на показъ всѣмъ полкамъ.

Единственное оправданіе Дрейфусу револьверная пресса видѣла въ его еврействѣ: будучи евреемъ, онъ не можетъ быть одновременно французомъ, больше того, онъ долженъ быть врагомъ Франціи; измѣняя странѣ, Дрейфусъ выполнилъ лишь свое providencialное назначеніе еврея—Іуды. Печать обращаетъ свое благосклонное вниманіе на евреевъ и обливаетъ ихъ потоками грязи. „Дрейфусъ не что иное, какъ агентъ этой темной власти, этого могущественнаго интернаціональнаго жидовства, которое задалось цѣлью сокрушить французовъ и захватить въ свои руки ихъ поземельное имущество“, объявляетъ газета France, и другіе органы перепечатываютъ ея статьи. „Каждый еврей обманываетъ своего

благодѣтеля“, заявляетъ провинціальная газета *Soleil du Midi*. Такъ писали второстепенные, не занимающіеся жидотрепательствомъ ех *professio* органы. Можно себѣ представить, до чего договаривались такіе специалисты по ругани еврейства, какъ Дрюмонъ, Рошфоръ и Жюде. Руганью одной не довольствовались. Органъ святыхъ братьевъ ассомпционистовъ *Le Pèlerin* предлагалъ лишить евреевъ всѣхъ правъ, указывая на то, что „царь понималъ положеніе вещей, когда онъ цѣлкою изгналъ ихъ изъ своей арміи и страны (4)“. *Libre Parole* печатала проскрипціонные списки евреевъ-офицеровъ. Зараза быстро распространялась по странѣ: крестьяне приставали къ своимъ депутатамъ съ вопросами, когда они, наконецъ, освободятъ ихъ отъ еврейскаго ига...

У насъ нѣтъ ни мѣста, ни охоты изображать подробно эту травлю, памятную еще многимъ изъ нашихъ читателей изъ газетныхъ сообщеній того времени. Рейнакъ ей удѣляетъ много вниманія, что и вполне уместно въ его книгѣ, которая представляетъ собой исторію не только дѣла Дрейфуса, но также и французскаго общества *fin de siècle*. Также обстоятельно выяснено у него вліяніе уличной прессы, а въ особенности *Libre Parole* на ходъ дѣла; роль Дрюмона не ограничилась тѣмъ, что онъ заставилъ Мерсье сдѣлать первый рѣшительный шагъ — потребовать въ совѣтъ министровъ открытія судебного преслѣдованія противъ Дрейфуса. Систематическимъ застращиваньемъ, обвиненіями въ благосклонности къ еврейскому золоту, онъ заставилъ Мерсье сдѣлать еще не одно преступное дѣяніе. Сначала *Libre Parole* преслѣдовала военнаго министра за его желаніе хранить дѣло втайнѣ. „Это жидовье заставляеть его молчать“ (*C'est la juiverie qui lui a imposé le silence*), заявлялъ Дрюмонъ. У Мерсье возникло было предположеніе предложить окончательное рѣшеніе вопроса на обсужденіе палаты депутатовъ; было основаніе думать, что даже правая выскажется за прекращеніе дѣла. Ввиду этого *Libre Parole* заблаговременно стала обстрѣливать видныхъ членовъ консервативной партіи. „Вотъ они, Монфоръ, Ла-Фероннэ, Ланжюна, Рейль, всѣ собрались, чтобы своей былой репутациею покрыть нерзости, творящіяся въ военномъ министерствѣ“, писала газета по ихъ адресу. „Развѣ Альберъ дю-Манъ не предлагалъ Ротшильдамъ взять въ зятя его сына?“ инсинуировала она противъ одного изъ ихъ главарей. Военный губернаторъ Парижа Соссье былъ противъ воз-

буждені дѣла; опасаясь, что Мерсье можетъ поддаться его вліянію, Дрюмонъ спѣшилъ обвинять генералиссимуса въ снппатіяхъ къ евреямъ. Буадефрѣ почему-то показался газетѣ подозрительнымъ, она облила грязью и его. Такимъ образомъ въ каждый данный моментъ, зная хорошо положеніе дѣла, Libre Parole предвосхищала шаги Мерсье и не давала ему возможности сдѣлать нежелательный ходъ. Понимая, что одного бордеро будетъ недостаточно для обвинительнаго вердикта, Мерсье приказалъ набрать еще нѣсколько уличающихъ документовъ; приказаніе было исполнено, появилось знаменитое тайное досье. Но бумаги, входившія въ составъ этого досье, были такого свойства, что врядъ ли могли бы исполнить свое назначеніе, при гласномъ разборѣ ихъ съ участіемъ обвиняемаго и его защитника. Можно было избѣгнуть этого риска, передавъ досье судьямъ тайнымъ образомъ, безъ вѣдома Дрейфуса и Деманжа. Дилемма заставила Мерсье призадуматься. Зная колебанія министра, Libre Parole раскрыла фактъ существованія и другихъ уликъ, помимо бордеро. Мерсье началъ сдаваться; Libre Parole помѣстила другую замѣтку, въ которой съ непритворной радостью заявляла, что „повидимому, генераль Мерсье желаетъ пролить полный свѣтъ на дѣло, несмотря на всѣ старанія жидовъ, и намѣренъ подвергнуть заслуженному наказанію подлаго измѣнника-офицера“. День появленія этой замѣтки Дрюмона Рейнакъ называетъ днемъ капитуляціи Мерсье.

Мы опускаемъ дальнѣйшія подробности, въ предположеніи, что роль антисемитской прессы въ «дѣлѣ» достаточно выяснена сказаннымъ. Изъ отъявленнаго негодяя Мерсье сдѣлался, въ глазахъ Дрюмона и К^о, доблестнымъ гражданиномъ, спасителемъ отечества. „Благодаря своей твердости, грубой откровенности и патриотизму, генераль Мерсье сумѣлъ одолѣть своихъ враговъ, ковавшихъ козни во вракъ“, писала La Libre Parole, послѣ того какъ министръ обнаружилъ полное повиновеніе. «Имя Мерсье будетъ свято; онъ можетъ теперь посмѣиваться надъ іудейско-нѣмецкими интригами; онъ теперь неприступенъ», расшаркивалась другая газета. У Мерсье, стоявшаго почти на краю гибели, выказавшаго полную и общепризнанную несостоятельность на политическомъ поприщѣ, вдругъ оказался сильный союзникъ. Антисемитская печать, въ началѣ дѣла выступавшая противъ Мерсье и Дрейфуса въ защиту якобы нарушаемыхъ ими интересовъ страны, теперь вела атаку противъ

Дрейфуса, но не во имя народного дѣла, а ради вѣчнаго прославленія Мерсье. Прежняя антитеза смѣнилась новой, въ которой нѣкто Франціи занялъ ея военный министръ. Рейнакъ приводитъ одну статью Дрюмона, въ которой послѣдній дѣлитъ всю французскую печать на двѣ партіи: одну, стоящую за Мерсье, другую, отстаивающую Дрейфуса.

На политическомъ горизонтѣ страны занималась заря новаго буланжизма. Старое свѣтило еще недавно потухло, и, если масса забыла его мимолетное появленіе, то политическіе дѣятели и писатели сохраняли о немъ память. Отъ ихъ взоровъ и теперь не скрылись багровые лучи диктаторскаго разсвѣта. Поднятіе Мерсье изъ грязи и постановленіе его на пьедесталъ совершилось такъ быстро, что и эти выдавшіе виды знатоки политики развели отъ изумленія руками. „Изумленіе выросло до разбѣровъ скандала,—говоритъ Рейнакъ,—когда за одну ночь Мерсье изъ самаго отчаяннаго врага превратился въ героя и, поощряя нападки на своихъ коллегъ по кабинету, подумывалъ, очевидно, о томъ, чтобы использовать въ своихъ цѣляхъ дѣло Буланже“. Нѣсколько депутатовъ и множество сенаторовъ обратили серьезное вниманіе на это обстоятельство. Либеральная или, другими словами, республиканская пресса ничего не подозрѣвала. Но никто не осмѣлился говорить о мнимомъ врагѣ страны и—Дрюмонѣ. Парламентскіе дѣятели ожидали ближайшаго кабинетнаго кризиса, надѣясь низвергнуть Мерсье. Первый нарушилъ общее молчаніе нѣкто Сэнтъ-Жене, старшій сотрудникъ Figaro, убѣжденный роялистъ, сторонникъ насильственныхъ государственныхъ переворотовъ, если они ведутъ къ установленію монархическаго режима, вѣрующій католикъ и бывшій офицеръ, сохранившій еще множество связей съ военными кругами и въ поклоненіи передъ арміей доходившій до культа воиновъ первой имперіи.

Не иронія ли судьбы, что такой человекъ раньше другихъ выступилъ противъ проектировавшагося *pronunciamento* и—военнымъ образомъ—въ защиту общепризнаннаго измѣнника офицера-еврея?

Сэнтъ-Жене проявилъ мужество, котораго не хватало у другихъ. Онъ направилъ удары прямо противъ Мерсье. Въ своей статьѣ *Ras d'équivoque*, появившейся въ Figaro 11 дек. 1894 г., онъ писалъ, что болѣе неспособнаго военнаго министра, чѣмъ Мер-

ею во Франціи давно уже не было, что выходъ его въ отставку былъ рѣшенъ, но внезапно разразилось дѣло Дрейфуса, и Мерсье воспользовался имъ, чтобы спастись. Указавъ на сходство военнаго министра съ Вуланже въ способѣ веденія агитациа въ печати, Сентъ-Жене обращалъ затѣмъ вниманіе читателей на недостойное поведеніе Мерсье по отношенію къ другимъ министрамъ, которыхъ предавшие ему органы печати, очевидно съ его одобренія, забрасывали грязью. — Вторая статья Сентъ-Жене была написана еще сильнѣе; въ ней онъ затрагивалъ уже самое *l'affaire* и, заявляя, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, кто обвиняемый, еврей или христіанинъ, настаивалъ на томъ, чтобы его разсматривали исключительно съ юридической точки зрѣнія, внѣ всякой связи съ политическими интересами минуты. „Въ другой странѣ, гдѣ люди думаютъ, какъ напр., въ англо-саксонскихъ государствахъ, просто спросили-бы: правдоподобна ли эта дьявольская исторія? Виновенъ-ли этотъ офицеръ? А у насъ, гдѣ все принимаетъ политическій характеръ, намъ говорятъ: отвѣтите категорически, вѣрите вы въ эту дьявольскую исторію? Увѣрены вы въ виновности офицера? Подумайте хорошенько, потому что, если вы не вѣрите, то вы, значитъ, извѣнникъ, подкупленный человѣкъ“.

За Сентъ-Жене отозвались и другіе публицисты, одинъ изъ первыхъ — извѣстный политическій хроникеръ Корнели, который, между прочимъ, поставилъ военному министру въ вину, что онъ пріучаетъ нуждающагося въ моральномъ исправленія массу къ развращающему призраку извѣны.

Опасеніе внутренняго политическаго замѣшательства, — вотъ что заставило опомниться одну часть мыслящихъ людей, отдавшихся было общему настроенію. Основаніемъ протеста для другой части явилось непреклонное желаніе Мерсье устроить судебное разбирательство при закрытыхъ дверяхъ. Это требованіе было существеннымъ нарушеніемъ процессуальныхъ правъ Дрейфуса, какъ обвиняемаго. Радикалъ Ранкъ, протестовавшій противъ поведенія Мерсье съ этой точки зрѣнія, особенно напиралъ на настойчивыя заявленія Дрейфуса въ своей невинности. Тайное разбирательство, при такихъ условіяхъ, тѣмъ болѣе не представляло никакихъ гарантій правильности вердикта. Это мнѣніе Ранка было поддержано многими журналистами, и вокругъ вопроса о гласности предстоящаго процесса загорѣлась ожесточенная газетная полемика.

Въ силу характера темъ своихъ статей, Ранкъ долженъ былъ еще больше, чѣмъ Сентъ-Жене остановиться надъ сущностью дѣла и разобраться въ вопросѣ о виновности Дрейфуса; онъ не говорилъ, что считаетъ его невиннымъ, но высказывалъ свое сомнѣнiе. Кассаньякъ, разбиравшій дѣло съ той же точки зрѣнiя, что и Ранкъ, открыто выражалъ свое колебанiе: „Сказать вамъ правду?— писалъ онъ. Чѣмъ больше я вникаю въ дѣло, тѣмъ большее смущенiе овладѣваетъ мной. Я спрашиваю себя:— а что, если Дрейфусъ случайно окажется невиннымъ?“

Начавши съ частныхъ и результатовъ, писавшiе неуклонно приходили къ основному, исходному пункту дѣла—вопросу о виновности. И ны виднѣтъ, что уже въ то время,—еще до судебного разбора, сомнѣнiе въ справедливости обвиненiя начало прокладывать себѣ дорогу въ извѣстной части французскаго общества. Какъ можно видѣть изъ именъ названныхъ журналистовъ, въ оппозици къ Мерсье были консерваторы и радикалы. Что касается до парламентской лѣвой, то она, съ Мальераномъ и Жоресомъ во главѣ, шла по одному пути съ Рошфоромъ и Дрюмономъ. Жоресъ ѣздилъ даже въ Брюссель, чтобы позвать руку писавшему тамъ въ изгнанiи Рошфору. „А такъ какъ Рошфоръ,—объясняетъ Рейнакъ,—желая сохранить за собой своихъ абонентовъ, слѣдовала примѣру Дрюмона, то социалисты относились благосклонно къ Libre Papele, прiвѣтливо взирали на антисемитское движенiе, которое давало имъ возможность, подъ видомъ нападокъ на еврейскiй капитализмъ, атаковать капитализмъ вообще. Большинство изъ нихъ думало или показывало видъ, будто думаетъ, что евреи ведутъ крупную интригу, чтобы спасти Дрейфуса, успѣли сванить на свою сторону Ганото и Дюпри, и что лишь одинъ Мерсье не сдастся имъ“.

Наряду съ вопросомъ объ отношенiи различныхъ партiй къ дѣлу, несомнѣнный интересъ представляетъ вопросъ объ отношенiи къ нему самого Рейнака, автора настоящей „Исторiи“. Мы знаемъ, что участiе его въ дѣлѣ было велико, но каково было его начало, что побудило Рейнака влѣзаться въ борьбу военно-клерикальной клики съ беззащитнымъ евреемъ-офицеромъ? Антисемитскiя газеты съ перваго же дня писали про Дрейфуса, что „онъ—другъ, протеже Жозефа Рейнака“.

Вотъ что рассказываетъ о себѣ нашъ авторъ.

„До той поры я никогда не видалъ капитана Дрейфуса, не зналъ еще тогда никого изъ его семьи; впервые я увидѣлъ г-жу Люси Дрейфусъ въ январѣ 1897 г., а Матье Дрейфуса—въ октябрѣ того же года. Но съ перваго же дня у меня было предчувствіе (*l'intuition*), что обвиняемый невиновенъ. Первыиъ признакомъ этого было поведеніе газетъ конгрегаціи, которыя, вопреки своему обычному хладнокровному отношенію къ фактамъ измѣны, въ данномъ случаѣ проявили особенную, подозрительную ярость; несомнѣнно, тутъ скрывалось какое-то новое преступленіе антисемитизма, какой-то новый заговоръ злоумышленниковъ, которые уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ежедневно вселяли въ народъ чувства подозрительности и ненависти. И какой могъ быть поводъ для измѣны? Обвиняемый былъ богатый, образованный человекъ, эльзасецъ родомъ, еврей по происхожденію. Въ еврейскомъ характерѣ есть свои темныя стороны (*l'âme juive a ses parties d'ombres*), у еврея есть недостатки; подобно всякому другому, онъ способенъ совершить преступленіе, побуждаемый къ тому страстью или золотомъ. Но быть не можетъ, чтобы этотъ еврей изъ Мильгаузена, предпочевишій званіе военнаго участя богатаго фабриканта, воспитывавшійся въ перворазрядныхъ учебныхъ заведеніяхъ, одинъ изъ первыхъ евреевъ попавшій въ главный штабъ, чтобы онъ именно совершилъ самое ужасное преступленіе, на которое люди обыкновенно идутъ ради небольшой суммы денегъ. Эти эльзасскіе евреи, которыхъ такъ долго третировали *en salaille*, унижали и подозрѣвали, во время войны обнаружили одинаковое мужество и самопожертвованіе съ самыми истинными французами. Со времени присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи, они выказали наибольшее усердіе въ протестъ противъ этого событія. Послѣ десятилѣтняго занятія унижительными профессіями добиться командованія надъ французскими солдатами—и измѣнить!“

Въ другомъ мѣстѣ Рейнакъ говоритъ, что мысль о судебной ошибкѣ не давала ему покоя, и что подъ влияніемъ ея онъ отправился къ адвокату Дрейфуса—Деманжу, котораго зналъ съ давнихъ поръ, просить познать его съ содержаніемъ дѣла. Деманжъ отказался сдѣлать это, увѣривъ его лишь въ томъ, что все обвиненіе покоится на одномъ документѣ, принадлежность коего Дрейфусу оспаривается. Деманжъ высказалъ ему свое убѣжденіе въ невинности Дрейфуса и—такъ какъ тогда вопросъ о тайномъ разборѣ

дѣла не былъ еще окончательно рѣшенъ,—просилъ Рейнака употребить свое вліяніе на президента, чтобы была сохранена гласность. „Въ разговорѣ съ Казиміромъ Перье я горячо защищалъ свой взглядъ“,—продолжаетъ разсказъ Рейнакъ. —Но президентъ, не желая подвергнуться обвиненіямъ въ некорректности, далъ ему такой же уклончивый отвѣтъ, что и Вальдеку-Руссо, еще прежде просившему его о томъ же самомъ. Тогда же Рейнакъ говорилъ и съ Мерсье. „Несмотря на политическія разногласія, наши отношенія были сердечныя. Но теперь онъ съежился и сухимъ, рѣзкимъ голосомъ отказалъ мнѣ. Это была наша послѣдняя бесѣда“.

Описываемый случай былъ не первымъ вмѣшательствомъ Рейнака въ дѣло. Еще до него онъ активно выступилъ въ защиту Дрейфуса, обратившись съ запросомъ къ главѣ кабинета Дюпюи по поводу появившагося въ газетахъ интервью съ Мерсье, въ которомъ послѣдній прямо высказывалъ увѣренность въ виновности Дрейфуса. По этому поводу Рейнаку пришлось бесѣдовать о дѣлѣ съ Дюпюи, Казиміромъ Перье и Мерсье. Военный министръ заявилъ, что приписываемыя ему слова ложны, и объявилъ объ этомъ въ газетахъ (впослѣдствіи онъ признался, что дѣйствительно говорилъ ихъ). Разговоръ съ Дюпюи произвелъ на него такое впечатлѣніе, что глава кабинета предоставилъ Мерсье полную свободу дѣйствій, но самъ далеко не увѣренъ въ ихъ правильности. Президентъ открыто высказалъ ему свое предположеніе, что въ дѣлѣ что то не чисто.

Вотъ и все, что Рейнакъ передаетъ о своемъ отношеніи къ дѣлу и участіи въ немъ. Всего нѣсколько строкъ, тогда какъ разсказу о статьяхъ Сентъ-Жене или Кассаньяка отведено по нѣскольку страницъ. Очевидно, скромность удерживала въ данномъ случаѣ автора отъ болѣе пространнаго изложенія. Когда года два тому назадъ намъ пришлось говорить съ нимъ на ту же тему, онъ тоже мало распространялся о себѣ лично, называя больше другихъ дѣятелей реабилитаціи или выражаясь вообще—„мы“. Тогда же, поминимъ, разспрашивали мы его объ отношеніи евреевъ къ дѣлу. Онъ говорилъ, что евреи, какъ группа, не принимали въ немъ участія, а отдѣльныя заинтересованныя лица дѣйствовали заодно съ христіанами. Въ настоящей книгѣ онъ утверждаетъ это положеніе.

„Въ то время какъ антисемитская пресса,—пишетъ онъ,—изображала ихъ (евреевъ) выступившими въ походъ ради спасенія

новаго Іуды, разспашинами угрозы и злѣто, въ дѣйствительности большинство изъ нихъ, въ виду разразившейся бури ненависти, погрузилось въ полное молчаніе. Тѣло, привыкшее въ теченіе столькихъ поколѣній, сгибаться подъ ударами, приняло то положеніе, которое имѣло много вѣковъ; нашлись даже такіе, что, изъ желанія выказать свой патріотизмъ, — отвратительные, отъѣвшіеся псы, — стали вѣть заодно съ волками. Другіе же, напротивъ, понимая, что настали дни испытанія, бодро выпрямились, не вѣрили обвиненію, ибо рѣшились твердить вслѣдъ Вольтеру: „Бывали-ли случаи въ лѣтописяхъ міра и преступленій, чтобы подобное отцеубійство было совершено безъ всякаго плана, безъ всякой цѣли, безъ всякой причинъ“.

* * *

Изъ напечатаннаго въ Книжкахъ Восхода перевода одной главы настоящаго труда. — Разжалованіе — читателями знаютъ, какъ доблестно держалъ себя Дрейфусъ во все время этого возмутительнаго обряда и какъ онъ не переставалъ твердить о своей невинности. Его поведеніе во время парада совершенно не соотвѣтствовало тому представленію, которое сложилось о немъ у такъ называемой публики на основанія частныхъ сообщеній. Ожидали увидѣть жалкаго предателя, униженно молящаго о пощадѣ, а увидали гордаго офицера, идущаго сквозь строй съ такимъ видомъ, будто онъ командуетъ этими пригнанными смотрѣть на его униженіе солдатами. Естественно, что имѣвшееся зерно сомнѣнія должно было, подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ, разбухнуть, пустить ростки.

Уже процессъ подалъ поводъ къ новымъ сомнѣніямъ. Обвинительный актъ былъ такъ слабо обоснованъ, представленныя на засѣданіи суда доказательства виновности такъ шатки, что у многихъ изъ присутствовавшихъ въ залѣ суда появилась мысль о неизбѣжности оправдательнаго вердикта. Пикаръ, докладывавшій военному министру о ходѣ разбирательства, доносилъ ему, что „общее впечатлѣніе не въ пользу обвиненія“, Ленинъ, префектъ полиціи, въ середникѣ процесса сообщилъ близкимъ друзьямъ о предстоящемъ оправданіи и подумывалъ о томъ, какъ защитить Дрейфуса отъ враждебной уличной манифестаціи по выходѣ его изъ суда оправданнымъ. Но эти заботы были преждевременны; какъ извѣстно, Мерсье положилъ свою тяжелую руку на вѣси пра-

восудія, и чаша обвиненія перетянула: судьямъ, въ комнату совѣщанія, былъ тайно переданъ пакетъ отъ имени военнаго министра, а въ пакетъ находились поддѣльные, уличающіе Дрейфуса документы.

Судьи единогласно вынесли обвинительный приговоръ, и это рѣшеніе уничтожило бывшее у многихъ сомнѣніе. Но во время разжалованія Дрейфусъ громогласно заявилъ о своей невинности, и прежнія сомнѣнія воскресли. Теперь разиѣры, значеніе его расширилось: если прежде сомнѣніе подрывало вѣру въ честность и авторитетъ высшихъ военныхъ властей, то теперь приходилось заносить руку на авторитетъ судебной власти, потрясать фундаментъ ея — вѣру въ непогрѣшимость ея постановленій. Мучительную внутреннюю борьбу переживали люди, вѣрившіе въ свой судъ и любившіе свою армию. Передъ ихъ изумленными, скорбными очами, до сихъ поръ видѣвшими родные порядки въ розовомъ свѣтѣ, разверзалась пропасть, готовая поглотить устомъ государственной жизни. Понятно, что признаться въ своихъ налѣзяхъ, признать печальную дѣйствительность реальной было не легко — и потому каждый мучился про себя, не рискуя открыто высказать свои страхи.

А печать тѣмъ временемъ почти единогласно предавала Дрейфуса анаемѣ, осипала проклятіями. Его поведеніе на парадѣ она объявляла крайней его развращенностью, цинизмомъ. Одна газета старалась превзойти другую въ рѣзкости выраженій. Нашелся лишь одинъ писатель, который рѣшился выступить противъ этого звѣринаго похода и напомнить этимъ христіанамъ по названію звѣтъ Евангелія объ отношеніи къ несчастнымъ. Этимъ писателемъ былъ малозвѣстный вашей публикѣ Жакъ Ажалберъ. Мы полагаемъ, что не исполнили бы своего долга, если бы не указали нашимъ читателямъ на этого честнаго человѣка. Равнымъ образомъ мы должны назвать и другого беззвѣстнаго литератора, равнѣ всѣхъ вышеназванныхъ выступившаго въ защиту Дрейфуса и требовавшего для него, еврея, приписываемое лишь христіанамъ право считаться невиннымъ до признанія обвиненія обоснованнымъ. Это былъ — поэтъ Эмиль Бержера (Bergerat).

Пущенный Лебронъ-Рено слухъ о якобы сдѣланномъ ему Дрейфусомъ признаніи на время успокоилъ взволнованную общественную совѣсть, но появившееся официальное опроверженіе этого слуха снова разбудило ее. Среди тѣхъ, которые въ частныхъ разгово-

рахъ выражали мучавшее ихъ сомнѣніе,—говорить Рейнакъ,—я могу назвать Ф. де-Родэ, редактора газеты Figaro, Мариньони, редактора Petit Journal, Жана Дюпюи, редактора Pétit Parisien, Виктора Симонса, редактора Radical, судебного хроникера Батайя. „Но,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—тихотно пишу статьи этихъ дурачкхъ гражданъ, которые провинились въ новомъ преступленіи—сомнѣніи. Никто не довелъ свое мужество до того, чтобы повѣрить бумагѣ свои опасенія; лишь нѣкоторые говорили о нихъ вполголоса“.

Сами сомнѣващіеся молчали; объ ихъ сомнѣніяхъ говорили за нихъ ихъ противники—уличные газетчики. Впечатлѣніе, произведенное поведеніемъ Дрейфуса на парадѣ и опроверженіемъ слуха о признаніяхъ, не могло ускользнуть отъ ихъ вниманія. И они стали писать о непорядочности колеблющихся, неблагоприятности ихъ образа мыслей, своимъ рвеніемъ только усиливая ихъ колебанія. Такія замѣленія, какъ—„не надо, чтобы появлялась эта легенда о невинности, ибо она равносильна нравственному осужденію офицеровъ, представляющихъ въ своемъ лицѣ всю армію“,—даже нетронутаго червець сомнѣнія человѣка могла навести на глубокія и печальныя размышленія о способѣ веденія дѣла военными властями.

А тутъ еще защитникъ Дрейфуса на судѣ, извѣстный, всѣми уважаемый адвокат Деманжъ, на обращенный къ нему въ день разжалованія вопросъ журналиста отвѣчаетъ: „Какъ осужденный, капитанъ Дрейфусъ является виновнымъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Я склоняюсь передъ приговоромъ. Но что касается моего личнаго убѣжденія, то въ глубинѣ души я сохраняю самую непоколебимую вѣру въ его невинность, мое мнѣніе не измѣнилось“. И эти слова онъ повторяетъ повсюду, въ корридорахъ Palais du Justice, самому Дюпюи.

Убѣдить сомнѣвающихся нельзя было; оставалось одно: не дать имъ возможности публично высказаться, если бы въ одинъ прекрасный день имъ вадумалось это сдѣлать. Поэтому всѣ усилія анти-дрейфусовской печати направлены на то, чтобы замать, похоронить дѣло.

Дѣйствительно, на время удалось установить молчаніе, но чаша терпѣнія переполнилась, общественная совѣсть взбунтовалась,

забурлила, выступила изъ береговъ и разлилась широко, вынесши на поверхность всю грязь, всю тину, въ теченіе трехъ десятилѣтій накопившуюся на днѣ страны, въ видѣ клерикальныхъ и милитаристическихъ наслоеній. И началась энергичная чистка Авгіевыхъ конюшенъ, устраненіе сорныхъ травъ,—зрѣлице, при которомъ мы теперь присутствуемъ.

Стеллинъ.

Библиографія.

הגהה רבד (Сеферъ-Гашано). Историко-Литературный Ежегодникъ.
Издание Н. Соколова.—Варшава, 1901 г. Годъ второй.

Въ предисловіи въ первому тому своего новаго альманаха, начавшаго выходить въ прошломъ году, г. Соколовъ, скромно признавъ несовершенства перваго выпуска своего изданія, обѣщавъ стремиться къ улучшенію его въ будущемъ. Лежачій теперь передъ нами второй томъ «Ежегодника» доказываетъ, что обѣщаніе свое издатель, дѣйствительно, постарался исполнить. Въ первомъ выпускѣ нашего альманаха, о которомъ мы въ свое время говорили на этихъ же страницахъ, довольно слаба была, если помянуть читатели, беллетристическая часть и почти вовсе отсутствовалъ отдѣлъ литературно-критическій; въ новомъ же выпускѣ его эти важнѣйшіе отдѣлы представлены такъ, что они составляютъ въ ней самую главную и существенную часть. Съ неа-то ми и начнемъ поэтому свой обзоръ второго тома «Ежегодника».

Всего въ немъ помѣщено девять беллетристическихъ произведеній, занимающихъ вмѣстѣ менѣе восьми десятковъ страницъ. Это весьма утѣшительный фактъ: онъ доказываетъ, что наши еврейскіе беллетристы научились писать кратко и сжато, что они оставляютъ понемногу прежнюю манеру растягивать свои произведенія до размѣровъ еврейскаго «голуса» и изводятъ читателей отъ мѣдной скуки своихъ длиннѣйшихъ повѣствованій. Маленькій очеркъ г. А. Ш. Штейна, напримѣръ, открывающій собою разсматриваемый отдѣлъ сборника и озаглавленный «Агуна», занимаетъ всего 4 страницы, но тѣмъ выпускѣ и ярче вышла нарисованная авторомъ картинка, несомнѣнно выхваченная изъ обыкновенной, живой дѣйствительности.

Бѣдная женщина ѣдетъ искать своего мужа, отъ котораго не имѣетъ никакихъ извѣстій уже цѣлыхъ три года. Мужъ ея, давшій обѣтъ не возвращаться домой съ пустыми руками, долго мытарствовалъ на чужбинѣ, побывавъ и въ Аргентинѣ, и въ Африкѣ — тамъ, гдѣ «золото и жемчугъ валяются на улицѣ», и, наконецъ, вернулся въ отечество безъ золота и безъ здоровья; ему стыдно

показаться домой въ своемъ жалкомъ видѣ и онъ ищетъ способа «пристроиться» въ городѣ Б., куда жена и направляется въ поездахъ за нимъ. Всю дорогу (дѣло происходитъ въ вагонѣ) она упражняется въ повтореніи самыхъ отборныхъ и ѣдкихъ ругательствъ по адресу ея «разбойника», котораго она только для того и ждетъ, чтобы «разорвать его, какъ рыбу». Но вотъ вдругъ изъ-подъ вагонной скамьи кондукторъ со смѣхомъ вытаскиваетъ за ноги какого-то бѣднаго, обтрепаннаго человѣка, — и наша «агуна», узнавъ въ немъ своего «разбойника», бросается къ нему съ крикомъ: «Яковъ, дорогой мой! Слава Богу, что нашла тебя, жизнь моя! Смотри, вотъ дѣти наши... Дѣточки, вотъ отецъ вашъ! Слава Богу!...» И бѣдная женщина заливается радостными слезами.

Очень недурной очеркъ, только въ одномъ мѣстѣ его звучитъ фальшивая нотка: это то мѣсто, гдѣ добрый баринъ — покровитель Янкеля (мужа «агуны») вдругъ вскипаетъ противъ него злобой и сбрасываетъ его съ лѣстницы, держа въ рукахъ свѣжій номеръ одной газеты, въ которой онъ сейчасъ только вычиталъ (въ первый разъ?) что «евреи — обманщики, кровопийцы и пр.» Было бы естественно, если бы баринъ подъ вліяніемъ юдофобской газеты постепенно дошелъ до измѣненія своихъ прежнихъ добрыхъ отношеній къ Янкелю, но у г. Штейна это происходитъ внезапно, какъ Deus ex machina, и даже всегда ласковая къ Янкелю черная собака вдругъ набрасывается на него именно въ тотъ моментъ, когда ея баринъ читаетъ юдофобскую газету... Неестественно также и то, что сердитый полковникъ, ругая Янкеля, то и дѣло заглядываетъ въ газету, замѣствуя изъ нея нужные ругательные обороты, какъ будто господину полковнику ужъ такъ трудно было удержать ихъ на минуту въ своей памяти...

Но если эта нѣсколько наивная и мелодраматичная сцена только отчасти вредитъ разсмотрѣнному очерку, то второй рассказъ того же автора, подъ названіемъ «Іона бенъ Амитай», уже весь отдаетъ мелодрамой. Тутъ все искусственно и странно, начиная съ библейскихъ, нынѣ неупотребительныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ и кончая самымъ сомнительнымъ фактомъ о появленіи въ синагогѣ крещенаго еврея *Іоны*, читающаго «гафтору» (кн. пророка *Іоны*) въ Іомъ-Кипуръ и вдругъ соскакивающаго съ амвона (не дочитавши гафторы?)! при доносящемся крикѣ изъ женскаго отдѣленія, гдѣ падаетъ въ обморокъ его жена, также бывшая еврейка... Кающійся «meschumed» платитъ 200 рублей за «мафтиръ», который онъ засимъ читаетъ съ такимъ чувствомъ, что заставляетъ плакать молящихся и даже вышибаетъ слезу у мѣстнаго гвира — его же конкурента на покушку мафтира... Такія темы наши писатели (преимущественно — жаргонисты) любили разрабатывать во время оно, теперь же онѣ нѣсколько устарѣли, и рассказъ г. Штейна опоздалъ, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на пятьдесятъ.

Рядомъ съ этимъ рассказомъ помѣщенъ эскизъ г. Бершадскаго:

«Въ добрый часъ»,—какъ бы для того, чтобы рѣзче могла выступить вся глубина контраста между обоими этими произведениями. Насколько первое искусственно и претенциозно, настолько второе просто, непритязательно и жизненно. Г. Штейнъ описываетъ фактъ исключительный, быть можетъ—невѣроятный даже, а г. Бершадскій изображаетъ эпизодъ очень обыкновенный, случай изъ самой обыкновенной, такъ сказать, заурядной дѣйствительности.

Подруги Наташа и Соня вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ грезили и мечтали... Но мечта одной сбылась раньше: Соня уже замужемъ, а Наташа засидѣлась; ей ужъ двадцать семь лѣтъ. Соня рисуетъ передъ нею картину своей хорошей счастливой жизни, показывать ей свою новую «обстановку» и задаетъ подругѣ щекотливый вопросъ о ея, Наташиныхъ, «дѣлахъ»... Но Наташины «дѣла» плохи; бывшая красота блекнетъ; отецъ сталъ зарабатывать мало, мать вдыхаетъ, что ее осаждаютъ торговки и лавочники; братъ протестуетъ противъ «поглощенія» его жалованья и поднимаетъ бурю по поводу новой сестриной шляпки... Наташѣ сватаютъ стараго вдовца, и свать удивляется ея упорству: вѣдь она ужъ не маленькая и вдобавокъ—безпряданница; надо пользоваться случаемъ. И Наташа, наконецъ, рѣшилась: она сейчасъ только вернулась отъ подруги; чаша переполнилась; она согласна, едва слышнымъ, сдавленнымъ шепотомъ произносить она роковое слово,—и обрадованный «шадхенъ» возглашаетъ: «въ добрый часъ!»

Тонкія психологическія черточки въ отношеніяхъ обѣихъ подругъ и направленіи ихъ мыслей и чувствъ нарисованы хорошо, естественно и правдиво, безъ лишнихъ длиннотъ и комментариевъ, для которыхъ, навѣрно, нашелъ бы здѣсь мѣсто писатель съ мнѣе развитымъ чувствомъ мѣры, чѣмъ у г. Бершадскаго.

Очеркъ «Въ добрый часъ», по внѣшней обработкѣ и цѣльности производимаго имъ впечатлѣнія, значительно выше двухъ другихъ рассказовъ того же автора, рядомъ съ нимъ помѣщенныхъ. Рассказъ «Овца» рисуетъ оригинальный типъ мальчика—«овечки», кажуцагося всѣмъ въ хедерѣ забытымъ, глуховатымъ и малоспособнымъ, но обнаруживающаго впоследствии рѣдкія качества народника-идеалиста и умѣлаго просвѣтителя меньшого брата; въ другомъ («Отлегло»)—молодой ремесленникъ-кузнецъ справляется съ богатымъ мѣстнымъ ловеласомъ за оскорбленіе имъ дѣвушки, которую юноша считалъ своей невѣстой. Тема перваго очерка—«картинки» не лишена интереса, но, на нашъ взглядъ, требуетъ болѣе тщательной разработки, а содержаніе второго, наоборотъ, кажется намъ чрезчуръ незначительнымъ для самостоятельнаго разсказа, въ которомъ, вѣстакъ сказать, чувствуется и нѣкоторая фальшь; фактъ «мести» юношескаго кузнеца получаетъ огласку, становится даже предметомъ разбирательства у мирового судьи,—и при всемъ томъ, по увѣренію

автора, никто въ городѣ такъ и не узнаетъ настоящей причины, по которой богатый купеческій сыночекъ подвергся вдругъ «оскорбленію дѣйствіемъ» со стороны бѣднаго кузнечнаго подмастерья!

Однако, и эти болѣе слабыя очерки г. Бершадскаго не лишены того главнаго достоинства, которымъ отличаются обыкновенно произведенія молодого беллетриста—близости къ жизни и настоящей, реальной дѣйствительности, не затемненной никакими выдуманнми эффектами да сомнительными претензіями на оригинальность.

А вотъ такія именно претензіи проглядываютъ въ разсказѣ Х. Д. Гурвица: «Во снѣ и на яву»,—разсказѣ, производящемъ впечатлѣніе именно какого-то сна на яву... На краю какого-то заграничнаго, нѣмецкаго города, у самаго кладбища, живетъ молодая еврейская чета. Мужъ—выходецъ «черты осѣдлости», неизвѣстно, какъ и для чего очутившійся за рубежомъ; жена—но о женѣ авторъ почти ничего не сообщаетъ,—какая-то смутная тѣнь... У нихъ маленькая дочка, Берта, и служанка Марія—христіанка; эта служанка чуть-ли не главный персонажъ разсказа: по крайней мѣрѣ, ею самою авторъ занимается едва ли не больше, чѣмъ ея господами; затѣмъ—еще одна тѣнь: мать героя, бывшая лавочница въ маленькомъ мѣстечкѣ, скучающая, конечно, по роднымъ пенатамъ. Кромѣ нихъ на сценѣ появляется и исчезаетъ бѣдная женщина Ривка, бывшій предметъ платонической любви нашего героя, вѣдущая съ мужемъ въ Америку. Всѣ дѣйствующія лица—какіе-то манекены и рѣчи произносятся странныя. Мужъ, напримѣръ, говоритъ женѣ: «Мнѣ очень жаль, что мы шли за покупками именно сегодня, наканунѣ праздника (христіанскаго). Толпа, наполняющая улицы и лавки, ея шумъ и гамъ возбуждаютъ во мнѣ чувство грусти, могу сказать—чувства гнѣва. Когда мы бываемъ въ толпѣ, тогда, кажется мнѣ, наша «животная» сторона побѣждаетъ нашъ разумъ, и мы невольно походимъ тогда на коровъ въ стадѣ... Пойми ты это, Софья!»—Но Софья ничего не понимаетъ. Не понимаетъ ничего и читатель.

Но въ чемъ же, однако, все дѣло-то?—Надо думать, что въ маленькой Бертѣ. Отецъ хочетъ, чтобы она выросла только «человѣкомъ», свободной отъ «предубѣждений», т. е. отъ національных особенностей и склонностей; но сосѣдній мальчишекъ, шалуни Іоганнъ, часто напоминаетъ ей, что она не просто «человѣкъ», а «жидовка», въ то время, какъ бабушка, съ другой стороны, прививаетъ внучкѣ извѣстныя склонности и «предубѣжденія». И вотъ этой-то Бертѣ однажды снится, что Іоганнъ обзываетъ ее «жидовкой» и что бабушка приноситъ ее въ синагогу, гдѣ евреи молятся въ бѣлыхъ одеждахъ и горятъ восковыя свѣчи и пр. Но такіе сны видятъ наши дѣти и здѣсь, въ «чертѣ» или внѣ ея, и незачѣмъ было для этого переносить мѣсто дѣйствія

рассказа куда-то далеко, въ заграничный городъ, близъ занесеннаго свѣгомъ нѣмецкаго кладбища.

Это, безспорно, самое неудачное и скучное произведение изъ всего до сихъ поръ написаннаго г. Гурвицомъ, доказавшимъ не разъ, что онъ умѣетъ писать гораздо интереснѣе и живѣе.

Доказываетъ это отчасти и помѣщенный въ томъ же «Ежегодникѣ» психологическій этюдъ его подъ названіемъ: «Затменіе души». Интересенъ и оригиналенъ рисуемый г. Гурвицомъ портретъ «всезнайки», который уже восьмилѣтнимъ мальчикомъ знаетъ наизусть нѣсколько отдѣловъ Библии и mishna'oth, въ шестнадцать лѣтъ приступаетъ къ изученію древнихъ и новыхъ языковъ, а въ двадцать пять—уже «наполняетъ свое чрево» талмудически-раввинскою мудростью, философіей, кабаллою, естествовѣдѣніемъ и прочими дѣйствительными и мнимыми науками. Нафтоли (таково имя нашего «мудреца») не перестаетъ учиться, читать, обогащаться знаніями по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности въ области мышленія и творчества; онъ знаетъ Милля, Спенсера и Шеллинга, Аристотеля и стоиковъ, знакомъ съ Спинозою, К. Марксомъ, Гегелемъ, Саадіей-Гаономъ, Габриелемъ, Фихте и Кантомъ; онъ посѣщаетъ картинныя галереи, можетъ назвать имена знаменитыхъ художниковъ и опредѣлить особенности творческаго таланта Веклина, Рафаэля Гольбейна и Антокольскаго. Одного только онъ не можетъ—самостоятельно мыслить. Вся его ученость остается какъ бы за порогомъ его души, не оставляя въ ней никакого прочнаго слѣда. Онъ внутренно безучастенъ къ произведеніямъ Метерлинка, Толстого, Ибсена, Нордау и Гауптмана, которыхъ онъ обязательно прочитываетъ, и онъ часто засыпаетъ подъ звуки оперъ Рубинштейна, Бетховена, Вагнера и Чайковскаго, на которыхъ обязательно присутствуетъ. Нафтоли живетъ «безъ догмата» и полонъ противорѣчій; при внутренней своей пустотѣ и духовной безпомощности онъ не различаетъ между «своимъ» и «чужимъ», между чувствомъ и словами, желаніемъ и фантазіей. «Только нрѣдка бываетъ, что слабый лучъ освѣтитъ мракъ его души, прекратитъ на минуту ея затменіе,—и тогда Нафтоли чувствуетъ, что онъ несчастенъ»... Такъ заканчиваетъ авторъ свой очень недурной психологическій набросокъ, которому нѣкоторая сгущенность и искусственность красокъ (Нафтоли знаетъ 3,511 вопросовъ и отвѣтовъ, 1,032 страницы различныхъ книгъ; полмилліона и двадцать пять (!) именъ и пр.), мѣшаютъ произвести болѣе сильное и вполне цѣльное впечатлѣніе.

Прекрасное впечатлѣніе производитъ рассказъ г. Iaknahas (псевдонимъ), носящій нѣсколько вычурное названіе: «Ученый зять или Бѣда за бѣдой». Имя этого беллетриста почему-то рѣдко встрѣчается въ нашихъ журналахъ и альманахахъ, но постоянные читатели еврейскихъ газетъ, особенно же — «Га-

мелнца», давно знакомы съ его рассказами изъ быта бѣднаго или среднего класса евреевъ и съ его очень симпатичной, слегка юмористичекой манерой изображать настоящую, правдивую и неприкрашенную жизнь простаго провинціального обывателя. Факты и явленія г. Іакпаѣаз беретъ обыкновенно изъ повседневной дѣятельности, герои у него всегда заурядные, «незамѣтные» — лавочникъ, меламедъ, ремесленникъ, извозчикъ и т. п.; фабулы рассказовъ — обыденныя, естественныя и простыя. Такова, между прочимъ, и фабула рассказа, о которомъ идетъ рѣчь.

Все дѣло въ томъ, что ученый зять Исроэль-Іосифъ четыре года просидѣлъ на хлѣбахъ у неученаго тестя р. Эфронма — и, наконецъ, долженъ былъ, оставивъ чужой каравай, начать жить своимъ собственнымъ домомъ. Четыре года онъ, гордый своей талмудической ученостью, былъ грозю всего дома, въ который вступилъ бѣднымъ іешиботникомъ, и всячески издѣвался надъ честнымъ и безхитрымъ старикомъ — тестемъ, который продолжаетъ кормить его съ женою и двумя дѣтьми даже и тогда, когда у зятя уже успѣлъ образоваться кругленькій капиталецъ, а самъ онъ, обѣдивъ въ слѣдствіе «монопольи», едва перебивался съ хлѣба на квасъ съ собственной семьей. Ученый зять ни во что, конечно, не ставитъ мѣрныя тестя и, между прочимъ, брезгаетъ его совѣтомъ не очень гнаться за большими процентами и не доврять изъ-за нихъ своихъ денегъ сомнительнымъ, ненадежнымъ кредиторамъ-аферистамъ. Необыкновенно скупой и жадный Исроэль-Іосифъ думаетъ только о возможно большемъ приращеніи своего приданаго, тиранить жену за каждый истраченный грошъ и скрываетъ отъ нея и всѣхъ родныхъ, что обладаетъ уже капиталомъ въ восемьсотъ рублей. Онъ обманываетъ всѣхъ, утверждая, что имѣетъ лишь шестьсотъ рублей, бережно хранитъ эту тайну и ждетъ благоприятнаго момента, чтобы радостно открыть ее женѣ. Но тайна эта вдругъ открывается преждевременно и совершенно неожиданно для нашего зятя: едва молодая семья успѣваетъ переселиться изъ дома родительскаго въ собственную квартиру, а Исроэль-Іосифъ — сдѣлать «заказъ» товара для вновь открываемой имъ лавки, какъ въ городѣ узнаютъ о банкротствѣ господина, которому, вопреки совѣту родныхъ, доверилъ свое состояніе Исроэль-Іосифъ въ погонѣ за соблазнительно-большими процентами. Среди общаго смятенія и плача молодой человекъ лишается чувствъ и, всплеснувъ руками, въ отчаяніи повторяетъ: «восемьсотъ, восемьсотъ!»..

Случай — самый обыкновенный, повседневный, такъ сказать, и въ сущности незначительный, пожалуй. Но сила этого рассказа г. Іакпаѣаз'a не въ его фабулѣ, а въ отдѣлкѣ и деталяхъ, показывающихъ большую наблюдательность автора и прекрасное знаніе описываемой среды. Многія сцены, какъ напр. первый «собственный» ужинъ молодой семьи, первая выдача «зятемъ»

занѣ денегъ «на субботу», переселеніе молодой семьи въ собственную квартиру и нѣкоторыя другія, переданы въ рассказъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ сценъ:

«На одномъ столѣ, но на двухъ противоположныхъ концахъ его, положены двѣ скатерти. У одного изъ нихъ помѣстился тесть р. Эфронимъ съ женою Хана-Сорой и двумя сыновьями: они ужинаютъ отдѣльно; у другой—сидитъ зять Исроэль-Іосифъ и его молодая красивая жена. Эстеръ, а около нихъ двѣ дѣвочки—Машенька и Сашенька. Машенька, старшая, дѣтъ трехъ, сидитъ направо отъ матери и кушаетъ «маиную» кашку съ молокомъ изъ небольшой чашечки, а маленькая Сашенька спокойно спитъ въ своей колыбелькѣ, стоящей около стола. Р. Эфронимъ уже совершилъ омовеніе рукъ и, застилаемый дѣлнимъ облакомъ пара, поднимающагося изъ большой миски, приступаетъ къ ужину; но около Исроэль-Іосифа на столѣ еще нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба и соли, и онъ еще не началъ ѣсть: онъ сейчасъ только умылъ руки, присѣлъ къ столу и произнесъ благословеніе надъ хлѣбомъ,—но вдругъ Сашенька проснулась съ плачемъ, и Эстеръ качаетъ руками колыбельку и ждетъ съ ужиномъ, пока уснетъ дѣвочка.

«Въ комнатахъ тихо. Грустно какъ-то и тоскливо кругомъ, точно-точно какъ это бываетъ въ бѣдныхъ еврейскихъ домахъ на исходѣ субботы предъ вечерней молитвой, когда съ окончаніемъ дня отдыха и покоя улетаетъ «прибавочная», субботняя, душа, а огни еще не зажжены и звѣзды еще не показались, сумерки вверху, въ горнихъ предѣлахъ, и сумерки внизу, у обитателей земли, гдѣ свѣтъ борется съ тѣнью, а всюду разлитый полумракъ возвѣщаетъ наступленіе трудовой недѣли, недѣли гора, заботъ и лишеній... Такъ и теперь въ домѣ р. Эфронама...

— Двѣ скатерти на одномъ столѣ...—шепчетъ р. Эфронимъ какъ бы про себя:—четыре года ѣли мое, и не разорился бы я, если бы ѣли еще нѣсколько дней, до слѣдующаго вторника... Накрыли себѣ столъ отдѣльно... Очень они меня этимъ осчастливляютъ.

— И я имъ то же говорила, не слушаютъ,—встала Хана-Сора.

— Нѣтъ!—сказалъ Исроэль-Іосифъ и, вставъ съ мѣста, принялся ходить по комнатахъ и бормотать что-то несвязно про себя:—довольно... Что было, то было... Не хочу... А то скажетъ еще: я ихъ кормилъ, обогатилъ, осчастливилъ.

— Что онъ тамъ говоритъ и чего хочетъ! Какія тамъ еще у него претензіи?—сердито шепчетъ р. Эфронимъ.

А Эстеръ сидитъ молчаливая и сумрачная, и крупныя слезы капаютъ изъ ея глазъ на нѣжное, но грустное лицо».

Такихъ страницъ не мало въ этомъ рассказѣ—лучшей белле-

тристической вещи разбираемого сборника. Одно только можно поставить въ вину автору: это — чрезмѣрную слабость его къ библейской фразѣ.

Мы уже покончили съ беллетристичкой «Ежегодника», хотя въ немъ имѣется и еще одинъ «рассказъ». Въ свое время, при разборѣ перваго тома того же «Сборника», я выразилъ свое удивленіе по поводу помѣщенія въ немъ какихъ то сантиментальныхъ анекдотовъ-сентенцій («Nikudim»), авторъ которыхъ скрылся подъ тремя звѣздочками. Казалось, что «вещь» эта попала въ «Сборникъ» по какому либо недоразумѣнію. Но вотъ оказывается, что и во второмъ выпускѣ «Ежегодника» тѣ же таинственныя звѣздочки ¹⁾ красуются подъ такимъ же, не менѣе страннымъ и назвнымъ произведеніемъ, носящимъ названіе: «Различное богатство» (Hooscher l'minohu). Это — мораль на тему о преимуществѣ ученія и мудрости предъ матеріальными благами, и яствуетъ она изъ бесѣды нѣкоего богача-милліонера съ его бѣднымъ, но ученымъ родственникомъ. Послѣдній рассказываетъ богачу (въ затѣйливой садовой бесѣдѣ «швейцарскаго стиля»), что одинъ ихъ общій бѣдный родственникъ, сосватавъ свою дочь съ молодымъ ремесленникомъ и обѣщавъ за нею пятьсотъ рублей приданого, вдругъ умеръ, не исполнивъ обѣщанія и оставивъ семью безъ средствъ; женихъ сначала было не соглашался жениться на сиротѣ-безприданницѣ, но потомъ, узнавъ, что ему предстоитъ породниться съ такимъ ученымъ мужемъ, какъ онъ, рассказчикъ, съ удовольствіемъ отказался отъ всякаго матеріальнаго прилагательнаго къ своей невѣстѣ. Отсюда, а также изъ другихъ правоучительныхъ примѣровъ своего ученаго собесѣдника, нашъ милліонеръ долженъ былъ убѣдиться (и дѣйствительно-таки убѣдился) въ полнѣйшей бесполезности и тщетѣ своихъ милліоновъ.

По наивной, антихудожественной обработкѣ темы и «святой простотѣ» содержанія рассказа, его настоящее мѣсто въ книжкѣ для дѣтей младшаго возраста. Впрочемъ, и для послѣднихъ теперь ужъ такъ не пишутъ...

Я уже сказалъ, что послѣ беллетристики нашего «Ежегодника» наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе его критическій отдѣлъ. Послѣдній представленъ здѣсь двумя статьями г. Клаузнера, заключающимъ изъ себѣ краткій обзоръ всѣхъ почти вышедшихъ въ прошломъ году беллетристическихъ произведеній на еврейскомъ языкѣ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы сами занялись такимъ же обзоромъ и кое въ чемъ разошлись, какъ оказывается,

¹⁾ Въ оглавленіи «Сборника», впрочемъ, тайна эта разоблачается: вмѣсто звѣздочекъ здѣсь подъ названіемъ рассказа значится имя г. З. Явца.

²⁾ Намъ не понятно, почему авторъ вовсе обошелъ молчаніемъ романъ г. Левонтина: «Симонъ-Эціонъ», болѣе заслуживающій вниманія, чѣмъ нѣкоторые изъ мелкихъ вещей, на которыхъ останавливается г. Клаузнеръ.

съ г. Клаузнером въ оцѣнкѣ разбираемыхъ имъ новѣйшихъ произведеній еврейской литературы. Къ сожалѣнію, ни характеръ, ни размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ остановиться подробнѣе на этомъ обстоятельстве. Скажемъ только, что г. Клаузнеръ хотя и правъ въ своемъ признаніи жизненности и значенія «новаго направленія» молодыхъ нашихъ писателей, защитой которыхъ онъ и начинаетъ одну изъ своихъ упомянутыхъ статей, но не правъ онъ въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи этими новыми теченіями нашей «молодой литературы». Пристрастіе къ ней автора, уже однажды достаточно обнаруженное имъ въ его отдѣльно-наданной брошюрѣ «о ново-еврейской литературѣ XIX вѣка», сказывается въ большой степени и здѣсь. Только этимъ несомнѣннымъ пристрастіемъ къ «молодымъ» и можно объяснить себѣ то, что г. Клаузнеръ обходитъ молчаніемъ многія слабыя стороны ихъ произведеній. Онъ не замѣчаетъ, напримѣръ, явныхъ недочетовъ нѣкоторыхъ разсказовъ г. Бершадскаго, называя и его сравнительно слабыя очерки «замѣчательными твореніями». О Бердичевскомъ г. Клаузнеръ говоритъ въ обихъ своихъ статьяхъ и посвящаетъ ему слишкомъ третью часть (болѣе 20 страничь) своей работы; онъ очень много высказываетъ о немъ вѣрныхъ и невѣрныхъ сужденій; вѣрно, напримѣръ, что у Бердичевскаго мы находимъ желаніе проникнуть въ сущность и смыслъ жизни, тонкую психологію, а иногда и своеобразную поэзію; но невѣрно, будто Бердичевскій въ своихъ произведеніяхъ «вѣренъ природѣ» и вовсе лишенъ «полета фантазіи» (достаточно вспомнить его романы: «Два лагеря» и «Воронъ пролетѣлъ», разказы «Пропавшій», «Съ того берега», «Книгу хасидовъ» и др., гдѣ очень мало естественности и «природы», но много самоволики и фантазіи). Но удивительно при этомъ, что говоря такъ много о Бердичевскомъ, г. Клаузнеръ только вскользь и мимоходомъ упоминаетъ (стр. 245) о его «странномъ стилѣ», вмѣсто, того, чтобы особенно подчеркнуть всю неестественность его писательской манеры, мѣшающей читателю проникнуть въ суть его проповѣди о необходимости введенія побольше «чистой человѣческой поэзіи» въ нашу черезъ-чуръ сухую, черствую, практически разсчетливую и прозаическую жизнь¹⁾.

При всемъ томъ обзоръ г. Клаузнера—хорошая и очень полезная работа. ²⁾ Литературная критика на еврейскомъ языкѣ,

¹⁾ Лишнимъ доказательствомъ этого служатъ, между прочимъ, и «Восточныя притчи» того же г. Бердичевскаго, помѣщенные въ нашемъ «Ежегодникѣ» (стр. 387—402): въ нихъ звучитъ та же проповѣдь поэзіи, красоты и пр., облеченная въ неясную форму талмудическихъ цитатъ съ отрывочными и полузагадочными авторскими замѣчаниями.

²⁾ Странное впечатлѣніе производятъ въ ней только два мѣста: въ одномъ изъ нихъ г. К., сводя свои старые счеты съ г. Бердичевскимъ, упрекаетъ его въ «нахаьствѣ» и обвиняетъ въ «кражѣ» чужихъ мнѣній (неприличныя выходы въ неологическомъ стилѣ, къ тому еще посвященной серьез-

вообще очень слабо представленная въ нашей періодической печати, въ большомъ долгу предъ вновь народившимся у насъ въ послѣднее время знаменательнымъ и живымъ литературнымъ течениемъ, которому она до сихъ поръ еще не дала сколько-нибудь полной и обстоятельной оцѣнки. Статьи же г. Клаузнера, помѣщенные въ рассматриваемомъ сборникѣ, въ значительной степени восполняютъ этотъ важный пробѣлъ.

Отъ критики—къ поэзіи. Стихотворный отдѣлъ «Ежегодника» довольно богатъ и количественно и качественно. Особенно обращаютъ на себя вниманіе три стихотворенія недавно скончавшагося д-ра Каминера, изъ которыхъ одно («Merkas nekudo schel baz-jehuda»), по глубинѣ и искренности проникающаго его чувства, должно быть причислено къ лучшимъ произведеніямъ этого поэта-народника и истиннаго писателя-гражданина. Затѣмъ здѣсь видѣются «Пѣсни изгнанія» С. Черниковскаго и очень хорошіе переводы изъ Гейне г. Я. Каплана. Послѣднему принадлежитъ также прекрасное по формѣ и содержанію стихотвореніе «Чудесный корабль»—подражаніе Лермонтовскому стихотворенію «Воздушный корабль», въ которомъ французскаго императора замѣняетъ царь Давидъ, Францію—«страна изгнанія», а пустынный островъ—обтѣванная земля. Вполнѣ сохранила не только развѣръ, но и всю удивительную живость, граціозность и гибкость подлинника, подражаніе едва-ли уступаетъ ему въ музыкальности и красотѣ стиха и является въ общемъ очень талантливой художественной вещью, служащей несомнѣннымъ украшеніемъ поэтическаго отдѣла нашего сборника.

Изъ прочихъ отдѣловъ послѣдняго наиболѣе содержательны и полны отдѣлы публицистическіе. Здѣсь слѣдуетъ прежде всего отмѣтить увлекательно и живо написанную статью самого издателя г. Соколова, подъ названіемъ: «Домъ Израилевъ» (стр. 7—42). Содержаніе ея—защита идеи націонализма (но не шовинизма) вообще и еврейскаго въ частности; доказательство того, что она—не какое-нибудь временное и случайное новшество, а старая, престарая вещь, органически и издавна присущая всѣмъ народамъ во всѣ времена и во всѣ разнообразныя моменты ихъ исторической жизни. Къ сожалѣнію, наша статья такъ уже растянулась, что мы, при всемъ желаніи, лишены возможности подробнѣе остановиться на отличающихся внутренней убѣдительностью и обычною внѣшней стройностью аргументаціяхъ почтеннаго писателя. Полнымъ почти повтореніемъ сущности статьи г. Соколова является инте-

---

ному разбору сочиненій того же „вора“ и „нахала“...); въ другомъ мѣстѣ авторъ выражаетъ надежду, что благодаря его критической статьѣ, наши писатели будутъ помнить, что есть надъ ними „бдительное око“, а читатели заинтересуются ихъ сочиненіями, которыми станутъ поэтому раскупаться въ большомъ числѣ, и такимъ образомъ оживится нашъ книжный рынокъ...

ресный очеркъ д-ра С. Бернфельда: «Национальныя границы» (Gwuloth amim), съ тою лишь разницей, что тамъ преобладають отвлеченно-логическіе доводы, а здѣсь—историческія данныя. На основаніи ихъ г. Бернфельдъ приходитъ къ тому же заключенію, что національное чувство—естественное чувство, котораго «искоренять» отнюдь не слѣдуетъ, но которое надо тщательно беречь отъ вырожденія въ шовинизмъ. Впрочемъ, авторъ не противъ космополитическихъ идеаловъ, но только сомнѣвается въ возможности ихъ осуществленія, а пока совѣтуетъ, какъ и г. Соколовъ, «брать хорошее отовсюду» и не слишкомъ уклоняться въ одну какую-либо сторону. Все идетъ къ тому, говоритъ онъ въ заключеніе, чтобы сохранить въ еврейскомъ народѣ его національное самосознаніе, но какимъ образомъ самъ то онъ сохранится среди окружающихъ народовъ?—спрашиваетъ авторъ—и отвѣчаетъ, что это не относится къ предмету его статьи.

Но на этотъ важный вопросъ, оставляемый открытымъ г. Бернфельдомъ, даетъ категорическій отвѣтъ Максъ Нордау въ помѣщенной здѣсь же статьѣ, такъ и озаглавленной: «Израиль среди народовъ». По его мнѣнію, евреи страдаютъ потому, что они слабое, но замѣтное меньшинство среди чужихъ въ разныхъ мѣстахъ; откуда слѣдуетъ, что имъ необходимо образовъть большинство въ одномъ мѣстѣ, иначе говоря—что спасеніе еврейства въ осуществленіи идеала политическаго сіонизма. Статья Нордау небольшая (стр. 43—54), но въ ней, по обыкновенію, немало оригинальныхъ и мѣткихъ сужденій по данному вопросу вообще и объ антисемитизмѣ, ассимиляціи и пр. въ частности. Интересно, между прочимъ, что М. Нордау, вопреки общепринятому мнѣнію (раздѣляемому также и г. Бернфельдомъ въ упомянутой статьѣ), отрицаетъ за евреями коммерческія способности и доказываетъ этотъ кажущійся парадоксъ тѣмъ, что исторія промышленности и торговли не знаетъ за евреями никакихъ крупныхъ творчески-изобрѣтательныхъ заслугъ въ этой области. Въмѣсто этого онъ утверждаетъ, что еврей—хорошіе политики, и обосновываетъ свое мнѣніе многими фактами изъ политической исторіи западной Европы истекшаго столѣтія.

Тѣмъ же вопросамъ націонализма вообще и сіонизма въ частности посвящена, наконецъ, и послѣдняя, четвертая статья того же отдѣла—«Стремленіе къ самосохраненію въ нашемъ народѣ и его виды» М. Ваггав'а. Статья небольшая, написана она вѣтвато и своимъ содержаніемъ не вполне оправдываетъ свое громкое названіе. Авторъ трактуетъ эту тему слишкомъ поверхностно, съ птичьего такъ сказать полета, и такимъ, напримѣръ, «видамъ» проявленій самобытности еврейскаго духа, какъ мессіанская идея или созданіе «великой духовной крѣпости»—Талмуда, онъ посвящаетъ лишь по нѣскольکو строкъ. Вообще весь этотъ интересный предметъ слишкомъ сложенъ для того, чтобы его можно было

достаточно исчерпать и осветить на протяжении всего 9 страницъ занимаемыхъ статьей г. Ваг-гау'а. Но послѣдняя заслуживаетъ вниманія уже по одному тому, что представляетъ собою рѣдкую и убѣжденную защиту сionистской идеи со стороны «консервативнаго», повидимому, автора.

Въ общемъ, всѣ статьи разсматриваемаго отдѣла проникнуты, какъ видимъ, одной тенденціей и объединены одинаковымъ внутреннимъ мотивомъ, и слѣдовательно—и общностью производимаго ими на читателя впечатлѣнія.

Изъ прочихъ статей «Ежегодника» разнообразнаго характера обращаютъ на себя вниманіе обзоръ научно-техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій XIX вѣка, сдѣланный М. Н. Сыркинымъ («На порогъ двадцатаго вѣка»); описание острова Кипра, сдѣланное по французскому источнику г. Jерusalim и имѣющее современный интересъ въ виду извѣстнаго спора о пригодности этого пункта для еврейской колонизаціи; краткій обзоръ состоянія еврейскихъ колоній въ Палестинѣ Э. Комарова; замѣтъ—замѣтки о С. Д. Лудатто (д-ра Бернфельда), покойномъ З. Минорѣ (И. Певзнера), малоизвѣстномъ у насъ композиторѣ С. Ядасонѣ въ Лейпцигѣ (А. Бирнбаума) и о неутомимомъ инициаторѣ національно-еврейской библіотеки «Beis-Neemon» въ Иерусалимѣ—д-рѣ І. Хазановичѣ (М. Сыркина). Сюда же примыкаетъ статья Д. Магида: «Еврейскіе художники-пionеры». Это часть предпринимаемаго почетнымъ авторомъ большого труда о еврейскихъ художникахъ въ Россіи, знакомящая пока читателя съ жизнью и трудами трехъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ-живописцевъ: академикомъ И. Асканназіа, М. Маймона и П. Геллера. Статья г. Магида написана тепло, а самая мысль его—популяризовать нашихъ художниковъ среди еврейской публики—безусловно счастливая мысль. Авось, мы устыдимся своего равнодушія къ роднымъ талантамъ, научимся цѣнить ихъ произведенія и тѣмъ облегчимъ имъ возможность обращаться къ роднымъ сюжетамъ и, вмѣсто охраненія чужихъ виноградниковъ, давать своей творческой дѣятельности національно-еврейское направленіе.

Чтобы покончить съ обзоромъ содержанія «Ежегодника», отмѣтимъ еще, въ заключеніе, статейку Л. Шульмана «Крупинки» (Garg'itn), свидѣтельствующую только о большой эрудиціи почтеннаго автора. «критическую» замѣтку г. Явица объ «Этикѣ иудаизма» М. Лацаруса, въ которой вмѣсто критики имѣются лишь однѣ цитаты изъ этой книги, и, наконецъ «Мысли о Талмудѣ и переводахъ его» г. Тавьева. «Мысли» эти нѣсколько парадоксальны: авторъ высказывается противъ какихъ бы то ни было переводовъ Талмуда, которые, по его мнѣнію, не въ состояніи передать своеобразной прелести многихъ талмудическихъ оборотовъ и выраженій и всей вообще оригинальной терминологіи этого оригиналь-

нѣйшаго произведенія. Г. Тавьевъ разсказываетъ о тѣхъ чувствахъ, которыя возбуждало въ немъ изученіе Талмуда въ дѣтствѣ, и о тѣхъ картинахъ, которыя вызывались въ его дѣтской фантазіи тѣми или нѣкими его выраженіями или даже одними именами упоминаемыхъ въ немъ законоучителей. «Въ состояніи-ли переводъ Талмуда на другой, даже библейскій языкъ вызывать въ нашемъ воображеніи такіа, полныя поэзіи, картины?» — спрашиваетъ г. Тавьевъ. — Конечно, не можетъ, — отвѣтитъ ми на это вмѣстѣ съ авторомъ. — Но отсюда, по нашему, еще не слѣдуетъ, что переводы Талмуда не могутъ быть пригодны для различныхъ научныхъ и вообще «прозаическихъ» цѣлей и для ознакомленія съ нимъ людей, лишенныхъ возможности наслаждаться оригинальными красотами самого подлинника, и что они вообще не имѣютъ никакого *raison d'être*. Для изучавшихъ Талмуда въ дѣтствѣ на хедерной скамьѣ онъ, дѣйствительно, навсегда сохраняетъ какую-то особую прелесть, какъ старій невзмѣнный другъ молодости, но вѣдь и существованіе переводовъ не можетъ никому помѣшать изучать Талмудъ въ подлинникѣ. Впрочемъ, и самъ авторъ, начавшій изученіе его съ шестилѣтняго возраста, совѣтуетъ знакомить наше юношество, необучающееся въ хедерѣ, съ «*Jad-Nachasaka*» Маймонида вмѣсто подлиннаго Талмуда, по несоотвѣтствію послѣдняго съ современными научными методами. Но такъ какъ число *маленькихъ* хедерниковъ, коиимъ авторъ исключительно рекомендуетъ занятіе Талмудомъ, становится теперь все меньше, — то самъ собою возникаетъ вопросъ: для кого же собственно охранять своеобразную поэзію Талмуда отъ святотатственныхъ рукъ переводчиковъ? На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, въ «мысляхъ» г. Тавьева, мы не находимъ отвѣта.

Есть еще въ «Ежегодникѣ» недурныя сатиры и афоризмы гг. М. Литевскаго и Б. Айзенштадта, ноты къ школьнымъ еврейскимъ пѣснямъ А. Бирнбаума... Но читатель, надѣюсь, и безъ того уже успѣлъ составить себѣ достаточное представленіе о полнотѣ и содержательности новаго изданія г. Соколова.

Як. Каценельсонъ.

Oeuvres complètes de Flavius Josèphe traduites en français sous la direction de Théodore Reinach. Tome premier: Antiquités, judaïques, livres I—V; traduction de Julien Weill, Paris, 1900. — (Полное собраніе сочиненій Флавія Юсифа; переводъ на французскій языкъ подъ редакціею Т. Рейнака. Томъ первый: Иудейскія древности, книги I—V. Переводъ Юлія Вейля, Парижъ, 1900).

Для нашего времени, всецѣло, повидимому, ушедшаго въ вопросы экономическіе, техническіе и промышленные, крайне характернымъ является тотъ интересъ, который вдругъ всюду возбудилъ къ себѣ человѣкъ, ничего общаго съ современностью не-

имѣющій. Почти одновременно въ Англіи, Германіи, Франціи и Россіи начинаютъ появляться переводы сочиненій извѣстнаго еврейскаго историка и полководца Флавія Іосифа. Россія, сколько мнѣ помнится, сдѣлала въ этомъ отношеніи починъ, восполнивъ тѣмъ самый пробѣлъ, который давно ощущался у насъ: нашъ переводъ Флавія до сихъ поръ оказывается единственнымъ существующимъ на русскомъ языкѣ. Не то мы видимъ у другихъ народовъ: какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, до половины прошлаго вѣка существовало уже 16 нѣмецкихъ, 9 французскихъ, 11 англійскихъ переводовъ Флавія (всего же не менѣе 102 переводовъ на разные европейскіе языки). Чѣмъ объяснить такое внезапное пробужденіе интереса къ сочиненіямъ Флавія? Мнѣ кажется, что тутъ играли роль двѣ причины: 1) значительные успѣхи, сдѣланные за послѣднія десятилѣтія библейской критикой, кореннымъ образомъ, подъ влияніемъ ассириологии и египтологіи, видоизмѣнившей дотогѣ ходячіе взгляды на первоначальную исторію еврейскаго народа, внесшей много свѣта въ процессъ возникновенія іудаизма и существеннымъ образомъ раскрывшей главныя черты эллинистической эпохи и въ связи съ нею освѣтившей время возникновенія и первоначальнаго распространенія христіанства. Для этой эпохи сочиненія Флавія Іосифа являются однимъ изъ серьезнѣйшихъ памятниковъ и источниковъ; 2) появленіе одновременно (въ 1887 и 1888 годахъ) двухъ критическихъ изданій сочиненій Флавія. Можно безъ преувеличенія сказать, что изданія Нисе и Набера, великолѣпно другъ друга дополняющія, составили эру въ исторіи трудовъ Флавія. Тутъ впервые испорченный вѣками греческій текстъ подвергся коренному пересмотру и серьезной очисткѣ.

Эти же тексты легли и въ основаніе предпринятаго парижскимъ *Société des études juives* изданія критическаго перевода «Сочиненій» Флавія. Первый томъ, обнимающій первыя пять книгъ Иудейскихъ древностей и переведенный Юліемъ Вейлемъ, лежитъ передъ нами и производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своею элегантною внѣшностью; отпечатанный на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, онъ свидѣтельствуетъ, что Общество не пожалѣло матеріальныхъ средствъ на выпускъ въ приличномъ видѣ трудовъ того историка, сочиненія котораго существеннымъ образомъ восполняютъ Библію и являются первымъ за нею источникомъ событій, повѣствуемыхъ въ книгѣ книгъ. Такъ какъ переводъ былъ порученъ стяжавшему себѣ нѣкоторую извѣстность въ качествѣ постоянного сотрудника *Revue des études juives* молодому ученому и, кромѣ того, былъ еще проредактированъ такою научною величиною, какою является Т. Рейнакъ, то само собою разу-

¹⁾ Иудейскія древности. Т. III, приложение, стр. XXXII, примѣч.

мѣтся, что и съ этой стороны изданіе выдерживаетъ самую строгую критику. Не скажу, чтобы переводъ читался особенно легко; но въ этомъ виноватъ уже не переводчикъ, а самъ Флавій: научившись греческому языку въ довольно преклонномъ уже возрастѣ, историкъ въ сущности никогда не владѣлъ имъ не только въ совершенствѣ, но и въ болѣе или менѣе сносной степени. Это не могло не отразиться на его текстѣ, мѣстами представляющемъ почти непреодолимыя трудности для переводчика, о чемъ я говорю по горькому опыту. Если же принять во вниманіе общее стремленіе писателей эпохи Флавія уснащать свою рѣчь всяческими риторическими украшениями и по возможности вычурными оборотами, то приходится согласиться, что лучше поступиться иногда изяществомъ перевода, чѣмъ его точностью. Поэтому констатируемое мною у Вейля подчасъ жестокое обращеніе съ французскимъ стилемъ, по моему, не только прорисительно, но и должно быть вмѣнено въ заслугу переводчику, съумѣвшему, такимъ образомъ вполне сохранить и передать духъ греческаго подлинника.

Не то скажу я о примѣчаніяхъ: они могли бы быть и содержательнѣе и обильнѣе, особенно въ I томѣ «Древностей». Мнѣ кажется, что примѣчаніе должно не только пояснять текстъ, но и побуждать серьезнаго читателя къ самостоятельной дальнѣйшей работѣ въ томъ или иномъ направленіи. Вотъ почему, на мой взглядъ, библиографическій матеріалъ примѣчаній долженъ быть по возможности полнымъ и разнороднымъ. Въ этомъ же отношеніи примѣчанія новаго французскаго изданія не вполне удовлетворительны. Не удовлетворительно также и «введеніе» (Avant-propos, написанное Рейнакомъ). Оно, видимо, предназначено познакомить читателя (притомъ не только специалиста) съ творчествомъ Флавія Юсіфа. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно буквально не даетъ ничего, кромѣ довольно поверхностнаго и очень сухого перечня сочиненій историка и указанія на доселѣ имѣвшіяся французскія изданія переводовъ его. Правда, въ концѣ этого предисловія глухо обѣщается отдѣльный очеркъ въ концѣ послѣдняго (седьмого тома), причемъ ничего не говорится о томъ, кто напишетъ этотъ очеркъ. Между тѣмъ это было бы весьма интересно знать при томъ принципѣ раздѣленія труда, который примененъ въ дѣлѣ выпуска настоящаго изданія и отъ котораго я себѣ также обещаю мало утѣшительнаго. Такъ какъ сочиненія Флавія Юсіфа всѣ тенденціозны и преслѣдуютъ одну очень ярко выраженную апологетическую цѣль, такъ какъ они поэтому пропитаны однимъ духомъ, то, естественно, было бы желательно, чтобы и переводъ ихъ на французскій языкъ производилъ цѣлостное, законченное впечатлѣніе. Тутъ же, при господствѣ принципа дѣленія труда, несомнѣнно будетъ нарушена эта цѣлостность, особенно въ примѣчаніяхъ, гдѣ и такъ уже, въ предѣлахъ перваго тома, не мало помѣченныхъ лирами Т. R., т. е. такихъ, которыя составлены редакторомъ, «берущимъ, какъ

онъ самъ говоритъ, на себя отвѣтственность за нихъ». Между тѣмъ нарушение цѣльности впечатлѣнія отъ чтенія перевода, несомнѣнно, должно ослабить интересъ къ книгѣ, которая, въ сущности, должна бы быть настольною у каждаго образованнаго чловека. Въ этомъ отношеніи французское изданіе Флавія напередъ лишило себя возможности стать исто народнымъ. Для этого оно, впрочемъ, и слишкомъ дорого.

Во всякомъ случаѣ фактъ, что Флавій опять начинаетъ вслывать послѣ многихъ десятковъ лѣтъ забвенія, и поучителенъ, и характеренъ. Будемъ надѣяться, что и на русскомъ языкѣ вскорѣ появится иллюстрированное (не примѣчаніями, а рисунками и картами) *народное* изданіе Флавія.

Г. Генкель.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I. СОЛОМОНЪ МУДРЫЙ. Разсказъ. (Продолженіе). Н. Пружанскаго	3
бъ II. ПО ПРОМЫШЛЕННОЙ ЧЕРТЪ ОСВѢДЛОСТИ. Путевые наброски техника. (Продолженіе). И. Хороша	32
III. ГЛАСЬ ИЗЪ ПУСТЫНИ. Письмо шестое. Вентъ-Ами	49
IV. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ШЕЙЛОКА. С. Л. Цинберга	69
V. ДНИ ИСПЫТАНІЯ. Романъ въ двухъ частяхъ. Е. Левонтина. (Продолженіе).	84
VI. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Исторія дѣла Дрейфуса. Стеллина	122
VII. ВИБЛЮГРАФІЯ:	
1) <i>лжл</i> <i>лжс</i> (Сеферъ-Гашана). Историко-Литературный Ежегодникъ. Изданіе Н. Соколова.—Варшава 1901 г. Годъ второй. Як. Каценельсона	144
2) <i>Oeuvres complètes de Flavius Josèphe traduites en français sous la direction de Théodore Reinach. Tome premier. Antiquités judaïques, livres I—V; traduction de Julien Weill, Paris, 1900. Г. Гензеля . . . . .</i>	156

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ

ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Театральная площадь, 2.

1801

ГЛАВА V.

Соломонъ Мудрый.

(Окончаніе) ¹⁾.

XV,

изъ которой видно, что и эlegantный человекъ можетъ иногда очутиться въ очень неловкомъ положеніи.

Послѣ ухода Ревекки, Вольфзонъ немедленно позвонилъ и велѣлъ позвать Якова (старшаго сына), но его не оказалось дома. Тогда онъ велѣлъ немедленно-же послѣ его прихода прислать его, затѣмъ позвалъ къ себѣ жену, съ которой долго шепотомъ бесѣдовалъ.

Такъ какъ авторъ не имѣетъ привычки такъ же подслушивать у дверей, какъ это дѣлали барышни Вольфзонъ, то онъ лишень возможности сказать, о чемъ собственно супруги бесѣдовали. Но если судить по тому, что Эстерка довольно изрядно во время этой бесѣды выла и совсѣмъ не по модѣ частенько начинала причитывать: ой-вей-миръ, то надо полагать, что бесѣда была очень серьезна.

Вечеромъ Яковъ возвратился домой и незамѣтнымъ образомъ хотѣлъ проскользнуть къ себѣ, но ему сказано было, что его зоветъ отецъ. И онъ молча, безъ словъ, направился въ кабинетъ. За нимъ послѣдовала и мать.

Какъ только мать и сынъ очутились въ кабинетѣ, Вольфзонъ, который замѣтно съ нетерпѣніемъ ходилъ по комнатѣ, подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ, а потомъ круто

¹⁾ См. „Кн. Восхода“ № 7, с. г.

остановившись передъ сыномъ, который стоялъ у дверей съ опущенной внизъ головой, нѣсколько секундъ стоялъ молча, стараясь уловить взглядъ своего сына; когда-же это ему не удалось, то прошипѣвъ сквозь зубы — мерзавецъ, сталъ его бить по щекамъ.

Яковъ стоялъ молча, неподвижно и царившую въ кабинетѣ тишину нарушали только глухіе удары по щекамъ и стонъ Эстерки — ой-вей-миръ, до чего я дожила. Разъ десять ударилъ его отецъ, а потомъ плюнулъ, отскочилъ отъ него въ сторону и, бѣгая по комнатѣ, отрывисто, чуть не задыхаясь, началъ:

— Мерзавецъ, негодяй, что ты надѣлалъ! даже развратничать, какъ порядочный человѣкъ, онъ не можетъ. Мало ему такихъ, которыхъ сегодня увидѣлъ, а завтра знать тебя не знаю. Ему еще романы нужно заводить, въ исторіи впутываться. Говори, негодяй, есть у ней твоя карточка съ твоей надписью, гдѣ ты ее называешь невѣстой?

— Есть, — едва слышно прошепталъ Яковъ.

— Ха, ха, ха,—нервно захохоталъ Вольфзонъ, а потомъ, обращаясь къ женѣ, началъ кричать:

— Посмотри на него, полюбуйся на твоего сынка. Умень? а? Ну, а удостовѣреніе въ томъ, что ея будущій ребенокъ твой, ты еще не выдалъ? Ха, ха, ха, надо было выдать. А теперь чтожь ты думаешь дѣлать? жениться что-ли собираешься?

Яковъ молчалъ.

— Да гонори-же, чортъ тебя побери,—топнулъ онъ ногой,—заговаривать зубы дѣвушкамъ ты мастеръ, тащить вещи изъ дому ты умѣешь, а пришлось до бѣды, ты онѣмѣлъ. Говори, мерзавецъ, что ты теперь думаешь дѣлать?

— Да я не знаю,—едва слышно произнесъ сынъ.

— Ты не знаешь?—забѣгалъ Вольфзонъ по комнатѣ:—кто-же знаетъ? Я что-ли знаю. Мальчикомъ что-ли, ты себя воображаешь? Посмотри на себя, какой ты дылда. Другіе въ твои года семью содержатъ, а ты что изъ себя представ-

ляешь? — оболтусь и больше ничего. Открой-же свои сахар-
ные уста!

— Право, отецъ, я вовсе не такъ виноватъ, какъ ты ду-
маешь.

— Ха, ха, ха, слышишь, — обратился онъ къ женѣ, — онъ не
виноватъ. Это оказывается ты во всемъ виновата. Ха, ха, ха!..
Ну хорошо, виновата мать, но вѣдь отвѣчать то тебѣ при-
дется, какъ-же ты думаешь поступить?

— Да никакъ.

— То есть какъ это никакъ? — остановился отецъ посреди
комнаты.

— А что она мнѣ сдѣлаетъ?

— Въ Сибирь она, конечно, тебя не сошлетъ, а только
жениться она тебя заставить.

— Ну это она только такъ говорить, а сдѣлать ничего
не сдѣлаетъ.

— Кто, эта дѣвушка не сдѣлаетъ? — Эхъ ты оболтусъ!
много ты понимаешь въ людяхъ. Да это такая дѣвушка, что
изъ-за одного того, чтобы показать тебѣ, что ее дура-
чить нельзя, пойдетъ рѣшительно на все. Съ ней ты
не шути. Только такой дуракъ, какъ ты, можетъ съ такой
дѣвушкой связываться. Ну, вотъ, — продолжалъ онъ, бѣгая по
комнатѣ, достукался до карьеры. Жена продавщица, безъ
гроша денегъ, куча дѣтей. Ты, можетъ быть, рассчитываешь
на мое приданое, ты и не думай! Ни гроша отъ меня не
получишь. Нечего сказать, хорошо, прекрасно устроился.

— Да я на ней не женюсь, у меня ужъ есть невѣста.

— Не женюсь, есть невѣста, — съ гримасой передразнилъ
его отецъ. — Дуракъ! какъ будто его будутъ спрашивать или
пойдетъ за него другая невѣста, когда вмѣсто свадебнаго по-
дарка, ей пришлютъ ребенка. Онъ думаетъ, что будетъ
лучше, если дѣло дойдетъ до суда, и начнется скандалъ на
весь мiръ. Онъ забываетъ, что онъ не одинъ на свѣтѣ, что
у него есть отецъ, мать, сестры, которымъ тоже нужно выйти
замужъ.

— Нѣтъ, какъ ты хочешь, я не допущу, — вмѣшалась мать, — чтобы мой сынъ женился на какой-то нищей продавщицѣ.

— Ты, матушка, успокойся, — оборвалъ ее Вольфвонъ, — эта продавщица ничуть не уронитъ твоего аристократическаго престижа; она сумѣетъ быть такой же великосвѣтской дамой, какъ ты, — а потомъ, обращаясь къ сыну, серьезно добавилъ:

— Ты это выбрось изъ головы. Дѣло рѣшенное. Влопался, ну и нечего дурачиться, нужно кончать дѣло безъ скандала. Другой разъ умнѣе будешь. А теперь я тебѣ вотъ что скажу, что ты, негодяй, не стоишь и подметки этой дѣвушки. И я удивляюсь, какъ такой дуракъ, какъ ты, могъ ей вскружить голову. И ты еще очень счастливъ, что попалъ въ руки къ ней, а не къ какой-нибудь другой. Она тебя, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ сдѣлаетъ. Только вотъ что, сдѣлано это должно быть помимо нашего вѣдома. Понялъ? Мы ничего не знаемъ. Любовь. Мальчишка съ ума сошелъ, влюбился, женился и что тутъ подѣлаешь?

— Только какъ же это? — началъ было сынъ.

— Не разговаривать, — произнесъ Вольфвонъ тѣмъ тономъ, который заставлялъ его домашнихъ трепетать передъ нимъ, — и пошелъ вонъ! Каналья; онъ еще смѣетъ рассуждать!

Мать и сынъ моментально, какъ тѣни, исчезли изъ кабинета.

ГЛАВА XVI,

въ которой читатель знакомится съ „докторомъ“.

Когда докторъ Савицкій еще былъ гимназистомъ, онъ ужъ сообразилъ, что большая разница между подваломъ его отца Соломона и прекрасной квартирой его покровителя. И когда докторъ предложилъ ему совѣтъ къ нему перебраться и жить у него, онъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на это. Его даже не смутило то обстоятельство, что у доктора «кухня» была не еврейская. Соломона это обстоятельство немного смутило, но послѣ зрѣлаго размышленія онъ рѣшилъ,

что еврей и вообще человѣкъ не въ ѣдѣ и что свинья, какую бы каширную пищу она ни ѣла, все-таки останется свиньею.

Переселившись къ доктору, Срулька (такъ его звали) почувствовалъ себя очень хорошо. Сначала ему очень неловко было ходить по паркетному полу и справляться съ вилокъ и ножемъ, въ употребленіи которыхъ въ домѣ отца ему не представлялось надобности, но онъ былъ мальчикъ сообразительный и скоро привыкъ ко всему. Вообще онъ былъ что называется себѣ на умѣ и сразу сообразилъ, что ему вовсе не мѣшаетъ, чтобы докторъ и докторша полюбили его, и онъ для этого дѣлалъ все отъ него зависящее; онъ и лишній разъ безъ всякой надобности улыбнется и услужитъ и вообще употреблялъ для этого всѣ усилія: ужъ очень ему нравились жаркое и пирожное, которыя у доктора подавались къ столу. И въ первое время, когда онъ приходилъ къ отцу въ гости, онъ только и дѣлалъ, что рассказывалъ, какія тамъ блюда подаются и какія они вкусныя. А Гитль, слушая рассказы своего сына, только вздыхала и говорила:—вотъ какъ люди живутъ. Но Соломонъ на это возражалъ, что родились-то они такъ же, какъ мы съ тобой, только выросли они иначе.

Сначала посѣщенія Срульчикомъ отца были довольно часты и для школьнаго двора было обычнымъ зрѣлищемъ видѣть чистенькаго гимназиста, идущаго въ одну изъ самыхъ мрачныхъ трущобъ, но съ теченіемъ времени, когда гимназистикъ отвыкъ отъ домашняго воздуха, эти посѣщенія сдѣлались рѣже и по возможности короче.

Сначала Срульчикъ очень охотно и по возможности подробно старался пересказать отцу то, чему ихъ учатъ въ гимназій, но съ теченіемъ времени онъ объ этомъ сталъ говорить очень неохотно и то въ общихъ выраженіяхъ, а когда онъ ужъ былъ въ пятомъ классѣ, то бывалъ у отца три, четыре раза въ году, не больше. Когда его спрашивали дома, отчего онъ такъ рѣдко ходитъ, онъ отвѣчалъ, что чаще бывать ему не позволяютъ занятія. А Соломонъ при этомъ говорилъ:

конечно, намъ очень пріятно тебя видѣть, и твой приходъ для насъ составляетъ настоящій праздникъ, но нельзя же тебѣ ради насъ манкировать своими занятіями. Учись, учись, сынъ мой, а ужъ мы тобою полюбujemy издали. И чѣмъ дальше, чѣмъ Срульчикъ переходилъ въ высшій классъ, тѣмъ его посѣщенія къ отцу становились рѣже. А въ послѣдній выпускной годъ онъ былъ у отца всего только одинъ разъ. Соломонъ, разумѣется, былъ и этимъ доволенъ.

Наступилъ періодъ студенчества.

Его студенчество началось при такихъ же благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ и гимназическое воспитаніе, потому что въ академію онъ уѣхалъ на полномъ иждивеніи доктора, своего благодѣтеля, и, обладая хорошими способностями и трудолюбіемъ, онъ, несомнѣнно, кончилъ бы академію очень хорошо. Но на второмъ году его студенчества съ нимъ случился совершенно неожиданный казусъ, а именно: докторъ, совершенно, повидимому, здоровый старикъ, скончался скоропостижно отъ разрыва сердца. Такого казуса Савицкій совершенно не ожидалъ, онъ ожидалъ совершенно другого, а именно, что докторъ его не забудетъ въ своемъ завѣщаніи и, если оставить ему не все свое состояніе, то во всякомъ случаѣ столько, чтобы у него была возможность устроиться въ жизни. Да онъ, по всей вѣроятности, такъ бы и было, но какъ на грѣхъ, докторъ не успѣлъ подумать о завѣщаніи, а у него были наследники, которые вовсе не расположены были благодѣтельствовать. И Савицкій изъ положенія студента совершенно обезпеченнаго, сразу перешелъ въ положеніе студента пролетарія, который не знаетъ, что ему раньше дѣлать, — заниматься ли своимъ дѣломъ или бѣгать, искать себѣ занятій.

Началась обычная студенческая эпопея съ уроками, перепиской, переводами, періодическими голодовками; дѣло было совсѣмъ дрянъ. Во избѣжаніе окончательной катастрофы на экзаменахъ, ему пришлось добиться академической стипендіи, которая обезпечивала ему насущное. Конечно, человѣку при-

выкшему къ довольству, академической стипендіи было недостаточно, приходилось еще кое-что самому добывать, но все-таки ужъ было недурно: по крайней мѣрѣ, можно было заниматься.

Такъ неожиданно выброшенный судьбой за бортъ, онъ, естественно, считалъ себя сильно обиженнымъ судьбой. Ея выходка, съ внезапной смертью доктора, походила на насмѣшку и онъ рѣшилъ во что бы-то ни стало отомстить ей и показать, что онъ и безъ нея не пропадетъ.

До катастрофы онъ думалъ было объ ученой карьерѣ, но теперь онъ рассудилъ, что наука проживетъ и безъ него, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ еврей, профессуры никогда не добьется, и онъ рѣшилъ только кончить, а потомъ сдѣлать себѣ докторскую карьеру.

Онъ кончилъ далеко не такъ блестяще, какъ сначала полагалъ и какъ по настоящему могъ бы кончить, но онъ былъ золъ на себя, на науку, на весь міръ. Все равно, думалъ онъ, тѣ, которые кончаютъ блестяще, такъ же мало знаютъ, какъ тѣ, которые кончаютъ съ грѣхомъ пополамъ, главное имѣть право писать рецепты.

Будучи стипендіатомъ, онъ долженъ былъ служить. Онъ и поступилъ врачомъ въ полкъ. Это нѣкоторымъ образомъ даже входило въ его программу. На первое время маленькое обезпеченіе, госпитальная практика и вообще за это время можно осмотрѣться, подумать, что и какъ дальше.

Городъ, въ которомъ стоялъ его полкъ, былъ небольшой уѣздный русскій городъ. Солдаты тамъ очень рѣдко болѣли, а обыватели тѣмъ паче, офицеры пьянствовали и играли въ карты, и молодой врачъ, которому нужна была практика, сразу почувствовалъ себя очень скверно. Приходилось или запереться въ своей берлогѣ и прослыть нелюдимомъ, или же начать вести такую же жизнь, какую вело остальное офицерство. Будь онъ неевреемъ, онъ бы, конечно, могъ поступить по своему усмотрѣнію, но онъ былъ евреемъ. И хотя онъ о своемъ еврействѣ очень мало распространялся и безъ суще-

ственной надобности не упоминалъ о немъ, но онъ прекрасно знаетъ, что въ городѣ знаютъ, что онъ «изъ нашихъ», а при такихъ условіяхъ чуждаться людей, дѣлать не такъ, какъ дѣлаютъ другіе, было болѣе чѣмъ рискованно. И докторъ Савицкій, скрѣпя сердце, сталъ волочиться за уѣздными барышнями, поигрывать въ картишки и даже выпивать. Все это онъ, конечно, дѣлалъ очень умѣренно, осторожно, чтобы не обидѣть другихъ, но все таки его жизнь была ему противна до-нельзя.

Когда сталъ приближаться срокъ окончанія его обязательной службы, онъ сталъ подумывать о томъ, какъ ему быть дальше. Службу, само собой разумѣется, слѣдовало бросить, но чтожъ ему дѣлать дальше. Начать практику въ маленькомъ уѣздномъ городѣ не имѣло смысла: игра не стоитъ свѣчъ. Остается столица, или другой—какойнибудь большой центръ. Тамъ практика, да еще умѣлая можетъ сдѣлать свое дѣло, но вѣдь для того, чтобы начать ее и чегонибудь ею добиться, нужны деньги,—и деньги хорошія. Иначе въ ожиданіи пациентовъ насидишься безъ хлѣба. А гдѣ ему было взять денегъ? И ему пришла въ голову мысль о женитьбѣ. Женитьба—эта единственная спасительница всевозможныхъ еврейскихъ спеціалистовъ—можетъ ему дать то, что ему было нужно. Правда, женитьба вмѣстѣ съ деньгами можетъ надѣлать его какойнибудь уродиной, съ которой, если свяжешься, то и самъ радъ не будешь — но вѣдь чтожъ дѣлать, такова жизнь, что въ ней розъ безъ шиповъ не бываетъ. И докторъ изподтишка началъ искать невѣсту. Нѣкимъ спеціалистомъ по этимъ дѣламъ эта невѣста была найдена въ Вильнѣ. Нельзя сказать, чтобы доктору это было очень пріятно, лучше бы было, если бы она была изъ другого города, гдѣ у него нѣтъ отца, да вѣдь ничего не подѣлаешь: невѣсты съ деньгами не вяжутся. Тѣмъ болѣе, что когда докторъ началъ спрашивать спеціалиста, чѣмъ его будущій тестъ занимается, тотъ ему отвѣтилъ: капиталистъ.

— Хорошо,—капиталистъ,—возразилъ докторъ,—но вѣдь от-

куда нибудь да взялъ же онъ свой капиталъ, чѣмъ нибудь да занимается онъ?

— Занимается,—быль отвѣтъ,—деньги есть и занимается. Безъ денегъ ничего не сдѣлаешь, а есть деньги, все можно дѣлать.

Такъ какъ докторъ былъ не изъ дураковъ, то онъ прекрасно понялъ, что значить этотъ мудреный отвѣтъ и что въ данномъ случаѣ ему очень мало можетъ помѣшать его отецъ портной. Что его будущій тестъ занимается очень загадочнымъ ремесломъ—это его очень мало беспокоило. Чортъ съ нимъ, очень ему нужно. Женится, возьметъ капиталъ, уѣдетъ въ Петербургъ, а тамъ поди разбирай, чѣмъ его тестъ занимается.

И вотъ въ одно прекрасное утро, когда дѣло выяснилось настолько, что Вольфзонъ произнесъ, наконецъ, цифру двадцать пять тысячъ, а невѣста, увидѣвъ карточку жениха, захлопала въ ладоши и произнесла: прелесть (женихъ, когда увидѣлъ карточку невѣсты, протянулъ: однакожъ порядочная рожа)—докторъ сѣлъ въ вагонъ, прикатилъ въ Вильно и остановился въ гостинницѣ.

ГЛАВА XVII.

Срульна.

Большую, конечно, сенсацию произвело на школьномъ дворѣ появленіе на немъ молодого военнаго доктора въ новенькомъ щеголеватомъ, хорошо сшитомъ пальто, фуражкѣ съ бѣлоснѣжнымъ верхомъ и въ золотыхъ очкахъ. Явственно раздававшійся стукъ его длинной кавалерійской сабли, звонъ шпоръ среди этого движенія, шума, говора, производили магическое дѣйствіе, и при его приближеніи все сразу умолкло. Встрѣчные на тротуарахъ съ какимъ-то испугомъ шарахались въ стороны, низко кланялись, а въ отдѣльныхъ кучкахъ поднимался робкій шепотъ. Куда и зачѣмъ могъ идти этотъ важный баринъ, и что ему тутъ было нужно? Немногіе, конечно, на школьномъ дворѣ могли различать по-

гоны и для большинства это был не офицеръ, а настоящий генералъ и въ его появленіи на школьномъ дворѣ ничего хорошаго для евреевъ не предвидѣли. Тѣ же, которые были настроены болѣе оптимистически, не могли, конечно, съ увѣренностью сказать, что появленіе этого генерала непременно повлечетъ за собою дурныя послѣдствія для евреевъ, но всетаки считали своимъ долгомъ болѣе подробно разслѣдовать это странное обстоятельство и незамѣтно издали шли вслѣдъ за докторомъ. И когда докторъ дошелъ до дома, гдѣ жилъ Соломонъ философъ, то противъ этого дома образовалась цѣлая толпа, которая съ изумленіемъ увидѣла, что генералъ идетъ прямо къ черной вѣяющей дырѣ и начинаетъ спускаться въ обиталище Соломона. Евреи, обыскъ! невольно вырвалось у одного пронизательнаго зрителя, послѣ чего послышались стоны нѣкоторыхъ сердобольныхъ евреекъ, которые были тутъ же—и Богъ вѣсть какая суматоха поднялась бы на школьномъ дворѣ, еслибъ въ это время не послышался другой возгласъ: дуракъ, выдумалъ обыскъ! а что у Соломона онъ будетъ искать? вшей? Да и какой же обыскъ безъ полиціи. А я вамъ скажу, что это такое: это Срулька. Срулька, послышались возгласы, сынъ Соломона, ей ей я не выдержу. Кто бы могъ подумать, что у Соломона такой сынъ. Вѣдь это настоящий генералъ-губернаторъ и ни капли на еврея не похожъ. И моментально весь школьный дворъ зашумѣлъ, загудѣлъ: Срулька, Срулька, сынъ Соломона пріѣхалъ.

Въ домѣ Соломона между тѣмъ произошло вотъ что. Когда докторъ сталъ спускаться въ яму, Соломонъ по своему обыкновенію крикнулъ: погодите, я сейчасъ посвѣчу, но докторъ не ждалъ и ошущью продолжалъ спускаться. И когда Соломонъ выскочилъ съ лампочкой, то почти наткнулся на него. Увидѣвъ незнакомаго человѣка, Соломонъ отступилъ и не то испуганно, не то съ недоумѣніемъ устремилъ на него глаза. Секунды двѣ продолжалась эта нѣмая сцена.

— Что старина, не узналъ?—проговорилъ докторъ.

И не успѣлъ онъ это произнести, какъ Соломонъ весь за-

трясся, выронилъ изъ рукъ лампочку и съ прерывающимся отъ рыданій возгласомъ: сынъ мой, сынъ мой, бросился доктору на шею.

Произошла очень трогательная сцена встрѣчи сына съ родителями. Жаль только, что ее нельзя было видѣть какъ слѣдуетъ, потому что во время паденія лампочки она потухла, а въ комнатѣ было полутемно.

Когда всѣ понемногу успокоились и лампочка была зажжена, а Соломонъ съ женой засуетились, захлопотали было объ угощеніи, докторъ, хотя и очень вѣжливо, но довольно твердо далъ понять, что онъ ничего не будетъ ни пить, ни ѣсть и что ему вообще долго оставаться никакъ нельзя.

Авторъ долженъ засвидѣтельствовать, что въ этомъ воздухѣ, отъ котораго докторъ уже давно отвыкъ, онъ, дѣйствительно, долго не могъ оставаться, онъ въ немъ просто задышался.

Условившись съ отцемъ, чтобы тотъ часа черезъ два пришелъ къ нему, т. е. къ доктору, въ гостиницу, онъ простился съ матерью и въ сопровожденіи отца насилу выбрался на воздухъ. Соломонъ, понятно, проводилъ сына черезъ весь школьный дворъ, вслѣдствіе чего возвращеніе доктора со школьного двора уподобилось торжественному шествію. Теперь никто ужъ его не боялся, не стѣснялся, всѣмъ ужъ было извѣстно, что этотъ блестящій офицеръ не кто иной, какъ Соломоновъ Срулька. И всѣ его хотѣли привѣтствовать, позжать ему руку и сказать ему доброе слово, потому что всѣ они его помнили, когда онъ былъ еще вотъ какимъ мальчишкой и ходилъ еще безъ штанишекъ.

ГЛАВА XVIII,

маленькая, но безъ которой никакъ нельзя.

Приблизительно дня за два до пріѣзда доктора произошли два событія, которыя надѣлали много шума среди еврейскаго населенія.

Первое это то, что старшій сынъ извѣстнаго богача Вольф-вона, который былъ почти объявленнымъ женихомъ дочери

такого же богача, какъ самъ Вольфзонъ, вдругъ влюбился въ какую-то продавщицу, бѣдную дѣвушку, удрагъ съ ней въ сосѣдній городокъ и тамъ обвѣнчался. Скандаль ужаснѣйшій, и совсѣмъ это не по еврейски. У евреевъ тоже, конечно, бываетъ любовь, изъ-за которой, случается, люди дѣлають глупости, но чтобы еврей, сынъ богатыхъ родителей, который имѣлъ возможность ввѣять пятнадцать тысячъ приданого, промѣнялъ приданое, невѣсту на какую-то никому невѣдомую нищую дѣвушку—это, дѣйствительно, было вѣчто невѣроятное и изъ ряда вонъ выходящее.

Родители, т. е. старики Вольфзоны, конечно, этимъ были страшно скандализированы, и Исаакъ Львовичъ по этому поводу высказалъ очень много поучительныхъ вещей и глубоко-мысленныхъ соображеній, имѣвшихъ прямое отношеніе къ потерѣ молодымъ поколѣніемъ высшихъ идеаловъ, а мадамъ—та даже стонала, ломала руки, говорила, что лучше бы было ей не родиться на свѣтъ Божій, умереть, чѣмъ дожить до такого позора. Но такъ какъ дѣло было все-таки сдѣлано, а Вольфзоны были любвеобильными родителями, то они помирились съ постигшимъ ихъ несчастіемъ, простили молодыхъ, которые пока на время помѣстились въ ихъ же домѣ. Не выгнать же ихъ, въ самомъ дѣлѣ, на улицу.

Вторымъ страннымъ происшествіемъ было то, что извѣстный гебраистъ, сіонистскій дѣятель, учитель Волькенштейнъ тоже съума сошелъ на любовной почвѣ. Онъ тоже влюбился и представьте въ кого—въ прислугу, дочь какого-то портняжки, объявилъ себя ея женихомъ и теперь собирается формально жениться.

Если первымъ скандаломъ были ужасно шокированы всѣ маменьки тѣхъ барышень, которыя, слава Богу, не нищія и, слѣдовательно, могли надѣяться, что ихъ дочери выйдутъ замужъ за Вольфзона, то послѣднимъ были ошеломлены и сконфужены всѣ тѣ, которые интересовались еврейской литературой, сіонистскимъ движеніемъ, въ которомъ онъ считался однимъ изъ главныхъ вождей.

Будь еще Волькенштейнъ не такъ уважаемъ и не такой безукоризненной честности, тогда бы это еще ничего. Пожалуй, для объясненія этого страннаго факта нашлись бы какіе-нибудь преступные мотивы, но Волькенштейнъ пользовался слишкомъ хорошей репутаціей для того, чтобы по этому поводу можно было пустить въ ходъ какую-нибудь легенду. И люди только недоумѣвали, пожимали плечами и многозначительно переглядывались. А Волькенштейнъ, не обращая ни на что вниманія, очень усердно готовился къ свадьбѣ. Отыскавъ квартиру и обставивъ ее мебелью и всѣмъ необходимымъ, онъ вдругъ пришелъ къ Вольфзону, когда вся семья была въ сборѣ, подошелъ къ Саррѣ, которая принесла на столъ самоваръ, взялъ ее за руку, подвелъ къ столу и сказалъ:

— Рекомендую, моя невѣста.

Барышни, разумѣется, захоли, Вольфзонъ, который уже зналъ объ этомъ, тоже сдѣлалъ видъ, что его это поразило, сталъ подравлять жениха и невѣсту и велѣлъ подать шампанскаго. И минутъ черезъ десять, когда суматоха съ поздравленіемъ улеглась, Сарра уже сидѣла за столомъ на правахъ гостыи. Мадамъ и барышнямъ это, конечно, не нравилось, онѣ, незамѣтно для другихъ, перемигивались, гримасничали, но Вольфзонъ, какъ извѣстно, несмотря на свою мягкость, былъ господиномъ въ своемъ домѣ, и ему достаточно было сказать слово, чтобы все заплясало по его дудкѣ.

Въ тотъ-же вечеръ Сарра покинула домъ Вольфзона и до свадьбы, которая должна была произойти дней черезъ десять, переселилась въ одно знакомое семейство Волькенштейна, гдѣ она должна была заняться приготовленіями къ свадьбѣ. Домъ отца для этого былъ несовсѣмъ-то подходящій.

XIX.

Докторъ начинаетъ высказываться.

Часа черезъ два послѣ посѣщенія докторомъ школьнаго двора, Соломонъ съ Волькенштейномъ были въ гостиницѣ, гдѣ остановился докторъ. Онъ, оказалось, былъ дома.

Докторъ, который только при своемъ свиданіи съ отцемъ узналъ о помолвкѣ сестры съ Волькенштейномъ (ему еще только что собирались написать объ этомъ), былъ, конечно, очень радъ познакомиться со своимъ будущимъ шуриномъ, но того же самага нельзя было сказать о послѣднемъ. Волькенштейнъ, само собою, тоже произнесъ обычное «очень радъ», но при внимательномъ наблюденіи можно бы было замѣтить, что, съ перваго же момента появленія въ номеръ, на его лицѣ легла какая-то тѣнь. Онъ скользнулъ взглядомъ по номеру, увидѣлъ разставленные на умывальномъ столикѣ баночки, флакончики, цѣлую пачку бѣлоснѣжныхъ замшевыхъ перчатокъ, которыя лежали на комодѣ, другія туалетныя бездѣлушки, которыя были разложены на стульяхъ, и у него мелькнула презрительная улыбочка. Когда же докторъ сталъ извиняться, что у него еще такой беспорядокъ, потому что онъ не успѣлъ разложиться и привести вещи въ порядокъ, Волькенштейнъ произнесъ довольно загадочную фразу:

— Ничего, этотъ беспорядокъ всегда можно привести въ порядокъ.

Вообще замѣтно было, что Волькенштейнъ докторомъ недоволенъ и относительно него держится ужъ на сторожѣ. Даже Соломонъ въ этой обстановкѣ, въ чистой, свѣтлой комнатѣ съ бархатной мебелью, ковромъ, большимъ зеркаломъ, какъ то робѣлъ, присмирѣлъ и чувствовалъ себя не такъ свободно, какъ у себя дома. И онъ долго не рѣшался предложить доктору одинъ, очень сильно интересовавшій его вопросъ: на долго-ли онъ пріѣхалъ, и пріѣхалъ-ли онъ только затѣмъ, чтобы повидаться съ нимъ, Соломономъ, или же его пріѣздъ имѣетъ еще и другую цѣль. Его любопытство, впрочемъ, удовлетворилъ самъ докторъ, который, послѣ нѣкоторыхъ общихъ фразъ, предложилъ ему вопросъ: знаетъ-ли онъ Вольфзона?

— Процентщика?—въ свою очередь съ живостью спросилъ Соломонъ.

— Богъ его знаетъ, чѣмъ онъ занимается,—равнодушно

проговорилъ докторъ.—У него собственный домъ, забылъ на какой улицѣ.

— Ну онъ и есть, а что тебѣ въ этомъ прохвостѣ?

— Ты, отецъ, слишкомъ строго судишь людей,—улыбнулся докторъ,—я, напротивъ, слышалъ о Вольфзонѣ, что онъ очень порядочный человѣкъ.

— Это такой порядочный человѣкъ, — вставилъ Волькенштейнъ,—которому мѣсте на каторгѣ.

— Какіе, господа, ужасы вы говорите,—такъ же мягко улыбнулся докторъ.—Чѣмъ же онъ заслужилъ такую кару?

— А тѣмъ, что онъ разоряетъ и безъ того разоренную еврейскую массу. Это—вампиръ, который высасываетъ изъ несчастныхъ бѣдняковъ послѣдніе ихъ соки,—проговорилъ Волькенштейнъ.

— Вы, господа, меня положительно пугаете, а я, признаться, пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы жениться на его дочери,—повидимому совершенно спокойно, закуривая папиросу, произнесъ докторъ.

— Ну, Израиль, это ты выкинь изъ головы, это невозможно,—вскочилъ на ноги Соломонъ,—свѣтъ не клиномъ сошелся, невѣсть сколько угодно. Нѣтъ надобности связываться съ такимъ человѣкомъ, какъ Вольфзонъ.

— Да вѣдь невѣста невѣстѣ ровнь,—разматривая свои ногти, какъ бы про себя тихо проговорилъ докторъ.

— Во всякомъ случаѣ, такихъ невѣсть, какъ у Вольфзона, много.

— Ну, не говори, не очень то много такихъ невѣсть, за которыми даютъ двадцать пять тысячъ приданого.

— А я бы на дочери Вольфзона не женился, еслибъ онъ даже далъ за нею сто тысячъ,—мрачно проговорилъ Волькенштейнъ.

— А еслибъ вамъ дѣвушка понравилась и вы бы влюбились въ нее?—круто повернулся къ нему докторъ.

— Тогда я бы взялъ дѣвушку, велѣлъ бы ей раздѣть отцовскіе башмаки и увелъ бы ее изъ дому.

— А денегъ не взяли бы?

— Я же вамъ говорю, что отцовскихъ башмаковъ не оставилъ бы на ней, нитки не далъ бы ей взять изъ отцовскаго дома, а если бы онъ сталъ навязывать, я бы швырнулъ ему въ фязіономію.

— Вы слишкомъ строги.

— Я не строгъ, но есть деньги, надъ которыми тяготѣеть проклятіе, которыя вопіютъ къ Богу о мщеніи за пролитыя людскія слезы, кровь. Такими деньгами пользоваться нельзя.

— Вотъ, вотъ, сынъ мой, — воскликнулъ Соломонъ, — святая истина глаголетъ его устами.

— Да вѣдь святостью, отецъ, не проживешь, — съ сострадательной улыбкой на губахъ проговорилъ докторъ. — Притомъ, все, что ни говорятъ про человѣка, можетъ быть сильно преувеличено.

— Въ томъ-то и дѣло, что тутъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, спроси у своей сестры, она тебѣ расскажетъ про этотъ домикъ. Она три года въ немъ прожила.

— И самъ я былъ вхожъ въ этотъ домъ, — добавилъ Волькенштейнъ, — я его тоже знаю. Онъ гораздо хуже, чѣмъ о немъ говорятъ.

— Однакожь, вы посѣщали этотъ домъ, — вставилъ докторъ.

— Ради вашей сестры, теперь моя нога въ немъ не будетъ.

— Я вижу, господа, что вы хотите разстроить совсѣмъ уже налаженное дѣло, — улыбнулся докторъ. — Вѣдь у насъ съ Вольфзономъ дѣло совсѣмъ на мази. Все уже выяснилось, остается только повидаться и устроить обрученіе.

— Плюнь ты на это, — сказала Соломонъ, — я тебѣ сейчасъ же дамъ другую невѣсту.

— Нѣтъ, отецъ, такъ нельзя, — проговорилъ докторъ, — вѣдь я не мальчишка. Я далъ слово, что приѣду, меня ждутъ. Какъ же я могу плюнуть. Нужно все-таки повидаться, а тамъ увидимъ, — и при этомъ докторъ поднялся съ мѣста.

— Конечно, сынъ мой, — сказала Соломонъ, тоже вставая съ мѣста, — мы тебѣ ничего не можемъ указывать. Ты самъ лучше знаешь, какъ и что нужно дѣлать, а все-таки я тебѣ скажу, что я, Соломонъ, бѣднякъ-портной, не хотѣлъ бы быть въ родствѣ съ аристократомъ Вольфзономъ, потому что я все-таки честный человѣкъ.

Докторъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей.

Когда Соломонъ съ Волькенштейномъ распрощались съ докторомъ, ушли отъ него и очутились на улицѣ, то долгое время шли молча, а потомъ Соломонъ не вытерпѣлъ и спросилъ Волькенштейна:

— Ну, что вы скажете?

Волькенштейнъ не сразу отвѣтилъ, потомъ пристально посмотрѣлъ на своего спутника и проговорилъ:

— Лучше не спрашивайте.

Соломонъ глубоко вздохнулъ и послѣ короткой паузы проговорилъ:

— Да, да, я самъ думаю, что это не важно, что не отъ такихъ придетъ наше спасеніе.

ГЛАВА XX,

изъ которой слѣдуетъ, что далеко не всѣ тосты бываютъ пріятны.

Дней черезъ пять послѣ описанной сцены, въ домѣ Вольфзона происходило настоящее столпотвореніе: готовились къ очень важному торжеству, а именно — вечеромъ должно было состояться обрученіе старшей дочери Вольфзона съ докторомъ.

Вольфзонъ, который изъ мелкихъ равносчиковъ достукался до солидныхъ капиталовъ, а изъ еле грамотнаго дошелъ до нѣкотораго развитія, хотѣлъ ознаменовать это важное семейное событіе и отпраздновать его со всей возможной роскошью. Это, въ сущности, было первое крупное семейное торжество за время его процвѣтанія. На этомъ торжествѣ онъ могъ себя показать во всемъ матеріальномъ и нравственномъ величіи. При этомъ на

торжествѣ онъ хотѣлъ разъ на всегда укрѣпить тѣ ми-
молетныя случайныя связи, которыя у него установились съ
интеллигенціей. Онъ былъ не безъ честолюбія и хотѣлъ играть
роль интеллигента. Интеллигенція его, правда, не жаловала,
смотрѣла на него довольно подозрительно, но какое ему дѣло
до того, какъ на него кто смотритъ, лишь бы онъ могъ занять
мѣсто среди этой интеллигенціи и укрѣпиться на немъ. И по-
этому-то онъ никогда не скупился на пожертвованія на раз-
наго рода учрежденія, а когда заговорили о сіонизмѣ, то сдѣ-
лался яростнымъ поборникомъ этой идеи. И онъ даже усилен-
но хлопоталъ о томъ, чтобы попасть депутатомъ на сіонистскій
конгрессъ, но это ему пока не удалось.

Не стану описывать, какія для этого торжества дѣлались
приготовленія, потому что, откровенно говоря, я очень мало
свѣдущъ въ домашнемъ хозяйствѣ, и если я пушусь въ по-
дробности, то могу напутать. Одно только скажу, что Вольф-
зонъ на этотъ разъ не жалѣлъ денегъ, а его невѣстка Ревекка,
сверхъ всякаго ожиданія, оказалась настоящимъ гениемъ домо-
водства. И бразды правленія домомъ, какъ-то незамѣтно, сами
собою, сразу перешли въ ея руки. Она все закупала, за-
казывала, распоряжалась и съ ней одной Вольфзонъ совѣто-
вался, обсуждалъ, что и какъ. Вообще, въ очень короткое
время Ревекка до того успѣла покорить старика и попра-
виться, что онъ полусерьезно, полупутя говаривалъ ей:

— Охота тебѣ было связываться съ такимъ дуракомъ, какъ
Яшка, онъ твоей подметки не стоитъ.

Что же касается мужа, то Ревекка такъ успѣла забрать
его въ свои руки, что безъ ея разрѣшенія онъ не осмѣли-
вался даже выйти изъ дому. И по этому поводу Вольфзонъ въ
шутку говорилъ:

— Жаль, что тебя не было раньше, когда онъ могъ еще
чему-нибудь научиться, можетъ быть изъ него что-нибудь и
вышло бы.

Женихомъ, конечно, былъ сынъ Соломона, который, какъ
читатель видитъ, не послушалъ ни отца, ни своего будущаго

шурина. Соломонъ, понятно, не разъ еще пытался отклонить его отъ этой позорной, по его мнѣнію, партіи, но тотъ каждый разъ, хотя и очень мягко, давалъ понять, что онъ уже вовсе не такъ нуждается въ совѣтахъ Соломона и самъ прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ. Это, конечно, огорчало Соломона до глубины души. Огорчало его не послушаніе сына, а то, что сынъ проявлялъ нехорошіе инстинкты и велъ себя не такъ, какъ, по понятіямъ Соломона, онъ долженъ былъ бы себя вести. Для того, чтобы продать себя за деньги какому-нибудь ростовщику, говорилъ онъ, вовсе не нужно было столько учиться. Вообще, чѣмъ больше онъ присматривался къ сыну, тѣмъ больше онъ въ немъ разочаровывался. Даже въ умственномъ отношеніи онъ начиналъ ему казаться не тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало бы быть. Авторитетъ доктора въ его глазахъ былъ настолько высокъ, что онъ не дерзалъ точно формулировать, отдавать себѣ отчетъ, чего собственно въ докторѣ не достаётъ и гдѣ его слабая сторона, онъ только чувствовалъ, что это не то. И когда, случалось, въ разговорѣ докторъ высказывалъ неосновательную, по мнѣнію Соломона, мысль, онъ съ нимъ не спорилъ, но только старался повернуть разговоръ такъ, чтобы не дослушать до конца и окончательно не придти къ заключенію, что докторъ этого не понимаетъ. Когда же онъ начиналъ приставать къ Волькенштейну, какого онъ мнѣнія о докторѣ, тотъ отмалчивался или же отвѣчалъ общими фразами:

— Докторъ—напишетъ рецептъ, и въ аптекѣ непременно выдадутъ.

Когда Соломонъ увидѣлъ, что, вопреки его желаніямъ, бракъ съ Вольфономъ состоится, онъ, конечно, съ этимъ печальнымъ фактомъ помирился и утѣшалъ своего будущаго зятя, Волькенштейна, который хладнокровно объ этомъ говорить не могъ,—тѣмъ, что вѣдь могло же быть еще хуже. Докторъ могъ просто съума сойти, или же жениться на погибшемъ созданіи—тоже вѣдь бываетъ. Но тутъ у него явился другой вопросъ: какъ ему быть, признавать-ли ему родство съ Вольфономъ и

принять приглашеніе на обрученіе и свадьбу или же не принимать. Съ одной стороны слѣдовало показать этому ростовщику, что даже такой нищій, какъ Соломонъ, плюетъ на него, на его богатство и знать его не хочетъ, а съ другой стороны, его отсутствіе можетъ быть истолковано не въ пользу сына. Никто вѣдь не повѣритъ, что отказался отъ приглашенія онъ, Соломонъ, а скажутъ, что докторъ постѣснялся пригласить на свадьбу своего бѣднаго отца. И хотя онъ въ своемъ сынѣ былъ въ значительной степени разочарованъ и недоволенъ его женитьбой, во все-таки онъ не хотѣлъ ему вредить и бросать тѣнь на его репутацію. Этотъ же вопросъ предстояло рѣшить и Волькенштейну относительно себя и своей невѣсты. Быть у Вольфвона на его семейномъ торжествѣ—это значитъ показать, что между нимъ и Вольфвономъ есть что-нибудь общее, а не быть—это равносильно, что нанести доктору, своему будущему шурина, прямое оскорбленіе.

Долго Соломонъ съ Волькенштейномъ ломали себѣ головы надъ разрѣшеніемъ этого вопроса и, наконецъ, послѣдній рѣшилъ, что надо быть, а если дойдетъ до дѣла, то я всегда сумѣю указать ему надлежащее мѣсто.

Для того, чтобы быть на обрученіи, Соломону предстояло преодолѣть еще одно затрудненіе, а именно: ему приходилось обзавестись приличнымъ случаю костюмомъ—онъ не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь, но изъ этого затрудненія его вывелъ Волькенштейнъ, который первый и обратилъ на это обстоятельство вниманіе. Тамъ, гдѣ нѣтъ людей, сказалъ онъ по этому поводу, а есть сюртуки, фраки, туда обязательно и человѣкъ долженъ явиться прилично одѣтымъ.

Насталъ вечеръ. Гостей собралась масса.

Еврей, даже изъ тѣхъ, которые во всемъ копируютъ «пресвѣщенныхъ христіанъ», еще не успѣли выработать въ себѣ ту безпощадность, съ какой иногда въ христіанскомъ обществѣ безъ всякаго сожалѣнія стираютъ человѣка съ лица земли. Былъ человѣкъ, съ нимъ встрѣчались, принимали его въ домъ, словомъ, онъ былъ человѣкъ, а отдали швейцару приказаніе:

не принимать больше—и человѣка какъ не бывало; нѣтъ его, и совершенно забываютъ о его существованіи. У евреевъ еще не такъ. У нихъ, если съ человѣкомъ имѣется хоть бы малѣйшая связь, ее не такъ легко порвать. И если, скажемъ, такой человѣкъ, даже очень непріятный, пригласитъ къ себѣ, то пойдутъ, пойдутъ, правда, очень неохотно, чуть-ли не со скрежетомъ зубнымъ, но все-таки пойдутъ, потому что какъ же это, ни съ того, ни съ сего взять и обидѣть человѣка—не пойти.

Такъ какъ Вольфсонъ искалъ, преимущественно, связей съ вліятельными людьми, то весьма естественно, что для него было очень важно залучить къ себѣ по возможности больше видныхъ людей разныхъ сферъ.

Это ему отчасти удалось. Къ нему пришли не только видные представители тѣхъ сферъ, которыя почему-то считаютъ себя интеллигентными и денежной аристократіей, но были и нѣкоторые столпы ортодоксіи, съ которой Вольфсонъ тоже любилъ заигрывать.

Вся эта разношерстная толпа, изъ которой каждый занимался другимъ дѣломъ, говорилъ другимъ языкомъ, носилъ другой костюмъ, имѣлъ о вещахъ другія понятія, убѣжденія, вдругъ очутившаяся подъ одной кровлей—сначала чувствовала себя очень неловко и каждый въ отдѣльности другъ на друга косились. Достойно было замѣчанія то, что каждый изъ этихъ отдѣльныхъ лицъ совершенно не хотѣлъ замѣчать, что онъ тутъ не одинъ, что помимо него есть тутъ и другіе. Каждый изъ нихъ, повидимому, былъ въ полномъ убѣжденіи, что только на немъ одномъ мѣръ и держится, а всѣ остальные—тринь трава, вниманія не стоящая. Такъ думалъ денежный тузъ, который не узнавалъ и не замѣчалъ человѣка, у котораго денежные ресурсы были сомнительны; такъ думалъ «столпъ Израиля», который въ своемъ ветхозавѣтномъ костюмѣ восо посматривалъ на короткіе скуртуки, бритыя бороды и мысленно уготовлялъ имъ мѣсто въ геенѣ огненной. Такъ полагалъ сомнительный интеллигентъ, который говоритъ языкомъ

последних передовых газетных статей; такъ полагали рѣшительно всѣ, здѣсь присутствующіе. Адвокатъ думалъ, что центральную фигуру въ міровданіи составляетъ онъ, докторъ въ свою очередь полагалъ, что безъ медицины міру не существовать бы, а «столпъ Ирааня» былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что если бы не онъ, то міръ давно бы провалился сквозь землю.

Соломонъ, который былъ тутъ же, сначала чувствовалъ себя совсѣмъ скверно. Вольфзонъ относительно него, конечно, старался соблюсти всѣ правила вѣжливости и во всемъ старался показать, что между «нимъ» и бѣднымъ портнымъ нѣтъ никакой разницы, и что Соломонъ находится въ его домѣ не на правахъ бѣднаго родственника, а какъ равноправный членъ, мехутономъ, но вотъ именно это и стѣсняло Соломона, онъ во всемъ этомъ улавливалъ покровительственный тонъ. Изъ каждой фразы такъ и сквозило: смотрите, какой я благородный и великодушный человѣкъ; я, Вольфзонъ, богачъ, интеллигентъ, совсѣмъ за панибрата съ этимъ бѣднымъ портнымъ, котораго по настоящему я могъ бы и на порогъ къ себѣ не пустить, потому что за его сына доктора я плачу хорошіе деньги, а до него мнѣ нѣтъ никакого дѣла. И Соломонъ былъ бы гораздо довольнѣе, еслибъ Вольфзонъ его оставилъ въ покоѣ, не обращалъ бы на него вниманія и не ухаживалъ бы за нимъ, какъ за своимъ мехутономъ. Но Соломонъ скоро оправился и къ своему положенію сталъ относиться съ истинно философскимъ хладнокровіемъ и говорить:—Господи, Боже мой, чего отецъ не сдѣлаетъ ради своихъ дѣтей. Ради нихъ онъ дѣлается воромъ, разбойникомъ, и отчего же мнѣ не быть мехутономъ Вольфзона. Мехутономъ, такъ мехутономъ— пусть такъ. Впрочемъ, все время онъ старался держаться около Волькенштейна, который былъ тутъ же съ своей невѣстой, чѣмъ многія великосвѣтскія дамы были сильно шокированы. Въ хорошее, нечего сказать, общество попали мы,—говорили онѣ шепотомъ,—служанки, мастеровые, продавщицы, не достаетъ еще только торговки съ ихъ корзинками. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ

быть очень любезными, какъ съ служанкой Саррой, такъ и съ продавщицей Ревеккой, которыя держали себя, если не лучше, то ничуть не хуже, чѣмъ эти великосвѣтскія дамы.

Начался обрядъ обрученія.

У евреевъ бракъ не таинство, а чисто житейско-гражданское дѣло, которое, хотя и совершается передъ Богомъ, но съ предусмотрѣнными людьми всевозможными предосторожностями. Когда человѣкъ думаетъ жениться, онъ, конечно, о разводѣ не думаетъ. Но въ жизни бываютъ всевозможныя случайности, и очень легко можетъ случиться, что узы Гименея, которыя при бракѣ кажутся такими очаровательными, впоследствии могутъ оказаться такими тягостными, что поневолѣ ихъ придется разорвать. И для того, чтобы при такой случайности какая-нибудь сторона, въ особенности слабѣйшая, то есть женщина, не была обижена, законъ при заключеніи брака находитъ нужнымъ предотвратить всякія недоразумѣнія и ясно, точно формулировать условія брака, въ особенности въ томъ случаѣ, если его когда-нибудь придется расторгнуть. И въ томъ собственно заключается весь обрядъ обрученія. Пишутся условія будущаго брака, которыя читаются публично, какъ при обрученіи, такъ и передъ вѣнцомъ. Такъ называемыя, *тнويمъ* (условія) пишутся по давно установленной формѣ, по извѣстному шаблону, но условія въ нихъ можно ставить какія угодно. Что же касается торжественнаго разбиванія горшка, которое всегда совершается при обрученіи, то это въ сущности ужъ не обрядъ обрученія, а совершенно изъ другой оперы. Сказано, да позабудется моя десница, если я тебя позабуду, Іерусалимъ, — а когда люди на свадьбѣ или обрученіи, они очень легко могутъ позабыть объ этомъ. Но когда вдругъ, ни съ того, ни съ сего раздается трескъ разбиваемаго горшка или дрызгъ разбитаго стакана, они невольно встрепенутся: — Это что жъ такое? А это двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ такъ былъ разбитъ и разрушенъ нашъ Іерусалимъ.

Тнويمъ были написаны, прочитаны, послѣ чего раздался

трескъ брошеннаго глинянаго горшка — и докторъ Израиль Савицкій сталъ женихомъ дѣвицы Фейгеле, дочери Исаака Вольфсона — пошли поздравленія и усаживаніе гостей за столы.

Когда гости усѣлись и стали выпивать и закусывать, ледъ, который сковывалъ языки, понемногу сталъ таять. Въ залѣ, гдѣ вокругъ стѣнъ были разставлены столы, послышался оживленный говоръ, который съ каждой выпитой рюмкой все усилялся. Люди, которые до этого косились другъ на друга, при встрѣчѣ не замѣчали другъ друга, сѣвши рядомъ и выпивши рюмку — другую водки или вина, вдругъ не только стали замѣчать своихъ сосѣдей, но и почувствовали потребность въ обмѣнѣ мыслей.

Сначала эти мысли были очень маленькія, односложныя, имѣвшія прямое, непосредственное отношеніе къ тѣмъ, питью, событію, при которомъ онѣ присутствовали, но, чѣмъ дальше, тѣмъ больше эти мысли выростали, дѣлались разнообразнѣе и тѣмъ болѣе онѣ выходили изъ предѣловъ стола, за которымъ онѣ сидѣли. Въ нѣкоторыхъ группахъ послышались даже споры.

Темы разговоровъ были такъ же разнообразны, какъ были разнообразны сами гости. Въ той группѣ, гдѣ центральной фигурой былъ «столпъ Израіля», гдѣ за столомъ сидѣли въ ермолкахъ и шапкахъ, очень интересовались библейскими текстами и талмудическими цитатами. Тамъ, что ни слово, то подтверждалось текстомъ или цитатой. И нужно сказать правду, что тамъ очень плохо иногда приходилось, какъ цитатамъ, такъ и текстамъ, въ особенности послѣднимъ. Помимо того, что ни въ чемъ неповинные тексты заставляли подтверждать всякую глупость, но тамъ съ ними вообще не церемонились и по временамъ поступали съ истинно-варварскою жестокостью. Ихъ не только разрывали на части, лишали необходимыхъ по грамматикѣ членовъ, но прямо таки лишали своего первоначальнаго смысла. Это было нѣчто въ родѣ состязанія въ остроумной изобрѣтательности, и въ сущности никто изъ нихъ не придавалъ этому серьезнаго значенія.

Въ той группѣ, гдѣ роль божка игралъ одинъ крупный капиталистъ, шла рѣчь о курсѣ, золотой валютѣ и дѣлахъ. Каждый изъ этой группы хотѣлъ показать, что онъ всёми этимъ очень заинтересованъ и на всеи этомъ собаку съѣлъ. И чѣмъ больше кто-нибудь изъ нихъ былъ долженъ, чѣмъ онъ былъ ближе къ банкротству, тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ объ этомъ толковалъ и тѣмъ болѣе увеличивалъ цифры, которыя онъ бросалъ. Сотни тысячъ, миллионы тутъ ровно ничего не значили, ихъ тутъ въ каждомъ карманѣ было сколько угодно. Это тоже было своего рода состязаніе въ остроуміи, и никто изъ нихъ, конечно, не придавалъ значенія тому, что говорилъ другой, потому что каждому изъ нихъ было хорошо извѣстно, сколько тотъ долженъ и черезъ какое приблизительно время онъ вылетитъ въ трубу.

Говорилось тутъ и о многомъ другомъ. И если бъ хорошо прислушаться къ этому смѣшанному гулу голосовъ, то тутъ можно было бы уловить слова, фразы, которыя относились и къ литературѣ, и къ наукѣ, и къ любви, современному положенію еврейства среди европейскихъ народовъ, и даже къ новѣйшимъ модамъ и танцамъ. Общей связи между всёми этими разнообразными разговорами не было; каждая группа, уголокъ вели свой разговоръ и каждый самъ отвѣчалъ за высказанное имъ мнѣніе передъ своими сосѣдами или сосѣдками по столу.

Но вотъ подали шампанское, это классическое вино всѣхъ застольныхъ болтуновъ, которые только ищутъ случая, чтобы къ чему-нибудь придраться и пустить въ ходъ свою мельницу.

Какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ, сначала начались тосты коротенькіе, такъ сказать, формальные, почти безмолвные съ стереотипными фразами:—за здоровье жениха, невѣсты и т. д., но починъ былъ сдѣланъ и стали находиться и ораторы.

Первымъ такимъ ораторомъ оказался молодой адвокатъ, съ сверкающимъ золотымъ пенснэ на носу, который, къ слову сказать, въ глубинѣ души надѣялся сперва жениться на младшей дочери Вольфсона, а ужъ потомъ обзавестись кліентами.

Началь онъ издалека, чуть ли не отъ сотворенія міра, для чего-то потревожилъ тѣни патріарховъ, заглянулъ въ глубь исторіи и, наткнувшись тамъ на грековъ, захватилъ у нихъ двѣ фразы, которыя тутъ же немедленно преподнесъ почтенному собранію.

Авторъ по совѣсти никоимъ образомъ не можетъ поручиться за то, что если бы нво всей классической литературы адвокат зналъ больше, чѣмъ эти двѣ фразы, то не пришлось ли бы почтенному собранію выслушать цѣлыя отрывки изъ Софокла, Еврипида, Платона, Аристотеля и другихъ греческихъ мудрецовъ и писателей. Сдѣлавши довольно продолжительную экскурсію въ древнюю исторію, онъ совершенно неожиданно для себя очутился въ новѣйшей, а тамъ наткнулся на вопросы, которые волнуютъ современное общество и на ту борьбу, которая въ современномъ обществѣ идетъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Такъ какъ онъ лично ничего не имѣлъ ни противъ стараго поколѣнія, къ которому принадлежалъ глубокоуважаемый хозяинъ дома, ни противъ молодого, къ которому принадлежали женихъ и невѣста, и такъ какъ за послѣднихъ ужъ было выпито, то онъ и предложилъ выпить за здоровье гостепріимнаго хозяина дома.

Нужно ли говорить, что этотъ тостъ былъ принятъ съ восторгомъ?

Вѣжливость, конечно, требовала, чтобы многоуважаемый и гостепріимный хозяинъ съ своей стороны отвѣтилъ тостомъ. Онъ понятно такъ и сдѣлалъ.

Вольфзонъ, само собою, былъ очень счастливъ тѣмъ, что въ его домѣ на этомъ семейномъ торжествѣ онъ видѣлъ такое многочисленное собраніе почтенныхъ и многоуважаемыхъ гостей, которые составляютъ гордость и украшеніе не только родного города, но и всего еврейскаго народа. Онъ былъ счастливъ и его трогало до слезъ, что такіе именитые люди, которые ознаменовали себя чуть ли не на всѣхъ поприщахъ, сдѣлали ему честь и почтили своимъ присутствіемъ. Но что

его нѣкоторымъ образомъ окончательно повергало въ прахъ, такъ это то, что въ числѣ этихъ гостей имѣются представители того почтеннаго сословія, которое, такъ сказать, на своихъ плечахъ выносить современное культурное общество. Что бы было съ современнымъ культурнымъ обществомъ, еслибъ на стражѣ его законныхъ правъ не стояло почтенное адвокатское сословіе? Что бы было съ священными правами собственности, семьи и религіи, еслибъ ихъ грудью не отстаивали представители этого почтеннаго сословія? И, по глубокому убѣжденію Исаака Львовича, выходило, что поднять бокалъ за процвѣтаніе почтеннаго сословія, гдѣ имѣются такіе блестящіе представители, какъ предшествовавшій ему ораторъ,—составляетъ священную обязанность всякаго благомыслящаго гражданина.

Тостъ, разумѣется, былъ принятъ не безъ удовольствія.

У евреевъ во всемъ только стоитъ сдѣлать начинъ. Стоитъ только, скажемъ, въ такомъ-то мѣстѣ открыть лавку одному, чтобы немедленно же тамъ явилось двадцать точно такихъ же лавокъ. И весьма естественно, что послѣ этого ораторовъ оказалось видимо-невидимо. И о чемъ только ни говорили и за кого только ни поднимали тостовъ. Но въ концѣ концовъ, когда темы все таки истощились, Вольфзону, который считалъ себя большимъ сіонистомъ, пришла въ голову несчастная мысль поднять тостъ за Волькенштейна, какъ за одного изъ главныхъ вождей сіонизма. И этотъ тостъ, понятно, былъ принятъ съ восторгомъ. Но среди гула восторженныхъ возгласовъ явственно раздался энергическій стукъ ножа по тарелкѣ и, когда присутствующіе обратились въ сторону, откуда раздавался стукъ, то увидѣли, что блѣдный, какъ смерть, съ гнѣвно сверкающими глазами, у своего мѣста стоялъ Волькенштейнъ и дѣлалъ знаки, что онъ хочетъ говорить. Въ залѣ моментально водворилась гробовая тишина и среди нея раздался энергически-рѣзкій голосъ Волькенштейна.

«Вы, господинъ Вольфзонъ, и всѣ присутствующіе здѣсь пьете за мое здоровье, какъ выразителя идеи сіонизма, какъ»

человѣка, который посвятилъ свою жизнь для развитія этой идеи, — благодарю васъ за это, но долженъ я вамъ сказать, что вы напрасно это дѣлаете: я вѣдь работаю не для васъ, и не въ вашихъ интересахъ идея возрожденія еврейскаго народа. Знаете ли вы, что такое для васъ составляетъ сiонизмъ! — это ваша смерть. Да, господа, въ тотъ день, когда возродится этотъ несчастный еврейскій народъ, который теперь лежитъ во прахѣ — вы исчезнете, вы должны будете исчезнуть, какъ исчезаетъ все то, что рождается на нездоровой, зараженной мiазмами почвѣ, когда эта почва оздоравливается.

«Вы полагаете, что мы, сiонисты, работаемъ, трудимся для васъ, блюдоливовъ еврейской культуры, прихвостней буржуазной бюрократии, для васъ, которые миръ Божій хотятъ превратить въ курятникъ, — ошибаетесь. Никакое государство, созданное изъ такой гнили, какъ вы, существовать не можетъ.

«Вы тотъ же зрѣвъ-ровъ, которому никогда не суждено быть въ землѣ обѣтованной. Вы судьбой обречены на гибель, какъ было обречено на гибель все поколѣние, вышедшее изъ Египта, потому что вы рабы, рабы презрѣнные, которые лобызаютъ руки своихъ господъ и сами налагаютъ на себя рабскія цѣпи, — и вы должны погибнуть въ тотъ день, когда воссияетъ солнце народной свободы.

«Но вы, можете быть спросите, для кого же мы работаемъ и для чего посвящаемъ свои силы? — о, я вамъ скажу для кого и для чего мы работаемъ. Видите ли вы тамъ, вдали, въ туманномъ грядущемъ изъ праха поднимается несокрушимая сила — это поднимается возрождающееся новое еврейство, и для этого-то новаго грядущаго еврейства мы и работаемъ. Это грядущее еврейство ничего общаго не будетъ имѣть съ вами, оно очистится отъ пыли, грязи, мишурныхъ блескокъ, и твердое какъ скала, могучее несокрушимое какъ рокъ, свѣтлое, прекрасное какъ солнце — оно вдругъ предстанетъ передъ глазами изумленного мира. Вотъ для этого-то еврейства мы, сiонисты, и работаемъ, это-то еврейство мы и поведемъ въ

обѣтованную землю. Съ такимъ еврействомъ мы утвердимся на этой землѣ. Не будетъ на землѣ той силы, которая будетъ въ состояніи сдвинуть насъ съ мѣста, разрушить то, что мы создадимъ, потому что съ нами будетъ Богъ. А вы, отбросы еврейскаго народа, его тряпичники, которые всю свою жизнь воятся съ тряпками, подобранными на помойныхъ ямахъ и въ то же время не замѣчаютъ погибающихъ сокровищъ,—ужь и обрадовались; думали, что для васъ уготовлена земля, текущая млекою и медомъ; успокойтесь—обѣтованная земля не для васъ. А если вы всетаки захотите завладѣть, то васъ ожидаетъ смерть, васъ раздавитъ грядущее еврейство. Берегитесь его, оно ужь идетъ; вы его не видите, но посмотрите туда, гдѣ чернѣетъ несмѣтная толпа, откуда слышится плачь голодныхъ дѣтей, стоны матерей—эта толпа не стоитъ на мѣстѣ, она двигается впередъ. Это и есть новое еврейство, которое васъ раздавитъ. И кто изъ васъ осмѣлится выпить со мною за это грядущее еврейство?»

Волькенштейнъ выпилъ свой бокалъ, а потомъ онъ молча подошелъ къ своей невѣстѣ, подалъ ей руку, и, ни съ кѣмъ не простившись, вышелъ изъ зала. Эта совершенно неожиданная, грозная филиппика, произнесенная съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ, на всѣхъ произвела ошеломляющее и подавляющее впечатлѣніе. Даже послѣ того, какъ Волькенштейнъ кончилъ и ушелъ, никто изъ нихъ не могъ опомниться, произнести слово. Какъ пораженные громомъ сидѣли они неподвижно на своихъ мѣстахъ и не могли освободиться отъ гнетущаго впечатлѣнія, подъ которымъ находились; въ ихъ ушахъ все еще продолжалъ раздаваться грозный голосъ Волькенштейна. Но вдругъ среди этой удручающей тишины раздался голосъ Вольфсона: «Господа, не обращайтесь вниманія. Господинъ Волькенштейнъ немного того... Онъ никогда не пьетъ, а сегодня выпилъ; немудрено, что ударило въ голову, это бываетъ»—и гости зашевелились, заговорили на разные лады.

Несмотря на то, что выходъ былъ найденъ, пиршество

однако жъ было нарушено, и гости чувствовали себя не по себѣ и послѣшили разойтись по домамъ.

ГЛАВА XXI,

послѣ которой автору придется распроститься съ читателемъ.

На одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга, на подъѣздѣ виднаго дома бросается въ глаза ярко горящая, хорошо вычищенная мѣдная доска съ надписью «Докторъ Савицкій». И, конечно, читатель, если онъ не слѣпой, замѣтитъ эту доску, и навѣрное у него явится мысль, ужъ не сынъ ли это Содомена-философа? Что-жъ, тутъ скрывать нечего, это дѣйствительно онъ. Больше полугода какъ онъ ужъ тутъ живетъ. У него прекрасная квартира, обстановка прелесть что такое—восемь тысячъ рублей стоитъ.

Правда, на восемь тысячъ такъ шикарно не обставить всей квартиры и такъ обставлены только двѣ комнаты: приемная и кабинетъ, а вся остальная квартира такъ себѣ, но за то приемная и кабинетъ дѣйствительно шикарны. Нужно совѣмъ не имѣть ни стыда, ни совѣсти, чтобы, увидѣвъ такую обстановку, положить на столъ рублику.

Есть-ли у доктора Савицкаго практика? Что вы, Господь съ вами, вы, значить, совершенно Петербурга не знаете—въ полгода вы хотите обвестись въ Петербургъ практикой. Если въ Петербургѣ годика черезъ два-три приобрѣтете практику, и то благодарите Бога. Но ручаюсь вамъ головой, что у доктора Савицкаго будетъ практика и хорошая, а можетъ быть и блестящая. Онъ тонко знаетъ свое дѣло и ведетъ его артистически. У него какая, то особенная, совершенно новая система лѣченія, которая называется такимъ мудренымъ именемъ, что простому смертному и не выговорить ее, а женщины тѣ отъ него просто въ восторгѣ; а женщины въ Петербургѣ главное. То есть вы понимаете, что я хочу сказать?—Я хочу сказать, что, если вы въ Петербургѣ на какомъ

бы то ни было поприщѣ хотите завоевать себѣ прочное положеніе, популярность, то постарайтесь только задобрить женщинъ. Будетъ вамъ и слава, и деньги, и все. Даже въ литературѣ, на что ужъ кажется дѣло могло бы обойтись безъ женщинъ—а всетаки, если не сумѣете понравиться литературнымъ дамамъ, то дѣло ваше плохо, а ужъ въ медицинской практикѣ безъ женщинъ ни шагу. Онѣ устанавливають ре-номэ доктора, создаютъ ему престижъ; воскрешайте вы хотя мертвыхъ, но если вы не успѣли заручиться благосклонностью дамъ, вы погибли—таковъ ужъ Петербургъ. Да я думаю и вездѣ то же самое, потому что люди вездѣ изъ одной глины сдѣланы.

Значить, докторъ Савицкій женился таки на дочери Вольфсона? ну, само собою. Вы полагаете, что онъ дуракъ и по-смотреть на какіе-то глупые разговоры, на мнѣніе такихъ чудаковъ, какъ его отецъ и шуринъ Волькенштейнъ. Все то, что они говорятъ, быть можетъ, и возвышенно и благородно, но вѣдь жизнь это не игра въ благородство, это—борьба за существованіе; и развѣ человекъ, который не гре-зить, не мечтаетъ, а живетъ, дѣйствуетъ, развѣ такой че-ловѣкъ можетъ на это обращать вниманіе? Докторъ Савицкій не только женился, но и сполна получилъ свои двадцать пять тысячъ приданого, чтó ужъ было совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ и для Вольфсона, который никогда и не думалъ такъ аккуратно съ нимъ расчитаться.

Дѣло въ томъ, что передъ свадьбой Вольфсонъ далъ доктору наличными всего только десять тысячъ, а на остальные выдалъ ему векселя съ полной увѣренностью, что заплатитъ по нимъ только послѣ пришествія Мессіи. И вотъ мѣсяца черезъ четыре послѣ свадьбы зять пишетъ своему тестю, что нельзя ли, тещюшка, получить съ васъ по векселямъ. Тесть отвѣчаетъ зятю очень длиннымъ письмомъ, въ которомъ онъ жалуется на дѣла вообще, а на свои въ особенности. Его дѣла, видите ли, по стеченію разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ совершенно неожиданно приняли очень дурной оборотъ, вслѣд-ствіе чего онъ въ ближайшемъ будущемъ лишень возможности

уплатить по векселямъ. Докторъ написалъ вторичное очень короткое письмо, въ которомъ онъ его всепокорнѣйше просилъ немедленно же уплатить по векселямъ, при чемъ въ видѣ примѣчанія добавилъ, что тестю, по всей вѣроятности, извѣстно, что вексель это такой документъ, который не требуетъ комментаріевъ, а уплаты. Въ отвѣтъ на это докторъ получилъ другое, еще болѣе пространное письмо, изъ котораго слѣдовало, что Вольфзонъ не прочь войти съ докторомъ въ очень продолжительную переписку, но что платить по векселямъ онъ вовсе не думаетъ. Тогда докторъ безъ всякихъ разговоровъ взялъ векселя, передалъ ихъ присяжному повѣренному, а тотъ въ свою очередь передалъ ихъ нотаріусу, который немедленно же послалъ Вольфзону повѣстку и Вольфзонъ заблагорасудилъ сейчасъ же внести деньги и взять свои векселя обратно. Но вы, можетъ быть, думаете, что послѣ этого между зятемъ и тестемъ произошелъ полнѣйшій разрывъ—ничуть ни бывало. Напротивъ, такая дѣловитость и рѣшительность въ зятѣ тестю очень понравилась, и въ его глазахъ докторъ выигралъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ процентовъ. Онъ только рѣшилъ, что другой разъ, нужно быть осторожнѣе съ «обѣщаніями».

Съ моей стороны было бы въ высшей степени невѣжливо, если-бъ я не упомянулъ о докторшѣ, но что, спрашивается, о ней сказать? Она—докторша. Нельзя сказать, чтобы она себя считала очень счастливой. Она думала, что всегда, когда она будетъ ходить съ мужемъ по улицѣ, то солдаты передъ ними будутъ вытягиваться и отдавать честь, а мужъ вдругъ взялъ да и снялъ военную форму,—это ей очень не нравилось. Разочаровалась она еще и въ томъ, что до пріѣзда въ Петербургъ она думала, что въ Петербургѣ она съ утра до вечера будетъ ходить по театрамъ, гуляньямъ, баламъ, магазинамъ и закупать всевозможныя принадлежности моды, а на дѣлѣ оказалось, что ея мужъ не только не былъ расположенъ все время проводить съ нею по театрамъ и гуляньямъ, но положительно былъ противъ того, чтобы очищать петер-

бургскіе магазины отъ всякой дряни. Онъ былъ человекъ расчетливый, очень расчетливый.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы она была и несчастлива. У нея прекрасная рояль, на которой она очень мило играетъ романсы, а если ей музыка надобдается, то она беретъ за романы Ксавье-де-Монтенена. Русскихъ романовъ она не любитъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, а она любитъ, чтобы отъ романа у нея волосы дыбомъ поднимались, а герои и героини чтобы ходили головою внизъ, а ногами вверхъ, чего въ русскихъ романахъ никогда не бываетъ, а если что-нибудь подобное и бываетъ, то это ужъ обязательно краденое.

Какъ поживаетъ Соломонъ?—Да такъ и живетъ, какъ живетъ «еврейское изгнаніе».

Все тамъ же?—Ну, конечно... Хотѣлъ было его Волькенштейнъ перетащить на другую квартиру, но онъ не захотѣлъ; привыкъ, говорить. Онъ теперь только меньше работаетъ, потому что возвратился со службы его сынъ, да и при помощи Волькенштейна ему удалось вырваться изъ кабалы своего хозяина. Онъ теперь работаетъ самъ на себя, то есть, купить товаръ, сошьетъ что-нибудь, а потомъ продаетъ—гораздо выгоднѣе. Такъ какъ у него теперь гораздо больше свободного времени, то онъ интересуется политикой, въ которой его, главнымъ образомъ, занимаютъ буры и боксеры. Что ему въ нихъ нравится, это то, что они хорошо дерутся.

Гитль, разумѣется, кричитъ по прежнему, но теперь она очень занята подысканіемъ невесты для своего сына-солдата. Она хочетъ имѣть по крайней мѣрѣ хоть одну невестку по душѣ. Жена доктора ей вовсе не нравится. Слишкомъ она ужъ, по ея мнѣнію, задираетъ носъ и совершенно забываетъ, что, если-бъ Гитль родила сына, то ей бы чего добраго пришлось сидѣть въ дѣвкахъ до сѣдыхъ волосъ.

А что же съ Ревеккой?—Съ ней—вы теперь не шутите. Она такъ сумѣла обойти Вольфсона, что тотъ далъ ей пять тысячъ рублей, на которыя она открыла галантерейный магазинъ. Торговля у ней идетъ прекрасно, она сама завѣ-

дуетъ дѣломъ, и мужъ у нея не больше какъ нѣчто въ родѣ старшаго прикащика. У ней ужъ даже бутузикъ имѣется, славный такой мальчишка! Правда, родился онъ какъ будто и не во-время, ну такъ и нельзя же отъ такой крошки и требовать, чтобы онъ хорошо зналъ ариметику, съ него достаточно и того, что онъ родился.

Съ самимъ Вольфсономъ, конечно, ничего случиться дурного не могло, и онъ по прежнему благодѣтельствуетъ бѣднымъ людямъ. Теперь только онъ ужъ не такой горячій сіонистъ, какъ прежде, и говорить, что во всякомъ движеніи все дѣло портятъ такіе сумасброды, какъ Волькенштейнъ, которые всегда отличаются фанатической нетерпимостью. А онъ человекъ толерантный.

Значитъ все благополучно?—Совершенно благополучно. Въ такомъ случаѣ я могу и кончить.

Ахъ, Богъ ты мой, чуть было не влопался въ исторію, за которую иные сіонисты могли бы меня посадить на скамью подсудимыхъ, забывъ сказать, что съ Волькенштейномъ и Саррой. Да только что про нихъ сказать?—Живутъ между собою прекрасно. Сарра употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы догнать своего мужа въ образованіи и развитіи и очень ревностно, при помощи мужа, учится. Удастся ли ей догнать мужа—это, конечно, Богу извѣстно, но что она не будетъ безграмотной бабой—то это ужъ вѣрно.

Самъ Волькенштейнъ, конечно, по прежнему много пишетъ, ведетъ борьбу съ ортодоксами, которыхъ ужасно тревожить «культурія», не даетъ онъ подачки и интеллигенціи, да и сіонистовъ онъ не гладитъ по головкѣ. И недавно нѣкоторые сіонисты объявили его чуть-ли не измѣнникомъ за то, что онъ въ одной изъ своихъ статей выразился, что устраивать факельцуги съ сіонистскими знаменами—еще не значить что-нибудь дѣлать для идеи возрожденія еврейскаго народа, потому что народъ не въ знаменахъ да и не во фразахъ.

Н. Пружанскій.

К О Н Е Ц Ъ.

По промышленной чертѣ осѣдлости

(Путевые наброски).

Продолженіе ⁴⁾.

VI. Фабричныя мѣстечки бѣлостонскаго района.

А. Мѣстечко Городокъ. Паровыя суконныя фабрики съ преобладаніемъ еврейскихъ рабочихъ. Мелкій характеръ ихъ. Ручное ткачество, какъ преобладающій мѣстный промыселъ. Условія труда ткачей. Недостатокъ работы. Работа малолѣтнихъ. Школа и хедеры. Мѣстечко Васильковъ. Упадокъ его промышленности.

Мѣстечки Гродненской губерніи, тяготеющія къ Бѣлостоку, принимаютъ дѣятельное участіе въ промышленности бѣлостокскаго района. Нѣкоторыя органически срослись съ нею, и говоря о суконной промышленности этого края, трудно обойти молчаніемъ наиболѣе типичныя изъ нихъ.

Одни изъ мѣстечекъ въ настоящее время сильно развиваются и пользуются заслуженной извѣстностью въ промышленномъ мірѣ; другія же, не выдержавъ борьбы за свое промышленное существованіе съ болѣе сильными соперниками, доживаютъ лишь послѣдніе дни.

Если вы спросите въ Бѣлостокѣ, какое изъ окрестныхъ мѣстечекъ наиболѣе развито въ промышленномъ отношеніи, вамъ непремѣнно назовутъ Городокъ, Крынки, Васильковъ и Заблудово. И дѣйствительно, мѣстечки эти своимъ оживленнымъ промышленнымъ характеромъ, сильно отличаются отъ обычныхъ еврейскихъ мѣстечекъ.

Уже при приближеніи къ Городку ⁵⁾ рѣзко бросаются въ

---

⁴⁾ См. „Кн. Восхода“ № 7 с. г.

⁵⁾ Это мѣстечко расположено на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ станціи Валиль Полѣскихъ ж. д.

глаза красныя зданія съ высокими желѣзными трубами локо-мобилей. Это—мѣстные суконныя фабрики, группирующіяся преимущественно вдоль рѣчки Супрасли. Ихъ насчитываютъ здѣсь до 13. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ всѣ отдѣленія: прядильныя, ткацкія, красильныя и апретурныя; другія же состоятъ либо изъ исключительно прядильныхъ, либо изъ ткацкихъ. Всѣ эти предпріятія—преимущественно мелкія фабрики, не имѣющія двигателей выше 25 лошадиныхъ силъ. Число рабочихъ на самой крупной изъ нихъ не превышаетъ 60 человѣкъ; на нѣкоторыхъ же прядильныхъ можно встрѣтить не болѣе 10 человѣкъ рабочихъ.

Рабочіе на этихъ фабрикахъ — евреи и христіане. Первыхъ больше. Изъ 400 приблизительно фабричныхъ рабочихъ евреевъ—300. Они заняты, преимущественно, ручными работами и составляютъ главный контингентъ ручныхъ ткачей на ручныхъ ткацкихъ фабрикахъ. Попадаются также еврей-рабочіе и при машинахъ. Такъ, въ прядильныхъ отдѣленіяхъ фабрикъ гг. Л. и К. работаютъ исключительно евреи. По субботамъ они не работаютъ, и ихъ машины либо стоятъ въ этотъ день, либо на нихъ работаютъ ихъ христіанскіе коллеги. По воскресеньямъ качегаровъ христіанъ замѣняютъ евреи.

Этотъ смѣшанный составъ рабочихъ (евреи и христіане) на фабрикахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе механическими двигателями, какъ я уже упоминалъ ¹⁾, вызываетъ потребность работать при неполномъ составѣ рабочихъ 2 дня въ недѣлю, субботу и воскресенье. Причина убытки предпринимателю, такой порядокъ является вмѣстѣ съ тѣмъ крайне неудобнымъ и затруднительнымъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ можетъ быть терпимымъ лишь на такихъ мелкихъ и примитивно ведущихся предпріятіяхъ, каковы упомянутыя городокскія фабрики. Сами хозяева вмѣстѣ съ практикомъ-мастеромъ ведутъ все дѣло. Этотъ мастеръ не получаетъ больше 10—15 руб. въ недѣлю. Хозяинъ живетъ тутъ же возлѣ фабрики. Машины — старыя, дешевыя. Фабричныя зданія—дешевыя и плохія—поразительно похожи другъ на друга. Хозяева, ведущіе дѣла, въ большинствѣ случаевъ—ортодоксальные евреи. Во время кризиса почти

¹⁾ См. „Кн. Восхода“ № 4, стр. 147.

всѣ предпріятія принуждены были остановиться, т. е. большею частью держались исключительно кредитомъ. Нѣкоторыя изъ предпріятій не имѣютъ собственныхъ зданій и двигателей, а арендуютъ у другихъ. Сырье приобрѣтается въ Бѣлостокѣ, а готовый товаръ сбывается также при посредствѣ бѣлостокскихъ комиссіонеровъ и агентовъ. Уходъ за малосильными локомотивами порученъ исключительно простымъ кочегарамъ-чернорабочимъ. Санитарныя условія работы также оставляютъ желать многого. Какъ и бѣлостокскіе мелкіе предприниматели, городскіе фабриканты избѣгаютъ брать еврейскихъ мастеровъ изъ боязни конкуренціи со стороны послѣднихъ.

На ряду съ фабриками, приводимыми въ дѣйствіе механическими двигателями, въ Городкѣ особенно сильно распространено въ еврейскомъ рабочемъ населеніи ручное ткачество. Ручные ткачи работаютъ, какъ въ мѣстныхъ ткацкихъ заведеніяхъ, такъ и у себя по домамъ. Среди предпринимателей этихъ ткацкихъ попадаются „фабриканты“, т. е. предприниматели, закупающіе пряжу и продающіе затѣмъ выработанный товаръ, и „лонкетники“, т. е. исполняющіе лишь ткацкую работу по заказу „фабрикантовъ“.

Крупныхъ ткацкихъ, принадлежащихъ „фабрикантамъ“, имѣющихъ до 30 станковъ и дѣлающихъ до 60 тыс. руб. обороту, немного въ Городкѣ: ихъ всего нѣсколько; преобладаютъ же мелкія ткацкія въ 6—8 станковъ, дѣлающія годовой оборотъ въ 12—15 тыс. руб. Такихъ ткацкихъ насчитываютъ въ Городкѣ около 8. Столько же приблизительно имѣется ткацкихъ, принадлежащихъ лонкетникамъ. Лишь одинъ лонкетникъ имѣетъ ткацкую въ 20 станковъ; кромѣ того, можно насчитать значительное количество ткачей, работающихъ у себя на дому съ однимъ или двумя подмастерьями, изъ чужой пряжи или изъ своего матеріала, покупаемаго тутъ же въ прядильняхъ.

Во всѣхъ этихъ ткацкихъ въ качествѣ ткачей попадаютъ юноши не старше 20 лѣтъ. У лонкетниковъ и самостоятельныхъ ткачей они выучиваются работать и затѣмъ уже или поступаютъ въ болѣе крупныя ткацкія фабрики или приобрѣтаютъ сами ткацкіе станки, дѣлаясь самостоятельными.

Эта самостоятельность приобрѣтается ими обыкновенно уже послѣ женитьбы, когда полученное небольшое приданое даетъ

возможность снять болѣе просторное помѣщеніе и приобрести нѣсколько ткацких станковъ.

Въ мелкихъ ткацкихъ очень сильно распространены трудъ малолѣтнихъ, поступающихъ къ ткачу-хозяину въ ученье на нѣсколько лѣтъ. Рабочій день здѣсь очень продолжителенъ: обыкновенно работаютъ съ 8 утра до 10 или 11 часовъ ночи. Если вычесть время на обѣдъ, завтракъ, ужинъ, молитвы, то чистыхъ рабочихъ часовъ остается — 14 — 15. И за такой рабочий день взрослый ткачъ можетъ выработать отъ 8—9 руб. въ нед. Заработная плата выплачивается сдѣльно, съ количества выработаннаго товара.

Столь же продолжительное время работаютъ часто малолѣтніе ткачи, въ возрастѣ 15—16 лѣтъ, а также дѣвушки, начиная съ 12—14 лѣтъ, вырабатывающія въ качествѣ шпульницъ въ недѣлю отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к.

Несмотря на эти тяжелыя условія работы, предложеніе рабочихъ рукъ, въ послѣднее время, въ виду разразившагося надъ бѣлостокскимъ райономъ кризиса — сильно превышало спросъ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ изъ 500 ручныхъ станковъ работало лишь около 50. Бѣдствіе, которому при наступленіи кризиса подверглось населеніе, жившее исключительно ткацкимъ промысломъ, не поддается описанію. По словамъ мѣстныхъ учителей и меламедовъ, являвшіяся учиться голодные дѣти приводили ихъ въ отчаяніе. Многія семьи дѣлились послѣдними кусками хлѣба. Въ это время изъ Городева значительное количество ткачей эмигрировало въ Америку, не дождавшись оживленія въ работѣ, наступившаго лишь въ концѣ прошлаго года.

Желаніе заработать хоть что-либо было такъ сильно въ средѣ ткачей, что они дѣлились работой. Такъ, въ ткацкой одного лонкетника, имѣвшаго 2 станка, на одномъ изъ нихъ работали двое юношей-ткачей, распредѣлившихъ между собой пополамъ рабочий день въ 17 часовъ (съ 6 до 11): одинъ изъ нихъ работалъ съ утра до 2-хъ, другой же — остальное время. Вместе они зарабатывали 9 руб. въ нед. и каждому приходилось 4 р. 50 к. за нед. У этого же лонкетника шпульница вырабатывала 1 р. 50 к. въ недѣлю.

Въ сравненіи съ Бѣлостокомъ жизненные припасы въ Го-

родѣ дорожѣ, т. к. продукты первой необходимости привозятся изъ Вѣлостока-же. Жизнь рабочаго населенія Городека — это сплошной упорный и тяжелый трудъ. Работаютъ здѣсь все члены семьи, работаютъ въ потѣ лица, до поздней ночи. Проходя послѣ 10-ти часовъ ночи по темнымъ и кажущимся снаружи заснувшимъ улицамъ—вы часто еще слышите однообразные удары ткацкаго станка. Загляните во внутрь, и вы увидите тѣсную, скудноосвѣщенную комнату, заставленную ткацкими станками—этой единственной мебелью ткача, за которыми работаетъ самъ ткачъ съ сыномъ, ученикомъ или наемнымъ работникомъ. Тутъ же за шпульней работаетъ нерѣдко дѣвочка не старше 12 лѣтъ. Въ спертomъ, душномъ воздухѣ этой ткацкой, насыщенномъ испареніями теплаго клея и пота, непривычному становится трудно дышать, и вы торопитесь поскорѣй уйти отсюда на вольный, свѣжій воздухъ.

Преобладающій промыселъ населенія — ручное ткачество. Съ раннихъ лѣтъ даже дѣти начинаютъ жить интересами труда взрослыхъ членовъ семьи: слова: „Schuss“ (утокъ) и „Kette“ (основа) не сходятъ съ ихъ дѣтскихъ устъ. Эти слова имѣютъ для нихъ конкретное, реальное значеніе. Съ ними связано представленіе объ утомительномъ долгомъ трудѣ въ то время, когда такъ неудержимо тянетъ на волю, порываться въ кругъ сверстниковъ.

До сихъ поръ носятъ въ моемъ воображеніи эти неподѣтски серьезные лица; какъ живые встаютъ передъ глазами эти маленькіе старички, которые по выраженію поэта „лѣтами юноши, душою старики!“

Еврейскія дѣти черты осѣдлости не могутъ не поразить всякаго непривычнаго наблюдателя своей слишкомъ рано развивающейся самостоятельностью и не дѣтской серьезностью. Помните мнѣ, однажды я ѣхалъ по Полѣск. ж. д. Свѣтало. Въ вагонѣ полудремала толпа евреевъ. Холодный октябрьскій вѣтеръ заставлялъ крѣпче прихлопывать двери вагона и глубже уходить въ драповое пальто. Подобно большинству пассажировъ, я также находился въ полу-дремотѣ. Изъ этого состоянія меня вывелъ дѣтскій пѣвучій голосъ. Оглянувшись, я замѣтилъ маленькаго худенькаго мальчика, плохо одѣтаго, дрожавшаго отъ холода и что-то быстро-быстро говорившаго сидѣвшимъ

преспokoйно пассажирамъ. Я началъ прислушиваться; изъ объясненій мальчика я понялъ, что онъ просить на билетъ и что съ нимъ что-то случилось въ пути. Изъ его дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что онъ направлялся изъ Бобруйска въ Слонимъ. Въ Бобруйскѣ у него скончался отецъ, портной, и родственники, давъ ему 50 коп. на дорогу, отправили его къ дядѣ въ Слонимъ. Но денегъ не хватило на билетъ, и юному путешественнику ничего не оставалось, какъ спрятаться въ вагонъ подъ лавкой. Голодный и утомленный пережитыми тревогами — онъ заснулъ подъ скамьей и проснулся уже въ Варшавѣ, проѣхавъ Бѣлостокъ, гдѣ ему необходимо было пересѣсть на Полвскія ж. д. Что оставалось ему дѣлать? Онъ возвращается снова, крадучись, залѣзаетъ подъ скамьи и вымаливаетъ у пассажировъ на билетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кондукторъ, замѣтивъ его, грозитъ выбросить на первой промежуточной станціи. Въ такомъ постоянномъ страхѣ ему удалось, наконецъ, добраться до Бѣлостока и пересѣсть на поѣздъ, который долженъ былъ, наконецъ, доставить его въ Слонимъ. Этому юному скитальцу было всего 9 лѣтъ.

Въ его сужденіяхъ сильно чувствовались рано пробудившіяся заботы о себѣ и о маленькой сестренкѣ, которую пріютили добрые люди послѣ смерти чахоточнаго отца.

Онъ отправлялся къ своему дядѣ, также портному, который, по его словамъ, обязанъ ему помочь и научить ремеслу. Намъ пришлось вмѣстѣ проѣхать нѣсколько станцій. Мой маленький спутникъ непрерывно болталъ и все расспрашивалъ меня о китайской войнѣ и о томъ, куда дѣваетъ государь деньги, которыхъ онъ можетъ изготовлять, сколько ему угодно...

Рабочее населеніе Городка, какъ и другихъ промышленныхъ мѣстечекъ, уступаетъ въ своемъ развитіи бѣлостокскому. Большинство изъ нихъ не говоритъ на другомъ языкѣ, кромѣ жаргона. Учились они въ дѣтствѣ очень мало въ хедерѣ, т. е. нужда въ заработкѣ заставляла братья за работу въ самомъ раннемъ возрастѣ. Среди юнаго поколѣнія рѣдко встрѣчаются такіе, которые знали бы „талмудъ“, тогда какъ прежнія поколѣнія ткачей еще теперь посвящаютъ свободное отъ работы время (ночью, по субботамъ) «ученью». Рабочее движеніе здѣсь слабѣе развито, нѣжели въ Бѣлостокѣ, хотя отношенія между

фабрикантами и евреями-рабочими постоянно натянуты и обострены.

Въ дѣлѣ просвѣщенія еврейской массы большую услугу оказываетъ мѣстный учитель начальнаго однокласснаго училища г. В. и меламедъ новѣйшей формациі Э. Послѣдній завелъ *образцовый* хедеръ, въ которомъ обучается 17 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 11 лѣтъ. Онъ завелъ разумный методъ преподаванія, но новѣйшимъ руководствамъ: дѣти его плавно и легко своими словами пересказываютъ по древне-еврейски прочитанное въ библии, описываютъ на древне-еврейскомъ же языкѣ различныя событія своей жизни, напр. какъ проводили праздники и т. п. Просторная, свѣтлая комната „хедера“, увѣшанная портретами Герца и Нордау, по вечерамъ служитъ клубомъ для мѣстной болѣе интеллигентной трудовой молодежи. Здѣсь выписываются еврейскіе органы, главнымъ образомъ, сіонистскіе, и дебатировуются всѣ міровые вопросы, дошедшіе до этого уголка еврейскаго труда.

Этотъ реформированный меламедъ, занимающійся съ такою любовью въ своемъ образцовомъ хедерѣ, былъ прежде ткачемъ. Послѣ окончанія періода «кестъ» онъ вынужденъ былъ учиться ткацкому ремеслу, въ которомъ проработалъ нѣсколько лѣтъ; но постоянный недостатокъ въ работѣ побудилъ его бросить это занятіе, сдать экзаменъ на меламеда и открыть образцовый хедеръ. Теперь онъ зарабатываетъ до 200 руб. въ семестръ и весьма доволенъ своимъ положеніемъ.

Однако отрадное впечатлѣніе, вынесенное изъ посѣщенія описаннаго хедера, покидаетъ васъ при входѣ въ одинъ изъ многочисленныхъ еще въ Городкѣ *традиционныхъ* хедеровъ. При тускломъ свѣтѣ маленькаго фитиля, торчавшаго изъ погнутой баночки съ керосиномъ, въ грязной и низкой комнатѣ, душной и затхлой, раскачивалось 15 еврейскихъ мальчиковъ, худенькихъ и блѣдныхъ, казавшихся въ этомъ полумракѣ скорѣе тѣнями, нежели живыми существами. За однимъ столомъ нѣкоторые ученики писали. Они буквально лежали головками на тетрадахъ: до того темно было. И въ этой обстановкѣ сидитъ большинство этихъ маленькихъ мучениковъ, лишенныхъ крови и мускуловъ, съ 9 утра до 7 час. вечера, слушая постоянно тоскливый напѣвъ своего сгорбленнаго, худого и жалкаго

„ребѣ“, дрожащаго при входѣ всякаго незнакомаго лица, въ которомъ онъ подозрѣваетъ «начальство».

Приблизительно таковъ же строй экономической жизни другаго промышленнаго мѣстечка, Василькова, насчитывающаго до 5 тыс. жителей и расположеннаго на разстояніи 7 верстъ отъ Бѣлостока. Здѣсь тѣ же грязныя и мелкія фабрички, арендующія въ большинствѣ случаевъ помѣщенія и силу, тѣ же примитивныя способы работы, тѣ же старыхъ типовъ машины. Благодаря той же рѣчкѣ Супрасли, протекающей въ Васильковѣ, есть возможность открывать здѣсь апретурныя, красильныя и шерстомойни. Но послѣднихъ не много, какъ и вообще фабричныхъ предпріятій. Въ октябрѣ прошлаго года въ Васильковѣ насчитывали прядильную, апретурную и красильную г. Ш., фабрику искусственной шерсти г. Л., апретурную г. Б. и красильную и шерстомойню г. П. и нѣсколько ручныхъ ткацкихъ, изъ которыхъ самая большая имѣла 17 станковъ. *Настѣхъ этихъ фабрикахъ евреи заняты лишь при ручныхъ работахъ.*

Вслѣдствіе кризиса нѣкоторыя изъ этихъ немногочисленныхъ предпріятій принуждены были остановиться. Вообще съ каждымъ годомъ промышленность Василькова падаетъ, число фабричныхъ предпріятій все болѣе и болѣе рѣдѣетъ... Будучи вынуждены пріобрѣтать сырье и сбывать свои товары черезъ посредство бѣлостокскихъ конторъ, Васильковъ не въ состояніи конкурировать съ Бѣлостокомъ, съ которымъ онъ соединенъ семиверстной проселочной дорогой, крайне неудобной для перевозки товаровъ и въ особенности въ дождливую погоду. Для успѣха какого-либо предпріятія важно, чтобы всѣ производства, нужныя для фабрикаціи того или иного завода, а также предпріятія, заботящіяся о пріобрѣтеніи сырья и сбытѣ готовыхъ издѣлій, были сконцентрированы въ одномъ мѣстѣ, и для суконной фабрики въ этомъ отношеніи лучшимъ мѣстомъ является Бѣлостокъ.

Необходимость бывать постоянно въ Бѣлостокѣ для коммерческаго веденія своихъ фабрикъ заставляеть васильковскихъ предпринимателей жить въ Бѣлостокѣ и имѣть тамъ свои склады товаровъ.

Въ Васильковѣ также преобладаетъ въ рабочемъ населеніи

ручное ткачество; до 30 ткачей имѣеть по 2 ткацкихъ станка, на одномъ изъ конѣ работаетъ сынъ или наемный ткачъ. Они работаютъ либо изъ собственной пряхи и затѣмъ продаютъ суровье, либо за плату (Lohn). Нѣкоторые изъ ткачей имѣють собственные домики, состоящіе изъ одной комнаты и кухни. Существуютъ также нѣсколько болѣе крупныхъ ткацкихъ, принадлежащихъ «фабрикантамъ» и лонкетникамъ.

И здѣсь, какъ и всюду въ Бѣлостокскомъ районѣ, предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ, эмиграція въ Америку не приостанавливается, жалобы на отсутствіе средствъ къ жизни раздаются все громче и громче...

Отсутствіе благоустройства въ этомъ мѣстечкѣ бросается въ глаза, какъ только вы въѣзжаете въ него: улицы—немощенные, и грязь—непролазная; училищъ нѣтъ и дѣти обучаются въ традиціонныхъ жалкихъ хедерахъ, систематически убивающихъ ихъ и безъ того слабыя силы. Въ этомъ грязномъ мѣстечкѣ бѣдность и невѣжество заключили очевидно тѣсный союзъ для того, чтобы сообща вести еврейскую массу по пути физическаго и моральнаго вырожденія.

Рано утромъ по ухабистой дорогѣ я уѣзжалъ изъ Василькова. Въ моемъ воображеніи проносились недавно видѣнныя невеселыя картины. Всѣ слышанныя мною жалобы, сѣтованія, какъ самой массы, такъ и болѣющей за нее душой интеллигенціи—все сводилось къ одному—къ молебнѣ о работѣ. Народъ имѣеть лишь одно доминирующее желаніе—работать. Но противъ этого желанія ополчилось все: историческія условія его существованія, оторвавшія его отъ земли, неумолимый суровый законъ, сославшій его въ города и мѣстечки, его собственная религія, наградившая его праздничнымъ *субботнимъ* днемъ, исключившимъ всякую возможность принимать участіе въ общемъ фабрично-заводскомъ трудѣ, система воспитанія, слишкомъ рано и сильно развивающая отвлеченную умственную дѣятельность, не находящую себѣ примѣненія въ практической жизни. Обездоленная среди обездоленныхъ еврейская масса жестокой судьбой удерживается вдали отъ прогресса современнаго труда, единственно способнаго вывести ее на путь сноснаго существованія.

Въ этихъ глухихъ мѣстечкахъ культурные дѣятели такъ-

рѣдки! Вѣянія современности робко, крадучись проникаютъ въ изстрадавшееся сознание хронически голодающей массы, встрѣчаясь постоянно съ властной и вліятельной тяжелой рукой еврейской ортодоксіи. Слабый физически, неспособный къ оригинальному самостоятельному труду, но глубокий знатокъ еврейской мудрости—таковъ идеаль, который такъ ретиво защищается большинствомъ мѣстечковыхъ раввиновъ. Но жизнь не ждетъ и шагъ за шагомъ этотъ идеаль дѣлается все менѣе и менѣе достижимымъ.

Въ молодомъ поколѣніи уже гораздо рѣже встрѣчаются талмудисты, берущіеся за ткацкій станокъ, и ткачи, возвращающіеся къ бесѣ-медрашу и меламедству. Приученное съ дѣтства къ ремеслу, къ производительному труду—это молодое поколѣніе знаетъ лишь одинъ жизненный путь—это путь труда. Но путь этотъ вопреки условіямъ развитія, замѣчательнымъ у другихъ народовъ, не расширяется для еврейской массы, а суживается, превращается въ тѣсную едва замѣтную тропинку, нѣкогда, въ старыя времена, протоптанную и постепенно заростающую бурьяномъ...

Б. Кожевенное производство мѣстечка Крынки Гродненск. губерніи.

Еврейскіе кожевенные заводы. Мокрая и сухая обработка кожъ. Неудовлетворительное санитарное состояніе заводовъ. Сибирская язва. Посадческія заведенія. Рабочіе—кожевники. Мастера-посредники. Заработная плата. Условія жизни рабочихъ. Стремленіе къ образованію. Кавказъ. Развитіе кожевеннаго производства въ Крынкахъ. Исторія возникновенія кожевеннаго производства въ Крынкахъ. Потребность въ подъѣздномъ пути.

Мѣстечко Крынки, расположенное на разстояніи 20 верстъ отъ станціи Соколка Спб.-Варш. ж. д., славится своимъ кожевеннымъ производствомъ. Здѣсь находятся въ дѣйствиіи въ настоящее время 14 кожевенныхъ заводовъ, 8 такъ называемыхъ «посадческихъ» заведеній, или «валкарень»¹⁾ и нѣсколько мастерскихъ, изготовляющихъ изъ обрѣзковъ кожъ кошельки.

¹⁾ Въ этихъ заведеніяхъ выкроенныя части кожъ получаютъ ту форму, въ которой онѣ идутъ въ продажу.

Всѣ эти заводы, работающіе безъ паровыхъ двигателей ¹⁾, заняты выдѣлкой изъ конскихъ шкуръ такъ называемаго гамбургскаго товара, т. е. кожъ, идущихъ исключительно на обувь, какъ-то: шагренѣ, платъ (для голенищъ), лапы (худшіе сорта, идущіе на тѣ части сапога, гдѣ не нужно класть хорошій товаръ), шпигель (идущій на подъемы сапогъ и штиблетовъ), а также и другіе сорта.

Въ теченіе года въ Крынкахъ перерабатывается до 250.000 конинъ на сумму до 1½ милл. рублей. Населенія насчитывается до 6000 душъ. Мѣстечко расположено въ центрѣ густо-населенныхъ деревень и сель, ведущихъ съ нимъ оживленную торговлю продуктами домашняго обихода: солью, керосиномъ, сельдями, мукой, желѣзомъ и т. п. продуктами, прибывающими сюда въ значительныхъ количествахъ черезъ ст. Соколка.

Изъ всѣхъ 14 заводовъ лишь 4 имѣютъ такъ называемыя «мокрыя» отдѣленія; остальные же заняты сухой обработкой кожъ. Чтобы уяснить себѣ лучше условія труда на кожевенныхъ заводахъ мѣстечка Крынокъ, мы коснемся въ общихъ чертахъ практикуемыхъ на нихъ процессовъ. Въ «мокромъ» отдѣленіи шкуры подвергаютъ обработкѣ въ *мочильныхъ*, *зольныхъ* и *дубильныхъ* чанахъ. Въ мочильныхъ чанахъ шкуры подвергаются промывкѣ съ цѣлью удаленія грязи, крови и т. п., а также для размягченія. Послѣ того, какъ шкура пролежитъ въ чану около недѣли, рабочій вынимаетъ ее и, накладывая на деревянную колодку, соскабливаетъ острымъ ножомъ мясистыя части, сало и подкожный слой, — т. н. *мяздру*. Затѣмъ кожу готовятъ къ удаленію съ нея волоса, для чего ее погружаютъ въ такъ назыв. *зольные* чаны, т. е. чаны, наполненные известковымъ растворомъ или другимъ щелокомъ. Отъ дѣйствія послѣднихъ кожа разбухаетъ, дѣлается легко проницаемой для жидкостей и тогда уже съ нея нетрудно снять волосъ. Очищенная отъ мяздры и волоса кожа подвергается *дубленію*, т. е. процессу, предохраняющему ее послѣ выдѣлки отъ гніенія и придающему ей мягкость и гибкость ²⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ называются „паровыми“ вслѣдствіе того, что они снабжены паровыми котлами, дающими паръ, необходимый для нагрѣванія жидкостей въ чанахъ.

²⁾ Въ сырой кожѣ волокна переплетаются между собой, но не склеиваются. Поэтому при сгибаніи они легко мѣняютъ свое поло-

Дубленіе на заводахъ въ Крынкахъ производится въ вырытыхъ въ землѣ чанахъ, наполненныхъ растворомъ дубильнаго матеріала (заграничнаго экстракта — «квебрахо-экстрактъ», а также еловой, ивовой и дубовой корой). Въ этихъ чанахъ кожи лежать отъ 7 до 8 недѣль. Для того, чтобы дубильное вещество проникало въ поры кожъ, ихъ перебирають до 3-хъ разъ въ день, т. е. вынимають и снова опускають въ чаны.

Работа въ «мокромъ» отдѣленіи состоитъ такимъ образомъ въ постоянномъ выниманіи и опусканіи кожъ въ чаны дубильные, мочильные и зольные, въ соскабливаніи мясистыхъ частей и волоса со шкуръ, въ насыпаніи измельченной коры, наливаніи и выливаніи воды изъ чановъ, въ перетаскиваніи шкуръ съ одного мѣста въ другое и т. п. Этими работами заняты какъ мужчины, такъ и женщины.

По вынутіи изъ дубильныхъ чановъ кожи сушатся и высушенные уже идутъ въ «сухое» отдѣленіе завода. Специальныхъ сушильных приспособленій нѣтъ на здѣшнихъ заводахъ. Кожи развѣшиваютъ на горизонтальныхъ жердяхъ, подъ потолкомъ отдѣленія, гдѣ производится кройка и отдѣлка кожъ, и сушатся воздухомъ, нагрѣваемымъ простой кирпичной печью.

Въ «сухомъ» отдѣленіи кожи кроются, т. е. изъ нихъ вырѣзываются по опредѣленнымъ шаблонамъ части различной формы, смотря по ихъ назначенію. Послѣ кройки различныя части кожи идутъ въ *отдѣлку*. Въ зависимости отъ сорта кожи и требованій потребителя выкроенныя части кожи подвергаются различнымъ манипуляціямъ: *струганію*, т. е. выравниванію кожи по толщинѣ, *наведенію наката*, т. е. сообщенію кожи неровной, шереховатой поверхности, *окраскѣ*, *жировкѣ*, т. е. смазыванію жирами и т. п. Эти процессы совершаются на крынскихъ заводахъ въ ручную, требуя отъ рабочихъ сильнаго на-

---

женіе, вслѣдствіе чего сырая кожа упруга и не хрупка. Въ высушенной же кожѣ волокна склеиваются и при сгибаніи кожи слипшіяся волокна отрываются другъ отъ друга и разрываются на части, вслѣдствіе чего кожа дѣлается хрупкой. Если же уединить каждое волокно, покрывъ его какимъ-либо веществомъ, то при высушиваніи они не склеятся и при сгибаніи они будутъ отдѣляться другъ отъ друга, придавая кожѣ упругость и мягкость. Вещества, употребляемая для того, называются *дубильными*. Въ качествѣ послѣднихъ употребляются *таннинъ*, *квасцы* и *жиры*. Таннинъ содержится во многихъ растеніяхъ въ корѣ дуба, ели, ивы и др. Онъ закрѣпляется на волокнахъ кожи какъ краска на ткани.

пряженія мускульной силы. Нѣкоторые изъ этихъ процессовъ совершаются на болѣе усовершенствованныхъ заводахъ механическимъ путемъ, благодаря чему рабочіе избавляются отъ тяжелой, изнуряющей ихъ работы.

При струганіи, напр., рабочій кладетъ кожу на гладкую доску, упирается въ послѣднюю грудью и состругиваетъ острымъ стругомъ слои кожи. Работа эта очень тяжела и утомительна. Не легче работа съ *накатомъ*. Накать — это роликъ съ насѣчками. Сильно прижимая его къ кожѣ и вода по послѣдней, рабочій придаетъ ей неровную, бороздчатую, шероховатую поверхность.

На описанныхъ процессахъ заканчивается обработка кожъ собственно на кожевенныхъ заводахъ. Полученный съ нихъ полуфабрикатъ идетъ для окончательной отдѣлки въ особые заведенія, т. е. *посадческія заведенія*, гдѣ прикреонныя уже и готовые части кожъ набиваются на особые колодки для того, чтобы придать имъ форму, необходимую для отдѣльныхъ частей обуви и въ такомъ уже видѣ пустить въ продажу.

Мы видимъ такимъ образомъ въ кожевенномъ производствѣ Крынокъ раздѣленіе труда между тремя группами промышленныхъ предпріятій: 1) заводами, практикующими *мокрой* и *сухой* процессъ выдѣлки кожъ, 2) заводами, имѣющими лишь *сухое* отдѣленіе и 3) *валкарнями* или *посадческими* заведеніями. Вторая группа заводовъ получаетъ полуфабрикаты съ заводовъ первой группы; третья же заканчиваетъ обработку фабрикатовъ первыхъ двухъ группъ. Самый крупный заводъ, принадлежащій г. К.; вырабатываетъ въ недѣлю до 600 кожъ; другой г. Г.— 500 кожъ; три завода по 400; шесть—по 300, а остальные по 100, 150 и 250 кожъ.

На 7 заводахъ имѣются конные приводы, пускающіе въ дѣйствіе толчен, измельчающія кору, нужную для дубильныхъ чановъ. Вся же остальная работа на заводахъ, какъ лучшихъ, такъ и мелкихъ—производится въ ручную при помощи равнообразныхъ ручныхъ инструментовъ. Механическихъ приспособленій, за исключеніемъ упомянутыхъ толчей, совершенно нѣтъ. Работа, требующая высокаго напряженія мускульныхъ силъ, очень тяжела и изнурительна.

Эти свойства работы въ сухихъ отдѣленіяхъ, а также опас-

ность въ смыслѣ зараженія сибирской язвой въ мокрыхъ отдѣленіяхъ кожевенныхъ заводовъ и вообще крайне неудовлетворительное санитарное состояніе послѣднихъ—сдѣлали промыселъ кожевниковъ крайне непопулярнымъ въ средѣ еврейскаго рабочаго населенія.

Фабричныя зданія—низки, сыры. Рабочіе и работницы въ нихъ постоянно обливаются растворами изъ мочильныхъ, зольныхъ и дубильныхъ чановъ. Воздухъ — невыносимо тяжелъ. Вонь отъ кожъ въ связи съ запахомъ дубильныхъ веществъ постоянно наполняютъ эти открытыя сквозному вѣтру сырыя помѣщенія. Работницы, переворачивающія голыми руками кожи, совершенно мокры отъ растворовъ, обливающихъ ихъ во время переворачиванія кожъ. Известковый щелокъ и дубильныя кислоты покрываютъ руки, ноги и части лица рабочихъ и работницъ «вѣяющими ранами» ¹⁾. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ производятся работы, нѣтъ вентиляторовъ; нѣкоторыя же изъ нихъ не что иное, какъ низкіе, грязные сараи. Специальныхъ сушиленъ—нѣтъ, и кожи сушатся въ рабочихъ же помѣщеніяхъ, вслѣдствіе чего воздухъ накаляется отъ печи и пропитывается испареніями отъ кожъ.

Вечерняя работа производится при скудномъ керосиновомъ освѣщеніи. На заводѣ г. Б. я видѣлъ напр., какъ капли жидкостей отъ кожъ, высушиваемыхъ на жердяхъ подъ потолкомъ, постоянно падали на полъ, попадая часто на работавшихъ тутъ же рабочихъ. Въ бесѣдахъ съ рабочими послѣдніе жалуются на головныя боли, ревматизмъ въ ногахъ и боль въ мускулахъ рукъ.

Крынскіе кожевенные заводы, благодаря своему неблагопріятному санитарному состоянію, заражаютъ почву мѣстечка: грязная вода отъ мочильныхъ чановъ, отработавшіе дубильные и другіе кислотные растворы — все спускается безъ всякихъ фильтровъ въ рѣчку.

Всѣ эти нездоровыя условія работы блѣднѣютъ однако передъ страшнымъ мѣстнымъ бичемъ, сибирской язвой, случая зараженія которой очень часты въ мокрыхъ отдѣленіяхъ заво-

¹⁾ Гродненскія Губернскія Вѣдомости № 194 за 1900 г., корреспонденція М. Ярошевскаго.

довъ. За промежутокъ съ октября 1898 г. по май 1899 г., напр. мѣстными врачами было констатировано 10 случаевъ заболѣванія сибирской язвой ¹⁾.

Не лучше устроены «посадческія» заведенія. Это—грязныя, низкія заведенія, биткомъ набитыя подмастерьями и учениками. Въ нихъ преобладаетъ трудъ малолѣтнихъ.

Изъ 6000 населенія мѣстечка Крынки въ немъ насчитываютъ свыше 700 рабочихъ. Большинство изъ нихъ—евреи. Они стекаются сюда изъ окрестныхъ мѣстечекъ, гдѣ нѣтъ приложенія ихъ труду. Евреи работаютъ, преимущественно, въ *сухихъ* отдѣленіяхъ; въ *мокрыхъ* же—крестьяне сосѣднихъ деревень и татары. Отъ работы въ мокромъ отдѣленіи здоровыхъ и молодыхъ евреевъ удерживаетъ, главнымъ образомъ, низкая заработная плата, т. к. здѣсь не требуется никакого искусства и вполне достаточенъ трудъ чернорабочаго. Не малую роль играетъ, вѣроятно, и боязнь зараженія сибирской язвой.

Въ стѣнахъ завода, между заводчиками и рабочими, свило себѣ гнѣздо посредничества. Владѣлецъ завода платитъ мастерамъ за каждую выдѣланную кожу, а мастера въ свою очередь берутъ уже отъ себя такъ называемыхъ подручныхъ, получающихъ за работу понедѣльно, а не поштучно. На болѣе

---

¹⁾ Въ „Ежедѣльникѣ“ № 27 за 1899 г. мѣстные доктора Г. И. Русяковскій и С. И. Сыркинъ-Шкловскій, касаясь вопроса о лѣченіи сибирской язвы, между прочимъ пишутъ: „хотя гдѣ лѣзь рубять, тамъ и щенки летать, хотя заболѣванія „*pustulae malignae*“ при выдѣлкѣ кожъ часто неизбежны, тѣмъ не менѣе нѣкоторые мѣры предосторожности могутъ во всякомъ случаѣ уменьшить количество зараженій. Мы предложили бы: во 1-хъ, тщательно дезинфицировать шкуры, прежде, чѣмъ онѣ поступаютъ въ руки рабочихъ; во 2-хъ, всѣ рабочіе „сырого“ отдѣленія должны имѣть при работѣ особо приспособленныя перчатки, заходящія за локоть, въ которыхъ и должны производить такія грязныя работы, какъ вымачиваніе въ чанахъ, снятіе шерсти и т. д.; наконецъ, въ 3-хъ, и лицо должно быть покрыто маской при работѣ. Какъ маска, такъ и перчатки должны быть, конечно, по окончаніи работы подвергнуты тщательной дезинфекціи. Мы далеки отъ мысли, что предлагаемая нами мѣра единственная, мы хотѣли этимъ только намѣтить планъ, затронуть вопросъ, о которомъ слѣдовало бы подумать для облегченія участи, а часто и спасенія жизни многихъ несчастныхъ тружениковъ, вѣчно копошащихся въ грязи и сирадѣ изъ-за куска хлѣба.

крупныхъ заводахъ такихъ мастеровъ нѣсколько. Они зарабатываютъ отъ 8 до 20 руб. въ нед., а подручнымъ платятъ: младшимъ—отъ 2 до 3 руб. въ нед., а старшимъ—отъ 3 до 5 руб. въ нед. Въ особыхъ случаяхъ наиболѣе опытные подручные зарабатываютъ и 7 руб. въ нед. Но это случается весьма рѣдко.

Проработавъ 5—6 лѣтъ на заводѣ, подручный можетъ, если подвернется случай, сдѣлаться мастеромъ. Подручные поступаютъ на заводъ по окончаніи хедеровъ, получая за свою работу съ перваго дня по поступленіи. У каждаго мастера работаютъ около 5 старшихъ рабочихъ и около 5 начинающихъ. Последніе черезъ 2—3 года дѣлаются вполне самостоятельными подмастерьями.

Въ посадческихъ заведеніяхъ мальчики въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ зарабатываютъ отъ 75 коп. до 1 р., 2 р. и 3 руб. въ нед. Эти заведенія, благодаря отдаленности отъ надвора фабричной инспекціи, въ значительной степени, пользуются трудомъ малолѣтнихъ.

Рабочій день продолжается съ 6¹/₂ утра до 8 или 9 часовъ вечера при двухъ перерывахъ по часу. Говорятъ, рабочій день прежде былъ продолжительнѣй, и сокращеніе его было вызвано броженіемъ среди рабочихъ, начавшимся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и перенесеннымъ въ Крынки изъ Бѣлостока. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ было нѣсколько стачекъ рабочихъ, обострившихъ отношенія между ними и предпринимателями.

Мѣстные рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, — трезвы, трудолюбивы, бережливы и охотно занимаются своимъ образованіемъ. Многіе изъ нихъ по вечерамъ, подобно бѣлостокскимъ рабочимъ, занимаются у учителей, беря въ складчину уроки и платя за это до 3 хъ руб. въ мѣсяцъ.

Вообще потребность въ образовательныхъ средствахъ очень велика въ Крынкахъ. Четыре лица со среднимъ образованіемъ, дававшія уроки, были завалены работой. Недостатокъ въ школахъ, бібліотекахъ, какъ для массы, такъ и для средняго класса, очень сильно чувствуется. Мѣстные интеллигенты: врачъ, учитель еврейскаго городского училища не разъ дѣлали попытки къ открытію вечернихъ курсовъ, бібліотекъ, но всѣ эти попытки разбивались о различныя препятствія.

Объ этомъ приходится, конечно, очень пожалѣть. Крынки—

небольшой промышленной пунктъ съ перспективой современемъ превратится въ болѣе крупный промышленный городокъ. Какъ промышленность, такъ и населеніе его быстро растутъ: возможность достать здѣсь работу влечетъ сюда многихъ изъ окрестныхъ мѣстечекъ, и устройство здѣсь общеобразовательныхъ и профессиональныхъ училищъ (напр. профессиональныхъ курсовъ по кожевенному производству) оказало бы большую услугу дѣлу поднятія экономическаго положенія мѣстнаго населенія. А оно далеко незавидно. Правда, въ сравненіи съ мѣстечками, совершенно лишенными промышленности, гдѣ отсутствіе возможности приложенія своего труда побуждаетъ здоровую и молодую часть населенія покидать родныя мѣста въ поискахъ работы въ крупныхъ центрахъ и за океаномъ—въ сравненіи съ такими мѣстечками положеніе крынскихъ рабочихъ сравнительно лучше.

За уголь и обѣдъ холостые рабочіе платятъ по 2—3 руб. въ нед., семейные же рабочіе за квартиру въ одну или двѣ комнаты платятъ отъ 30 до 50 руб. въ годъ.

Тяжелый мускульный трудъ требуетъ хорошаго питанія и взрослые, холостые рабочіе ежедневно питаются мясомъ, правда, въ незначительныхъ дозахъ. Положеніе же семейныхъ, и въ особенности, не работающихъ на заводахъ—въ большинствѣ случаевъ бевотрадное.

Подобно Бѣлостоку, и это мѣстечко имѣетъ свой особый кварталъ, гдѣ ютится бѣднѣйшая часть населенія. Эта неподдающаяся описанію грязная и потрясающая непривычнаго посѣтителя окраина Крынокъ носить здѣсь какъ бы въ насмѣшку названіе «Кавказа». Непроходимая грязь, лужи, кривыя покосившіяся лачуги, ободранныя и печальныя, полуголодные дѣти (мальчикъ, идя въ хедеръ, напр., получаетъ 1 коп. и хлѣбомъ, купленнымъ на эту копѣйку, онъ питается цѣлый день), жалкій изнуренный видъ женщинъ, общія жалобы на отсутствіе работы, недовольство рабочихъ тяжелымъ и опаснымъ для здоровья трудомъ на кожевенныхъ заводахъ, эмиграція молодыхъ—все это говоритъ о томъ, что и въ этомъ фабричномъ уголкѣ жизнь еврейской массы полна глубокаго трагизма.

Въ ростѣ и развитіи промышленности Крынокъ не чувствуется нормальнаго здороваго развитія производительныхъ

силъ населенія. Всюду ощущается недостатокъ техническихъ познаній; все устроено бѣдно, наскоро, плохо и нездорово. Мѣстечко—крайне неблагоустроено: улицы непроходимы въ дождливую пору; по ночамъ такая темнота, что обыватели избѣгаютъ хожденія въ эту пору по улицамъ, въ особенности осенью и весной, когда стоячія лужи грязи угрожаютъ поглотить съ ногъ до головы отважнаго смѣльчака, рѣшившагося ихъ проходить. Отбросы заводовъ, измельченная кора и др., валяются на улицахъ между ободранными и грязными домами. Во всемъ мѣстечкѣ не видно деревца...

А между тѣмъ Крынки съ каждымъ годомъ приобрѣтаютъ все большее и большее значеніе, какъ центръ кожевеннаго производства. Я уже упоминалъ, что Крынки обрабатываютъ въ годъ до 250000 конинъ на 1½ мил. рублей. Спросъ на крынскія кожи постоянно растетъ, и число кожевенныхъ заводовъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Заводы между собой не конкурируютъ и, по словамъ одного изъ мѣстныхъ заводчиковъ еще многіе новые заводы могли бы съ успѣхомъ работать въ Крынкахъ.

Крынскія кожи направляются въ Москву, Варшаву, Лодзь, Петербургъ, Кіевъ, Одессу, Волынь, Кимры и др. мѣста. Онѣ конкурируютъ съ кожевенными центрами Виленской и Варшавской губ. Нерѣдко случается, что заказчики заказываютъ за 3 мѣсяца впередъ, боясь опоздать со своими заказами на крынскихъ заводахъ.

Конскія шкуры покупаются въ Оренбургской губ. черезъ посредство бѣлостокскихъ торговцевъ. Только крупнѣйшій мѣстный заводчикъ г. К. имѣетъ въ киргизскихъ степяхъ своего собственнаго агента, закупающаго для него шкуры на мѣстѣ.

Продажа выдѣланныхъ кожъ производится по письменнымъ заказамъ изъ разныхъ городовъ Россіи, черезъ посредство живущихъ постоянно въ Крынкахъ комиссіонеровъ, черезъ бѣлостокскія банкирскія конторы, снабжающія крынскихъ заводчиковъ кредитомъ въ счетъ проданныхъ кожъ ихъ иногороднимъ кліентамъ, а также непосредственно пріѣзжающимъ въ Крынки купцамъ.

Успѣхъ здѣшнихъ кожъ объясняется мѣстными заводчиками слѣдующимъ 1) Низкой цѣной рабочаго труда,

2) примитивнымъ устройствомъ заводовъ, не требующихъ большихъ одновременныхъ затратъ для веденія производства, 3) скромнымъ и бережливымъ образомъ жизни мѣстныхъ заводчиковъ, мало проживающихъ и все расширяющихъ свои производства.

Кожевенное производство въ Крынкахъ—очень молодая отрасль промышленности. Любопытно, что и она отчасти обязана своимъ развитіемъ «нѣмцу». Около 20 лѣтъ тому назадъ здѣсь занимался плохой выдѣлкой кожъ одинъ еврей. Дѣло его падало. Тогда онъ вступилъ въ компанію съ мастеромъ-нѣмцемъ, который завелъ выдѣлку конинъ и поставилъ хорошо дѣло. Но и этотъ заводъ недолго существовалъ. Въмѣсто него появились другіе, въ началѣ маленькіе, а затѣмъ они постепенно разрослись и увеличивались въ числѣ. Всѣ настоящіе заводчики—бывшіе рабочіе и мастера-кожевники. Въ процессахъ выработки они подражаютъ другъ другу, какъ и въ другихъ еврейскихъ промышленныхъ центрахъ.

Какъ я уже упоминалъ, на разстояніи 21 верстъ отъ Крынокъ расположена станція Соколка С.-П.-Варш. ж. д. Въ городѣ этого же имени, расположенномъ у станціи, получаютъ также большое развитіе кожевенные заводы.

Большимъ тормазомъ для развитія кожевеннаго производства въ Крынкахъ служитъ отсутствіе подъѣздного пути до станціи Соколка. Въ теченіе года въ обоихъ направленіяхъ провозится до 600000 пудовъ: сырыхъ конинъ и выдѣланныхъ кожевенныхъ товаровъ, минеральныхъ маслъ, коры, квебрахо-экстракта, извести и др. Кромѣ того, въ Крынкахъ дѣйствуютъ два большихъ винокуренныхъ завода, отправляющихъ свой спиртъ черезъ ст. Соколка частью въ Гродно, частью за-границу. Къ самому мѣстечку прилегаютъ два большихъ имѣнія, отправляющія весь свой хлѣбъ черезъ станцію Соколка. Кромѣ того, въ Крынки привозятся огромныя количества полногрузныхъ вагоновъ съ предметами домашняго обихода; солью, керосиномъ, мукой, сельдями и т. п. Все это закупается крестьянами сосѣднихъ деревень. Недостатокъ рационально устроеннаго подъѣздного пути, несомнѣнно, задерживаетъ промышленное развитіе Крынокъ.

Въ настоящее время это мѣстечко является мѣстомъ при-мѣненія труда ищущаго всюду работы еврейскаго населенія.

Но надолго ли оно останется такимъ? Антагонизмъ, все болѣе и болѣе усиливающийся между еврейскими предпринимателями и рабочими, надвигающийся прогрессъ техники кожевеннаго производства, несущій съ собой механическіе двигатели, машины и связанный съ ними роковой вопросъ о субботнемъ отдыхѣ— какъ отразятся эти факторы на еврейскомъ народномъ трудѣ въ этой сильно распространенной между евреями отрасли промышленности ¹⁾?

Будетъ ли еврейскій рабочій постепенно вытѣсняться при появленіи машинъ и изъ этого промысла подобно тому, какъ онъ вытѣсняется изъ ткацкихъ и другихъ видовъ промышленности или же эволюція экономической жизни еврейскаго рабочаго населенія черты осѣдлости пойдетъ, наконецъ, по общему, свойственному всѣмъ народамъ пути естественнаго перехода отъ простыхъ формъ труда къ болѣе сложнымъ—вотъ вопросъ ближайшаго будущаго.

И. Хорошъ.

---

¹⁾ Кожевенное производство въ Сѣв.-Западн. краѣ особенно сильно распространено въ Гродненской, Виленской, и Сувалкской губ. Мѣстечки Сморгонь, Ошмяны, Свислочь, Скидель и др. въ Виленской губ., славящіяся своимъ кожевеннымъ производствомъ, извѣстны далеко за предѣлами Сѣв.-Зап. краѣ.

Происхождение Шейлока.

(Окончаніе)¹⁾.

III.

Въ то время какъ въ знаменитой драмѣ Лессинга, написанной въ концѣ XVIII в., религіозный вопросъ является центральнымъ пунктомъ, въ твореніи Шекспира, созданномъ двумя вѣками раньше, о религіозной розни нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, и если добрый, „благородный“ Антоніо требуетъ, чтобы Шейлокъ принялъ христіанство, то онъ это дѣлаетъ не во славу „единоспасающей“ католической церкви, не изъ желанія, чтобы душа Шейлока попала въ рай, а изъ жажды мести, изъ глубокой ненависти къ Шейлоку. Очень интересенъ въ этомъ отношеніи діалогъ между Жесикой и Ланчелотомъ; когда она говоритъ: „меня спасетъ мой мужъ; онъ сдѣлалъ меня христіанкой!“, Ланчелотъ возражаетъ: „О нѣтъ! За это онъ достоинъ еще большаго порицанія! Насъ и безъ того много христіанъ на свѣтѣ—какъ разъ столько, чтобы имѣть возможность мирно жить вмѣстѣ. Это обращеніе въ католическую вѣру только возвыситъ цѣну на свинину; коли мы всѣ станемъ ѣсть свинину, такъ скоро ни за какія деньги не достанешь жаренаго сала“.

„Нарисовать отношенія людей къ имуществу было задачей поэта въ „Венеціанскомъ купцѣ“²⁾), говоритъ Гервинусъ, и съ этимъ мнѣніемъ нѣмецкаго ученаго нельзя не согласиться.

Съ первой же сцены, происходящей между Антоніо и Шейлокомъ, легко убѣдиться, что, тутъ, дѣйствительно, все вертится вокругъ, „отношеній людей къ имуществу, къ деньгамъ“; мы имѣемъ дѣло не съ *евреемъ* Шейлокомъ и *христіаниномъ*

¹⁾ См. „Кн. Восхода“ № 7 с. г.

²⁾ Shakespeare I. B. 296 3-te Auflage.

Антонио, а съ *ростовщикомъ* Шейлокомъ и „крупнымъ торговцемъ, королевскимъ купцомъ“, Антонио.

Шейлокъ ненавидитъ Антонио и, какъ онъ самъ заявляетъ, главнымъ образомъ за то,

Что въ гнусной простотѣ
Взаимы дасть онъ деньги безъ процентовъ
И роста курсъ сбиваетъ между насъ
Въ Венеціи...
Святое наше племя
Не терпитъ онъ и даже въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ сходятся купцы между собою,
Ругаетъ онъ меня, мои дѣла,
И мой барышъ законный называетъ
Онъ лихвою...

Шейлокъ, какъ видите, весь проникнутъ сознаниемъ, что его занятіе—„барышъ законный“, что ростовничество—благородное, честное дѣло. Но это не потому, что Шейлокъ, какъ утверждаетъ одинъ критикъ, „ростовщикъ низшаго сорта“ и „ему чуждо вліяніе этическихъ факторовъ“. „Всякому человѣку—говоритъ такой тонкій психологъ, какъ гр. Толстой—для того чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею... Люди судьбою и своими грѣхами и ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было неправильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ“. Средневѣковый Шейлокъ былъ искалѣченъ ужасными, невозможными условіями, его толкали на путь ростовничества и торгашества, и онъ составилъ себѣ такой взглядъ на жизнь, при которомъ его дѣятельность казалась ему важною и хорошею. Мировоззрѣніе это состояло въ томъ, что главное благо—деньги, и вся средневѣковая жизнь его многострадальнаго народа подтверждала справедливость этого взгляда. Признавъ деньги величайшимъ благомъ, надо было стремиться скопить какъ можно больше денегъ, этой эмблемы власти, и девизомъ Шейлока сталъ „барышъ некраденный—благословеніе неба“. Ему при его виртуозно гибкомъ, изощренномъ въ тонкой казуистикѣ умѣ не трудно и авторитетомъ Библии доказать безупречность своихъ денежныхъ операцій.

Антонио и вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые критики возмущаются подобной профанаціей Библии, но эти господа совершенно забываютъ, что въ средніе вѣка и христіане санкціонировали самыя

возмутительныя насилія иже нежъ Вожиимъ. Врагъ Шейлока, „благородный“ Антонио не ростовщикъ, онъ—королевскій купецъ, крупный торговецъ, онъ ведетъ обширную торговлю съ Англїей, Индїей, Мексикой, Триполисомъ и варварійскими странами и онъ, понятно, свою дѣятельность считаетъ „важною и хорошею“, опорой и основой государства. „Морская торговля—авторитетно заявляетъ современникъ Антонио, англійскій купецъ Thomas Mun—главный источникъ доходовъ короля, слава государства, почетное занятіе купца, школа нашихъ искусствъ и ремеселъ, средство, утоляющее всѣ наши потребности, дающее работу нашимъ бѣднякамъ; она воспитательница нашего морского сословія, защита нашего государства, внушающая страхъ нашимъ врагамъ ¹⁾. Правда, честный купецъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о тѣсно связанномъ съ морской торговлей колоніальномъ хозяйствѣ, о торговлѣ рабами, которыхъ благородные торговцы, по выраженію Шейлока, „наравнѣ съ ослими, собаками, мулами на рабскія, презрѣнныя работы гонять“, но вѣдь рабы,—это—„люди безъ разума“; стоитъ ли о нихъ толковать. Ростовщичество же представители „славы государства“ не только считали неблагороднымъ занятіемъ, но и видѣли въ немъ нежеланную помѣху своимъ предпріятіямъ и успѣхамъ, которую слѣдовало-бы устранять, уничтожить. Торговня предпріятія достигли тогда небывалыхъ размѣровъ, необходимы стали большіе капиталы, но торговый капиталъ тогда еще не настолько окрѣпъ, чтобы могъ обходиться безъ помощи своего собрата, ростовщическаго капитала; а ростовщики рѣшительно не хотѣли одалживать безвозмездно деньги „честнымъ, благороднымъ торговцамъ“. Они старались сорвать съ торговцевъ часть ихъ барышей, чѣмъ навлекли на себя искреннее негодованіе послѣднихъ. Даже „благородный“ меланхолическій Антонио, добротой котораго не могутъ нахвалиться его друзья, питаетъ къ ростовщику Шейлоку какую то дикую, прямо таки каннибальскую вражду. Когда Шейлокъ говоритъ:

Синьоръ Антонио, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной
Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ;
Я все это всегда переносилъ,
Съ терпѣніемъ, плечами пожимая,

¹⁾ Цит. у D-г K. Ehrenberg „der Handel“.

Терпѣніе—наслѣдственный удѣлъ
 Всей націи еврейской! Вы меня
 Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
 Плевали вы на мой кафтанъ жидовскій,
 И это все за то лишь, что своимъ
 Я пользуюсь...

..... и вы
 Приходите ко мнѣ и говорите:
 Шейлокъ, намъ нужны деньги.

Это вы
 Такъ просите—вы часто такъ плевавшій
 Мнѣ въ бороду, дававшій мнѣ пинки,
 Какъ будто псу чужому, что забрался
 На вашъ порогъ...

Антоніо отвѣчаетъ:

Я и теперь готовъ тебя назвать
 Собакою и точно также плюнуть
 Въ твое лицо и дать тебѣ пинка.

Въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ и тѣни благороднаго возмущенія низостью или подлостью другого, мы видимъ только лютую неприимую вражду, но не вражду двухъ равныхъ по положенію людей, а вражду между столпомъ государства и паріей общества. Шейлокъ ненавидитъ Антоніо не только потому, что тотъ „роста курсъ сбиваетъ“—онъ и ненавидитъ его, какъ своего мучителя, онъ задыхается въ безсильной злобѣ отъ всѣхъ перенесенныхъ имъ отъ Антоніо и его братіи униженій и оскорбленій, и душа его до боли, до изступленія жаждетъ мести...

Мы ужъ раньше упомянули о томъ, какъ въ средневѣковомъ еврей, отверженномъ христіанскимъ обществомъ, принужденномъ жить въ исключительномъ тѣсномъ кругу своихъ единовѣрцевъ, неминуемо должно было развиться чувство отчужденности, обособленности. Если какое-нибудь племя подвергается преслѣдованію въ продолженіе длиннаго ряда поколѣній и принуждено жить замкнуто, отдѣльно отъ остальнаго населенія, то оно ужъ въ силу закона приспособленія и наслѣдственности должно усвоить себѣ специфическія своеобразныя черты, рѣзко отличающія его отъ всего остальнаго міра. И гений Шекспира, отъ котораго не ускользнуло ни одно сколько нибудь значительное явленіе общественной и душевной жизни, съ удивительнымъ мастерствомъ отиѣчаетъ въ своемъ Шейлокѣ всѣ эти типичныя, характерныя черты средневѣковаго еврея. При первомъ появленіи Шейлока, при первыхъ отрывочныхъ жесткихъ фразахъ его: „Три тысячи червонцевъ—

хорошо“; „три мѣсяца сроку—хорошо“, зритель чувствуетъ, какъ далеко и чуждъ этотъ человѣкъ міру жизнерадостныхъ, болтливыхъ Граціано, Бассаніо, Солеріно и др. Послѣдніе при всемъ своемъ ничтожествѣ отражаютъ на себѣ эпоху ренессанса, этого отблеска греческой жизни; ихъ юморъ не лишень добродушія, ихъ рѣчь пѣнится какъ кубокъ вина, который, къ слову сказать, играетъ въ ней далеко не послѣднюю роль. Юморъ же Шейлока жестокъ, ѣдокъ—то юморъ Мефистофеля („если я говорю, что онъ хорошій человѣкъ, то это значить, понимаете, что у него есть чѣмъ заплатить“). Его обороты, метафоры—крайне грубы, неэстетичны, онъ врагъ всего изящнаго, красиваго, ему отверженному, презираемому противны веселія сборища, онъ ненавидитъ все, что напоминаетъ собой смѣхъ, радость, веселье.

Какъ, маскарадъ тамъ будетъ?

восклицаетъ онъ въ ужасѣ

Послушай,
 Дитя мое: всѣ двери ты запри,
 И если стукъ услышишь барабана
 Иль мерзкій пискъ искривленной трубы —
 Не смѣй влѣзать на окна и не суйся
 На улицу, чтобы милыхъ христіанъ
 Съ раскрашенными рожами увидѣть.
 Нѣтъ, уши ты въ моемъ дому заткни—
 Я разумѣю окна; пусть въ жилище
 Почтенное мое шумъ глупой суеты
 Не проскользнетъ.

Для Шейлока существуетъ одно только мѣсто для сборища—синагога. Тамъ онъ изливаетъ свою душу передъ грозныиъ Еговой, тамъ онъ встрѣчается со своими единоверцами, у которыхъ онъ не встрѣтитъ никакихъ обидъ, никакихъ оскорбленій. „Приди ко мнѣ въ нашу синагогу, добрый Тубаль!“ кричитъ онъ вслѣдъ удаляющемуся единоплеменнику.

Всѣми презираемый, всѣми отвергнутый Шейлокъ любитъ только свой народъ и свою семью. Этотъ суровый, жестокій человѣкъ нѣжно чтитъ память своей незабвенной Ліи и при всей своей любви къ деньгамъ не отдастъ бы подаренный ей перстень и „за цѣлый лѣсъ обезьянъ“; онъ горячо любитъ свою дочь Жюсику и даже послѣ ея бѣгства не перестаетъ любить ее; когда Граціано и Бассаніо выражаютъ готовность отправить къ

дьяволу или на тотъ свѣтъ своихъ горячо любимыхъ женъ, лишь бы спасти Антонию, Шейлокъ съ возмущеніемъ замѣчаетъ:

Вотъ какова супружеская жизнь
У христіанъ! Я дочь одну имѣю,
Но лучше бы желалъ, чтобъ мужемъ ей
Былъ человѣкъ изъ племени Варравы,
Чѣмъ кто-нибудь изъ христіанъ.

И самое дорогое, что есть у Шейлока,—дочь, друзья Антонию отнимаютъ у него и когда онъ, пораженный ужаснымъ несчастіемъ, вопить: „Жесика, дитя мое!“ вся эта пустоголовая jeunesse dorée, эти охотники пожить на чужой счетъ бездушно глумятся надъ старикомъ. И Шейлокъ былъ бы полнымъ ничтожествомъ, если бы въ немъ не загорѣлась жажда мести и онъ не захотѣлъ бы воспользоваться представившеюся возможностью отомстить за всѣ обиды одному изъ своихъ ярыхъ враговъ. „Онъ ругался надо мною—восклицаетъ Шейлокъ—и сдѣлалъ мнѣ убытку на полтъ-милліона, онъ смѣялся надъ моими потерями, надъ моими заработками, ругалъ мой народъ, мѣшалъ моимъ торговымъ дѣламъ, охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ и все это за что? Я жидъ. Да развѣ у жиды нѣтъ глазъ? Развѣ у жиды нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? Когда вы насъ щечочете, развѣ мы не смѣемся? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ? И когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомстимъ? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ быть похожи и въ этомъ. Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиреніе? Къ мщенію. Когда христіанинъ обидитъ жиды, къ чему должно по вашему примѣру прибѣгнуть его терпѣніе? Ну, тоже къ мщенію. Гнусности, которыми вы меня учите, я привѣняю къ дѣлу“.

Но—скажетъ читатель—однако планъ мщенія придуманный Шекспиромъ, слишкомъ ужасенъ, отвратителенъ. Этого мнѣнія придерживаются многіе критики и они смотрятъ поэтому на Шейлока, какъ на безчеловѣчнаго изувѣра. Но кто утверждаетъ подобное, рѣшительно лишенъ исторической перспективы. Прежде всего, не слѣдуетъ забывать что Шекспиръ жилъ не въ XIX, а въ XVI вѣкѣ, извѣстномъ въ исторіи своей жестокостью и удивительной кровожад-

ностью¹⁾. Кому известна исторія крестьянскихъ войнъ, охватившихъ въ тотъ вѣкъ чуть ли не всю западную Европу, кто знаетъ, какими способами тогдашняя аристократія истила несчастнымъ „бунтовщикамъ“, тому мезъ Шейлока покажется самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Исторіка рассказываютъ, какъ у беззащитныхъ людей вырвали внутренности и сожигали ихъ передъ глазами умирающихъ, у иныхъ вырвали сердце, которое швыряли имъ въ лицо, другихъ обмазывали смолой и зажигали; беременнымъ женщинамъ разрывали утробы и вытаскивали младенцевъ.

Подобныя звѣрства позволяли себѣ не только воинствующіе феодалы, люди крови и желѣза, но и духовныя лица. Въ видѣ образчика приведемъ описаніе казни Іоганна Лейденскаго и его сообщниковъ, происшедшей 6 мѣсяцевъ послѣ паденія Мюнстера (1536 г.) по распоряженію и въ присутствіи епископа Франца: „И привязали палачи „короля“ (Іоганна) къ столбу, схватили раскаленные щипцы и стали ими щипать всѣ части его тѣла, такъ что изъ каждаго мѣста его тѣла, котораго коснулись щипцы, вспыхивало пламя и образовалась такая вонь, отъ которой не могъ устоять почти никто на площади. Подобнымъ же образомъ пытали и остальныхъ.. Помучивши ихъ достаточное время, у нихъ, еще живыхъ, вырвали языки изъ глотокъ, раскаленными щипцами и втыкали имъ глубоко, какъ только могли, ножъ въ сердце“²⁾.

Но, могутъ возразить, тутъ все таки идетъ дѣло объ усмиреніи бунтовщиковъ, и всѣ эти духовные и свѣтскіе рыцари считали себя вправѣ жестоко наказывать хотя бы уже безоружныхъ и неопасныхъ „преступниковъ“ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, „чтобы и другимъ повадно не было“. Шейлокъ же хотѣлъ неслыханнымъ образомъ вырвать фунтъ мяса у своего должника, благороднаго Автовіо, исключительно изъ-за мести, алча, какъ дикій звѣрь, крови своего противника. Но пусть читатель опять не забудетъ время, когда дѣйствіе происходитъ, и онъ тогда

1) „XVI вѣкъ—говоритъ Каутскій—одна изъ самыхъ кровавыхъ, пожалуй, самая кровавая изъ всѣхъ вѣковъ“. „Въ сравненіи съ этимъ вѣкомъ—заявляетъ М. А. Энгельгардтъ—средніе вѣка въ собственномъ смыслѣ слова являются относительно благодушными, а суровыя орды древнихъ Германцевъ, Галловъ, Кимвровъ, Бриттовъ и т. п. даже совсѣмъ людьми“. (Прогрессъ какъ эволюц. жесток. 29).

2) Kautski. Gesch. des. Soz. p. 434.

пойметъ, что герой Шекспира могъ считать себя безусловно правымъ въ своемъ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, возмутительномъ требованіи. „Я требую правосудія“, твердилъ Шейлокъ безпрестанно, и это не зламъ пропія, а твердая непреклонная увѣренность въ своей правотѣ. Какъ оно на первый взглядъ ни покажется страннымъ, но Шейлокъ имѣлъ въ тѣ времена право требовать мяса своего должника. „По правовымъ понятіямъ того времени, къ которому относится драма — говоритъ Вюрцбургскій профессоръ Іосифъ Колеръ — должникъ былъ отвѣтственъ предъ кредиторомъ не только своимъ имуществомъ, но и своимъ тѣломъ: *Qui pop habet in aere, luat in cute*¹⁾. Но это правовое понятіе не принадлежало исключительно кровожадному XVI вѣку, мы его встрѣчаемъ также чуть ли не у всѣхъ древнихъ народовъ. Въ древности законодатель могъ распоряжаться своимъ должникомъ по своему произволу: онъ могъ эксплуатировать его рабочую силу, могъ продавать его въ рабство, могъ рѣзать его на куски. Законодатель, говоритъ Ницше, имѣлъ полное право „чинить своему должнику всевозможныя поношенія и пытки, наприимѣръ, вырѣзывать изъ его тѣла куски, соответствующіе размѣру долга; и въ прежнія времена повсюду встрѣчаются точныя, иногда до отвращенія детально разработанныя расцѣпки, правовыя расцѣпки отдѣльныхъ членовъ и частей тѣла“²⁾.

Какъ ни дико и ужасно подобное отношеніе къ должнику, оно все же исторически вѣрно. По возрѣніямъ народныхъ, каждый членъ человѣческаго тѣла представлялъ собой опредѣленную денежную стоимость. Если за отрубленные члены считали справедливымъ платить деньгами, то легко возникаетъ мысль, что, наоборотъ, за неуплаченныя деньги можно отсѣчь члены. Если глазъ, ухо, рука были таксированы и представляли извѣстную сумму денегъ, то, очевидно, что кредиторъ могъ взыскать свой долгъ, конфискуя эту сумму, этотъ глазъ, ухо, руку и т. д. Поэтому, „представленіе, по которому должникъ считается отвѣтственнымъ своимъ тѣломъ, своей жизнью за сдѣланные долги, является универсально правовымъ“... „Мы встрѣчаемъ эти понятія почти у всѣхъ народовъ въ извѣстной стадіи историческаго развитія права. Эга

¹⁾ «Шекспиръ съ точки зрѣнія права» I. Колеръ стр. 6.

²⁾ Zur Genealogie d. Moral p. 68 Auflage Leipzig 1894.

стадія не особенно далека отъ нашего времени и относится къ сравнительно недавнему прошлому¹⁾. И тотъ же авторъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія массу примѣровъ изъ законодательствъ разныхъ народовъ, подтверждающихъ, что у всѣхъ этихъ народностей заимодавецъ могъ продать своего должника въ рабство, превратить его личность въ вещь, подвергать всевозможнымъ мукамъ, „отрѣзать отъ его тѣла куски мяса, много или мало по своему усмотрѣнію“. Но хотя изувѣченіе, отрѣзываніе куска тѣла у должника считалось совершенно законнымъ, но къ этому средству кредиторы тѣмъ не менѣе прибѣгали не часто, такъ какъ они считали болѣе выгоднымъ для себя пользоваться другими предоставленными имъ правами: въ древніе вѣка къ порабощенію на всю жизнь, въ средніе же, когда рабство было замѣнено крѣпостничествомъ, пожизненное рабство было замѣнено другими отношеніями кредитора къ должнику, дававшими послѣднему возможность отработать свой долгъ, или пользоваться правомъ *cessio bonorum*, т. е. предоставленіемъ должнику возможности избавиться отъ всякихъ наказаній, если онъ уступитъ все свое имущество кредитору.

Но и въ данномъ случаѣ „бѣлокурая бестія“ не преминула блеснуть своей утонченной, безпримѣрной жестокостью. *Cessio bonorum* было обставлено столь позорными для должника процедурами, „что мы, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Коллеръ, читая ихъ описанія, содрогаемся при мысли, что насъ отдѣляетъ всего нѣсколько столѣтій времени. Въ особенности по статутамъ *итальянскихъ городовъ* (курсивъ нашъ), въ которыхъ процвѣтала торговля, вслѣдствіе чего вызывалась забота о развитіи кредита и объ огражденіи его отъ злоупотребленій—должники, которымъ предоставлялось право *Cessio bonorum*, подвергались возмутительно жестокому обращенію. Происходившій при этомъ обрядъ клеймилъ должника на всю жизнь печатью позора. Несчастнаго выводили на площадь, полную народомъ, ставили его на особый камень и заставляли раздѣться донага. Затѣмъ надъ нимъ совершались до такой степени позорныя процедуры, что онѣ въ настоящее время совершенно не поддаются описанію. Если должникъ и оставался послѣ этого свободнымъ, то эта свобода, купленная

¹⁾ I. Коллеръ „Шекспиръ съ точки зрѣнія права“, ст. 6 и 15, стр. 22.
Книжки Восхода, кн. VIII.

цѣной позорнаго клейма, его мало могла радовать ¹⁾. Но и въ тогдашнее время, по увѣреніямъ Коллера, нерѣдко случалось, что давали въ обезпеченіе долговыхъ обязательствъ члены своего тѣла. „У насъ—говоритъ Коллеръ—имѣются несомнѣнные доказательства того, что такіе договоры представляютъ не вымыселъ фантази или сказочное преувеличеніе, а грозную дѣйствительность, что должникъ въ самомъ дѣлѣ отдавалъ кредитору фить своего мяса, членъ своего тѣла или даже свою жизнь“ ²⁾.

Намъ теперь ясно станеть, отчего при предложеніи Шейлокомъ условій договора, Антонио и Бассаніо не выражаютъ при этомъ никакого удивленія, какъ будто условія были самыя обыкновенныя. Бассаніо не хочетъ только, чтобы Антонио заключилъ изъ-за него подобный договоръ, а тотъ успокаиваетъ его тѣмъ, что онъ еще раньше срока внесетъ взятую сумму, а когда Шейлокъ въ 3-мъ дѣйствіи кричитъ: „пусть не забудетъ своего векселя!“ Сазарино возражаетъ: „Ну, я увѣренъ, что если онъ просрочитъ, не потребуешь его мяса: *на что оно годно*“.

Но какъ ни жестоки были отношенія кредиторовъ къ должникамъ—единовѣрцамъ, еще болѣе безчеловѣчны они были по отношенію къ должникамъ евреямъ. Въ Авиньонѣ, наприимѣръ, полуобнаженнаго должника заставляли бѣгать по улицамъ, при чемъ подгоняли его ударами плети. Если должникъ былъ еврей, то ему при этомъ дозволялось прикрыться только рубахой. Бяязъ Андрей Курбскій, не получивъ удовлетворенія по денежнымъ претензіямъ къ двумъ евреямъ, проживавшимъ въ г. Ковелѣ, не только приказалъ неисправныхъ должниковъ посадить (1569 г.) въ ковальскій замокъ въ *яму съ водой, наполненною пьявками*, но въ то же время приказалъ опечатать дома должниковъ и еврейскую синагогу ³⁾. Коллеръ въ своей вышеупомянутой книгѣ упоминаетъ объ „оригинальномъ средствѣ“, которое пускали въ ходъ кредиторы у древнихъ египтянъ; они пользовались для этого тѣлами мертвыхъ родственниковъ должника; кредиторъ до тѣхъ поръ не допускалъ ихъ къ погребенію, пока онъ не получалъ своихъ денегъ. Для должника такое обезпеченіе его родителей считалось страшнымъ позоромъ. Но это не столько оригинальное, сколько позорное

¹⁾ «Шекспиръ съ точки зрѣн. права» 31.

²⁾ Тамъ-же 38.

³⁾ «Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ», цитир. у Бершадскаго.

средство примѣнялось не только въ древнемъ Египтѣ, оно практиковалось по отношенію къ евреямъ всего лишь дѣсти лѣтъ тому назадъ. Въ г. Вильнѣ, напримѣръ, какъ сообщаетъ проф. Вершадскій, въ концѣ XVII вѣка въ случаѣ недоимокъ запрещали евреямъ погребать своихъ мертвецовъ впрѣдъ до погашенія недоимокъ ¹⁾).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Шейлокъ, имѣвшій полное основаніе быть заклятымъ врагомъ Антонію и его братіи, приступаетъ къ осуществленію своей завѣтной мечты, — отомстить врагу своему, не какими нибудь хитрымъ коварнымъ способомъ, а добивается этого путемъ обычнаго тогда правосудія, на основаніи договора, въ законности и справедливости котораго никто не сомнѣвается. Не надо забывать, что „моисеево законодательство оказывается по сравненію съ современными ему законами другихъ странъ гораздо болѣе гуманнымъ къ должникамъ“ (Коллеръ). Шейлокъ ополчается такимъ образомъ противъ своихъ враговъ ихъ же законами; орудіемъ для мести онъ дѣлаетъ тѣ жестокія постановленія, которыя санкціонировались сословіемъ Антонія въ заботѣ о развитіи кредита и объ огражденіи его отъ злоупотребленій. Онъ съ полнымъ правомъ могъ воскликнуть: „гнусности, которыя вы меня учите, я примѣняю къ дѣлу“. И вотъ на этомъ-то фонѣ разворачивается передъ нами грандіозная сцена суда въ „Венеціанскомъ купцѣ“, бросающая больше свѣта на многосложный еврейскій вопросъ, чѣмъ многотомные ученые трактаты.

Дѣла Антонію круто измѣнились къ худшему, большинство его кораблей пошло ко дну, день платежа по договору Шейлока приближается, всѣмъ извѣстно условіе договора, всѣ знаютъ объ угрозахъ Шейлока, „пусть не забудетъ своего векселя“, добрые друзья Антонію, толпившіеся все время вокругъ богатаго королевскаго купца, теперь пальцемъ о палецъ не ударяютъ, чтобы спасти его. Совершенно забылъ о договорѣ и Бассанію, который на деньги, добытыя Антоніемъ у Шейлока, поѣхалъ искать богатую невѣсту, чтобы ея приданымъ расплатиться съ кредиторами; не думаетъ о немъ и Салерію, похитившій у стараго Шейлока вмѣстѣ съ дочерью два мѣшка червонцевъ. Всѣ эти „благородные“ друзья улетучиваются, какъ только явилась необходимость кошель-

¹⁾ Очерки по исторіи евреевъ въ Польшѣ. Восходъ 1895 г. кн. 9.

комъ помочь бѣдному другу. Урочный срокъ прошелъ, и когда Шейлокъ является въ судъ и требуетъ фунта мяса, „друзья“ искренно жалѣютъ Антонію и ругаютъ Шейлока на чашъ свѣтъ стоять. И не правъ-ли Шейлокъ, когда онъ съ презрѣніемъ обращается къ ругавшему его Граціано:

Ругательствомъ не соскоблить
На вексель печати—значить крикомъ
Ты лишь свою печенку надорвешь.

Оставленный своими „добрыми“ друзьями, Антонію, вида себя во власти Шейлока, разомъ перемѣняетъ тонъ. Онъ ужъ не титулуетъ Шейлока „подлой собакой“, а умоляетъ его: „выслушайте меня, Шейлокъ, мой добрый“. Самъ дожъ, двадцать торговыхъ людей, сенаторы, всѣ становятся вдругъ изысканно вѣжливы съ Шейлокомъ и уговариваютъ его сжалиться надъ Антонію. Они, понятію, не стали бы церемониться съ презрѣннымъ паріемъ и не задумались бы лишить его „законнаго права“, но... Венеція—торговая республика, а умный Шейлокъ опирается именно на торговые законы города, и если допустить въ данномъ случаѣ нарушение закона, то за нимъ послѣдуютъ другія, еще худшія нарушения, въ торговлѣ исчезнетъ кредитъ, государство потеряетъ свой престижъ.

Нѣтъ такъ нельзя. Установленный законъ
Перемѣнить нельзя ничьею властью
Въ Венеціи. Какъ происшедшій фактъ,
Запишется рѣшеніе такое,
И вторгнется затѣмъ не мало зла
Въ республику по этому примѣру.
Нѣтъ, такъ нельзя!“

И вотъ старый дожъ обращается къ Шейлоку съ елейной рѣчью, въ которой онъ выражаетъ увѣренность, что Шейлокъ отнесется къ Антонію съ „состраданіемъ и кротостью,“ и что онъ, „движимый душевной добротой, часть даже суммы долга простить ему“, словомъ онъ требуетъ отъ заклятаго врага Антонію того, чего не сдѣлали и его самые близкіе друзья.

„Жидъ, добраго отвѣта мы ждемъ отъ тебя“ заключаетъ дожъ. И Шейлокъ даетъ если не добрый, то во всякомъ случаѣ замѣчательный отвѣтъ:

Я нашею субботою святой
Поклялся въ томъ, что получу уплату
По векселю. Коль захотите вы

Мнѣ отказать—нарушите законы
 И вольности республики своей.
 Вы спросите, зачѣмъ предпочитаю
 Трѣмъ тысячамъ червонцевъ мяса фунтъ
 Негоднаго? На это не желаю
 Я отвѣчать. Положимъ, что скажу:
 „Таковъ мой вкусъ!“ Отвѣтъ-ли это будетъ?
 Представьте вотъ, что крыса завелась
 Въ моемъ дому и не дастъ покоя,
 И я тому, кто отравить ее,
 Хочу отдать червонцевъ десять тысячъ—
 Достаточенъ для васъ такой отвѣтъ?
 Есть многіе, которые не любятъ
 Смотрѣть на пасть раскрытую свиньи
 . . . . .
 Какъ объяснить нельзя опредѣленно
 Причинъ того, что одному свинья
 Съ открытымъ ртомъ противна,
 . . . . . Такъ точно не могу я
 И не хочу представить вамъ другихъ
 Причинъ, какъ то, что ненависть и злобу
 Питаю я къ Антонию, что онъ
 Противенъ мнѣ...

Этотъ отвѣтъ Шейлока бросаетъ свѣтъ на исторію долгового права, даетъ ключъ къ пониманію предоставленнаго кредитору права отрѣзывать куски тѣла должника „гдѣ онъ пожелаетъ, сверху или снизу“.

„Въ этомъ правѣ, говоритъ Ницше, мы видимъ, какъ вѣсто причитающагося вознагражденія за убытокъ (т. е. вѣсто удовлетворенія деньгами, землей, или какимъ либо имуществомъ) кредитору предоставляется извѣстнаго рода удовольствіе безгранично властвовать надъ беспомощнымъ должникомъ, сладострастное ощущеніе „de faire de mal pour le plaisir de faire“, наслажденіе насиліемъ; это удовольствіе должно было тѣмъ выше оцѣниваться, чѣмъ ниже стоялъ кредиторъ въ общественномъ стропѣ, и легко могло казаться ему лакомымъ кусочкомъ, предвѣшеніемъ высшаго ранга».

Это какъ нельзя лучше выражено Шекспиромъ въ только что цитированномъ отвѣтѣ Шейлока. Шейлокъ, этотъ безправный, отверженный парій общества, вдругъ оказался хозяиномъ положенія, онъ можетъ, наконецъ, отомстить за всѣ нанесенныя ему и его народу обиды, и онъ съ упоеніемъ, со сладострастіемъ предается мысли, что онъ, всѣми презираемый жидъ, можетъ своего бессердечнаго мучителя ставить на одинъ уровень съ крысой и свиньей

и такъ же легко можетъ его уничтожить, какъ и этихъ неприятныхъ ему животныхъ.

Это удовольствіе онъ не уступить ни за какія деньги. Но вотъ впервые является человекъ, который, какъ Шейлоку кажется, относится къ нему справедливо и безпристрастно—Порція. Она обращается къ нему со слѣдующими, истинно божественными словами:

По принужденію милость
Не дѣйствуетъ, а падаетъ она,
Какъ тихій дождь, струящійся на землю
Изъ облаковъ. Благословенье въ ней
Сугубое; она благословляетъ
Тѣхъ, кто даетъ и кто беретъ ее.
Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ,
Она царямъ приличіе вѣнца.

Въ сердцахъ царей владычествуетъ милость,
Какъ атрибутъ Всевышняго—и та
Земная власть всѣхъ ближе къ власти Бога,
Которая и правый судъ творить
И милуетъ...

Шейлокъ тронутъ этими словами, произнесенными столь прекрасными устами, и онъ уже не отвѣчаетъ злой ѣдкой насмѣшкой, а трагически восклицаетъ:

А клятва? Клятва? Небу
Я клятву далъ. На душу наложить
Я не могу грѣхъ клятвопреступленья;
Нѣтъ, нѣтъ, за всю Венецію того
Не слѣлаю.

Какъ только Шейлокъ сталкивается съ человекомъ, котораго онъ не можетъ презирать и ненавидѣть, а сознаетъ, что тотъ лучше, справедливѣе его, онъ теряетъ почву подъ ногами: противъ кротости и благородства онъ не можетъ выставить жестокость и насилие. Но когда дождь взываетъ къ нему: „Какой можешь ожидать ты милости, коль самъ ея не знаешь“, Шейлокъ опять является во всеоружіи своего ума и юмора и восклицаетъ:

Когда я правъ, какой мнѣ страшенъ судъ!
Обдумайте вы вотъ что: есть не мало
У васъ рабовъ; а такъ какъ вы себѣ
Купили ихъ, то наравнѣ съ ослами,
Собаками, мулами тѣхъ людей
На рабскія, презрѣнныя работы
Вы гоните. Скажи теперь я вамъ:
Пустите ихъ на волю! Пожените

Ихъ на своихъ наслѣдницахъ! Зачѣмъ
Подъ ношами тяжелыми потѣютъ
Несчастные . . . . .

Вы на это

Мнѣ сказали бы: „рабы всѣ эти
Намъ принадлежать“. Ну, такъ и я отвѣчу:
Тотъ мяса фунтъ, котораго теперъ
Я требую—мнѣ очень много стоитъ;
Онъ мой, и я хочу имѣть его.
Откажете—я плюну на законы
Венеци: въ нихъ значить силы нѣтъ.
Я жду суда. Дождусь ли? отвѣчайте!

Здѣсь центръ тяжести всей драмы. Броткіе „арійцы“ вынуждаютъ Шейлока думать только о мести; месть эта жестока и ужасна, но не потому, что Шейлокъ по своей „еврейской натурѣ“ жестокъ и безсердеченъ, онъ пользуется исключительно законами, его же врагами установленными, его враги служатъ ему лучшимъ приѣмомъ, какъ на деньги и изъ-за денегъ можно превратить человѣческую личность въ вещь, можно ее унижать, оскорблять, мучить для своего удовольствія. Для Шейлока не существовалъ софізмъ, что рабы чернокожіе не настоящіе люди, для него фактъ оставался фактомъ, что людей травили собаками, убивали, рѣзали, отравляли, что скальпъ индѣйца цѣнился во столько-то, скальпъ негра во столько-то ¹⁾).

Шекспиръ самымъ нагляднымъ образомъ рисуетъ намъ жестокость и эгоизмъ Шейлока, не какъ специфическія черты еврея, а какъ жестокость и эгоизмъ всего европейскаго общества, и только съ устраненіемъ послѣднихъ могутъ исчезнуть и первые.

Но объ этомъ всего менѣе думаетъ „благородный“ дожъ и его братья; на ѣдку реплику Шейлока дожъ отвѣчаетъ:

Я властью своею распушу
Собраніе, коль нынче не прійдетъ
Белларіо, ученый докторъ; я
За нимъ послалъ для разрѣшенія дѣла.

¹⁾ Въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ евреямъ было дозволено имѣть въ услуженіи рабовъ, послѣдніе пользовались у своихъ еврейскъ хозяевъ необыкновеннымъ для того времени привольемъ. Авторитетный раввинскій кодексъ, Шулахъ-Арухъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка, поучаетъ: „благочестіе и разумъ требуютъ отъ человека, чтобы онъ былъ милосерднымъ, не угнеталъ и не обременялъ тяжелымъ трудомъ раба своего, кормилъ и поилъ его уснѣтъ, что у него есть, и не оскорблялъ его ни рукою, ни словомъ; онъ не долженъ кричать и ругать его, а говорить съ нимъ кротко и выслушивать его доводы“. И это постановленіе находило свое полное примѣненіе въ жизни. Историческіе факты подтверждаютъ, что еврей-хозяева были любимы своими рабами за ихъ кроткое и человѣческое обращеніе. См. Д. Елнѣтъ (Haschiloach IV).

Законы вѣдь существуютъ исключительно для охраны интересовъ „боролевскихъ купцовъ“, но ничуть не для „презрѣнныхъ“ евреевъ; необходимъ былъ поэтому крючкотворъ, который нашель бы какую-нибудь лазейку для спасенія Антонио и посрамленія Шейлока. И за лазейкой дѣло не стало. Хитрыми софизмами и вопиющими натяжками удалось устроить то, что Антонио не только сухъ изъ воды вышелъ, но ему не пришлось даже вернуть свой долгъ Шейлоку, а бѣдному Шейлоку пришлось разстаться со всемъ своимъ богатствомъ и вступить въ видѣ наказанія въ лоно католической церкви.

Это своеобразное рѣшеніе суда лучше всего охарактеризовалъ знаменитый юристъ Герингъ слѣдующей, не лишенной наоса тирадой: „мы имѣемъ тутъ дѣло уже не съ жидомъ, требующимъ своего фунта мяса, а съ закономъ Венеціи; право Венеціи и право еврея въ данномъ случаѣ тождественны, и съ паденіемъ второго рухнетъ первое. И когда Шейлокъ, согбенный подъ тяжестью приговора, удаляется, преслѣдуемый жестокими насмѣшками, мы не можемъ отогнать отъ себя мысли, что поражение потерпѣлъ законъ Венеціи. Мы имѣемъ предъ собой не ростовщика Шейлока, а типичную фигуру средневѣковаго еврея, этого парія общества, тщетно взыскающаго къ закону. Драматичность его положенія основывается на томъ, что онъ питаетъ твердое довѣріе къ закону, котораго ничѣмъ нельзя было поколебать и которое поддерживалось самимъ судьей—какъ вдругъ подобно удару грома надъ нимъ разражается катастрофа, открывающая ему глаза, что онъ—еврей, для котораго не существуетъ закона“.

Да, „право Венеціи и право еврея тождественны“, и если дѣлствительно „право“ послѣдняго несправедливо и антиобщественно, то оно лишь вызвано несправедливостью „права Венеціи“ и только съ измѣненіемъ послѣдняго измѣнится также и первое...

Шейлокъ—это продуктъ средневѣковыхъ условій жизни евреевъ. Такимъ долженъ былъ представлять себѣ средневѣковаго еврея англичанинъ Шекспиръ, который ничего не зналъ о рядѣ другихъ факторовъ въ еврейской исторіи: о внутренней духовной и религіозной жизни, неугасавшей даже въ эпохи страшныхъ гоненій. Такъ Шейлока показываетъ намъ то направленіе, куда вѣшнія условія толкали евреевъ. Драма Шекспира поучаетъ насъ также тому, что намъ нечего стыдиться прошлаго, нечего мало-

душно лепетать о снисхожденіи къ нашимъ недостаткамъ и вса-чески доказывать, что мы не такъ плохи, какъ думаютъ. Съ гор-до, высоко поднятой головой мы вправѣ заявить европейскому обществу: Если даже „мы искалѣчены безбожно, то это *ваши* въ томъ вина!“ Мы заразились *вашими* грѣхами, и если, проведши вашу средневѣковую школу, мы все таки не потеряли образа чело-вѣческаго, не стали хуже другихъ, то можемъ вполне этимъ гор-диться. Намъ смѣшны ваши жалобы на якобы низкій уровень нравственности іудазма, на „торгашескіе инстинкты“ іудеевъ— эти инстинкты внушены намъ вами же, евреи лишь усвоили нрав-ственность окружающихъ народовъ, они являются продуктомъ той соціальной несправедливости, на которой зиждется до сихъ поръ все европейское общество и отъ которой евреи же больше всѣхъ страдаютъ.

С. Л. Цинбергъ.

Ревизионная система въ народномъ хозяйствѣ по древне - еврейскому законодательству.

Альфреда Носсига.

I.

Въ издаваемомъ теперь сочиненіи, которое представляетъ собою попытку развитія провѣреннаго, раціональнаго социализма,—я замѣчаю: ¹⁾

«Мой социализмъ зиждется на древнѣйшихъ источникахъ, въ которыхъ, хотя и не названо ходячее слово, но сущность справедливаго и разумнаго общественнаго строя формулирована дальновиднѣе и удачнѣе, чѣмъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». Не въ современной, но въ древней социальной Библии я нашелъ, если не разрѣшеніе, то ключъ,—введеніе къ разрѣшенію социальной проблемы. Въ ней и въ политическихъ произведеніяхъ великихъ греческихъ философовъ намѣчены, по моему мнѣнію, тѣ общіе принципы, которыми должна руководиться и современная социальная реформа, несмотря на ея значительно усложненныя задачи. Даже теоретики социализма въ тѣхъ своихъ произведеніяхъ, которыя выдерживаютъ огненную пробу критики и имѣютъ непреходящее значеніе, сознательно или безсознательно основываются на возвращеніяхъ древнихъ мыслителей, а ихъ лучшія изслѣдованія, какъ напр. попытка опредѣлять законы прибавочной стоимости и концентраціи, представляютъ научное подтвержденіе тѣхъ хозяйственныхъ наблюденій, изъ которыхъ исходили ихъ древніе предшественники. Но, лишь только современные писатели исходятъ принципиально изъ другой точки зрѣнія,—критика всегда

¹⁾ „Revision des Socialismus“ Berlin 1901. Bd. I Prolegomena стр. X.

указываетъ имъ на незнаніе человѣческой природы и законовъ развитія соціального строя; поэтому соціалистическая доктрина, если только она получитъ общее признаніе всѣми, должна подчиниться переработкѣ согласно, если не слову, то духу тѣхъ великихъ законодателей ⁴⁾).

Тѣ великіе принципы, которые, происходя изъ историческаго опыта, должны лечь въ основу всѣхъ проектовъ будущихъ организацій, можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1. Ни свободная, ни принудительная система не представляютъ соціально-хозяйственной панацеи; вообще общественное зданіе нельзя построить прочно, положивъ въ фундаментъ *одну* изъ этихъ принциповъ. Изъ перваго естественно и непремѣнно рождается вторая.

Изъ принужденія и коллективной организаціи возникаетъ свобода и индивидуальная изолированность, изъ свободы—принужденіе и коллективное регулированіе. Фактически оба принципа уживались другъ подлѣ друга. Это наблюденіе, подтверждаемое опытомъ древняго міра, ведетъ къ сознанію, что соціальный строй долженъ покоиться на соединеніи обѣихъ системъ такъ, чтобы одинъ принципъ разумно смягчалъ и благотворительно дополнялъ другой.

2. Даже это соединеніе, постоянно примѣняемое на практикѣ, не ведетъ никогда къ продолжительному удовлетворительному состоянію; соціальное и хозяйственное развитіе вызываетъ невыносимо тяжелое положеніе, которое можно смягчить только новымъ вторженіемъ руководящей власти въ область соціальныхъ отношеній, новымъ упорядоченіемъ ихъ.

Можно только уравнить приблизительно имущественное состояніе, но никогда нельзя сгладить неравенство въ характерѣ и судьбѣ человѣка. Волге дѣятельные и способные къ важнѣмъ, наконецъ, просто баловни судьбы и случайности, будутъ благо-

---

⁴⁾ Уже Генри Джорджъ, отецъ новѣйшаго движенія въ пользу аграрныхъ реформъ, призналъ непреходящее значеніе соціально-политическаго законодательства Библии для разрѣшенія соціального вопроса и въ настоящее время. См. его сочиненіе „Moses“ (Boston 1897), которое доказываетъ, что авторъ „Прогресса и бѣдности“ нашель въ Пятикнижии толчекъ къ собственнымъ идеямъ и дѣятельности.

даря своимъ матеріальнымъ успѣхамъ всегда въ состояніи притѣснять другихъ, такъ что неравенство приметъ, наконецъ, чудовищныя формы. Поэтому, какъ и естественное развитіе хозяйственной жизни періодически ведетъ къ уклоненіямъ, такъ и въ систему должно войти *периодическое лѣченіе социальнаго организма*.

3. Только при соблюденіи этихъ условій можно замѣнить *стихийное развитіе, вытекающее изъ слѣпой классовой борьбы, сознательнымъ и предусмотрительнымъ руководствомъ общества*. Не революція составляетъ сущность уравнительнаго процесса, но слѣдующая за ней реформа строя. Та система, которая до нѣкоторой степени возводитъ реформу въ государственный принципъ, дѣлая ее базисомъ гибкаго, постоянно обновляемаго строя, устраняетъ необходимость кровавыхъ столкновеній обществъ.

Постоянное регулированіе социальной и хозяйственной жизни не остается, какъ доказала исторія, безрезультатнымъ, но оно не въ состояніи оказать продолжительнаго сопротивленія естественному процессу законѣрнаго развитія. Но съ того момента, когда этотъ пробѣлъ пополняется систематически, сознательная реформа становится всемогущею.

Теперь мы должны привести доказательства того, что тѣ принципы, которыми руководится новѣйшій раціональный социализмъ, на самомъ дѣлѣ заключаются въ древне-еврейскомъ законодательствѣ. Эти доказательства покажутъ намъ, что:

1. Та великая миссія, которую самые просвѣщенные элементы еврейства постоянно проповѣдывали своему народу—мыслителю и мученику, а именно: миссія борьбы за разумъ и справедливость,—борьбы за приближеніе гуманнаго социальнаго строя у всѣхъ народовъ—не была безуспѣшной, и глубокой проворливостью звучатъ вѣщія слова пророка: «Изъ Сіона ивойдетъ законъ» (Исаія гл. 2—3).

Далѣе станетъ ясно, что будущее еврейское государство можетъ заимствовать основныя черты социальной и хозяйственной организаціи изъ унаслѣдованнаго національнаго законодательства, и на долю его кодификаторовъ придется только приновить законодательное твореніе ихъ предковъ къ современной жизни.

Этому вопросу я посвятилъ еще неизданное произведеніе, изъ котораго я заимствую слѣдующее.

II.

Если еврейскіе законодатели и оцѣнили вполнѣ высокое социальное и хозяйственное значеніе индивидуальной благотворительности, если они рассматривали ее, какъ одинъ изъ необходимыхъ факторовъ общаго благоденствія, то все-таки гуманитарныя чувства состоятельныхъ гражданъ не были единственной гарантіей для неимущихъ, и моральная заповѣдь не была единственнымъ видомъ помощи нуждающимся. Наоборотъ: смягченіе экономическихъ бѣдствій путемъ добровольныхъ пожертвованій не исчерпываетъ всей разнообразной системы уравненія хозяйственныхъ и социальныхъ различій, которую мы находимъ въ древне-еврейскихъ произведеніяхъ. Мы обращаемъ особенное вниманіе на то, что хозяйственная, какъ и политическая система евреевъ, покоится на соединеніи принциповъ; даже въ этой области древне-еврейскій законъ не ограничивается примѣненіемъ одного шаблона для удовлетворенія разнообразнымъ социальнымъ нуждамъ.

Рядомъ съ индивидуальнымъ милосердіемъ выступаютъ государственная заботливость и общественные законы; рядомъ съ моральною заповѣдью государственное принужденіе; рядомъ съ непрерывнымъ смягченіемъ хозяйственныхъ контрастовъ,—идеть радикальное уравненіе имущественныхъ отношеній.

Эти постановленія составляютъ главное содержаніе закона о седьмомъ годѣ, этотъ годъ называется также годомъ отпущенія.

По другому толкованію, постановленіе о седьмомъ годѣ имѣло цѣлью сохраненіе естественнаго плодородія страны. Мы разсмотримъ только его важность для упорядоченія социальныхъ и имущественныхъ отношеній.

Еврейскій законъ ясно указываетъ на то, что постановленія о годѣ отпущенія необходимы для сглаженія хозяйственныхъ контрастовъ. Въ введеніи къ нему говорится: „Да не будетъ среди тебя нищаго... Все это, если только будешь слушаться голоса Гос-

пода Бога, стараясь исполнить всё заповѣди, которыя нынѣ заповѣдаю тебѣ» ¹⁾).

Въ чемъ же заключается сущность закона о годѣ отпущенія?

Первый принципъ, который опредѣляетъ, согласно еврейскому закону, распределеніе благъ, приобрѣтенныхъ трудомъ, можно выразить слѣдующей формулой:

„Каждый индивидуумъ вправе развивать свободно свои работо-способныя силы въ рамкахъ существующей политической, социальной и хозяйственной организаціи. Въ рамкахъ этого строя онъ вправе получать полный продуктъ своего труда и располагать приобрѣтенными благами по собственному усмотрѣнію».

Но тутъ встрѣчаешься съ ограниченіемъ этого положенія, съ закономъ о годѣ отпущенія:

„Для того, чтобы устранить продолжительное, чрезмерное накопленіе приобрѣтенныхъ трудовъ благъ въ рукахъ единичныхъ семействъ и предупредить полное обездоленіе другихъ, надо сдѣлать пользованіе этими благами временнымъ, надо закрѣпить ихъ за индивидуумомъ и потомствомъ его только на извѣстный періодъ“.

Уравненіе имущественныхъ отношеній, наступавшее подъ давленіемъ закона черезъ каждыя семь лѣтъ, обнимало три момента: отпущеніе долговъ, освобожденіе рабовъ и возвращеніе надѣловъ бѣднымъ

* * *

„Въ концѣ седьмого года дѣлай отпущенія. А отпущеніе состоитъ въ томъ, чтобы каждый заимодавецъ, который далъ въ займы ближнему своему, отпустилъ ему его долгъ и не взыскивалъ съ брата и ближняго своего, ибо провозглашено отпущеніе ради Господа Бога. Съ иноземца можешь взыскивать, но что будетъ у брата твоего, то отпусти“ ²⁾).

Всю важность этого закона можно оцѣнить только тогда, когда вспомнимъ о существованіи закона, который обязывалъ не

¹⁾ Второзаконіе гл. XV, 4—5.

²⁾ Второзаконіе, XV, 1—3.

отказывать бѣдняку въ займѣ даже передъ приближеніемъ года отпущенія ¹⁾).

Законъ объ отпущеніи долговъ особенно важенъ для рабочаго, ремесленнаго, мелко-промышленнаго и торговаго классовъ, доходы которыхъ часто недостаточны для покрытія расходовъ.

Тому, кто впалъ въ такую нищету, что принужденъ продать свою личность, годъ отпущенія возвращаетъ лучшее жизненное благо—свободу.

„Если продается тебѣ братъ твой, еврей или еврейка, то шесть лѣтъ онъ долженъ служить тебѣ, а въ седьмой отпусти его на свободу. И да не будетъ тебѣ тяжело отпускать на свободу, ибо въ шесть лѣтъ онъ заработалъ у тебя двойную плату наемника“ ²⁾).

Вмѣстѣ съ отпущеніемъ долговъ и освобожденіемъ крѣпостныхъ, законъ о годѣ отпущенія приказываетъ оставлять на седьмой годъ безъ обработки всѣ пашни, плоды съ которыхъ имѣли право собирать въ этомъ году только немущіе. Кромѣ того заповѣдь повелѣваетъ снабжать освобожденныхъ рабовъ всѣмъ необходимымъ.

„Не сожинай того, что выростетъ послѣ жатвы твоей и не снимай гродьевъ съ необрѣзанныхъ лозъ твоихъ; пусть будетъ это годъ покоя земли“.

„Но будетъ это во время покоя земли вамъ въ пищу, тебѣ и рабу твоему, и рабѣ твоей и наемнику твоему, и домашнимъ твоимъ и чужестранцу, поселившемуся у тебя“ ³⁾).

„Шесть лѣтъ обрабатывай свою землю и собирай плоды“.

¹⁾ Тотъ, кто отказывается дать ближнему своему въ займы передъ годомъ отпущенія, опасаясь, что долгъ его не будетъ возвращенъ ему, тотъ не исполняетъ запрета, ибо сказано:

„Берегись, чтобъ не вошла въ сердце твое беззаконная мысль: Приближается седьмой годъ,—годъ отпущенія“. И ты посмотришь немилостивымъ взоромъ на немущаго брата своего и не дашь ему, и онъ возопіетъ на тебя Господу, и будетъ на тебѣ грѣхъ.

Дай ему, и да не скорбитъ твое сердце, когда будешь ему давать; ибо благословить тебя за это Господь Богъ во дѣлахъ твоихъ и во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ. *וְרַחֵם לְבַבְךָ לְרֵעִיךָ כִּי יָמִין לְבָבְךָ לְרֵעִיךָ כִּי יָמִין לְבָבְךָ לְרֵעִיךָ*

²⁾ Второзаконіе, гл. XV, 12—18.

³⁾ Левитъ, гл. XXV, 5—6.

„А въ седьмой годъ оставляй ее незабѣянной, не трогай ее, чтобы питались бѣдные изъ твоего народа, а остатками послѣ нихъ чтобы питались звѣри полевые. Такъ же поступай съ виноградникомъ своимъ и съ маслиной своею“¹⁾.

О ссудѣ всѣмъ необходимымъ вольноотпущенниковъ говорится:

„Когда ты его освобождаешь, не отпускай его съ пустыми руками; но снабди его отъ стада своихъ, отъ гумна своего и точила; чѣмъ благословилъ тебя Господь Богъ твой, то дай ему“²⁾.

III.

Мы разсмотрѣли сущность закона о годѣ отпущенія въ его основныхъ чертахъ, какъ онъ формулированъ въ Библии. Мы знаемъ, что Талмудъ развилъ изъ этого кардинальнаго постановленія детальный законъ, который, предусматривая всѣ случаи, всѣ спорные пункты, дѣлаетъ возможнымъ практическое осуществленіе этихъ важныхъ постановленій. Желая оцѣнить все важное значеніе этихъ постановленій, мы должны помнить, что здѣсь идетъ рѣчь не о какой-либо законодательной химерѣ, но о практическомъ учрежденіи, которое получило свое полное историческое и законодательное осуществленіе. Годъ отпущенія есть не что иное, какъ Сохонна сиссахтіа, возведенная въ законъ.

То, что въ Греціи и послѣ въ Римѣ происходило подъ давленіемъ страшно изуродованныхъ соціальныхъ отношеній и примѣнялось мудрыми и гуманными государственными мужами, какъ единичная мѣра для укрощенія волновавшихся народныхъ массъ,—то еврейскій законъ вводилъ какъ постоянное учрежденіе для предотвращенія соціальныхъ и хозяйственныхъ кризисовъ.

Исслѣдуя законъ о годѣ отпущенія, видишь, что онъ касается именно тѣхъ моментовъ, которые въ другихъ государствахъ составляютъ главные источники великой соціальной

¹⁾ Исходъ гл. XXIII 10—11.

Въ „Ядъ-га-газака“ мы находимъ слѣдующее толкованіе этого закона: „кто собираетъ произведенія земли своей въ своемъ домѣ, тотъ обязанъ отдать ихъ въ распоряженіе всѣхъ, ибо написано: „Да ѣдятъ изъ этого бѣдные изъ народа твоего“.

²⁾ Второзаконіе, гл. XV, 13—14.

борьбы: монополизации произведеній земли богатыми, задолженности рабочихъ, наконецъ, долговаго рабства, вытекающаго изъ задолженности.

Уравненіе хозяйственныхъ отношеній (совершенно независимо отъ непрерывнаго вліянія добровольной благотворительности), уравненіе, которое примѣнялось каждая семь лѣтъ, не было только кажущимся. Когда крѣпостные освобождались, а вольноотпущенные снабжались всѣмъ необходимымъ для новой самостоятельной жизни; когда бѣдные освобождались отъ долговъ, а неимущіе могли воспользоваться всѣмъ свободно растущимъ въ полѣ,—тогда каждая семь лѣтъ происходилъ глубокой переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ, тогда накопившееся социальное недовольство и напряженіе получало выходъ, тогда новая виждущая сила вливалась въ душу угнетенныхъ, а духъ божественной справедливости проникалъ въ сердца состоятельныхъ.

Въ постановленіяхъ о годѣ отпущенія мы представили заключительную главу того великаго закона, который въ древней еврейской системѣ господствуетъ надъ всей общественной организаціей.

Талмудъ и Ядъ-га-газака рассматриваютъ только законъ о годѣ отпущенія и юбилейномъ годѣ какъ нѣчто взаимно связанное, рассматривая субботу особо.

Отъ нихъ ускользнуло, что и учрежденіе субботы есть важная составная часть великой и, несмотря на все свое разнообразіе, цѣльной моисеевой регулятивной системы. Седьмой день, седьмой годъ, семь разъ седьмой годъ; субботній годъ—годъ отпущенія, юбилейный годъ—годъ восстановления съ цѣлымъ сложнымъ комплексомъ специальныхъ законовъ,—всѣ они вытекаютъ изъ одной идеи, которая всякому безпристрастному наблюдателю социальной жизни должна показаться такой справедливой и естественной, что становится непостижимымъ, почему она осуществилась только въ моисеевомъ законодательствѣ. Подобно тому какъ индивидуумъ, для того чтобы не сдѣлаться жертвой губительной болѣзни, долженъ неусыпно слѣдить за состояніемъ своего здоровья, какъ индивидуумъ не можетъ пассивно и бессмысленно поддаваться вліянію жизни и работы, но долженъ чередовать ее съ отдыхами, оберегая свое здоровье и жизнен-

ную силу и предпринимая время от времени очищающее лѣчение и возобновленіе организма для возстановленія благополучія и равновѣсія всѣхъ его функцій, такъ и общество, руководимое сознаниемъ того, что сама жизнь уклоняетъ его организмъ отъ здоровыхъ нормъ, должно слѣдить за постояннымъ регулированиемъ его.

Не понятна-ли эта идея сама по себѣ? А все-таки мы видимъ, что даже тѣ немногіе народы, которые сумѣли создать болѣе справедливое и мудрое законодательство, остановились на этой первой ступени законодательной предусмотрительности. Творцы этихъ законодательствъ обманывали себя иллюзіей, что отношенія, выванные ими къ жизни, при добромъ желаніи народа сохранятся на необозримо далекія времена. Почти никогда не примѣняютъ они мѣръ, клонящихся къ постоянному реформированію нарушеннаго въ теченіе исторической эволюціи хозяйственнаго соціального строя.

Исторія различныхъ законодательствъ доказываетъ, что они были направлены не на сохраненіе здоровья, *не на предотвращеніе болѣзни*, не на *законодательную зміену*, но на лѣченіе болѣзни, спасеніе жестоко угрожаемаго организма, *законодательную терапію и даже хирургию*.

Приходилось перетерпѣть невыразимыя страданія, соціальная несправедливость должна была вопить до небесъ, упорно до послѣдней крайности должны были привилегированные защищать эту несправедливость, а часто дѣло доходило до революціи, и тысячи невинныхъ жертвъ падали, истекая кровью, раньше чѣмъ законодательная власть рѣшалась на недостаточное, часто только кажущееся сглаженіе рѣзкихъ контрастовъ. Это называется „законодательнымъ развитіемъ“, это—достопадный „соціальный прогрессъ“ человечества, которое переживаетъ свою исторію,—свое естественное физиологическое развитіе—безсознательно, безъ предусмотрительности: вмѣсто того, чтобы оградить плотный бурный потокъ и сдѣлать правильнымъ ложе его, вмѣсто того, чтобы направить историческую жизнь по спокойному, мирному руслу, какъ это достойно общества мыслящихъ существъ, оно, подобно безмозглому бревну, само уносится стихійнымъ теченіемъ.

* * *

Совершенно иначе въ древне-еврейской системѣ! Моисей, передъ которымъ стоялъ ясно фактъ эволюціи, который пророчествовалъ: „Послѣ моей смерти вы уничтожите это“, не допускаетъ предвидѣнное имъ искаженіе хозяйственнаго строя въ такой степени, чтобы, „судьи, которые будутъ въ то время“, принуждены были для устранения невыносимой нужды массъ вступать въ борьбу съ имущими классами (какъ ее пришлось вести римскимъ трибунамъ), или пока доведенная до отчаянія вслѣдствіе народная масса отстаить свое право кулакомъ.

Исторія древне-еврейскаго государства въ Палестинѣ, правда, имѣетъ и кровавыя страницы управленію нѣкоторыхъ царей, но мы не находимъ тамъ возстаній рабовъ, ни плебейскихъ, ни крестьянскихъ возмущеній. Мудрая предусмотрительность законодателей предотвращаетъ социальныя бури будущихъ вѣковъ. Неимущій и угнетенный не блуждаетъ безъ надеждъ въ своей утлой ладѣ по бурнымъ волнамъ жизни; какъ на морѣ послѣ темной ночи загорается заря, такъ и для него засіяетъ великій праздничный день отдыха; какъ мореплаватель послѣ грозы отдыхаетъ на островахъ, такъ и онъ наслаждается благотворными плодами года отпущенія; а когда наступаетъ юбилейный годъ, онъ, вздыхая, пристаётъ къ берегу, онъ возвращается къ отцовскому наслѣдію.

Древній еврейскій законъ, который регулируетъ въ такой искусной формѣ физическую гигиену индивидуума и общества, заботится не хуже объ устраненіи хозяйственныхъ болѣзней, о *сохраненіи здоровья общественнаго организма*.

Онъ даетъ рабочимъ покой раньше, чѣмъ они начинаютъ напрягать свои силы и испытываютъ бремя существующаго строя: это законъ о седьмомъ днѣ.

Онъ возвращаетъ рабамъ ихъ личную, а впавшимъ въ долги хозяйственную свободу раньше, чѣмъ они успѣютъ возстать въ дикомъ отчаяніи и кровожадномъ возмущеніи противъ своихъ господъ и кредиторовъ: это законъ седьмого года.

Онъ возвращаетъ разорившимся ихъ отцовское наслѣдіе, а обезземеленнымъ пролетаріямъ ихъ вотчинный участокъ раньше, чѣмъ крупное землевладѣніе успѣетъ сконцентрироваться въ монопольныхъ рукахъ и народъ, оторванный отъ питательной

груды природы, востанетъ противъ своихъ узурпаторовъ: это законъ объ юбилейномъ годѣ.

Эти законы о седьмомъ днѣ, седьмомъ годѣ и семь разъ седьмомъ годѣ составляютъ вмѣстѣ *великій субботній законъ*. Суббота недѣли, суббота семилѣтія, суббота пятидесятилѣтія,— всѣ онѣ направлены къ одной цѣли: къ достиженію непрекращающагося благосостоянія земли, людей и домашнихъ животныхъ *путемъ периодическаго распряженія хозяйственной машины, путемъ необходимой поправки вѣсъ хозяйственныхъ отношеній, правильнаго обновленія всего хозяйственнаго и социальнаго организма и возстановленія его нормальныхъ основъ послѣ цѣлой эпохи свободнаго примѣненія хозяйственныхъ силъ.*

Перев. С. Р.

Гласъ изъ пустыни.

Письмо шестое ¹⁾.

(Окончаніе ²⁾).

Сильное обаяніе имѣла на меня парижская народная масса, особенно съ перваго раза. Меня поразило въ ней нѣчто милое, наивное, какъ мнѣ казалось, чисто дѣтское. Но это обаяніе было довольно поверхностное и скоро прошло, когда я имѣлъ случай жить среди нея и присмотрѣться къ ней поближе.

Совсѣмъ не то виленская народная масса. Мужская половина поверхностнаго наблюдателя скорѣе оттолкнетъ своею непривлекательною внѣшностью, дѣйствительно, подчасъ отталкивающею. Но чѣмъ ближе съ нею знакомишься, тѣмъ болѣе выступаютъ ея несомнѣнные достоинства. Она имѣетъ въ себѣ много оригинальнаго, поражаетъ васъ своею непосредственностью, своею самобытностью. Ясно видишь, что тутъ нѣтъ ничего вычитаннаго, ничего искусственнаго; тутъ все быть живымъ ключемъ, все выходитъ изъ собственной одаренной природы. Это совсѣмъ не значить, что она идеально прекрасна. Достаточно того, что она имѣетъ въ себѣ много глубокосимпатичныхъ чертъ, что она представляетъ собою извѣстную духовную силу, укрѣпляющую вѣру въ народный еврейскій духъ. Вильна не имѣетъ въ настоящее время выдающихся личностей ни въ какой области; ея такъ называемая интеллигенція—какая-то жалкая, безцвѣтная, приниженно заискивающая, трусливая, угодливая, и притомъ крайне ничтожная. Она

---

¹⁾ Помѣщая настоящее письмо г. Бенъ-Ами, редакція считаетъ нужнымъ отмѣтить, что ко многимъ взглядамъ почтеннаго автора, высказываемымъ въ этой статьѣ, она не можетъ присоединиться.

²⁾ См. „Кн. Восхода“ № 7 с. г.

не выдвинула ни одного даже средне-способнаго общественнаго дѣятеля. Это, за небольшими исключеніями, въ сущности тѣ же приниженные панскіе факторы, только дипломированные, цилиндрованные и парфюмированные. Выспимъ и рельефнѣйшимъ выраженіемъ этого культурнаго факторства является этотъ печальной извѣстности виленскій институтъ съ его учительскимъ штатомъ, съ царящимъ въ немъ духомъ и направленіемъ, внушаемымъ будущимъ наставникамъ еврейскихъ дѣтей; каждый разъ, когда я проходилъ мимо этого «еврейскаго» учрежденія (говорятъ же еврейскіе беспорядки, подразумевая, разумѣется, антиеврейскіе), стоящаго по своему расположенію и по всему прочему столь далеко отъ всего еврейства, мнѣ припоминалась крѣпость Акра, куда въ эпоху маккавейской борьбы запирались всѣ еврейскіе перебѣжчики-эллинисты.

Ничтожность виленской еврейской интеллигенціи вообще, по моему, происходитъ исключительно отъ того, что она оказалась слишкомъ трусливой, для того чтобы быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей природѣ, и служить тѣмъ, кому она должна служить по своему долгу. Она, какъ и всѣ первые маскилимъ, почему-то уговорила себя, что дипломъ есть нѣчто въ родѣ увольнительнаго свидѣтельства отъ еврейства, и такимъ образомъ сама себя лишила жизненныхъ соковъ. Есть теперь, разумѣется, и такіе, которые бросили этотъ нелѣпый и преступный взглядъ, но ихъ еще очень мало.—Но если Вильна не имѣетъ истинной, воспитанной на самоуваженіи интеллигенціи, если она не имѣетъ ни одной крупной болѣе или менѣе выдающейся личности, за то вся народная масса здѣсь представляетъ собой выдающуюся личность, несомнѣнно стоящую выше средняго уровня даже среди литовскаго еврейства. И всѣмъ этимъ она обязана исключительно своей преобладающей духовной жизни, своимъ еврейскимъ знаніямъ. Нигдѣ не было столько сдѣлано для распространенія знаній среди народа, какъ въ Вильнѣ. Распространяли, естественно, тѣ знанія, какія здѣсь цѣнились выше всего, какія тутъ считались самыми важными и необходимыми. Не въ томъ важность, какія знанія распространяли, а важно то, что люди считали своимъ священнымъ долгомъ неустанно распространять то, что, по ихъ понятіямъ, было полезно и цѣнно.

Виленцы предупредили другихъ въ томъ, что называютъ

теперь народнымъ университетомъ. Тутъ народу читали и понынѣ еще читаютъ лекціи по всѣмъ отдѣламъ еврейскихъ знаній, читали въ тѣ дни и часы, когда народъ свободенъ: читаютъ въ сумерки, между минха и маривъ, читаютъ вечеромъ, читаютъ даже ночью. Впрочемъ, эти народные университеты, эти всенародныя чтенія существуютъ еще со временъ амораевъ, и получили особое распространеніе въ гаонскую эпоху; въ этомъ отношеніи Вильна, какъ и многіе другіе литовскіе города, продолжала дѣло великихъ академій Нагарден, Суры, Пумбадиты и др.

Въ синагогѣ чернорабочихъ (р'ууа л'т'т'м) ученіе происходитъ по смѣнамъ ночью съ пятницы на субботу. Одна группа рабочихъ слушаетъ чтеніе отъ девяти до полуночи, другая—отъ полуночи до трехъ и т. д.

Въ субботу послѣ обѣда опять происходятъ чтенія до самаго вечера. И такъ оно дѣлается во всѣхъ синагогахъ и клаузахъ, которыхъ безчисленное множество. Каждый клаузъ есть своего рода народная аудиторія. Разумѣется, эти чтенія носятъ совсѣмъ архаическій характеръ, отличаются большею односторонностью, какъ по существу, такъ и по формѣ, и многіхъ уже удовлетворять не могутъ. Объ этомъ рѣчь еще будетъ. Но они давали и даютъ еще понынѣ народной массѣ богатія умственныя и моральныя сокровища, даютъ ей духу чистое возвышенное питаніе, которое ее укрѣпляетъ, даетъ ей силы бодро переносить свою тяжелую трудовую жизнь, полную тяжкихъ лишеній. А развѣ этого мало! Развѣ это не величайшая заслуга! Да, что бы ни говорили наши экономическіе преобразователи, стремящіеся подорвать лучшія моральныя основы народа, внушая ему ненависть и презрѣніе ко всему его великому духовному міру, ко всѣмъ его религіознымъ, моральнымъ и національнымъ традиціямъ, чтобы привить ему одинъ только идеаль—матеріальное благо; что бы ни говорили эти недоучки, черпающіе весь свой умственный запасъ въ грошевыхъ брошюркахъ,—дать человѣку мужественно, бодро, безъ моральнаго ущерба, переносить свою неприглядную жизнь, иногда является болѣею заслугой, чѣмъ удовлетвореніе всѣмъ его матеріальнымъ нуждамъ, если даже допустить, что такое удовлетвореніе возможно когда либо. Еслибы мнѣ былъ предоставленъ свободный

выборъ: обезпечить своихъ дѣтей на всю ихъ жизнь матеріальными средствами, такъ чтобы имъ никогда не приходилось терпѣть никакой нужды, или же оставить ихъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, а дать имъ такой запасъ духовно-нравственныхъ силъ, которыя имъ обезпечили бы возможность мужественно, безъ ущерба для нравственного элемента, переносить въ жизни всякія лишенія и всякую борьбу и смотрѣть на всѣ матеріальныя блага, какъ на вещь второстепенную—я бы выбралъ послѣднее, и у меня была бы полная увѣренность, что ихъ будущность обезпечена, что я оставилъ достойное потомство, и спокойно я оставилъ бы міръ, при наступленіи назначеннаго мнѣ Провидѣніемъ часа. И то, что я выбираю для своихъ дѣтей, то я, разумѣется, и выберу для нашего народа.

Впрочемъ, что касается еврейскаго народа, то этотъ выборъ дѣлать теперь не приходится; онъ уже давно сдѣланъ Моисеемъ, пророками и ихъ продолжателями—талмудистами. Собственно выбора въ истинномъ смыслѣ нѣтъ. Историческій путь и жизненныя задачи для народа выбираетъ или налагаетъ необходимость, конечно, и эта необходимость соображается, такъ сказать, съ характеромъ народа.

Ибо не всякій народъ отдаетъ себя исключительному руководству одной слѣпой необходимости, а очень часто по возможности одолеваетъ ее, подчинивъ ее высшей, самимъ созданной необходимости моральнаго характера. Но это происходитъ позже, когда народъ уже выработалъ себѣ эту высшую моральную необходимость. И вотъ съ перваго момента, какъ евреи стали себя сознавать народомъ, т. е. отдѣльной человѣческой группой, связанной между собой узами крови и одинаковыми историческими воспоминаніями, связывающими еще больше, чѣмъ родство,—они создали себѣ весьма несложную и весьма опредѣленную жизненную историческую задачу: сохранить существованіе и особенности своей отдѣльной группы во вѣки вѣковъ, одолевая всѣ препятствія, какія бы они ни были. Сами эти племенные особенности сознательно признавались тоже съ самаго начала необходимымъ предохранительнымъ элементомъ противъ исчезновенія. Народъ словно предвидѣлъ свои будущія блужданія среди чужихъ племенъ, а потому и стремился

создать неизгладимые, въ характерѣ запечатлѣнные признаки, по которымъ странники могли бы узнать другъ друга. Инстинктъ самосохраненія, разумѣется, лежитъ во всѣхъ народахъ и племенахъ, какъ бы малы и ничтожны они ни были. Разница только та, что у еврейскаго народа этотъ инстинктъ рано переродился въ полное ясное сознаніе, которое проглядываетъ въ каждой почти строкѣ Библии и Пятикнижія въ особенности. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ преобладающимъ стремленіемъ сохраниться *quand même*, очень рано былъ выработанъ и путь къ самосохраненію. И великій народный геній, давшій нашему народу право назвать себя избраннымъ, обнаружился именно въ этомъ найденномъ пути.

Всѣ народы древняго и новаго міра, на какой бы высокой степени умственнаго развитія они ни находились, знали и признавали одинъ лишь путь къ своему сохраненію: быть сильнѣе всѣхъ другихъ. Этому пути слѣдовали въ древности всѣ народы, даже греки, этотъ величайшій въ культурномъ отношеніи народъ, который въ области мысли, искусства и художественной литературы достигъ такихъ высотъ. Этому пути неуклонно слѣдуютъ и самые культурные народы современности, какъ французы, создавшіе вслѣдствіе этого, гнусный и постыдный «культъ арміи», и даже англичане, болѣе другихъ современныхъ народовъ проникнутые моральными принципами.

Такимъ образомъ, народы міра всѣхъ временъ, всѣхъ расъ и всѣхъ ступеней умственнаго развитія отъ низшаго варварства до высшей культурности, не знали другихъ путей, кромѣ силы, имѣвшей поэтому наивысшую цѣнность. И естественно, что спартавцы, сосредоточившіе всѣ свои стремленія на созданіи сильныхъ гражданъ для борьбы съ илотами и внѣшними врагами, должны были дойти до того, что умерщвляли дѣтей, родившихся слабыми.

Одни евреи нашли новый, совершенно оригинальный и, какъ оказалось, совершенно вѣрный, и пожалуй даже, единственно вѣрный путь къ своему сохраненію: *быть лучше другихъ*, стать выше всякой внѣшней силы, или приобрести такую *внутреннюю, моральную* силу, которая сломитъ всякую внѣшнюю, физическую силу. Иудея, такимъ образомъ,

являлась моральною Спартою, великимъ инстинктомъ она осуждала на смерть морально слабыхъ.

Евреи, по превосходному и совершенно вѣрному выраженію великаго Ницше, рѣшились создать „новую таблицу цѣнностей“, возвысить то, что у всѣхъ было въ презрѣніи, создать новую *силу*, новое *право*, *силу и право духа*, который является преобладающимъ элементомъ, преобладающей цѣнностью, и слѣдствіемъ этого преобладанія явились сила и право слабого и беззащитнаго, т. е. всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые были осуждены остальнымъ міромъ на гибель. «Это потому, что они сами были самые слабые», объясняетъ Ницше. За эту совершенную евреями «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей», великій философъ на нихъ очень гнѣвается, находя, что гуманнѣе было бы дать слабымъ умереть, чѣмъ поддерживать ихъ обреченное на страданія существованіе. И это утвержденіе, что къ сказанной переоцѣнкѣ евреи были вынуждены собственной слабостью, отчасти вѣрно. Но только отчасти. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что то именно обстоятельство, что евреи были самые малочисленные, а слѣдственно самые слабые, и много терпѣли отъ сильныхъ, внушило имъ мысль искать спасенія не въ физической силѣ, а въ другомъ—въ моральномъ превосходствѣ. Но не можетъ быть также никакого сомнѣнія и въ томъ, что надобно было предварительно имѣть въ своей душѣ нѣкоторыя высшія наклонности, нѣкоторыя высшіе элементы, чтобы найти подобный исходъ, и не только найти, но и слѣдовать ему съ столь невѣроятнымъ упорствомъ и успѣхомъ.

Вѣдь и великій греческій народъ тоже въ концѣ концовъ очутился въ положеніи слабѣйшаго. Но онъ такого пути не выбралъ. И потому, когда у него изсякли силы для продолженія борьбы за свое самостоятельное политическое существованіе и онъ подпалъ подъ грубое солдатское иго Рима, онъ сталъ изсякать и умственно и скоро совсѣмъ исчезъ, потонувъ въ дикой пучинѣ окружающихъ варварскихъ народовъ,—исчезъ даже безъ борьбы, будто сказавъ себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ не стоитъ существовать, не обладая больше силой. Между тѣмъ то же самое, но еще болѣе жестокое и безпощадное римское иго вызвало евреевъ на величайшую въ исторіи героическую борьбу;

и когда они затѣмъ политически были окончательно покорены, ихъ умственные силы не только не иссякли, но еще больше стали крѣпнуть, больше стали развиваться, и они не только не исчезли, а, напротивъ, получили новыя жизненные силы, давшія имъ возможность пережить не только римлянъ, но еще другіе, выступившіе послѣ римлянъ побѣдоносные народы, которыхъ теперь и слѣда нѣтъ. Тутъ вполне умѣстно повторить слова пророка: „А вы, приставшіе къ Іеговѣ, Богу вашему, живы всѣ понынѣ“. Въ этихъ простыхъ словахъ вся философія исторіи еврейскаго народа.

Итакъ, въ то время, какъ всѣ народы міра стремились стать выше другихъ по своей матеріальной силѣ, видя въ этомъ способъ огражденія своего существованія, евреи стремились стать выше другихъ по своей моральной силѣ, видя только въ этомъ свое спасеніе и залогъ своего сохраненія. Съ одной стороны, они къ этому вынуждены были своей слабостью, съ другой стороны, прошедши тяжелую школу превратностей на самой зарѣ своей исторической жизни, они ясно видѣли, что внѣшняя физическая сила и даваемое ею преобладаніе преходящи и ничего прочнаго и вѣчнаго въ себѣ не заключаютъ. На смѣну одной силѣ выступаетъ другая, ее подавляющая, и такъ безъ конца,—и всѣ онѣ безслѣдно исчезаютъ одна за другой. «Не войскомъ, не силой, а духомъ»—вотъ отнынѣ девизъ еврейскаго народа на всемъ его историческомъ пути.

Уже израильскій царь Іогашъ называетъ пророка «кавалеріей Израиля и его колесницами». Ибо всякій пророкъ заключаетъ въ себѣ, дѣйствительно, несравненно больше силъ, чѣмъ сотни тысячъ янычаръ вмѣстѣ съ ихъ военными колесницами и ихъ вождями. И точно такъ же, какъ другіе народы стремились физической силой достигнуть не только само-сохраненія, но и преобладанія и владычества надъ другими, и евреи думали о преобладаніи и владычествѣ помощью моральнаго превосходства; правильнѣе было бы сказать, что они собственно не мечтали о своемъ преобладаніи, а о преобладаніи духовныхъ идеаловъ вообще, какъ о залогъ всеобщаго счастья.

Эта мечта явилась уже высшимъ выраженіемъ національнаго альтруизма или универсализма и возникла гораздо позже въ эпоху великихъ пророковъ.

И такъ, преобладаніе духовныхъ стремленій надъ матеріальными, ставшее основной національной чертой еврейскаго народа, является не слѣдствіемъ отреченія отъ жизни, какъ объ этомъ кричатъ наши новоявленные спасители, а какъ разъ наоборотъ. *слѣдствіемъ жгучаго стремленія къ жизни*, подражывая подъ послѣдней не обычный, физиологическій процессъ, а высшее проявленіе духовныхъ силъ человѣка. Любить наслажденія жизни и стремиться къ нимъ нисколько незначитъ еще любить жизнь. Напротивъ того, никто такъ не сокращаетъ и не отравляетъ свою жизнь, какъ тотъ, который пользуется одними ея наслажденіями, или же страдаетъ отъ отсутствія этихъ наслажденій. Я ужь въ другомъ мѣстѣ указалъ, что обыкновенно лишаютъ себя жизни тѣ, которые не видятъ возможности удовлетворять своимъ физическимъ желаніямъ и страстямъ.

Еще меньше достигается счастье удовлетвореніемъ всѣхъ матеріальныхъ вожделній, всѣхъ матеріальныхъ нуждъ даже. Ибо за удовлетвореніемъ одной нужды возникаетъ другая; одна удовлетворенная потребность порождаетъ другую, такъ что въ концѣ концовъ удовлетворенія и нѣтъ. Между тѣмъ, крѣпкій закаленный бодрый духъ, дающій возможность стать выше всѣхъ этихъ плотскихъ стремленій и наслажденій и ставить ихъ ни во что, уже въ одномъ этомъ находитъ высокое удовлетвореніе, часто даже счастье. И такой человѣкъ несомнѣнно *сильнѣе* того, кто удовлетвореніе матеріальныхъ желаній ставитъ на первомъ планѣ... Величайшіе народы древности погибли именно потому, что наслажденія жизнью и разныя блага ея стали главной основой ихъ стремленій, погибли постыдно, отъ внутренняго разложенія.

Въ Иудеѣ во время послѣдней борьбы съ Римомъ нашелся одинъ вождь—измѣнникъ; въ Греціи ихъ были десятки въ каждомъ городѣ. Не было почти той маленькой греческой республики, въ которой большая часть сенаторовъ не продалась бы Риму. На евреевъ доносили самаритяне, въ Греціи одна республика доносила на другую, при малѣйшей попыткѣ вырваться изъ римскихъ лапъ. И этимъ благороднымъ дѣломъ предательства не брезгали ни Аеины, ни „суровая“ Ликургова Спарта.

Для Рима побѣда надъ Иудеей была великимъ событіемъ. Въ

память этой побѣды была воздвигнута триумфальная арка. Побѣда же надъ Греціей не заняла никакого мѣста среди военныхъ подвиговъ Рима и ничѣмъ не была ознаменована. „La Grèce n'était pas un adversaire pour Rome, говоритъ Викторъ Дюрюи въ своей Исторіи Греціи. Toute énergie morale et toute force matérielle l'avait abandonnée. Plus de mœurs, plus de religion, plus de patriotisme, plus rien en un mot, de ce qui rend une nation forte contre l'étranger¹⁾).

Только люди, которые выше всего ставятъ свои духовныя приобрѣтенія и нравственный обликъ своей національности, не могутъ мириться съ чужимъ игомъ и со всякой зависимостью. Достаточно было какому нибудь Фламину или Павлу Эмилию, или другому безпощадному римскому полководцу сейчасъ же послѣ наложенія своихъ цѣпей устроить какія-нибудь «игры» или другое зрѣлище, легкомысленные, надкіе на забавы греки тотчасъ же забрасывали цвѣтами своихъ покорителей. Тѣ же игры и зрѣлища, устроенныя въ Іудеѣ, вызывали ненависть и отвращеніе въ іудейской массѣ. И смѣшно было даже думать подкупить ее подобными «мерзостями».

Когда этотъ великій ригоризмъ вызываетъ негодованіе Ренана или Момзена, это въ порядкѣ вещей. Естественно также, если за это установленіе новой таблицы нравственныхъ цѣнностей сильно недоволенъ Фридрихъ Ницше. Собственно на евреевъ Ницше большею частью негодуетъ тогда, когда онъ отождествляетъ позднѣйшее христіанство съ іудаизмомъ, что онъ дѣлаетъ такъ частенько. Самъ же іудаизмъ въ немъ часто встрѣчалъ восторженнаго панегириста. Но что неестественно, это то, что за послѣдніе два-три года въ древнееврейской печати завелось мною «ницшеанцевъ», которые проповѣдуютъ противъ всего того, что связано съ еврейскимъ духомъ, съ еврейской нравственностью и идеализмомъ. Для этихъ литераторовъ, все несчастье еврейства въ его нравственно-религіозныхъ идеалахъ, которые будто изуродовали его, отдалили отъ «естества», отъ природы.

¹⁾ Греція не была противникомъ для Рима. Она давно лишилась всякой моральной и матеріальной силъ. У нея не было больше ни нравственныхъ основъ, ни религіи, ни патріотизма, словомъ ничего такого, что дѣлаетъ народъ сильнымъ въ борьбѣ съ иностранцемъ.

Жилъ-былъ еврей въ идиллическомъ счастьѣ, согласно «продѣ своей», и вдругъ навалили на него горы «хагигисъ», т. е. Писаніе, и съ тѣхъ поръ прощай счастье, прощай «жизнь» и т. д.

«О, какъ прекрасна, какъ возвышена, какъ обаятельна, какъ мощна, какъ сильна была эта жизнь до полученія Писанія!» восклицаетъ, напимѣрь, одинъ изъ нихъ и всѣ остальные приходятъ въ восторгъ отъ этихъ словъ своего «вождя», и съ неистовствомъ принимаются топтать все, что имѣетъ отношеніе къ Писанію, словно ихъ высшій идеалъ только въ томъ и состоитъ, чтобы все разрушать, забросать грязью, затоптать все великое историческое прошлое.

На второмъ Базельскомъ конгрессѣ было заявлено, что ни сіонизмъ вообще, ни культура не предпринимаютъ ничего такого, что затрагиваетъ іудаизмъ. Это приводитъ г. Бердичевскаго въ такое негодованіе, что онъ восклицаетъ: «О если бы у меня былъ громкій голосъ, я бы наполнилъ весь станъ Израильскій своими пронзительными и горькими криками по поводу этого позорнаго дѣла! Если бы у меня было достаточно слюны, я бы заплевалъ всѣхъ этихъ представителей культуры и т. д.». И онъ садится на землю и справляетъ трауръ «по этимъ людямъ земли, которые падаютъ ницъ предъ людьми неба, и по этимъ скрижаламъ, которыя преклоняются предъ разбитыми скрижалами». Г. Бердичевскій думалъ, что еврейскій народъ на первомъ планѣ, а не его Тора, и вдругъ строители не рѣшаются ничего разрушать. Да, скажемъ мы, именно еврейскій народъ на первомъ планѣ; именно потому, что его существованіе и его сохраненіе стоитъ выше всего и составляетъ первенствующую задачу, мы такъ дорожимъ «Писаніемъ», которое и создано исключительно какъ ея лучшая охрана и никакой другой цѣли не имѣетъ. И что оно выполняетъ свою великую задачу, это мы видимъ изъ того, что мы всѣ существуемъ, въ то время какъ народы, на которыхъ не «навалили горы хагигисъ», давно исчезли. И если наша жизнь, дѣйствительно, представляетъ много уродливаго, а иногда сплошное уродство, въ этомъ мѣстѣ всего виновато Писаніе. Кромѣ того, нужно помнить что «Писаніе» не «дается», не «налагается» посредствомъ угрозъ, что оно есть созданіе народнаго духа, выработанное многими вѣками. Отъ того-то «Израиль и его Тора—одно»; они нестѣ

лимы другъ отъ друга, какъ душа отъ тѣла. О нѣкоторымъ образомъ насильственномъ наложеніи Писанія еще могутъ говорить другіе народы, которымъ оно, дѣйствительно, осталось чуждымъ по духу, и такимъ образомъ, повело къ величайшему лицемерію. И въ этомъ отношеніи Шопенгауэръ, пожалуй, имѣлъ основаніе сердиться на евреевъ и приходитъ въ негодованіе за все содѣянное еврейскимъ духомъ «надъ лучшими европейскими умами».

Да, утверждать, что намъ было навязано Писаніе, то же, что утверждать, что намъ былъ навязанъ цвѣтъ волосъ и т. п. Писаніе настолько же наше созданіе, какъ мы его. Послѣ «полученія Писанія» еврейжили добрыя тысячи лѣтъ нормальной и правильной народной жизнью, среди природы, согласно своимъ «естественнымъ склонностямъ».

Нѣтъ, не «Писаніе» изуродовало нашу жизнь, а тѣ кровавадыя фанатики, которые захватили монополію на «Писаніе», прикрывая его великими нравственными принципами свои неисчислимыя злодѣянія.

Они у насъ отняли природу, лишили насъ свѣта и воздуха, заставили уклониться отъ естественнаго нашего историческаго пути, они, а не Писаніе, и даже раввины или Шулханъ-Арухъ съ его мельчайшей регламентаціей нашей внутренней жизни. Сама эта регламентація, со всей ея безпримѣрной мелочностью, явилась необходимостью именно вслѣдствіе нашей ненормальной, не нами направляемой жизни, явилась необходимостью, опять таки въ видахъ той же охраны нашего національнаго существованія. Если мѣры къ охранѣ были слишкомъ суровы, это потому, что какъ говорятъ французы, *nécessité prime tout, c'est à la guerre comme à la guerre.*

Мы жили постоянно въ военномъ лагерѣ, окруженные сплошной массой враговъ; и нелѣпо и смѣшно произносить филиппики и негодовать за то, что подобная жизнь, вѣчно угрожаемая, вѣчно отравляемая, не регулировалась такъ, какъ регулируется мирно текущая, ничѣмъ и никѣмъ не нарушаемая народная жизнь. Эта лагерная или бивуачная жизнь среди непріятели для насъ нисколько не прекратилась, а мѣстами даже обострилась, и говорить объ оправденіи всего строя еще слишкомъ рано и слишкомъ опасно. Пускай станемъ на собственныя

ноги, пускай заживемъ собственною жизнью, въ собственномъ углу, тогда само собою будетъ упразднено очень многое, что уже отслужило свою службу въ изгнаніи, а на его мѣсто возникнетъ что-нибудь новое, вытекающее изъ новыхъ условий жизни. Слѣдовать же крикливымъ совѣтамъ фанатиковъ, требующихъ упорно прежде всего разрушенія еще до соизданія чего-либо новаго.—это могутъ только поверхностные люди. Одной критикой, издѣвательствами надъ всѣмъ прошлымъ и настоящимъ народъ жить не можетъ. Ему нужны опредѣленные и твердо установленныя духовныя и моральныя основы, безъ которыхъ ему грозитъ неминуемая гибель. Но до этого какъ будто и дѣла нѣтъ нашимъ легкомысленнымъ реформаторамъ. Après nous le déluge, разсуждаютъ они, и съ насмѣшкой на устахъ принимаются топтать всѣ святыни народныя.

Но есть у насъ еще другого рода проповѣдники, самые, къ сожалѣнію, теперь многочисленныя и все болѣе овладѣвающіе умами народной массы, проповѣдники, которые тоже топчутъ и попираютъ все нравственно-духовное достояніе еврейства, но уже съ болѣе радикальною цѣлью,—именно съ цѣлью полного упраздненія самого еврейства, какъ религіи и національности. Евреи должны бросить всѣ свои національные идеалы, отказаться отъ всѣхъ національныхъ интересовъ и соединиться воедино съ «великой всемірной социаль-демократической партіей», для общей борьбы,—и тогда все человѣчество будетъ спасено, а среди нихъ, разумѣется, и евреи. Ибо всѣ люди раскроютъ тогда другъ другу свои широкія братскія объятія, вездѣ будетъ царить одно только братство и справедливость. Всѣ религіи будутъ упразднены, забыты всѣ праздники. Только одинъ праздникъ сохранится для всего слившагося человѣчества,—это «священный праздникъ перваго мая». Все это, конечно, не ново: ново только то, что упраздненіе еврейства ради этихъ будущихъ отдаленныхъ благъ довольно энергично проповѣдуется черной невѣжественной еврейскою массою во многихъ мѣстахъ нашей несчастной осѣдлости, проповѣдуется съ фанатическимъ пыломъ и поразительнымъ верхоглядствомъ. Все, что не связано тѣсно съ самыми узкими матеріалистическими интересами дня, часто подвергается грубымъ издѣвательствамъ. Надо стремиться только къ одному—къ удовлетворенію сво-

ихъ физическихъ и матеріальныхъ потребностей, говорятъ многіе изъ нихъ. Все остальное—выдумки разныхъ дураковъ, раввиновъ или іезуитовъ, которые хотятъ закабалить народъ и убаюкиваютъ его разными глупостями.

Болѣе всего имъ ненавистны еврейскіе націоналисты, для которыхъ и костры недостаточны.—Националисты—сильнѣйшіе враги еврейской массы, «дикіе реакціонеры», идущіе рука объ руку съ капиталистами и раввинами, между тѣмъ какъ они, экономическіе матеріалисты, его истые спасители. Ибо спасеніе человѣчества и еврейства только въ марксизмѣ, и кто отвлекаетъ народъ отъ этого спасительнаго стремленія—преступникъ, лицемеръ и т. д. Библія—безнравственная книга, которая привела къ порабощенію человѣчества, и т. д. и т. д. Словомъ, нѣтъ на свѣтѣ ничего святаго, кромѣ того, что проповѣдуется ими въ жаргонныхъ книжкахъ.

Вотъ уже наша національная черта. Наше единобожіе мы перенесли на все, даже на самые низменные и ничтожные предметы. Во всемъ мы, такъ сказать, «монисты». Мы допускаемъ только одну святыню, одинъ авторитетъ, одну идею и т. д. Если мы хасиды, то признаемъ только нашего ребе; онъ выше всѣхъ на свѣтѣ, а всѣ остальные—ничтожества и обманщики. Если мы культурные люди и празднуемъ какого-нибудь писателя, то онъ вдругъ оказывается выше и лучше всѣхъ, чуть-ли не всѣхъ писателей на свѣтѣ, которые ровно ничего въ сравненіи съ нимъ. Обнимемъ мы какую-нибудь идею, она оказывается единственной въ мірѣ, и всѣ остальные ничего не стоятъ и подлежатъ полному уничтоженію. Исповѣдуютъ социализмъ и нѣмцы, и французы, и англичане, и итальянцы и всѣ прочіе народы Европы, и никому изъ вождей этого движенія, къ какой бы національности они ни принадлежали, не прійдетъ въ голову проповѣдывать ради этой идеи разрушеніе національныхъ идеаловъ своего народа,—даже тамъ, гдѣ эти національные идеалы сильно противорѣчатъ общечеловѣческимъ идеаламъ, т. е. просто идеаламъ справедливости.

Люди, которымъ наши «марксисты» предлагаютъ свой «союзъ», быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ самые обиженные; но изъ этого нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы они были самые справедливые. Когда они получаютъ преобладаніе, они обнару-

жать, безъ всякаго сомнѣнія. тѣ же человѣческія слабости, что и другіе. Ибо на то они люди и люди со всѣми недостатками, свойственными людямъ. То, что они когда-то жили долго подъ гнетомъ, такая же слабая гарантія противъ угнетенія другихъ, какъ гнетъ, который когда-то терпѣла отъ дворянства буржуазія, мало обезпечилъ такъ называемое четвертое сословіе отъ гнета этой послѣдней.

Люди весьма скоро забываютъ всѣ пережитыя ими страданія, и это ихъ никогда не останавливаетъ причинять страданія другимъ. Да развѣ теперь даже всѣ эти глубоко обиженные и угнетаемые не являются часто самими злыми и грубыми угнетателями тамъ, гдѣ представляется возможность, развѣ они не обнаруживаютъ часто возмутительнаго эгоизма? Сколько ненависти, напр. обнаружили американскіе рабочіе къ несчастнымъ китайцамъ. И мало развѣ они обнаруживаютъ ненависти и вражды къ прибывающимъ въ Америку бездомнымъ евреямъ?

Чтобы новая теорія вмѣстѣ съ экономическимъ строемъ замѣнила и психологическій строй, до этого еще очень далеко. Затѣмъ, надо еще замѣтить, что буржуазія вступила во власть при гораздо лучшихъ обстоятельствахъ, съ гораздо большимъ запасомъ идеализма и вѣры въ идеалы, которая въ наше время значительно подорвана отчасти самимъ же социализмомъ, выставившимъ, хотя съ одной стороны и справедливый, но все таки узко-материалистическій идеаль, отчасти общимъ материалистическимъ направленіемъ вѣка.

Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что глубокое нравственное паденіе современной Европы произошло именно отъ того, что, начиная съ сороковыхъ годовъ, тамъ на первомъ планѣ выдвинуты идеалы экономическіе. Социализмъ, несмотря на высшую основу справедливости, которая въ немъ легла съ самаго начала, отчасти потерялъ высокій идеализмъ, вложенный въ него первыми великими проповѣдниками, и сдѣлался во многихъ случаяхъ узкимъ одностороннимъ, почти грубымъ материалистическимъ ученіемъ. Говоря больше всего сердцу, правильнѣе желудку массы, онъ очень скоро совершенно овладѣлъ ея умами, вытѣснивъ оттуда всякія другія стремленія, болѣе возвышен-

наго характера, и столь же необходимы для счастья этой самой народной массы.

Если во Франціи удалось спасти республику, то это не благодаря «объединенію всѣхъ республиканскихъ силъ», не благодаря «твердости министерства», а благодаря только тому, что претенденты слишкомъ жалки и ничтожны, что такъ называемая «націоналистическая» партія не могла выставить ни одной болѣе или менѣе порядочной, импонирующей личности, а выдвинула разныхъ жалкихъ арлекиновъ, способныхъ только на театральныя позы и жалкую театральную декламацию въ родѣ Деруледа и ему подобныхъ шарлатановъ патріотизма.

«Notre malheur, сказалъ мнѣ въ прошломъ году одинъ заурядный старый аристократъ изъ высшихъ офицеровъ версальской кавалеріи, очень ревностный монархистъ, *notre malheur, c'est que nos prétendants sont des nullités, et. Если бы не это, qu'ils n'ont aucune valeur morale*» ¹⁾, переворотъ было бы очень легко сдѣлать. «*Et pour le peuple il ne se fiche pas mal de leur république. Il est tout fichu dans le socialisme*» ²⁾).

И это совершенно вѣрно. Соціалисты во Франціи часто выражали свое полное равнодушіе къ идеаламъ свободы и республики и другимъ общественнымъ идеаламъ, неоднократно заявляли, что имъ нѣтъ дѣла до государственнаго строя и образа правленія. Они уже, очевидно, забыли совсѣмъ, что можетъ еще наступить такое положеніе вещей, при которомъ сразу упраздняются всякія стремленія, всякія задачи, какъ подрывающія основы. За тѣми, которые уже объѣлись свободы и забыли, что такое неволя, пошли повторять подобныя нелѣпости и такіе, которые и въ глаза ей никогда не видали и даже не знаютъ, съ чѣмъ ее ѣдятъ, эту самую свободу. Отъ грубыхъ матеріалистическихъ стремленій, обуявшихъ людей всѣхъ отбѣнокъ и возрѣній, естественно было перейти къ благоговѣнію передъ грубой силой. И вотъ мы видимъ, что не только политиканы, но и народная масса свободныхъ странъ ревѣла отъ безумнаго восторга при видѣ представителей наибольш-

¹⁾ Наше несчастье въ томъ, что наши претенденты—ничтожества, не имѣющія никакого моральнаго значенія.

²⁾ Что касается народа, ему плевать на ихъ республику. Онъ весь торчать въ социализмъ.

шей грубой силы, что первенствующую роль въ Европѣ играютъ не тѣ, которые даютъ міру наиболѣе умственныхъ сокровищъ, а тѣ, что выставляютъ наибольшее количество солдатъ. На сколько велико преклоненіе передъ грубой солдатской силой, показываетъ весь этотъ страшный дрейфусовскій процессъ, созданный только наглостью грубыхъ солдатъ, но больше всего слѣдующее: во время борьбы изъ-за дрейфусовскаго дѣла самые благородные защитники правды, къ которымъ принадлежатъ высшіе, благороднѣйшіе идеалисты Франціи, всегда считали нужнымъ прежде всего расшаркаться передъ арміей, заявлять свою любовь и уваженіе къ ней. И ни у кого не хватило духа крикнуть Франціи, что этотъ «культъ арміи» есть величайшій позоръ, признакъ страшнаго паденія; что долгъ всякаго порядочнаго человѣка бороться противъ этого глубоко постыднаго явленія. Разумѣется, въ этомъ самомъ низкомъ изъ всѣхъ культовъ, какой когда-либо создало человѣчество, большую роль сыграла идея *revanche*. Но развѣ сама эта столь же дикая, какъ и жалко тщеславная идея, не вытекаетъ изъ тѣхъ же причинъ, на которыя я указалъ выше? Свободный и наиболѣе культурный народъ, чтобы «смыть позоръ» (?), понесенный на полѣ битвы, воспитываетъ цѣлыя поколѣнія на идеѣ мести, вноситъ ее въ *программы обученія* ¹⁾, вноситъ этотъ самый ужасающій изъ всѣхъ ядовъ въ дѣтскую душу. И это все для того, чтобы возстановить славу французскаго оружія, т. е. чтобы больше, упаси Господи, не говорили, что прусскіе солдаты умѣютъ лучше убивать людей, чѣмъ французскіе. Смоетъ-ли когда либо Франція *этотъ* позоръ? Но о смываніи нравственнаго позора народы никогда не заботятся. Вотъ до чего доводитъ преобладаніе матеріалистическихъ идеаловъ надъ духовно-нравственными.

Эти матеріалистическія стремленія, помимо того, вполне на руку ненавистникамъ свободы въ Европѣ и всѣмъ тѣмъ, узкіе интересы которыхъ эта свобода нарушаетъ. Очень легко сдѣлать массѣ ту или другую уступку въ экономической области, совершить ту или иную реформу въ социальномъ строѣ, тѣмъ болѣе, что

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть книги для чтенія (*lecture courante*), изданныя для коммунальныхъ школъ за послѣднія тридцать лѣтъ.

во многихъ странахъ это дѣлается не въ ущербъ правящему классу,—и такимъ образомъ пріобрѣсть благодарность и расположеніе этой массы, какъ оно и происходитъ теперь въ самомъ дѣлѣ. И этимъ усиленіемъ достигается то, что очень многіе высшіе человѣческіе интересы забываются, высшія задачи остаются неразрѣшенными. Объ этомъ должны бы подумать тѣ, которые отъ разрѣшенія однихъ экономическихъ вопросовъ ждутъ наступленія новой эры въ жизни евреевъ.

Врядъ-ли такъ можно ожидать, чтобы послѣ разрѣшенія насущныхъ экономическихъ вопросовъ, наступилъ періодъ высшихъ духовно-нравственныхъ стремленій и высшаго усовершенствованія вообще. Если бы оно было такъ, то въ моральномъ и умственномъ отношеніи должны стоять выше всѣхъ швейцарцы. Ибо несомнѣнно, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ они пользуются наивысшимъ благосостояніемъ, живутъ счастливѣе другихъ. Они, дѣйствительно, имѣютъ нѣкоторыя мѣщанскія добродѣтели, но въ общемъ этотъ народъ—узко эгоистичный и мелочный, крайне ограниченный и вырождающійся. Они за послѣднее столѣтіе не создали ни одного великаго человѣка, ни въ одной области. Даже выдающіеся профессора университетовъ всѣ почти иностранцы, *des célébrités empruntées*, для привлеченія учащихся.

Послѣ этихъ общихъ соображеній перейдемъ къ еврейскому народу. Выдвигать у насъ, евреевъ, экономическій вопросъ въ этой формѣ, т. е. формѣ социализма и формѣ классовой борьбы, по моему убѣжденію, верхъ нелѣпости. Мы, конечно, люди, и все человѣческое можетъ насъ интересовать въ известной степени. Мы также обязаны по мѣрѣ силъ нашихъ содѣйствовать установленію хотя нѣкоторой возможной справедливости въ этой области. Но мы *не въ томъ* положеніи, чтобы втягивать нашу народную массу въ эту общую, крайне сложную и опасную борьбу.

А что сказать о деморализующемъ вліяніи этой ревностно прививаемой ненависти одного противъ другого. Достаточно указать на ужасающую варварскую расправу съ однимъ «эксплоататоромъ» (въ сущности *зорькимъ бѣднякомъ*), имѣвшую мѣсто года три тому назадъ въ Бѣлостокѣ, чтобы прійти въ содроганіе. Гдѣ и когда среди еврейскихъ труженниковъ могли

имѣть мѣсто такія гнусныя дѣянія? И подобныя злодѣйства вѣдь могутъ еще нѣкоторыми возводиться на степень подвига. И въ этомъ-то самое гнусное! Нѣтъ! Злодѣяніе, кѣмъ и во имя чего бы то ни было совершенное, остается злодѣяніемъ, а если оно дѣлается во имя экономическихъ интересовъ, оно еще гнуснѣе, еще отвратительнѣе!

Я не знаю вообще ничего болѣе нелѣпаго, болѣе бессмысленнаго, какъ общепринятый путь къ установленію правды и справедливости посредствомъ крови. Мы со справедливымъ ужасомъ и отвращеніемъ читаемъ о кровавыхъ дѣйствіяхъ и всякихъ дикихъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ во имя торжества какого-либо привилегированнаго класса или же торжества извѣстныхъ религиозныхъ догматовъ. Но чѣмъ лучше кровавыя дѣйствія во имя торжества какой либо идеи, какъ бы возвышена она ни была? Нѣтъ, я не могу постигнуть, какъ это человѣкъ, проникнутый возвышенной идеей, возвышеннымъ стремленіемъ, можетъ совершить что-либо низкое, подлое, жестокое. Вы знаете, почему во имя догматовъ и всего прочаго совершались такія страшныя злодѣянія? Это потому, что совершали ихъ въ самомъ дѣлѣ злодѣи съ варварскою душою, съ дикими кровожадными инстинктами, которые ничего общаго не имѣли съ догматами, за которые они совершали столько зла. «При всякой борьбѣ необходимы жертвы», бросаютъ вамъ въ подобныхъ случаяхъ истрепанный отвѣтъ. Но не въ жертвахъ только дѣло, а въ той деморализаціи, которую производятъ среди борцовъ эти ужасныя человѣческія жертвоприношенія, эта гнусная роль палачей. Оттого-то всѣ эти страшныя кровавыя жертвы не даютъ желанныхъ результатовъ и добытая этимъ путемъ справедливость въ концѣ концовъ превращается въ такую же несправедливость, какъ и та, въ борьбѣ съ которой было принесено столько жертвъ. Что же касается всякихъ «возмездій и воздаяній», то помимо того, что они бесполезны и гнусны сами по себѣ, мы врядъ-ли въ сущности на нихъ имѣемъ даже тѣнь нравственнаго права. Исторія человѣческихъ несправедливостей часто сводится къ хохлацкой поговоркѣ: «Колі дурень дае, то разумный бере». И право, во мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень часто глупость дающихъ дурней возбуждаетъ столько же негодованія, сколько злость

и несправедливость берущихъ разумниковъ. Глупость эта настолько велика и безгранична, что уже вовсе не необходимо быть разумнымъ, чтобы брать. Кому же тогда возмездіе! Нѣтъ, настоящій путь къ установленію справедливости есть, по моему, только одинъ: это сильная, сознательная воля. Пускай только всякій твердо и безповоротно рѣшитъ и заявитъ: «этого я не желаю»,—и не надо будетъ никакихъ жертвъ. А если это недостижимо, то недостижима никакая справедливость. Ибо это ясно доказываетъ, что требующіе для себя справедливости сами ею не проникнуты.

Если этотъ способъ утвержденія вѣры и идеаловъ правды помощью крови и огня на столько усвоенъ арійскими народами, что они не могутъ себѣ представить другого способа борьбы, то навязывать его евреямъ, которые, какъ мы видѣли выше, давно уже нашли другой путь въ борьбѣ—путь самоусовершенствованія прямо преступно и легкомысленно. Но именно эти-то всѣ арійскіе пути больше всего мило сердцу нашихъ преобразователей, уже просто потому, что они арійскіе. И какъ я уже упомянулъ выше, они еще съ болѣею ненавистью и болѣею остервенѣніемъ кричатъ противъ всѣхъ еврейскихъ національныхъ идеаловъ, чѣмъ противъ ненавистныхъ «капиталовъ». Причиной этого является по большей части ихъ круглое невѣжество во всемъ еврейскомъ.

Иначе они знали бы или принимали бы во вниманіе, что первые великіе элементы социальной и экономической справедливости установлены Библией, что никто съ такой пламенной любовью не защищалъ бѣднаго труженика, какъ Библия и пророки наши, никто не металъ такихъ громовъ, не говорилъ съ такимъ вулканическимъ негодованіемъ противъ обидчиковъ и угнетателей бѣдняка, какъ они, эти величайшіе въ мірѣ провозвѣстники высшей правды и высшей справедливости. Конечно, Библия и пророки требовали одной только справедливости, строгой справедливости, возможной и достижимой при данныхъ свойствахъ человѣческой природы.

Совершенно справедливо говорить Гейне ... «bereits Moses war ein solcher Socialist, obgleichers als ein practischer Mann bestehend Gebräuche, namentlich in Bezug auf das Eigentum, nur umzum-

deln suchte tu Ja statt mit dem Unmöglichen ringen, statt die Abschaffung des Eigenthums tollköpfig zu dekretieren, erstrebte Moses nur die Moralisierung desselben, er suchte das Eigenthum in Einklang zu bringen mit der Sittlichkeit, mit dem wahren Vernunftrecht.

Разумѣется, въ этомъ отношеніи богатые евреи кое-что могли бы и должны бы сдѣлать.

Но въ основѣ характеръ людской, очевидно, не подвергается никакимъ измѣненіямъ, и въ то время, какъ даже самыя твердыя каменные глыбы поддались влиянію дѣйствующихъ на нихъ природныхъ силъ, твердыя каменные сердца богатыхъ устояли среди всѣхъ превратностей и сохранили всю свою недоступность какимъ-либо воздѣйствіямъ и чувствамъ..

И строгіе охранители религіозныхъ заветовъ и традицій, и высококультурные хранители всякихъ либеральныхъ принциповъ и прогрессивныхъ заветовъ въ отношеніи жестокосердія и безсердечнаго пренебреженія всякими интересами слабого и отъ нихъ зависящаго не уступятъ другъ другу. Да, придется, къ стыду нашему, признаться, что нигдѣ эксплуатація чужого труда не доходитъ до такихъ безсовѣстныхъ размѣровъ, какъ среди нашихъ еврейскихъ кулаковъ вообще, а кулаковъ Литвы, въ особенности, и именно потому, что тутъ предметомъ ихъ гнета являются исключительно ихъ несчастные братья.

Да, евреи больше всего и безсовѣстнѣе всего эксплуатируютъ своего брата еврея, пользуясь его беззащитностью и безправіемъ, его бѣдностью, словомъ всеми его несчастями, чтобы высосать всѣ его соки, всю его бѣдную кровь, которую ему еще оставили другіе. Страшно сказать, что въ *религіозномъ отношеніи* еврейскій трудящійся людъ больше всего терпитъ отъ своего же брата еврея, особенно на югѣ и въ частности въ Одессѣ, гдѣ преобладаетъ грубый утилитарно-мѣщанскій духъ даже среди дипломированныхъ торгашей. Тутъ еврей рабочій скорѣе найдетъ возможность праздновать субботу и другіе праздники, работая у христіанъ, чѣмъ работая у своихъ братьевъ евреевъ. На еврейскомъ `сахарномъ и другихъ еврейскихъ заводахъ *не принимаютъ* вовсе евреевъ, которые не желаютъ работать въ субботу, между тѣмъ, какъ напр. на фа-

брикъ ваксы и жестяныхъ вещей француза евреевъ въ субботу овозоуждаютъ, если они того желаютъ. Я видѣлъ рабочую книжку одного еврейскаго рабочаго въ промышленномъ заведеніи еврея. Тамъ, между прочимъ, находится такой пунктъ: «Въ два дня Рошъ-Гашона и въ день Іомъ-Кипура рабочіе евреи, по желанію, могутъ быть освобождены отъ работы, *но съ условіемъ отработать въ другіе дни*». Нужно замѣтить, что четыре пятыхъ рабочихъ въ этомъ заведеніи—евреи, и будь у патрона капля желанія и самоуваженія, онъ могъ бы совершенно закрывать свое заведеніе по еврейскимъ праздникамъ, не закрывая его по воскресеньямъ. Но гдѣ у торгашей возьметса человѣческое достоинство, когда его такъ мало у евреевъ высшей культуры?

Если эти господа такъ нагло и такъ безцеремонно топчутъ религію своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ, за то найдется между ними не мало такихъ высокостерпимыхъ и великодушныхъ патроновъ, которые въ рождественскіе праздники устраиваютъ для своихъ возлюбленныхъ рабочихъ (изъ которыхъ, быть можетъ, одна пятая неевреевъ) театральныя зрѣлища, на которыя «изволить» явиться какая-нибудь важная «особа». Развѣ не стоитъ ради такой высокой чести затоптать въ грязь все еврейство? Кто этого не дѣлаетъ во Израиль...

У военнаго вѣдомства очень часто можно добиться освобожденія еврейскихъ солдатъ на Сукотъ, на Пасху особенно. У еврейскихъ же фараоновъ въ Одессѣ никогда! И такое фараонское безсердечіе и пренебреженіе всѣми религіозными и духовными нуждами рабочихъ и служащихъ проявляютъ не только крупные заводчики, но и всякіе крупные и некрупные торговцы и лавочники. Этими благородными чувствами стали проникаться уже нѣкоторые ремесленники. Я лично знаю одного столяра, который заставляетъ работать своихъ малолѣтнихъ учениковъ по субботамъ и еврейскимъ праздникамъ. Правда, этотъ столяръ есть созданіе рукъ ремесленной школы «Трудъ», гдѣ ученики, если пріобрѣтаютъ плохое знаніе своего ремесла, за то научаются безъ всякаго труда относиться съ полнымъ презрѣніемъ ко всему еврейскому.

Въ Николаевѣ, который съ такой ревностью перетаскиваетъ

къ себѣ всю одесскую «культуру», одинъ бѣдный еврейскій кузнецъ мнѣ жаловался, что ни въ одной еврейской кузницѣ его не хотѣли принять, потому что онъ отказывался работать въ субботу.

Когда-то подобныя новости составляли исключительную привилегію богатаго класса. Теперь сословныя преграды рушатся, устанавливается равенство, и маленькій человекъ можетъ себѣ позволить такую же крупную мерзость, какъ и большой», — vive l'égalité!!.. Я еще долженъ былъ бы указать на многіе другіе факты этого рода; но я еще когда-нибудь специально поговорю объ этихъ еврейскихъ фараонахъ, поработавшихъ не только тѣло, но и душу своихъ рабовъ, оказывающихъ столь деморализирующее вліяніе на народную массу, отнимая у нея все дорогое, все святое.

На Литвѣ пока этого нѣтъ, и, за единичными исключениями, субботній и праздничный покой соблюдается тамъ очень строго, особенно же въ Вильнѣ, къ великой досадѣ высококультурныхъ торгашей, очень возмущающихся подобными «предразсудками».

За то въ будни стараются вознаградить себя за потраченное на субботній и праздничный покой время. Литовскіе торгаши такъ счастливы, что они часовъ не считаютъ. Экая важность, если служащій тамъ посидитъ лишнѣхъ пять шесть часовъ «въ дѣлѣ».

Въ Ковнѣ, напр., со мною былъ такой случай.

Уже въ двѣнадцатомъ часу, какъ только я улегея, утомленный съ дороги, ко мнѣ стучатся въ номеръ, я кое-что на себя набрасываю и въ большой досадѣ отворяю. И вдругъ ко мнѣ вваливается человекъ семь-восемь молодыхъ людей. Я еле удерживаю свое негодованіе, но оказывается, что это все несчастные, служащіе *въ банкирскихъ конторахъ*, откуда они только въ этотъ часъ освобождаются, и другого времени они не могли бы найти, чтобы заглянуть ко мнѣ. Бываютъ времена, когда сводятся счета, тогда они уходятъ въ свои конторы въ пять часовъ утра, оставляютъ ихъ въ одиннадцать и берутъ еще работу на домъ, гдѣ часто просиживаютъ ночи на пролетъ надъ цифрами.

За такой каторжный трудъ вознагражденіе отъ двадцати пяти до шестидесяти рублей ежемѣсячнаго жалованья. Шесть-

десять рублей, впрочемъ, уже получаетъ лучший бухгалтеръ, составляющій главную «руку» въ конторѣ. Мнѣ недавно попался одинъ очень интересный документъ на жаргонѣ. Это что-то въ родѣ заявленія виленскихъ прикащиковъ. Съ чувствомъ досады я читалъ сначала разныя крикливыя фразы, взятыя на прокатъ изъ известной дешевой крикливой «литературы», всю эту жалкую болтовню о «священномъ правдикѣ» перваго мая и т. п. Потомъ мнѣ все это просто показалось смѣшнымъ. Но когда я дошелъ до предъявляемыхъ требованій, меня охватила глубокая боль, и не смѣяться, а плакать мнѣ хотѣлось.

Знаете-ли, чего хотятъ эти страшные еврейскіе «газлонимъ»? Они требуютъ, чтобы ихъ заставляли работать *не больше двѣнадцати часовъ въ сутки*, чтобы жалованье выдавалось не въ концѣ мѣсяца, а въ концѣ cadaго полумѣсяца и т. п.

Это достаточно иллюстрируетъ ихъ положеніе. Не удивительно поэтому, что вышеупомянутое «движеніе» съ такой быстротой охватило этихъ несчастныхъ. И за всю деморализацію, которую производитъ эта беспочвенная болтовня, за всѣ грубыя отвратительныя сцены издѣвательства надъ еврействомъ, вызываемыя фанатическими невѣжественными проповѣдниками, виноваты всѣ эти безсердечные дикіе эгоисты, нежелающіе знать ничего, кромѣ своихъ узкихъ и минутныхъ интересовъ. Какъ хотите, а фанатизмъ, съ которымъ эти господа отстаиваютъ свои мелкіе гроши, отвратительнѣе всѣхъ другихъ видовъ фанатизма.

Но съ этими господами нечего разсуждать. Не они сдѣлаютъ какія-либо уступки въ пользу высшихъ общихъ интересовъ. Не пресыщеніе учить благородству и великодушію, а лишения и страданія. И потому-то всѣ жертвы общему народному еврейскому дѣлу приносила всегда народная масса. Это она вынесла на своихъ плечахъ еврейство до сихъ поръ; она можетъ его выносить и дольше.

Поэтому преступны тѣ, которые ее отвращаютъ совершенно отъ ея великихъ духовныхъ задачъ, и направляютъ всѣ ея силы на одни только матеріалистическія стремленія, уподобляя ихъ такимъ образомъ тѣмъ грубымъ матеріалистамъ, противъ которыхъ они борятся. Эта узость и исключительность, убивающія то, что есть самаго цѣннаго въ еврейской

народной массѣ, ея духъ, больше всего и вызываетъ наше негодование. Тутъ повторяется то же, что наблюдалось въ первое время нашего такъ называемаго «просвѣтительнаго движенія». Что можно имѣть противъ самаго широкаго и безграничнаго приобрѣтенія знаній, которыя вездѣ и всегда только укрѣпляютъ и возвышаютъ народный духъ и народное самосознаніе? Но наши ешиботники-просвѣтители полагали, что нельзя приобрѣтать хоть на одинъ грошъ знанія, безъ того, чтобы не затоптать при этомъ въ грязь хоть что-либо еврейское. Это, вѣроятно, происходило отъ того, что они привыкли раньше смотрѣть на науку какъ на «трефъ», а на все еврейское какъ на «кошеръ», и по старой традиціи боялись смѣшивать кошеръ и трефъ. Потому-то, быть можетъ, каждый разъ какъ изъ ешиботовъ выходятъ новые ряды просвѣщающихся, повторяется то же явленіе.

Узость выражается не въ одной исключительности направленія, но въ обобщеніяхъ и сваливаніи всѣхъ и всего въ одну кучу. Не мало еще духовныхъ и нравственныхъ элементовъ, не мало высокаго идеализма и безкорыстія можно найти среди буржуазнаго нашего класса, не мало можно тамъ также найти любви къ народной массѣ и глубокой, беззавѣтной преданности еврейству. Не потому человекъ ненавистенъ, что онъ богатъ, а лишь тогда, когда во имя своего богатства, онъ свои личные интересы ставитъ выше всѣхъ общихъ интересовъ, принося послѣдніе въ жертву первымъ.

Такой эгоизмъ болѣе свойственъ богатымъ и привилегированнымъ классамъ, потому что онъ часто является абсолютнымъ условіемъ полученія богатства и привилегій. Но его совсѣмъ не мало и среди неимущаго и безправнаго класса, который было бы негѣно воспѣвать и идеализировать. Подобной апологіей мы унижаемъ только народную массу и приносимъ ей не мало вреда. Мы не должны ее отдѣлять отъ другихъ классовъ, и чѣмъ дороже она намъ, какъ наиболее слабый и вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболее сильный элементъ, тѣмъ меньше мы должны скрывать ея недостатки: напротивъ того, мы обязаны ихъ знать и указывать на нихъ, чтобы устранять ихъ, чтобы предотвратить грозящую опасность отъ нашего народнаго организма. Находятся однако такіе тупицы и лице-

мѣры, которые чувствуютъ себя оскорбленными, какъ «евреи», когда кто либо, безъ трусливаго оглядыванья по сторонамъ, безъ вниманія къ тому, что скажутъ или подумаютъ «они», смѣло выставляетъ пороки и недостатки нашей народной массы.

Въ своихъ страданіяхъ и униженіяхъ мы всё равны, всё—евреи; и преступно возбуждать между нами ненависть и рознь, да еще въ такой моментъ, когда намъ болѣе всего необходимо единеніе для преслѣдованія одной общей цѣли, когда наша разобщенность и безъ того доходитъ до опасныхъ, угрожающихъ размѣровъ. Да, у насъ нѣтъ и не можетъ быть отдѣльныхъ классовыхъ интересовъ. У насъ, у всѣхъ одинъ общенародный интересъ!

Я только теперь оглянуся и вижу, какъ далеко я «уклонился» въ сторону. Но есть-ли это въ самомъ дѣлѣ отклоненіе? Еврейскій публицистъ находится въ положеніи той бѣдной матери, которая на минутку снимаетъ съ своего сынишки бѣдную старую одежду, чтобы пришить пуговицу. Но разворачивая ее, она открываетъ прорѣхи въ рукавахъ, прорѣхи спереди, прорѣхи сзади, прорѣхи повсюду. Она, разумѣется, откладываетъ пока пуговицу въ сторону и принимается ревностно штопать всё эти прорѣхи. И мы, затрагивая одинъ вопросъ, наталкиваемся помимо воли нашей на сотни другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ, которыхъ обойти нельзя. И такъ, мнѣ еще придется возвратиться къ оставленной на время духовной жизни виленской и вообще литовской массы, представляющей собой еще столько глубоко интереснаго, оригинальнаго и поучительнаго для будущаго, для того будущаго, которое должно быть тѣсно связано съ прошлымъ, составляя его облагороженное продолженіе.

Бень-Ами.

Дни испытанія.

Е. Левонтина.

Часть вторая.

XIV.

Дача семьи Энгельштейновъ построена въ видѣ замка съ множествомъ затѣйливыхъ башенъ, въ стилѣ замковъ средне-вѣковыхъ бароновъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали сами Энгельштейны, потому что знаменитый архитекторъ, строившій дачу, увѣрилъ ихъ, что это будетъ именно баронскій замокъ. Дача кругомъ утопаетъ въ зелени. Передъ обширной верандой разставлены въ строгомъ порядкѣ тропическія растенія въ изящныхъ кадкахъ, а вдали виднѣется роскошный коверъ изъ цвѣтовъ,—дѣло рукъ опытнаго садовника нѣмца. Этотъ садовникъ и нѣсколько его помощниковъ съ педантичной аккуратностью слѣдятъ за всякимъ кустикомъ и цвѣткомъ, за многочисленными бесѣдками, фонтанами и статуями, разставленными на перекресткахъ всѣхъ аллей.

На верандѣ сидятъ теперь оба хозяина, Владиміръ и Давидъ, и озабоченно о чемъ-то разговариваютъ. Глядя на нихъ, можно подумать, что эти почтенные биржевые дѣятели и миллионеры говорятъ о биржевыхъ спекуляціяхъ, объ акціяхъ и бумагахъ. На самомъ дѣлѣ, почтенные банкиры заняты теперь совсѣмъ другимъ дѣломъ.

— Если-бы нашъ старикъ отецъ былъ еще живъ, то вѣдь намъ нельзя было-бы даже смотрѣть ему въ глаза,—проговорилъ, вздыхая, Давидъ Исааковичъ.—А можетъ быть, тогда Александру и не пришла бы въ голову подобная мысль.

— А развѣ теперь это у него уже рѣшено безповоротно?—спросилъ Владиміръ, бросивъ испытующій взглядъ на брата.

— Я не хотѣлъ говорить съ нимъ, а онъ меня не спрашивалъ. Но Розалія рассказала мнѣ объ этомъ, послѣ того какъ—по ея словамъ—«сынъ открылъ передъ нею свою душу и рассказалъ ей о своемъ сердечномъ горѣ».

— А она что?

— Кто, Розалія?

— Ну, да....

— Она, повидимому, готова благословить этотъ союзъ. Ей очень улыбается перспектива родства съ родовитой дворянской фамиліей, да и дѣвушка ей очень нравится...

— Дѣвушка... Да, она хорошая, скромная такая.

— Ей, правда, больно, говорить она, что ея сынъ перемѣнитъ религію. Но она не хочетъ быть помѣхой на пути чистой любви, противиться желанію двухъ любящихъ сердець...

— Ну, это бабьи сказки.

— И я ей говорилъ то же самое. Я ей сказалъ, что мнѣ это невыносимо, я и мой братъ ежедневно ходимъ въ синагогу, чтобы читать Kadisch по умершемъ отцѣ, а нашъ сынъ измѣнитъ религію отцовъ...

— Да, не хорошо это. Мнѣ это совсѣмъ не нравится...

— И я ей сказалъ также, что не хорошо это и что мнѣ это совсѣмъ не нравится. Я уговаривалъ Розалію, чтобы она постаралась удержать Александра отъ этого шага, что это только временное увлеченіе хорошенькимъ личикомъ.

— Да-съ, дѣвушка красивая, словъ нѣтъ.

— А если ужъ онъ хочетъ непременно жениться, то мало ли есть прекрасныхъ еврейскихъ дѣвушекъ? Ну хотя бы дочь М., вѣдь она красавица... Если-бы онъ захотѣлъ, онъ могъ-бы и за границу поѣхать, а тамъ много найдется образованныхъ дѣвушекъ, дочерей извѣстныхъ банкировъ и аристократовъ... За него любая пойдетъ. Парень онъ умный,

воспитанный, знает языки, знает толкъ въ биржевыхъ и банковыхъ операціяхъ... Что-же ты, братъ, скажешь? Посо-вѣтуй, что дѣлать...

— Я думаю, если его одолѣла страсть, то уже онъ отъ этой мысли не откажется...

— Что же намъ тогда дѣлать?... Я этого не пере-несу... Признаюсь тебѣ, что я его возненавижу за этотъ поступокъ. Я ему тогда прямо заявлю, что не желаю его видѣть больше ни въ моемъ домѣ, ни въ конторѣ... Пускай поищетъ себѣ мѣста въ другомъ банкѣ—и посмотримъ, какъ онъ будетъ жить безъ нашей помощи...

— Что же, онъ пользуется уже на биржѣ солидной извѣстностью, какъ знатокъ банкирскихъ операцій.

— Пускай дѣлаетъ, что ему угодно... А я его и знать не хочу... Я ему прямо скажу сегодня, что не буду считать его своимъ сыномъ, если онъ приведетъ въ исполненіе свое желаніе; пускай не надѣется на мою помощь и на мои день-ги.... Я—почетный членъ здѣшней еврейской общины, пред-сѣдатель благотворительнаго общества... Вѣдь это будетъ позоръ для меня и для всей семьи...

— Да, что и говорить. Это намъ не прибавитъ чести.

— Вотъ видишь, ты того же мнѣнія, что и я, и если-бы Ровалія ему не потакала, то онъ, пожалуй, и выбросилъ-бы изъ головы эту дурь... Это она во всемъ виновата... Она стоитъ на своемъ... Это, дѣйствительно, нехорошо, говоритъ она, и мнѣ навѣрное вдвое пріятнѣе было-бы, если-бы Александръ женился на еврейкѣ, но на то-молъ Божья воля. «Такъ Богъ велитъ» говоритъ она, а между тѣмъ она въ Бога не вѣруетъ... Не смѣшно-ли это?

— Понятно, вадоръ мелеть, такъ слова на вѣтеръ пускаетъ:

— А я, благодаря этому, ничего не могу предпринять, чтобы удержать сына отъ этого шага... Ничего не подѣлаешь нѣтъ выхода...

Въ то самое время, какъ братья были заняты разго-

воромъ, тамъ въ глубинѣ сада, въ тиши бесѣдки, сплошь обросшей вьющимися растеніями, сидѣли «два любящихъ, сердца», о которыхъ говорили братья.

Александръ и Наталія тихо разговаривали, глядя другъ на друга радостными, влюбленными глазами.

Они уже не скрывали своихъ чувствъ другъ отъ друга. Только одно обстоятельство служило препятствіемъ на ихъ пути: религія Александра и его еврейское происхожденіе. Наталія знала, что ея отецъ придетъ въ ярость, когда узнаетъ, что дочь выходитъ за еврея. Она знала, что отецъ однихъ только дворянъ и считаетъ порядочными людьми, видя въ нихъ «соль земли» и украшеніе отечества, на всѣхъ разночинцевъ, купцовъ и пр. онъ смотритъ свысока, какъ на сбродъ, чернь... Нечего и говорить уже о евреяхъ, къ которымъ всѣ обыватели ея родного города питали чувства гадливости и презрѣнія, хотя они почти никогда еврея и въ глаза не видали. Наталія еще помнитъ, какъ бабушка, занявшаяся ея воспитаніемъ, послѣ смерти матери, говорила ей, когда хотѣла напугать: «вотъ жидъ придетъ и заберетъ тебя въ мѣшокъ». А въ темныя зимнія ночи, когда на дворѣ завывала вьюга, бабушка рассказывала ей страшную сказку о Богомъ отверженномъ жидѣ, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, объ этомъ извергѣ рода человѣческаго, блуждающемъ и скитающемъ изъ страны въ страну, не находя себѣ покоя за то, что не увѣровалъ въ христіанство. Нельзя себѣ представить, чтобы отецъ теперь согласился на этотъ бракъ.

Вотъ почему Наталія въ послѣднее время была очень недовольна дворянами-аристократами и ихъ отжившими, обветшалыми предразсудками... Но Михаилъ Денисовъ увѣрялъ ее, что все уладится, какъ нельзя лучше, что ему удастся уговорить ея отца, чтобы тотъ далъ свое согласіе и благословеніе, когда Александръ приметъ христіанство. Онъ увѣренъ, что блескъ золота Энгельштейновъ будетъ импонировать даже такому праведнику, какъ его дядя, который будетъ очень радъ тому, что его дочь живетъ въ роскоши и богатствѣ. Онъ на-

конецъ, объяснить ему, что семья Энгельштейновъ почти что дворяне. Вѣдь они потомственные почетные граждане, имѣютъ много знаковъ отличія, и стоитъ только отцу Александра пожертвовать еще нѣсколько тысячъ на какое нибудь благотворительное дѣло, чтобы получить орденъ Владимира, дающій ему право записаться въ дворянство...

Теперь, сидя вдвоёмъ въ уединенной бесѣдкѣ, они все говорили о препятствіяхъ, стоящихъ на пути къ ихъ браку. Александръ заявилъ ей, что онъ рѣшилъ официально перемѣнить религію.

— Религія, дорогая моя, — пытался онъ оправдать свое рѣшеніе — существуетъ только для людей темныхъ, не знающихъ свѣта просвѣщенія, чтобы обуздать ихъ естественныя страсти, ихъ злую волю, не воспитанную на основахъ любви ко всѣмъ людямъ. Но намъ, людямъ современной цивилизаціи, намъ, стоящимъ на порогѣ XX столѣтія, когда весь міръ озарится свѣтомъ знанія, — намъ религія ничего дать не можетъ. Мы знаемъ, что весь міръ живетъ и движется по вѣчнымъ, непреложнымъ законамъ, а не по волѣ какого-то таинственнаго духа-невидимки. Мы знаемъ, что и жизнь человѣческая подчиняется извѣстнымъ неизбѣмымъ законамъ, и мы должны принимать съ радостью все хорошее, что даритъ намъ природа и культура, наслаждаться всѣмъ этимъ здѣсь на землѣ до самой гробовой доски, когда мы исчезнемъ навсегда....

Наталя въ душѣ не могла согласиться съ этими словами, потому что она была проникнута вѣрой съ самаго дѣтства, благодаря полученному въ домѣ отца воспитанію, и всегда въ часы житейскихъ невзгодъ она прибѣгала къ молитвѣ, которая возвышала ея душу и смирала внутреннюю тревогу... Но теперь она не могла спорить со своимъ возлюбленнымъ. Она склонила голову къ нему на плечо и нѣжно обняла его. Его поцѣлуй успокоилъ ея душевныя волненія...

* * *

Александръ не любилъ откладывать дѣло въ долгій ящикъ

и долго размышлять надъ чѣмъ - нибудь. И на этотъ разъ онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе отправиться къ священнику, который, какъ ему говорили, принимаетъ прозелитовъ. Сидя на второй день послѣ описанной нами сцены въ конторѣ, онъ вдругъ поднялся и попросилъ одного изъ служащихъ занять его мѣсто до его прихода, говоря, что ему нужно не надолго отлучиться въ городъ и что онъ скоро вернется. Одѣвшись въ прихожей, онъ на минуту остановился въ размышленіи: если-бы онъ открылъ сосѣднюю дверь, онъ могъ-бы теперь поговорить съ отцомъ въ его кабинетѣ и заявить ему, что онъ окончательно рѣшилъ устранить всѣ препятствія, мѣшающія его браку съ Натальей; онъ могъ-бы просить у отца прощенія за этотъ поступокъ, въ виду его беззавѣтной любви къ Натальѣ, сказать ему, что жизнь будетъ ему въ тягость, если онъ не достигнетъ своей цѣли. Но, постоявъ немного, онъ махнулъ рукой и быстро направился къ выходу.

— Лучше, если я никому теперь ничего не скажу, а потому— *finita la comedia*, и всѣмъ волей-неволей придется помириться съ совершившимся фактомъ. А теперь стоитъ-ли слова тратить попусту?...

Александръ позвалъ извозчика и поѣхалъ къ дому того священника. Ему открыла дверь какая-то старушка и вопросительно посмотрѣла на него.

— Батюшка дома? Могу я его видѣть?—спросилъ Александръ.

— Пожалуйте, сударь, во вторую комнату. Я сейчас позову его,—отвѣтила старуха.

Александръ вступилъ въ большую комнату съ окнами на улицу, заполненную деревьями. Спустя нѣсколько минутъ, открылась противоположная дверь, и на порогѣ показался высокаго роста старикъ съ длинной сѣдой бородой, широкимъ лбомъ и умными глазами, въ которыхъ свѣтились ласка и привѣтливость. На немъ былъ поношенный изъ чернаго сукна подрясникъ, на груди висѣлъ большой золотой крестъ. Слегка

согнувшись, старикъ медленными шагами приблизился къ гостю и тихо проговорилъ:

— Прошу васъ, господинъ, садитесь.... Чѣмъ могу служить?

Священникъ сѣлъ на кресло воелѣ стола, а Александръ усѣлся на стулъ противъ него.

— Я пришелъ просить васъ, чтобы вы присоединили меня къ православной церкви.

— Вы еврей?

— Да, батюшка, — пробормоталъ Александръ, чувствуя, что онъ краснѣетъ.

Священникъ сидѣлъ молча нѣсколько минутъ, обдумывая что-то, и затѣмъ спросилъ:

— Могу-ли я узнать, сударь, что собственно заставляетъ васъ перемѣнить религію?

Этотъ непредвидѣнный вопросъ смутилъ Александра. Онъ былъ увѣренъ, что стоитъ ему только заявить о своемъ желаніи, какъ батюшка съ восторгомъ согласится.

— Не скрою отъ васъ, что я полюбилъ дѣвушку христіанку и желаю вступить съ нею въ бракъ.... И я увѣренъ, — прибавилъ Александръ, улыбаясь, — что вы окрестите меня и обвѣнчаете насъ по закону.

Священникъ сердито взглянулъ на него, но удержался и тихо проговорилъ, вздохнувъ: вотъ вы, еврей, всегда такъ... Кто вы и откуда вы? — продолжалъ батюшка послѣ короткой паузы.

— Я здѣшній, здѣсь родился... Мои родные — извѣстные банкиры... Энгельштейны... вы, можетъ быть, слышали.... А я... я занимаюсь въ конторѣ своего отца... Я окончилъ курсъ по юридическому факультету...

— Такъ, такъ... И все-же вы мѣняете религію?

Александръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и не нашелся, что отвѣтить.

— А знаете-ли вы догматы нашей вѣры, учили-ли вы наши молитвы, знакомы-ли вы со Священнымъ Писаніемъ?

— Нѣтъ, батюшка, я догматовъ вѣры не знаю, но если это необходимо, то я могу ихъ выучить согласно вашимъ указаніямъ.

— «Если это необходимо»? А вы воображали, что довольно, если я окроплю васъ святой водой? Лишь-бы вы могли обнимать свою возлюбленную?... Да, я знаю, что вы, евреи, всегда таковы.... Нѣтъ вѣры въ душѣ вашей, нѣтъ у васъ религіознаго чувства...

— А я, батюшка, думалъ,—вставилъ Александръ съ дрожью въ голосѣ,—что когда я приду къ вамъ, вы встрѣтите меня съ любовью и съ распростертыми объятіями примете меня въ лоно церкви....

— Напрасно вы такъ думали, милый мой! Я не могу принимать васъ «съ распростертыми объятіями», какъ вы говорите... Нѣтъ! Вотъ уже болѣе тридцати пяти лѣтъ, какъ я занимаюсь этимъ святымъ дѣломъ, я много трудился и удостоился знаковъ отличія за свои труды. Но только язычниковъ я охотно крестилъ, также и татаръ, пожалуй даже нѣмцевъ и французовъ, но не евреевъ... Потому что за всѣ эти годы я не видѣлъ, чтобы евреи являлись къ намъ съ чистосердечной, искренней вѣрой. Исключительно матеріальные интересы побуждаютъ ихъ искать спасенія въ христіанствѣ... Вотъ недавно только является ко мнѣ молодой человекъ, еврей: крестите-моль меня, батюшка!—А что васъ побуждаетъ къ этому? спросилъ я его. — «Истина, говорить. Открылись-моль мои глаза, и я узрѣлъ свѣтъ истинной вѣры»... А знаете-ли вы, почему онъ захотѣлъ принять религію, отъ которой онъ былъ далекъ? Онъ врачъ, и не нужда заставила его это сдѣлать... Но онъ недавно приобрѣлъ какое-то торговое дѣло, а по распоряженію полиціи на вывѣскахъ еврейскихъ торговыхъ учрежденій обязательно должны быть обозначены полностью имя и отчество владѣльца. А его зовутъ Мехель Шимоновичъ; ему, видите-ли, показалось обиднымъ, чтобы на вывѣскѣ было написано Мехель, а не Михаилъ, Шимонъ, а не Семень... Подумайте сами, для того

только, чтобы передѣлать свое имя изъ Мехеля въ Михаила, человекъ рѣшается измѣнить своей религіи... А еще говорить, что у него глаза открылись, и онъ увидѣлъ свѣтъ!.. Вѣдь это безпримѣрное мошенничество... Вы еще хорошо сдѣлали, что, по крайней мѣрѣ, откровенно заявили, что полюбилъ христіанку. Но всѣ вы хороши, нечего сказать! Неужели вы думаете, что вы насъ обманываете?.. Васъ приводить сюда только отсутствіе вѣры въ Бога, и вы только распространяете въ народѣ безвѣріе...

— Да, палъ народъ Израильскій — продолжалъ старикъ, вздохнувъ:—теперь не то, что было прежде... Вѣдь изъ Іудеи явилось міру спасеніе... А вы всѣ — безбожники. Нѣтъ, милый! Съ распростертыми объятіями я не могу васъ принять... Я уже нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ владыкѣ, и онъ всегда мнѣ отвѣчаетъ: «вы правы; но, можетъ быть, ихъ дѣти вступятъ на путь истины»... Такъ-то, сударь мой, ради нихъ, ради будущаго поколѣнія я готовъ крестить васъ. Но вы должны прежде хорошенько усвоить себѣ догматы вѣры! Идите съ миромъ домой, возьмите Евангеліе, читайте его внимательно, потомъ вы изучите догматы вѣры по книгамъ, которыя я укажу вамъ, и Господь да озаритъ васъ свѣтомъ истинной вѣры... Прощайте!

При этихъ словахъ старикъ всталъ и поклонился Александру, который стоялъ, какъ ошеломленный.

— Я, сдѣлаю все, какъ вы сказали, батюшка,—пробормоталъ онъ и, поцѣловавъ руку у священника, торопливо вышелъ изъ комнаты.

Сильно волнуясь, Александръ неуверенной походкой направился къ своему экипажу. Онъ погрузился въ глубокія размышленія и чувствовалъ какую-то острую боль, какъ будто его пронзили въ самое сердце... Вдругъ онъ велѣлъ извозчику повернуть и поѣхать по другой улицѣ. Вынувъ часы изъ кармана и взглянувъ на нихъ, Александръ подумалъ про себя: теперь, вѣроятно, я застаю его дома, а то вечеромъ онъ уѣдетъ къ себѣ на дачу.

Кучеръ остановился передъ большимъ пятиэтажнымъ домомъ, гдѣ жилъ Гутинъ. Гутинъ былъ очень радъ приходу Александра и хотѣлъ его усадить возлѣ себя, но Александръ отказался.

— Позволь мнѣ, Абрамъ, прилечь и отдохнуть у тебя на кушеткѣ—проговорилъ онъ, — жара на дворѣ страшная, а я съ полчаса ѣвдиль... и у меня разболѣлась голова...

— Сдѣлай одолженіе, ложись. Не выпьешь-ли холоднаго лимонада? Я всегда утоляю свою жажду этимъ напиткомъ.

— Давай, пить я буду съ удовольствіемъ—отвѣтилъ Александръ, растянувшись на кушеткѣ.

Горничная принесла лимонадъ и стаканы, поставила все это на круглый столикъ, возлѣ кушетки, и Александръ съ жадностью принялся пить.

— Знаешь-ли, Абрамъ, гдѣ я теперь былъ?—вдругъ прервалъ молчаніе Энгельштейнъ.—У священника!

— У какого священника?—удивился Гутинъ.

— У стараго, очень почтеннаго священника, который занимается обращеніемъ невѣрныхъ въ христіанство,—смѣясь отвѣтилъ Энгельштейнъ.

Гутинъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на Александра широко открытыми глазами.

— Ничего не понимаю,—пробормоталъ онъ.

— Я долженъ тебѣ признаться, другъ мой, что я люблю Наталью... люблю до безумія и рѣшилъ на ней жениться, а для этого мнѣ необходимо креститься...

Лицо Гутина покрылось смертельной блѣдностью. Онъ вскочилъ съ мѣста и подошелъ къ своему другу, лежавшему спокойно съ улыбкой на устахъ.

— Отчего ты такъ поблѣднѣлъ, Абрамъ? Тебя эта исторія очень возмущаетъ? Скажи, не бойся... Можешь мнѣ откровенно высказать свои упреки и нотации.

— Нотаций я тебѣ читать не стану... Ты вѣдь не маленькой,—дрожащимъ голосомъ тихо проговорилъ Гутинъ.

— Но въ самомъ-ли дѣлѣ ты любишь Наталью... А она...

она любить-ли тебя?—продолжалъ Гутинъ, сѣвши на ближайшій стулъ.

— Да, другъ мой. Иначе я бы, конечно, не сдѣлалъ этого.

— А твои родители? Они что говорятъ?

— Моя мать находитъ, что я поступаю правильно и покровительствуетъ нашей любви. А отецъ... Онъ, вѣроятно, посердится, поволнуетъ и... успокоится. Я еще съ нимъ объ этомъ не говорилъ... Да и зачѣмъ я стану съ нимъ говорить?.. Когда это совершится, онъ самъ перемѣнитъ гнѣвъ на милость и благословитъ нашъ бракъ.

— Не дѣлай этого—горячо воскликнулъ Гутинъ.—Александръ, умоляю тебя, подумай хорошенько, прежде чѣмъ ты сдѣлаешь этотъ рѣшительный шагъ и уйдешь отъ насъ туда, откуда къ намъ вернуться ужъ не можешь... Ради Бога, не топчись съ такимъ важнымъ вопросомъ...

— Но вѣдь это же нисколько не противорѣчитъ тому, что я всегда говорилъ, что всѣ мы евреи должны вполне раствориться въ окружающемъ населеніи...

— Это вздоръ и ничего больше. Ты и самъ прекрасно понимаешь, что твои слова ни на чемъ не основаны...

— Почему же?

— Почему?—повторилъ Гутинъ и остановился на минуту.— Да потому, что весь народъ навсегда останется преданнымъ вѣрѣ своихъ отцовъ. Израиль еще живетъ и будетъ жить вѣчно, если даже ты и сотни подобныхъ тебѣ людей оставятъ свой народъ...

— Что же мнѣ дѣлать? Что, по твоему, могу я теперь предпринять?—спросилъ Энгельштейнъ, глядя въ упоръ на Гутина и трясаясь какъ въ лихорадкѣ.

— Бѣжать! Бѣги отсюда, какъ можно скорѣе, уѣзжай въ Италію, въ Египетъ или куда-нибудь въ другое мѣсто... Присиди тамъ годъ или еще больше и вырви изъ сердца эту любовь, какъ-бы сильна она ни была!.. воскликнулъ Гутинъ въ сильномъ волненіи.

— Не могу, другъ мой, не въ силахъ я это сдѣлать, — тихо проговорилъ Александръ.

— Сумѣешь, повѣрь мнѣ...

— «Не суди своего ближняго, пока не будешь въ его положеніи», какъ ты самъ часто повторялъ мнѣ изреченіе изъ твоего Талмуда, — замѣтилъ Александръ.

— Это все такъ... Но я могу судить тебя, потому что я самъ былъ почти въ твоёмъ положеніи...

— Ты?

— Да, мой милый, я... Одинъ только разъ за всю жизнь я полюбилъ... Надъ книгами и мертвыми фоліантами я провелъ всѣ свои лучшіе годы, жизни я не зналъ и не могъ ее знать... По временамъ я мечталъ о томъ счастьи, которое мнѣ могла-бы доставить любимая женщина, близкая, преданная мнѣ душа... Но всѣ дѣвушки, которыхъ я зналъ, были такія же, какъ и я, увлекающіяся только книжной мудростью натуры, далекія отъ житейскихъ тревоженій... Не знаю, почему, — но она со своими прелестными глазами произвела на меня глубокое, неотразимое впечатлѣніе... Но вдругъ я вспомнилъ о томъ, что насъ раздѣляетъ страшная пропасть, и... я бѣжалъ... У нея сердце чуткое, отзывчивое и очень можетъ быть, что и она меня полюбила-бы, если-бы я добивался этого счастья.. Но я его не искалъ, а бѣжалъ отъ него... Мы должны заглушить въ себѣ такую любовь, прежде чѣмъ она успѣетъ пустить глубокіе корни...

— И ты, значить, любилъ... И, быть можетъ, еще любишь?.. Кого?

— Наталью, — тихо отвѣтилъ Гутинъ и опустилъ глаза въ землю.

— Что ты сказалъ? — вскрикнулъ Энгельштейнъ, вскочивъ съ мѣста. Но Гутинъ ничего не отвѣтилъ. Оба сидѣли, глубоко задумавшись.

— Еще разъ повторяю — первый заговорилъ Гутинъ — не спѣши, подумай... Ты мнѣ слишкомъ дорогъ, чтобы я могъ

относиться равнодушно къ твоей разлукѣ съ народомъ и... со мной...

— Эхъ, дружище, въ томъ-то и вся твоя бѣда, что ты жизни не знаешь... Ты живешь своими книгами, а жизнь течетъ мимо тебя... Оттого-то ты и дѣлаешь глупости...

— Но вѣдь ты самого себя обманываешь, когда одѣваешь на себя маску другой, чуждой тебѣ религіи!..

— Я далеко отъ какой-бы то ни было религіи и никогда религіознымъ не буду... И мнѣ рѣшительно все равно, будетъ-ли написано въ моемъ паспортѣ, что я іудейскаго или какого-нибудь другого исповѣданія. Мнѣ, главное дѣло, бумажка эта нужна...

— Зачѣмъ же ты пришелъ ко мнѣ?—спросилъ Гутинъ послѣ непродолжительнаго молчанія, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Этого я и самъ не знаю... Какое-то непонятное чувство тянуло меня къ тебѣ. Быть можетъ, во мнѣ заговорило какое-то инстинктивное чувство... еврейскій инстинктъ, котораго я и назвать не могу... Самъ не знаю почему, но мнѣ не такъ легко порвать эти крѣпкія узы... Энгельштейнъ при этихъ словахъ поднялся съ мѣста.

— Прощай, другъ мой, теперь мнѣ стало легче и я пойду своей дорогой. Отъ своей цѣли я не откажусь и достигну ея, не взирая ни на какія препятствія... Однимъ разомъ я разрублю увелъ, связывающій меня съ чуждымъ мнѣ народомъ и съ его непонятнымъ мнѣ ученіемъ... Прощай!—еще разъ повторилъ онъ, крѣпко пожимая руку Гутина.—А ты прости, что я такъ огорчилъ тебя...

Съ этими словами Александръ торопливо вышелъ изъ комнаты и сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

XV.

Гилелю Сапириштейну пришлось выдержать упорную борьбу со своими родителями. Пріѣхавъ на пасху домой, онъ заявилъ имъ, что выступаетъ изъ университета и вмѣстѣ съ другими

эмигрантами отправляется въ Палестину въ качествѣ простаго земледѣльца. Отецъ пришелъ въ страшное негодованіе отъ такого заявленія и рѣшилъ, что его сынъ безъ сомнѣнія съ ума сошелъ отъ чрезвѣрныхъ научныхъ занятій. Но Гилель настаивалъ на своемъ, утверждая, что каждый еврей обязанъ посвятить свои силы торжеству этой возвышенной идеи. Онъ упрекалъ отца въ томъ, что будучи приверженцемъ Палестинской идеи, онъ все-таки не сочувствуетъ его, Гилеля, планамъ и этимъ даетъ поводъ сомнѣваться въ искренности своихъ чувствъ. На просьбы отца—присидѣть еще одинъ годъ въ Россіи до окончанія курса и потомъ ѣхать, куда угодно, Гилель отвѣчалъ, что никакихъ ему дипломовъ не нужно, что ему противно сидѣть и заниматься науками въ то время, какъ масса его товарищей готовится выступить въ путь и направиться въ Палестину, какъ объ этомъ пишутъ и русскія и иностранныя газеты.

Толпа эмигрантовъ, дѣйствительно, росла въ газетныхъ сообщеніяхъ, какъ скатывающаяся съ горной вершины снѣжная лавина. И это обстоятельство многихъ смущало и удивляло. Юдофобскія газеты торжествовали и, съ восторгомъ указывая на все увеличивающееся число эмигрирующихъ евреевъ, высказывали надежду, что скоро отъ нихъ и слѣда не останется здѣсь. Нѣкоторыя англійскія газеты высказывали соображеніе, что на развалинахъ Турціи будетъ воздвигнуто новое государство,—и тамошніе филантропы зорко стали слѣдить за этимъ крупнымъ движеніемъ, надѣясь найти здѣсь широкое поприще для религіозной и политической пропаганды. Турецкое правительство, опасаясь, что къ многочисленнымъ національнымъ вопросамъ въ Турціи, подтачивающимъ ея организмъ, вскорѣ присоединится еще одинъ «вопросъ», поспѣшило предупредить это зло, закрывъ доступъ въ страну этимъ нацимъ эмигрантамъ. А палестинифилы ликовали при видѣ торжества своей идеи, они вѣрили, что молодежь устроится прочно въ родной странѣ, что близокъ день освобожденія Израиля...

И они не замѣчали, что толпа все болѣе и болѣе рѣдѣетъ

что отъ «огромной массы» эмигрантовъ остались немногія отдѣльныя лица, которые безъ денегъ, безъ всякой поддержки ушли въ незнакомую страну, чтобы заниматься дѣломъ, о которомъ они понятія не имѣли...

И Сапирштейнъ не останавливался передъ такими мелочами. Преисполненный энергіи и рѣшимости, готовый на самоотверженные подвиги, онъ безъ дальнѣйшихъ приготовленій давно уже убѣждалъ-бы изъ дому, если-бы не слезы матери, которая никакъ не могла помириться съ мыслью о томъ, что ея любимый сынъ уѣдетъ въ далекую страну, и она его никогда больше не увидитъ... Эта простая женщина знала объ этой странѣ только то, что туда на старости лѣтъ отправляются благочестивые евреи, что эти паломники терпятъ на пути страшныя лишенія, что ходятъ они мѣсяцы и годы, пока достигаютъ завѣтной цѣли, ѣздятъ и по морю и по сушѣ, по горамъ и доламъ, ѣздятъ по пустынямъ на ослахъ и верблюдахъ... А тамъ, добравшись до святой земли, они со всѣхъ сторонъ окружены разбойниками, и всякій, выходящій за предѣлы города, рискуетъ жизнью...

— Ты, Симха,—упрекала несчастная мать своего мужа,—ты во всемъ виноватъ. Всѣмъ и каждому ты постоянно твердишь, что нужно уйти въ Палестину... Мало намъ здѣсь мѣста, что-ли? Слава Богу, и здѣсь находимъ себѣ пропитаніе и все у насъ есть... Зачѣмъ намъ нужна эта Палестина?

На этотъ разъ Симха ничего не могъ возразить, сознавая, что жена права, и онъ ходилъ угрюмый, угнетенный. Но когда онъ услышалъ пламенную рѣчь сына, произнесенную на собраніи у нихъ въ домѣ о великомъ значеніи палестинской идеи, о необходимости земледѣльческаго труда для евреевъ,—его глаза наполнились слезами, и онъ сталъ колебаться, не согласиться-ли и ему съ желаніями сына.

Одно обстоятельство давало поводъ родителямъ Гилеля надеяться, что есть еще благопріятный исходъ изъ затруднительнаго положенія, и они не мало радовались своему открытію. Они стали замѣчать, что Гилель очень неравнодушенъ къ

Саррѣ Мандлинѣ, и они рѣшили, что было-бы очень недурно ихъ поженить: быть можетъ, Гилель тогда броситъ свои вѣтѣи и вернется къ своимъ научнымъ занятіямъ.

Сарра Самуиловна тоже пріѣхала домой на пасху. Никто не обратилъ вниманія на ея ранній пріѣздъ: въ прежніе годы она обыкновенно пріѣзжала домой послѣ праздниковъ, на лѣтнія каникулы. Родители были очень рады ея пріѣзду; ихъ удивляло только ея мрачное настроеніе. Гилель тоже обрадовался, когда услышалъ о ея пріѣздѣ; отъ постоянныхъ тревогъ и непріятностей изъ-за борьбы съ родителями онъ отдыхалъ только въ домѣ Мандлиныхъ, въ обществѣ Сарры. Онъ говорилъ ей о своей будущей поѣздкѣ, о своихъ надеждахъ, о стремленіи положить начало возрожденію еврейскаго народа; онъ открывалъ ей заманчивыя перспективы кипучей дѣятельности, посвященной великому дѣлу, отъ котораго зависитъ существованіе родного народа...

— Если-бы и я могла отправиться туда, въ ту страну! — какъ-то разъ проговорила Сарра, опустивъ глаза и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ты, Сарра? — воскликнулъ Гилель въ восхищеніи, схвативъ ея руку и глядя съ любовью на ея лицо.

Сарра молча наклонила голову къ нему на руки; послышались ея тихія рыданія. Гилель стоялъ передъ нею смущенный, подавленный неожиданностью...

— Сарра, дорогая моя, — сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, — неужели ты готова вмѣстѣ со мною посвятить свои силы нашему народу?.. Какъ я счастливъ!.. Теперь мнѣ не будутъ страшны никакія препятствія... Теперь я, высоко поднявъ голову, смѣлыми шагами пойду впередъ къ цѣли, которую я себѣ поставилъ... Я люблю тебя уже много лѣтъ, но могъ-ли я говорить тебѣ о своей любви, могъ-ли я открыть передъ тобою свою душу, разъ я рѣшилъ эмигрировать отсюда?.. Имѣлъ-ли я право наложить тяжелыя цѣпи на твои нѣжныя руки и сказать тебѣ: иди за мной, куда-бы я ни пошелъ?..

— Меня не страшитъ тяжелая работа... Такая работа только живить меня и укрѣпить мои силы... А когда мы прочно устроимся на новомъ мѣстѣ, я тогда найду себѣ другую работу: буду обучать еврейскихъ дѣтей, буду устраивать школы на національныхъ началахъ. — И она стала излагать ему свои мысли о необходимыхъ реформахъ въ дѣлѣ воспитанія еврейской молодежи на началахъ іудаизма, науки и трудолюбія, дабы эти начала легли въ основу новой жизни еврейства въ Сіонѣ...

— Да, ты будешь образцомъ для еврейскихъ женщинъ, — горячо воскликнулъ Гилель, прижавъ ее къ своей груди, — ты будешь служить примѣромъ для остальныхъ женщинъ, у которыхъ не мало работы будетъ въ новой странѣ: имъ предстоитъ обновить еврейство и опять возложить на голову древняго народа украшавшій его нѣкогда вѣнецъ...

Съ того дня Гилель какъ-бы ожилъ, почувствовавъ приливъ новыхъ силъ, бурнымъ потокомъ рвавшихся наружу. Всюду, гдѣ онъ только находилъ слушателей, онъ произносилъ рѣчи и читалъ рефераты о своей идеѣ.

И родители успѣли исполнить желаніе Гилеля — дать свое согласіе на его бракъ съ Саррой Самуиловной, которая считалась первой въ городѣ красавицей. Родители Сарры, хотя и были непріятно удивлены, услышавъ, что ихъ единственная дочь избрала себѣ въ женихи «сумасшедшаго» Гилеля (а они были увѣрены, что онъ «помѣшался» въ послѣднее время), — не рѣшались, однако, противорѣчить своей любимой дочери, желанія которой для нихъ всегда были закономъ. Къ тому же они думали, что, быть можетъ, и правъ Симха Сапирштейнъ, если надѣется, что послѣ свадьбы Гилель останется здѣсь, и имъ придется только уговорить Сарру, чтобы она не соглашалась на переездъ Гилеля въ далекую, пустынную страну. Работать въ пользу родного народа вѣдь онъ можетъ, живя спокойно здѣсь, на родинѣ...

По городу между тѣмъ распространился слухъ, что въ ближайшую субботу молодой Сапирштейнъ произнесетъ рѣчь въ

большой хасидской синагогѣ, въ которой обыкновенно молился его отецъ. Рѣчи и проповѣди въ этой синагогѣ никогда не проносились, такъ какъ у хасидовъ нѣтъ проповѣдниковъ. Въ эту субботу въ синагогу собралось почти все мѣстное еврейское населеніе. Синагога была биткомъ набита мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, хасидами и миснагдами и, за недостаткомъ мѣста, многіе стояли на подоконникахъ, и въ преддверіи синагоги.

На кафедре взошелъ Гилель и дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ свою рѣчь. Онъ говорилъ о еврейскомъ народѣ, о его религіи и странѣ и нарисовалъ передъ слушателями яркую картину страданій, перенесенныхъ многострадальнымъ народомъ со времени изгнанія. Онъ говорилъ о надеждахъ на лучшее будущее, о предстоящемъ впереди избавленіи отъ страданій,—и многіе изъ слушателей не могли удержаться отъ слезъ. Ваволнованный ораторъ до того увлекся и поддался влиянію обуревавшихъ его чувствъ, что долженъ былъ временами прерывать свою рѣчь...

Многіе раньше неодобрительно качали головой по поводу того, что образованный молодой человекъ собирается говорить проповѣдь въ синагогѣ. Старики находили, что это неприлично, ибо гдѣ же это слыхано, чтобы «маскидъ» произносилъ рѣчи въ синагогѣ: какую тамъ «Тору» или что новаго можетъ онъ сказать? Молодежь говорила, что Гилель поворитъ всѣхъ образованныхъ людей, собираясь произносить рѣчь передъ чернью въ синагогѣ, какъ какой-нибудь патриархальный еврей. Толпа же шла посмотреть на диковинку, на любопытное зрѣлище. Только три человека шли слушать рѣчь Гилеля съ чувствомъ сердечной тревоги: его отецъ, мать и Сарра... Различныя чувства волновали и тревожили ихъ во время рѣчи: мать съ гордостью смотрѣла на своего любимца, говорящаго съ кафедры передъ такимъ многочисленнымъ собраніемъ. Онъ ей казался въ эту минуту великимъ раввиномъ или проповѣдникомъ, къ голосу котораго прислушивается весь еврейскій народъ, и въ эту минуту она забыла его мечты о поѣздкѣ въ

далекую страну. Отец смотрѣлъ на него съ тревогой и опасеніемъ: можетъ быть, его рѣчь не понравится толпѣ, можетъ быть онъ забудетъ какой-либо текстъ изъ Талмуда, на который онъ часто ссылался въ своей рѣчи, и такимъ образомъ дастъ поводъ для насмѣшекъ со стороны мѣстныхъ обывателей... Поэтому, всякій разъ, какъ Гилель начиналъ какое-нибудь талмудическое сказаніе, отецъ шопотомъ повторялъ за нимъ, какъ будто Гилель могъ услышать его шопоть... И лицо отца сіяло радостію и торжествомъ, что Гилель нигдѣ не ошибся. Стоявшіе кругомъ старики одобрительно качали головами и, улыбаясь, подмигивали другъ другу: смотрите-моль, не забылъ еще «науки дѣтства»!... А Сарра?... Она видѣла передъ собою пророка, великаго и святого, говорящаго утѣшительныя рѣчи своей паствѣ отъ имени Бога... А толпа послушно идетъ за пророкомъ, исполняетъ его завѣты и находитъ себѣ безопасное убѣжище тамъ, въ далекой странѣ праотцевъ... И имя пророка не умираетъ для потомства, память о немъ остается навѣки... А она... она та счастливица, которую онъ одну любить горячо, беззавѣтно, ее онъ избралъ себѣ въ подруги жизни, и она готова отдать всѣ свои силы до послѣдней капли крови за него, за его идею и за его народъ!..

А слушатели между тѣмъ плакали навзрыдъ...

И старики и молодые, и ортодоксы и просвѣщенные, и мужчины и женщины—всѣ плакали горькими слезами о безконечномъ народномъ горѣ, о тяжелой участи еврейства, гонимаго повсюду, о вѣчныхъ скитаніяхъ народа изъ одной страны въ другую, о поносимой и презираемой еврейской вѣрѣ, объ униженіяхъ и оскорбленіяхъ, которыя приходится всѣмъ переносить на каждомъ шагѣ...

— Гдѣ наши пророки, священники, судьи, мудрецы и наставники?—воскликаетъ Гилель подавленнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ.—Народъ еврейскій такъ малочисленъ, его положеніе среди народовъ такъ непрочно, неустойчиво. Кто-же выступить въ его защиту? Кто спасетъ его отъ позора и отъ смерти? Только Богъ Израиля—наша защита. Онъ не измѣ-

нить своему народу и, какъ орелъ на своихъ крыльяхъ, перенесетъ его опять въ свою страну... Но, братья, еще Гилель Вавилонскій, глава нашихъ великихъ мудрецовъ, говорилъ: «если не я за себя, то кто за меня?» Да, если не мы за себя, если мы сами не встанемъ въ защиту нашихъ интересовъ, то мы погибнемъ!.. Если мы сами не придемъ на помощь нашему народу, тогда тщетны наши надежды... А если самъ народъ уйдетъ въ святую страну своихъ предковъ и примется тамъ за соху, то онъ будетъ спасенъ и скоро въ наши дни опять поднимется высоко стягъ Израиля...

И Гилель началъ излагать передъ слушателями великое значеніе этой идеи, подкрѣпляя свои слова ссылками на талмудистовъ и цитатами изъ Агады, Галахи и изъ молитвъ, читаемыхъ ежедневно каждымъ евреемъ и полныхъ мольбы за святую землю...

Попутно онъ сталъ перечислять всѣ грѣхи, въ которыхъ евреи повинны передъ самими собою: ябедничество, клязвы и доносы, которыми переполнены всѣ судебныя учрежденія, поношеніе предковъ и учителей, — неуваженіе къ основамъ библейскаго вѣроученія, и много еще другихъ грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ.

И глубоко тронутые слушатели плакали горькими слезами...

Но вотъ ораторъ съ воодушевленіемъ громовымъ голосомъ воскликнулъ: «Утѣшьте, утѣшьте, народъ мой, говоритъ Господь; возвѣстите сердцу Іерусалима, что наступилъ предѣлъ испытанія!» И онъ сталъ изображать имъ величіе страны и счастье народа, если евреи оставятъ занятіе торговлей, приносящей имъ жалкіе доходы, но много ненависти и зависти, и примутся за плугъ и соху. Ибо только «воздѣлывающій землю свою насыщается хлѣбомъ», онъ не долженъ надѣяться на чловѣческія милости, ему некого бояться. Всякій, кто будетъ сѣять со слезами теперь, будетъ потомъ радостно собирать свою жатву, поднимая съ благодарностью свои глаза къ небу, поившему землю отъ начала до конца года... Весь народъ еврейскій будетъ жить въ безопасности на своей землѣ и бу-

дети продолжать распространять свѣтъ науки среди другихъ народовъ, и весь мiръ признаетъ тогда, что «умень и мудръ сей великій народъ»...

Огнемъ горѣли глаза оратора при этихъ словахъ, и его энтузіазмъ передался толпѣ его слушателей. Въ глазахъ отца, матери и Сарры стояли слезы умиленія и безконечнаго блаженства...

Эта рѣчь произвела очень сильное впечатлѣніе на всѣхъ жителей города. О ней говорили на всѣхъ перекресткахъ, въ синагогахъ и даже въ «хедерахъ». Одни отзывались съ большою похвалою объ ораторѣ и его идеѣ, другіе же съ преврѣніемъ говорили о мечтателѣ и его «сновидѣніяхъ», объ «апи-корсимъ» — разрушителяхъ, преждевременно приближающихъ конецъ... Словомъ, населеніе было взбудоражено не на шутку.

Неудивительно, поэтому, что когда Гилель Сапирштейнъ черезъ нѣсколько дней вѣнчался съ Саррой, то на синагогальный дворъ, гдѣ происходило вѣнчаніе, собралось очень много любопытныхъ; было и не мало друзей, искренно радовавшихся счастью молодой четы. На слѣдующій день Гилель съ женой оставили родной городъ и по желѣзной дорогѣ дѣхали до ближайшаго портоваго города, чтобы оттуда моремъ отправиться въ Палестину. Родители снабдили ихъ необходимыми средствами для пріобрѣтенія тамъ участка земли, чтобы они могли осуществить свою завѣтную мечту.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, продавъ свое имущество, отправились вслѣдъ за ними, въ надеждѣ скоро разбогатѣть въ Палестинѣ. Къ нимъ присоединилось также нѣсколько молодыхъ людей, увлеченныхъ рѣчами Сапирштейна.

XVI.

Еще на пароходѣ Сапирштейнъ и его жена познакомились со многими эмигрантами, направлявшимися въ невѣдомую страну въ поискахъ за счастьемъ. Среди нихъ было и не мало студентовъ, оставившихъ университеты. Всѣ они полны были свѣтлыхъ надеждъ и въ воображеніи рисовали себѣ

новый міръ и свѣтлую будущность. Чарующая красота природы на морѣ, поднимающіяся кругомъ волны, чистый, прозрачный воздухъ и новыя чувства, волновавшія ихъ душу, — все это всецѣло охватило Гилеля и Сарру, и они по цѣлымъ часамъ просиживали на палубѣ, глядя на воду и наслаждаясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ заката солнца, тонушаго гдѣ-то далеко-далеко, гдѣ сливаются небо съ моремъ. Гармонизировавшая съ ихъ свѣтлымъ душевнымъ настроеніемъ природа заставила ихъ забыть обо всемъ въ мірѣ, обо всѣхъ проклятыхъ вопросахъ, о борьбѣ за существованіе и за счастье... Въ эти минуты влюбленные строили себѣ міръ, полный труда, любви, кипучей дѣятельности и невозмутимаго счастья...

Вотъ и Константинополь съ своей великолѣпной гаванью. Показались уже верхушки минаретовъ, сады и парки, прибывающіе и уходящіе корабли... Сапирштейнъ съ женой тоже сошли на берегъ, чтобы осмотрѣть знаменитый городъ. Они тамъ встрѣтили еще цѣлыя толпы евреевъ-эмигрантовъ, которые безцѣльно слонялись по всѣмъ улицамъ, тщетно ища выхода изъ своего тяжелаго положенія. Это были большей частью бѣдняки, разбитые, ограбленные, пустившіеся бѣжать безъ оглядки въ чужую страну, въ надеждѣ найти тамъ покой и сносную жизнь. Оборванные, полунагіе они молили о кускѣ хлѣба для своихъ голодающихъ дѣтей. Этимъ несчастнымъ Сапирштейнъ роздалъ большую часть своихъ денегъ. У нѣкоторыхъ изъ студентовъ, спутниковъ Сапирштейна, не хватило денегъ на проѣздъ, и онъ уплатилъ за ихъ проѣздъ до Яффы...

Спустя нѣсколько дней, они ступили на палестинскую землю, предметъ ихъ конечныхъ чаяній и стремленій... Гилель припалъ къ землѣ и сталъ цѣловать дорогой прахъ, а изъ глазъ его ручьемъ лились слезы. Ему вспомнились слова поэта: «Сіонъ, вѣдь ты спросишь о судьбѣ твоихъ плѣнныхъ, приходящихъ съ сѣвера, востока и запада!»...

Въ Яффѣ собралась огромная толпа скитавшихся безъ цѣли эмигрантовъ. Не зная ни туземнаго языка, ни мѣстныхъ обычаевъ, не имѣя никакого представленія ни о мѣст-

ной почвѣ, ни о земледѣліи вообще, эти люди терпѣли муки голода, а представители мѣстной власти смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ, не понимая, зачѣмъ эта масса нищихъ пришла искать работы въ пустынной странѣ. Они поѣтому смотрѣли на переселенцевъ, какъ на толпу бродягъ, напавшихъ съ цѣлью грабежа на мѣстныхъ жителей, или какъ на тучу саранчи, налетѣвшую Богъ вѣсть откуда. Но эта саранча не нашла для себя готовыхъ засѣянныхъ полей и цвѣтущихъ садовъ и разсѣялась поѣтому въ разныя стороны въ поискахъ за землей... Нашлось, конечно, не мало участковъ земли, владѣльцы которыхъ были готовы отдать ихъ взаменъ золота, привезеннаго эмигрантами. Мѣстные евреи, которые до того были простыми «батлонами», сидѣли и изучали Тору въ Іерусалимѣ, плакали надъ развалинами святаго града и возносили молитвы за здравіе своихъ «иностранныхъ» единовѣрцевъ, которые ихъ содержатъ,—эти бездѣльники, превратившіеся вдругъ въ опытныхъ агрономовъ, взяли на себя роль предводителей эмигрантовъ и оцѣнщиковъ продающихся участковъ.

Эмигранты съ изумленіемъ смотрѣли на кучи песка, на глыбы известняка и кремня, которыхъ они не видѣли на крестьянскихъ поляхъ у себя на родинѣ и спрашивали: неужели хлѣбъ можетъ вырасти на этой каменистой, песчаной почвѣ? Но факторы клятвенно увѣряли ихъ, что эта земля «течетъ молокомъ и медомъ», что это — «страна гранатовой яблони, смоковницы и винограда» и что земледѣльцы здѣсь сыты по горло... Такъ переселенцы отдавали за булыжники и сугробы песку все достояніе, привезенное съ родины, полагаясь всецѣло на обѣщанія своихъ братьевъ, благочестивыхъ палестинскихъ праведниковъ, которые не стануть-же ихъ вводить въ заблужденіе...

Новые пришельцы видѣли, что ихъ единовѣрцы, раньше сюда переселившіеся, уже успѣли пріобрѣсть себѣ такія, усѣянные пескомъ, площади на берегу моря и принялись за очистку своихъ участковъ отъ камней и за постройку домовъ. Но пахать и сѣять они не могли, ибо у нихъ не было

ни земледѣльческихъ орудій, ни необходимыхъ знаній, ни скота, ни воды для питья, ни гроша денегъ. Вновь прибывшіе эмигранты стали горько упрекать старыхъ за то, что они ихъ вызвали въ эту страну на вѣрную гибель. Они стали съ грустью вспоминать даже о той скудной пищѣ, которой они питались на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, не голодали. А «піонеры» тѣмъ временемъ пали духомъ, видя свою безпомощность въ борьбѣ съ несчастіями, и, наконецъ, рѣшили отправить депутата въ Западную Европу, чтобы умолять тамошнихъ богачей евреевъ прійти на помощь своимъ гибнущимъ братьямъ...

«Сіонъ, вѣдь ты спросишь о судьбѣ твоихъ плѣнныхъ?..» Но никто ни о чемъ не спрашивалъ, никто ихъ судьбой не интересовался. Слышны были только шумные голоса факторовъ и стоны несчастныхъ переселенцевъ,—и эти стоны мучительно больно отзывались въ душѣ Сапирштейна...

И онъ пустился путешествовать по Палестинѣ, сталъ наблюдать жизнь туземцевъ, присматривался къ продававшимся земельнымъ участкамъ и около двухъ мѣсяцевъ просидѣлъ въ основанной переселенцами колоніи, принимая участіе въ ихъ работѣ: возилъ воду и необходимые съѣстные припасы изъ города въ колонію, помогалъ при постройкѣ жилищъ и т. д.

Но Сапирштейнъ очень скоро убѣдился, что положеніе дѣлъ очень скверно, что помощи ждать неоткуда. Поэтому, оставивъ жену въ Яффѣ, онъ отправился въ Константинополь, чтобы тамъ вступить въ переговоры съ турецкими властями о бесплатномъ отводѣ земельныхъ участковъ эмигрантамъ, такъ какъ они-де могутъ принести только пользу этой пустынной странѣ, насаждая въ ней культуру. Въ Константинополь онъ нашелъ многихъ своихъ соотечественниковъ, а также румынскихъ выходцевъ, собравшихся здѣсь кто для ходатайства о землѣ, кто для обращенія къ милосердію богатыхъ единовѣрцевъ, кто въ надеждѣ на полученіе денегъ для обратнаго проѣзда на родину или для отправленія въ Америку.

Къ своему огорченію, Сапирштейнъ никакихъ результатовъ

своей поѣздкой не достигъ. Ему, правда, удалось добиться аудіенціи у многихъ высокопоставленныхъ государственныхъ дѣятелей, онъ даже вмѣшался въ мѣстные политическія дразги, надѣясь половить рыбу въ мутной водѣ, но все это ни къ чему не повело. Жилъ онъ въ гостинницѣ вмѣстѣ со многими товарищами, устроившимися тамъ на началахъ коммуны: всякій изъ нихъ, получивъ немного денегъ отъ родныхъ, тотчасъ вносилъ ихъ въ общую кассу для общаго пользованія.

Несмотря на неудачи и многочисленныя препятствія на своемъ пути, эти люди, однако, не падали духомъ, были веселы и живнерадостны и смѣло смотрѣли въ глаза будущему. Цѣлые часы они проводили въ спорахъ о будущности еврейства, о его отношеніяхъ къ другимъ народамъ, о современныхъ теченіяхъ въ западно-европейской жизни, о Восточномъ вопросѣ, о капитализмѣ и рабочихъ... И сидя за своей болѣе чѣмъ скромной трапезой, они были полны сладкихъ надеждъ и мечтали о томъ, что когда-нибудь опять будетъ процвѣтать родная земля и будетъ досыта кормить своихъ сыновъ—пахарей...

Саширштейнъ началъ писать письма всѣмъ своимъ знакомымъ и въ столицѣ и въ провинціи, настойчиво призывая ихъ прійти на помощь несчастнымъ переселенцамъ. Онъ указывалъ, какъ необходимо, чтобы интеллигентная молодежь основала въ Палестинѣ, земледѣльческую колонію, которая-бы служила образцомъ для всѣхъ евреевъ, будущихъ земледѣльцевъ. Его письма, проникнутыя искреннимъ энтузіазмомъ и страстной вѣрой, производили всегда глубокое впечатлѣніе на читателей, но ни къ какимъ существеннымъ результатамъ эти письма не вели...

Гилель, наконецъ, вернулся въ Яффу къ женѣ и вынужденъ былъ поступить чернорабочимъ въ одну нѣмецкую колонію, которая процвѣтала и богатѣла съ каждымъ днемъ. Съ утра до вечера онъ работалъ въ полѣ, всецѣло предаваясь этому каторжному труду, за который онъ получалъ по франку въ день. И онъ продолжалъ работать, несмотря на невыно-

симу ю жару, на общую слабость организма, не привыкшаго къ такой работѣ, несмотря даже на всю неопредѣленность и непрочность положенія, въ которомъ очутились онъ и его товарищи. Этотъ изнѣженный юноша, никогда не испытавшій нужды, жившій всегда въ мирѣ духовныхъ интересовъ и проводившій все свое время за книгами,—работалъ теперь въ качествѣ поденщика, спалъ на голой, усѣянной пескомъ, землѣ, ничѣмъ не укрываясь отъ ночной росы и холоднаго морского вѣтра...

И онъ все же оставался бодрымъ, полнымъ вѣры и еще ободрялъ постоянно своихъ товарищей, которые дѣлили съ нимъ всѣ невзгоды, но въ душу которыхъ стало уже закрадываться отчаяніе и мысль о бѣгствѣ.

Въ это время Гилель понималъ, какъ онъ счастливъ, что его Сарра рядомъ съ нимъ переживаетъ всѣ труды и непріятности, всѣ его надежды и мечты, поддерживая въ немъ вѣру въ будущее... Она стряпала для всѣхъ двадцати товарищей, которые столовались у нихъ, вѣчно она была озабочена, какъ-бы за возможно меньшую плату накормить этихъ голодныхъ работниковъ, пекла хлѣбъ, чинила имъ платье и бѣлье и не знала отдыха отъ своей тяжелой работы. При всемъ этомъ она еще находила время для списыванія копій съ писемъ мужа, которыя онъ разсылалъ всѣмъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ и единомышленникамъ.

И какъ безконечно счастливъ бывалъ Гилель каждый разъ, когда получалъ съ родины письмо отъ кого-либо изъ друзей. Въ этихъ письмахъ всегда было много восторженныхъ похвалъ самоотверженнымъ пионерамъ, много надеждъ на ихъ будущія побѣды, а иногда—и нѣсколько рублей для тѣхъ бѣдняковъ, которые уѣхали въ Палестину безъ всякихъ средствъ.

Перев. Н. Ш.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Римскіе евреи въ средніе вѣка ¹⁾.

Объ исторіи и бытѣ римскихъ евреевъ въ древности намъ приходилось писать въ другомъ мѣстѣ ²⁾. Здѣсь мы рассмотримъ данныя, касающіяся средневѣковыхъ евреевъ вѣчнаго города. Съ самаго начала приходится сдѣлать маленькую оговорку. Исторію принято дѣлить на періоды, причемъ точками дѣленія служатъ слѣдующія хронологическія даты: 476 годъ, отдѣляющій исторію древняго міра отъ средневѣковья, 1492 годъ—рубежь между средними вѣками и новымъ временемъ и 1789 годъ, съ котораго обыкновенно считается наступленіе времени новѣйшаго.

Въ примѣненіи къ евреямъ такое дѣленіе неудобно, потому что событія, случившіяся въ указанные годы (исключая великой французской революціи) и имѣвшія рѣшающее значеніе въ исторіи культуры западноевропейскихъ народовъ, такого значенія для еврейства не представляютъ, хотя бы уже потому, что нельзя говорить объ общей исторіи еврейства, а можетъ быть рѣчь лишь объ евреяхъ той или иной страны. Исторія отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ жили и живутъ евреи, является для евреевъ рѣшающею.

---

¹⁾ Въ основу настоящаго очерка положены капитальныя изслѣдованія: 1) Dr. A. Berliner, *Geschichte der Juden in Rom von der ältesten Zeit bis zur Gegenwart*, 2 Bde, Fr. a/M. 1893; 2) Dr. Hermann Vogelstein und Dr. Paul Rieger, *Geschichte der Juden in Rom*, Berlin, 1896; 3) P. Manfrin, *Gli Ebrei sotto la dominazione romana*, Roma, 1888—1892 и 4) статьи Hild'a, *Les juifs à Rome* въ „*Revue des études juives*“, 1884 и 1885. Остальные источники цитируются нами попутно.

²⁾ „Еврейская Библиотека“ А. Е. Ландау, Т. IX, Спб., 1901.

Годъ паденія западной римской имперіи (476), знаменующій для христіанскихъ народовъ особую эру, не имѣетъ этого значенія для евреевъ вообще и спеціально римскихъ евреевъ. Поворотъ, и притомъ рѣшительный, въ ихъ исторіи наступилъ гораздо раньше, именно съ того момента, когда христіанство было провозглашено господствующею религіею великой имперіи и когда язычество официально пало. Для римскихъ евреевъ средніе вѣка наступили въ моментъ побѣды Константина Великаго надъ Максенціемъ. Съ этой минуты, когда христіанство восторжествовало надъ язычествомъ, отмѣчается крутой поворотъ въ жизни римскихъ евреевъ, притомъ, къ сожалѣнію, въ сторону отрицательную. Ниже мы подробнѣе ознакомимся съ бытомъ ихъ въ названную эпоху, здѣсь же укажемъ на то, что эта эпоха продолжается до исхода перваго тысячелѣтія, послѣ котораго наступаетъ переломъ въ исторіи римско-еврейской общины, обусловленный перипетіями упорной борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ, императорской власти и папства. Общій строй демократическаго Рима и великій расколъ, связанный въ исторіи папства съ именемъ города Авиньона, также не остались безъ вліянія на жизнь римской общины, которая теперь, заѣти триста лѣтъ (1001—1304), достигла апогея своего духовнаго развитія и дала цѣлый рядъ крупнѣйшихъ представителей мысли. Эпоха гуманизма (1420—1550) только способствовала дальнѣйшему процвѣтанію римской еврейской общины, пока наконецъ злополучный 1550 годъ, замкнувшій евреевъ въ ненавистное гетто, не ознаменовалъ для нихъ наступленія новаго времени худшаго, чѣмъ нѣкоторые періоды темнаго средневѣковья. Однако это новое для евреевъ время хронологически относится къ Новой исторіи, и потому мы здѣсь не станемъ разсматривать его, какъ выходящее изъ рамокъ намѣченной нами задачи.

Итакъ, на основаніи вышесказаннаго, исторія средневѣковой еврейской общины города Рима можетъ быть раздѣлена на три періода, вмѣстѣ обнимающихъ тысячу съ небольшимъ лѣтъ: на время отъ 312 по 1000 годъ, съ 1001 года по 1304

и отсюда до 1420 года. Сообразно съ этомъ и мы раздѣлимъ нашъ очеркъ на три главы. Въ каждой изъ нихъ, основываясь на тѣхъ же источникахъ и пособіяхъ, которые служили намъ при составленіи очерка о римскихъ евреяхъ древности, мы будемъ держаться того же порядка, т. е. послѣ установленія внѣшнихъ историческихъ судьбъ общины обратимъ вниманіе на условія ея внутренняго быта и на проявленія ея умственной жизни въ области литературнаго творчества.

1.

313-й годъ оказался роковымъ для отжившаго язычества: провозглашеніе христіанства господствующею религіею нанесло ему послѣдній ударъ, и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее перенесеніе столицы римской имперіи съ береговъ Тибра на берега Босфора внѣшнимъ образомъ ознаменовало похороны древнеязыческаго міра и его культуры. Повѣяло новымъ духомъ, и живнерадостные боги Олимпа должны были прятаться и бѣжать отъ суровыхъ аскетовъ, проповѣдывавшихъ любовь къ ближнему, но осуждавшихъ любовь вообще. Спрятавшіеся боги, однако, не умерли: у нихъ оставалось еще много, очень много поклонниковъ и поклонницъ, которые не только не забывали ихъ, но подъ покровомъ тайны болѣе ревностно, чѣмъ когда-либо раньше, служили имъ и до послѣдней капли крови готовы были отстаивать ихъ жизнеспособность и правоспособность. Противъ этихъ-то фанатиковъ язычества Константинъ Великій и, главнымъ образомъ, сыновья его и направили тотъ рядъ мѣропріятій, которыя должны были окончателно убить язычество.

На евреяхъ имперіи, какъ на представителяхъ религіозной формы, близкой и во всякомъ случаѣ родственной христіанству, эдикты императора Константина не отразились особенно тяжело: имъ была оставлена прежняя религіозная свобода, и было издано одно только ограничительное постановленіе, а именно, жестокой карѣ подвергались тѣ евреи, которые стали

бы преслѣдовать принявшихъ христіанство единовѣрцевъ своихъ или вдумали бы совращать ихъ къ отпаденію отъ христіанства. Для предупрежденія же перехода христіанъ или язычниковъ въ еврейство Констанція издалъ эдиктъ, воспрещавшій обрѣзаніе рабовъ: подвергшійся обрѣзанію рабъ, тѣмъ самымъ становился свободнымъ. Въ 339 году сыновья Константина дополнили это постановленіе распоряженіямъ, что обрѣзанный рабъ получалъ свободу, а допустившій обрѣзаніе хозяинъ его подвергался конфискаціи всего имущества и даже смертной казни. Здѣсь уже явно проглядываетъ стремленіе лишить евреевъ права держать рабовъ, а тѣмъ болѣе торговать ими.

Со смертью Константина Великаго и послѣ побѣды сына его Констанція при Мурвѣ наступилъ періодъ сильныхъ гоненій на язычество; гоненія эти отразились также и на евреяхъ. Такъ, напр., былъ изданъ законъ, подѣ страхомъ смертной казни воспрещавшій смѣшанные браки между евреями и христіанами, подтверждавшій запрещеніе евреямъ держать рабовъ-христіанъ и каравшій смертью совращеніе христіанина въ еврейство, причемъ христіанинъ, кромѣ церковнаго покаянія, подвергался еще конфискаціи всего имущества. Характерны самыя выраженія, въ которыхъ въ своихъ эдиктахъ Констанцій отзывается объ евреяхъ: они—«собраніе безбожниковъ» (*sacrilegi coetus*), имъ присущи всякія безобразія (*flagitia*), а нѣсколько позже эпитеты вродѣ «позорный» (*turpis*), «извращенный» (*perversus*), «звѣреобразный» (*feralis*) являются наиболѣе распространенными въ приложеніи къ евреямъ. Особенно же характернымъ можетъ быть признанъ фактъ, что еще въ началѣ среднихъ вѣковъ крутой поворотъ въ отношеніяхъ правительства къ нехристіанамъ связывается съ эпохою Константина Великаго и его ближайшихъ преемниковъ. Возникъ цѣлый рядъ легендъ, указывающихъ на недружелюбное отношеніе христіанства, между прочимъ, къ еврейству ¹⁾.

¹⁾ Напр., сказаніе о римскомъ соборѣ, созданномъ при папѣ Сильвестрѣ Константиномъ Великимъ и его матерью парницею Еленою, или

Кратковременное правление Юліана Отступника, воплощаго въ себѣ протестъ древняго, еще жизнеспособнаго язычества противъ ригоризма христіанскихъ аскетовъ и потому принятаго большинствомъ римскаго населенія съ энтузіазмомъ, ознаменовалось и для евреевъ имперіи серьезными фактами и нововведеніями въ области правовой. Такъ, напр., и не будучи настроенъ особенно дружелюбно къ евреямъ, какъ носителямъ начала, враждебнаго язычеству, и направляя свое сочиненіе *Contra christianos* въ одинаковой мѣрѣ какъ противъ христіанства какъ и еврейства, Юліанъ тѣмъ не менѣе готовъ былъ поддерживать евреевъ и облегчать имъ ихъ нѣсколько трудное положеніе среди христіанъ и язычниковъ. Ставя еврейство выше религіи, провозглашенной Константиномъ господствующею въ предѣлахъ римской имперіи, Юліанъ понималъ, что всякія льготы евреямъ равносильны ударамъ, наносимымъ нелюбимому имъ христіанству. Поэтому онъ отмѣнилъ существовавшій около трехъ вѣковъ специальный *fiscus iudaicus*, уничтожилъ въ государственномъ архивѣ подушные списки евреевъ, тѣмъ самымъ освободивъ послѣднихъ отъ ихъ исключительнаго положенія въ имперіи и сравнивалъ ихъ съ остальнымъ населеніемъ. Видя въ подати, платимой евреями въ пользу ихъ патріарха, тяжелое бремя, онъ хотѣлъ отмѣнить ее. Сохранились указанія на то, что Юліанъ подумывалъ возстановить разрушенный іерусалимскій храмъ и вернуть городу его прежнее значеніе (срв. *Ammian. Marc. XXIII, 1; Ambros. Epist. 40, 12; Gregor. Nazian. or. V, 3. 4*). Однако преждевременная кончина императора помѣшала осуществленію многихъ его начинаній.

При ближайшихъ преемникахъ Юліана, Іовіанѣ, Валентиніанѣ и Валентѣ, не замѣчалось особенной враждебности правительства къ евреямъ. Валентиніанъ освободилъ между прочимъ синагоги отъ уплаты квартирнаго налога и тѣмъ самымъ

преданіе о томъ, что царица Елена, принимая крещеніе, поклялась уничтожить евреевъ, въ результатъ чего явился походъ Константина на Іудею, и т. п.

уравнивалъ ихъ съ христіанскими храмами и языческими капищами. Зато при Граціанѣ, Θεодосіи и сыновьяхъ послѣдняго христіанство высоко подняло голову, и правленіе этихъ императоровъ ознаменовалось рядомъ мѣропріятій противъ язычества и еврейства. Такъ, напр., въ 387 году было возобновлено запрещеніе евреямъ держать рабовъ-христіанъ. При узурпаторѣ Максимѣ чернь возстала противъ римскихъ евреевъ и сожгла ихъ синагогу. Это случилось какъ разъ въ то время, когда Максимъ собирался выступить войною противъ Θεодосія. Отдавъ приказъ возстановить синагогу и строго наказавъ поджигателей, императоръ навлекъ на себя обвиненіе въ принятіи еврейства. Когда же война окончилась для него неудачою, чернь усмотрѣла въ этомъ судъ Божій и кару за отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ. Смерть Максима отдала императорскій престолъ въ руки Θεодосія, которому, какъ вполне законному правителю, нечего было снискивать расположеніе сильной въ имперіи языческой партіи и который могъ безъ стѣсненія продолжать политику Граціана относительно нехристіанъ. Онъ еще разъ подтвердилъ указъ о запрещеніи смѣшанныхъ браковъ между христіанами и евреями.

Въ общемъ, впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ особенно враждебенъ къ евреямъ. Правда, онъ не умѣлъ или не хотѣлъ ограждать ихъ отъ грубаго насилія черни, позволявшей себѣ иногда разгромъ синагогъ, но зато въ области гражданскаго права онъ относился съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ законнымъ требованіямъ. Равнымъ образомъ ни Θεодосій, ни сыновья его не вмѣшивались во внутреннія дѣла еврейскихъ общинъ, разрѣшали евреямъ свободное отправленіе богослуженія и даже признавали рѣшенія еврейскихъ судовъ. Законъ 397 года, возбранявшій переходъ въ христіанство такимъ евреямъ и язычникамъ, которые, пользуясь правомъ убѣжища, предоставленнымъ христіанскимъ храмамъ, этимъ спасались отъ слишкомъ настойчивыхъ кредиторовъ, требовалъ предварительной уплаты всѣхъ обязательствъ должника и затѣмъ

уже разрѣшалъ ему перемѣну религіи, такимъ образомъ законъ оказался весьма благопріятнымъ для евреевъ-кредиторовъ.

При Гоноріи однако было издано постановленіе, весьма оскорбительное для еврейскаго самолюбія; это былъ обнародованный 22 апрѣля 404 года въ Римѣ эдиктъ о неспособности евреевъ и самарянъ къ почетной военной службѣ¹⁾. Законъ этотъ впоследствии былъ дважды подтвержденъ и возобновленъ: 10 марта 418 и 9 іюля 425 года. Рядомъ съ этимъ, впрочемъ, въ 409 году воспослѣдовало правительственное распоряженіе Гоноріи, запрещающее привлеченіе евреевъ въ субботніе дни къ суду или къ общественнымъ работамъ. Въ 412 году былъ изданъ законъ, строго каравшій всякое вторженіе въ еврейское богослуженіе и противозаконное овладѣваніе синагогами. Даже было разрѣшено евреямъ держать рабовъ-христіанъ только при условіи нестѣсненія послѣднихъ въ отправленіи требованій ихъ религіи. Судьямъ и чиновникамъ было предписано неукоснительно руководствоваться постановленіями специальныхъ еврейскихъ судовъ. Расположеніе къ евреямъ Гоноріи, правителя Западной римской имперіи, было такъ велико, что онъ не только разрѣшалъ имъ свободное изученіе наукъ, но и юридическую практику и даже допускалъ ихъ, по мѣрѣ возможности, къ занятію почетныхъ должностей (кромѣ, какъ уже сказано, военной службы). Дѣло дошло до того, что не-офитамъ, принявшимъ подъ вліяніемъ какого-нибудь насилія или принужденія христіанство, разрѣшалось (cod. Theodos. I., XVI, 8, 23) возвращаться къ еврейству.

Всѣ указанная льготы имѣли мѣсто въ предѣлахъ Западной римской имперіи, тогда какъ въ Восточной ея части, доставшейся при раздѣлѣ Аркадію, господствовали далеко не столь гуманные взгляды и всегда существовало специальное законодательство, ограничивавшее права нехристіанъ. Это законодательство было окончательно выработано и кодифицировано при Θεодосіи II въ 438 г. (Novell. Theodos. Tit. III),

¹⁾ Codex Theodosianus, XVI, 8, 16. Срв. Vogelstein u. Rieger, Geschichte der Juden in Rom, I, p. 124—125.

и его положенія легли краеугольнымъ камнемъ въ основаніе законодательства Юстиніана, крайне враждебнаго евреямъ и задавагоса цѣлью совершенно уничтожить ихъ въ предѣлахъ своей имперіи. Такъ, напр., Юстиніанъ запретилъ евреямъ праздновать праздникъ опрѣсноковъ раньше наступленія христіанской пасхи и далъ имъ цѣлый рядъ предписаній относительно синагогальнаго богослуженія (Cod. Justinian. Novel. 146). Однако этого мы еще коснемся ниже: сейчасъ же насъ интересуютъ римскіе евреи и мы должны обратиться къ нимъ.

Послѣ смерти Θεодосія Великаго западно-римская имперія быстро пала, и храброму Стилихону приходилось нѣсколько разъ отражать нашествіе враговъ на вѣчный городъ. Когда же Стилихонъ палъ, готскій король Аларихъ Балта сталъ вторгаться въ Италію, и хотя въ первый разъ и не тронулъ Рима (его побудилъ къ тому богатый выкупъ), однако въ 410 году онъ взялъ городъ штурмомъ и предоставилъ его войнамъ на разграбленіе. Св. Іеронимъ и блаж. Августинъ горько жалуется на тѣ ужасы, которые тогда творились въ Римѣ, «этомъ лучезарномъ солнцѣ міра». О судьбѣ спеціально еврейскаго населенія Рима въ тѣ тяжелые дни намъ ничего неизвѣстно, такъ какъ не сохранилось никакихъ указаній на этотъ счетъ. Несомнѣнно, и они страшно пострадали тогда наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ. У Прокопія (bell. Goth. I, 12) сохранилось указаніе, что Аларихъ похитилъ нѣсколько цѣнныхъ сосудовъ, нѣкогда украшавшихъ іерусалимскій храмъ и привезенныхъ Титомъ въ Римъ. Остальная священная утварь храма немного позже досталась вандаламъ, разграбившимъ Римъ, и была увезена ими въ Каррагенъ. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого вторичнаго разграбленія вѣчнаго города, какъ герулы Одоакръ положилъ конецъ Западной римской имперіи (476). Но и его владычество было кратковременно: Одоакру пришлось вступить въ борьбу съ остготскимъ королемъ Теодорихомъ и—уступить его значительному превосходству. Во время отчаянной борьбы между Теодорихомъ и

Одоакромъ, римскимъ епископомъ былъ Геласій, относившійся въ высшей степени толерантно къ евреямъ. Сохранилось нѣсколько указаній, свидѣтельствующихъ о замѣчательной непредубѣжденности этого первосвященника къ евреямъ и о томъ, что онъ имѣлъ въ числѣ наиболѣе приближенныхъ лицъ нѣсколькихъ евреевъ ¹⁾.

При Теодорихѣ Римъ сталъ немного поправляться послѣ постигшихъ его жестокихъ разгромовъ. Отличаясь болѣе сравнительно съ своими католическими предшественниками терпимостью, король-аріанинъ выказывалъ большую справедливость и относительно евреевъ, охотно подтвердивъ имъ ихъ прежнія привилегіи, хотя и не даровалъ имъ новыхъ. Такъ, напр., Теодорихъ не разрѣшалъ постройки новыхъ синагогъ, но ничего не имѣлъ противъ реставраціи старыхъ молитвенныхъ домовъ. Основываясь на высказанныхъ имъ же въ одномъ изъ эдиктовъ принципѣ: «Мы не въ силахъ повелѣвать религіи, ибо никого нельзя принудить вѣрить (во что-либо) противъ его воли» ²⁾, Теодорихъ даровалъ евреямъ полную автономію въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ, признавалъ компетентность ихъ суда и допускалъ существованіе самостоятельнаго еврейскаго частнаго права рядомъ съ правами римскимъ и готскимъ. Сохранились указанія на замѣчательную справедливость Теодориха относительно евреевъ. Между прочимъ случилось, что нѣсколько рабовъ въ Римѣ убили своихъ хозяевъ-евреевъ. Когда власти наказали убійць, чернь возстала противъ евреевъ, стала подвергать ихъ насиліямъ и даже подожгла синагогу. Евреи обратились тогда съ жалобою къ намѣстнику Теодориха, графу Аригерну, и тотъ доложилъ о случившемся королю. Теодорихъ заступился за евреевъ, жестоко наказавъ зачинщиковъ погрома и издавъ распоряженіе, которымъ впредь устанавливалась строжайшая кара за разгромъ еврейскихъ домовъ (Cassiod. Var. IV, 43).

¹⁾ См. Vogelstein-Rieger, I, p. 128.

²⁾ Cassiodor. Var. II, 27: religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur, ut credat invitus.

венства, къ которымъ такъ страстно стремится страдающее человечество, задыхающееся въ тискахъ соціальной несправедливости.

Спрашивается, почему это д-ръ Каценельсонъ такъ ополчается противъ тѣхъ націоналистовъ (читай сіонисты), которые осмѣливаются отвергать теорію провиденціальной миссіи еврейскаго народа и несогласны съ мнѣніемъ, будто еврейское племя есть «племя-уникумъ среди всѣхъ племенъ земли, племя, у котораго религиозная жизнь во всѣ времена отодвигала на задній планъ соціально-политическіе интересы, которыми живутъ всѣ народы»? Что тутъ предосудительнаго, если эти націоналисты, вѣрные завѣтамъ пророковъ *) о любви къ «малымъ симъ», стремятся къ тому, чтобы многострадальная еврейская масса, больше всѣхъ терпящая отъ людской несправедливости, зажила полной, человѣческой жизнью?

Можно быть и несіонистомъ (и пишущій эти строки тоже «невѣрующій»), можно спорить противъ способовъ, которыми сіонисты намѣреваются врачевать раны народныя, можно наконецъ, упрекать ихъ, что они только мастера поговорить, пофилософствовать, но не дѣло дѣлать—но я долженъ сознаться, что рѣшительно не понимаю, чѣмъ въ данномъ случаѣ можетъ помочь вѣра въ какую то «духовную миссію». Тутъ народъ, цѣлый многомилліонный народъ вырождается физически и духовно, задыхается въ повальной безсходной нуждѣ и дикомъ невѣжествѣ, а его хотятъ утѣшить тѣмъ, что когда то «его предки Римъ спасли», что онъ призванъ кого то просвѣщать, чему то поучать... Какая иронія, какая жестокая иронія! Все это было бы еще понятно, если бы д-ръ Каценельсонъ былъ узкимъ кабинетнымъ ученымъ, но онъ вѣдь—публицистъ, и какъ таковому ему непростительно вмѣсто живого слова давать остроумныя «толкованія» и «мелиодсы»—этого добра у насъ и такъ довольно! Мы цѣлыя столѣтія, если не тысячелѣтія, жили по мертвой буквѣ, каждый шагъ въ нашей жизни регламентировался предписаніями всевозможныхъ «ришониимъ» и «ахройнимъ»—и мы дошли такимъ образомъ до полной атрофіи всѣхъ нашихъ чувствъ, изъ живыхъ людей мы стали муміями... Не другихъ намъ поучать надо, не осчастливливать міръ духовными миссіями,—подобными претензіями мы кажемся только смѣшными, мы должны прежде всего и раньше всего—на себя посмотреть!» Воудуха, свѣта, знанія, чувства собственнаго достоинства и прежде всего хлѣба—вотъ что нужно нашему народу, вотъ каковъ долженъ быть лозунгъ всѣхъ истыхъ друзей народа, у которыхъ главное жизнь, а не книга.

*) Кстати, я рѣшительно не могу припомнить, когда это наши націоналисты называли, какъ увѣряетъ д-ръ Каценельсонъ, пророковъ «небольшой группой мечтателей, самозванно выдававшихъ себя за представителей народа и несправедливо завладѣвшихъ вниманіемъ потомства».

Изъ другихъ статей очень интересна статья г. Маркона «Старья и новья свѣдѣнія объ абиссинскихъ евреяхъ». Особый интересъ представляетъ собой сообщаемый г. Маркономъ фактъ о недавней попыткѣ караймовъ завязать сношенія съ фалашами. Одинъ изъ представителей петербургской караймской общины, г. Кокизовъ, случайно встрѣтилъ въ одной книгѣ упоминаніе о языкѣ «Фалаша или Кара». Зная, что фалаша это еврей въ Абиссиніи, г. Кокизовъ заинтересовался словомъ Кара: не имѣетъ ли оно чего либо общаго со словомъ «Караймъ». И г. Кокизовъ вмѣстѣ съ другими представителями с.-петербургской караймской общины отправили къ фалашамъ чрезъ полковника Леонтьева письмо на еврейскомъ и французскомъ языкахъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ. Вслѣдствіе возникшей тогда войны Абиссиніи съ Италіей г. Леонтьевъ не могъ лично проникнуть къ фалашамъ, и онъ вручилъ это письмо французскому ученому г. Мондонъ-де-Веделие (Mondon de Vedailies), проживающему въ Абиссиніи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ; послѣдній любезно сообщилъ черезъ нѣкоторое время петербургской караймской общинѣ отвѣты на большинство изъ предложенныхъ вопросовъ. Касаясь происхожденія іудейства въ Эфіопіи, французскій ученый передаетъ извѣстную легенду, связанную съ савской царицей, родившей будто сына отъ царя Соломона. Сынъ этотъ Менеликъ I (Ἰσῆ) былъ воспитанъ при дворѣ Соломона въ вѣрѣ іудейской и даже помазанъ въ іерусалимскомъ храмѣ царемъ Эѳіопіи. Достигнувъ совершеннолѣтія, Менеликъ уѣхалъ въ страну Савскую въ сопровожденіи большого множества израильтянъ, свѣдущихъ въ Священномъ Писаніи, чтобы научить савейцевъ ученію Моисея. Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ г. Мондонъ-де-Веделие, исторически установлено, что колонизація израильтянъ очень древняя, начавшаяся весьма вѣроятно ранѣ разрушенія храма Титомъ, и что значительная часть Эѳіопіи, въ особенности высшіе классы, исповѣдывали до введенія христіанства еврейскую вѣру. Духовная еврейская община въ Эѳіопіи въ настоящее время, сообщаетъ французскій ученый, крайне разобщена, чрезвычайно смѣшана съ христіанами, несмотря на то, что индивидуально каждый хранитъ свое вѣрованіе и что никакого говенія не существуетъ. Я долженъ сказать, прибавляетъ г. Мондонъ-де-Веделие, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ (dissidents) фалаша или эѳіопскіе израильтяне были наименѣе гонимы. Наиболѣе значительныя общины находятся въ сѣверныхъ провинціяхъ Абиссиніи. Въ Шоа всего нѣсколько рабочихъ, служащихъ у императора. Эѳіопскіе іудеи занимаются, по большей части, ручнымъ трудомъ—между ними есть плотники, каменщики, горшечники и др. Фалаша говорятъ частью на особомъ нарѣчій, частью на общеупотребительномъ въ эѳіопской имперіи охаричскомъ нарѣчій. Еврейскаго языка они не знаютъ и всѣ ихъ свя-

ценныя книги на гезскомъ языкѣ, служащемъ церковнымъ языкомъ какъ для тамошнихъ христіанъ, такъ и для евреевъ.

Фалашы признають законъ Моисея и пророковъ, т. е. библію, которую имѣютъ только на гезскомъ нарѣчій, они признають обрѣзаніе, празднуютъ субботу, пасху, въ память выхода израильскаго народа изъ Египта, подъ одеждой носятъ родъ полотняной сорочки съ синей каймой, но безъ бахромы, назначеніе коей наименовать о переходѣ черезъ Черное море. Они соблюдаютъ по библіи всѣ посты, воздержаніе, очищеніе и молятся въ синагогахъ, называемыхъ «мекурабъ». Ихъ ученые именуется рабби или раввинами, на нихъ возложено также воспитаніе дѣтей.

Талмудъ, Таргумы, Кабала эіопскимъ іудеямъ неизвѣстны.

Караны, сообщаетъ далѣе г. Марконъ, съ полученіемъ вышеупомянутаго письма еще болѣе укрѣпились въ своемъ мнѣніи, что ученіе фалашей тождественно съ ученіемъ караномовъ; они поэтому готовятся въ настоящее время снарядить къ фалашамъ экспедицію съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ ихъ религиозными воззрѣніями, вѣрованіями и т. п.

Г. Марконъ находитъ предположеніе караномовъ невѣрнымъ. По его мнѣнію фалашы не подходятъ вполнѣ ни подъ группу евреевъ - раввинистовъ, ни подъ группу караномовъ. «Фалашы, говоритъ онъ, являются представителями самостоятельнаго совершенно своеобразнаго толкованія закона, ихъ религія—іудазизмъ, имѣвшій иную, свою особую эволюцію».

Они, увѣряетъ авторъ, имѣютъ даже своего рода Талмудъ—книгу, содержащую: толкованіе на пятикнижіе Моисея, сохранившія устно легенды, сказанія, толкованія словъ священнаго писанія, объясненія законовъ и т. п. Было бы поэтому, прибавляетъ г. Марконъ, крайне желательнаго, въ интересахъ научнаго изученія іудазизма, чтобы и наши еврей-раввинисты въ свою очередь вступили въ переписку съ фалашами.

Нашимъ азіатскимъ соотечественникамъ посвящена статья барона Н. Н. Фонъ деръ-Ховена «Изъ прошлаго и настоящаго азіатскихъ евреевъ». Статья эта читается съ интересомъ, но въ ней авторъ сообщаетъ въ сущности мало новаго.

Прошлому русско-польскихъ евреевъ въ сборникѣ удѣлены три статьи, изъ которыхъ интересъ представляетъ только статья Ю. Гессена «Записки Державина какъ историко-общественный памятникъ». Въ статьѣ этой авторъ развиваетъ мысль, выраженную имъ въ напечатанной въ прошломъ году въ Восходѣ статьѣ *) что на «положеніи» 1804 г. какъ и на запискѣ Державина, положенной въ основу «положенія», замѣтно не только вліяніе польскихъ источниковъ, какъ думаетъ Бершадскій; на нихъ отразилось такъ

*) Къ матеріаламъ по исторіи «положенія о евреяхъ 1804 г.» Восх VI 1900 г.

же и еврейское влияние. Въ подтверждение своего мнѣнія, авторъ приводитъ много весьма интересныхъ, отчасти до сихъ поръ еще необнародованныхъ, данныхъ. Странной только кажется вербшительность автора въ изложении мотивовъ и цѣлей, которыя преслѣдовалъ Державинъ при составленіи своего «мнѣнія». Авторъ не рѣшается открыто заявить о корыстныхъ мотивахъ, которыми руководствовался въ данномъ случаѣ далеко небезупречный, «пѣвецъ Фелицы». Такая излишняя щепетильность въ историческомъ трудѣ совсѣмъ неумѣстна.

На остальныхъ двухъ компилятивныхъ историческихъ статьяхъ останавливаться не стоитъ. Какъ въ историческомъ очеркѣ М. Брейнина «Наши предки на Литвѣ», такъ и въ статьѣ С. Лившица «Евреи въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи и въ XVI в. XVII в.», замѣтно полное неумѣніе пользоваться историческимъ матеріаломъ и отсутствіе историческаго кругозора.

Къ историческимъ статьямъ слѣдуетъ также отнести интересный очеркъ Н. Переферковича «Враги Талмуда», въ которой авторъ рисуеъ намъ ту *Via dolorosa*, по которой шествовалъ талмудъ съ XIII вѣка (съ котораго собственно и начинается мартирологъ талмуда) до нашихъ дней. Съ грустью узнаемъ, что инициаторомъ перваго гоненія противъ талмуда былъ еврей же—вѣроотступникъ Николай Донинъ, и, какъ бы въ исполненіе пророческаго изреченія: «разрушители и опустошители твой выйдутъ изъ тебя же», большинство дальнѣйшихъ гоненій возникали тоже благодаря евреямъ отступникамъ.

Съ крайней неохотой приступаю теперь къ разбору отдѣла беллетристики. Весь этотъ отдѣлъ, за исключеніемъ прекраснаго переводнаго разсказа Менделе-Мохеръ Сефоримъ (С. Абрамовича) «Безъ радости», отличается удивительной безцвѣтностью и безталанностью. Въ отличіе отъ научнаго отдѣла, беллетристика сборника всецѣло посвящена новѣйшей современности, герои повѣстей читаютъ цѣлые рефераты о сіонизмѣ, самосознаніи etc., но читатель не найдетъ во всей этой беллетристичѣ ни одного живого лица, ни одного вѣрнаго штриха, все выходитъ крикливо, дѣланно, неестественно.

Начну съ разсказа М. Брянскаго «Диночка пріѣхала», написаннаго на животрепещущую сіонистскую тему. Мать Диночки, Марья Давидовна, которой всѣ въ домѣ безпрекословно подчиняются, даетъ своей дочкѣ «выисканное» воспитаніе, т. е. старается сдѣлать свою Диночку свѣтской дѣвицей, умѣющей нравиться молодымъ людямъ; единственная цѣль ея—богато выйти замужъ. Диночку мать очень рано «стала вводить въ кругъ своихъ сокровенныхъ мыслей», и дочка оправдала ожиданія матери. Она имѣла успѣхъ на балахъ и въ совершенствѣ познала тайну нравиться богатымъ женихамъ и, главное, во всемъ слушалась матери. Когда

Диночка устраивает вечеръ, на которомъ присутствуютъ ея подруги и молодые люди, въ сосѣдней комнатѣ шадхенъ предлагаетъ Марья Давидовнѣ очень выгодную партію для дочки, мать въ восхищеніи немедленно сообщаетъ Диночкѣ радостную вѣсть. «Но ты, золото мое,—прибавляетъ мать,—достойна еще большаго счастья и потому я велѣла свату искать еще болѣе подходящаго». Дочь вполне согласна съ матерью и въ знакъ признательности цѣлуетъ ее. На вечерѣ пара студентовъ-сіонистовъ заводятъ разговоръ о сіонизмѣ, но все это, понятно, Диночку весьма мало интересуетъ, ея мысли заняты женихомъ, и когда гости уходятъ, Диночка, любясь собой въ зеркалѣ, тихо шепчетъ:

— И такъ, Диночка, тебя уже добиваются. Но не торопись. Номеръ первый—въ тиражъ, и Богъ съ нимъ!»

До сихъ поръ, какъ видитъ читатель, все идетъ шаблонно, но правдоподобно, за то дальше ужъ начинаются курьезы.

Когда нѣсколько дней спустя Марья Давидовна сообщаетъ Диночкѣ о другой болѣе выгодной партіи, Диночка категорически заявляетъ, что она влюблена. Оказывается, что дня черезъ два послѣ упомянутой вечеринки Диночка встрѣтила студента Якобсона, того самаго, который въ тотъ вечеръ завелъ разговоръ о сіонизмѣ; вдругъ по шучьему велѣнію и по волѣ автора Диночка сразу изъ «куколки» превращается въ серьезную дѣвушку, допытывающуюся у Якобсона о значеніи и чаяніяхъ сіонизма. Якобсонъ охотно исполняетъ ея просьбу. Происходитъ удивительно глупая и напыщенная сцена, имѣвшая весьма знаменательныя послѣдствія: молодая парочка влюбилась другъ въ друга. Кончилась же эта любовь тѣмъ, что черезъ три мѣсяца неутомимый шадхенъ предложилъ новую партію изъ самаго Питера. Женихъ пріѣхалъ, Диночка ему понравилась, та тоже выразила свое согласіе, и черезъ два мѣсяца состоялась свадьба.

Послѣ свадьбы Диночка уѣхала съ мужемъ, первой гильдіи купцомъ, въ Петербургъ, гдѣ и вавулась въ вихрь столичной жизни. «Окруженная поклонниками, витая въ сферѣ пошлыхъ удовольствій, она считала себя счастливѣйшею изъ смертныхъ», заявляетъ самъ авторъ. Но все измѣнчиво подъ луною. Здоровье измѣнило Диночкѣ, она похудѣла, явился кашель и она принуждена была покинуть Петербургъ и поѣхать къ родителямъ отдохнуть. Мужъ особенно торопился ея поѣздкой и, какъ только она пріѣхала къ родителямъ, получило отъ него письмо, въ которомъ сообщилъ ей, что его обширныя дѣла разомъ пошатнулись и онъ изъ за долговъ вынужденъ уѣхать на время за границу. Диночка сражена горемъ, а тутъ еще простуживается, заболѣваетъ воспаленіемъ легкихъ, отъ котораго, по опредѣленію врачей ей ужъ не встать.

Во время болѣзни Диночка, предаваясь воспоминаніямъ, вспо-

минает и про Якобсона. Она разспрашивает про него лѣтчишаго ее доктора Гурвица, товарища Якобсона, в тотъ ей разсказываетъ истыя чудеса. Якобсонъ, оказывается, отлично кончилъ курсъ, могъ бы сдѣлать карьеру, но онъ вѣдь сионистъ—народникъ, убѣжденный, что интеллигентъ долженъ идти въ народъ, въ глушь, нести туда культуру. Онъ поселился поэтому въ гѣвадѣ хасидизма, гдѣ сталъ творить подвиги одинъ другого доблестнѣе. По опредѣленію Горвица у Якобсона «золотыя руки», но этого еще слишкомъ мало. Якобсонъ оказывается какой то легендарной личностью съ исполненной силой воли; онъ устраиваетъ школу для дѣтей, какіе то курсы для взрослыхъ, чтенія по еврейской исторіи, зачѣмъ ремесленниковъ собираетъ, артели устраиваетъ, земледѣльческую ферму заводитъ, общество взаимнаго пособія выхлопоталъ, читаетъ проповѣди въ синагогахъ, на которыя стекается масса народу, устраиваетъ сотни сионистскихъ кружковъ, ѣздитъ делегатомъ въ Базель, много пишетъ, пропагандируетъ, продаетъ множество акцій сионистскаго банка «и еще что то, еще что то, всего не помню»—прибавляетъ Горвицъ.

Дальше Горвицъ сообщаетъ Диночкѣ, что у Якобсона «былъ неудачный романъ, любовь, измѣна». Диночка краснѣетъ при этомъ и умоляетъ Горвица написать Якобсону, что она больна и желаетъ его видѣть. Горвицъ исполняетъ ея желаніе, Якобсонъ немедленно прѣвѣзаетъ и отправляется вмѣстѣ съ Горвицомъ въ больницу, но въ передней ихъ встрѣчаетъ другой докторъ и объявляетъ имъ: «Оповдали, коллеги! Finita la comedia!»

Этимъ кончается разсказъ г. Брянскаго, и читатель недоумѣваетъ, зачѣмъ пишутся подобные разсказы и въ чему ихъ печатаютъ.

Разсказу г. Брянскаго по нелѣпости своей рѣшительно не уступитъ романъ «Среди чужихъ», представляющій собой переводъ вышедшаго въ прошломъ году на нѣмецкомъ языкѣ романа Макса Віола подъ названіемъ: «Doctor Gutmann».

Разсказъ г. Брянскаго имѣетъ хоть то преимущество, что написанъ довольно гладкимъ языкомъ, тогда какъ переводъ романа Віола сдѣланъ крайне небрежно.

Содержаніе этого романа таково. Въ какой то австрійской деревушкѣ доживаетъ свой вѣкъ благородный, самоотверженный докторъ—еврей Гутманъ. У него изъ близкихъ никого не осталось кромѣ внучки Матильды, которая у него воспитывается.

Матильда, какъ и подобаетъ героинѣ романа, красоты неопикуемой и благородства идеальнаго. Старикъ въ ней души не чаеъ и еще на зарѣ ея юности онъ уже подыскалъ ей жениха въ лицѣ бѣднаго студента Розенбаума, котораго докторъ на свой счетъ послалъ въ Вѣну изучать медицину, и на свои послѣднія сбереженія помогалъ ему окончить свое образованіе. Матильда

любила жениха, но тотъ этой любви, повидимому, не заслужилъ. Онъ сталъ все рѣже и рѣже писать своей невѣстѣ, и до старика доходятъ слухи, что Розенбаумъ поддѣлалъ въ Вѣнѣ другую невѣсту, дочку богатаго ростовщика. Старикъ не вѣритъ этому и все надѣется, что Розенбаумъ пріѣдетъ на наступающій праздникъ пасхи погостить, но вопреки его ожиданію тотъ не пріѣхалъ. Матильда ничего не говоритъ, но старикъ ясно видитъ, какъ она блѣдна и разстроена и, приписывая это тоскѣ по любимомъ человѣкѣ, онъ, не говоря ни слова внучкѣ, рѣшилъ послѣ праздника съѣздить въ Вѣну и вернуть Матильдѣ ея жениха, «вернуть его къ своему долгу», какъ онъ говоритъ. Сказано, сдѣлано. Онъ пріѣзжаетъ въ Вѣну, застаётъ Розенбаума у его новой невѣсты, расфуфыренной и расфранченной дѣвицы, и блѣдный старикъ убѣждается, выражаясь словами самого автора, что «тотъ кого онъ выбралъ себѣ затемъ, оказался самымъ низкопробнымъ негодяемъ» (стр. 319—320).

Кажется, всякій болѣе или менѣе разумный человѣкъ, желающій добра своей внучкѣ, долженъ былъ бѣжать безъ оглядки и объяснить Матильдѣ, какая ей предстояла опасность, и какъ она счастлива, что избѣгла ея. Но д-ръ Гутманъ поступаетъ иначе. Убѣдившись, что никакими увѣщаніями, а только однимъ средствомъ—деньгами—можно на Розенбаума повліять, почтенный докторъ не брезгаетъ и этимъ средствомъ и сообщаетъ этому «джентельмену», что Матильда далеко не безприданница такъ какъ для нея имѣются 52 тысячи гульденовъ. Это дѣйствуетъ на Розенбаума, и онъ готовъ бросить дочь ростовщика. Ростовщикъ и его жена возмущаются, но Гутманъ успокаиваетъ ихъ: «пусть онъ бѣжитъ, говоритъ онъ, оставьте его, и вѣрьте мнѣ, что вы немного потеряли. Еслибы я не любилъ такъ своей внучки, я бы не пустилъ его на порогъ своего дома». Остроумно, не такъ ли? А вернувшись изъ Вѣны домой, онъ спокойно заявляетъ своей внучкѣ: «тебѣ предстоитъ прекрасное радостное будущее—ты станешь супругой того, кого любишь!» И не забудьте, читатель, что не пошлаго идиота хочеть представить авторъ въ лицѣ д-ра Гутмана, а идеально честную натуру. Впродолженіе всего романа одну только умную фразу произноситъ д-ръ Гутманъ о самомъ себѣ: «Ахъ я старый человѣкъ, такъ глупъ, какъ палка глупъ», восклицаетъ онъ, когда узнаетъ къ крайнему своему удивленію, что Матильда не только не любитъ Розенбаума, но питаетъ къ нему глубокое отвращеніе; причиной же ея удрученнаго состоянія была ея любовь къ молодому, доблестному, благородному землевладѣльцу—Генриху фонъ Гартенштейну. Такъ какъ тотъ очень богатъ, а она блѣдна, то она не могла рассчитывать на взаимность; оказалось, однако, что она ошиблась, произошло удивительно глупое объясненіе, и Матильда узнаетъ, что

она любима. Генрихъ—сынъ вѣнскаго еврейскаго миллионера, лебезящаго передъ нѣмецкой аристократіей. Одну дочь миллионеръ уже выдалъ за графа, но онъ этимъ еще не удовлетворенъ, онъ самъ добивается баронскаго титула, и чтобы достичь этого, онъ собирается креститься. Такъ какъ авторъ—націоналистъ и терпѣть не можетъ всякихъ «ассимиляторовъ», то и старается изъ всѣхъ силъ выставить старика Гартенштейна въ наиболѣе смѣшномъ видѣ, что ему очень легко удается, такъ какъ даже положительныя типы выходятъ у него удивительно смѣшными. Старикъ Гартенштейнъ хочетъ, понятно, чтобы вмѣстѣ съ нимъ принялъ католичество и его сынъ Генрихъ, котораго онъ непремѣнно хочетъ женить на какой то бѣдной баронессѣ. Но тотъ оказывается вѣрнымъ евреемъ, яркимъ націоналистомъ, произноситъ длиннѣйшія речи въ яро-націоналистскомъ тонѣ и открыто заявляетъ отцу, что любитъ Матильду и ни за что въ мірѣ не откажется отъ нея. Своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ ему удается такъ расстрогать отца, что тотъ не только изъявляетъ свое согласіе на бракъ сына съ Матильдой, но даже рѣшаетъ остаться вѣрнымъ религіи отцовъ. И добродѣтель торжествуетъ. Генрихъ женится на Матильдѣ, Гутманъ вѣ себя отъ радости, а старикъ Гартенштейнъ получилъ таки баронство, хотя остался евреемъ. Этимъ торжествомъ философіи незабвеннаго Панглоса и кончается этотъ удивительный романъ. Но я считаю своимъ долгомъ прибавить, что въ нагроможденіи всевозможныхъ нелѣпостей автору сильно способствовалъ и переводчикъ. Читателя, напр., могло удивить, какъ это у Гутмана, отдавшаго свои послѣднія сбереженія Розенбауму, вдругъ очутилась крупная сумма въ 52 тысячи гульденовъ. Тутъ ужъ авторъ ни при чемъ. Хотя въ заголовкѣ романа написано что это «переводъ съ нѣмецкаго», я считаю нужнымъ замѣтить, что это только извлечение изъ нѣмецкаго. Въ переводѣ изъ романа выброшено много спенъ, между прочимъ и та, гдѣ сообщается, какъ Гутманъ отыскиваетъ въ Вѣнѣ своего крещенаго брата, который и снабжаетъ его вышеупомянутой суммой.

Прославленію идеи національнаго самосознанія посвящена также очень тепло написанная, но къ сожалѣнію слишкомъ тенденціозная «сказка для еврейскихъ дѣтей» Бенъ-Ами: «Птицы перелетныя». Бѣдную семью аистовъ, рассказываетъ авторъ, поселившуюся на крышѣ одной крестьянской хаты, безпрестанно преслѣдуютъ уличные мальчишки; они бросаютъ въ нихъ камнями, ругаютъ ихъ и всячески издѣваются надъ ними. Аисты птенцы возмущаются этимъ, и ихъ умудренная опытомъ мать объясняетъ, что нѣтъ другого исхода, какъ научиться летать высоко-высоко, и тогда они улетятъ въ чудную, теплую страну, гдѣ имъ не придется терпѣть отъ уличныхъ мальчишекъ. Между птенцами

«есть одинъ строптивый—«ассимиляторъ»—и онъ въ назиданіе остальнымъ безславно погибаетъ. Оставшимся цѣлыми и невредимыми, благоправнымъ, «національно» настроеннымъ птенцамъ, мать проповѣдуетъ все то же. «Пускай лаютъ, говоритъ она, сколько душъ угодно (рѣчь идетъ о преслѣдующихъ янстовъ уличныхъ мальчишкахъ). Не прислушивайтесь вовсе къ тому, что они тамъ говорятъ и кричатъ противъ васъ. Не всегда же придется вамъ терпѣть. Вы вѣдь подниметесь высоко-высоко, выше облаковъ, и унесетесь въ прекрасную, теплую страну, между тѣмъ какъ они будутъ коченѣть, не находя нигдѣ зеленого листка или яблочка сладкаго на деревѣ» (стр. 201 курсивъ мой).

Безспорно правъ Вѣлискій, когда въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю заявляетъ, что гдѣ кончается правда, тамъ кончается также и талантъ.

Перейдемъ теперь къ разсказу М. Рывкина «Ошибка». Фабула его несложна. У шапочника Лейзера Иткина в жены его Двоя родился сынъ Эльнѣя, имя котораго попало на восьмой день послѣ его появленія на свѣтъ въ хранившуюся у уѣднаго общественнаго раввина книгу «родившихся мѣщанъ» за 187** годъ. Отправившись черезъ три мѣсяца на тотъ свѣтъ, онъ по ошибкѣ не попалъ въ другую книгу того же раввина — книгу «умершихъ мѣщанъ». Когда черезъ 21 годъ наступило время составлять призванные списки на предстоящій годъ, имя Эль Иткина было внесено въ альфавитъ подъ буквою И. На переключкѣ при выкрикиваніи фамиліи Иткина, никто, понятно, не отозвался, и тогда исправникъ сдѣлалъ здѣсь же помѣтку о отврѣ Эль Иткинѣ, не явившемся къ отбыванію воинской повинности. Скоро къ Лейзеру явился десятскій съ «повѣсткой»... Сюжетъ, какъ видите, довольно жизненный и трогательный; но, въ сожалѣнію, г. Рывкинъ почему то счелъ нужнымъ представить несчастнаго Лейзера съ женой, ведущая упорную борьбу съ суровой судьбою, какими то слезливо-сентиментальными фантазерами, такъ что вмѣсто сильнаго впечатлѣнія, на какое рассчитывалъ авторъ, у читателя по прочтеніи разсказа остается одно только чувство досады.

Слащавый націонализмъ, которымъ такъ грѣшитъ наша современная литература, роковымъ образомъ повліялъ на беллетристику. Его крайне вредное вліяніе оказывается не только на первыхъ опытахъ начинающихъ беллетристовъ вроде г. Брянскаго, но, какъ мы видимъ, даже на талантѣ такого давно сформировавшагося писателя какъ Бенъ-Ами. Правдивые жизненные бытовые очерки теперь не въ модѣ; крайняя тенденціозность и узкій слащаво-приторный націонализмъ—вотъ кто нераздѣльно царствуетъ въ нашей беллетристикѣ.

Въ концѣ сборника помѣщенъ дѣльно написанный обзоръ еврейской печати за послѣдній 1900 годъ, принадлежащій перу Я. Каценельсона.

Въ литературной критикѣ слѣдуетъ также отнести интересно, но слишкомъ отрывочно написанныя «Литературно-критическія замѣтки» Ос. Грузенберга, посвященныя разбору беллетристическихъ сборниковъ «Еврейскіе силуэты» и «Въ духотѣ».

Стихотворный отдѣлъ сборника состоитъ изъ двухъ стихотвореній Фруга и по одному стихотворенію А. Панова и Х. Зингера. Лучшее изъ нихъ сказка «Кумиры» Фруга.

Биографическій отдѣлъ представленъ въ сборникѣ двумя небольшими очерками о жизни и дѣятельности художника Оппенгейма и ученаго С. Д. Луццато, со дня рожденія которыхъ въ прошломъ году минуло сто лѣтъ. Первый очеркъ принадлежитъ перу художника М. Гоффе, а второй—г. Станиславскаго.

С. Цинбергъ.

Изданія т-ва «Прогрессъ» въ Варшавѣ:

(1) שיינער וואס הא'לען פון דימעל. א ווילענע ערקלערונג וועגן ווען
אייען, שמענענענענענע און אמענע, ערענע פון ב. ב.

Камни, падающіе съ неба. соч. В. Ф.

(2) געשכענע פון דער מענשיכער ענטוויקלונג (קולטורעזשיכטע), פון
ש. שיינלעך, פריי מיכעלע ווען מ. ברעסלער.

Исторія человѣческой культуры Ф. Штрайслера, перевелъ съ
русскаго перевода А. Бреслеръ.

(3) דער 'בלנדער סוויקנע פון ו. ק. א. א. א.

Слѣпой музыкантъ. В. Короленко.

(4) דארвинизם אדער דארвіן'ס און די עולם, פון ב. שיינלעך.

«Дарвинизмъ или угадалъ Дарвинъ» соч. В. Файгенбаума.

Новое издательство—новыя книги н... старыя ошибки!

За послѣднія нѣсколько лѣтъ жаргонная литература все болѣе и болѣе обогащается популярно-научными произведеніями по многимъ отраслямъ человѣческаго знанія. Такой фактъ, безъ сомнѣнія, можно только сочувственно привѣтствовать, можно радоваться за нашу народную массу, которой другіе языки, кромѣ жаргона, недоступны, что и ея кругозоръ нѣсколько расширится благодаря равностороннему, хотя и нѣсколько поверхностному знакомству съ современною наукою.

Но съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что познакомитъ интеллигентно мало развитую публику съ различными областями науки, а тѣмъ болѣе умозрительными—задача очень сложная и не каждому посильная. Необходимо придерживаться строго систематическаго плана, извѣстной послѣдовательности,

если желаютъ избѣгнуть того туманнаго хаоса, который вызывался въ умахъ нашихъ доморощенныхъ философовъ безпорядочнымъ чтеніемъ, безъ предварительной достаточной подготовки, древне-еврейскихъ философскихъ трактатовъ. Да и самъ методъ изложенія, способы популяризаціи представляютъ собою значительныя трудности. Необходимо въ краткой, сжатой формѣ ясно и рельефно отмѣтить самое важное въ данной отрасли знанія для того, чтобы второстепенныя подробности не заслоняли собою главной сути.

Новое издательство «Прогрессъ» въ 3-хъ лежащихъ передъ нами популярно-научныхъ книжкахъ (четвертая—беллетристическое произведеніе), къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ ни тѣмъ, ни другимъ требованіямъ. Неприятно поражаетъ какъ полнѣйшее отсутствіе системы при выборѣ темъ, такъ и неудачные приемы изложенія.

Чѣмъ руководствовалось издательство при выборѣ метеоритовъ сюжетомъ для *первой* научной книжки? Подобно тому, какъ ни одинъ разумный профессоръ не станетъ излагать законовъ движеній геодезическихъ кривыхъ безъ предварительнаго ознакомленія своей аудиторіи съ основными законами механики, такъ и нецѣлесообразно и бесполезно вдаваться въ объясненія астрономическихъ частныхъ явленій безъ достаточнаго ознакомленія съ общими законами и явленіями природы. Правда, наша еврейская читающая публика особенно падка на такіе «небесные» вопросы. Евреи охотно занимаются астрономіей по книгамъ Слонимскаго, не имѣя еще ни малѣйшаго понятія объ основныхъ началахъ элементарной геометріи. Но развѣ съ этимъ фактомъ слѣдуетъ считаться? Издательства и писатели не должны идти навстрѣчу *неразумнымъ* требованіямъ массы, а, наоборотъ, на ихъ обязанности лежитъ привить ей необходимыя знанія, хотя бы сознаніе этой необходимости не успѣло еще созрѣть среди читающей публики.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе детальному разбору лежащихъ передъ нами книжекъ, позволимъ себѣ высказать еще нѣсколько общихъ соображеній, съ которыми, какъ намъ кажется, безусловно слѣдуетъ считаться при изданіи популярно научныхъ книгъ для нашего народа.

Наши еврейскіе читатели слишкомъ долго витали въ области догадокъ, гипотезъ и теорій. Часто наряду съ изумительной способностью логическаго мышленія и выработанной діалектикой насъ неприятно поражаетъ полнѣйшее незнакомство съ основными положеніями, неумѣніе объяснить себѣ самыя обыденныя явленія природы. Для того, чтобы установить нѣкоторое равновѣсіе, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, необходимо первымъ дѣломъ знакомить нашихъ читателей съ точными науками—этой гениальной гимнастикой для ума. Необходимы общія, элементарныя знанія мате-

матки, физики и химии, при чемъ при изложеніи послѣднихъ больше слѣдуетъ обращать вниманія на фактическій научный матеріалъ и его утилизированіе, чѣмъ на теоретическое его объясненіе. Понятно, что этимъ не слѣдуетъ ограничиться, но пока такіа книги должны быть на первомъ планѣ.

Время преподаванія евреямъ науки ради науки, ради *методовъ* ея изслѣдованія—еще не настало, оно еще въ далекомъ будущемъ, а пока мы поэтому должны болѣе утилитарно ее преподавать.

Исходя изъ такой точки зрѣнія на назначеніе популярно-научныхъ книгъ, нельзя не признать очень неудачнымъ выборъ явленія аэролитовъ и метеоритовъ для научной бесѣды въ отдѣльной книжкѣ, и вдобавокъ для *перваго* опыта. Можно было въ большей мѣрѣ посвятить этому явленію небольшую статью, но отнюдь не дѣлать его предметомъ отдѣльной брошюры. Самъ методъ изложенія тоже оставляетъ желать многого и чувствуется неуимѣнне сообразоваться съ мѣстомъ для распредѣленія матеріала. Такъ, напримѣръ, авторъ удѣляетъ много вниманія «небесному камню», привезенному лейтенантомъ Пьера, и считаетъ необходимымъ даже подробное описаніе его вѣса, размѣровъ, дня и часа его появленія въ Европѣ, въ то время какъ *объясненіе* вулканическихъ явленій у него слишкомъ сжато и вслѣдствіе этого туманно. Исторія появленія аэролитовъ въ различныхъ времена и гипотезы, пытающіяся ихъ объяснить, до того переплетены съ общими, ничего не говорящими «популярными» разсужденіями и примѣрами, что трудно отличить простому читателю въ этомъ слабомъ растворѣ «науки», что важно и что заслуживаетъ меньшаго вниманія (стр. 11). Первоначальныя основы астрономіи, или какъ ихъ авторъ называетъ на своемъ популярномъ языкѣ *אורחות חיים* сводятся только къ изложенію великой истины, что звѣзды не всѣ одинаково удалены отъ насъ, для поясненія чего автору понадобились 2 страницы изъ удѣленныхъ этой самой важной главѣ 4-хъ страничекъ. Неравномѣрное распредѣленіе матеріала обнаруживается еще въ томъ, что изъ 32 страницъ, составляющихъ всю брошюру, 26 удѣлены описанію явленій, слишкомъ подробно для такой тощей популярной книжки, а поясненіе явленій, которое авторъ, какъ видно изъ заглавія, поставилъ своей главной задачей, занимаетъ всего 5—6 страницъ, причемъ различіе между спорадическими и періодическими явленіями установлена очень поверхностно и туманно.

Слогъ книжки въ общемъ вполне удовлетворительный. Кое-гдѣ попадаются неясныя слова и выраженія.

Такъ, напримѣръ, *אין מן המעטות והרבות*, אין מן המעטות והרבות (стр. 9) и нѣкоторыя другія оплошности, которыя однако не нарушаютъ общаго впечатлѣнія.

Авторъ, безъ сомнѣнія, обладаетъ способностями популяризатора. Жаль только, что онъ выбралъ неудачную тему и не распредѣлилъ какъ слѣдуетъ материала.

Перу того же автора принадлежитъ и изложеніе теоріи Дарвина. Ужъ само оглавленіе: «Дарвинизмъ или Дарвинъ угадалъ» насъ неприятно поражаетъ, напоминая собою пресловутаго Турша: «Отелло фунъ демъ беримтенъ англишенъ философъ Шекспиръ, филъ *Фербессертъ* фунъ Берке Туршъ». Популяризатору, дѣйствительно, простительны нѣкоторыя «вольности», однако только такія, которыя способствуютъ болѣе ясному изложенію, а это отдающее рекламой оглавленіе вѣдь для такой цѣли не служить... Въ общемъ книжка читается съ интересомъ; изложена она довольно живо и вполне понятнымъ языкомъ.

Самой подходящей книжкой изъ лежащей передъ нами серіи безспорно слѣдуетъ считать переводъ Штрайслера: «Исторія человѣческой культуры». Выборъ Штрайслера, а не другого, вполне удаченъ и цѣлесообразенъ для еврейскаго читателя, да и переводъ самъ по себѣ, хоть и не съ оригинала, вполне удовлетворителенъ. Если принять во вниманіе, что Липпертъ въ переводѣ Фришмана (изданіе «Ахисафъ») пользуется большимъ успѣхомъ у древне-еврейской читающей публики, то можно надѣяться что и эта безусловно полезная книга найдетъ себѣ обширный кругъ читателей.

«Слѣпой музыкантъ» Короленко пользуется у насъ большой популярностью. Въ прошломъ году появился онъ въ древне-еврейскомъ переводѣ изданія «Тушія», а теперь это истинно-художественное произведеніе проникнетъ и въ нашу народную массу. Можно было бы, конечно, указать на длинный рядъ произведеній общей литературы, болѣе отвѣчающихъ потребностямъ нашего народа, но, какъ съ совершившимся фактомъ, съ этимъ переводомъ легко можно помириться.

Надѣмся, что новое издательство, поставившее своимъ девизомъ «прогрессъ», оправдаетъ лучшія ожиданія и, не проникаясь меркантильнымъ духомъ, будетъ дѣйствовать въ направленіи просвѣтительномъ, обогащая народную литературу строго подобранными, согласно опредѣленному, разумному плану, полезными произведеніями.

М. Н. Сыркинъ.

„*Aus fünf Jahrhunderten*“. *Beiträge zur Geschichte der jüdischen Gemeinden in Riess. von Prof. Dr L. Müller.* (Пять вѣковъ въ исторіи еврейскихъ общинъ въ Риссѣ, проф. д-ра Л. Мюллера. 1900).

Риссъ—уголокъ Швабіи, въ которомъ евреи обитаютъ съ давнихъ поръ. На основанія тщательныхъ архивныхъ изысканій, проф. Мюллеръ обрисовываетъ ихъ прошлыя судьбы, начиная свое изложеніе съ XIV-го вѣка и доводя его до конца XVII

стол. Евреи въ Россіи обитали частью въ городѣ Нердлингенѣ, гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло съ мѣстными магистратами, частью во владѣніяхъ мѣстныхъ феодаловъ, графовъ Эттингенъ. Авторъ даетъ крайне интересную картину отношеній между городскими заправилами и феодалами, съ одной стороны, и евреями, съ другой стороны. Онъ старается дать, по возможности, болѣе подробное описаніе жизни евреевъ, и говоритъ объ ихъ отношеніи къ императору и имперіи, магистрату и бюргерамъ, занятіи торговлей и посредничествомъ, подсудности, обложеніи налогами, внутреннихъ распорядкахъ и т. п. Какихъ либо новыхъ положеній по вопросу о роли евреевъ въ средніе вѣка Мюллеръ не выдвигаетъ, онъ придерживается выработанныхъ на этотъ счетъ въ наукѣ теорій и приводимыми фактами лишь подтверждаетъ ихъ. А набрать факты онъ, какъ трудолюбивый нѣмецкій ученый, не полѣнился. Мы находимъ у него прелюбопытный перечень податей, уплачивавшихся евреями, во-первыхъ, императору, который внималъ съ нихъ эти подати на томъ основаніи, что при своемъ вступленіи на престолъ имѣлъ право стереть евреевъ съ лица земли, но конечно, этого не дѣлалъ, во-вторыхъ,—городскому магистрату, и въ-третьихъ—феодаламъ-помѣщикамъ. Подати императору и магистрату уплачивались деньгами, помѣщику же—деньгами и натурой, и описаніе этихъ натуральныхъ повинностей раскрываетъ очень любопытную страницу экономической жизни минувшихъ временъ. Интересны факты, приводимые авторомъ въ подтвержденіе давно уже установившагося положенія, что виновницей гоненій евреевъ была католическая церковь, видѣвшая въ евреяхъ не только «враговъ Христовыхъ», но и экономическихъ соперниковъ. Обращаютъ также на себя вниманіе въ произведеніи Мюллера замѣчанія объ отношеніи цеховъ къ евреямъ, которыхъ первые всячески устранили отъ занятія ремеслами и многими отраслями торговли. Осаждаемый, съ одной стороны, настояніями церкви, съ другой, домогательствами цеховъ, магистратъ поневолѣ долженъ былъ издавать ограничительныя постановленія относительно евреевъ, но далеко итти въ данномъ направленіи не рѣшался, опасаясь совершенно потерять евреевъ, а съ ними и значительную часть своихъ доходовъ. Это постоянное лавированіе городскихъ властей между крайними требованіями клира и цеховъ и личными соображеніями въ области еврейскаго вопроса. изображено въ разсматриваемомъ произведеніи съ достаточной степенью полноты. Церковь въ соединеніи съ цехами взяла верхъ надъ сторонниками городскихъ интересовъ, и мы видимъ, что въ отношеніи магистрата къ евреямъ беретъ верхъ явно враждебная тенденція. Магистратъ издаетъ декретъ объ изгнаніи евреевъ, строжайше запрещаетъ вступать съ ними въ сношенія, многократно повторяетъ эти запреты, обла-

тая нарушеніе ихъ большими штрафами, но тщетно,—жизнь противилась этой регламентаціи, евреи играли слишкомъ крупную роль въ хозяйственномъ обиходѣ, были необходимы, и запрещенія оставались мертвой буквой. Еврейская историческая литература въ Германіи обладает многими цѣнными произведеніями; мы думаемъ, что работа Л. Мюллера займетъ между ними не послѣднее мѣсто. Отмѣтивъ лишь ея появленіе, мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, въ которой онъ, по исторіи одной горсточкы нѣмецкаго еврейства, повзаетъ судьбы всего его. Остается только пожелать, чтобы подобнаго рода изслѣдованія появились и у насъ: мы такъ бѣдны ими, такъ мало знаемъ свое прошлое.

Ст.

Д-ръ І. Б. Сапиръ. Исторія и сущность сіонизма. Одесса. 1901 г.

Желая ознакомиться съ научной цѣнностью всякой впервые попадающей въ наши руки книги, мы обыкновенно прежде всего просматриваемъ ея «нижній этажъ» — подстрочныя примѣчанія, по которымъ легче всего судить о размахѣ и качествѣ подготовительной работы автора. Въ этотъ «нижній этажъ» брошюры г-на Сапира мы и заглянули.—Боже, что за смѣшеніе языковъ! Тутъ и Тацитъ, и Дреперъ, и Гейне, и Спиноза, и Бенъ-Ами, и «Еврейская исторія» Бека и Бранна, и энциклопедическій словарь Брокгауза. Авторъ, видимо, не дѣлалъ различія между своими источниками и бралъ отовсюду, что Господь послалъ; эта же неразборчивость сказывается и въ изложеніи автора, его аргументаціи. Казалось бы, какое отношеніе къ сіонизму можетъ имѣть поэзія Фофанова или какую роль въ распространеніи сіонизма могутъ сыграть взгляды на него Мордовцева, а между тѣмъ авторъ удѣляетъ мѣсто и этимъ писателямъ. Авторъ назвалъ свою книгу: «Исторія и сущность сіонизма»; но о сущности его, помимо того, что онъ состоитъ въ стремленіи къ переселенію на старую родину, ничего книга не говоритъ. А развѣ сказать только это значитъ выдѣлать сущность сіонизма?—не думаемъ; объясненіе сущности сіонизма, даваемое г-нъ Сапиромъ, есть тавтологія и ничего болѣе. Первую часть своей программы—историческую—авторъ выполняетъ болѣе удовлетворительно, и за нее можно, пожалуй, простить ему невыполненіе второй. Но и въ первой части мы желали бы встрѣтить больше связности въ изложеніи и послѣдовательности въ развитіи мыслей.

Ст.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. СОЛОМОНЪ МУДРЫЙ. Разсказъ. (Окончаніе). Н. Пружанскаго	8
II. ПО ПРОМЫШЛЕННОЙ ЧЕРТЬ ОСВѢДЛОСТИ. Путевые наброски техника. (Продолженіе). И. Хороша	37
III. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ШЕЙЛОКА. (Окончаніе). С. Л. Цинберга.	57
IV. РЕВИЗИОННАЯ СИСТЕМА ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ПО ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ. Альфреда Носсига	74
V. ГЛАСЬ ИЗЪ ПУСТЫНИ. Письмо шестое. (Окончаніе). Венъ-Аши.	85
VI. ДНИ ИСПЫТАНІЯ. Часть вторая. Е. Левонтина.	110
VII. РИМСКІЕ ЕВРЕИ ВЪ СРЕДНЕ ВѢКА. Г. Генкеля.	137
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ:	
1) <i>Научно-литературный сборникъ „Будущности“.</i> <i>Т. I. 1900 г. С. Цинберга . . . . .</i>	157
2) <i>Изданія товар. „Прогрессъ“ въ Варшавѣ. М. Н. Сыркина . . . . .</i>	170
3) <i>Aus fünf Jahrhun derten Beiträge zur Geschichte der jüdischen Gemeinden in Riess. von Prof. Dr L. Müller.</i> <i>(Пять вѣковъ къ исторіи еврейскихъ общинъ въ Риессъ, проф. д-ра Л. Мюллера. 1900). Ст. . . . .</i>	173
4) <i>Д-ръ I. Б. Сапиръ. Исторія и сущность сіонизма.</i> <i>Одесса. 1901 г. Ст. . . . .</i>	175

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.
1800.

Куда.

(Окончаніе ¹⁾).

Подень. На дворѣ невыносимая жара. Движеніе по улицѣ остановилось. Усталое тѣло требуетъ покоя; душѣ какъ-то хочется вздремнуть и отдохнуть. Въ бесѣ-гамедрашѣ тихо. Пюпитры разставлены по синагогѣ, какъ памятники на могилахъ. Книги покоятся на своихъ мѣстахъ въ шкапахъ. Алтеръ «батлонъ» сидитъ, забившись въ уголь у восточной стѣны, и преспокойно, безсознательно щиплетъ кончикъ своей заостренной бородки. Книга открыта передъ нимъ, глаза устремлены на буквы, но онъ ихъ не соединяетъ въ слова; онъ по обыкновенію сидитъ молча, погруженный въ свои мысли, или, вѣрнѣе говоря, безъ всякихъ мыслей, безъ желаній, безъ движенія.

Нахманъ подходитъ къ шкапу, достаетъ оттуда трактатъ «Бава-Кама» и направляется для занятій къ одному изъ пюпитровъ. «Кто желаетъ развить свой умъ, тотъ пусть занимается законами денежными». Поэтому-то раввинъ велѣлъ ему изучать отдѣлъ «Nesikin». Наклонившись надъ своимъ пюпитромъ, онъ поднимаетъ ладонями голову, погруженную въ «гемару». Разнообразные цвѣта, точки, темныя фигуры, быстро мѣняясь, летятъ передъ его глазами; буквы поднимаются надъ гемарой и прыгаютъ въ его глазахъ въ видѣ тысячи красноватыхъ точекъ, онъ чувствуетъ небольшой шумъ въ головѣ; вѣки начинаютъ смыкаться; сердце легко и пріятно сжимается; хочется на покой, туда, къ нѣжной пѣснѣ соловья, доносящейся изъ скрытаго гнѣзда, на зеленый мягкій покровъ подъ тѣнью цвѣтущихъ деревьевъ на берегу рѣки, чтобы спокойно глядѣть тамъ, безъ мысли и желанія, цѣлыми часами въ глубокую синеву неба и слушать, съ восторгомъ безпечнаго дѣтства, дивныя и разнообразныя звуки, наполняющіе

¹⁾ См. „Книжки Восхода“ кн. VIII.

просторъ вселенной. Онъ утомленъ еще съ утреннихъ занятій. Слова отца звучать еще рѣзкимъ диссонансомъ въ его ухахъ. Рой воспоминаній, спутанныхъ и сбивчивыхъ, всплываетъ въ его умъ; душа полна какихъ-то обломковъ чувствъ безъ начала и конца. Какой скучной кажется ему теперь гемара! Какъ все здѣсь скучно! Какъ страшенъ этотъ траурный, унылый покровъ, окутавшій весь этотъ домъ! Мертвецы! все мертво! А яркіе лучи солища вѣдь полны жизни! Нужно удалиться отсюда. Одинъ только шагъ,—и тамъ все кипитъ жизнью.... Онъ невольно устремляетъ взоръ въ сторону «батлона», и страшная мысль пролетаетъ въ его головѣ: «Ахъ—думаетъ онъ—вотъ еще одинъ «воинъ», вотъ образецъ «воина», который нравится моему отцу: «батлонъ» тощій, исхудалый, сидящій всю жизнь въ темномъ углу бесъ-гамедраша и смотрящій въ открытую передъ нимъ книгу своими воспаленными, бессмысленными глазами.... Что это за странное войско, въ которомъ есть такіе воины, какъ Алтеръ батлонъ!»—и горькая улыбка пробѣгаетъ по его губамъ.

Грустные мысли сжимаютъ ему грудь, и изъ глазъ его льются слезы. Онъ вспоминаетъ недавно прочитанный имъ въ книгѣ «Судей» рассказъ о дочери Іефеая, и тогда тоже слезы лились изъ его глазъ. Странно, вѣдь онъ уже не ребенокъ, онъ понимаетъ уже наиболѣе трудныя мѣста въ Талмудѣ. Отецъ говоритъ, что онъ скоро уже можетъ быть рукоположенъ въ раввины, обыватели мѣстечка стали уже относиться къ нему съ уваженіемъ, а между тѣмъ, какъ онъ любитъ еще «дѣтскія забавы»! Книги Судей и Самуила вѣдь только «сказки», въ нихъ нѣтъ никакихъ замысловатыхъ тонкостей, а все-таки какъ онъ ихъ любитъ! Въ этихъ книгахъ онъ чувствуетъ какой-то иной духъ, не духъ бесъ-гамедраша, а духъ свободы, духъ пятницы послѣ полудня, духъ «Лагъ-беомера» въ лѣсу, за городомъ... И вотъ онъ вспоминаетъ теперь «сказку» о дочери Іефеая. Іефеай тоже былъ воинномъ... И далъ Іефеай обѣтъ Богу и сказалъ: если ты отдашь въ мои руки сыновъ Аммона, то всякій, который выйдетъ изъ дверей моего дома навстрѣчу мнѣ, по моему благополучномъ возвращеніи отъ Аммона, будетъ принадлежать Богу, и я принесу его въ жертву.... И вотъ выходитъ навстрѣчу ему дочь его съ тимпанами и танцами, а она одна только, нѣтъ у него, кромѣ нея, ни сына, ни дочери»... Какъ это ужасно!... Но она—дочь война...

«И она сказала ему: отецъ мой, ты открылъ свои уста передъ Богомъ,—сдѣлай такъ, какъ вышло изъ устъ твоихъ, послѣ того какъ Богъ помогъ тебѣ отомстить врагамъ твоимъ, сынамъ Амона»... А какъ прекрасна, какъ очаровательна ея просьба! «Я пойду, взойду на горы и оплачу мое дѣвство вмѣстѣ съ подругами»... Чувство жалости наполняетъ его душу, онъ завидуетъ дочери Іефеая: вотъ горы и долины, покрытыя зеленью; лѣтній день; воздухъ живительно свѣжъ; горныя тѣни такъ пріятны, глубокіе родники такъ холодны и такъ освѣжаютъ! А она гуляетъ со своими подругами и наслаждается всѣмъ этимъ, прежде чѣмъ отецъ исполнитъ свой обѣтъ!... Вдругъ онъ вспоминаетъ слова отца о томъ, что и онъ долженъ быть воинномъ.... Отъ него тоже требуютъ, чтобы онъ «забылъ все и пожертвовалъ всѣмъ». Но ему нельзя пойти на горы и оплакивать свою молодость... Онъ долженъ сидѣть взаперти здѣсь, вмѣстѣ съ «батлономъ», этимъ живымъ мертвецомъ, шатающимся днемъ и ночью, какъ черная тѣнь, въ темномъ углу надъ открытой передъ нимъ гемарой. «Нѣтъ!—мысленно рѣшаетъ онъ—я не хочу быть хранителемъ могилъ, я не хочу быть такимъ страннымъ воинномъ! Я жить хочу, жить, какъ всѣ люди... Я не хочу похоронить себя заживо здѣсь вмѣстѣ съ этимъ батлономъ»... Онъ опускаетъ глаза на гемару, а она вся промокла отъ его слезъ...

Вдругъ онъ вспоминаетъ, что онъ провелъ цѣлый часъ безъ ученія, занимаясь «посторонними мыслями». Онъ тотчасъ отгоняетъ отъ себя эти мысли и углубляется въ занятія.

Три часа непрерывно онъ занимается. Текстъ очень запутанный и сложный. Комментаторы ведутъ ученую борьбу съ силой и энергіей. Этого беретъ верхъ эрудиціей, тотъ—своей тонкой изворотливостью, и какъ пріятна, какъ мила ему эта борьба! Грусть исчезла, сердцу стало свободно, и онъ восхищается глубиной Торы. Вотъ ему удалось самому предугадать вопросъ «Пне-Іегошуа» и пристегнуть его къ объясненію Маршо. Вся душа его преисполнена радости и восторга: вотъ еще побѣда, еще побѣда, еще одна сильная крѣпость рухнула!... Онъ то несется вверхъ, то опускается, создаетъ міры и разрушаетъ ихъ своими устами, вселенная расширяется, буквы блестятъ, какъ драгоценные камни, онъ полонъ восторга и блаженства, сердце такъ спокойно, беззаботно, ему ничего не нужно, онъ счастливъ!...

Текстъ оконченъ, и онъ садится отдохнуть, но его мозгъ не отдыхаетъ.... Какъ удивительно глубоко этотъ «Пне-Іегошуа»! Но вѣдь вотъ и онъ самъ предугадалъ вопросъ этого комментатора. Кто знаетъ, можетъ быть и онъ будетъ такимъ-же гаономъ, какъ «Пне-Іегошуа»?... Зачѣмъ же передъ тѣмъ у него явились странныя мысли? Какъ могло прійти ему на умъ завидовать юношамъ, посящающимъ «шеолн», презирать бесъ-гамедрашъ и святую Тору, эту любимую Тору, глубокую какъ море и полную такихъ жемчужинъ. «Пне-Іегошуа, Маршо, Маграмъ-Шифъ, хотя-бы даже простое «то-есть» Раши или «а если спросишь» изъ Тосфотъ!.. И онъ хотѣлъ оставить Тору, это чудное, высокое наслажденіе! Какъ ему теперь легко на душѣ! Прекрасныя сказанія приходятъ ему на память: «Приди, мой возлюбленный, выйдемъ въ поле, будемъ ночевать въ селлахъ; рано утромъ пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустилась-ли виноградная лоза, раскрылись-ли почки, расцвѣли-ли гранатовыя яблони; тамъ я окажу тебѣ мои ласки». *«Приди, мой возлюбленный!* Это обращается собраніе Израиля къ Богу: Владыка вселенной, не суди меня какъ жителей большихъ городовъ, въ средѣ которыхъ есть и злодѣянія, и развратъ и ложныя клятвы; *выйдемъ въ поле:* пойдемъ, я укажу тебѣ на ученыхъ, занимающихся Торой въ нуждѣ; *будемъ ночевать въ селлахъ:* читай не села, а еретики ¹⁾,—я укажу тебѣ на тѣхъ, которыхъ Ты облагодѣтельствовалъ, а они отреклись отъ Тебя. *Пойдемъ въ виноградники,*—это синагоги и бесъ-гамедраши, *посмотримъ, распустилась-ли виноградная лоза,*—это изучающіе Библию; *раскрылись-ли почки,*—это изучающіе Мишну: *расцвѣли-ли гранатовыя яблони*—это изучающіе Агаду; *тамъ я окажу тебѣ мои ласки*—я покажу тебѣ мою честь и величіе, славу моихъ сыновей и дочерей». Какъ онъ любитъ эти бесѣды между собраніемъ Израиля и Богомъ! «Собраніе Израиля»—прекрасная печальная женщина, вся въ траурной одеждѣ, обращается съ мольбою, рыданіями, жалостью и дѣтской чистотою къ Богу, своему старыку-отцу, милому и доброму, который для вида только ожесточился и прикрикнулъ на нее голосомъ, полнымъ состраданія и милосердія.... Въ то время, когда онъ читаетъ эти сказанія о «собраніи Израиля» и о Богѣ, изъ глазъ его льются слезы,

¹⁾ Не передаваемая по-русски игра словъ:

сердце полно какой-то невыразимой сладкой истомы. Сквозь туманъ онъ видитъ «собрание Израиля» со всѣмъ его горемъ и нуждой, онъ видитъ всѣ подробности страшныхъ и мрачныхъ разсказовъ, которые онъ читалъ въ книгахъ и слышалъ устно, и душа его тогда полна любви и жалости къ этимъ печальнымъ образамъ, онъ ненавидитъ тогда свою сѣрую, беспросвѣтную жизнь, и какой-то внутренней голосъ восклицаетъ: «слезъ! дайте слезъ! побольше страданій и гнѣва! бейте, жгите, воздвигайте костры! покажите и мнѣ эти костры и рѣки крови! я хочу быть счастливымъ такъ же, какъ и всѣ убитые и зарѣзанные! я тоже хочу храбро погибнуть наравнѣ съ моими братьями и сестрами, вскрикнуть съ презрительной улыбкой: «Слушай, Израиль, нашъ Господь Богъ, Богъ Единный», броситься на мечъ и умереть святою смертию!»... А всѣ эти вещи забываютъ воспитанныя «школь»!..

Но вотъ ему приходятъ на мысль слова отца, сказанныя имъ сегодня, что онъ хочетъ передать ему въ наслѣдство мысли, унаслѣдованныя отъ своихъ предковъ, съ тѣмъ, чтобы развивать ихъ дальше... Что это за мысли такія? Это навѣрное цѣль страданій, гоненій и бѣдствій изъ рода въ родъ, исторія безконечной борьбы, передаваемой отъ отца къ сыну отъ начала скитаній и голуса до настоящаго времени. И вотъ на что, вѣроятно, намекаетъ отецъ, когда требуетъ, чтобы онъ былъ «воинномъ»: онъ хочетъ передать ему свои мысли и потому велѣлъ ему быть воинномъ, чтобы имѣть возможность бороться за нихъ, ибо безъ борьбы ихъ нельзя сохранить и развивать дальше. Теперь ему понятно предостереженіе отца—не увлекаться кумирами своего поколѣнія. Вотъ сегодня только, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ предался вѣдъ идолопоклонству, когда позавидовалъ юношамъ изъ «школь» и отвергъ божественную Тору. Эти юноши, навѣрное, не получаютъ отъ своихъ отцовъ мыслей въ наслѣдство для ихъ дальнѣйшаго развитія; безъ сомнѣнія, ихъ не научаютъ тамъ быть евреями—воинами.... Не даромъ вѣдъ отецъ постоянно стонетъ, говоря объ этомъ поколѣніи, не даромъ онъ сказалъ ему сегодня, что онъ самъ былъ воинномъ въ мирное время и что теперь все намѣнилось.... Теперь онъ исполненъ зависти къ тѣмъ «воинамъ»—героямъ, которые «забыли обо всемъ и пожертвовали всѣмъ» ради Святого Имени и спасенія Израиля. Свѣтлые образы проходятъ передъ его мысленнымъ взоромъ, образы выдающихся борцовъ:

вотъ раби Акыва, котораго терзали желѣзными гребнями, вотъ раби Иосе, тѣло котораго превратили въ рѣшето за то, что онъ рукоположилъ пять мудрецовъ, вотъ убитые въ Бетарѣ, вотъ раби Іегуда Галеви, Абраванель, Менасе-бенъ-Израиль, «Ари», Беншъ, авторъ «Ог-Нашаимъ», Бердичевскій раввинъ, проповѣдникъ въ Межерича... и всѣ остальные герои, которые были у Израиля въ каждую эпоху, которые дѣйствительно жертвовали всѣмъ и забывали обо всемъ. Они не были лѣнны, не хотѣли сидѣть дома: со скитальческимъ посохомъ въ рукахъ и со словомъ Божіимъ въ груди они странствовали отъ народа къ народу, изъ страны въ страну, чтобы охранять свою Тору и защищать ее. Тогда, правда, героевъ этихъ было много, а теперь онъ одинъ.... Но онъ все-же не отступитъ и клянется Богу Израиля служить ему всю жизнь...

Прошли еще два года. Ему тогда исполнилось шестнадцать лѣтъ, а онъ все еще сидитъ въ бесъ-гамедрашѣ по цѣлымъ днямъ и ночамъ вмѣстѣ съ отцомъ и Алгеромъ-«батлономъ». Но какъ много мыслей зародилось въ немъ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, какія крупныя перемѣны произошли въ его душевной жизни!

Онъ помнитъ, какъ развивались эти мысли: онъ сталъ почитывать «Основы вѣры» Боруха Косовера, и эта книга, излагающая основы каббалы въ легкой и удобопонятной формѣ въ связи съ ученіемъ Маймонида и Леви-Герсонида, ему очень понравилась. Понятія о «протяженности», о «бесконечномъ», «безпредѣльномъ» навели его на многія глубокія размышленія. Мало-по-малу онъ сталъ присоединять въ каббалистическимъ сочиненіямъ и такія книги, какъ «Морэ»¹, «Кузри»², «Мелхамотъ»³. Глубокая мысль о томъ, что «воля Верховнаго Существа безусловна и неизмѣнна, ибо если представить себѣ, что она можетъ измѣняться, тогда пришлось-бы допустить у Него возможность недостатка или потери»,—эта глубокая мысль не давала ему покоя, и только бесъ-гамедрашъ, въ стѣнахъ котораго онъ шагаль днемъ, и его постель, на которой онъ молился безъ сна ночью, только они видѣли его страданія.. Ему тогда приходи-

¹ Соч. Маймонида.

² Соч. Іегуды Галеви.

³ Леви-Герсонидъ.

лось выносить очень тяжкую борьбу. Онъ чувствовалъ, что въ его сердцѣ борется все для него святое и дорогое со всѣмъ святымъ и дорогимъ; онъ тогда увидѣлъ, что не только нечистая сила борется со «святыней», но что и сама «святыня» является разнокалиберной съ разнообразными, воюющими между собою, силами. До этого времени онъ зналъ что Рамбамъ, Рамбанъ, Ибнъ-Эзра, Раши, Герсонидъ, Давидъ Кимхи, Авраамель, Нарбони, Рашба, Рашбамъ, Рабадъ, Бедарши, Иосифъ Каро, Аварія мин-Гаадумимъ,—всѣ они святые и слова ихъ также истинны и правдивы, какъ слова Торы. Теперь, когда онъ сталъ глубже вникать въ ихъ книги, онъ убѣдился, что они по своимъ убѣжденіямъ далеки другъ отъ друга, какъ востокъ отъ запада, а онъ, бѣдный, одинъ блуждаетъ отъ убѣжденія къ убѣжденію, отъ мысли къ мысли.

Вотъ онъ читаетъ «Морэ». Эфоди, Нарбони, Крескасъ раскрываютъ тайны этой книги; предметъ очень глубокомысленный, идея возвышенная, — но вотъ является Авраамель и заявляетъ, что всѣ эти комментаторы суціе еретики и что на самомъ-то дѣлѣ они и не поняли мысли Маймонида. Вотъ споръ Іегуды Альфахера съ Давидомъ Кимхи, борьба Рашба и Бедарши. А какъ прелестно, содержательно и симпатично письмо Бедарши къ Рашба! Онъ завѣщаетъ свои убѣжденія, какъ самого себя, какъ свою жизнь; онъ умоляетъ и сердится, плачетъ и говоритъ жестоко, и всякое слово—это частица его сердца. Не и Рашба—человѣкъ выдающійся, и онъ боролся со своимъ противникомъ всѣми силами, всѣмъ сердцемъ и душой. Вотъ борьба Иосифа Каро и «Гаадуми». Борьба была очень ожесточенная. Каро сражался противъ врага самымъ страшнымъ оружіемъ: угрозою «херема», и за что? За то, что Гаадуми говорилъ въ своей книгѣ противъ толкованій талмудистовъ. Но увы! Сколько самъ онъ согрѣшилъ въ душѣ въ последнее время противъ талмудистовъ и ихъ толкованій?! Все оружіе этихъ героевъ заимствовано изъ талмудическихъ сказаній, всякій толкуетъ ихъ на свой ладъ, и мнѣніе одного является грѣхомъ и ересью по мнѣнію другого... Какая разница во взглядахъ на талмудическія сказанія между Авраамомъ, сыномъ Маймонида, и Иосифомъ Каро! Ему самому больше нравятся взгляды Авраама—Маймонида... Его также плѣняетъ сущность «пророчества» по объясненію Герсонида о «дѣйствующемъ разумѣ»... Слова его такъ понятны и естественны... Но тѣ изъ еврейскихъ ученыхъ, которые съ нимъ не-

согласны, говорятъ, что его «пророчество» есть отрицаніе Божественнаго откровенія и того, что Тора небеснаго происхожденія. А тотъ, кто не вѣритъ въ небесное происхожденіе Торы, тотъ лишается участія въ загробномъ блаженствѣ, даже по мнѣнію Маймонида...

Какъ онъ несчастенъ! Одною мыслию онъ губить все, даже свое участіе въ загробной жизни... Онъ однажды хотѣлъ было бросить эти страшныя мысли, но, какъ на зло ему, въ немъ зародилась новая мысль: «Глупецъ! Что ты можешь потерять? Развѣ ты увѣренъ въ томъ, что есть загробная жизнь? Разъ Тора не небеснаго происхожденія, тогда вѣдь ничего уже не остается. Что же ты можешь потерять?».. «Дѣйствующій разумъ» ему очень понравился, онъ любитъ Герсонида, но почему онъ его любитъ? Вѣдь потому только, что въ немъ онъ нашелъ твердую опору, что на него онъ можетъ сослаться въ своемъ отрицаніи небеснаго происхожденія Торы и откровенія... Да, да, онъ «еретикъ», онъ самъ до сихъ поръ не зналъ, что происходитъ у него въ душѣ... Онъ самъ до сихъ поръ не зналъ своего образа мыслей и куда эти мысли его ведутъ... Вотъ уже два года, какъ онъ блуждаетъ по этому темному пути, а онъ этого не зналъ.

Еще до этого страшная мысль стала его мучить и мѣшать ему молиться. Всякій разъ, какъ онъ начинаетъ молиться, ему слышится внутренній голосъ, который взываетъ къ нему: Нахманъ, зачѣмъ ты обманываешь самого себя? Кому и зачѣмъ ты молишься? да развѣ ты вѣришь, что Богъ слышитъ молитвы всѣхъ?

Онъ одинаково точно исполняетъ какъ важныя религиозныя предписанія, такъ и мелкія обрядности: для всякаго предписанія Торы онъ нашелъ «объясненія», но молитва, молитва! охъ, для чего онъ молится и кому онъ молится?

И въ одну ночь—дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу, когда онъ вспоминаетъ объ этой ночи «душевнаго отчета»—онъ собралъ воденно все, что онъ передумалъ за послѣдніе два года, подвелъ итоги всѣмъ мыслямъ и впечатлѣніямъ, вычитаннымъ изъ книгъ или продуманнымъ имъ самимъ, и эта ночь пролила свѣтъ на его душевный мракъ. Онъ вдругъ узналъ тогда, что вопреки своей волѣ и бессознательно онъ превратился въ другого, что его мысли и сердце уже не въ его власти, что онъ не можетъ управлять ими по своей волѣ...

И поднявшись утромъ съ постели, онъ сознавалъ, что онъ всталъ безъ Бога... Въ тотъ день онъ не молился, не надѣлъ на себя «тфилинъ», не читалъ «Шема» и не прочиталъ послѣобѣденнаго благословенія.

Это было наканунѣ девятаго Аба. Лицо его отца полно печали и отчаянія. Согнувшись и опустивъ глаза въ землю, онъ шагаетъ по комнатѣ, глубоко задумавшись. На столѣ уже приготовлены книги, которыя можно читать въ день девятаго Аба: «Мидрашъ-Раба, Іовъ, Іеремія, трактатъ Моадъ-Котонъ и т. п. Въ домѣ царятъ тишина, и въ этой тишинѣ чувствуется какая-то своеобразная грусть. Женщины готовятъ предпостную трапезу и разсуждаютъ о томъ, какія блюда разрѣшается ѣсть передъ постомъ. Мужчины, приходящіе въ домъ, входятъ унылые, какъ въ домъ покойника, не произнося обычныхъ привѣтствій ни при входѣ, ни при уходѣ. Улица, которую онъ видитъ изъ своего окна, приняла сегодня другой видъ. Дѣти расхаживаютъ по ней, вооруженныя деревянными мечами, женщины бѣгутъ изъ одного дома въ другой, озабоченныя приготовленіемъ ужина передъ постомъ и приведеніемъ въ порядокъ «Тайтчь-Хумешъ» для вечерняго чтенія «Плача Іеремія» и «Разрушенія храма». Дѣтямъ хотѣлось-бы повеселиться и пустить въ ходъ свои мечи въ этотъ день, свободный отъ занятій; но они знаютъ, что въ этотъ день грѣшно быть веселымъ. Мать сказала сегодня: «Что за радость такая у васъ? Изъ-за того, что разрушенъ храмъ вы радуетесь? Грѣшно быть веселымъ сегодня!» На углу улицы дѣти собрались въ кружокъ и разсказываютъ другъ другу объ ужасныхъ опустошеніяхъ, о сожженіи храма... Только онъ одинъ чувствуетъ себя обособленнымъ отъ всѣхъ... Онъ теперь уже не таковъ, какимъ онъ долженъ быть и какимъ его считаютъ другіе... Онъ теперь—другой... Все для него потеряно, всѣ ему чужды... Если-бы отецъ зналъ, что его сынъ—«голова, на которую не владутся тфилинъ»! Если-бы отецъ его теперь зналъ, что его сынъ—еретикъ, вольнодумецъ!.. Если-бы онъ это зналъ, онъ тогда оплакивалъ-бы не разрушеніе храма, а разрушеніе своего дома, своей жизни, своихъ надеждъ... И почему это онъ не можетъ смотрѣть прямо въ глаза отцу? почему онъ никому не можетъ смотрѣть въ лицо? Онъ хочетъ открыть все, ему необходимо открыть все! За что они его уважаютъ? за что они съ нимъ привѣтливо говорятъ? Всякое слово колетъ его, какъ

игла, онъ лжецъ, ханжа... онъ обманываетъ людей... Если-бы была, по крайней мѣрѣ, одна живая душа, передъ которой онъ могъ-бы открыть свою тайну, которая могла бы узнать и понять все, что съ нимъ теперь происходитъ... Какъ онъ былъ-бы счастливъ, если-бъ онъ могъ вѣрить, что Богъ въ небесахъ видитъ его муки и понимаетъ его страданія...

Онъ пришелъ въ синагогу въ сумерки. Синагога полна молящихся, какъ въ праздничный день, но всѣ они одѣты въ будничную одежду. Скамьи перевернуты, пюпитры лежатъ на землѣ, кивотъ стоитъ обнаженный, безъ «занавѣси», на амвонѣ передъ канторомъ горитъ сальная свѣчка, бросающая тусклый свѣтъ на толпу людей, сидящихъ на землѣ, безъ обуви на ногахъ. Канторъ читаетъ вечернюю молитву мотивомъ «Плача Іереміи», и этотъ унылый мотивъ страшной грустью разливается по темной комнатѣ... Вся толпа читаетъ вечернюю молитву, онъ одинъ только не молится: еще ночью онъ рѣшилъ отнынѣ больше не молиться... Вся толпа молится, у этой толпы теперь одно сердце, а у него—другое сердце, онъ отшельникъ, уединившійся отъ общины Израиля, отпавшій отъ своего народа... И какъ ему хотѣлось-бы опять слѣться со своимъ народомъ! Онъ жизнь свою отдалъ-бы за это единеніе, за этотъ союзъ. Но какъ же это возможно? Не онъ своею волей развязалъ эти узы и не въ его власти завязать ихъ снова...

Молитва окончилась. Вся огромная толпа садится на землю; у cadaго въ рукахъ сальная свѣчка и открытая книга «Киносъ». Канторъ сидитъ на камнѣ возлѣ амвона и читаетъ Плачъ Іереміи подавленнымъ голосомъ и очень грустнымъ мотивомъ. Онъ оглядывается кругомъ, всѣ углубились въ свои книги; поминутно слышатся тихіе вздохи. Неподдалеку сидитъ его отецъ; глаза его опущены на книгу, но онъ не читаетъ; слеза за слезой падаетъ на старую «Кино», испещренную пятнами отъ сала и слезъ... А голосъ кантора... Огромное море слезъ и страданій вырывается теперь изъ груди этого простого человѣка. Каждое слово,—это потокъ мукъ и терзаній, отдѣльная бурная волна въ этомъ морѣ... И волна къ волнѣ, бездна къ безднѣ вырываетъ: «Стѣна дочери Сіона! лей ручьемъ слезы день и ночь, не давай себѣ покоя, не спускай зѣницъ твоихъ глазъ. Вставай, взывай ночью при началѣ каждой стражи; изливай, какъ воду, сердце твое передъ лицомъ

Господнимъ; простирай къ нему руки о душѣ дѣтей твоихъ, гибнущихъ отъ голода на углахъ всѣхъ улицъ»...

И канторъ продолжаетъ читать: «я человѣкъ, испытавшій горе отъ гнѣва жезла его... Онъ изнурилъ мою плоть и кожу мою, сокрушилъ кости мои... Посадила меня въ темное мѣсто, какъ давно умершихъ, окружилъ меня оградой, чтобы я не вышелъ, отяготивъ мои оковы. Онъ сталъ для меня медвѣдемъ въ засадѣ, львомъ въ скрытомъ мѣстѣ»... Но все же счастливъ этотъ человѣкъ: «Вотъ что я отвѣчаю моему сердцу и потому надѣюсь: милости Господа не исчезли, милосердіе его не истощилось... Благъ Господь къ уповающимъ на Него, къ душѣ, ищущей Его, Блаженъ, кто терпѣливо ждетъ спасенія отъ Бога. Благо человѣку, если онъ носитъ его въ юности своей, сидитъ уединенно и молчитъ, ибо Имъ оно наложено; полагаетъ уста свои въ прахъ,—быть можетъ, есть еще надежда, подставляетъ щеку свою бьющему его, пресмыкается поношеніемъ. Ибо не на вѣкъ оставляетъ Господь, но пославъ горе—и помируетъ по великой благодати Своей. Ибо не по произволу сердца Своего Онъ наказываетъ и огорчаетъ сыновъ человеческихъ. Но когда попираютъ ногами всѣхъ узниковъ земли, когда неправедно судятъ человѣка передъ лицомъ Всевышняго, когда притѣсняють человѣка въ его тяжбѣ, развѣ не видитъ Господь? Кто это сказалъ и сбылось, если Господь не повелѣлъ? Не отъ устъ-ли Всевышняго происходятъ бѣдствія и благополучіе? Зачѣмъ сѣтуетъ человѣкъ живущій на грѣхи свои? Испытаемъ и исповѣдуемъ пути наши и обратимся къ Богу, вознесемъ сердце наше и руки къ Богу, который на небесахъ»... Нѣтъ! Этотъ человѣкъ никогда не зналъ горя! Это доброе сердце, столь полное вѣры и надежды; это доброе сердце, которое, «подставляя щеку бьющему», увѣрено, что «не на вѣкъ оставляетъ Господь, но пославъ горе—и помируетъ по великой благодати Своей», это безхитростное сердце, плачущее и утѣшающееся одновременно—оно здорово и сильно; оно сильнѣе стѣнъ Иерусалимскихъ. Иерусалимскія стѣны разрушилъ врагъ, но сердце? Оно осталось сильнымъ, невредимымъ... Этотъ человѣкъ въ то время, какъ «вода текла надъ его головой», не философствовалъ о волѣ Бога, безусловна-ли она и можетъ-ли измѣняться...

Сильная тоска его гнететь: «Увы, зачѣмъ похитили у меня Бога «Доброго къ уповающимъ на Него, къ душѣ, ищущей Его?»

Зачѣмъ похитили у меня того великаго, сильнаго и страшнаго Бога, Который «сокрушаетъ кедръ Ливана и заставляетъ ихъ прыгать, какъ телятъ», Бога милосерднаго, обитающаго тамъ, гдѣ есть униженные и павшіе духомъ; Бога, которому извѣстны всѣ тайны, вокругъ котораго сіяетъ свѣтъ? Возвратите мнѣ моего Бога, Бога Израиля! Тотъ богъ, котораго мнѣ далъ Аристотель,—не живой богъ, онъ ничего совершить не можетъ! Это царь безъ царства, безъ власти. Дайте мнѣ бога властелина, царя, съ сильной волей и могуществомъ, милосерднаго и добраго, «любящаго пришельца, чтобы дать ему хлѣбъ и одежду». Возвратите мнѣ Бога, который близокъ мнѣ и которому я близокъ! Бога Авраама, Исаака и Якова, Бога моего невиннаго старика отца, Бога всей этой святой общины, оплакивающей теперь разрушенный Иерусалимъ и полной надежды и вѣры, что Господь опять его воздвигнетъ и соберетъ изгнанниковъ еврейскихъ со всѣхъ краевъ свѣта... Возьмите у меня все, не о наградѣ и возмездіи я забочусь, не о долѣ загробнаго блаженства я беспокоюсь, все возьмите у меня, но возвратите мнѣ моего Бога, мое сердце, душу, мой народъ, свѣтъ моей жизни!... Зачѣмъ людямъ допытываться и знать, есть-ли Богъ на небѣ? Довольно, если Онъ живетъ въ ихъ сердцѣ, если они чувствуютъ каждую минуту Бога, Который живетъ внутри ихъ... Сердце, сердце! Пойдите, посмотрите, философы, каково сердце, которое воспитали и вырастили вы, и каково сердцѣ, которое воспитали и вырастили Моисей и пророки!...

Канторъ давно уже кончилъ «Кинось». Молящіеся по одиночкѣ разошлись по домамъ. Отецъ его сидитъ на землѣ въ углу у восточной стѣны; старѣйшины города сидятъ на землѣ вокругъ него, и онъ читаетъ имъ «Мидрашъ-Раба». Страшная тишина царитъ во всей комнатѣ, полной мрака, а тихій голосъ отца, къ которому примѣшиваются глубокіе стоны, вырывающіеся изъ груди стариковъ, прибавляетъ страшную грусть къ этой тишинѣ и этому мраку. Онъ уже забылъ все, о чемъ думалъ до сихъ поръ. Сидя на землѣ и подперши голову обѣими руками, онъ устремилъ свой взоръ на отца, но онъ ни о чемъ не думаетъ... Вдругъ онъ вздрогнулъ и блуждающимъ взглядомъ окинулъ всю комнату. Все зрѣлище показалось ему новымъ и чуждымъ, разсѣянные мысли стали собираться въ его головѣ... Воспоминанія прошлой ночи и дня какъ бы одно за другимъ стали слетаться къ нему, и всѣ вмѣстѣ

собрались въ одну огромную черную картину... Какъ бы онъ хотѣлъ забыть, вычеркнуть все сразу и сдѣлаться совершенно другимъ, совершенно новымъ...

Онъ взглядываетъ еще разъ на отца и невольно вспоминаетъ сказку, которую слышалъ еще въ дѣтствѣ. Жилъ-былъ на свѣтѣ царь. Этотъ царь былъ храбрый богатырь и сильный властелинъ, много онъ покорилъ странъ, морей и острововъ и царствовалъ одинъ отъ Индіи до Эѳіопіи. У этого царя былъ единственный сынъ, добрый и умный, сильный и воинственный. Когда онъ выросъ, то продолжалъ войны своего отца и покорилъ ему много могущественныхъ народовъ. Однажды царевичъ проѣзжалъ черезъ страну индійскую, увидѣлъ дочь тамошняго царя и захотѣлъ взять ее себѣ въ жены. Но царь индійскій не хотѣлъ отдать ее ему. И созвалъ царевичъ свое войско и пошелъ на него войною. Война тянулась много лѣтъ, тысячи людей были убиты, десятки тысячъ были ранены, вдовы, сироты и лишенные дѣтей родители умножались, какъ морской песокъ... Послѣдняя крѣпость взята. Царевичъ и его войско стоятъ въ царскомъ дворцѣ,—но прекрасная царевна лежитъ передъ ними мертвая на землѣ... Воины возвратились домой, старый царь давно уже умеръ, проходитъ поколѣніе за поколѣніемъ, а царевичъ все еще стоитъ въ разрушенномъ дворцѣ и оплакиваетъ свою возлюбленную... Весь городъ и окрестности кругомъ превратились въ развалины, проклятіе гнѣвнаго Бога разлито по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ ступала нога проклятаго царевича, а онъ все еще живъ и днемъ и ночью онъ стоитъ передъ трупомъ своей возлюбленной и горько рыдаетъ...

Ахъ, какъ это ужасно, но это такъ!... Онъ видитъ, что его отецъ и толпа стариковъ вокругъ него сидятъ, какъ проклятый царевичъ, оставленный, забытый... Что ему время, вѣка, народы?!... Онъ стоитъ и оплакиваетъ свою возлюбленную!...

Ахъ, проклятый царевичъ!... Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ онъ знаетъ своего отца, онъ видитъ его живущимъ гдѣ-то тамъ вдали, среди развалинъ Сіона и Іерусалима, среди мертвыхъ и забытыхъ душъ своихъ предковъ и учителей!... Всѣ его рѣчи, мечты, надежды и стремленія,—все въ этихъ ветхихъ развалинахъ, въ этихъ забытыхъ душахъ... Съ ними и среди нихъ протекла вся его жизнь, съ ними и среди нихъ онъ воспиталъ и его, своего сына...

Теперь для него ясно опредѣлилась та неясная мысль, кото-

рая зародилась въ немъ, когда онъ впервые переступилъ порогъ бесъ-гамедраша: всей душой онъ чувствовалъ тогда, что онъ живетъ въ чужомъ мѣрѣ, и это-то чувство не давало ему покоя и постоянно возбуждало въ немъ мысль о его жизни, о будущемъ, — мысль, которая теперь предстала передъ нимъ ясной и яркой, какъ солнце...

— Нахманъ!—овликнулъ его отецъ, приблизившись незамѣтно къ нему.

— Что?—встрепенулся Нахманъ, какъ-бы пробудившись отъ глубокаго сна.

— Нахманъ, Нахманъ, о Иерусалимѣ ты горюешь,—сказалъ отецъ съ легкой улыбкой на устахъ:—«Такъ сказалъ Господь Саваоѣ: еще будутъ мои города изобиловать добромъ, и утѣшитъ еще Господь Сионъ и снова избересть Иерусалимъ». Сынъ мой, Палестина—это земля, прахъ; Иерусалимъ—это городъ, дома, площади, башни; храмъ былъ большой домъ, съ большими мраморными плитами, съ массой золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. Что же еще? И тутъ, слава Богу, есть у насъ дома и синагоги. Однажды сгорѣлъ нашъ бесъ-гамедрашъ вмѣстѣ со свитками Торы—ты былъ тогда еще ребенкомъ—я, однако, не плакалъ и не горевалъ. Но я однажды слышалъ, какъ невѣжда оскорбилъ ученаго, и тогда я разорвалъ свою одежду и цѣлый день постился... Понимаешь-ли, сынъ мой, понимаешь-ли?

— Такъ о чемъ же ты теперь скорбишь, отецъ?

— О чемъ я скорблю? Да о томъ, что когда Титъ изливалъ свой гнѣвъ здѣсь, на землѣ, на деревья и каменья, въ то самое время ангель-покровитель Исава излилъ свой гнѣвъ на небесный Иерусалимъ, а когда Израиль удалился въ изгнаніе, пошелъ съ нимъ также... ты знаешь, кто пошелъ съ нимъ, и я не хочу произнести этихъ словъ... все въ изгнаніи, вся святыня въ изгнаніи... всѣ духовныя силы народа въ изгнаніи, онѣ, какъ бы связанныя, находятся во власти Самоэя и его дружины. Господь не отрѣшается отъ какого-либо народа раньше, чѣмъ онъ отрѣшается отъ его ангела-покровителя, и хотя нашимъ покровителемъ является сама Шхино, ибо мы не служимъ другимъ богамъ, однако Господь отрѣшился отъ насъ точно такнмъ же образомъ, и мы не вправѣ роптать на Него. Поэтому-то наши руки связаны, и мы ничего не можемъ сдѣлать, потому что «силы» наши не въ нашей власти,

онъ подчинены Самоэлю; вся сила нашего существованія только въ томъ, что посредствомъ Торы и молитвы мы находимъ источники духовной пищи въ тѣхъ временахъ, когда храмъ еще существовалъ, а Шхина была свободна... Это можно для примѣра сравнить съ богачемъ, который вдругъ обвѣдѣлъ и надѣется разбогатѣть еще разъ, но что же ему дѣлать въ горькіе дни бѣдности? Онъ каждый часъ воскрешаетъ въ своей памяти роскошь и наслажденія, которыя онъ испыталъ во времена своего величія. Такъ и мы, евреи: намъ негдѣ находить для себя питаніе, ибо Самоэль закрылъ для насъ всѣ источники святости, и мы, такимъ образомъ, должны были бы нравственно совершенно погибнуть, или находить источники питанія въ нечистой силѣ, ибо душа нуждается въ пищѣ такъ же, какъ и тѣло. Но тѣмъ самымъ, что мы черпаемъ духовную пищу изъ нашего прошлаго, изъ того времени, когда существовалъ святой храмъ, мы въ силахъ выносить «голусъ» и выждать освобожденія свыше, ибо мы сами не въ состояніи ничего дѣлать безъ освобожденія свыше, такъ какъ мы въ «голусѣ», то-есть наши духовныя силы въ «голусѣ» и подчинены Самоэлю. Въ этомъ-то и кроется секретъ изреченія талмудистовъ: «узникъ самъ себя не освобождаетъ изъ темницы»...

— Ахъ, отецъ, отецъ!..

— Что, Нахманъ? ты хочешь сказать что-нибудь?

— Ахъ, отецъ, я боюсь, что не сумѣю объяснить тебѣ мою мысль, какъ я понимаю твои слова и твои намеки. Отецъ мой, я изучаю твои слова, постоянно въ нихъ вдумываюсь, и чѣмъ больше я о нихъ думаю, тѣмъ больше мыслей я въ нихъ нахожу. Но все же я чувствую, что я объясняю ихъ себѣ не такъ, какъ ты думалъ. Ты только-что сказалъ, что вся святость въ изгнаніи, что всѣ духовныя силы народа въ изгнаніи и подчинены Самоэлю. Ты привелъ мнѣ сравненіе съ богачемъ и сказалъ, что для насъ нѣтъ въ голусѣ никакого источника духовной пищи, и потому мы питаемся тѣмъ, что дала намъ эпоха существованія храма. Говори, что хочешь, но мнѣ кажется, что я вижу весь еврейскій народъ сидящимъ и плачущимъ на могилахъ уже двадцать вѣковъ, не принимая никакого участія въ жизни; «Мы ничего не можемъ дѣлать» — говоришь ты. Разумѣется, это такъ: кто сидитъ постоянно на могилахъ и не имѣетъ никакого отношенія къ жизни, тотъ, конечно, ничего не въ состояніи совершить. Ты вотъ спо-

койно дожидаетесь «освобожденія свыше», а я не могу терпѣливо выждать... я не могу спокойно сказать: «всякій городъ прочно вѣдется на своемъ основаніи, а городъ Божій униженъ до преисподней»...

— Будетъ тебѣ, Нахманъ! — сердито закричалъ отецъ: — это дерзость противъ Неба, это ропотъ и злословіе, спаси Господи! Пооди спать или читай «Мидрашъ-Рабо».

Отецъ молча удалился въ одинъ изъ угловъ и тамъ усѣлся на землѣ, а онъ продолжалъ обдумывать свои мысли.

И въ его умѣ проходили десятки тысячъ несчастныхъ людей, сидящихъ теперь на землѣ въ тысячахъ синагогъ во всѣхъ странахъ свѣта. Великій народъ, несчастный скиталецъ, неподвижно стоитъ передъ развалинами и горько рыдаетъ... И какъ давно уже онъ стоитъ передъ своими развалинами!.. И до какихъ поръ еще онъ будетъ такъ стоять, о Боже? Онъ вѣрилъ, что теперь онъ найдетъ отвѣтъ на вопросъ, который до сихъ поръ не давалъ ему покоя: что такое еврейскій бесъ-гамедрашъ? что такое Талмулъ съ его комментаріями и массой хитроумныхъ книгъ? При всей своей сильной любви къ священнымъ книгамъ, при всей сильной вѣрѣ, которою онъ проникся къ нимъ, онъ казался самому себѣ несчастнымъ, заживо погребеннымъ... Для того-ли—думалъ онъ—Ты, о Господи, создалъ великій и прекрасный міръ, солнце, звѣзды и луну, поля и лѣса, чтобы Твой избранный народъ нашелъ себѣ мѣсто въ тѣсномъ, низкомъ и мрачномъ бесъ-гамедрашѣ? Теперь ему стало ясно, что вся эта работа является плодомъ заблужденія, одиночества и удаленія отъ жизни... Человѣкъ, пока жива въ немъ душа, работаетъ. Въ дѣтствѣ онъ занятъ дѣтскими дѣлами, въ юности—юношескими дѣлами, а въ старости—старческими; умный человѣкъ работаетъ умно, дуракъ работаетъ глупо. Всякій дѣлаетъ свое дѣло по своему: все живущее работаетъ и все работающее живо, но ты, проклятый царевичъ, пересталъ жить настоящей естественной жизнью, и потому ты и не дѣлаешь теперь ничего новаго, цѣльнаго; ты стоишь на своемъ мѣстѣ, не подвигаясь впередъ ни на одинъ шагъ, поэтому-то и твоя работа не подвинулась впередъ. Вотъ уже тысячи лѣтъ ты живешь только тѣнью жизни, ты какъ-бы дремлешь и тебѣ только снятся дѣла прошлыхъ дней. Всѣ толстыя и большія книги, наполняющія бесъ-гамедрашъ, это работа раба, которому его господи́нъ при-

казалъ копать виноградникъ, копать и копать безъ конца... Несчастный царевичъ запертъ среди развалинъ и обрабатываетъ свои «четыре локтя» земли... Правда, мой несчастный народъ счастливъ хоть тѣмъ, что когда онъ потерялъ свой миръ, у него остались остатки плодовъ его работы отъ временъ расцвѣта его силъ... Эти остатки, которые онъ переворачиваетъ на всѣ лады, не будучи въ состояніи ихъ усовершенствовать и продолжать работу дальше, даетъ ему силы жить, или «доставляетъ ему источники питанія», какъ выражается отецъ. Медвѣдь въ зимніе мѣсяцы, когда онъ не можетъ достать себѣ добычу, лежитъ въ своей берлогѣ и сосетъ свою лапу. Но весной, вѣдь, медвѣдь пробуждается и становится по прежнему медвѣдемъ...

Въ каждую эпоху, правда, «царевичъ» хотѣлъ освободиться отъ таготѣющаго на немъ проклятiя. Не прошло ни одного часа за всѣ тысячи лѣтъ изгнанiя, когда народъ не хотѣлъ-бы вырваться наружу изъ своихъ развалинъ. Всякое поколѣніе пользовалось для этой борьбы лучшимъ оружіемъ своей эпохи. Вотъ передъ нимъ его отецъ, представитель послѣдняго поколѣнiя, а вѣдь и онъ не складываетъ оружія съ тѣхъ поръ, какъ онъ его запомнить: отецъ его вѣрять, что освобожденіе наступитъ только черезъ «повелѣніе свыше», и потому онъ заботится и томъ, чтобы «уничтожить шипы и тернiя, окружающіе высшую розу» и способствовать этому «повелѣнію свыше». И теперь, съ наступленіемъ старости, онъ хочетъ оставить свое знамя въ наслѣдство ему, своему сыну, и закликаетъ его вести ту-же борьбу... Онъ еще помнитъ то утро, когда онъ ему впервые сказалъ, что онъ долженъ быть воиномъ... Но, унаслѣдовавъ отъ отца его знамя, онъ не можетъ унаслѣдовать также его оружіе: это оружіе его отца давно уже заржавѣло, и ему теперь нужно другое, новое оружіе... Если народъ можетъ жить двѣ тысячи лѣтъ въ душной атмосферѣ «четыре-хъ локтей» и создать тысячи разъ то, что давно уже создано, не умирая однако отъ застоя и отсутствiя дѣятельности,— то онъ можетъ жить также подъ прекраснымъ Божьимъ небомъ, жить новою жизнью и дѣлать новое дѣло. Довольно ему стоять на одномъ мѣстѣ и оплакивать свои развалины! Онъ долженъ пойти впередъ!

Пойти! Но—куда?

Голосъ кантора прервалъ его размышленія. Уже настало утро и прихожане собрались для молитвы.

Въ «Субботу Нахму» послѣ того девятаго Аба все мѣстечко торжественно праздновало свадьбу Нахмана съ дочерью одного богача изъ губернскаго города Б.

И новый рой воспоминаній внезапно всплываетъ въ его умѣ.

Но онъ проходитъ мимо этихъ пріятныхъ воспоминаній и не хочетъ останавливаться на нихъ. Онъ смѣется надъ самимъ собою, что онъ могъ такимъ пустякамъ придавать такое серьезное значеніе. Какъ могъ онъ, со своей волнуемой, мятежной душой, смотрѣвшій съ такимъ презрѣніемъ на всѣхъ окружающихъ его пигмеевъ, — какъ могъ онъ вдругъ превратиться въ благонаправнаго юношу, для котораго весь міръ заключается въ его «мехутопѣ», невѣстѣ и золотыхъ часахъ, полученныхъ въ подарокъ. Какъ могъ онъ цѣлую недѣлю благодумствовать и невозмутимо смотрѣть на всѣ эти зрѣлища, которыя въ сущности такъ были ему чужды?

Онъ не хочетъ останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ, но они все-таки въ безпорядкѣ встаютъ въ его воображеніи, и противъ воли онъ наслаждается ими. Улыбка показывается на его лицѣ. Вотъ передъ его глазами тамъ въ углу сидятъ музыканты и бренчатъ съ такимъ усердіемъ, что весь домъ дрожитъ. «Бад-ханъ» распредѣляетъ «почести» между родственниками и почетными гостями. Масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ субботнихъ платьяхъ, нарядныя дѣвицы суетятся и бѣгутъ то туда, то сюда. Тамъ вдали, въ гостиной, онъ видитъ сидящую на креслѣ дѣвуху съ покрываломъ на лицѣ: это его милая невѣста... Какъ горячо онъ ее любитъ! Какъ ему хотѣлось-бы приблизиться къ ней, обнять ее и поцѣловать со всею страстью юношеской любви!... Раввинъ сидитъ по его правую руку и трактуетъ съ нимъ о какомъ-то ученомъ вопросѣ... Его добродушный «мехутопъ», одѣтый въ шелковый кафтанъ, и его жена, вся увѣшенная безчисленнымъ количествомъ золотыхъ украшеній, повсюду суетятся, радостные, сіяющіе. И чего они, дураки, радуются? Да знаютъ ли они, что за прекрасный «товаръ» они приобрѣли?.. Ахъ, измѣнники! Какъ невинна эта дѣвухка! Какъ безхитростны эти люди! Онъ сознавалъ тогда что навлекъ страшную бѣду на всѣхъ этихъ добро-

душныхъ людей. Онъ вѣдь не можетъ быть «женихомъ», «мужемъ»!.. Онъ не хочетъ быть тѣмъ, чего они отъ него требуютъ! А какъ-бы ему хотѣлось быть такимъ же, какъ они! Какъ приятенъ этотъ покой! Какъ прекрасна эта невинная дѣвушка, и какое счастье любить и быть любимымъ!..

Въ это время—вспоминаетъ онъ—подошелъ къ нему отецъ и отозвалъ въ сторону.

— Нахманъ!

— Что такое?

— Ты знаешь-ли, что для тебя этотъ вечеръ?

— Знаю.

— То-то и есть, что ты знаешь. Ты вѣдь постился сегодня, читалъ священныя книги и, вѣроятно, предавался раскаянію. Но я хочу тебѣ напомнить, что съ этого вечера ты выходишь изъ-подъ моей опеки и вступаешь въ домъ твоего тестя, чтобы жить съ женою, которую я избралъ тебѣ. Твой тесть—человѣкъ богатый, жена твоя красива, смотри-же, сынъ мой, не увлекайся мірской суетой! «Посвяти себя тому, что тебѣ разрѣшено, ибо ты святъ Господу Израиля». Духъ искустель, по грѣхамъ нашимъ, усиливается, и въ немъ достаточно силъ, чтобы оттолкнуть насъ отъ Создателя. Итакъ, мужайся, сынъ мой, и будь человѣкомъ. Не давай духу-искустелю усыплять тебя. Помни, что всѣ эти вещи, всѣ эти наслажденія, нѣжности, все это излишества, а вся суть въ томъ, чтобы быть евреемъ. Помни о Создателѣ, Нахманъ!

Свадебные дни прошли, раввинъ вернулся домой, суетою и суматохою кончались, и онъ остался въ домѣ тестя, домѣ, полномъ тишины, счастья и любви. Его жена была единственная дочь у своихъ родителей, добрыхъ и простыхъ людей, видѣвшихъ въ ней весь свѣтъ своей жизни, всѣ свои надежды. Тогда Нахманъ впервые нашелъ чистыя сердца, полныя тихой, безхитростной и простой любви, не знающія ни сомнѣній, ни тѣни душевной борьбы и волненій. Эти простые, добрые люди очень мало задумывались и видѣли въ мірѣ одно только доброе. Они съ чистой вѣрой ждали пришествія Мессіи, но нисколько не тревожили Самоэля и не вызывали его на борьбу. Они очень боялись грѣха, давали милостыню бѣднымъ, искренно молились, честно торговали, да и его они приобрѣли себѣ въ зятя за наличныя деньгі, чтобы онъ своей

ученостью доставилъ имъ царство небесное. Они не тревожили «злого духа» и не боролись съ нимъ, какъ его отецъ. Первые дни послѣ свадьбы для него были праздникомъ, какъ въ дѣтствѣ дни свободы отъ хедера. Во всемъ онъ находилъ тишину, покой и уютность. Всякій уголокъ въ домѣ, вся обстановка, все говорило о мирѣ, о покоѣ. Ему казалось тогда, что онъ опять переживаетъ дѣтскіе годы, и бывало онъ тосковалъ по рѣкѣ, по вершинѣ скалы, гдѣ онъ забавлялся въ дѣтствѣ. Его мекло опять къ чтенію Библии, мидраша и агады. Съ женой онъ говорилъ мало: она была очень застѣнчива. Но кто могъ-бы перевести на обыденный языкъ то, что говорили взгляды, украдкой мерцавшіе въ ихъ глазахъ? Лучи солнца въ мѣсяцъ тамузъ не даютъ такъ много свѣта и тепла, какъ эти взгляды. Всякій взглядъ былъ море огня, полонъ любви и желаній, а взглядъ появлялся внезапно, какъ молнія въ темную ночь, и также внезапно исчезалъ, оставивъ только стыдливый румянецъ на щекахъ... Случалось, что они обмѣнивались отрывистыми фразами. Слова ихъ были такъ просты, незатѣйливы. Онъ смотрѣлъ съ любовью на ея прекрасныя губки, слѣдилъ за ихъ движеніемъ во время разговора, и всякое слово было для него священной пѣснью, ангельскимъ гимномъ и наполняло его душу блаженствомъ. Онъ вдоволь пилъ тогда изъ чаши наслажденій!...

Онъ тогда забывалъ объ отцѣ и о его рѣчахъ, какъ-бы нарочно вычеркнувъ ихъ изъ памяти; онъ забывалъ тогда «проклятую философію», всѣ книги и мысли, которыя занимали его до свадьбы. Сердце его смягчилось, и чистая вѣра постепенно стала проникать въ его душу. Ему было стыдно за самого себя, за то что онъ былъ такъ жестокъ, не молился Богу и проводилъ такую пустую жизнь. Ахъ, что скажутъ эти невинныя жена, тестъ и теща, когда узнаютъ, что онъ такое опасное чудовище, которое живетъ безъ молитвы и безъ Бога?.. Не желая отдавать себѣ отчетъ, не желая найти опять потеряннаго Бога, онъ безъ дальнѣйшихъ размышленій опять сталъ молиться. Онъ зналъ, что миръ и счастье, которыхъ полонъ этотъ домъ, требуютъ, чтобы онъ молился, чтобы онъ пересталъ углубляться въ свои размышленія и помирился съ Богомъ и людьми... Но одно горькое чувство его мучило: онъ чувствовалъ, что такое состояніе долго продолжаться не можетъ. Сердце подсказывало ему, что въ концѣ концовъ онъ

принесетъ несчастье этому дому; онъ сознавалъ, что онъ не можетъ наслаждаться этимъ невозмутимымъ покоемъ и жить всегда жизнью этихъ людей, что въ концѣ-концовъ въ немъ заговорить его мятежная душа, и въ его жизни произойдутъ бурныя перемены. Эта ужасная мысль не давала ему покоя. Ему были въ тягость и добрыя слова тестя и привѣтливое обхожденіе тещи, его страшили ласковые взгляды жены... Онъ казался самому себѣ, въ собственныхъ глазахъ, измѣнникомъ.

Но тогда произошло новое событіе въ его жизни: его жена захотѣла исцѣлить его отъ его «дикости» и нашла ему учителя, который обучалъ-бы его языкамъ. Этотъ учитель ежедневно тайкомъ приходилъ къ нему въ комнату въ то время, какъ тестъ и теща были занаты своей торговлей. Въ короткое время онъ научился читать и понимать по русски и по нѣмецки.

И тогда предъ нимъ открылся новый міръ. Произведенія геніальныхъ авторовъ, которыми онъ теперь усердно зачитывался тайкомъ у себя въ комнатѣ, произвели цѣлый переворотъ во всемъ его міросозерцаніи. Талмудъ съ его комментаріями, испанскіе философы, французскіе ученые, Шулханъ-Арухъ, гаоны съ ихъ спорами, весь бесъ-гамедрашъ со всѣми его книгами,—все это умерло въ его душѣ... Ихъ мѣсто заняли Спиноза, Кантъ, Дарвинъ, Бокль, Спенсеръ и т. д... Подъ ихъ вліяніемъ онъ находился, по нимъ онъ мыслить, ими онъ жилъ.

Онъ чувствовалъ, что все, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, всѣ его мысли, форма, въ которой проявлялись эти мысли. отъ всего этого не осталось и слѣда. Новыя мысли занимаютъ его умъ, онъ стремится въ новый міръ, душа полна тревоги и сильныхъ порывовъ, и все это ново, все пришло изъ другого міра. Во всѣхъ его новыхъ мысляхъ нѣтъ ни одной талмудической идеи, ни одного изреченія изъ «Зогара», ни одного афоризма изъ бесъ-гамедраша. Онъ будто заново родился!.. Происходящая въ немъ душевная борьба тоже нова. У всѣхъ этихъ великихъ мыслителей нѣтъ ничего общаго съ его старымъ міромъ, у нихъ нѣтъ съ нимъ никакихъ точекъ соприкосновенія, которыя могли-бы вызвать борьбу. «Морэ» и «Мелхамотъ», какъ близки они были къ предшествовавшимъ эпохамъ, несмотря на отдѣлавшее ихъ разстояніе. На каждомъ шагу онъ тогда встрѣчалъ борьбу между двумя мірами. Но теперь, Дарвинъ и Бокль—какъ далеки они отъ его

прежняго міра! Какъ это онъ такъ внезапно освободился отъ всего чему онъ учился, о чемъ онъ думалъ до сихъ поръ? До послѣд-
няго времени онъ жилъ вмѣстѣ со своимъ бесъ-гамедрашемъ и
его многочисленными книгами. Всѣмъ впечатлѣніямъ, которыя
ему приходилось переживать, онъ находилъ основаніе въ своемъ
бесъ-гамедрашѣ. А теперь? Неужели онъ совершенно забылъ свою
науку? Онъ, будущій великій раввинъ въ Израилѣ? Но нѣтъ! Онъ
все помнить, ничего не забылъ: все старое мирно покоится въ
одномъ изъ уголковъ... оно тамъ покоится, какъ сданное въ ар-
хивъ... И какъ богатъ этотъ зарытый кладъ! Плоды его личной
работы ума и сердца, трудовъ его отца, всѣхъ его предковъ,
всего народа въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій,—все сдано въ ар-
хивъ! Онъ все убилъ въ себѣ: и себя, и отца, и предковъ и весь
народъ!

Но развѣ онъ ихъ убилъ?.. Неправда! онъ все это *нашелъ* уже
мертвыми!.. Онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою безжизненными всѣ
свои сокровища, въ чемъ же тутъ его вина? Его новыя книги
убили старыя, и онъ даже не чувствовалъ никакой борьбы между
ними... Смерть—неумолимый законъ природы, какъ же было ему
бороться противъ законовъ природы?! Еще сидя на синагогаль-
ной скамьѣ, онъ сознавалъ эту неподвижность и смерть. Теперь
онъ вышелъ на свободу... Ему вспоминаются мысли о проклятомъ
царевичѣ... Тогда уже онъ чувствовалъ это проклетіе, застой и
безжизненность! Онъ сознавалъ, что проклятый царевичъ вотъ
уже тысячи лѣтъ стоитъ на одномъ мѣстѣ и. ничего не дѣлая,
не подвигаясь ни на шагъ впередъ, все топчется только на этомъ
тѣсномъ, мрачномъ и пустомъ мѣстѣ!.. Онъ сознавалъ, что бесъ-
гамедрашъ—тюрьма народа, а его книги—плоды его трудовъ въ
этой тюрьмѣ!.. Тогда уже онъ громко восклицалъ: «довольно намъ
учиться, нужно пойти впередъ!» Теперь вотъ онъ вышелъ на сво-
боду, онъ вышелъ изъ своей темницы, двинулся съ мѣста, на ко-
торомъ стоялъ неподвижно, и пошелъ впередъ. Чего же больше?
Вѣдь онъ жизни искалъ, свободы, ему опротивѣли уже мрачныя
могилы, онъ не хотѣлъ быть болѣе проклятымъ царевичемъ. Всего
этого онъ достигъ, чего же ему еще нужно?.. И почему ему такъ
жалъ того стараго, мертваго? Почему онъ испытываетъ такія силь-
ныя угрызения совѣсти?..

Нѣтъ! на самомъ дѣлѣ онъ *взмѣнникъ*! Онъ не пошелъ вне-

редъ, а убѣжалъ впередъ. Онъ не пошелъ, какъ полководецъ во главѣ войска, а убѣжалъ изъ лагеря. А толпа все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ въ своемъ темномъ закулѣ и несетъ на своей истомленной спинѣ суровое проклятіе! Нѣтъ, онъ не вышелъ на свободу. Онъ перебѣжалъ изъ лагеря побѣжденныхъ въ лагерь побѣдителей. Онъ,—одинъ изъ сыновей бѣдняка, живущихъ вмѣстѣ въ домѣ обнищавшаго отца и терпящихъ голодъ и лишенія, оставилъ своихъ бѣдныхъ братьевъ и пробрался тайкомъ въ великолѣпный домъ богача, полный роскоши, нѣги и наслажденій, и тамъ, окруженный довольствомъ, онъ забылъ о своихъ бѣдныхъ братьяхъ, о низкой избушкѣ, въ которой они изнываютъ отъ нищеты и горя; глядя на красивыхъ и здоровыхъ дѣтей богача, онъ вспомнилъ, что онъ свободенъ. Но нѣтъ, это не свобода: старая полуразвалившаяся избушка—его родной домъ; угрюмыя, измощенныя лица, которыя онъ тамъ видѣлъ,—его родные братья; поломанная ветхая мебель, наполняющая избушку—его имущество, а новый роскошный домъ, въ который онъ тайкомъ проникъ,—чужой домъ... Нѣтъ, это не значить разрѣшить вопросъ: вдругъ забыть обо всемъ, вырвать изъ сердца все, что было для него свято! А что скажетъ несчастный старикъ—отецъ?.. Отецъ указывалъ ему на обязанность продолжать умственную работу предковъ, какъ дѣлалъ это онъ самъ; отецъ говорилъ ему, что воспитанники «школъ» черпаютъ знанія изъ источника иного, сатанинскаго; а теперь онъ самъ прекратилъ тѣ «мысли» и пересталъ черпать знанія изъ еврейскаго источника...

Учитель, который обучалъ его языкамъ, называлъ его «дикаремъ», хотя онъ знаетъ гораздо больше этого учителя и учился больше, чѣмъ онъ. Да и не только этотъ учитель, но и любой представитель новаго поколѣнія смотритъ на него, какъ на дикаря. Почему? Потому что онъ еще носитъ на себѣ отпечатокъ своего древняго народа, потому что онъ живетъ по его обычаямъ и говоритъ на его языкѣ. Этотъ учитель его очень ловко порвалъ всякую связь со своимъ народомъ съ его языкомъ, обычаями, образомъ жизни и усвоилъ языкъ, обычай и нравы живого народа, стало-быть онъ не дикарь... Да, нищій дикъ не потому, что онъ невѣжественъ, а потому, что онъ бѣденъ... Всѣ тѣ, кто презираетъ еврейскій народъ, не потому его презираютъ, что онъ не усвоилъ знаній другихъ народовъ, а потому, что онъ не перенималъ

у этихъ народовъ ихъ обычаевъ, ихъ жизни, языка и нравовъ... Нѣтъ такой души, которая не проявилась-бы въ какой-либо тѣлесной формѣ. Даже науки и знанія, эти отвлеченныя души, всегда проявляются въ той формѣ, которую имъ придаетъ тотъ или другой народъ. Всякій предметъ долженъ имѣть опредѣленный обликъ, и этотъ обликъ народъ придаетъ продуктамъ своего генія. Наука—это пища, общая для всего міра, а народъ—желудокъ, въ которомъ переваривается эта пища и превращается въ живое тѣло.. Спиноза былъ продуктъ еврейскій, но и онъ также чувствовалъ проклятіе, тяготѣющее надъ его бесъ-гамедрашемъ, онъ тоже желая уйти впередъ, оставилъ совсѣмъ свой бесъ-гамедрашъ и... переварился въ чужомъ желудкѣ... Ахъ, несчастный народъ, въ то самое время, какъ великій мыслитель свободаго народа, Эмануилъ Кантъ, своею «Критикой чистаго разума» проливалъ свѣтъ знанія всему міру, твой великій Гаонъ, этотъ идеальный праведникъ, поклонникъ знанія и науки, сидѣлъ въ мракѣ бесъ-гамедраша и тамъ копался въ своихъ «четырехъ локтяхъ». Какъ горька участь этого народа! Тѣ изъ его великихъ сыновъ, которые вѣрни ему, томятся вмѣстѣ съ нимъ подъ бременемъ проклятія и проводятъ свои годы въ своемъ мрачномъ уголкѣ; тѣ-же, которые сознаютъ это проклятіе и хотятъ сбросить съ себя эту ношу, не приходятъ съ тѣмъ, чтобы вывести весь народъ изъ тьмы къ свѣту, чтобы возстановить его развалины, а сами уходятъ наружу и тайкомъ пробираются въ открытій передъ ними чужой міръ!..

Нѣтъ, такъ не годится! Новыя книги научили его сознательно относиться къ тому, что онъ до того времени только чувствовалъ Просвѣтленными глазами онъ теперь смотритъ на «мірозданіе» міръ вовсе не представляетъ собою безпорядочной смѣси случайностей. Ничто не появляется внезапно, нѣтъ ничего, что было-бы создано дѣльнымъ и оконченнымъ; нѣтъ ничего, что не имѣло-бы своего опредѣленнаго мѣста въ природѣ, что не происходило-бы естественнымъ путемъ и не имѣло-бы опредѣленныхъ причинъ. Просвѣтленнымъ взоромъ онъ смотритъ теперь на «народы и ихъ боговъ». Онъ видитъ огромное зданіе человѣческой культуры, какъ его воздвигали, камень за камнемъ, одно поколѣніе за другимъ.

Онъ видитъ предъ собою громады, воздвигнутыя геніемъ от-

дѣльныхъ эпохъ, отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ каждый занимаетъ опредѣленное мѣсто въ общей массѣ человѣчества. «Да,—думаетъ онъ,—я вернусь къ своему народу, и пойду впереди народа и буду его вождемъ! Довольно мнѣ уединяться, я пойду къ своимъ братьямъ! Отецъ заклиналъ меня быть борцомъ, я имъ и буду, но не для того, чтобы охранять, какъ онъ, старыя развалины... Не хорошо, если народъ топчется на одномъ мѣстѣ, но не хорошо также въ одиночку пробираться сквозь лазейки въ развалинахъ и переходить въ чужой лагерь... Пусть самъ народъ своими мощными силами пойдетъ впередъ и завоюетъ себѣ свое собственное мѣсто въ общей массѣ всего человѣчества»... Впередъ! Но—куда?

Спусти нѣсколько дней, онъ вернулся въ свой городокъ, въ родительскій домъ.

Было начало мѣсяца Элуль. Лѣто было еще въ полномъ разгарѣ, но ночи были уже прохладныя, и на разсвѣтѣ чувствовалось уже приближеніе осени. Уныніемъ и грустью повѣяло на него отъ родного городка, отъ маленькаго, низенькаго отцовскаго домика, отъ тишины и бѣдности, которыя царили кругомъ. Цѣлѣхъ два года онъ прожилъ въ большомъ городѣ, шумномъ и богатомъ, въ большомъ красивомъ домѣ. «Бесъ-гамедрашъ» онъ посѣщалъ только по субботамъ, а въ остальные дни онъ былъ свободенъ и могъ заниматься, чѣмъ угодно, ибо тестъ и теща были заняты торговлей, а любящая жена баловала его и въ душѣ радовалась, видя, какъ ея мужъ-раввинъ читаетъ по-русски и говоритъ на этомъ языкѣ съ своимъ просвѣщеннымъ учителемъ-европейцемъ. Теперь онъ оставилъ этотъ домъ противъ воли жены и ея родителей. Ему надобна эта тихая жизнь, домъ казался ему тюрьмой, а его обитатели—приставленными къ нему сторожами... Ему становилось стыдно передъ самимъ собою. «Зачѣмъ я здѣсь?—думалъ онъ,—на что я трачу здѣсь свои годы, какую пользу могу я принести себѣ и другимъ такою жизнью? Я лѣнивъ, я люблю, какъ лягушка, по цѣлымъ днямъ лежать въ одномъ стоячемъ болотѣ! Всю жизнь я думалъ о своемъ народѣ, всю жизнь я готовился быть борцомъ и выступить во главѣ толпы, теперь я таковъ же, какъ и другіе неподвижные молодые люди. Нѣтъ, мнѣ

нельзя оставаться здѣсь, богатство меня не усыпитъ, я—воинъ!»... Съ такими мыслями онъ возвращался въ свое мѣстечко, въ родной домъ...

Прохладное утро; легкій туманъ повисъ въ воздухѣ; по дорогѣ уже валяются пожелтѣвшіе листья; поля уже скинули съ себя свой лѣтній покровъ. Не слышно уже веселой пѣсни соловья, вмѣсто нея слышится только! кваканье лягушекъ въ прудахъ. Онъ вспоминаетъ, какъ онъ наслаждался однажды, проѣзжая весной по этому мѣсту... А теперь, какъ печаленъ лѣсъ! Всякое деревцо, всякій кустикъ стоитъ, согнувшись, въ окружающемъ туманѣ, и какъ-бы съ грустью смотритъ на поблекшія поля, умирающія вмѣстѣ съ лѣтомъ.

Повозка медленно вѣзжаетъ въ мѣстечко. Одна за другой начинаютъ показываться низкія, полуразвалившіяся избушки съ разодранными на половину соломенными крышами. Въ туманѣ двигаются человѣческія фигуры. Въ унылыхъ изнуренныхъ лицахъ этихъ скорчившихся отъ холода фигуръ, онъ узнаетъ мѣстныхъ обитателей. Вотъ передъ нимъ базаръ. Торговки въ лохмотьяхъ суетливо и шумно перебѣгаютъ отъ одной телѣги къ другой. Тамъ, въ концѣ улицы, видѣется бесъ-гамедрашъ. Движеніе на улицѣ усиливается; дѣти идутъ въ хедеръ, взрослые отправляются на молитву. Издали доносятся звуки рога.—это еврейская община призываетъ своего возлюбленнаго Бога. Еврейская община жалкая, обнищавшая, вся покрытая грязью, голодная, жаждущая воздуха и свѣта, эта нищая въ лохмотьяхъ, униженная, больная, вся въ морщинахъ отъ нищеты и преждевременной старости, призываетъ своего возлюбленнаго Бога, съ разбитымъ, больнымъ сердцемъ, полнымъ страха и ужаса. Ахъ, какъ несчастна она, бѣдная!..

Грустные чувства щемятъ его сердце... Какъ печальна и бѣдна эта картина! Мѣстечко теперь кажется ему кладбищемъ, дома—надгробными памятниками, а люди—привидѣніями... Смерть, застой, гниль... Куда-бы онъ ни повернулся, вездѣ ему слышится запахъ гнили... Это запахъ отъ разлагающихся труповъ, отъ высохшихъ костей, разбѣянныхъ по долинамъ... Миръ иллюзіи и призраковъ... Проклятый узникъ хочетъ освободиться отъ своихъ цѣпей, и онъ трубитъ въ рогъ и воетъ съ сатаной... Какъ страшенъ этотъ миръ призраковъ!.. «И зачѣмъ только—думаетъ онъ—

я покинулъ жизнь и пришелъ сюда, къ мертвецамъ? Я хочу имъ помочь, но какъ? чѣмъ? что я могу сдѣлать? Вѣдь вотъ и адѣсъ, въ этомъ заброшенномъ городѣ молодежь оставляетъ родной лагерь и спасается бѣгствомъ, а народъ по прежнему остается все на томъ-же мѣстѣ... Стѣны «бесъ-гамедраша» уже разрушены, а народъ все еще стоитъ на томъ-же тѣсномъ мѣстѣ подъ открытымъ небомъ... Какъ несчастенъ узникъ, который в послѣ того, какъ пали стѣны его темницы, все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, не зная, куда ему двинуться!..»

Вернувшись опять въ родное мѣстечко, онъ въ душѣ рѣшилъ вернуться къ народу, къ его синагогѣ и присмотрѣться къ тому, чѣмъ живетъ теперь народная душа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ жилъ въ стѣнахъ бесъ-гамедраша среди душъ умершихъ: онъ черпалъ свою науку, свои знанія отъ старинныхъ авторовъ, дышалъ воздухомъ давно прошедшихъ вѣковъ и довольствовался философией Маймонида, математикой Ибнъ-Эзри и наукой изъ «Тѣни міра». Теперь онъ сталъ жить настоящимъ, проникся духомъ современнаго поколѣнія. «Что-же это—думалъ онъ—неужели еврейскій народъ уже закончилъ свое существованіе? Неужели онъ съ того времени до настоящаго дня ничего не дѣлалъ? Развѣ тѣми книгами, которыя я оставилъ въ бесъ-гамедрашѣ, исчерпана уже вся мудрость Израиля, вся его наука? Что-же дѣлалъ этотъ великій народъ за послѣднее столѣтіе?» Правда, онъ и не очень требователенъ. Онъ знаетъ, что узникъ въ своемъ казематѣ въ «четыре локтя», въ отравленной атмосферѣ, со связанными руками, не могъ дѣлать того, что дѣлали другіе на вольномъ воздухѣ, пользуясь широкой, свободной жизнью. Но гдѣ-же продолженіе той работы мысли? Гдѣ подъемъ духа, борьба убѣжденій и, по крайней мѣрѣ, отраженіе современной жизни?

Онъ давно уже зналъ о существованіи «просвѣтительныхъ книгъ», которыя читаются нѣкоторыми ишошами и «эпикурейцами». Онъ тоже нѣсколько разъ брался за чтеніе этихъ книгъ, но въ нихъ онъ ничего не находилъ, кромѣ дутыхъ фразъ о глупостяхъ и пустякахъ. Не въ этихъ-же книжкахъ искать ему отвѣта на волнующіе его вопросы о благѣ народномъ! Можно-ли оживить народъ этими книжками, трактующими о солинышѣ, о веснѣ и о лѣтѣ?.. Куда-бы онъ ни повернулся, повсюду онъ встрѣчаетъ только смерть, застой, мракъ, одиночество, и ни одного луча

свѣта, который освѣтилъ-бы ему путь... Но онъ рѣшилъ непремѣнно освѣтить этотъ мракъ и пойти впередъ... Онъ—воинъ и долженъ бороться... Итакъ, онъ рѣшилъ ознакомиться съ «просвѣтительной» литературой и сблизиться съ «маскилами». Вѣдь этихъ молодыхъ людей преслѣдуютъ во всѣхъ остальныхъ общинахъ, ихъ презираютъ, считаютъ отщепенцами и еретиками. Кто знаетъ, быть можетъ, эти книги въ самомъ дѣлѣ вносятъ струю жизни и свѣта въ темную еврейскую среду?

Въ тотъ же день онъ тайкомъ послалъ за своимъ другомъ дѣтства, Хезкелемъ—эпикурейцемъ.

Хезкель—эпикуреецъ былъ худощавый молодой человекъ низкаго роста, съ круглымъ, красивымъ, но очень блѣднымъ лицомъ. Глаза у него были большіе, черные. Ходилъ онъ всегда скорбившись, какъ-бы придавленный тяжелой ношей.

— Чего ты хотѣлъ отъ меня, Нахманъ?

— Ты вѣдь читаешь эти «постороннія книги», Хезкель?—сказалъ Нахманъ послѣ небольшой паузы.

— Да, читаю; а что?

— Я хотѣлъ чтобы ты мнѣ далъ нѣкоторыя книги для чтенія.

— Тебѣ?—На лицѣ Хезкеля выразилось изумленіе.

— Да, мнѣ; но съ тѣмъ, чтобы объ этомъ никто не зналъ.

— А зачѣмъ тебѣ эти книги?

— Какъ зачѣмъ? А зачѣмъ онѣ тебѣ?

— Мнѣ-то? Да, ты задалъ мнѣ серьезный вопросъ. Я и самъ не разъ задавалъ себѣ его. Я спрашивалъ себя не о томъ, для чего онѣ мнѣ теперь нужны. Теперь эти книги мнѣ такъ-же необходимы, какъ воздухъ, которымъ я дышу. Но я спрашиваю себя: что привело меня къ этому? какъ у меня появилось желаніе читать эти книги?

— Ну-ка расскажи мнѣ, я тоже хочу это знать.

— Ничего необыкновеннаго ты отъ меня не услышишь, я даже не сумѣю передать тебѣ это въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ. Ты, пожалуй, будешь смѣяться надо мной, но я все-таки расскажу тебѣ. Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда отецъ мой, вида, что здѣсь Тора отнюдь не процвѣтаетъ—а онъ хотѣлъ, чтобы я непременно былъ раввиномъ—послалъ меня въ одну изъ іешивъ на Латвѣ, для изученія Торы. Изобразить тебѣ

эту іешиву и учащихся въ ней я не могу, но вотъ тутъ—онъ положила руку на грудь—есть еще темный уголокъ, гдѣ похоронены печальные годы, которые я тамъ провелъ, со всѣми пережитыми впечатлѣніями.... «Тора сохраняется только у тѣхъ, кто убиваетъ себя ради нея ¹⁾, а я былъ живъ еще тогда и не хотѣлъ убивать себя въ молодые годы... Я до сихъ поръ не знаю, почему я считалъ себя заживо похороненнымъ, но такимъ я казался самому себѣ... Я не зналъ, чего я хочу, но въ душѣ я чувствовалъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. Я сталъ искать, но я не зналъ, чего я ищу.... Что-то лежало тяжелымъ камнемъ въ груди, я тосковалъ, стремился къ чему-то.... Тѣсно мнѣ было въ іешивѣ, жалкой и убогой мнѣ казалась духовная пища, которую мнѣ тамъ преподносили и, какъ капризный больной, ежеминутно требующій себѣ другихъ яствъ, я жадно набрасывался на каждую новую книгу, которую находилъ въ іешивѣ. Случайно мнѣ попали въ руки стихотворенія А. Лебенсона, и я сталъ ихъ усердно читать. Его прекрасный языкъ, ясныя и прямыя мысли меня сильно очаровали. Какъ прежде я не зналъ, чего мнѣ недостаетъ, такъ я и теперь не зналъ, что собственно я нашелъ въ этихъ стихахъ, но я чувствовалъ, что я нашелъ именно то, чего мнѣ не доставало. Я принялся за изученіе еврейской грамматики и досталъ себѣ много книгъ для чтенія.

— Что же ты нашелъ въ этихъ книгахъ?

— Я вѣдь сказалъ уже тебѣ, что я не могу тебѣ это толково передать, могу тебѣ только сказать: пойди и учись. Читай и ты эти книги, и если у тебя чуткая душа, то ты почувствуешь и поймешь, какъ и я.

— Но я вотъ читалъ нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и ровно ничего въ нихъ не нашелъ. Несчастный, жалкій народъ двадцать вѣковъ уже томится въ изгнаніи, а они являются его спасателями, разрѣшая ему употребленіе гороха въ пасху и отрицая существованіе чертей и ангеловъ!....

— Эхъ, Нахманъ, Нахманъ, ты ошибаешься! Не горохъ въ пасху они ему разрѣшаютъ, а говорятъ ему о жизни; не существованіе чертей и ангеловъ они отрицаютъ, а говорятъ ему о томъ, что суетврія, пустыя бредни, вѣра въ талисманы и таин-

¹⁾ Известное талмудическое изреченіе.

ственныя силы только подрываютъ его собственныя силы.... Я уже сказалъ тебѣ, что ничего опредѣленнаго ты отъ меня не услышишь; возможно, что въ ихъ книгахъ ты тоже ничего опредѣленнаго не найдешь, но несомнѣнно, что она очень много сдѣлала для облегченія народнаго горя. Они писали прекрасныя стихи, чтобы вдохнуть ему новую, живую душу, они воевали съ раввинами, съ главарями общинъ, съ сильными міра сего, съ ханжами, іешивами и ихъ руководителями... они боролись со смертью и съ застоємъ, гдѣ-бы они ни проявлялись....

— Но если они боролись со смертью и съ застоємъ, зачѣмъ же ты остался среди этой смерти и застоя? Зачѣмъ ты остался презрѣннымъ «эпикурейцемъ» въ толпѣ мертвецовъ, когда ты могъ выступить въ этой средѣ?..

— То-есть, переимѣнить религію?!

— Нѣтъ, но уйти съ тѣмъ, чтобы больше въ эту среду не возвращаться, какъ сдѣлали это всѣ «маскилимъ».

— Такъ, такъ, я понимаю твой вопросъ. Да, серьезный ты мнѣ задалъ вопросъ. Зачѣмъ я стану скрывать отъ тебя? Этотъ вопросъ давно уже и меня терзаетъ.... Этотъ вопросъ сдѣлалъ меня несчастнымъ отиѣтымъ человѣкомъ, онъ меня измучилъ, согнулъ меня въ три погибели... Да, я хотѣлъ уйти, каждый день я порывался уходить: я потерялъ свой старый міръ, новаго не приобрѣлъ.... Я для того и хотѣлъ уйти, чтобы найти этотъ недостающій мнѣ новый міръ.... Много разъ я стоялъ уже на порогѣ, готовый въ путь, а все-таки я не ушелъ... Я не могу тебѣ это толкомъ рассказать. Ты, пожалуй, подумаешь, что я лѣнился, что у меня силъ не хватило на то, чтобы уйти.... Нѣтъ, Нахманъ, нѣтъ! Я могъ.... но.... я не могъ.... я и теперь не знаю, почему.... Какая-то сила меня удерживала.... Мнѣ казалось тогда, что нужно исправить тотъ старый міръ, а не переходить въ новый.... Новый міръ, въ который я хотѣлъ вступить, показался мнѣ совершенно чужимъ.... Я чувствовалъ, что я не для того оставилъ тотъ старый міръ, чтобы вступить въ этотъ новый.... Такъ я и остался несчастнымъ, искалѣченнымъ, блуждающимъ на жизненномъ пути и проклятымъ «эпикурейцемъ»....

— Ну, а что же ты теперь дѣлаешь?

— Теперь я ничего не дѣлаю, теперь я стою на распутьѣ и не знаю, куда мнѣ пойти.

— А литература-то что дѣлаетъ?

— Я вѣдь тебѣ говорилъ, что я этого не могу тебѣ ясно передать. Миѣ кажется, что и литература, какъ и я, борется между жизнью и смертью, и она такъ-же стоитъ на порогѣ, потерявъ свой старый мѣръ и не зная, что выбрать, куда пойти....

— Вотъ идетъ мой отецъ, прекратимъ разговоръ. Я тайкомъ пошелъ къ тебѣ сегодня, и ты дашь миѣ всѣ имѣющіяся у тебя книги.

Одинъ за другимъ прошли печальные дни мѣсяца Элуль, и наступилъ канунъ Йомъ-Кипура. Все, пережитое за эти дни, глубоко запечатлѣлось въ его душѣ. Несчастный «эпикуреецъ» повергъ его въ глубокое уныніе. «Такъ вотъ гибнуть они—думалъ онъ, стоя въ ту ночь въ бесъ-гамедрашѣ,—эти несчастные, желающіе стряхнуть съ себя проклятіе. Онъ хорошо понималъ все, что говорилъ ему въ неясныхъ выраженіяхъ «эпикуреецъ». Этотъ навѣнный страдалецъ смутно только чувствуетъ то, что для него очевидно. Онъ теперь читаетъ эти книги, именующія себя «новой литературой». Но онъ тутъ не находитъ ничего новаго, тутъ нѣтъ никакого ясно намѣченнаго пути.... Больной, почувствовавъ боль, мечется, стонетъ; измѣнится боль,—онъ иначе будетъ стонать, иначе будетъ метаться.... Эта «новая литература», представляетъ собою стоны и метанье девятнадцатаго столѣтія, все равно какъ Каббала и хасидизмъ были стонами эпохи мрака.... Больной народъ уже двѣ тысячи лѣтъ стонетъ и мечется, и его горькіе стоны—это его литература во всѣ эпохи.... Эта «новая литература» напоминаетъ собою рыбу, помѣщенную въ сосудъ съ мутной водой: она мечется, бросается во всѣ стороны, вытягиваетъ голову наружу, ищетъ и хочетъ найти недостающую ей жизнь.... Литература мечется, какъ и онъ самъ.... Порою и она думаетъ, что спасеніе народа въ томъ, чтобы онъ совершенно растворился среди чужихъ, но и она, какъ несчастный Хезкель-эпикуреецъ чувствуетъ, что это невозможно....

Куда? куда? ахъ, куда?

Въ это самое время къ нему подошелъ тогда тотъ юноша, который прервалъ его грустные размышленія. Онъ поднимъ «талесъ» съ глазъ, разсѣянно посмотрѣлъ на юношу....

И тогда именно онъ сдѣлалъ то ужасное дѣло въ ту ужасную ночь!...

Проходятъ мѣсяцы и годы, а сумасшедшій Нахманъ молча сидитъ въ бесѣ-гамедрашѣ или въ своей уединенной комнатѣ въ домѣ отца, не говоря ни съ кѣмъ ни слова.... Онъ сидитъ и все читаетъ да читаетъ. Говорятъ, что, скрываясь въ своей комнатѣ, онъ читаетъ также «постороннія книги» и иностранныя книги, которыя ему присылаетъ его несчастная жена. Она не хочетъ взять отъ него развода и два раза въ годъ она прѣзжаетъ, чтобы навѣстить его. Тогда сумасшедшій раскрываетъ свои уста и долго—долго говоритъ съ нею. Она стонетъ и плачетъ, проситъ и умоляетъ его, а онъ, несчастный, стоитъ передъ нею весь сгорбленный съ отчаяніемъ на лицѣ и морщинами на лбу и тоже стонетъ отъ времени до времени. Какъ сильно онъ страдаетъ въ эти минуты!....

Въ бесѣ-гамедрашѣ онъ сидитъ молча и либо читаетъ, либо думаетъ. Иногда подходитъ къ нему его отецъ или кто-нибудь изъ занимающихся и просятъ разъяснить какойнибудь замысловатый текстъ. Онъ объясняетъ затруднительное мѣсто, но больше онъ ни о чемъ ни съ кѣмъ не говоритъ.

Мѣстные обыватели вспоминаютъ проклятіе черныбыльскаго падика и съ грустью на лицѣ шепотомъ говорятъ другъ другу: «они кусаютъ, какъ змѣи, и жалатъ, какъ скорпіоны», и при этомъ смотрятъ на «сумасшедшаго» глазами, полными жалости. Въ мѣстечкѣ распространяются разнообразныя слухи о «сумасшедшемъ», но никто его не оскорбляетъ.

Случалось, въ бесѣ-гамедрашѣ наступали волненія по поводу мѣстныхъ новостей. Тогда «сумасшедшій» издали прислушивался къ разговорамъ о мѣстныхъ событіяхъ, и по его лицу можно было узнать, что онъ вдали раздѣляетъ горе недовольныхъ и радость счастливыхъ.

Одно событіе яркимъ лучомъ озарило мрачныя мысли сумасшедшаго и наполнило его душу свѣтомъ и надеждой. Тогда онъ сталъ ближе подходить къ кружкамъ бесѣдующихъ въ бесѣ-гамедрашѣ, бывало принималъ даже участіе въ ихъ бесѣдахъ, и его слова полны были жизни, чувства и увлеченія. Грустное выраженіе тогда сходило съ его лица, и на немъ впрѣдкѣ даже появлялась улыбка.

Въ то время видѣли, какъ сумасшедшій, глубоко задумавшись, шагаль по бесѣ-гамедрашу отъ одной стѣны къ другой; его лицо сіяло, на лбу то появлялись морщины, то исчезали, его черные

глаза оживленно бѣгали, онъ жестикулировалъ и шевелилъ губами, какъ-бы споря съ кѣмъ то.

Тревогой тогда былъ охваченъ еврейскій народъ. Самъ народъ громко кликнулъ кличъ: «впередь!», и народъ не спрашивалъ— куда? Онъ давно нашелъ готовый путь—въ Палестину. Если два еврея тогда говорили между собою, то можно было быть увѣреннымъ, что они говорятъ о Палестинѣ... Довѣрчивый народъ тогда сталъ передавать «чудеса» объ «освобожденіи страны», благодаря «великимъ евреямъ», объ «эмиграціи», которая скоро начнется, и начиналъ мечтать объ уготованной для него «новой жизни», когда каждый будетъ сидѣть «подъ своимъ винограднымъ кустомъ и смоковницею». Тогда разрѣшалось приносить въ бесъ-гамедрашъ газеты, и народъ съ жадностью набрасывался на статьи, авторы которыхъ, знающіе всѣ тайны, сообщали «гонимому народу» о тѣхъ благахъ, которыя гостоятъ для нихъ великіе люди. Въ то время и сумасшедшій Нахманъ былъ среди читающихъ; онъ внимательно читалъ всѣ длинныя статьи, восхвалявшія Палестинскую колонизацію. Порою послѣ чтенія этихъ статей мрачная тѣнь пробѣгала по его лицу: онъ не находилъ въ нихъ того, чего искалъ...

«Ахъ, несчастный народъ!—думалъ тогда сумасшедшій:—онъ до того привыкъ къ жалкой жизни раба, къ тѣснотѣ и грязи своихъ «четыреохъ локтей», что пересталъ чувствовать тяготѣющій надъ нимъ гнѣвъ Божій. Этотъ несчастный народъ не пробуждается, чтобы снять съ себя проклятіе, сбросить оковы и выйти изъ своей темницы на свѣтъ Божій, чтобы зажить полной, широкой жизнью... Отверженный узникъ пробудился теперь и хочетъ выйти изъ мѣста своего заключенія только послѣ того, какъ его стали гнать и оттуда.... И народъ - скиталецъ стоитъ опять съ котомкой на плечахъ, отправляясь за поисками новыхъ «четыреохъ локтей», гдѣ онъ могъ-бы найти хлѣбъ насущный своимъ дѣтямъ. Какъ жалка надежда этого народа, если она не можетъ подняться выше насущнаго хлѣба и тѣснаго уголка!... А онъ, услышавъ впервые этотъ кличъ «въ Палестину», почувствовалъ, будто въ немъ забилось новое сердце, будто все тѣло его обновилось и зажило новой, свѣжей жизнью... Его умъ будто сталъ шире, и новый потокъ мыслей бурно заигралъ въ немъ... Онъ почувствовалъ, что въ его душѣ произошелъ переворотъ и что вдругъ изъ несча-

стнаго страдальца онъ превратился въ счастливца... И зачѣмъ только онъ напрасно страдалъ всѣ эти годы?... Зачѣмъ онъ сталъ «сумасшедшимъ», отшельникомъ, отрѣшившимся отъ жизни, когда жизнь такъ полна движенія и свѣта.... Какъ это онъ забылъ о томъ мѣстѣ, къ которому «изъ мрачной темницы своей стремится народъ, и каждый изъ своего мѣста преклоняется противъ его воротъ»? Вѣдь еврейскій народъ не забылъ еще о своей странѣ за все время своего горькаго «голуса», какъ же забылъ о ней онъ, который готовится въ «вожди»? Но въ самомъ-ли дѣлѣ онъ забылъ о родной странѣ? Нѣтъ! Онъ чувствуетъ, что въ его груди начертана священная клятва: «Если я забуду о тебѣ, Иерусалимъ, то да будетъ забыта моя десница». Нѣтъ, онъ не забылъ! Онъ всегда помнилъ о родной странѣ, но не зналъ пути, который ведетъ туда.... Онъ потерялъ вѣру въ то, что народъ и страна могутъ быть спасены посредствомъ молитвъ, «заключеній» и «сочетаній», и онъ сознавалъ тогда, что нужно искать другихъ средствъ и болѣе вѣрнаго пути.... Онъ видѣлъ тогда народъ со всѣмъ его горемъ и страданіями, со всѣмъ его униженіемъ и паденіемъ. Куда-бы онъ ни посмотрѣлъ, куда-бы ни повернулся, вездѣ онъ видѣлъ падающаго великана.... проклятаго царевича.... Вездѣ, гдѣ онъ находилъ величіе Израиля, онъ находилъ также его паденіе, его проклятіе. Онъ видѣлъ тогда, что горе народное обширно, какъ море, что рана глубока и запущена, но онъ не нашелъ искуснаго врача, который излѣчилъ-бы эту запущенную рану.... Теперь, когда народъ пробудился къ жизни и нашелъ путь въ свою страну не «заключеніями» и «сочетаніями», а тяжелымъ трудомъ, просвѣщеніемъ и земною жизнью,—развѣ онъ не сразу освободился отъ своего проклятія?

Но народъ не пробудился къ жизни, проклятый не чувствуетъ своего проклятія и своего великаго горя; царевичъ пересталъ сознавать, что онъ сынъ царя и что не ему ваяться въ грязи, въ тѣсныхъ «четыреохъ локтяхъ»... Въ немъ умерло и испепелилось его сердце, онъ не стремится больше къ трудовой и свободной жизни, а къ куску хлѣба, къ покою для своихъ высохшихъ костей... Не исканіе свободы, не любовь къ широкой жизни, не надежда на новую и плодотворную работу, не великое стремленіе къ тому, чтобы опять завоевать себѣ достойное мѣсто среди другихъ народовъ,—не это все побудило его вернуться въ свою стра-

ву... Выходцы изъ Египта принесли въ страну Вавлію; пророкъ изгнанниковъ во времена Кира возвратилъ своей странѣ единаго Бога Израиля; они вернулись въ свою страну нося съ собой свои сокровища; они вернулись, какъ народъ, чтобы жить въ своей странѣ здоровой, полной жизнью, чтобы тамъ служить своему Богу и дѣлать свое народное дѣло, которое они не могли дѣлать въ чужой странѣ, среди чужихъ боговъ и другихъ нравовъ... А теперь? Теперь онъ возвращается, какъ рабъ, онъ убѣгаетъ отъ голода и розги... Нѣтъ, не этотъ путь ведетъ къ исцѣленію народа, къ освобожденію его отъ проклятiя... Народу нельзя вернуться въ свою страну больнымъ, изнуреннымъ, проклятымъ, искалѣченнымъ и жить тамъ тою жизнью, которою онъ жилъ здѣсь, въ изгнаніи... Еврейскій народъ долженъ вернуться въ свою страну не для того, чтобы спастись отъ плети и голода, но чтобы положить тамъ основу новой жизни, новому обществу... не еврейскому обществу захудалому, подавленному, изнуренному, какъ въ изгнаніи, а еврейскому обществу живому, здоровому и цвѣтущему, которое опять служило-бы образцомъ всему міру, какимъ въ свое время было древнее еврейское общество... Общество, которое давало-бы всему міру жизнь, стремленія, надежды и стимулы къ новой дѣятельности...

Новое движеніе надѣлало много шума въ городѣ, и въ одинъ зимній вечеръ мѣстная молодежь устроила большое собраніе. Собраніе было очень шумное, нѣкоторые молодые люди произносили горячія рѣчи о колонизаціи, о ненависти къ евреямъ... Вдругъ среди присутствующихъ появился сумасшедшій и къ общему удивленію подошелъ къ столу и попросилъ слова.

Это внезапное зрѣлище встревожило всѣхъ присутствующихъ, на лицахъ у всѣхъ написано изумленіе и страхъ. Въ комнатѣ царитъ тишина, сумасшедшій становится у стола и начинаетъ свою рѣчь:

«Дорогіе братья! Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы можете потомъ смѣяться надо мною, но теперь удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ вниманія. Положеніе моего народа, желаніе помочь ему и невозможность сдѣлать для него что-либо превратили меня въ сумасшедшаго. Я стою вдали отъ жизни, потому что не нашелъ себѣ мѣста въ жизни. Вы, братья, можете мнѣ сочувствовать, но понять меня вы не можете. Мое

сердце есть складъ пороха и огня и, если-бы я захотѣлъ открыть его передъ вами, вы увидѣли-бы пылающее тамъ море огня, но это невозможно... Мои слова передъ вами будутъ неполны, ибо высказать вамъ все, что накопилось у меня въ душѣ, я не могу; для этого мнѣ нужно было-бы заново пережить многіе годы изъ моей жизни.. Всѣ эти годы я думалъ, и всѣ эти мысли я долженъ былъ-бы передать вамъ, чтобы вы меня поняли, но это невозможно»...

«Вы, братья,—продолжалъ Нахманъ послѣ непродолжительной паузы—собрались сюда, чтобы исцѣлить народное горе, чтобы вернуть народъ въ его родную страну. По вашимъ лицамъ я вижу, что вы считаете себя героями и спасителями народа и съ презрѣніемъ смотрите на многочисленныя поколѣнія, которыя ничего не дѣлали для народа. Но это большое заблужденіе. Всякій человѣкъ считаетъ себя самостоятельнымъ міромъ, а всякое поколѣніе въ свое время считаетъ себя солью человѣчества и веркомъ совершенства. Но исторія—справедливый судья; она считаетъ тысячами годы въ прошедшемъ и въ будущемъ, и даже десятки поколѣній для нея мелкія песчинки... Я не буду говорить объ этомъ великомъ движеніи, много говорили о немъ и безъ меня, и если-бъ я хотѣлъ изложить передъ вами все, что я думаю объ этомъ движеніи, то мнѣ нужно было бы говорить здѣсь передъ вами нѣсколько дней кряду... Я хочу только высказать вамъ мой общій взглядъ»...

«Еврейскій народъ—продолжалъ Нахманъ, повысивъ голосъ, послѣ небольшой передышки—всегда принималъ участіе въ движеніяхъ народовъ всего міра. Древнія надписи доказываютъ намъ, что въ наиболѣе раннія эпохи своего существованія еврейскій народъ передвигался вмѣстѣ съ другими великими и сильными народами. Всякая великая эпоха въ жизни еврейскаго народа является великой эпохой и въ общей исторіи. Всякое движеніе и переселеніе еврейскаго народа происходило одновременно съ переселеніемъ еще и другихъ сильныхъ и великихъ народовъ. Когда евреи вышли изъ Египта, чтобы искать себѣ страну въ Азіи, происходило великое движеніе во всей Африкѣ. То-же самое мы видимъ и во времена Ассиріи и Вавилона, когда народы и государства исчезали съ лица земли, и весь міръ былъ полонъ переломовъ...

Но вотъ эпоха сравнительно близкая намъ,—эпоха Рима. Тогда закатилось солнце Востока, и заря засіяла на Западѣ. Греки были первые, которые ускорили смерть Востока, и воздвигнули Западъ на его развалинахъ, а вмѣстѣ со всѣмъ Востокомъ палъ тогда и восточный народъ,—народъ еврейскій. Правда, это великое движеніе было не движеніемъ меча, а движеніемъ духа. При уравновѣшенномъ климатѣ движеніе воздуха происходитъ медленно и тихо, но при встрѣчѣ холода и тепла поднимается сильная буря, которая ломаетъ даже кедръ Ливана. Если мы поглубже вникнемъ въ исторію человѣчества, то мы убѣдимся, что всякое великое движеніе въ жизни народа было движеніемъ духа. Человѣчество не живетъ безъ идеала, и оно выдвигаетъ изъ своей среды великихъ людей, пророковъ и законодателей, создающихъ ему тѣ идеалы, которымъ оно служить. Но эти идеалы живутъ не вѣчно. Чѣмъ яснѣе взоръ пророка, проникающій въ мракъ будущаго, тѣмъ величественнѣе, тѣмъ сильнѣе идеалъ, который онъ создаетъ себѣ. Этотъ идеалъ переживаетъ сотни поколѣній, тысячи лѣтъ, но въ концѣ концовъ умираетъ и онъ. Человѣчество тогда внезапно чувствуетъ, что все погибло, все рухнуло, что нѣтъ у него точки опоры въ жизни. Эта эпоха ужасна; человѣчество жаждетъ слова Божьяго... Но такое состояніе продолжается недолго: человѣчество выдвигаетъ новаго пророка, который создаетъ ему новаго бога и новое общество на развалинахъ стараго. Тогда то и начинается мировое движеніе: человѣчество насильно удаляетъ изъ своей среды все гнилое и негодное и отыскиваетъ среди могилъ и развалинъ здоровые и крѣпкіе элементы для построения новаго общества. Такой эпохой была эпоха второго храма, обнимающая періодъ времени въ сто пятьдесятъ лѣтъ, до разрушенія храма в двѣсти лѣтъ послѣ разрушенія. Тогда пошатнулись и пали всѣ языческіе боги, человѣчество устало, истомилось, каждый искалъ себѣ бога, старое общество пошатнулось, восточные миры пали, а народъ искалъ новаго бога. Тогда Западъ построилъ новое общество на основѣ восточнаго, на еврействѣ... Я не историкъ и не буду повторять передъ вами то, что много разъ говорилось уже до меня. Я хочу только сказать вамъ, что нынѣшняя эпоха во всемъ походитъ на ту эпоху. Европа теперь больна,—всѣ чувствуютъ, что общество распатано, что его основы уже обветшали. Человѣческое общество устало, разбито, оно жаж-

дети слова Божьяго, пророка законодателя. Тѣ маленькіе пророки, которые появляются въ его средѣ, даютъ ему силу на короткое время, на часъ. Сто лѣтъ Кантъ воодушевлялъ общество, сто лѣтъ, пожалуй, Дарвинъ будетъ занимать умы; но великаго пророка и законодателя, который сообщилъ бы слово Божіе усталымъ и падающимъ, который далъ бы силу обществу пойти впередъ, — у насъ нѣтъ теперь, а человѣческое общество блуждаетъ теперь въ потемкахъ, пока не сбѣяетъ его могучій духъ Божій и дастъ ему пищу на тысячи лѣтъ... Я долженъ вамъ сказать братья, что не только мы направляемъ свои взоры на Востокъ, но что весь Западъ давно уже устремляется къ Востоку... Я знаю — вы можете смѣяться надо мною — я знаю, что наступитъ когда-нибудь время, и сотни милліоновъ, живущіе на Востокѣ, эти высохшія кости, пробудятся къ жизни; тогда возстанутъ свѣжіе, полные жизни народы, и создадутъ новое общество... Тогда проснется Востокъ и будутъ царить во всемъ мірѣ послѣ переворота на Западѣ, какъ царить Западъ послѣ восточнаго переворота. А вы, братья, отправляясь теперь на Востокъ, должны постоянно помнить, что вы родомъ съ Востока. Въ то время, какъ весь Западъ идетъ на Востокъ за получениемъ наслѣдства послѣ умершаго, вы должны пойти туда съ тѣмъ, чтобы воскресить этотъ трупъ и построить зданіе новаго общества. Величайшій врагъ еврейства — Западъ, я считаю, поэтому, неестественнымъ, чтобы еврейскій народъ, восточный, вмѣстѣ съ западными народами рѣшалъ судьбу Востока. Я вѣрю, что еврейскій народъ воскреснетъ и станетъ на ноги; я вѣрю, что этотъ великій народъ, безъ котораго, безъ его книгъ, безъ его великаго духа нельзя себѣ представить состояніе міра, этотъ народъ опять оживитъ общество, но это общество будетъ восточное. Великій Востокъ страхнетъ съ себя сонъ и заживетъ новой, естественной жизнью, и тогда проклятый народъ станетъ во главѣ народовъ, во главѣ воскресшаго Востока... Итакъ, братья, отправляясь на Востокъ, идите туда не какъ враги Востока, а какъ его друзья и вѣрные сыны. Старайтесь оживить его, а не умертвить. Тысячи лѣтъ прошли уже со временъ Валаама, а все-таки мы чувствуемъ, что стоимъ еще на полпути, и мы должны сказать вмѣстѣ съ нимъ: «Я его вижу, — но не теперь, я смотрю на него, но онъ не близокъ»... Я сдѣлался сумасшедшимъ потому, что не зналъ, куда

мнѣ пойти, и теперь я человекъ отпѣтый. Было время, когда я думалъ выступить впереди народа, но теперь это невозможно. Пусть встанетъ новое, живое поколѣніе и выступитъ во главѣ народа... Если правда, что есть миссія у еврейскаго народа, то пусть онъ беретъ съ собою свою Библию и свою миссію и несетъ ихъ съ собою на Востокъ... Не Палестинѣ только, а всему Востоку... Тогда народъ нашъ будетъ знать, что онъ идетъ по вѣрному и естественному пути. И пусть не мнитъ это поколѣніе съ его подъемомъ духа, что оно въ силахъ сразу довершить это дѣло. Напишите, братья, на своемъ знамени: «Я его вижу,—но не теперь, я смотрю на него, но онъ не близокъ». На Востокъ! на Востокъ!»

Шумъ внезапно поднялся среди присутствующихъ, и одинъ изъ молодыхъ людей крикливо прервалъ оратора. Но «сумасшедшій» не обратилъ вниманія ни на кого изъ собравшихся, онъ даже не хотѣлъ узнать ихъ мнѣнія о его рѣчи. Крупныя капли пота выступили на его покраснѣвшемъ лицѣ, которое было прекрасно въ ту минуту, и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, онъ ушелъ домой.

Собранія давно прекратились, общество разсѣялось, о «переселеніи въ Палестину» уже забыли всѣ жители мѣстечка, которые надѣялись «вскорѣ» сидѣть тамъ «каждый подъ своимъ винограднымъ кустомъ и смоковницей». А жизнь идетъ впередъ своимъ путемъ и измѣняетъ все. Но сумасшедшій по прежнему сидитъ въ своемъ темномъ углу, одинокій и молчаливый, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, не отвѣчая даже никому на вопросы. Его лицо сморщилось, живые глаза глубоко засѣли въ орбитахъ, разросшіеся на головѣ и въ бородѣ волосы всклокочены, одежда на немъ изношена, порвана. Кто на него ни посмотритъ, тотчасъ узнаетъ, что передъ нимъ сумасшедшій.

Та рѣчь его была послѣднимъ пламенемъ, вспыхнувшимъ въ его груди и вырвавшимся наружу. Съ тѣхъ поръ искра Божія въ немъ постепенно стала угасать, пока наконецъ смерть сжалась надъ нимъ и прекратила его муки.

Перев. Н. Шварцъ.

Духовный сіонизмъ и его главный пред- ставитель—Ахадъ-Гаамъ.

(Окончаніе).

V.

Книга «Ахадъ-Гаама», «На перепутьи», появилась въ 1895 г. Годъ спустя, въ 1896 г., появляется «Judenstaat» д-ра Герцля. Эта книга есть, въ сущности, повтореніе «Autoëmanicipation» д-ра Пинскера. И Герцль ищетъ не «страны израильской», а «страны для Израиля». Онъ хочетъ основать, какъ это мѣтко выразилъ «А.-Г.», не «jüdischen Staat» (еврейское государство), а «Judenstaat» (государство для евреевъ). Герцлю безразлично, гдѣ это государство будетъ основано: если Аргентина лучше для этой цѣли, то можно ее, по его мнѣнію, предпочесть Палестинѣ. Еврейскій языкъ не играетъ въ его глазахъ никакой роли, о духовной жизни еврейскаго народа, являющейся великимъ факторомъ въ дѣлѣ единенія и сохраненія націи, онъ и не заикается. И какъ ему говорить объ этомъ, когда онъ о нашемъ культурномъ достояніи и понятія не имѣетъ? Долгое время онъ почти что не зналъ, еврей-ли онъ или нѣтъ. Онъ вернулся къ своему народу благодаря внѣшнему гнету, благодаря росту антисемитизма въ Вѣнѣ. Въ его глазахъ мы одинъ народъ лишь потому, что у насъ есть одинъ общій врагъ. Не наша внутренняя, духовно-историческая жизнь сдѣлала насъ, по его мнѣнію, единой націей, а внѣшнее давленіе. Слѣдовательно, мы *главнымъ образомъ* должны стремиться не къ духовному возрожденію, а къ политическому могуществу. Герцль, правда, часто и, надо полагать, вполне

искренно говорить о духовных идеалахъ возрождающагося еврейства. Но это у него по необходимости остается пустою фразою; онъ не знаетъ нашихъ пророческихъ идеаловъ и не старается знать ихъ; онъ даже не научился еврейскому языку, не познакомился поближе съ еврейскою исторіею, съ еврейскими традиціями и съ вѣками выработанною, своеобразною еврейскою жизнью, какою она сохранилась лишь среди евреевъ восточной Европы.

То же самое приходится сказать и о Нордау. О немъ также долгое время не знали, еврей-ли онъ или нѣтъ. Извѣстно, съ какой яростію онъ обрушился на Библию—первоисточникъ нашей духовной жизни, въ своихъ «*Conventionelle Lügen*». Онъ самъ признается, что антисемитизмъ сдѣлалъ его евреемъ, т. е. что не внутреннее побужденіе, а внѣшнее принужденіе вернуло его къ нашему народу. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ ударяетъ на то, что еврейскія бѣдствія заключаются на Востокѣ—въ матеріальной нуждѣ и политическомъ безправіи, а на Западѣ—въ духовной нуждѣ и моральномъ гнетѣ. Но эта моральная и духовная нужда заключается не въ томъ, что интеллигентные евреи забываютъ про духовно-историческое наслѣдіе еврейства, про іудаизмъ съ его многовѣковыми и вѣчными духовными идеалами, а въ томъ, что западные евреи не допускаются въ высшее христіанское общество, не могутъ достигъ высшихъ чиновъ въ арміи и ординарныхъ каедръ въ университетахъ. Для того, чтобъ помочь такого рода бѣдамъ, необходима страна, гдѣ евреи добились-бы политической независимости, но неважно, будетъ-ли эта страна связана съ нашимъ историческимъ прошлымъ и съ нашими великими историческими надеждами, или нѣтъ. Объ еврейской культурѣ; подъ которой разумѣется еврейская литература съ ея несметными сокровищами, а также еврейская исторія и еврейскій языкъ, заботиться, слѣдовательно, нечего. И, дѣйствительно, на первыхъ двухъ конгрессахъ о ней говорятъ лишь въ послѣднія минуты передъ закрытіемъ конгрессныхъ засѣданій, а на третьемъ о ней много говорятъ, но почти ничего не

дѣлають ни для распространенія еврейскаго языка и еврейской исторіи, ни для развитія нашей національной литературы и, вмѣсто всего этого, воображеніе народное разжигается всевозможными дипломатическими намеками, неисполнимыми обѣщаніями и громкими фразами, ведущими къ праздному и зловредному политиканству.

Могъ-ли «А.-Г.», послѣ всего того, что мы знаемъ о его взглядахъ на основную идею и главныя задачи сіонизма, вполне примкнуть къ такому движенію, принявшему такую неприглядную форму?

Конечно, нѣтъ. Его глубокой идеализмъ возстаетъ противъ матеріализаціи сіонистской идеи Герцлемъ, Нордау и ихъ приверженцами, подобно тому какъ онъ протестовалъ противъ взглядовъ многихъ изъ старыхъ палестинофиловъ, смотрѣвшихъ на палестинскую идею какъ на рѣшеніе чисто-экономическаго вопроса. Его строгій эволюціонизмъ и историзмъ возмущаются, во-первыхъ, тѣмъ, что Герцль думаетъ на скорую руку устроить государство, которое на самомъ дѣлѣ можетъ развиться лишь постепенно и органически, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что для Герцля Палестина—не единственно возможная страна для еврейскаго народа, связаннаго съ нею неразрывными историческими узами. Онъ возмущается, наконецъ, тѣмъ, что Герцль думаетъ лишь о спасеніи страждущаго *еврейства*, но совершенно не заботится о спасеніи гибнущаго *иудаизма*, т. е. нашихъ духовно-національных и культурно-историческихъ приобрѣтеній.

И вотъ онъ выступаетъ въ редактируемомъ имъ, начиная съ 1896 г., ежемѣсячномъ журналѣ «Гашилоахъ» съ цѣлымъ рядомъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Къ вопросамъ дня» (*Lischeloth hajom*) и съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ изъ «Памятной книжки» (*Jalkut katon*). Надо было обладать настоящимъ героизмомъ, чтобъ въ такое время, когда сотни тысячъ евреевъ ликовали подъ влияніемъ перваго конгресса и аудіенціи, данной д-ру Герцлю императоромъ Вильгельмомъ въ самомъ Іерусалимѣ, выступить съ такимъ горячимъ протестомъ

противъ недостатковъ конгресса, противъ «высшей политики» д-ра Герцля и протавъ всего показного и раздутаго въ новомъ движеніи. Молодежь, прежде обожавшая «А.-Гаама», вдругъ отвернулась отъ него и стала смотрѣть на него какъ на врага сионизма. Противъ «Гашилоаха» велась самая некрасивая агитация, и въ одномъ крупномъ центрѣ русскаго еврейства демонстративно сожгли книжки этого почтеннаго журнала, въ которомъ, къ слову сказать, не было и слѣда какихъ-либо нападокъ на личность вождей сионизма. Но съ другой стороны, среди лучшей еврейской молодежи, не ослѣпленной дипломатическою мишурой, образовалась небольшая, но горячо преданная духовному сионизму партія такъ называемыхъ «ахадъ-гаамистовъ». Образуется новый терминъ «ахадъ-гаамизмъ», который еще и теперь въ большомъ ходу, хотя его все болѣе и болѣе вытѣсняють болѣе подходящіе термины культурнаго или духовнаго сионизма. Сама наличность слова «ахадъ-гаамизмъ» уже указываетъ на существованіе цѣльной ахадъ-гаамовской системы, находящейся въ антагонизмѣ съ политическимъ сионизмомъ или вѣрнѣе, съ герцлизмомъ. Чѣмъ объясняется этотъ антагонизмъ?

Мы уже видѣли въ предыдущихъ главахъ, что взгляды «А.-Гаама», несмотря на то, что они проникнуты глубокой духовностью и идеализмомъ, въ то же время основываются и на знаніи реальнаго положенія дѣлъ, и потому «А.-Г.» сопротивляется всякому необдуманному, слишкомъ послѣдному шагу. Этотъ реальный идеализмъ, если можно такъ выразиться, заставляетъ «А.-Гаама» бороться всѣми силами противъ герцлевскихъ затѣй. Прежде всего онъ старается доказать, что основаніе еврейскаго автономнаго государства *въ ближайшемъ будущемъ* есть чистѣйшая химера. Автономія за деньги не покупается и, какъ Турція ни бѣдна, она не соблазнится какими-нибудь нѣсколькими милліонами рублей, которые ей могутъ предложить политическіе сионисты.

Затѣмъ, въ Палестинѣ живетъ теперь около 300 тысячъ арабовъ, которые обрабатываютъ ея землю споконъ вѣковъ, и

смѣшно даже подумать, что Турція дастъ пришельцамъ, не имѣющимъ никакого *нравственного и фактическаго права* на страну, такъ какъ они для нея пока еще почти что ничего не сдѣлали, автономную власть надъ туземцами. Да и кромѣ того, еслибъ мы даже добились полной автономіи въ Палестинѣ, то и тогда социальныя и экономическія условія страны не дали бы возможности переселять туда больше, чѣмъ нѣсколько сотъ семействъ въ годъ. А если даже тысячи евреевъ переселятся ежегодно, то вѣдь въ восточно-европейскихъ странахъ еврейское народонаселеніе быстро умножается и, слѣдовательно, эмиграція въ Палестину, даже при полнѣйшихъ политическихъ гарантіяхъ, не разрѣшитъ еврейскаго вопроса съ его экономической стороны.

Что же касается духовной стороны еврейскаго вопроса, то въ этомъ отношеніи сіонизмъ восточныхъ евреевъ рѣзко отличается отъ сіонизма нашихъ западныхъ братьевъ или русско-еврейскихъ западниковъ. «Для западныхъ сіонистовъ существуетъ лишь нужда евреевъ, а для восточныхъ—нужда іудаизма; первая сокрушаетъ сердце *человѣка*, а вторая—сердце *націи*; первая чувствуется евреями, воспитанными въ духъ другихъ народовъ, а вторая—тѣми, которые воспитывались въ духъ іудаизма; первая есть продуктъ антисемитизма, и ея существованіе обусловливается его существованіемъ, а вторая является естественнымъ слѣдствіемъ истинной связи съ тысячелѣтнею культурою, которая останется во всей своей силѣ даже если страданія евреевъ прекратятся повсюду вмѣстѣ съ антисемитизмомъ, даже если всѣ евреи всѣхъ странъ будутъ матеріально обезпечены и коренные народы будутъ къ нимъ относиться какъ нельзя лучше и, какъ истыхъ братьевъ, допустятъ ихъ къ участию во всѣхъ отрасляхъ общественной и политической жизни». (Naschiloach, январь, 1898, III, 5—6).

Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что «А.-Г.» далеко не такой оптимистъ, который надѣялся бы на скорое исчезновеніе антисемитизма. Мы уже видѣли въ началѣ IV-й главы, говоря объ «Отрывкѣ», озаглавленномъ «Два міра», что во

всемъ, что касается еврейскаго вопроса, онъ мало надѣется на вліяніе гуманизма и эмансипаціи: юдофобія основана на *чувствѣ* вражды къ евреямъ, ставшемъ чуть-ли не наслѣдственнымъ, а эмансипація есть лишь слѣдствіе *логическихъ* умозаключеній. Эту мысль А.-Гаама развивалъ Максъ Нордау въ своей первой базельской рѣчи, и самъ «А.-Г.» примѣняетъ ее къ объясненію дрейфусовскаго процесса (см. Jalcut Katon, 27, Naschiloach, III, 366—368). Но онъ понимаетъ, что великая идея не можетъ и не должна основываться на одномъ, лишь внѣшнемъ давленіи. И, въ самомъ дѣлѣ, если сионизмъ есть лишь продуктъ антисемитизма, тогда евреи, живущіе въ Италіи, Англии, Венгріи и т. д., гдѣ антисемитизма нѣтъ, должны принимать участіе въ сионистскомъ движеніи лишь изъ боязни, чтобъ антисемитизмъ не появился и въ этихъ странахъ или же изъ чувства сожалѣнія къ менѣе счастливымъ братьямъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ сионизмъ не является больше насущной потребностью для всего еврейства. Другое дѣло, если на сионизмъ смотрѣть какъ на духовно-культурное движеніе. Мы уже знаемъ, насколько культурный центръ въ Палестинѣ необходимъ для возрожденія еврейско-національнаго духа. Въ такомъ центрѣ нуждаются всѣ евреи всѣхъ странъ, и западные, свободные, даже больше восточныхъ, угнетенныхъ. Ибо матеріально-обезпеченное и политически-свободное еврейство еще больше игнорируетъ еврейскую культуру. Значитъ, чѣмъ антисемитизмъ будетъ слабѣе, тѣмъ необходимѣе будетъ духовный сионизмъ съ его культурнымъ центромъ. Этотъ палестинскій центръ явится «центромъ подражанія» для всѣхъ евреевъ, во-первыхъ, потому что Палестина должна быть одинаково дорога всѣмъ евреямъ, какъ историческая родина наша, какъ древній центръ подражанія всего еврейства начиная съ александрійской эпохи и по сей день; а во-вторыхъ потому, что всѣ евреи всѣхъ странъ будутъ участвовать въ созиданіи этого національнаго центра. Его можно создать и безъ публично-правовыхъ гарантій; достаточно, чтобъ евреи получили отъ Турціи формальное разрѣшеніе селиться

въ Палестинѣ и пользоваться тамъ равноправіемъ, которое турецкіе евреи и безъ того уже имѣютъ. Эти переселенцы будутъ заниматься земледѣліемъ, ремеслами, промышленностью, наукой и литературой, и мало-по-малу палестинское еврейство, заключая въ себѣ здоровое земледѣльческое сословіе и обладая образцовыми національно-еврейскими школами, станетъ снова способнымъ внести въ общечеловѣческую духовную сокровищницу новыя великія идеи, плоды свободнаго творчества народа, живущаго въ духовной независимости отъ чужой культуры. Мало-по-малу евреи станутъ фактическимъ большинствомъ въ Палестинѣ, они своей культурной работой приобрѣтутъ моральное право на страну, и тогда у насъ будетъ настоящее, медленно развившееся, органическое еврейское государство, а не внезапное и искусственное (Heschiloach, III, 6). «А.-Г.» самъ очень мѣтко характеризуетъ различіе во взглядахъ, существующее между нимъ и герцлистами: «Въ моей «profession de foi» — говоритъ онъ — еврейское государство является не началомъ всего, а концомъ всего» (Тамъ же, III, 368).

Такимъ образомъ, его даже нельзя назвать противникомъ *политическаго* сіонизма: вѣдь онъ самъ надѣется на политическое возрожденіе еврейства, только въ болѣе далекомъ будущемъ. Онъ является лишь яркимъ противникомъ *дипломатическаго* сіонизма или герцлизма съ его игрой въ «высшую политику», съ его пресмыкательствомъ передъ «сильными міра сего». Это «А.-Гааму», какъ истому еврею, ученику пророковъ, въ высшей степени противно. Въ настоящее время государство не можетъ обойтись безъ войнъ, насилій, шпіонства и т. д. Еврейское государство, основанное теперь, было-бы игрушкой въ рукахъ сильныхъ міра сего, имѣло-бы всѣ недостатки современныхъ государствъ безъ ихъ политическаго могущества. Потомки пророковъ *такого* государства добиваться не должны. Времена измѣнятся, государственное устройство станетъ лучше, чище, и тогда евреи, заселивъ Палестину, добьются государства съ высшими національно-духовными функциями. А пока евреи не должны бездѣйствовать. Всѣ евреи всѣхъ

странъ должны найти одну общую матеріальную и духовную работу для того, чтобъ не потерять національной связи въ настоящемъ и общей надежды возрожденія въ будущемъ. А такую работу всё они могутъ найти въ созиданіи духовнаго центра въ Палестинѣ и въ общей единой культурной работѣ въ разсѣянніи. Вотъ почему «А.-Г.» такъ сильно настаиваетъ на необходимости медленной, неотложной и безпрерывной колонизаціи Палестины съ простаго разрѣшенія («колонизаціоннаго фирмана») Турціи: безъ такой колонизаціи основаніе культурнаго центра невозможно. Онъ борется съ Герцлемъ, который не хочетъ заниматься колонизаціей Палестины до тѣхъ поръ, пока у него не будетъ публично правовыхъ гарантій всѣхъ европейскихъ державъ. И въ то время, какъ мы будемъ заниматься политиканствомъ, нѣмцы и англичане пока захватятъ лучшія мѣста въ Палестинѣ... Онъ борется противъ герцлистовъ, которые могутъ удовольствоваться еврейскимъ государствомъ внѣ Палестины, напр. на островѣ Кипрѣ или въ Месопотаміи. Онъ указываетъ на тѣ статуты банка, которые даютъ возможность колонизировать какую-нибудь другую страну, и требуетъ ихъ немедленнаго исправленія. Онъ, наконецъ, возстаетъ противъ тѣхъ свѣженспеченныхъ сионистовъ, которые пренебрежительно относятся ко всякому историческому продукту еврейскаго духовнаго творчества, считая это все однимъ лишь ненужнымъ религіознымъ балластомъ. Дѣло въ томъ, что «А.-Г.» смотритъ и на еврейскую религію, даже на самый монотеизмъ, какъ на продуктъ національнаго творчества, какъ онъ это сжато и ясно выразилъ въ одной изъ своихъ прелестныхъ «замѣтокъ» (Jalkut katon, 33, Naschiloach, IV, 190—192). Ему дорого не догматическое въ еврейской религіи, а національно-историческое. Вотъ чего не понимаютъ ни Герцль и Нордау, ни ихъ приверженцы.

Вотъ каковы отношенія духовнаго сионизма къ политическому. Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе мыслящіе и вдумчивые сионисты болѣе склонны къ первому, чѣмъ къ послѣднему.

Уже на второмъ конгрессѣ большинство восточныхъ сіонистовъ отстаивало культуру и колонизацію и заставило избрать для нихъ особыя комиссіи. На третьемъ конгрессѣ политическія вождедѣнія Герцля были сведены къ «Хартіи отъ турецкаго султана», т. е. къ фирману или формальному разрѣшенію Порты на колонизацію Палестины. Достиженіе такого разрѣшенія «А.-Г.» вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ палестинскимъ дѣятелямъ 10 лѣтъ тому назадъ: вѣдь онъ самъ, какъ мы видѣли, еще ядало до Герцля былъ противъ «инфильтраціи» и верадыванія въ Палестину. Можно съ увѣренностью сказать, что въ ближайшемъ будущемъ, политическіе сіонисты еще больше проникнутся его взглядами, и тогда духовный сіонизмъ станетъ *сіонизмомъ вообще*: какъ всякая великая идея, сіонизмъ будетъ имѣть основаніемъ великіе *духовные* идеалы и стремленіе къ *внутреннему* возрожденію.

VI.

Намъ еще осталось выяснить отношеніе «духовнаго сіонизма» Ахадъ-Гаама къ «духовному націонализму» С. М. Дубнова.

Что у нихъ есть много общаго — это показываетъ само слово «духовный», общее тому и другому. «Протестъ С. М. Дубнова не только противъ ассимиляціи, но и противъ отсутствія настоящей духовности въ новомъ движеніи политическаго сіонизма, выраженъ съ такой-же силой, какъ и во многочисленныхъ статьяхъ «А.-Гаама», у котораго этотъ протестъ вытекаетъ изъ всей уже знакомой читателямъ системы его. Но что касается положительной стороны духовнаго націонализма, то напрасно С. Дубновъ считаетъ ее очень близкой къ духовному сіонизму. С. М. Дубновъ говоритъ, что вся разница между духовными націоналистами и духовными сіонистами «сводится къ тому, что одни проповѣдуютъ національное возрожденіе, обращаясь лицомъ на Востокъ, а другіе дѣлаютъ это, обращаясь лицомъ на Западъ» («Восходъ», мартъ 1898, стр. 137). Но насколько

взгляды Дубнова далеки отъ взглядовъ «Ахадъ-Гаама» легко видѣть изъ слѣдующей фразы перваго: «Приливъ и отливъ національнаго духа — явленія, постоянно чередующіяся въ еврейской исторіи. Новый приливъ спасъ бы шатающуюся еврейскую интеллигенцію и безъ той *случайной частности* національнаго движенія, которая называется *ціонизмомъ*». (Тамъ же, апрѣль, 1898, стр. 16). Тотъ, кто помнитъ основную идею, красной нитью проходящую черезъ всѣ «Отрывки» «А.-Гаама», кто помнитъ, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ и съ какой настойчивостью «А.-Г.» доказываетъ, что *сіонизмъ* — это *историческая необходимость*, что вся еврейская исторія, все наше духовное развитіе подготовили это великое движеніе, объединяющее прошедшее и будущее, европейскую гражданственность съ еврейскимъ мессіанствомъ, политическія стремленія съ идеалами пророковъ, — кто все это еще помнитъ, тотъ легко пойметъ, какая пропасть лежитъ между взглядомъ «Ахадъ-Гаама» на *сіонизмъ*, какъ на продуктъ всей нашей исторіи, и между взглядомъ Дубнова на этотъ же *сіонизмъ*, какъ на «случайную частность», безъ которой еврейско-національное движеніе легко могло бы обойтись или даже распространилось бы гораздо быстрее!.. Нѣсколько ниже г. Дубновъ говоритъ о духовныхъ *сіонистахъ* слѣдующее: «Они въ сущности признаютъ цѣликомъ нашу программу внутренняго возрожденія, но прибавляютъ: что исполнѣ свободное и самобытное развитіе еврейской націи возможно лишь на «исторической» (ковычки г-на Дубнова) почвѣ Палестины, а потому тяготѣніе къ Палестинѣ и вѣра, что она можетъ стать нашимъ національнымъ центромъ хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, могутъ поддерживать въ евреяхъ этотъ идеалъ свободнаго развитія. Такая формулировка *ціонизма* можетъ привести на дѣлѣ къ особаго рода *философскому мессіанизму* (курсивъ г-на Дубнова), противъ котораго и духовные націоналисты ничего не имѣютъ, какъ противъ *психическаго фактора*». (Тамъ же, стр. 20). Насколько все это невѣрно, читатель уже знаетъ изъ всего вышеизло-

женнаго. «Ахадгаамизмъ» не приводитъ къ «философскому мессіанизму», т. е. къ бездѣлю, потому что онъ требуетъ реальныхъ дѣйствій: постепенной колонизаціи Палестины при первой возможности, устройства школъ въ Палестинѣ, и т. п.; и долженствующій такимъ путемъ образоваться духовный центръ онъ считаетъ не простымъ «психическимъ факторомъ», а ядромъ, изъ котораго современемъ образуется еврейское государство. Г. Дубновъ называетъ журналъ «Гашилоахъ», редактируемый «Ахадъ-Гаамомъ», «органомъ умѣренного сіонизма». (Тамъ же, июнь, 1899, стр. 55, примѣч.). Я увѣренъ, что «А.-Г.» этого «достоинства» за своимъ журналомъ не признаетъ. И дѣйствительно, если въ сіонизмѣ главнымъ является не «Judenstaat», а Сіонъ, тогда «А.-Г.»—не «умѣренный сіонистъ», а ультра-сіонистъ, которому мало устройства еврейскаго государства: это государство еще должно непременно находиться въ Сіонѣ. Это — настоящій, даже если хотите, крайній сіонизмъ, который во всякомъ случаѣ очень далекъ отъ духовнаго націонализма, желающаго, чтобъ всѣ евреи остались въ Европѣ и смотрѣли на Сіонъ лишь съ «трогательнымъ піэтизмомъ». Еслибы антисемитизмъ прекратился, многіе изъ политическихъ сіонистовъ, быть можетъ, и стали бы такъ смотрѣть на Сіонъ, оставаясь въ Европѣ, но ужъ отнюдь не духовные сіонисты, и меньше всего вождь ихъ. Что онъ очень далекъ отъ духовнаго націонализма—это «А.-Г.» высказалъ неоднократно. Такъ напр., онъ, говоритъ въ одной замѣткѣ, что «хотя еврейскіе пророки создали и легѣвали великій идеалъ воцаренія справедливости и хотя этотъ общечеловѣчскій идеалъ былъ и будетъ всегда частью національнаго идеала еврейства, — однако и пророки и даже народъ вообще усматривали всегда тѣсную связь между этимъ идеаломъ и *возрожденіемъ Израиля въ его странѣ*. Двойная глубокая, хотя и не всегда ясная вѣра жила въ душѣ націи во всѣ времена, что только возродившись на національной почвѣ, а не будучи разсѣянной и смѣшанной съ другими націями, ова выполнить моральную «миссію», которую ей

заповѣдали пророки; и что только выполненіе этой моральной мисси, а не политическое могущество и матеріальная сила, составляетъ цѣль ея національнаго возрожденія. Слѣдовательно, тотъ, кто хочетъ отдѣлить эти двѣ тѣсно связанныя идеи одну отъ другой и уврѣтъ «мессіаниззмъ» лишь въ одной изъ нихъ—либо въ одной моральной дѣятельности, лишенной національнаго базиса (въ смыслѣ возрожденія въ Сионѣ), либо въ одномъ политическомъ возрожденіи, лишенномъ моральнаго основанія,—тотъ отдаляется отъ духа народа и отъ историческихъ идеаловъ, которые были его утѣшеніемъ во всѣхъ его бѣдствіяхъ съ древнихъ временъ и по сей день» (Jalkut Katon, 26, Naschiloach, III, 175—176).

Но «А. Г.» посвятилъ духовному націонализму одну специальную статью¹. Читателямъ «Восхода» знакома сущность этого ученія. Кромѣ отрицанія ассимиляціи и признанія за евреями права считаться духовной націей, духовный націонализмъ утверждаетъ, что евреи, живущіе въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ, должны требовать отъ европейскихъ государствъ не только человѣческихъ, т. е. гражданскихъ правъ, но и духовно-національныхъ. «А. Г.» считаетъ удовлетвореніе *такихъ* требованій не только невозможнымъ, но, въ извѣстной мѣрѣ, даже несправедливымъ. «Большая разница между признаніемъ права того или другого индивидуума на участіе наравнѣ съ другими въ гражданской жизни страны, въ которой ивстари жили его предки, и признаніемъ историческаго права чужой народности жить отдѣльной національной жизнью въ странѣ, которую при заселеніи даже *эта самая народность* не считала своею. Въ концѣ концовъ, и собственность дѣло соглашенія, и до тѣхъ поръ, пока люди будутъ признавать право частной собственности, и національная собственность не можетъ считаться противорѣчащей справедливости...» (Русскій переводъ, стр. 16—17).

¹ Переведена на русскій языкъ Яковомъ Л—номъ подъ названіемъ „На пути къ сионизму“. Изданіе товарищества „Ахисафъ“. Одесса, 1899.

Но если мы даже допустимъ, что всѣ націи во всѣхъ странахъ когда-нибудь признаютъ національныя права еврейскаго народа, то и тогда евреи не достигнутъ въ Европѣ полной, самобытной, національно-духовной жизни. «Вѣдь сама справедливость, именемъ которой слабый требуетъ своихъ правъ у болѣе сильнаго, не обязываетъ послѣдняго поступаться его собственными правами тамъ, гдѣ имъ противорѣчать права слабого и гдѣ они не могутъ уживаться рядомъ. А между тѣмъ, никакія права и интересы въ мірѣ не способны такъ часто сталкиваться и рѣзко противорѣчить другъ другу, какъ національныя права и интересы двухъ народовъ, живущихъ вмѣстѣ, — не одинъ *возлѣ* другого, рядомъ, какъ въ Швейцаріи, а одинъ *среди* другого, смѣшанно, какъ въ нѣкоторыхъ изъ австрійскихъ провинцій. Во всѣхъ наиболѣе важныхъ сторонахъ государственной жизни, каковы: воспитаніе, судъ, общественные обычаи, языкъ, наука и проч., невозможно одновременное господство различныхъ національностей, невозможно, чтобъ каждая нація въ одно и то же время вносила во все это свою индивидуальность и чтобъ ихъ наклонности не сталкивались. Во всѣхъ этихъ сторонахъ жизни меньшинство слѣдуетъ по необходимости и по справедливости большинству, которому оно должно безропотно подчиняться, какъ это практикуется и при столкновеніи гражданскихъ правъ единичныхъ личностей. А такъ какъ нашъ народъ повсюду составляетъ меньшинство, то имѣетъ ли онъ право надѣяться, что въ одинъ прекрасный день онъ сдѣлаетъ зажить всесторонней и полной національной жизнью въ европейскихъ странахъ?» (Тамъ же, стр. 17 — 18).

Такою всестороннею и полною жизнью мы можемъ зажить лишь въ той странѣ, въ которой, вслѣдствіе ея маловаселенности, мы легко сможемъ стать *большинствомъ*, «въ странѣ, относительно которой наши историческія права неоспоримы и не нуждаются въ сомнительныхъ доказательствахъ. Лишь въ исторической атмосферѣ этой страны наша національная жизнь дѣйствительно разовьется въ нашемъ духѣ, не сужи-

ваясь и не сосредоточиваясь лишь на нѣкоторыхъ ограничен-
ныхъ отрасляхъ; и лишь тогда будетъ жить надежда на
возрожденіе и въ сердцахъ остальныхъ евреевъ, разсѣянныхъ
по лицу земли, ибо этотъ національный центръ окажетъ
духовное вліяніе и на нихъ и дастъ имъ силу жить *его*
жизнью, несмотря на то, что въ странахъ ихъ разсѣянія
они будутъ лишены національныхъ правъ». (Тамъ же, стр.
18—19; Haschiloach, III, 294—295).

На основаніи всего этого, «А.-Г.» смотрѣлъ на духовный
націонализмъ, какъ на одну изъ переходныхъ стадій по пути
къ сионизму, и съ этой точки зрѣнія ему настоящіе духовные
націоналисты дороже иныхъ свѣжеиспеченныхъ «неосионистовъ».
Ибо, въ то время, какъ эти послѣдніе мало интересуются
нашими духовными идеалами, духовные націоналисты ими
только и живутъ. Для «Ахадъ-Гаама» идеалы этихъ послѣд-
нихъ не все, но главное въ жизни народа. Онъ присоеди-
няетъ къ нимъ и надежду на возрожденіе еврейства въ
странѣ отцовъ, которая была всегда однимъ изъ самыхъ за-
вѣтныхъ и существенныхъ среди историческихъ идеаловъ
нашего народа. Утвержденіе С. М. Дубнова, будто «путь, ука-
занный духовными націоналистами», является «*продолженіемъ*
(курсивъ г-на Дубнова) того пути, по которому мы, съ раз-
личными колебаніями, идемъ уже двѣ тысячи лѣтъ» («Вос-
ходъ», іюнь, 1899, стр. 63), — кажется намъ по меньшей
мѣрѣ страннымъ. Г. Дубновъ, придающій такое значеніе
историческимъ идеямъ, *историческимъ* факторамъ и т. п.,
упускаетъ изъ виду историческую же идею «освобожденія»
(Geulah) и историческую неразрывную связь всего еврейства
съ надеждой на политическое возрожденіе въ Сионѣ. Отнимите
у еврейства эту идею и эту надежду, и вы у него вырываете
часть органически съ нимъ сросшихся національныхъ упованій,
вы изъ него дѣлаете народъ, имѣющій прошлое и настоящее,
но лишенный будущаго, или, вѣрнѣе, лишенный такого бу-
дущаго, которое было бы тѣсно связано съ прошедшимъ.
Вотъ что, главнымъ образомъ, разъединяетъ Дубнова и «Ахадъ-

Гаама». Но нѣтъ сомнѣнiя, что у нихъ есть много общаго. Пятая статья въ серiи «Къ вопросамъ дня», послужитъ этому подтвержденiемъ. Эта статья посвящена вопросу о *національной этикѣ* (Mussar leumi).

Извѣстно, что большинство приверженцевъ еврейской-національной идеи — будь это духовные націоналисты или сионисты какого бы то ни было оттѣнка (вѣдь сионизмъ безъ націонализма немислимъ) — не признаетъ религиозно-догматической части иудаизма. Национализмъ этихъ невѣрующихъ проявляется въ изученiи еврейскаго языка, еврейской исторiи и литературы и въ воспитанiи дѣтей при помощи языка, литературы и исторiи. Но всего этого недостаточно. Все это имѣетъ отношенiе лишь къ той національной связи, которую личность имѣетъ со своимъ народомъ и его культурнымъ достоянiемъ. Необходимо еще нѣчто такое, что проникало бы личную, внутреннюю жизнь каждаго члена наци, всѣ его поступки и помыслы. Его национализмъ долженъ быть тѣсно связанъ съ реальной живнью, и его духовный идеалъ долженъ проникнуть въ тайники его души и тамъ соединиться со всѣми его чувствами и наклонностями въ такой мѣрѣ, чтобы этотъ человекъ чувствовалъ его присутствiе во всякое время, постоянно, а не случайно, и находилъ въ немъ путеводителя во всѣхъ дѣлахъ жизни» (Naschiloach, январь, 1899, V, 13). Лишь тогда национализмъ перестанетъ быть для него только правдой забавой въ досужее время и станетъ *modus vivendi*, которымъ онъ долженъ фактически руководиться въ жизни. Это все можетъ дать истинному националисту еврейско-національная этика. Эту истину нужно отдѣлить отъ религи, съ которою, правда, мораль была тѣсно связана въ продолженiе многихъ лѣтъ, но съ которою послѣдняя далеко не тождественна.

Религи и мораль находятся съ давнихъ поръ въ постоянномъ взаимодействiи, но тѣмъ не менѣ каждая изъ нихъ имѣетъ особое основанiе въ душѣ человека. Религи очень часто оказывала на мораль весьма благотворное влiянiе. Ре-

лигіозный идеаль, божество, надѣлялся и самыми высокими моральными качествами, какія только считались таковыми въ то время, когда это божество утвердилось въ религіозномъ сознаніи. И древній, дикій и страстный человекъ старался подражать моральнымъ добродѣтелямъ своего божества, изъ любви къ нему или изъ боязни его гнѣва. Но когда мораль, развиваясь, уходитъ дальше той ступени развитія, на которой она находилась при возникновеніи первобытной ралигіи, нравственность божества мало-по-малу отстаетъ отъ нравственныхъ понятій выдающихся людей болѣе поздняго времени. Платонъ, напр., стоитъ въ своей нравственности на гораздо болѣе высокой ступени, чѣмъ Зевесъ или Аполлонъ. Лукрецій считаетъ религію своего времени источникомъ многихъ золъ. Этика опережаетъ религію, и эта послѣдняя принуждена очистить божество отъ всего того, что начинаетъ считаться моральнымъ пятномъ, или же на смѣну менѣе моральной религіи приходитъ болѣе моральная, какъ это случилось съ греко-римскимъ и арабскимъ язычествомъ, смѣнившимися христіанствомъ и исламомъ.

Такимъ образомъ оказывается, что религія только усиливаетъ и поддерживаетъ *моральное тотнне*, но моральное *содержаніе* обуславливается совершенно другими причинами, благодаря которымъ видоизмѣняется и самъ религіозно-моральный идеаль. Эти причины коренятся въ историческомъ развитіи человечества. А такъ какъ каждая нація имѣетъ особое историческое развитіе, то, очевидно, и національная мораль должна быть у разныхъ народностей разная: «Характеръ и потребности каждаго народа, его матеріальное и духовное положеніе, превратности его историческихъ судебъ въ различныхъ времена,—все это придаетъ особую окраску его отношенію къ явленіямъ жизни и, вслѣдствіе этого, также его нравственнымъ понятіямъ и ихъ воплощенію въ дѣйствительности» (Тамъ-же, V, 5).

Еврейскій народъ, который вель всегда столь отличную отъ жизни другихъ народовъ историческую жизнь, несомнѣнно

имѣть особую національную мораль, обусловленную именно этою историческою жизнью и духовнымъ творчествомъ еврейскаго народнаго генія.

Не всегда легко опредѣлить, въ чемъ заключаются особенности этой морали, но нѣтъ сомнѣнiя, что онѣ существуютъ. «А.-Г.» это поясняетъ примѣромъ, взятымъ изъ драмы Макса Нордау, «Докторъ Конъ», недавно появившейся и въ русскомъ переводѣ. Тамъ еврей-націоналистъ, очень близкій къ сiонизму, выходитъ на дуэль съ христiаниномъ изъ-за того, что этотъ послѣднiй назвалъ его, еврея, трусомъ,—и еврей умираетъ будто за честь своего народа. Въ этомъ «А.-Г.» усматриваетъ еще одно лишнее доказательство тому, что націонализмъ Нордау ничего общаго съ этикой еврейства не имѣетъ. Ибо настоящая честь еврейства страдаетъ не отъ того, что какой-нибудь дуракъ назоветъ евреевъ трусами, а отъ того, что изъ-за какой то глупой выходки проливается кровь человѣческая. Вотъ въ чемъ проявляется особенность національно-еврейской морали. Еслибъ наши націоналисты и сiонисты старались поглубже вникнуть въ духъ iудаизма, они бы нашли много такихъ особенностей. Вотъ почему «А.-Г.» совѣтуетъ имъ основывать кружки, которые занимались бы теоретическою разработкой вопросовъ нашей національной этики, съ тѣмъ, чтобы результатами, добытыми въ такихъ кружкахъ, руководствоваться потомъ въ практической жизни. Какъ извѣстно, такiе кружки, не имѣющiе никакихъ религiозныхъ или антирелигiозныхъ тенденцiй, были впервые основаны дѣтъ 20 тому назадъ въ Англiи евреемъ, д-ромъ Феликсомъ Адлеромъ. Затѣмъ они распространились и въ Германiи, гдѣ они носятъ названiе «Vereine für ethische Kultur», имѣютъ свои спеціальныя органы печати, и въ нихъ принимаютъ участiе весьма видные ученые и писатели. Хотя «Vereine für ethische Kultur» носятъ болѣе теоретическiй характеръ, но нѣтъ сомнѣнiя, что члены ихъ, проникаясь основными принципами національной этики, перенесутъ эти принципы изъ области теорiи въ практическую жизнь. Ибо «мораль, какъ поясняетъ «А.-Г.»,—есть

прямое соотношеніе между внутреннимъ духомъ и внѣшней жизнью, и разъ человѣкъ привыкъ относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни сообразно съ національной моралью, хотя бы онъ это въ началѣ дѣлалъ лишь механическимъ образомъ, по привычкѣ,—онъ въ концѣ концовъ почуветь въ сердцѣ своемъ живой родникъ, изъ котораго истекаетъ національная мораль, и тогда эта мораль станетъ для него чѣмъ-то естественнымъ, исходящимъ само собою изъ глубинъ его души» (Тамъ же, V, 6).

Я думаю, что подъ этой интересной статьёй въ духовные націоналисты подпишутся обѣими руками.

Я позволю себѣ изложить еще одну послѣднюю статью «Ахадъ-Гаама», имѣющую прямое отношеніе къ вопросу о національной морали. Всѣ остальные статьи «А.-Гаама» въ «Гашилоахъ» я принужденъ, по недостатку мѣста, обойти молчаніемъ.

С. Дубновъ какъ то разъ назвалъ тотъ крайній политическій сионизмъ, который преклоняется лишь передъ матеріальной силой и политическимъ могуществомъ, «извращеннымъ нищенствомъ». Но у насъ въ еврейской литературѣ существуютъ слава Богу, и «настоящіе» нищенцы. И они возстаютъ противъ «рабской морали» пророковъ, восхваляютъ изверга Ирода и порицаютъ кроткаго Гиллея. Одна нищенствующая статья, напечатанная въ журналѣ «Mimizrach umimaagabh» Брайнина, подала «А.-Гааму» поводъ высказаться о своемъ отношеніи ко взглядамъ Ницше и его еврейскихъ подражателей. Это отношеніе, разумѣется, отрицательное, но это отрицаніе вылилось, какъ все, выходящее изъ подъ пера «А.-Гаама», въ весьма своеобразную форму.

Прежде всего «А.-Г.» характеризуетъ сущность взглядовъ нашихъ доморожденныхъ нищенцевъ слѣдующимъ образомъ: «Весь ходъ жизни нашего народа со временъ пророковъ и по сію пору кажется имъ одной сплошной ошибкой, требующей немедленнаго и радикальнаго исправленія. Ибо во всѣ эти вѣка еврейство усиливало духовный отвлеченный идеалъ на-

счетъ матеріальной, реальной силы, «книгу» насчетъ «меча», и, такимъ образомъ, оно подавляло въ сердцахъ евреевъ стремленіе къ возвеличенію индивидуальной силы, подчиняло «настоящую жизнь» какой то «тѣни жизни», и живой, реальный еврей сталъ какъ бы добавленіемъ къ отвлеченной этической доктринѣ. Въ такомъ состояніи нашему народу больше невозможно жить среди другихъ націй, тѣмъ паче—устроить свою національную жизнь въ родной странѣ, а потому теперь, когда у насъ пробудилось желаніе національнаго возрожденія, мы прежде всего должны *переоцѣнить все моральныя цѣнности*, имѣющія власть надъ нами, безжалостно разрушить сразу все историческое зданіе, унаслѣдованное нами отъ нашихъ предковъ и построенное на основаніи этой опасной ошибки предпочтенія духа матеріи и подчиненія индивидуальной жизни отвлеченнымъ моральнымъ законамъ, — и построить новое зданіе съ самаго начала на основаніи «новыхъ цѣнностей», которыя придадутъ матеріальной силѣ большее значеніе, чѣмъ духовной, снимутъ оковы съ жаждущей жизни души и пробудятъ въ ней особую любовь къ укрѣпленію ея силы и ея воли, дабы она добивалась своихъ вождельнѣй кулачною силою, въ неограниченной свободѣ» (Naschiloach, августъ, 1898, IV, 97).

Что такое ученіе въ такой формѣ чуждо іудаизму — это очевидно. Это ученіе взято цѣликомъ у Ницше съ его требованіемъ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». Читатели, которые помнятъ еще, какихъ взглядовъ «А.-Г.» придерживается по отношенію къ подражанію чуждымъ идеямъ, поймутъ почему онъ не вполне отрицательно относится къ перенесенію идеи Ницше на еврейскую почву. Онъ отвергаетъ лишь рабское подражаніе, лишь простое обезьянничанье, какимъ является въ данномъ случаѣ еврейское ницшеанство. Онъ, какъ мы видѣли, требуетъ соревновательнаго подражанія, стремящагося къ проявленію индивидуальности подражателя такимъ же образомъ, какимъ подражаемый субъектъ проявилъ *свою* индивидуальность. Вотъ почему еврейскіе писатели должны, по его мнѣнію, и систему Ницше подчинить національной индивидуаль-

ности еврейскаго народа. Надо взять изъ этой системы лишь то, что есть въ ней дѣйствительно хорошаго, и это примѣнить къ основнымъ идеямъ, выработаннымъ историческимъ иудаизмомъ. Съ этой цѣлью «А.-Г.», превосходно изложивъ сущность ницшевской доктрины, разлагаетъ ее на ея составныя части. Дѣйствительно оригинальнымъ и существеннымъ въ ней оказывается лишь понятіе о постепенно вырабатывающемся (въ дарвинистскомъ смыслѣ) высшемъ «родовомъ типѣ», о «сверхчеловѣкѣ», стоящемъ неизмѣримо выше большой массы и воплощающемъ самое высшее развитіе человѣческаго рода. Но почему же непременно представить себѣ сверхчеловѣка въ образѣ «blonde Bestie», какъ этого хочетъ аріецъ и сородичъ Бисмарка, Фридрихъ Ницше? Если сверхчеловѣкъ есть воплощеніе наивысшаго развитія человѣческихъ способностей, то почему этимъ способностямъ непременно быть звѣрскими? Мы, евреи, также можемъ воспринять понятіе сверхчеловѣка, какъ идеальное развитіе моральныхъ свойствъ человѣческаго рода: высшее проявленіе моральной силы, вѣчную и непримиримую борьбу съ ложью и зломъ въ защиту правды и справедливости, великія, крайнія моральныя требованія отъ себя и отъ другихъ и т. п.,—словомъ, все то, что *еврейство* считаетъ высшимъ моральнымъ развитіемъ и высшимъ этическимъ идеаломъ. Это тоже будетъ ницшеанствомъ, но *ницшеанствомъ еврейскимъ*.

И такое «еврейское ницшеанство» въ сущности уже существуетъ. Ницше самъ часто смѣшивалъ еврейство съ христіанствомъ и одинаковымъ образомъ нападалъ на то и на другое. Но на самомъ дѣлѣ между ними вѣдь лежитъ цѣлая пропасть. Еврейство, основанное на идеѣ справедливости, никогда не проповѣдывало одного лишь милосердія и самоотреченія, и еврейскій сверхчеловѣкъ никогда не былъ лишь прислужникомъ большой массы. Въ еврействѣ на «праведника» (*Zadik*), воплощающаго всѣ высшія духовныя качества *моральнаго сверхчеловѣка*, смотрять такъ, какъ будто «весь міръ созданъ

лишь изъ-за него одного» (Тамъ же, IV, 100—101). Онъ — сверхчеловѣкъ потому, что онъ силенъ и могучъ духомъ, твердъ въ преслѣдованіяхъ своихъ моральныхъ цѣлей, крайне высокъ въ моральныхъ требованіяхъ отъ себя и другихъ, непримиримъ и безстрашенъ въ своей духовной независимости какъ отъ взглядовъ толпы, такъ и отъ прихотей сильныхъ міра сего. Не является ли еврейскій пророкъ настоящимъ воплощеніемъ *такого* сверхчеловѣка, такого высшаго «родового типа», выработаннаго человѣчествомъ на іудейской національной почвѣ?..

Но «А.-Г.» пошелъ еще дальше. Онъ нашелъ въ еврействѣ дальнѣйшее развитіе самой ницшеанской идеи въ такой видоизмѣненной формѣ.

. Для того, чтобъ появленіе сверхчеловѣка стало болѣе возможнымъ и болѣе частымъ, необходима благоприятная почва, подходящая духовная атмосфера. Такую духовную атмосферу можетъ доставить лишь такой народъ, «духовныя особенности котораго дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ моральному развитію, чѣмъ всѣ остальные народы, и вся жизнь котораго проникнута этическимъ ученіемъ, возвышающимся надъ обыкновеннымъ и общезвѣстнымъ типомъ» (Тамъ-же, IV, 101). Такой народъ будетъ «сверхъ-народомъ» (*amelion*), народомъ-гениемъ, возвышающимся надъ толпой другихъ народовъ; Израиль, котораго самъ Ницше назвалъ: «*Génie-volk*», именно и является такимъ «высшимъ типомъ» среди народностей. Онъ — «Богомъ избранный народъ», выше стоящій надъ другими націями не политическимъ могуществомъ, а моральною силою. Онъ, какъ наивысшій моральный типъ, имѣетъ, какъ и сверхчеловѣкъ у Ницше, наибольшія и наитруднѣйшія моральныя обязанности. Какъ «высшій родовой типъ», онъ долженъ остаться меньшинствомъ и не можетъ дѣлиться съ кѣмъ-бы то ни было своими великими обязанностями, а потому не гонится за прозелитами. Онъ вовсе не живетъ ради массы другихъ націй, онъ вовсе не имѣетъ «миссія» осчастливить другія народности. Его существованіе какъ высшій типъ,

какъ избранникъ Божій, есть самодовлѣющая цѣль. «Пророки, правда, выразили надежду, что еврейство окажетъ благотворное вліяніе и на моральныя представленія всѣхъ другихъ народовъ. Но это они себѣ представили какъ слѣдствіе, должствующее появиться *само-собою* изъ факта существованія высшаго моральнаго типа во Израилѣ, но существованіе Израиля вовсе не имѣетъ цѣлью то, чтобы Израиль *добивался* чего-либо подобнаго» (Тамъ-же, стр. 102). И, быть-можетъ, весь трагизмъ еврейской жизни заключается въ томъ, что мы, оторванные отъ родной почвы и поставленные въ неестественныя условія развитія, пока не можемъ, несмотря на инстинктивно - чувствуемую нами «избранность» нашу, достигнуть того высшаго моральнаго усовершенствованія, которое необходимо высшему типу моральной націи, — «моральному сверхъ-народу»...

Вотъ что еврейскіе писатели могли-бы найти въ системѣ Ницше, еслибъ они относились къ ней съ большей самостоятельностью, еслибъ ихъ подражаніе было-бы не самостушеваніемъ, а соревнованіемъ. Имъ не пришлось-бы тогда требовать отъ сорокавѣковаго народа «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей» немедленной и огульной отмѣны всѣхъ духовно-историческихъ идеаловъ, — какъ будто національная мораль есть нѣчто случайное, искусственно созданное единичными личностями, а не продолжительнымъ историческимъ процессомъ, и стоитъ только нѣкоторымъ еврейскимъ ницшеанцамъ захотѣть, чтобы всѣ цѣнности сразу были переоцѣнены, чтобы «рабская мораль» исчезла и чтобы «книга» смѣнилась «мечемъ», а пророки — «бѣлокурой bestiей»!..

Наша задача — подробно изложить статьи «Ахадъ-Гаама» и, такимъ образомъ, дать возможно ясное представленіе о духовномъ сионизмѣ — можетъ считаться выполненною. Надѣмся, что читатель видитъ теперь всю стройность и цѣльность доктрины этого выдающагося еврейскаго мыслителя. Всѣмъ стало ясно, что въ его произведеніяхъ имѣется весьма значительное

количество новыхъ взглядовъ, оригинальныхъ идей,—быть можетъ, большее количество, чѣмъ у кого-бы то ни было изъ еврейскихъ писателей современности. Глубокая духовность, проникающая все ахадъ-гаамовское мировоззрѣніе, его великій идеализмъ, не игнорирующій дѣйствительности, но старающійся приблизить ее къ идеалу, необыкновенная глубина его воззрѣній, въ высшей степени одухотворенныхъ, но далеко не безплотныхъ и безкровныхъ, современность его взглядовъ, основанныхъ на новѣйшей философіи и наукѣ, и — last not least безподобный его стиль, какъ нельзя болѣе приближающійся къ тому, что нѣмцы называютъ «*vornehm*»,—все это обезпечиваетъ за его произведеніями продолжительное и благотворное вліяніе на лучшую еврейскую молодежь. Можно, конечно, спорить съ его взглядами, даже бороться съ ними, но нельзя не признать за ними оригинальности, глубины и строгой послѣдовательности. Быть можетъ, найдутся писатели, которые позаймутся подробной критикой этихъ взглядовъ; мы же хотѣли только обратить вниманіе болѣе широкой еврейской публики на одну изъ наиболѣе выдающихся доктринъ, выработавшихся у насъ въ послѣднее время,—доктрину затрогивающую всѣ вопросы еврейской жизни и очень сильно волнующую умы нашей молодежи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что такой глубокой и своеобразной доктринѣ, какъ духовный сіонизмъ, предстоитъ сыграть весьма важную роль во всемъ дальнѣйшемъ развитіи какъ еврейства, такъ и іудаизма.

І. Клаузнеръ.

Стихотворенія

А. Георгіевой.

Г д ѣ ж е р о д и н а!

Многотысячный народъ,
Какъ и прежде, такъ и нынѣ
Все идетъ изъ года въ годъ
Въ неизвѣданной пустынѣ.

То покоренъ небесамъ,
Строить Господу онъ храмы,
То опять златымъ тельцамъ
Воскуряетъ фиміамы!

И племень великихъ сынъ,
Онъ теперь вездѣ гонимый,
Всѣмъ чужой и нелюбимый,
Хоть и Богъ у всѣхъ Одинъ.

Многотысячный народъ
Какъ и прежде, такъ и нынѣ,
По пустынѣ все идетъ,
Умирая на чужбинѣ.

Есть у всѣхъ своя земля,
Онъ одинъ ея не знаетъ...
«Гдѣ же родина моя?»
Онъ пустыню вопрошаетъ...

Безконечно-длинный путь...
Все молчить въ дали туманной...
О, дойти-ль когда-нибудь
До земли обѣтованной!..

Изъ книги Ездры.

Ездра, гл. 16; § 55 — 65.

Дѣла людей и всѣ ихъ помышленья,
 И первый и послѣдній слабый вздохъ,
 И сердца чуть замѣтныя движенья—
 Все знаетъ Богъ!

Творецъ земли, небесъ необозримыхъ,
 Онъ знаетъ счетъ безчисленнымъ мірамъ
 И видитъ тайны безднъ неизмѣримыхъ,
 Повелѣваетъ Онъ громамъ!

Въ своихъ брегахъ ему покорно море,
 И небеса простеръ Онъ какъ шатеръ,
 Пролилъ рѣку въ затѣйливомъ узорѣ
 Съ вершинъ недостижимыхъ горъ!

И человѣку жизнь безсмертную давая,
 Онъ сердце-пламень въ грудь ему вложилъ,
 Могучій умъ, далекій отблескъ рая,
 Крылатой мыслью озарилъ!

Нѣтъ, намъ не скрыть грѣховъ отъ Провидѣнья,
 Движенье мысли, самый тихій вздохъ,
 И сердца чуть замѣтное бѣненъ—
 Все видитъ Богъ!...

Рабби Ионатанъ Эйбешпотцъ и р. Иаковъ Ашкенази-Эмденъ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Монтескье въ одномъ мѣстѣ своей книги «Esprit des lois» говорить, что, когда въ демократическомъ государствѣ тихо, спокойно и все обстоитъ благополучно и въ порядкѣ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что демократія находится наканунѣ переворота. Демократія, основаніемъ которой служить полная свобода слова и дѣйствія ея членовъ, умственно и нравственно безконечно разнообразныхъ и равноправныхъ не можетъ, по самой природѣ своей, быть спокойной, если ея члены не потеряли тѣхъ качествъ, безъ которыхъ демократія немислима.

То-же самое мы должны сказать и о демократіи мысли, труженики которой не могутъ быть между собой въ полномъ согласіи до тѣхъ поръ, пока эта мысль свободно функціонируетъ. Сила еврейской мысли заключается въ томъ, что она была, есть и всегда будетъ свободна и демократична. Пророки свободно критикуютъ поведеніе еврейскаго народа и царей его, которые, въ свою очередь, критически относятся къ повѣдямъ пророковъ. Составители Мишны, видя неполноту и устарѣлость законодательства Моисея, отмѣняютъ одни его законы и измѣняютъ другіе. То же самое дѣлаютъ составители Талмуда съ законами Мишны. Въ золотой вѣкъ арабской цивилизаціи, которая дала еврейской демократіи мысли новое направленіе, стремившееся мирить іудаизмъ съ философіей Аристотеля, ученые, стоявшіе на стражѣ израильскаго правовѣрія, усмотрѣли опасность въ подобномъ примиреніи и забили въ

набатъ. Еврейская мысль тогда раскололась; культивировавшіе ее раздѣлились на два лагера, враждебные другъ другу: приверженцевъ и противниковъ философіи. Во главѣ этихъ партій стояли большей частью люди гениальные, несомнѣнно безкорыстные и искренно преданные своему народу и его вѣроученію, хотя и не всегда дальновидные. Такъ какъ логика была не на сторонѣ враговъ философіи, то послѣдніе прибѣгли къ помощи нечистоплотной каббалы, которая затуманила умы еврейскихъ массъ. Благодаря воздвигнутымъ противъ евреевъ гоненіямъ со стороны христіанской Европы, каббала одержала полную побѣду, такъ-что въ то время, когда для христіанской Европы наступило время «возрожденія искусствъ и наукъ», для евреевъ начались мрачныя средніе вѣка. Судьбы Уриэля Акосты и Баруха Спинозы достаточно характеризуютъ настроеніе еврейскаго ума въ тѣ времена, когда во главѣ іудаизма стояли люди вродѣ р. Менассе Бенъ-Израиля, отличавшагося своимъ легковѣріемъ еще болѣе, чѣмъ своей эрудиціей. Теченіе еврейской мысли было искусственно и насильственно направлено по тѣсному и туманному руслу, гдѣ она должна была застояться и заплѣсневѣть. Но подъ этой наружной плѣсенью, благодаря особымъ присущимъ еврейской мысли свойствамъ, скрывалась еще кипучая жизнь. Такъ какъ вся христіанская Европа въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, лишала евреевъ свѣта и воздуха, то еврейству волей-неволей приходилось переживать зимнюю спячку, сосать свою лапу. О философіи, о наукѣ или объ общемъ образованіи не могло быть и рѣчи среди людей, находившихся въ непрерывномъ осадномъ положеніи. Еврейскій умъ питался исключительно Талмудомъ и усыновленной имъ, чуждой ему по духу, ядовитой каббалой. Сдѣлавшись одностороннимъ, направленный искусственно на ложный путь, еврейскій умъ всетаки не могъ довольствоваться однимъ изученіемъ раввинизма и каббалы, въ томъ видѣ, какъ ихъ изучали древніе корифеи раввинизма. И вотъ изобрѣтенъ былъ такъ называемый пилпулистскій способъ толкованія Талмуда, его ком-

ментаторовъ и кодификаторовъ, древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ, которымъ навязывали мысли, имъ никогда не снившіяся. При такой системѣ вниманіе обращалось не на логическую послѣдовательность и здравый смыслъ, а на остроуміе. Результаты этихъ толкованій были далеко не безразличнаго свойства: древнимъ талмудическимъ и раввинскимъ корифеямъ навязывали такіе стѣсняющіе жизнь еврея запретительные законы, о которыхъ эти корифеи и думать не могли. Каждый раввинъ по своей собственной жизни, посвященной «четыремъ локтямъ галахи», судилъ о жизни всего еврейства, и его честолюбіе сосредоточивалось въ увеличеніи ограничительныхъ законовъ, стѣсняющихъ на каждомъ шагу жизнь еврея. То же самое дѣлали каббалисты. Они не довольствовались теоретической, умозрительной каббалой, они изобрѣли, по крайней мѣрѣ усовершенствовали, практическую каббалу. По этой каббалѣ, величественные рассказы Библии о первобытной жизни человѣческаго рода, еврейскихъ патріарховъ и вообще еврейскаго народа, какъ и законы Моисея, заключаютъ въ себѣ не то значеніе, которое имъ обыкновенно придаетъ логика и здравый смыслъ, а сокровенныя тайны, доступныя однимъ только избраннымъ. По этому-же ученію посредствомъ разныхъ сочетаній буквъ, имѣющихъ разныя числовыя величины, и счета словъ Библии, еврейскихъ молитвъ и т. д., можно покорить своей волѣ высшія міровыя существа. Практическія послѣдствія этого «ученія» оказались для евреевъ еще болѣе роковыми, чѣмъ пилпулистская система: вмѣсто того, чтобы рассчитывать на свои собственные силы, евреи, благодаря каббалѣ, стали рассчитывать на амулеты и талисманы разныхъ чудотворцевъ. Евреи, благодаря каббалѣ, потеряли понятіе о причинной связи явленій въ жизни людей и въ природѣ. Дошло до того, что, несмотря на запретъ Моисея, еврей, благодаря ученію каббалы, ввели у себя культъ мертвыхъ, къ которымъ они обращались съ мольбами о помощи и защитѣ, и увѣровали въ знахарей и чудотворцевъ, подлежащихъ, по законамъ Моисея, сожженію. Удивительнѣе всего то, что,

несмотря на явную вражду, которую чистокровные каббалисты питаютъ къ раввинизму¹⁾, рѣдкій раввинъ послѣднихъ вѣковъ вплоть до начала XIX в. не былъ въ то же время каббалистомъ и не вѣрилъ въ чудодѣйственную силу каббалистическихъ фокусовъ. Потерявъ подъ собою почву въ логическомъ іудаизмѣ, пилпулистскій раввинизмъ вступилъ въ союзъ со своей соперницей каббалой съ цѣлью бороться противъ общаго врага — врожденнаго евреямъ здраваго смысла. Но этотъ союзъ дорого обошелся раввинизму. Обанкротившаяся, въ лицѣ разныхъ Мессій, измѣнившихъ въ концѣ концовъ іудаизму, каббала еще имѣла сильную опору въ пилпулистскомъ раввинизмѣ, которому такъ легко было поконтиться на толстыхъ слояхъ злокачественной умственной плѣсени. Пилпулистскій раввинизмъ забылъ о библейской и талмудической заповѣди — избѣгать худого общества. Велика должна была быть внутренняя сила іудаизма, высока должна была быть температура его скрытой теплоты, для того чтобы возродиться къ новой жизни и указать каббалѣ ея мѣсто среди языческихъ вѣрованій языческихъ народовъ, а пилпулистскому

¹⁾ Въ то время, когда греческая миеология порпалась и преслѣдовалась Талмудомъ подъ именемъ „греческой мудрости“ (см. Ари-Ногамъ, Лейпцигъ 1848, стр. 44), въ главномъ арсеналѣ каббалы, т. е. въ книгѣ „Зогаръ“ (въ первой книгѣ Моисея, 13 и во второй книгѣ Моисея, 237), которой, въ особености, дорого ученіе греческой и римской миеологии, переполненной тайными разсказами (мистеріями) о любовныхъ похожденияхъ боговъ, сказано, что эта миеология близка къ истинѣ, что „греческое государство безпорочно“. Въ „Тиконъ-Зогаръ“ 21, каббала объявляетъ войну (כי) „всѣмъ ташантамъ и амореямъ“ (Готтлоберъ, исторія каббалы и хассидизма, стр. 106). Въ части Зогара „Paic-Megemve“ (отд. Ки-Теор) основа Талмуда, т. е. „Мишна“, называется „нечистой силой“ (пльр), а ташантовъ величать тамъ „бодящими волами и коровами“. Не лучше отзывается извѣстнѣй каббалистъ XIII в. Авраамъ Абулафія о Талмудѣ въ своихъ сочиненіяхъ שב זחי חתה לרבי. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Аб. увѣраетъ, что общедоступное ученіе (הלל, Талмудъ, раввинизмъ) годится для дураковъ (פליז), а тайное ученіе (каббала) для мудрецовъ (פליז) и что „разница между талмудистами и каббалистами такая-же, какъ между евреямъ и послѣдователемъ язычниковъ, что „каббалистъ — человекъ, а талмудисты — обезьяны, при встрѣчѣ съ которыми слѣдуетъ произносить извѣстное благословеніе: „ברוך שׁוֹנֵה הַבַּיִת“.

раввинизму доказать его неосновательныя претензіи на господство надъ еврейскими умами.

Это возрожденіе началось въ концѣ XVIII вѣка. Каббалистическая вакханалія, достигшая наивысшей степени своего зловреднаго вліянія на умы евреевъ во время лжемессіи Саббатая-Цеви и Якова Франка и во время появленія цаддикизма въ русской Польшѣ и Галиціи, заставила двухъ величайшихъ корифеевъ строго ортодоксальнаго раввинизма и «божественной мудрости» каббалы, р. Іакова Ашкенази-Эмдена и виленскаго гаона р. Илью Вильну, выступить противъ злоупотребленія каббалой во вредъ ученію раввинизма. Послѣдній выступилъ противъ свѣтила цаддикизма р. Залмана изъ Ляды, а первый противъ свѣтила каббалы и раввинизма р. Ионатана Эйвешютца. Не имѣя твердой точки опоры въ своихъ нападкахъ на противниковъ, такъ какъ они сами, какъ уже сказано, были также вѣрными слугами каббалы, они въ результатѣ дискредитировали окаменѣлый раввинизмъ, связавшій свою судьбу съ враждебной ему каббалой, болѣе, чѣмъ это могли сдѣлать злѣйшіе его враги. Этимъ распатываніемъ раввинизма и каббалы безсознательно воспользовался *пятый* вѣрный сынъ раввинизма и основалъ новую школу на ихъ развалинахъ, думая этимъ ввести въ старый раввинизмъ свѣжія струи новой жизни. Читатель, вѣроятно, догадывается, что мы говоримъ о Мендельсонѣ и его школѣ. Цѣлый вѣкъ мендельсоновская школа продолжала разлагать окаменѣлости раввинизма и упорно добивалась сути самаго іудаизма и еврейской національности. Только въ концѣ XIX вѣка старый іудаизмъ, несмотря на свои сѣдины, въ виду опасности, угрожавшей національному существованію евреевъ, обрѣлъ снова юношескія силы и пошелъ по тому пути, съ котораго онъ поневолѣ свернулъ много вѣковъ тому назадъ.

Въ настоящемъ очеркѣ постараемся ознакомить читателя съ столкновеніемъ между каббалой и раввинизмомъ въ лицѣ

двухъ представителей—Ионатана Эйбешютца и Иакова Ашкенази-Эмдена.

I.

Рабби Ионатанъ Эйбешютць родился въ Краковѣ въ 1690 г., умеръ 21-го Элула 1764 г. Отець Эйбешютца былъ правнукъ известнаго талмудиста-каббалиста Натана Шапиро, автора каббалистическаго сочиненія «Мегаля-Амукоть» (מגאל אמוקוֹת, открывающій сокровенное), гдѣ даются 252 способа объясненій молитвы Моисея, помѣщенной во Второзаконіи въ отд. (דברים). Хотя ни одинъ изъ этихъ способовъ ничего общаго не имѣетъ съ здравымъ смысломъ, хотя всѣ они лишь искажаютъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древнееврейской поэзіи, тѣмъ не менѣе, благодаря каббалистическому туману, окутавшему умы еврейскаго народа, это сочиненіе имѣло большой успѣхъ и многократно перепечатывалось (Краковъ, 1637; Фюрдо, 1691; Жолковъ, 1700 и Львовъ, 1858). Внукъ этого р. Натана, умершаго въ Краковѣ въ 1633 г., назывался также Натаномъ и отличался еще въ юношествѣ глубокими познаніями въ Талмудѣ и, въ особенности, въ каббалѣ. Слава о необыкновенныхъ познаніяхъ юнаго Натана дошла до пинчевскаго главнаго раввина, знаменитаго р. Арие-Лейба Цунца, который выдалъ за него дочь свою и принялъ въ свой домъ, гдѣ онъ еще болѣе усовершенствовался въ «мудрости каббалы». Старшій сынъ этого р. Натана и былъ нашъ р. Ионатанъ Эйбешютць. Онъ еще ребенкомъ обнаруживалъ необыкновенныя способности и въ талмудическо-каббалистической школѣ своего отца сидѣлъ рядомъ, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, съ испытанными талмудистами, которыхъ онъ превосходилъ глубиной своего ума и обиліемъ познаній въ областяхъ Талмуда и каббалы. Когда Ионатану было 11 лѣтъ отъ роду, онъ переѣхалъ въ Эйбешютць, въ Моравію, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто духовнаго раввина. Этого мѣста и дало названіе всему роду Эйбешютцовъ, представители котораго существуютъ еще и теперь во многихъ городахъ

Польши, въ особенности въ Галиціи. Черезъ годъ по прибытіи въ Эйбешютцъ умеръ р. Натанъ, съ которымъ вмѣстѣ, по выраженію р. Ионатана, «умерла наука» (т. е. каббала), тайны которой онъ получилъ, по преданію, отъ дѣда своего, автора «Мегалэ-Амукотъ», который, въ свою очередь, былъ внукомъ каббалиста школы р. Исаака Лурье-Ашкенази (род. 1534, ум. 1572). 12-ти-лѣтній Ионатанъ былъ отправленъ эйбешютцской еврейской общиной въ Просницъ, въ Моравію, чтобы тамъ усовершенствоваться въ Талмудѣ и каббалѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго раввина Меера Айзенштата, автора сочиненія «Понимъ-Меиротъ» (לפניו ע"ז). Черезъ нѣсколько лѣтъ молодой Эйбешютцъ перешелъ въ талмудическую школу своего двоюроднаго дѣда Эліэзера Итунга, состоявшаго тогда раввиномъ въ Гелишовѣ, въ Моравіи. Ионатанъ вскорѣ женился на дочери богатаго пражскаго раввина Исаака Шапира, который взялъ на себя всѣ расходы по содержанію его семейства, чтобы онъ, ни въ чемъ не нуждаясь, могъ беззаботно предаваться наукѣ. Въ домѣ тестя онъ пробылъ около двухъ лѣтъ и поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы усовершенствоваться въ талмудической школѣ отца своей тещи, Мордехая Кагана, который на свой счетъ содержалъ не только эту школу, но и всѣхъ многочисленныхъ ея воспитанниковъ. По возвращеніи въ Прагу онъ получилъ должность синагогальнаго проповѣдника (1728).

Такова была молодость р. Ионатана Эйбешютца. Нашъ р. Ионатанъ въ молодости не зналъ бѣдности и былъ окруженъ людьми, заботившимися объ его матеріальныхъ нуждахъ, благодаря этому въ немъ выработался веселый взглядъ на жизнь и вообще жизнерадостность. Всѣ его необыкновенныя дарованія были направлены на изученіе раввинизма, по господствовавшему тогда въ талмудическихъ школахъ пилюлистскому шаблону, и каббалы, по системѣ упомянутаго Исаака Лурье-Ашкенази; послѣдняго онъ считалъ своимъ идеаломъ, хотя былъ такъ же далекъ отъ него, какъ вѣкъ Вольтера отъ XVI вѣка, и какъ египетскій пустынный и отшельникъ отъ жи-

знерадостнаго раввина, выросшаго въ довольствѣ въ центрѣ цивилизованной Европы. Эта-то убійственная, такъ сказать, лурьяновская закваска, на которой, главнымъ образомъ, Эйбешютцъ былъ воспитанъ съ самаго своего дѣтства, затмила его свѣтлый отъ природы умъ и не давала ему возможности взяться за изученіе общеобразовательныхъ наукъ, хотя онъ сильно стремился къ нимъ и изучалъ по доступнымъ ему источникамъ, что составляло необычайное явленіе среди раввиновъ того времени. Въ нашемъ рабби Ионатанѣ боролись, словно Ормуздъ и Ариманъ, два враждебныхъ другъ другу элемента: природный гениальный здравый умъ и искусственно съ самаго дѣтства привитая ему каббала. Отсюда его гениальныя сочиненія по еврейскому праву, рядомъ съ смѣхотворными и еретическими амулетами. Эта двойственность породила вполнѣ естественную односторонность ярыхъ противниковъ и преданнѣйшихъ приверженцевъ р. Ионатана: первые видѣли въ немъ автора амулетовъ, вторые — автора гениальныхъ юридическихъ сочиненій и синагогальныхъ проповѣдей о чистой нравственности; первые видѣли въ немъ опаснаго еретика, вторые — величайшее свѣтило іудаизма.

До Гретца, всѣ біографы и историки, интересовавшіеся жизнью р. Ионатана Эйбешютца, подъ вліяніемъ общаго благоговѣнія предъ гениальными дарованіями его, или совсѣмъ оправдывали его отъ обвиненія въ ереси, или, такъ сказать, оставляли его подъ подозрѣніемъ. Сужденія Шпацера въ *Galerie ausgezeichneter Israeliten* (Штуттгардтъ 1834, р. 26 ff.) основаны на нерѣшительныхъ сужденіяхъ Юста, какъ и на пристрастныхъ сужденіяхъ Карла Антона. Лебрехтъ въ энциклопедіи Эрша и Грубера (1843, II sect, m. 22, р. 413) считаетъ обвиненіе Эйбешютца въ сabbatianской ереси основаннымъ на искусственномъ толкованіи упомянутыхъ амулетовъ его противниками. Г. Клемпереръ, написавшій книгу «R. Jonatan Eibeschütz» (Прага, 1858), по выраженію Гретца, слишкомъ влюбленъ въ своего героя, чтобы безпристрастно судить о немъ. Д-ръ Бееръ (*Frenkels Monatschrift*,

1858, р. 392) допускаетъ только, что «въ молодости своей Эйбшютцъ нерѣдко хорошо отзывался о сabbатіанизмѣ, такъ-какъ нельзя отрицать существованія у него известной склонности къ тщеславію». Только одинъ историкъ Гретцъ впервые обратился къ первоисточникамъ обвиненія, что привело его къ неожиданнымъ для приверженцевъ р. Ионатана результатамъ.

Вотъ какую характеристику даетъ Гретцъ р. Ионатану Эйбшютцу, на основаніи изученія его сочиненій и общественной и ученой дѣятельности:

«Одаренный отъ природы необыкновеннымъ острымъ умомъ и желѣзной памятью, рано осиротѣвшій молодой Ионатанъ подвергся вліянію *беспорядочнаго воспитанія* ¹⁾ или еще болѣе вліянію одичалаго времени, которое предоставляло мозговой его дѣятельности обрабатывать только двухъ сортовъ матеріалъ: обширное поле Талмуда со всѣми его запутанными ходами и омрачающую умъ каббалу, плоскую, но покрытую камнями преткновенія. Первый давалъ обильную пищу его здоровому уму, вторая—его неумѣренной фантазіи. Своей тонкой способностью къ анализу онъ перещеголялъ-бы любого адвоката, желающаго добиться оправданія преступнѣйшаго дѣянія; будь онъ знакомъ съ высшей математикой Лейбница и Ньютона, онъ могъ-бы на этомъ полѣ оказать значительныя самостоятельныя услуги. Эйбшютцъ былъ склоненъ къ общимъ наукамъ, помимо Талмуда, и онъ даже хвасталъ своимъ знакомствомъ съ ними; но онъ не былъ въ состояніи удовлетворить этой склонности, такъ - какъ извращенное направленіе польскихъ и нѣмецкихъ евреевъ закрывало предъ каждымъ любознательнымъ еврейскимъ юношей храмъ науки, основанной на точныхъ наблюденіяхъ, и гнало ихъ на запутанные пути раввинско-талмудической литературы. Вслѣдствіе недостатка питательной пищи въ дѣятельный умъ его проникли вредные элементы, и вслѣд-

¹⁾ Это не совсѣмъ точно: тогда ни одинъ раввинъ лучшаго воспитанія не получалъ.

ствіе недостатка правильнаго метода, онъ выродился въ умничанье. Онъ вѣрилъ или онъ хотѣлъ другихъ увѣрить, будто онъ посвященъ во всѣ науки, но всѣ его неталмудическія сочиненія, на сколько они доступны обзорѣнію, его проповѣди, каббалистическія толкованія и другія его сочиненія не обнаруживаютъ ничего такого, что называютъ основательнымъ знаніемъ. Онъ даже не былъ знакомъ съ философскими еврейскими сочиненіями: «какъ дома» онъ былъ только въ Талмудѣ. Имъ онъ умѣлъ обращаться, какъ мягкимъ тѣстомъ; изъ него онъ могъ выводить все, что ему было угодно, раскрывать въ немъ сокрытое, мирить противорѣчащее, соединять крайности и распутывать запутанное. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ и предшественниковъ не только въ знаніи талмудической литературы, но и въ находчивости».

«Но Эйбешютцъ не находилъ полнаго удовлетворенія въ этой учености; она служила ему только оселкомъ для упражненія ума его, чтобы препровождать время въ остроумныхъ заигрываніяхъ и въ нѣкоторомъ родѣ блистать этимъ. Его неспокойный умъ и огненный темпераментъ не были удовлетворены этимъ; онъ стремился дальше. Но цѣль его была ему самому неизвѣстна или рисовалась ему въ темныхъ очертаніяхъ. Поэтому его жизнь и дѣйствія являются полными загадокъ и противорѣчій. Живи Эйбешютцъ во время стремленія къ реформамъ, къ освобожденію отъ оковъ авторитетовъ, онъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, шелъ бы на приступъ, и употреблялъ-бы свою талмудическую ученость и свои находчивыя остроты въ качествѣ орудія, чтобы распатать зданіе раввинскаго іудаизма и побѣдить Талмудъ при помощи талмудическаго-же орудія; онъ былъ жизнерадостенъ (leichtlebig), не любилъ мрачной чрезмѣрной набожности нѣмецкихъ и польскихъ евреевъ, чувствовалъ себя стѣсненнымъ этимъ, но онъ не обладалъ необходимой серьезностью, чтобы слѣдовать этимъ склонностямъ. Ему не приходило на мысль исследовать обязательность того или другаго постановленія или всего рели-

гіознаго зданія, какъ это сдѣлалъ Леонъ Модена; для этого онъ былъ слишкомъ мало образованъ и несамостоятеленъ въ мышленіи. Поэтому ему была по вкусу мистика послѣдователей Саббатая, и ихъ ученіе, что съ появленіемъ Саббатая еврейскій законъ отмѣненъ или можетъ быть отмѣненъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, или, что пропитанный каббалой духъ не долженъ стѣснять себя соблюденіемъ того или другого. Нехемія Хаіонъ, повидимому, произвелъ на молодого Эйвешютца, въ Прагѣ и Гамбургѣ, сильное впечатлѣніе. Съ приверженцемъ Саббатая Лейбеле Просницомъ онъ находился въ частыхъ, хотя и тайныхъ сношеніяхъ. Онъ изучалъ сочиненія Авраама-Михаила Кордова, хотя они были объявлены еретическими. Эйвешютцъ усвоилъ себѣ святотатственное ученіе этихъ или другихъ приверженцевъ Саббатая, что высшее Божество, первоначальная причина, не состоитъ ни въ какихъ отношеніяхъ съ мірозданіемъ, но, что второе существо въ Божествѣ, Богъ Израіля, копія высшаго Божества, создало міръ, издало законы, избрало Израіля, однимъ словомъ, занималось конечнымъ. Очевидно, онъ усвоилъ себѣ и всѣ послѣдствія этого еретическаго ученія: Саббатай-Цеви—дѣйствительный Мессія, олицетворялъ въ себѣ второе лицо Божества, и съ его появленіемъ значеніе Торы прекратилось.

«Но Эйвешютцъ не обладалъ ни сильнымъ характеромъ, ни твердо установленными убѣжденіями, чтобы согласовать свои дѣйствія со своими думами. Открыто разорвать съ раввинскимъ іудаизмомъ, объявить себя контраталмудистомъ, какъ это дѣлали многіе польскіе приверженцы Саббатая, или окончательно разстаться со всѣмъ еврействомъ подобно Франку—на это онъ не былъ способенъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ практически, онъ слишкомъ любилъ удобства жизни, чтобы подвергать себѣ послѣдствіямъ такого перелома. Ему-ли, подобно Хаіону, перекочевывать постоянно, словно травленный звѣрь, изъ Азіи въ Европу и обратно? Кромѣ того онъ любилъ Талмудъ и раввинскую литературу, какъ пищу для своего остроумія; безъ нихъ онъ не могъ обойтись. Противорѣчія въ его жизни и тѣ замѣ-

пательства, которыя онъ вызывалъ, объясняются дисгармоніей между его головой и темпераментомъ. Раввинскій іудаизмъ былъ ему неудобенъ, но источники его были ему необходимы; онъ бы ихъ создалъ, если-бъ ихъ не было. Очутившись въ такомъ противорѣчій, онъ обманывалъ не только весь міръ, но еще болѣе самого себя, ему самому это не выяснилось. Онъ былъ ханжей противъ воли своей».

Такъ характеризуетъ Гретцъ молодого Эйбешютца, когда онъ достигъ того возраста, въ которомъ мы его оставили, т. е. когда Эйбешютцъ на 21 году жизни сдѣлался проповѣдникомъ въ Прагѣ. Эта сдѣланная Гретцомъ характеристика Эйбешютца вызвала въ свое время цѣлую бурю въ обществѣ и въ еврейской прессѣ. И общество, и пресса почти-что забыли объ обвиненіи Эйбешютца въ саббатіанской ереси; въ немъ видѣли геніальнаго автора сочиненій «Уримъ Ветумимъ», «Крети-Уплети» и другихъ. Въ особенности рѣзко выступилъ противъ Гретца д-ръ Іаковъ Конъ въ «Blätter aus der Michael-David'schen Stiftung in Hannover» своей статью, подъ заглавіемъ: «Ehrenrettung des R. Jonathan Eibeschutz» (Hannover, 1870, p.p. 1—62).

Что касается насъ, то, sine ira et studio, мы должны рассмотреть, доказалъ-ли Гретцъ или, вѣрнѣе сказать, обвинитель Эйбешютца р. Іаковъ Эмденъ-Ашкенази, на основаніи явныхъ фактовъ, что Эйбешютцъ дѣйствительно втайнѣ исповѣдывалъ противную не только раввинскому іудаизму, но и вообще чистому монотеизму вѣру саббатіанцевъ? Если явныя данныя не подтверждать виновности р. Іонатана, то, конечно, мы не вправѣ ихъ ему приписывать, въ виду того уже, что этотъ удивительный геніальный человѣкъ весь свой вѣкъ посвятилъ раввинизму, который онъ обогащалъ достойными его генія твореніями. Если-же инкриминируемыя дѣянія р. Іонатана дѣйствительно доказываютъ его саббатіанство, то исторія должна признать его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а не каковымъ онъ желалъ казаться, и произнести

надъ нашимъ рабби тотъ приговоръ, который произнесъ надъ нимъ Гретцъ.

Возвратимся къ жизнеописанію р. Ионатана Эйбешютца, которое будемъ излагать съ должной осторожностью. Мы будемъ критически относиться къ источникамъ, на которыхъ основываются обвинители и защитники его, такъ-какъ значительная часть этихъ источниковъ исходитъ отъ людей пристрастныхъ, принадлежавшихъ къ враждовавшимъ между собою партіямъ.

II.

Гретцъ, а за нимъ и другіе біографы Эйбешютца, ошибочно увѣряютъ, будто р. Ионатанъ на 21-мъ году жизни (1711) уже стоялъ въ Прагѣ во главѣ талмудической школы ¹⁾. Мы выше видѣли, что 1713—1714 г.г. онъ проводилъ въ Гамбургѣ, въ качествѣ слушателя и ученика въ школѣ Мордехая Кагана, откуда онъ возвратился въ Прагу только въ 1715 г., т. е. на 25-омъ году жизни. Лишь около этого времени, онъ сталъ во главѣ школы въ Прагѣ, куда стекалась масса даровитыхъ молодыхъ людей, съ благоговѣніемъ подхватывавшихъ на лету каждое его слово, удивлявшихся его игрѣ талмудическими вопросами. Главный раввинъ Богеміи Давидъ Оппенгеймъ былъ слишкомъ занятъ своими частными денежными дѣлами, чтобы жертвовать свое время на образованіе юношества, какъ это считали своей обязанностью всѣ тогдашніе раввины. Вслѣдствіе этого мѣстные евреи, по разнымъ религіознымъ и другимъ вопросамъ, часто обращались къ даровитому молодому Эйбешютцу, на котораго мало-по-малу стали смотрѣть, какъ на пражскаго раввина, хотя и неофициальнаго. Слушателей своихъ молодой Эйбешютцъ воодушевлялъ и приковывалъ своимъ дружескимъ обхожденіемъ, своими блестящими остроуміями и замѣчательной находчивостью. Онъ не

---

¹⁾ Geschichte der Juden B. X, p. 350.

былъ похожъ на современныхъ ему раввиновъ; онъ не являлся въ школу мрачнымъ, сгорбленнымъ, съ видомъ кающагося грѣшника; онъ не стѣснялъ своихъ учениковъ, которые при немъ держались совершенно свободно. Поэтому, ежегодно увеличивался контингентъ его учениковъ, которыхъ считали тысячами. 30-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже считался неопровержимымъ авторитетомъ, хотя это время изобиловало раввинскими авторитетами первой величины.

Уже въ это время жена Эйбешютца передала цѣлую пачку бумагъ для сожженія одному изъ его учениковъ, который среди нихъ нашелъ конфиденціальное письмо саббатянца Лейбеле Просница къ Эйбешютцу. Упомянутый выше д-ръ Коувъ, въ своихъ возраженіяхъ Гретцу (р. 15), старается подорвать достовѣрность этого факта тѣмъ, что злоупотребленіе довѣріемъ дѣлаетъ подозрительнымъ показанія этого ученика и самое письмо. Что касается злоупотребленія довѣріемъ, то оно было отчасти извинительно и естественно, въ данномъ случаѣ, въ молодомъ человѣкѣ, которому поручена была тяжелая обязанность палача: сжечь переписку своего великаго учителя, предъ которымъ тогда благоговѣло все еврейство. Напротивъ, изъ того, что онъ ничего не сообщаетъ объ остальныхъ сожженныхъ имъ письмахъ, видно, что онъ, пораженный содержаніемъ перваго попавшагося ему письма, дальше не читалъ и исполнилъ непріятное порученіе, никому объ этомъ ничего не сообщивъ. Когда дѣло о саббатянствѣ Эйбешютца взволновало все еврейство, то ученикъ присталъ къ противникамъ Эйбешютца, такъ какъ, будучи правовѣрнымъ евреемъ, иначе поступить не могъ.

Въ это-же время въ руки франкфуртскаго раввина попали явныя письменныя доказательства, что Эйбешютцъ не только состоялъ въ перепискѣ съ саббатянами Моисеемъ-Мееромъ Каменкеромъ, Исаемъ Хассидомъ и упомянутымъ Просницомъ, но и то, что эти послѣдніе смотрѣли на Эйбешютца, какъ на наследника умершаго уже тогда Саббата-Цеви и какъ на истиннаго Мессію. Все это подтвердилось

свидѣтельскими показаніями въ присутствіи трехъ раввиновъ (10—11 дня мѣсяца Тамуза, т. е. 20—21 іюля, 1725 г.). Въ задержанной раввинами перепискѣ упомянутаго Хассида, между прочимъ, нашли собственноручное письмо Эйбешютца къ Хассиду, котораго Эйбешютцъ величаетъ «остроумнымъ, удивительнымъ мудрецомъ и рабби» и проситъ «быть скрытнымъ, не разглашать и то же самое приказать всѣмъ своимъ тайнымъ сообщникамъ», «потому что я вижу лай собакъ на меня... подождите немного» и т. д. Свидѣтели-эксперты подтвердили, что они отобрали отъ упомянутаго Каменкера каббалистическія еретическія сочиненія Эйбешютца и Просница, святотатственное содержаніе которыхъ они не рѣшаются произносить. Когда послѣ этого открытія вышеупомянутые три саббатіанца были отлучены отъ синагоги, то многіе раввины польскаго «синаода четырехъ странъ» хотѣли распространить это отлученіе и на Эйбешютца, но, по настоянію амстердамскаго раввина Аріе Лейба, отказались отъ этого, уступивъ просьбѣ дяди Эйбешютца пинчевскаго раввина рабби Герца, принимая во вниманіе славу Эйбешютца, многочисленность его учениковъ и почитателей и вообще не желая вызывать новый расколъ въ іудаизмъ. Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, самъ Эйбешютцъ, наканунѣ Суднаго дня (16 сентября) этого-же 1725 года, въ присутствіи нѣсколькихъ раввиновъ и представителей Праги, отлучилъ саббатіанцевъ отъ синагоги. Только главный моравскій раввинъ, престарѣлый Давидъ Оппенгеймъ, которому въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ первый голосъ, не хотѣлъ участвовать при этомъ ибо былъ увѣренъ въ томъ, что Эйбешютцъ лицемѣрно осуждаетъ саббатіанцевъ, ученіе которыхъ онъ вполне раздѣляетъ.

Г. Конъ отрицаетъ важность только что рассказанныхъ фактовъ на слѣдующихъ основаніяхъ: во 1-хъ, еслибы дѣйствительно тогдашніе раввины имѣли явныя доказательства саббатіанства Эйбешютца, то они непременно отлучили-бы и его отъ синагоги, какъ они отлучили его позже чрезъ 30 лѣтъ, по поводу амулетовъ. Во 2-хъ, еслибы Эйбешютцъ былъ дѣй-

ствительно изобличенъ въ саббатіанизмѣ, то его слава не возрастала-бы послѣ этого все больше и больше. Во 3-хъ, онъ тогда не могъ бы самъ отлучить отъ синагоги саббатіанцевъ. Всѣ эти возраженія, по нашему мнѣнію, не выдерживаютъ критики, уже не говоря о томъ, что мы, по г. Кону, должны обвинить тогдашнихъ раввиновъ въ подлогахъ. То, что раввины не отлучили отъ синагоги Эйбешютца тогда же, объясняется тѣмъ, что они могли быть снисходительными къ молодости Эйбешютца и могли рассчитывать на его искреннее обращеніе на путь правовѣрія, къ чему была сдѣлана попытка его бывшимъ учителемъ р. Мееромъ Айзенштатомъ, которому Эйбешютцъ обѣщалъ исправиться и предъ которымъ призналъ себя виновнымъ въ саббатіанизмѣ. Далѣе, раввины, чтобы облегчить ему это исправленіе, въ интересахъ іудаизма, считали нужнымъ не разглашать свѣдѣній о саббатіанствѣ его, вслѣдствіе чего его слава возрастала *сгесендо* съ годами. Что-жъ касается торжественнаго отлученія Эйбешютцомъ отъ синагоги саббатіанцевъ, то саббатіанизмъ, стоявшій и безъ того внѣ синагоги, посредствомъ каббалистики оправдывалъ открытый переходъ въ исламъ, въ католицизмъ, сожителство съ замуженными женщинами и, наконецъ, возвелъ развратъ на степень культа. Разъ мы допустимъ, что, разыгрывая роль строгаго ортодоксальнаго раввина, онъ въ дѣйствительности былъ саббатіанцемъ, то какое значеніе имѣло въ его глазахъ это отлученіе?

Конечно, были дальновидные раввины, которые предвидѣли, что пощада Эйбешютца можетъ имѣть роковыя послѣдствія для всего іудаизма. Къ этимъ раввинамъ принадлежалъ извѣстный р. Моисей Хагитъ и р. Іакобъ Рейшеръ. Последній, узнавъ о томъ, что его внукъ, впоследствии извѣстный раввинъ, Нехемія Рейшеръ, посѣтилъ Эйбешютца, выразилъ ему свое негодованіе. Тогда молодой Нехемія сказалъ своему дѣду: «еслибъ ты его видѣлъ лично, то ты бы его подлюбилъ, какъ я», на что старый раввинъ отвѣтилъ: «Боже сохрани

меня отъ свиданія съ нимъ; дай Богъ, чтобы ты не попалъ въ его сѣти, это чародѣй, и я его считаю отступникомъ».

Такой взглядъ на Эйбешютца былъ совершенно естественъ и на основаніи другихъ фактовъ. Когда упомянутый выше Нехемія Хаіонъ, учившій о троиственности Божества, былъ разоблаченъ и не былъ впущенъ въ Прагу, ¹⁾ то, по распоряженію Эйбешютца, его жена и теща носили Хаіону за городъ пищу. «Спаситель чести» Эйбешютца, д-ръ Іаковъ Конъ, видитъ въ этомъ поступкѣ лишь великодушіе со стороны Эйбешюца. Но онъ забываетъ, что такой поступокъ со стороны Эйбешютца доказываетъ, что онъ ставилъ ни во что приказаніе Моисея (Второзаконіе 13,6) о «ложномъ пророкѣ». Хаіонъ не проповѣдывалъ открыто свой политеизмъ; онъ свое ученіе маскировалъ каббалистическими формулами, такъ что его ядъ проникалъ только мало-по-малу въ нравственный міръ тогдашней каббалистической среды. Г. Конъ говоритъ, что «въ найденномъ письмѣ Эйбешютца къ Хаіону заключался только отвѣтъ на письменную просьбу послѣдняго о снятіи отлученія отъ синагоги и что найденный отказъ доказываетъ ясно, какъ мало солидарны были между собою это два человека». Но г. Конъ забываетъ, что освободивъ отъ отлученія Хаіона, онъ долженъ былъ-бы немедленно выступить не только изъ раввинскаго іудаизма, но и вообще изъ іудаизма, что повлекло - бы за собою убійственныя для него послѣдствія. Г. Конъ считаетъ заслугой со стороны Эйбешютца то, что онъ читалъ сочиненія Хаіона и Кордово. Это было-бы вѣрно, еслибъ онъ ихъ только читалъ, но въ дѣйствительности онъ впиталъ въ себя, если не весь ядъ этихъ сочиненій, то часть его: Эйбешютцъ признавалъ уже тогда если не троиственность, то двойственность Божества. Это доказывается сравнительно недавно открытой рукописью подъ названіемъ *שְׁמוֹתַי*, которой авторомъ или собирателемъ является

¹⁾ По тогдашнимъ законамъ, прежде чѣмъ взѣхать въ какой нибудь населенный евреями городъ гѣмецкихъ странъ, иногородный еврей долженъ былъ получить на это разрѣшеніе мѣстнаго еврейскаго представительства.

бывшій ученикъ Эйбешютца *Симонъ Бухгалтеръ*. Мимоходомъ Бухгалтеръ, трактуя о тройственности Божества Зогара, сводившаго съ пути правовѣрія Кордово, Хаіона и др., говоритъ, что Эйбешютцъ былъ противъ этого ученія, что по высказанному Эйбешютцемъ мнѣнію, «Божество состоитъ изъ двухъ началъ: изъ первой причины, неимѣющей никакого вліянія на міровданіе, и изъ Бога Израиля, составляющаго эманацию первой причины. Первая причина неизмѣнна и ничѣмъ не интересуется, вслѣдствіе чего ей подробности незнакомы. Эманация-же, т. е. 10 сефиротъ, хотя она тѣсно связана съ первой причиной, тѣмъ не менѣе есть продуктъ ея. И всѣ наши молитвы и цѣль нашего богослуженія направлены къ этой эманаци, которая и есть существо Божества, Бога нашего, и которому приличествуетъ имя «единный». *Совсѣмъ другое дѣло первая причина*, которой даже не приличествуетъ имя «единный». Эманация-же приличествуетъ имя «единный», указывающее на ея единеніе съ первой причиной. Вотъ почему во всемъ Талмудѣ и во всѣхъ мидрашимъ, въ Зогарѣ, во всей Библии ни сефиротъ, связанныхъ съ первой причиной. Такимъ образомъ чего нѣтъ о божествѣ, о качествахъ первой причины. Безсомнѣнно, Богъ Израиля, законодатель Торы — это 10 молитвы обращаются не къ первой причинѣ, а къ ея эманации: первая причина интересуется только общимъ; эманация-же интересуется и подробностями» ¹⁾. Но то-же самое говоритъ и Кордово: «Св. Писаніе не знаетъ первой причины, а только ея эманацию» Въ этомъ-же заключается ученіе саббатіанизма: «Богъ Израиля не тождественъ съ первой причиной». Когда Бухгалтеръ обратилъ вниманіе Эйбешютца на то, что его ученіе тождественно съ ученіемъ Хаіона, то Эйбешютцъ старался увѣрить, что между его ученіемъ и ученіемъ Хаіона существуетъ разница, заключающаяся въ томъ, что по его, Эйбешютца, мнѣнію первая причина безпредѣльна, тогда какъ по Хаіону она

¹⁾ Эта рукопись открыта I. Минесомъ и ею пользовался Гретцъ. Она была составлена въ 1748 г. и содержитъ въ себѣ ученіе Эйбешютца въ такомъ видѣ, какъ онъ его преподавалъ въ 1728—30 гг.

ограничена пространствомъ. Ту-же самую мысль о дуализмѣ Божества мы находимъ въ еретическомъ сочиненіи ר"מ לך ע"מ מלמ, которое тогдашніе саббатіанцы и не саббатіанцы приписывали перу Эйвешютца, хотя онъ это разумѣется, отрицаетъ. Въ этомъ сочиненіи первая причина называется *святимъ старцемъ*, а Богъ Израиля, эманация святаго старца, называется также «святимъ царемъ», подъ которымъ Эиденъ какъ и сами саббатіанцы, разумѣлъ лжемессію и отступника Саббатая-Цеви. И эти бесѣды Эйвешюца съ Бухгалтеромъ происходили въ 1728—30 гг., т.-е. немедленно послѣ того, какъ Эйвешютцу едва-едва удалось успокоить взволнованные умы еврейскаго міра насчетъ его правовѣрія. Удивительно - ли то, что тогда Эйвешютцъ считалъ нужнымъ быть на сторожѣ?

Само собою разумѣется, что защитники Эйвешютца стараются умалить значеніе случайно въ наше время открытаго рукописнаго сочиненія Бухгалтера. Д-ръ Конъ подозрѣваетъ послѣдняго въ пристрастіи, допускаетъ, что во время составленія сочиненія Бухгалтеръ могъ передавать неточно выраженія и мысли Эйвешютца и могъ впоследствии перейти въ лагерь его враговъ и быть пристрастнымъ. Все это, конечно, могло случиться; но дѣло въ томъ, что сочиненіе Бухгалтера не служитъ главнымъ доказательствомъ саббатіанизма Эйвешютца, а только однимъ изъ случайно открытыхъ дополненій къ этимъ доказательствамъ. Что-же касается пристрастія Бухгалтера и перехода его въ лагерь враговъ Эйвешютца, то то обстоятельство, что современные Эйвешютцу враги его нигдѣ не ссылаются на показанія Бухгалтера, по нашему мнѣнію, доказываетъ наоборотъ, что Бухгалтеръ, изъ уваженія къ своему учителю, скрывалъ это и заносилъ въ свою рукопись лишь для себя, какъ воспоминанія о юности своей, поэтому показанія Бухгалтера получаютъ для историка еще большее значеніе.

Относительно проникнутаго саббатіанизмомъ сочиненія ר"מ לך ע"מ מלמ, у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы сказать, что Эй-

бешютцъ авторъ его, но историкъ долженъ обратить свое вниманіе на то, что саббатіанцы и несаббатіанцы приписывали авторство этого сочиненія именно Эйбешютцу, убѣжденія котораго высказанныя въ другихъ мѣстахъ гармонируютъ съ тенденціями этого сочиненія. Саббатіанцы считали Эйбешютца своимъ тайнымъ главой, что подтверждается письмами знаменитаго раввинскаго авторитета, р. Іехевкіла Ландау, по настоянію котораго Эйбешютцъ былъ вынужденъ въ 1725 г. отлучить отъ синагоги приверженцевъ саббатіанизма. Ландау высказалъ письменно другому извѣстному раввину, р. Іошуа Фалку, и другимъ раввинамъ свое убѣжденіе съ саббатіанствѣ «этого нечестивца» (ושׁר) какъ онъ называетъ Эйбешютца.

III.

Какъ бы то ни-было, благодаря торжественному отлученію отъ синагоги саббатіанцевъ, буря среди тогдашнихъ перво-классныхъ раввиновъ улеглась, и Эйбешютцъ продолжалъ увлекать въ Прагѣ своихъ многочисленныхъ учениковъ артистически - остроумными толкованіями раввинизма, продолжалъ возбуждать благочестіе прихожанъ синагоги своими проповѣдями и приковывалъ къ себѣ вниманіе глубоко-религіозной публики, которая мало-по-малу стала смотрѣть на него какъ на паддика-чудотворца и раскупать его каббалистическіе талисманы. Слава о гениальности и благочестіи его разносилась по всеѣмъ общинамъ европейскаго еврейства, благодаря тому, что многіе изъ преданныхъ учениковъ стали занимать должности раввиновъ. Эти раввины и ихъ общины образовали солидную армію, на которую Эйбешютцъ могъ смѣло опереться, въ случаѣ новаго столкновенія съ представителями раввинизма.

Видя трусость своихъ противниковъ, боявшихся довести начатое дѣло до его естественныхъ послѣдствій, Эйбешютцъ сдѣлался еще болѣе самоувѣреннымъ и не стѣснялся вступать въ частыя сношенія съ пражскими іезуитами, въ спорахъ съ которыми онъ давалъ понять, что ' не раздѣ-

ляетъ религіозной щепетильности евреевъ. Въ особенности онъ сблизился съ іезуитскимъ архіепископомъ Гассельбергомъ, по повелѣнію котораго въ еврейскихъ домахъ производились частые обыски и конфисковались еврейскія книги. Благодаря этому знакомству, Эйбешютцу удалось получить отъ епископа разрѣшеніе печатать Талмудъ, съ условіемъ пропускать въ немъ тѣ мѣста или слова, въ которыхъ можно подозрѣвать самый отдаленный намекъ на христіанство; при этомъ обязанности помощника цензора взялъ на себя самъ Эйбешютцъ. Противники и не-противники Эйбешютца увѣряли, что послѣдній имѣлъ при этомъ въ виду только выгодное дѣло. Подъ такой-же цензурой напечатанъ былъ Эйбешютцомъ еврейскій молитвенникъ, что заставило тогдашнюю богатую еврейскую общину Франкфурта-на-Майнѣ истратить громадную сумму въ 100,000 золотыхъ на то, чтобы получить отъ императора отмену монополіи упомянутаго іезуитскаго епископа и запретить печатаніе Талмуда въ Прагѣ.

Это увиваніе Эйбешютца около іезуитовъ заставляло въ извѣстныхъ кружкахъ вспоминать о его саббатіанствѣ. Когда въ 1733 г. раввинское мѣсто въ Мецѣ сдѣлалось вакантнымъ, Эйбешютцъ хлопоталъ о полученіи этого мѣста и просилъ одного изъ своихъ горячихъ поклонниковъ упомянутаго уже Нехемію Рейшера, внука умершаго тогда мецскаго раввина Іакова Бакофена, рекомендовать его мецской еврейской общинѣ. Когда представители Меца были заняты выборами, въ залу выборовъ явилась сѣдая вдова Бакофена и просила не поворить ея мужа и его благочестивыхъ предшественниковъ по мецскому раввинату выборомъ въ мецскіе раввины *еретика* или, еще хуже, апостата (мумарь). Это торжественное предостереженіе со стороны почтенной матроны, состоявшей въ родствѣ съ женой Эйбешютца, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что на этотъ разъ, вмѣсто Эйбешютца, въ мецскіе раввины былъ избранъ упомянутый уже р. Іошуа Фалкъ (р. около 1680; ум. 1756), а Эйбешютцъ волей-неволей долженъ былъ оставаться въ Прагѣ.

Защитники Эйбешютца съ д-ромъ Кономъ во главѣ, стараются оправдать близость Эйбешютца къ отчаяннымъ врагамъ іуданзма тѣмъ, что, благодаря этому, могло состояться печатаніе Талмуда, хотя бы въ искаженномъ видѣ, и что онъ въ своихъ религіозныхъ спорахъ съ іезуитами могъ устранять много предразсудковъ относительно евреевъ.

Единственная заслуга Эйбешютца могла состоять въ полученіе разрѣшенія на печатаніе Талмуда, но эта услуга была такова, что тогдашнее еврейство считало нужнымъ тратить громадныя суммы, лишь-бы предупредить эти «услуги».

Въ 1741 г. мецскій раввинъ Фалкъ занялъ должность раввина въ Франкфуртѣ на Майнѣ, а мецкая община, благодаря дѣятельнымъ ходатайствамъ Рейшера, на этотъ разъ выбрала своимъ раввиномъ Ионатана Эйбешютца. Но прежде чѣмъ онъ занялъ эту должность, возгорѣлась война между Фридрихомъ Великимъ и Маріей-Терезіей. Союзное Пруссіи французское войско заняло Прагу. Богемская и моравская чернь обвиняла евреевъ въ томъ, будто они въ тайнѣ были на сторонѣ врага, на томъ основаніи, что этотъ послѣдній не позволялъ черни грабить евреевъ и что евреи, не рассчитывая на снисходительность, скоро уплатили наложенную на нихъ контрибуцію; чернь увѣряла также, что Фридрихъ Великій, протестантскій еретикъ,—защитникъ евреевъ. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ мѣстахъ Моравіи, куда пруссаки еще не проникали, происходили нападенія черни на евреевъ. Одинъ австрійскій фельдмаршалъ, подъ влияніемъ враждебнаго къ евреямъ настроенія, издалъ 14 марта 1742 г. декретъ, въ силу котораго мѣстныя многочисленныя еврейскія общины въ продолженіе шести дней обязаны были доставить ему 50,000 гульденовъ, «въ противномъ случаѣ они будутъ ограблены и перебиты». Благодаря самоотверженной дѣятельности двухъ членовъ вѣнской еврейской общины, барона де-Агвиляра (род. около 1700, ум. въ Лондонѣ 1765) и богатаго раввина Исахаара-Беруша Эскелеса, Марія-Терезія отмѣнила этотъ декретъ (21 марта).

Избранный въ мецкіе раввины р. Іонатанъ Эйбешютцъ, желая, можетъ-быть, обезпечить за собою это мѣсто во французской Лотарингіи или просто изъ тщеславія, сблизился съ занявшими Прагу французскими властями. Онъ получилъ отъ комманданта пропускной билетъ для безпрепятственнаго перѣзда во Францію, чѣмъ возбудилъ въ богемскомъ населеніи подозрѣніе въ томъ, что онъ состоялъ въ сношеніяхъ съ врагами. Во Францію Эйбешютцъ уѣхалъ одинъ, оставивъ свое семейство въ Прагѣ (1742). По изгнаніи французовъ (конецъ 1742), австрійскія власти произвели слѣдствіе о поведеніи Эйбешюца и затѣмъ конфисковали его имущество. Впослѣдствіи подозрѣніе въ измѣнѣ было распространено на всѣхъ богемскихъ и моравскихъ евреевъ. Вслѣдствіе этого, Марія-Терезія вдругъ издала декреты (для Богеміи—18 декабря 1744; для Моравіи—2 января 1745 г.), въ силу которыхъ всѣ евреи этихъ двухъ провинцій въ короткое время, «по многимъ, различнымъ причинамъ», должны были быть удалены, а если кто изъ нихъ послѣ назначеннаго срока останется, то «онъ долженъ быть прогнанъ военнымъ порядкомъ (mit militärischer Hand)». Пражскіе евреи, числомъ больше 20,000 душъ, должны были оставить Прагу и бродить по деревнямъ, такъ какъ власти окрестныхъ городовъ получили приказаніе не впускать евреевъ въ города, даже при проѣздѣ. Положеніе моравскихъ и богемскихъ евреевъ было ужасное. Чувствуя, можетъ быть, угрызенія совѣсти и считая себя причиной ихъ несчастія, Эйбешютцъ въ Мецѣ проповѣдывалъ о необходимости помогать несчастнымъ, писалъ объ этомъ представителямъ южно-французскихъ еврейскихъ общинъ и просилъ письменно римскихъ евреевъ ходатайствовать за своихъ несчастныхъ братьевъ предъ папой. Но все это принесло мало пользы. Важнѣе оказались ходатайства Агуилара, Эскелесса и другихъ такъ называемыхъ Hofjuden (придворныхъ евреевъ). За евреевъ заступились даже духовные и посланники Англіи и Голландіи. Не особенно много труда стоило доказать неосновательность обвиненія евреевъ въ измѣнѣ. Кончилось дѣло тѣмъ, что всѣмъ богемскимъ

и моравскимъ евреямъ дозволено было (15 мая 1745) оставаться на своихъ мѣстахъ, за исключеніемъ пражскихъ евреевъ, которые больше другихъ были заподозрѣны въ измѣнѣ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе жалобы пражскихъ гражданъ на то, что отъѣздъ евреевъ для нихъ чрезвычайно убыточенъ, евреямъ было дозволено возвратиться въ Прагу подъ разными тягостными и унижительными условіями, сохранившимися вплоть до 1848 г. Что-жъ касается Эйбешютца, то онъ былъ объявленъ измѣнникомъ, и ему запрещено было вступать въ предѣлы австрійской имперіи.

Мы, вопреки увѣреніямъ Эмдена-Ашкенази, убѣждены въ томъ, что Эйбешютцъ измѣнникомъ не былъ; но австрійское правительство, видя, какъ славный рабби, ничего цвѣдному общаго не имѣвшій съ вторгнувшимися врагами, заискиваетъ предъ ними, имѣетъ съ ними частыя сношенія и, наконецъ, получаетъ отъ нихъ свободный пропускъ во Францію, считало его измѣнникомъ и затѣмъ, считая его духовнымъ главой почти всего моравскаго и богемскаго еврейства, заподозрило и послѣднее въ солидарности съ нимъ.

Эйбешютцъ, надѣясь получить отъ благоволившаго къ нему врага пропускной документъ, вслѣдствіе легкомыслія и эгоизма не подумалъ о томъ, что за него будетъ расплачиваться все еврейство. Въ данномъ случаѣ Эйбешютцъ виновенъ въ томъ, что криминалисты называютъ *креступнымъ безразличіемъ*, которое влечетъ за собою сильное наказаніе, если отъ этого послѣдовала смерть человѣка; и если безразличіе когда-либо преступно, то предосудительно и поведеніе Эйбешютца, и никакія натяжки д-ра Кона не смоютъ съ его памяти этого пятна.

IV.

И на этотъ разъ Эйбешютцъ не безъ труда и усилій получилъ раввинское мѣсто въ Мецѣ. Только-что оставившій это мѣсто раввинъ предупредилъ представителей мецской общины, увѣщевалъ ихъ «не подавать ему руки своей»,

и открылъ имъ «немного (גרע) изъ того, что ему было извѣстно» объ Эйбешютцѣ. Но Эйбешютцъ сумѣлъ склонить на свою сторону важнѣйшаго дѣятеля этой общины молодого Рейшера, который, несмотря на предостереженія, работалъ въ пользу Эйбешютца. Вотъ интересная выдержка изъ адресованнаго на имя Рейшера письма, въ которомъ Эйбешютцъ рекомендуетъ самого себя: «Слава Богу, моя слава распространена по всему свѣту; нѣтъ ни одного изъ современныхъ мнѣ раввиновъ, которой былъ-бы достоинъ распространять Тору, какъ я»... «Пока я живу—есть Тора среди Израиля, чтобы разъяснить всѣ затруднительныя мѣста Талмуда, классическихъ и новѣйшихъ кодификаторовъ, явнаго и тайнаго (коббалистическаго) ученія, общеобразовательныхъ, естественныхъ, астрономическихъ, философскихъ, математическихъ, логическихъ наукъ. Кто можетъ равняться со мной и кто можетъ состязаться со мною?» и т. д. Молодой тогда еще Рейшеръ не могъ подоврѣвать въ этомъ хвастовства и употребилъ всѣ свои усилія, чтобы доставить Эйбешютцу раввинское мѣсто въ Мецѣ.

Какъ и можно было ожидать, Эйбешютцъ, по приѣздѣ своемъ въ Мецъ, скоро расположилъ къ себѣ мѣстную общину, предъ которой онъ хвасталъ своимъ всеобъемлющимъ умомъ и своими энциклопедическими познаніями. Вотъ, напр., образецъ его хвастовства въ синагогальной проповѣди, произнесенной имъ 7-го числа мѣсяца Аба 1754 г. и имъ-же напечатанной въ сборникѣ его проповѣдей: «שׁוֹר גִּוּר» ff 32—33 «Христіане, говоритъ Эйбешютцъ, считаютъ планеты и звѣзды неразумными и бездушными и состоящими изъ твердаго матеріала, какъ земной шаръ: но я спорилъ съ ихъ учеными въ публичныхъ засѣданіяхъ: если такъ, то что такое колдовство, которое даетъ намъ возможность стянуть на землю вліяніе планетъ при помощи изображеній, нашептываній и воскуреній, если эти звѣзды бессмысленные камни? Я имъ объяснялъ, по ихъ-же сочиненіямъ, въ чемъ состоитъ колдовство, и они согласились, слава Богу, со мною, и они рѣшили

напечатать это въ Прагѣ, и такимъ образомъ всѣ, кто только вздумаетъ спорить со мною по части философіи, должны будутъ пасовать предо мною»... «Я объяснялъ имъ (христианскимъ ученымъ) одно изобрѣтеніе въ астрономіи, котораго никакіе астрономы не постигали, въ моемъ комментаріи къ календарнымъ вычисленіямъ я объ этомъ распространялся и объяснялъ всѣ сомнѣнія астрономовъ». Онъ увѣрялъ въ своихъ проповѣдяхъ, между прочимъ, что онъ написалъ спеціальныи трактатъ о «семи мудростяхъ», необходимыхъ для уразумѣнія Торы.

Трудно было ожидать, чтобы слушатели Эйбешютца относились критически къ словамъ своего раввина-проповѣдника, гениальныхъ способностей котораго не отрицали и его противники.

Если задаться вопросомъ, съ какой стати Эйбешютцъ прибѣгалъ къ такому самохваленію, когда и безъ того его слава, какъ первокласснаго талмудиста и проповѣдника, была вполне заслужена, то поневолѣ прійдемъ къ заключенію, что онъ, подобно своему прототипу и идеалу, р. Исааку-Лурье-Ашкенази, собирався выступить въ такой роли, въ которой онъ неминуемо долженъ былъ встрѣтить дружный отпоръ со стороны здравомыслящаго раввинизма, т. е. въ роли Мессіи. И вотъ, чтобы предупредить этотъ отпоръ со стороны «лающихъ собакъ», какъ онъ называлъ современныхъ ему раввиновъ, Эйбешютцу нужно было увѣрить легковѣрную массу въ томъ, что онъ не только неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ ему раввиновъ, но что онъ источникъ всѣхъ премудростей, что предъ его зрячими очами раскрыто все тайное и явное и что онъ посредствомъ ему одному извѣстныхъ каббалистическихъ формулъ подчиняетъ себѣ высшія міровыя силы. Эйбешютцъ открываетъ въ Мецѣ публичную распродажу амулетовъ, служащихъ универсальными лѣкарствами противъ всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ золъ, даже — противъ нашествія лягушекъ... За большія суммы онъ продавалъ равныя благоухающія травы, воскуреніе которыхъ из-

гоняло влхъ духовъ изъ домовъ, онъ торговаль чудодѣйствующимъ виномъ, надъ которымъ онъ произносилъ известное благословленіе. Первый значительный шагъ впередъ на пути къ мессіанизму былъ сдѣланъ. Эйбешютцъ слылъ среди еврейской массы не только величайшимъ раввинскимъ авторитетомъ и ученымъ, но и чудотворцемъ, который господствуетъ надъ высшими мировыми силами и каждое слово котораго переполнено святыхъ тайнъ, недоступныхъ уму обыкновеннаго смертнаго. Въ 1746 г. еврейская община Фюрта предлагала Эйбешютцу должность фюртскаго раввина, которую онъ согласился принять, но мецская община употребила всѣ средства, чтобы не разставаться со своимъ раввиномъ-полубогомъ. Но скоро присущій Эйбешютцу характеръ взялъ верхъ надъ благоразуміемъ и лицемѣріемъ. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ вытѣснить своего друга и приверженца, вышеупомянутаго Нехемію Рейшера, который такъ безкорыстно ратоваль за него, изъ должности лотарингскаго раввина. Для этого Эйбешютцъ оклеветаль Рейшера предъ французскимъ правительствомъ. Кромѣ того разнеслись слухи о чисто денежныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ Эйбешютца, думавшаго очевидно, что онъ уже стоитъ выше всякаго контроля. Все это, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Мецѣ, по разнымъ политическимъ обстоятельствамъ, трудно было еврейской молодежи изъ Польши и Германіи проникать для изученія раввинизма подъ его руководствомъ, все это заставило его искать новаго мѣста. Когда пражское раввинское мѣсто сдѣлалось вакантнымъ, Эйбешютцъ (1750) старался всѣми силами, при помощи многочисленныхъ пражскихъ родныхъ, занять это мѣсто, но пражская община сопротивлялась этому, не забывая того зла, которое онъ причинилъ моравскому, богемскому и въ особенности пражскому еврейству.

Въ то время объединенный раввинскій постъ трехъ общинъ: Альтоны, Гамбурга и Ванзбека, вслѣдствіе смерти мѣстнаго раввина, былъ вакантенъ уже около 1½ лѣтъ. Эйбешютцу удалось склонить на свою сторону членовъ этихъ

общинъ, при помощи родныхъ и друзей, ходившихъ по домамъ, рассказывавшихъ о его гениальности, любезности въ обращеніи, о его святости и чудесахъ посредствомъ амулетовъ и талисмановъ. Полгода продолжается переѣздъ Эйбешютца изъ Меца въ Альтону, такъ какъ онъ считалъ нужнымъ останавливаться въ разныхъ городахъ, въ особенности во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ не скупился раздавать амулеты, хотя представители этой общины относились къ нему съ недоверіемъ.

Въ Альтонѣ, Эйбешютцъ считалъ себя ближе къ цѣли. Ропотъ раввиновъ противъ него онъ могъ легко объяснить мелочной завистью умственныхъ пигмеевъ къ великану. Здѣсь ему легко будетъ окружить себя тысячами учениковъ и приверженцевъ. Онъ находился теперь почти въ томъ же положеніи, въ какомъ его прототипъ Исаакъ Лурье-Ашкенази находился въ Сафетѣ, когда онъ готовъ былъ объявить себя Мессіей, чему помѣшала лишь благодѣтельная для его славы холера. Теперь, по отношеніи къ Эйбешютцу, роль антихриста взялъ на себя жившій тогда въ Альтонѣ знаменитый фанатически настроенный и пользовавшійся громкой славой талмудистъ и каббалистъ—неукротимый рабби Іаковъ Эмдентъ-Ашкенази.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Голубовъ.

Гласъ изъ пустыни.

Продолженіе ¹.

Одинъ еврейскій священникъ, который за двѣсти лѣтъ до паденія второго храма, въ блестящій періодъ Птолемея Филадельфа жилъ въ Иерусалимѣ и который назывался Игошуа бенъ-Сирахъ бенъ-Эліазеръ, въ собраніи притчей, Мешалимъ, выразилъ мнѣніе своего времени о Библии, и я хочу тутъ привести его слова. Они звучатъ жреческою торжественностью и въ то же время они дѣйствуютъ такъ освѣжающе на душу, словно только наканунѣ вырвались изъ пламенной человѣческой груди.

Вотъ эти слова: «Все это есть книга союза, заключеннаго со Всевышнимъ, именно законъ, который Моисей далъ дому Якова во благо.

Она изобилуетъ мудростью, какъ водою потокъ Кисонъ, когда онъ переполняется, и какъ Тигръ, когда онъ разливается весной. Она изобилуетъ разумомъ, какъ Ефратъ, когда онъ переполняется и какъ Иорданъ во время жатвы. Изъ нея ключемъ бьетъ цѣломудріе, какъ свѣтъ и какъ Нилъ осенью. Еще не было того, который все изучилъ въ ней, и никогда не будетъ того, кто добрался бы до самой глубины ея. Ибо мысли ея необъятнѣ моря, глубже бездны» ².

Да, Гейне есть истинный продуктъ Іудеи, прямое продолженіе пророковъ, и его чарующая поэзія, которая такъ часто дышитъ библейскою простотой, отражаетъ въ себѣ небо и горы Палестины, сады Энъ-Геди, такъ что иногда кажется, будто читаешь продолженіе Пѣсни Пѣсней, чувствуешь ароматъ лилій Сарона. Ядъ его сатиры и беспощадной насмѣшки, какъ впрочемъ и у другого великаго потомка пророковъ, Берне, есть ядъ отравленной еврей-

¹ См. „Книжки Восхода“ кн. VIII.

² Цитирую по нѣмецкому тексту.

ской души, накопившейся тамъ вѣками свирѣпой злобы и дикихъ издѣвательствъ.

Но какъ бы остры, какъ бы сильны ни были иронія и сарказмы Гейне и Берне, и они однако еще не выразили со всей силой того необъятнаго злого смѣха, который долженъ былъ бы вырваться изъ глубины еврейской народной души, этой несчастной пассивной девятнадцати-вѣковой свидѣтельницы величайшаго лицемерія, какое когда либо видѣло человѣчество. Не тонкими стрѣлами юмора онъ долженъ былъ бы выразиться, а громовымъ сатанинскимъ хохотомъ, который потрясъ бы вселенную отъ края до края, проникъ бы до самой глубины преисподней. и встревожилъ бы тамъ прахъ всѣхъ кровожадныхъ мучителей нашихъ отъ начала новой эры.

Этого сатанинскаго очистительнаго хохота міръ еще ждетъ. Ни у Гейне, ни у Берне не хватило еще духа тогда бросить міру въ лицо всю его ложь въ этомъ отношеніи, хотя они глубоко ее чувствовали, какъ видно изъ тѣхъ стонровъ, которые временами вырываются изъ ихъ души, когда они заговариваютъ объ еврейскихъ страданіяхъ.

Но они еще ждали кое чего для еврейства отъ свободной, объединенной Германіи, отъ освободившагося изъ старыхъ оковъ міра. О еслибъ они жили теперь и увидѣли бы варварство современной свободной Европы, увидѣли бы свою милую, столь любимую ими, какъ и многими другими, Францію, празднующую самой дикой вандалской вакханаліей столѣтіе Великой Революціи, увидѣли бы, какъ опьяненная, одичавшая толпа топчетъ ногами всѣ ихъ идеалы, величайшую святыню ихъ души; если-бы въ то же время увидѣли начинающееся пробужденіе ихъ родного народа,—я нисколько не сомнѣваюсь, что они не только пристали бы къ еврейскому національному движенію, но и стали бы во главѣ его, были бы его руководителями и вдохновителями.

О да, эти гордые борцы не стали бы теперь пресмыкаться у ногъ еще болѣе нынѣ ополчившагося и самодовольнаго нѣмецкаго филистерства, не пожелали бы быть ливрейными лакеями современнаго казарменнаго *Deutschum*, подобно многимъ современнымъ еврейскимъ пигмеямъ, сдѣлавшимся факторами Бисмарка и бардами нѣмцевъ побѣдъ.

И знаете ли кто еще къ нимъ присоединился бы?

О какъ это многимъ покажется страннымъ. Да, знаете ли кто еще? Фердинандъ Лассаль. Да, Фердинандъ Лассаль. Не пожимайте такъ плечами. Стоять только прочесть его дневникъ, чтобы убѣдиться, что въ этомъ утвержденіи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника онъ приблизительно говоритъ слѣдующее: «Сегодня во время похоронъ (не помню кого, ибо цитирую наизусть, вполне ручаясь однако за вѣрность *содержанія*), я бесѣдовалъ съ Лове (кажется такъ) о іудизмѣ. Онъ удивился, узнавъ о моей любви и симпатіи къ послѣднему. Дуракъ онъ! Будто нельзя ѣсть трепное и вмѣстѣ съ тѣмъ любить еврейство. О, съ мечемъ въ рукахъ я сталъ бы, во главѣ еврейскаго народа, чтобы освободить его отъ его ужаснаго многовѣковаго гнета; и съ радостью положилъ бы за него голову, не страшась никакой казни».

Если въ послѣдствіи у него часто вырывались выраженія ненависти и даже презрѣнія къ нѣмецкому еврейству, то это именно потому, что они то и являлись самыми презрѣнными лакеями и раболѣпными угодниками, считая всякую уничтоженную по отношенію къ нимъ несправедливость величайшей милостью, за которую непрерывно низко кланялись и благодарили, и никогда не пытались даже гордо поднять голову,—словомъ онъ ихъ презиралъ за тѣ черты, за которыя они отталкиваютъ и насъ. Но совсѣмъ иначе онъ отнесся бы къ еврейству, если бы увидѣлъ въ немъ стремленіе къ освобожденію, къ самостоятельности.

О, представьте себѣ еврейскій конгрессъ, въ которомъ засѣдаютъ эти три гиганта!

Я опять сбился немного въ сторону. Что дѣлать!

Мой пегасъ не классическій, мчащійся ровной стрѣлой крылатый конь, а еле плетущая ноги бѣдная, выбившаяся изъ силъ еврейская кляча, которой никогда не даютъ слѣдовать прямой дорогой и которая поэтому осуждена бродить безъ пути, попадая туда, куда ее случайно загоняетъ.

Гейневское такъ называемое кощунство, которое дѣйствительно иногда доходитъ до цинизма, тоже отчасти имѣетъ свой корень въ этой отравленной преслѣдованіями еврейской душѣ. Это кощунство между прочимъ никогда почти не проявляется на іудизмѣ, который онъ, хотя мало знаетъ, но глубоко понимаетъ своимъ поэтическимъ инстинктомъ, возвышающимся у него всегда до про-

рочества. Въ своей книгѣ Ueber Polen онъ мимоходомъ упрекаетъ Фридендера, автора одной книгы о польскихъ евреяхъ, за его «zu ungerechte Verkennung der Verdienste und der sittlichen Bedeutung der Rabbiner».

И замѣчательно, онъ самъ за исключеніемъ поэмы die Disputation, каждый разъ, когда у него заходитъ рѣчь о раввинахъ, всегда говоритъ о нихъ, съ какой то любовью и благоговѣніемъ. Онъ часто любитъ упоминать о нихъ, подразумевая подъ ними большей частью талмудистовъ, и съ особенной любовью любитъ приводить «раввинскія легенды». При этомъ онъ всегда старается сохранять нѣкоторыя древне-еврейскія слова и писать собственныя имена по еврейской транскрипціи. И въ этихъ мелочахъ всегда проглядываетъ глубоко затаенная любовь къ еврейству. Его беспощадныя нападки на еврейскихъ буржуа и тѣхъ, кого мы называемъ теперь еврейской интеллигенціей, кроются больше именно въ его любви къ еврейству. Въ уже упомянутой книгѣ онъ говоритъ о томъ отвращеніи, которое внушилъ ему внѣшній видъ польскаго еврея, что очень естественно. Вѣдь и теперь этотъ внѣшній видъ не всегда привлекателенъ, а Гейне видѣлъ польскихъ евреевъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но его отвращеніе скоро исчезаетъ, и онъ охваченъ глубокой болью, вида ихъ конуры, ихъ ужасную бѣдность и лишения. Онъ умѣетъ сквозь ихъ грязную оболочку проникнуть въ ихъ душу, въ ихъ духовное существо. Онъ видитъ ихъ недостатки, но и видитъ ихъ внутреннія достоинства.

«In jenen früheren Zeiten, говоритъ дальше Гейне по поводу польскихъ евреевъ, standen indessen die Juden in Kultur und Geistesbildung gewiss weit über dem Edelmann, der nur das rauhe Kriegshandwerk trieb und noch dem französischen Firni entbehrte. Jene aber beschäftigten sich wenigstens immer mit ihren hebräischen Wissenschaft und Religionsbüchern, um derentwillen sie eben Vaterland und Lebensbehaglichkeit verlassen».

Не забудемъ, что даже теперь нѣмецкіе евреи считаютъ чуть ли не поголовно всѣхъ польскихъ евреевъ сбородомъ нищихъ и дикарей, что даже Гретцъ во многихъ отношеніяхъ сохранилъ этотъ грубый предрасудокъ о насъ, — ибо подъ «польскимъ евреемъ» нѣмецкіе евреи подразумеваютъ всѣхъ восточныхъ евреевъ.

Гейне же затѣмъ прибавляетъ, словно негодуя противъ этой

грубой несправедливости: «Dennoch trotz der barbarischen Peltzmütze die seinen Kopf bedeckt und den noch barbarischen Jdeen, die denselben füllen, schätze ich den polnischen Juden weit höher als manchen deutschen Juden, der seinen Bolivar auf dem Kopf und seinen Jean Paul im Kopfe trägt».

Подобное за исключеніемъ того или иного слова могъ бы написать теперь горячій еврей націоналистъ, пламенный ненавистникъ ассимиляціи. Впрочемъ у Гейне не одно мѣсто попадаетъ, гдѣ онъ со всею силою своего презрѣнія обрушивается на ассимилированныхъ евреевъ.

Въ немъ несомнѣнно таилась безсознательная инстинктивная ненависть къ людямъ, которые всеми средствами скрывали свое еврейство, и они чаще всего служатъ мишенью для его злѣйшихъ насмѣшекъ. Прочтите, напр. его негодующія строки въ письмѣ изъ Парижа о Дамасскомъ дѣлѣ, по адресу еврейскихъ бароновъ за ихъ равнодушіе къ несчастьямъ своего народа, за спасеніе котораго иной не дастъ и 50 франковъ.

Несомнѣнно, что въ своей книгѣ о Людвигѣ Берне, онъ этому послѣднему очень часто влагаетъ въ уста свои собственныя мысли. Ибо никакая геніальная память не сумѣла бы съ такою точностью запомнить столько рѣчей и мыслей по поводу столькихъ разнообразныхъ предметовъ спустя много лѣтъ.

Если и допустить, что очень многое и сказано дѣйствительно самимъ Берне, то почти несомнѣнно, что Гейне во всемъ, что касается еврейства, приводитъ то, что онъ самъ раздѣляетъ.

И вотъ въ этой книгѣ Гейне особенно ярко выражаетъ свои симпатіи и антипатіи къ различнымъ слоямъ еврейства. Старый ребъ Хаимъ, дрожащимъ заунывнымъ голосомъ, но съ глубокимъ чувствомъ читающій знаменитый псаломъ: На рѣкахъ Вавилонскихъ, вызываетъ въ немъ глубокія симпатіи, а самъ псаломъ возбуждаетъ его восторгъ. Съ большою симпатіей и сочувствіемъ онъ заставляетъ Берне говорить о праздникѣ Ханука, о множествѣ зажженныхъ на окнахъ еврейскихъ домовъ по этому поводу лампочекъ, которыя они видятъ, проходя вмѣстѣ по франкфуртской еврейской улицѣ. Онъ даже поетъ восторженный гимнъ еврейскому шалету (tscholent по нашему), который онъ вмѣстѣ съ Берне ѣлъ во Франкфуртѣ въ субботу у одного доктора, сохранившаго патриархальныя нравы. Онъ его называетъ «Kuhreigen

des Juden». Это знаменитая пѣснь (chant des armailis во французскихъ кантонахъ) швейцарскихъ пастуховъ, звуки которой, услышанные на чужбинѣ, вызвали въ швейцарцахъ странную недолимую тоску по роднымъ горамъ, такъ что при французскомъ дворѣ, гдѣ всегда было много швейцарцевъ, было строго запрещено пѣть эту пѣсню. Одинъ запахъ шалета, говоритъ Гейне, достаточенъ, чтобы вызвать въ отстунникахъ мучительную тоску по еврействѣ.

Съ какимъ умиленіемъ и задушевностью Берне у него говорить о благочестіи, безконечной добротѣ и простотѣ стараго Меръ - Аншеля Ротшильда, родоначальника всѣхъ Ротшильдовъ. Ротшильды, говоритъ Гейне устами Берне, защитили себя на всегда отъ остротъ презрѣнія и насмѣшекъ: они остаются вѣрными іудазмизму. И съ какимъ омерзениемъ онъ тутъ же говорить о еврейскихъ богатыхъ банкирахъ, принимающихъ христіанство. Его презрѣніе къ этимъ послѣднимъ особенно не имѣетъ предѣловъ. Безъ чувства величайшей гадливости онъ о нихъ никогда не говорить.

«Glauben sie dass man Läuse in Flöhe verwandeln kann, wenn man sie mit Wasser begiesst, заставляеть онъ Берне спросить себя.

— «Ich glaube nicht», отвѣчаетъ Гейне и заставляеть Берне продолжать объ этихъ «alten Läuse, die sich plötzlich einbilden sie wären Flöhe und christlich zu hüpfen beginnen». И съ возрастающимъ омерзениемъ онъ рассказываетъ о дочеряхъ Израила, которыхъ онъ видѣлъ на улицахъ Берлина и которыя носили на шеѣ длинныя кресты, еще длиннѣе своихъ носовъ, которыя громко рассказывали о только что слышанной въ церкви проповѣди, при чемъ одна спрашивала другую, у кого та приняла причастіе.

Да, онъ былъ еврей до малѣйшаго атома своей души. Своему собственному переходу въ лютеранство онъ никогда не придавалъ никакого серьезнаго значенія, а большею частью надъ нимъ издѣвался.

Въ одномъ мѣстѣ Geständnisse онъ между прочимъ говорить слѣдующее по этому поводу: Wie Henri IV einst lachend sagte: «Paris vaut bien une messe», so konnte ich mit Fug sagen: «Berlin vaut bien un prêche»; und ich konnte mir noch wie vor das sehr aufgeklärte und von jedem Aberglauben filtrirte Christenthum ge-

fallen lassen, das man damals sogar ohne Gottheit Christi, wie Schildkrötensuppe ohne Schildkröte, in den Berliner Kirchen haben konnte».

Онъ только, какъ онъ выражается, изъ вѣжливости одѣлъ форму лютеранства, подобно тому какъ австрійскій императоръ одѣваетъ форму прусскаго гвардейскаго офицера, когда онъ удостаиваетъ короля своимъ присутствіемъ на смотру въ Потсдамѣ.

Мы, разумѣется, знаемъ, что эта была вынужденная вѣжливость, что Гейне долго боролся прежде чѣмъ напялить эту «форму».

Очень важно знать, что это было сдѣлано съ согласія родителей, что предварительно происходилъ семейный совѣтъ объ этомъ. Зная характеръ матери Гейне, какъ по его собственнымъ описаніямъ, разсѣяннымъ въ различныхъ мѣстахъ, такъ и по описаніямъ его біографовъ, я готовъ утверждать, что больше всего поощряла его къ этому шагу она, эта «высоко-либеральная», крайне честолюбивая особа, которая только и мечтала о высокомъ видномъ положеніи для своихъ дѣтей, готовая ихъ отдать, ради этого, какому угодно Молоху, какъ это дѣлали раньше и продолжаютъ теперь дѣлать сотни другихъ культурныхъ еврейскихъ Изавелей въ Германіи и у насъ въ послѣдніе годы. Гейне разсказываетъ, напримѣръ, что въ послѣдствіи его старуха мать даже жалѣла, что не посвятила его духовной карьерѣ, какъ ей совѣтовала одна католическая духовная особа, когда поэтъ нашъ еще былъ ребенкомъ.

Да, почти всегда тамъ, гдѣ происходитъ измѣна еврейству, надо chercher la femme, особенно когда въ жертву Молоха приносятся маленькія дѣти. Насколько патриархальная женщина поражала міръ своимъ высокимъ героизмомъ въ преданности и вѣрности еврейству, настолько культурная поражаетъ своей низостью въ этомъ отношеніи.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie just passieret,
Dem bricht's das Herz entzwei.

Всю жизнь эта форма жала и тѣснила бѣднаго, великаго поэта, которому стала невыносима эта ложь и эта двойственность. И чѣмъ больше тѣснила его форма, тѣмъ съ большей силой про-

буждалась его любовь къ еврейству, тѣмъ горячѣе онъ сталъ заявлять о своемъ еврействѣ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Нѣтъ у него почти ни одного крупнаго произведенія, особенно средняго и послѣдняго періода, въ которомъ онъ такъ или иначе не говорилъ бы о еврействѣ. Даже въ такое произведеніе, какъ *Witzli-Putzli*, онъ нашелъ возможность вставить двѣ восторженныя строфы о Моисеѣ. О специально еврейскихъ произведеніяхъ его, какъ *Ieguda бенъ-Галеви*, *Бахарахскій раввинъ* и др., я не говорю. Они извѣстны всякому. Постоянно забываютъ объ одномъ маленькомъ, вошедшемъ въ «*Buch der Lieder*», стихотвореніи *An Edom*, которое въ нѣсколькихъ смѣлыхъ, презрительно насмѣшливыхъ строкахъ, выражаетъ все негодованіе Гейне противъ враговъ еврейскаго народа. Конечно Гейне не представляетъ во всемъ образца нравственности. Онъ часто употребляетъ свой божественный даръ для недостойныхъ поэта личныхъ цѣлей. Я уже не говорю объ его выходкахъ противъ Берне, грубыхъ недостойныхъ издѣвательствахъ, а иногда коварныхъ намекахъ по адресу Мейербера, генія котораго онъ не хотѣлъ и не могъ оцѣнить; но есть очень многое другое недостойное его и по отношенію къ еврейству. Надо признаться, что не всегда онъ удерживался въ этомъ отношеніи на надлежащей высотѣ. Часто его любовь къ еврейству прорывается помимо его воли, часто она выглядываетъ изъ подъ злѣйшей насмѣшки, которой онъ какъ будто спѣшитъ заглушить вырывающіяся чувства. Но и тутъ онъ опять именно еврей. Но если Гейне чѣмъ либо и виноватъ передъ еврействомъ, онъ свой грѣхъ щедро, какъ никто, искупилъ своею любовью къ нему и своими великими страданіями. Я говорю если. ибо принимая во вниманіе эпоху, среду, воспитаніе, вліяніе либеральной маменьки въ особенности, вина Гейне сводится почти къ нулю. Гейне, къ великой досадѣ своей матери и къ великой своей чести, никогда не воспользовался своею формою, и служила она только лишнимъ бременемъ для его совѣсти и для его гордости, сдѣлалась для него въ послѣдствіи лишнимъ терновымъ вѣнкомъ въ его мученической страдальческой жизни послѣднихъ годовъ. «*Ich bin kein lebensfreudiger, etwas wohl beleibter Hellene mehr, der auf trübsinnige Nazarener heiter herablächelte: ich bin jetzt ein armer todtkranker Jude, ein abgezertes Bild des Jammers, ein unglücklicher Mensch*», пишетъ онъ уже больной, лежа въ своемъ страшномъ «ма-

традномъ гробу», откуда больше не могъ подняться. И эти слова глухимъ мучительнымъ стономъ отдаются въ вашей душѣ, и ваше сердце наполняется необъятной болью и столь же необъятной страдальческой любовью къ великому поэту-мученику. О да, Гейне широко испыталъ свой грѣхъ предъ еврействомъ. Никто такъ громко, такъ смѣло и такъ мужественно не говорилъ о своемъ еврействѣ, какъ онъ. Мнѣ, быть можетъ, больше чѣмъ кому-либо тяжело и даже крайне неприятно говорить о подобнаго рода мужествѣ. Но когда видишь, съ какою жалкою презрѣнной трусливостью другіе болѣе или менѣе выдающіеся евреи скрываютъ свое еврейство, невольно приходится говорить о мужествѣ въ данномъ случаѣ. Читайте, напримѣръ, воспоминанія Антона Рубинштейна и даже внѣшнимъ образомъ оставшагося въ еврействѣ Антокольскаго.

Какъ старательно эти господа обходятъ все то, что можетъ напомнить ихъ еврейское происхожденіе, до какого преувеличенія они доводятъ свое скромное молчаніе на этотъ счетъ. Если уже упоминаютъ объ этомъ несчастіи, то тамъ, гдѣ оно уже неизбежно, да и то дѣлаютъ это какъ-то вскользь. Между тѣмъ Рубинштейнъ широкой рукой черпалъ свои мелодіи въ еврейскихъ національныхъ мотивахъ, которые легли въ основу его лучшихъ произведеній. Даже его симфонія Океанъ въ своей первой части построена главнымъ образомъ на еврейскомъ хасидскомъ нигунѣ, который легко узнаеть тотъ, который хорошо знакомъ съ хасидскимъ міромъ въ Бердичевѣ. Очень многіе еврейскіе нигуны, распѣваемые хасидами, перенесены имъ цѣликомъ безъ всякаго измѣненія. Таковы напримѣръ мотивы двухъ хоровъ въ Вавилонскомъ Столпотвореніи, мотивы хора «Бейте въ тимпаны» (Маккавей), который я лично слышалъ за столомъ при шолешъ-судосъ, когда мнѣ было всего четыре года, и многіе другіе.

О его превосходительствѣ статскомъ совѣтникѣ, — виновать, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ г. Антокольскомъ я ничего не могу сказать. Быть можетъ, онъ, выросши въ Вильнѣ, дѣйствительно евреямъ ничѣмъ не обязанъ, а потому и вправѣ служить своимъ искусствомъ только тѣмъ, которые могли дать ему столь украшающій его титулъ. — И странная вещь. Въ то время, какъ наши евреи изъ кожи лѣзутъ, кричатъ и горланять, и адреса преподносятъ евреямъ, которые ничего для нихъ не сдѣлали, ничего не внесли въ еврейское національное со-

кровище, кромѣ титула дѣйствительнаго статсваго совѣтника, которые оставались равнодушными зрителями въ години величайшихъ страданій и униженій своего племени, не переставая прислуживаться тѣмъ, которые были главными виновниками этихъ страданій, пользуясь ихъ милостями и подачками, или именно потому, что пользовались, въ то время какъ на всѣ лады прославляли и воспѣвали подобныхъ господъ, мы постоянно такъ безучастно, такъ равнодушно стоимъ въ сторонѣ, когда празднуется память Генриха Гейне, считая его «бывшимъ евреемъ».

Ахъ, развѣ можно выбыть изъ еврейства! Развѣ можно на одну минуту перестать быть евреемъ, развѣ родился имъ. Развѣ наше внутреннее, все наше моральное существо, выработавшееся тысячелѣтними, можетъ измѣниться отъ того, что оно рядится въ ту или другую форму; отъ того или иного виѣшняго акта можемъ ли мы, при всѣхъ усиліяхъ нашихъ, перемѣнить цвѣтъ нашихъ волосъ, нашихъ глазъ, форму нашего носа или даже малѣйшую черточку въ выраженіи нашего лица. И вдругъ думать, что можно пронести какое-либо измѣненіе въ нашемъ духовномъ и моральномъ существѣ, которое куда сложнѣе, недоступнѣе и независимѣе отъ нашей воли.

То, что сформировалось тысячелѣтними, могутъ измѣнить только тысячелѣтія. Нѣтъ, изъ еврейства нельзя выбыть, какой бы виѣшности на себя ни напаять. Это вообще о всѣхъ. Что Гейне никогда не выбывалъ изъ еврейства, достаточно доказываетъ все вышесказанное.

Когда одинъ изъ его друзей спросилъ его, вѣрно ли, что онъ возвратился къ еврейству, онъ ему отвѣтилъ: «Я не скрывалъ никогда своего еврейства, къ которому не возвратился, ибо никогда его не оставлялъ».

Да, Гейне остался вѣрнымъ іудизму больше, быть можетъ, чѣмъ кто либо, ибо вѣрно служилъ величайшимъ завѣтамъ его пророковъ.

Онъ не продалъ, подобно другимъ, своего генія сильнымъ, не обвинялъ его на жалкія позорныя милости и титулы, а подобно пророкамъ, все свое великое пламенное вдохновеніе посвятилъ на служеніе правдѣ и правосудію, на борьбу противъ гнета и угнетающихъ, на защиту слабыхъ, униженныхъ и беззащитныхъ.

О да, Гейне еврей, и еврей, который далъ намъ много и самаго

цѣннаго: онъ далъ намъ величайшаго національнаго еврейскаго поэта и въ дивную сокровищницу еврейской поэзіи внесъ одну изъ чуднѣйшихъ драгоценностей.

Я говорю—«національнаго» поэта въ томъ смыслѣ, что его поэзія носить въ себѣ характерныя еврейскія черты, является выразительницей еврейскаго національнаго духа.

Гейневская поэзія доступна всѣмъ, чаруетъ всѣхъ. Но всякій чувствуетъ въ ней какую-то неуловимую особенность; отъ нея вѣетъ чѣмъ то такимъ, есть въ ней что-то такое, чего не имѣетъ въ себѣ поэзія никакого другаго европейскаго поэта.

И это «что-то» придаетъ его поэзію какую-то особенную неодолимую прелесть, какую то особенную притягательную силу, какое то обаяніе, противъ котораго трудно устоять.

Никакого поэта нельзя столько разъ читать, какъ его. И сколько разъ его ни читаешь, всегда находишь въ немъ новыя прелести, и въ этомъ его поэзія имѣетъ много сходства съ поэзіей Библии, дышитъ иногда той же свѣжестью и юностью, хотя та свѣжесть и юность совсѣмъ другаго рода.

И всѣ эти особенности его поэзіи составляютъ слѣдствіе его еврейской души, его національности.

Насколько Гейне истинно націоналенъ, показываетъ то, что онъ больше всего соответствуетъ настроенію еврейской души. Гейне всегда былъ любимѣйшимъ поэтомъ евреевъ. Быть еврейскимъ поэтомъ и быть такъ много читаемымъ евреями и культурными евреями,—для этого одного нужно вѣдь очень много. Всѣ понимаютъ Библию, всѣ ею восторгаются. Но развѣ можетъ кто либо изъ другихъ народовъ *чувствовать* въ ней то, что чувствуемъ мы, евреи. Для насъ, я не говорю о разныхъ уrodaхъ, слово пророка имѣетъ въ себѣ еще нѣчто такое, невыразимо трогательное и глубокое, чего не уловить другимъ.

И это потому, что Библия наша, она отраженіе нашей собственной души.

Гейне не перестаетъ быть еврейскимъ поэтомъ отъ того, что писалъ по нѣмецки, какъ не перестаетъ быть еврейскимъ мыслителемъ Маймонидъ, потому что писалъ по арабски, какъ не пересталъ бы быть Паганини италіанскимъ виртуозомъ, если бы свою скрипку, изъ которой извлекалъ столь божественныя звуки, случайно пріобрѣлъ въ Германіи. Нѣмецкій

языкъ былъ для Гейне тѣмъ же инструментомъ. Разумѣется, не слѣдуетъ отрицать, что и германскій духъ, среди котораго онъ выросъ, оказалъ большое вліяніе на него. Но сущность отъ этого не измѣняется.

Да, Гейне не писалъ по древнееврейски ¹⁾, но въ одной его строкѣ часто больше еврейскаго, чѣмъ во всѣхъ произведеніяхъ нашихъ новыхъ маленькихъ древнееврейскихъ поэтиковъ, которые, неумытые, въ своихъ епихотскихъ халатахъ, стали карабкаться на греческій Парнасъ, расшаркиваться передъ Венерой и, засовывая подъ горло толстый палецъ, издаютъ гнусливыя трели о своей пламенной любви, о томъ какъ обнимаютъ и къ груди прижимаютъ возлюбленную въ темной рошѣ.

Не правда-ли, очень назидательно для читающей по древнееврейски публики. Признаюсь, не могу безъ отвращенія думать объ этихъ влюбленныхъ «бахурахъ» и ихъ эротическихъ изліяніяхъ, которыми они стали унаваживать еврейскую литературу, всегда отличавшуюся своимъ цѣломудріемъ. Мнѣ, я знаю, назовутъ Пѣснь Пѣсней. Но то, что дѣтски наивно, то цѣломудренно, то чисто, то не шокируетъ нравственности. Никогда эта дивная божественная пѣснь никого не шокировала, ни въ комъ не возбуждала дурныхъ чувствъ, дурныхъ мыслей. Между тѣмъ какъ новѣйшая бахурская эротика грубо цинична, слишкомъ откровенна, а потому можетъ служить отравой для многихъ чистыхъ душъ, которыхъ у насъ, къ счастью, еще не мало въ еврействѣ.

Положимъ, что всѣ эти чувства естественны. Но есть и еще много кое-чего естественнаго въ человѣкѣ. Неужели обо всемъ кричать, обо всемъ объявлять публикѣ. Кто захочетъ эротики, найдетъ ее достаточно у другихъ. Зачѣмъ же профанировать нашъ чистый цѣломудренный языкъ.

Р. Менделѣ въ частномъ разговорѣ далъ слѣдующую мѣткую характеристику этого новаго вида литературы, со свойственной ему образностью:

«Когда я вижу всѣ эти «романы», всѣ эти любовные стихи, которыми стали наводнять бѣдную древнееврейскую литера-

¹⁾ На жаргонѣ, какъ утверждаетъ Карпелесъ, онъ писалъ въ молодости.

туру, это на меня производитъ впечатлѣніе, какъ если бы старая еврейка въ парикѣ и съ нагрудникомъ вдругъ пошла танцевать съ гусаромъ». Но оставимъ нашихъ бѣдныхъ влюбленныхъ ешиботниковъ съ ихъ бѣдными любовными трелями и возвратимся къ Гейне.

Въ виду указанныхъ національныхъ чертъ Гейневской поэзіи, съ пробужденіемъ въ Германіи старой ненависти къ евреямъ, эта послѣдняя, естественно, должна была обрушиться съ наибольшою силою на Гейне.

Гейне не только ярко характеристичный еврей, но онъ еще стоитъ передъ ними съ бичемъ въ рукахъ и самой презрительной улыбкой на устахъ, съ гордымъ уничтожающимъ и вызывающимъ сарказмомъ въ загадочномъ взглядѣ. И въ этомъ дивномъ, саркастическомъ и вмѣстѣ негодующемъ и превратительномъ взглядѣ они ясно читаютъ:

Ein Jahrtausend schon und länger
Dulden wir uns brüderlich.
Du, du duldest, dass ich athme,
Dass du rasest, dulde ich.

Manchmal nur in dunkeln Zeiten
Ward dir wunderbarlich zu Muth,
Und die liebefrommen Tätzchen
Farbtest du mit meinem Blut.

Jetzt wird unsre Freundschaft fester
Und noch täglich nimmt sie zu;
Denn ich selbst begann zu rasen
Und ich werde fast wie du.

Да, это не заискивающий, смиренный еврей, съ собачьей благодарностью лижущій господскую руку за всякую улыбку, за всякую милость. Это не еврей, ползущій, вымаливающий пощады, выпрашивающий подачки у панскихъ ногъ. О нѣтъ. Это еврей съ мечемъ въ рукахъ, съ мстительнымъ пламенемъ во взорахъ „ich bin das Schwert, ich bin die Flamme“, кричитъ все въ этомъ необыкновенномъ еврейскомъ рыцарѣ духа. Какъ! Ихъ обличаютъ, ихъ встрѣчаютъ саркастическимъ смѣхомъ, имъ угрожаютъ, имъ побѣдителямъ Седана, еще не отрезвившимся отъ ошьяненія французскою кровью и жаждущимъ уже новой. И кто имъ угрожаетъ; еврей!

И этот-то еврей, этот бичъ лицемѣрія, лжи, этотъ герольдъ свободы занимаетъ чуть ли не самое почетное мѣсто въ нѣмецкомъ Пантеонѣ, среди мирныхъ, столь сладостно и убаюкивающе поющихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Вонъ его оттуда!

И эта неистовствующая банда освирипѣвшихъ вандаловъ по своему права. Какъ могутъ они выносить его насмѣшливые взоры, они, которые съ каждымъ днемъ, все больше и больше дичають и опускаются на самое дно низости и безстыдства. Ему, этому бичу низости и безстыдства, поставить памятникъ въ Германіи, въ Австріи, но это было бы величайшей ироніей надъ всѣмъ современнымъ духомъ этихъ странъ, глубочайшимъ сарказмомъ, на который могъ бы быть способенъ только онъ, этотъ ненавистный еврей Гейне. И я на нихъ нисколько не въ претензіи. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, Гейне не ихъ, а нашъ. И самъ Гейне вѣроятно задрожалъ бы въ своей могилѣ, если бы ему вдругъ вздумали поставить памятникъ теперь гдѣ либо въ Вѣнѣ или Берлинѣ.

Ему навѣрное было бы страшно и жутко среди этой дикой орды. И какъ могъ бы онъ взирать съ высоты своего пьедестала на этихъ варваровъ съ ихъ ненасытнымъ хищничествомъ и алчностью. Какъ могъ бы онъ выслушивать всѣ эти дикія солдатскія рѣчи о водвореніи знаменъ, всѣ эти дикіе призывы къ мести тѣмъ, которые не приходятъ въ восторгъ отъ того, что нѣмцы такъ любезно выражаютъ готовность во всякое время ихъ уничтожить и расхитить ихъ добро. Кроме того онъ долженъ былъ бы пребывать въ вѣчномъ страхѣ, чтобы при малѣйшемъ кличѣ, на него съ дикими криками не кинулась свирѣпая толпа, не разбила бы въ дребезги его мраморное изображение. Такъ не будемъ же огорчаться тѣмъ, что памятникъ Гейне не украшаетъ ни одной площади европейскихъ городовъ.

Ему тутъ не мѣсто. И развѣ хоть одинъ изъ великихъ людей еврейства имѣетъ памятники: имѣютъ ли памятники Іешаіагу, Іерміагу, Гиллель, р. Іохананъ-бенъ Закай, р. Акива, Маймонидъ, раби Іегуда Галеви и другіе столпы еврейства.

Впрочемъ, кто знаетъ, что можетъ намъ еще принести будущее. Быть можетъ, этотъ дивный край, который когда-то содалъ столько чудесъ и нынѣ лежитъ въ развалинахъ отъ прошлаго и нынѣ царящаго въ немъ варварства и произвола,

еще увидить лучшіе дни. Быть можетъ этотъ край, который Гейне называлъ un coin d'Europe en Asie, снова расцвѣтетъ, какъ во дни оны, и родныя дѣти этого края опять заживуть каждый подъ своимъ виноградникомъ и своей смоковницей; тогда, быть можетъ, евреи, которыхъ страсть къ подражанію всѣмъ извѣстна, захотятъ, навѣрное, подобно европейцамъ, увѣковѣчить память своихъ великихъ людей памятниками. Для нихъ будетъ отведено обширное мѣсто на Масличной Горѣ, которая снова будетъ засажена рощами оливокъ и лавровъ. Тамъ не будетъ ни одной конной статуи, ни одного рыцаря въ военныхъ доспѣхахъ съ мечемъ въ рукахъ. То будутъ все памятники рыцарей и героевъ духа. И среди этого великаго еврейскаго Пантеона, воздвигнутаго на развалинахъ возрожденной родины и возрожденнаго народа, мраморное изваяніе великаго поэта, Генриха Гейне, займетъ одно изъ виднѣйшимъ и почетнѣйшимъ мѣсть. Быть можетъ, тогда и священные останки великаго поэта будутъ перенесены изъ Парижа, какъ были вѣкогда перенесены останки Іосифа, когда евреи оставили страну своего четырехъ-вѣковаго рабства. И будетъ лежать этотъ священный прахъ на священной почвѣ въ тѣни пальмъ, которыя будутъ тихо убаюкивать своимъ шопотомъ его вѣчный сонъ. Тогда только его великая тѣнь перестанетъ бродить отовсюду изгоняемая, всѣхъ отпутивая; тогда лишь прахъ его найдетъ истинный и вѣчный покой. Душа же его будетъ «вплетена въ дивный вѣнокъ живыхъ», т. е. бессмертныхъ, и будетъ жить вѣчно среди нашедшаго покой вѣчнаго народа.

И только иногда, когда къ статуѣ съ своимъ Бедкеромъ въ рукахъ, подойдетъ когда либо путешествующій нѣмецъ, на его болѣзненномъ лицѣ снова выступитъ тонкая саркастическая улыбка. Но въ ней уже будетъ больше добродушія, чѣмъ злой ѣдкости...

Мечта! Совершенно вѣрно. Но это мечта, одухотворяющая, возвышающая и бодрящая. Благодаря этой мечтѣ мы существуемъ двадцать столѣтій.

А это, кажется, что нибудь значить. Да, мечта сдѣлалась основой нашего существованія. Исчезнетъ мечта, наступитъ смерть.

Многіе низменные господа, которые неспособны возвыситься надъ грубой реальностью, ихъ притягивающей, кричатъ, что, моль, мечта отвлекаетъ отъ дѣйствительной жизни, перенося въ какой то фантастическій міръ. Да, это такъ,—и это есть величайшая заслуга мечты. Еслибы не отвлекаться отъ дѣйствительной жизни, которая такъ горька и ужасна, если не переноситься временами отъ этого страшнаго существующаго міра въ міръ фантастическій, стало бы невозможно жить и очень многимъ приходилось бы покончить съ собой. Все высшее, все прекрасное, которое служить лучшимъ украшеніемъ нашей жизни, есть результатъ мечты. Кому обязаны своимъ происхожденіемъ эта божественная поэзія, эти грандіозные храмы всѣхъ народовъ, эти статуи, эти картины великихъ мастеровъ, эти великія произведенія музыкальнаго творчества, если не мечтѣ. Да, да, все людское творчество, часто даже въ области науки, есть результатъ человѣческой мечты. Мечта и иллюзія въ общемъ дали гораздо больше человѣчеству, чѣмъ все прочее въ мірѣ. Она отвлекаетъ отъ дѣйствительности. Это говорилъ также Моисею фараонъ, которому совсѣмъ не нужно было, чтобы его рабы мечтали. Оторвать евреевъ отъ ихъ дѣйствительности! Знаете ли, что такое еврейская дѣйствительность, это сплошное море несчастья и уродства. О, какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ былъ въ силахъ въ самомъ дѣлѣ отвлечь нашъ народъ отъ этой ужасающей темной дѣйствительности, которая убиваетъ его морально и физически и къ которой, къ несчастью, онъ все больше и больше притѣпляется и не въ состояніи отъ нея оторваться. И когда изъ среды этого кипящаго міазма болота, что называютъ еврейской живнью, раздается стонъ или кликъ, зовущій къ освобожденію отъ этого болотнаго прозябанія, всякіе мелкіе людишки поднимаютъ визгъ: «мечта», или же въ разсужденіе пустятся: «какъ, моль, націонализмъ, самостоятельность проповѣдуете. А вдругъ еврей, заживъ хорошо и свободно, стануть эгоистами, повиннистами» и т. п.

О, что за неподобный великій умъ! по истинѣ еврейская голова. Долой всѣ стремленія къ свободѣ, къ экономическимъ улучшеніямъ, къ справедливому вознагражденію за трудъ и т. д. Зачѣмъ все это. Терпите всѣ рабы, всѣ обиженные, обездоленные, не то, начавши свободно дышать, сдѣлавшись хозяе-

вами, получивъ нѣкоторое благосостояніе, вы сдѣлаетесь навѣрное злыми, на васъ разсердятся, отнимутъ то, что имѣете. Не правда ли, просто и очень логично? И при этомъ такая заботливость объ еврейской этикѣ. Въ рабствѣ, видите ли, они морализуются, черпаютъ высокіе уроки альтруизма. Переправить, напр., своихъ чадъ въ болѣе обезпеченное мѣсто, чтобъ «не мѣшать ихъ карьерѣ», влить въ дѣтскую душу подлый ядъ вѣчной лжи, измѣны и перебѣжничества,—это, видите ли, высоко-нравственно, высоко-альтруистично. Не правда ли? Могъ бы я перечислить еще много благопріобрѣтенныхъ добродѣтелей. Указавъ же я на этотъ способъ вывести своихъ дѣтей изъ горящаго дома потому, что это поистинѣ чудовищная низость, предъ которой блѣднѣютъ всѣ другія въ рабствѣ пріобрѣтенныя низости. Потому уже куда менѣе низко тотъ, который самъ обращается въ бѣгство. Но остается самому, потому ли, что еще имѣешь ликвидировать свои дѣла въ еврействѣ, по другой ли причинѣ, а дѣтей переслать въ лагерь бьющихъ, это верхъ всякой безнравственности. Какъ часто можно теперь наблюдать страшное трагическое положеніе, въ которое попадаютъ подобныя дѣти, если въ нихъ есть малѣйшая порядочность. О жалкіе, презрѣнные люди, неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете такимъ путемъ облегчить жизнь вашихъ дѣтей. Но тогда вы должны быть увѣрены, что дѣти ваши еще безнравственнѣе васъ самихъ. А дѣти, вѣдь, всегда невинны. Что если въ нихъ пробудится совѣсть, которой вы не успѣли въ нихъ заглушить. Что, если пробудятся старыя крѣпкія связи, которыя бессознательно дремлютъ въ душѣ. Какими проклятіями покروютъ они вашу память. Или вы считаете себя такими совершенными мастерами въ уродованіи дѣтской души, что вы ничего этого не боитесь. Но вѣдь ошибиться всегда легко.

Но оставимъ этотъ печальный, позорный вопросъ.

И изъ положенія, создающаго столь поворные вопросы, не стремиться выбраться! Развѣ есть въ мірѣ та жертва, которой не слѣдуетъ принести ради этого!

Но несчастье въ томъ, что рабство до того насъ деморализовало, что мы потеряли всякую способность на жертву для всякаго общаго народнаго дѣла.

Еще способны мы жертвовать на больницы, раздавать боль-

нымъ и нищимъ варенье и кислые огурцы, способны создать приютъ для старыхъ, немощныхъ, собирающихся умирать старцевъ.

Но работать для созданія чего-либо прочнаго, для здоровыхъ, для тѣхъ, что собираются жить,—на это мы мало способны. Но мало способны потому, что мало къ этому стремились.

Но пускай это стремленіе проникнетъ всѣхъ, пусть передъ всѣми ясно выступитъ сознаніе, что такъ дальше жить нельзя, и у всѣхъ явится способность жертвовать и дѣлать.

Мечта! Да, а что въ мірѣ сначала не было мечтой, объ осуществленіи которой и думать не смѣли? Ахъ, я далеко не принадлежу къ оптимистамъ.

Чаще всего мой духъ обуреваютъ невеселыя думы насчетъ нашего будущаго, и тогда я погружаюсь весь въ какой то непроницаемый мракъ, отъ котораго все во мнѣ стонетъ. Однако, и за мою короткую жизнь сдѣлались дѣйствительностью многія мечты, объ осуществленіи которыхъ я едва смѣлъ мечтать. Вспоминаю я, какъ одинокъ я былъ всего двадцать два—двадцать три года тому назадъ со своимъ «юдофильствомъ», какъ тогда называли всякую привязанность къ еврейству, среди еврейскихъ гимназическихъ товарищей, у которыхъ я считался какимъ то чудовищемъ. У нихъ же у всѣхъ давно былъ рѣшенъ вопросъ объ измѣнѣ въ той или иной формѣ. Повернуть спину еврейству и оставить его навсегда было такимъ обычнымъ дѣломъ, это до того вкоренилось у всѣхъ, что измѣнникомъ считался я. Говорить о служеніи Янкелямъ, Гершамъ, Мойшамъ! Объ этомъ даже заикнуться считалось нелѣпнымъ.

И объ этомъ дѣйствительно никто не говорилъ.

У всѣхъ было рѣшено, что это какіе то завалившіеся, ветхія, перегнившіе остатки, которыхъ бы поскорѣе убрать надо, если они не догадаются сами скоро исчезнуть. Кому и зачѣмъ они нужны.

И вчерашніе Янкели въ гимназической формѣ говорили съ большимъ презрѣніемъ о Янкеляхъ безъ формы, чѣмъ наши русскіе товарищи; говорили громко, безстыдно, бравируя и хвастая этимъ, желая этимъ выиграть въ глазахъ другихъ, показать имъ, что они ничего общаго съ тѣми Янкелями не

имѣють. И слушалъ я эти гнусныя рѣчи юныхъ перебѣжчиковъ, и клокотало и кипѣло во мнѣ все.

А думать о томъ, что будетъ лучше, я не смѣлъ.

Я считалъ все погибшимъ, думалъ, что наступилъ всему конецъ. Ни одного луча надежды нигдѣ не пробивалось. И мнѣ казалось, что я стою одинъ среди этого погибающаго міра.

Вспоминаю я это же свое одиночество въ университетѣ.

Вотъ грянулъ громъ, и все кругомъ затрепетало и запряталось на чердаки и въ погреба, со своимъ жалкимъ имуществомъ.

А меня и другихъ двухъ товарищей называли измѣнниками «народному дѣлу» (ужъ конечно не еврейскому) за то, что мы призывали помочь тѣмъ, которые трепетали за свою жизнь и за свое имущество.

Но насъ уже было трое. И среди нихъ былъ мой дорогой, всегда вѣрный другъ и товарищъ, неизмѣнный и вѣрный другъ своего народа В. Хавкинъ, который тогда съ такимъ безстрашіемъ рисковалъ своей жизнью за своихъ братьевъ, и который всегда такъ высоко, такъ гордо держитъ свою еврейскую голову, во всѣхъ положеніяхъ. Да, насъ тогда было всего трое, а теперь насъ очень и очень много.

А объ этомъ я и мечтать не смѣлъ.—Вспоминаю я затѣмъ, какъ мѣсяца четыре спустя насъ собралось пять человекъ, четыре студента и одинъ еврейскій публицистъ, впоследствии игравшій видную роль въ палестинскомъ дѣлѣ, собрались въ мрачной классной комнатѣ бѣдной еврейской школы, чтобы составить планъ собранія свѣдѣній о Палестинѣ. Мы и не подозрѣвали, что нѣчто подобное, совершенно независимо, скоро будетъ дѣлаться и въ другихъ пунктахъ, что собраніе свѣдѣній очень скоро превратится въ практическое дѣло. Смѣлъ ли я мечтать о томъ, что это движеніе приметъ такіе широкіе размѣры, охватитъ огромное большинство еврейства, что въ Парижѣ найдется великая еврейская душа, которая понесетъ на это дѣло свои милліоны.

О нѣтъ, объ этомъ еле смѣлъ я мечтать.

Вспоминаю, какъ въ мрачные осенніе дни 1881 года ходилъ я въ Вѣнѣ по еврейскимъ баронамъ и фонамъ, хлопоча объ углѣ для тѣхъ, которые тысячами бѣжали безъ оглядки и валялись на грязныхъ улицахъ и площадяхъ мрачнаго непривѣтливаго

города, Броды. Все я нашелъ въ этомъ прекрасномъ городѣ и у этихъ прекрасныхъ бароновъ, но ни одной еврейской души, ни одного еврейскаго чувства.

Могъ ли я думать тогда, что изъ этого именно города, который мнѣ казался огромной могилой еврейства и который былъ дѣйствительно тогда таковымъ, что изъ этого города выйдетъ движеніе, которое мгновенно охватитъ еврейство съ такою безпримѣрною со временъ Баръ-Кохбы силою. О нѣтъ, объ этомъ я и мечтать не смѣлъ. Могъ ли я тогда думать, видя это трусливое прячущееся еврейство, которое со дня на день нетерпѣливо ждало своей смерти, что шестнадцать лѣтъ спустя въ Базелѣ соберется еврейскій конгрессъ, который громко передъ всѣмъ міромъ заявитъ: «Мы еще живы, мы только еще хотимъ начать новую жизнь».

О нѣтъ, нѣтъ. А если и смѣлъ мечтать, то себѣ самому совнавался, что это мечта, никогда неосуществимая мечта.

И кто помнить, и главное, кто почувствовалъ тѣ печальныя времена, признаетъ, что иначе оно и быть не могло. А между тѣмъ, всѣ эти казавшіяся даже самымъ пламеннымъ мечтателямъ неосуществимыми мечты превратились въ дѣйствительность. Много еще, конечно, дѣтскаго, невѣрлаго, поверхностнаго проявляется въ новомъ движеніи; много, быть можетъ, участвуетъ въ немъ несолидныхъ, временами просто нежелательныхъ, вредныхъ дѣлу элементовъ, много еще быть можетъ словъ и слишкомъ мало дѣла, много ненужныхъ и очень вредныхъ общаній, временами, быть можетъ, проявляется также слишкомъ большая, чисто сектантская увость.

Все это несомнѣнно такъ. Но оно неизбѣжно при началѣ всѣхъ движеній, и никакое серьезное движеніе не свободно отъ этихъ недостатковъ. Каковы бы однако ни были пока недостатки этого движенія, ему несомнѣнно принадлежитъ будущее, ибо оно построено на всемъ нашемъ прошломъ, оно есть само наше прошлое, которое, согласно эпохѣ, принимаетъ другую форму.

Я совершенно согласенъ съ Нордау. Еврейство или будетъ существовать независимо, самостоятельно, или вовсе не будетъ существовать. Всѣ другіе виды существованія, какіе ему сулятъ, неминуемо поведутъ къ его смерти. Да, многія самыя

смѣлыя мечты превратились въ дѣйствительность.—И когда все это проходить въ моей памяти, мракъ постепенно начинаетъ разсѣиваться, кругомъ начинаетъ свѣтлѣть, вся моя душа озаряется теплымъ сіяніемъ, и я опять спокойно, съ твердою вѣрою гляжу на наше будущее. О, будетъ у насъ и будущее, коли сами этого захотимъ. А всѣмъ этимъ невѣрующимъ въ наше воскресеніе мы можемъ отвѣтить то же, что отвѣтилъ одинъ танай язычнику, который выразилъ сомнѣніе на счетъ воскресенія мертвыхъ.

— А вѣришь ли ты, спросилъ его танай, что родятся еще новые люди?

— Вѣрю, отвѣтилъ язычникъ.

— Какъ же, продолжалъ танай, вѣришь ты, что будетъ жить то, что никогда еще не существовало, и не хочешь вѣрить, что снова оживетъ то, что уже раньше жило.

Да и не надо никому ихъ вѣры. Не вѣрятъ они, ибо не хотятъ вѣрить. И Богъ съ ними.

Пускай себѣ воздвигаютъ больницы и дома для умирающихъ калѣкъ, а другихъ пускай оставляютъ въ поксѣ.

А если будутъ продолжать кричать, это тоже принесетъ нѣкоторую пользу: ихъ крики будутъ постоянно напоминать о томъ, чего дѣлать не надо.

Убѣждать ихъ и привлекать было бы только смѣшно.

Напротивъ того, по примѣру Моисея, всѣ искренно себя посвящающіе великому дѣлу нашего возрожденія должны громко провозгласить: кто малодушенъ и трусливъ, пускай сидитъ на своемъ мѣстѣ, дабы не смущалъ онъ сердца другихъ. И только кто за Бога—къ намъ!

Бенъ-Ами.

ВЕЧЕРНІЯ ДУМЫ.

Старое, бѣдное кладбище,
Камни, поросшіе мхомъ,
Травка, вся солнцемъ сожженная,
Ветхій заборикъ кругомъ;
Тихо вечернее солнышко
Свѣтъ свой ласкающій льетъ;
Въ воздухѣ тихо,—лишь изрѣдка
Легкой прохладой пахнетъ.
Вонь у могилки слетѣлися
Цѣлой семьей воробы,
Прыгаютъ, что-то чирикаютъ,
Клювики точатъ свои.
Издали, вѣрно изъ города,
Слышится медленный звонъ,
Что-то давно ужъ забытое
Будить какъ будто-бы онъ.
Вотъ у забора, на камешкѣ,
Среди надгробныхъ камней,
Молча сидитъ, что-то думаетъ
Старый сѣдой ужъ еврей.
Эта картина вечерняя,
Грустный могильный покой,
Будятъ въ душѣ его старческой
Думы одну за другой.
Вспомнилъ онъ годы минувшіе,
Вспомнилъ онъ юность свою,

Вспомнилъ онъ дѣтство забытое
Въ миломъ, родимомъ краю.
Вотъ передъ нимъ будто ожили
Матери милой черты:
Сколько въ нихъ ласки заботливой,
Сколько живой доброты!
Помнится, какъ она вечеромъ
Тихо его подзоветъ,
Какъ по словамъ, съ разстановкою,
Съ нимъ она «кришма» прочтетъ...
Эти святые реченія
Онъ понимать вѣдь не могъ,
Но почему то въ нихъ видѣлся
Свѣтлый и радостный Богъ...
Трепетно свѣчка грошова
Въ сумракѣ блѣдномъ горитъ.
Тихо; молитва предсонная
Въ комнатѣ внятно звучитъ.
Поздно. Отецъ еще въ городѣ;
Вѣрно въ дѣла погруженъ;
Что-то за вѣсть принесетъ онъ имъ?
Какъ торговалъ нынче онъ?
Вотъ и молитва окончена:
«Лягъ, мой голубчикъ, усни,
Пусть тебѣ ангелы свѣтлые
Носятъ блаженные сны!»
Вспомнилъ старикъ изстрадавшійся,
Вспомнилъ забытую быль:
«Эхъ, наши дѣтскія радости,
Опытъ и жизнь таковы-ль?
Жизнь, точно злая обманщица,
Прежде намъ счастье сулитъ,
Послѣ... но полно, оставь старикъ!

Господомъ ты-ли забыть?
 Вспомнилъ онъ свѣтлый субботній день;
 Какъ онъ любилъ этотъ день,
 Эту истому душевную,—
 Эту субботнюю лѣнь!
 Словно теперь еще видитъ онъ
 Старый молитвенный домъ,
 Слышитъ онъ «хазана» пѣніе,
 Шопоть молитвы кругомъ;
 Стѣны, давно пожелтѣвшія,
 Темный отъ копоти сводъ,
 Окна большія и свѣтлыя,
 Низкій, но створчатый входъ.
 И преисполнены радости
 Въ храмѣ обширномъ звучать
 Громко молитвы субботнія—
 Пѣсенъ возвышенныхъ рядъ.
 Помнить онъ: комнатка свѣтлая,
 Тихо и чисто кругомъ;
 Вотъ на кровати отецъ уснулъ
 Послѣобѣденнымъ сномъ;
 Мать, предъ развернутой Библией
 Шепча, сидитъ у окна:
 «Дай, подойду да послушаю,
 Что-то читаетъ она?»
 И мальчуганъ лѣзетъ къ матери,
 Шею рукой обовьетъ,
 Слушаетъ, слушаетъ, слушаетъ—
 Не надоѣстъ, не уйдетъ.
 Въ дѣтской головѣ проносится
 Образъ одинъ за другимъ,
 Чудныя лица библейскія
 Живо встаютъ передъ нимъ...

Вотъ они: вѣрою ясною
Въ кротко-глубокихъ очахъ
Будятъ въ ребенкѣ мечтательномъ
Благоговѣнье и страхъ.
Вечерь. Отецъ, помолившись,
Лавку идетъ открывать;
Передъ зажженною свѣчкою
Шить принимается мать;
Въ печкѣ растопленной весело
Ярко пылаютъ дрова:
Видно, ужъ будни рабочія
Снова вступаютъ въ права.
Вспомнилъ старикъ, призадумался:
«То-то вѣдь время было!
Гдѣ ты теперь, беззавѣтное
Дѣтство; давно-ль ты прошло!»
Помнить онъ: Пуримъ ли радостный,
Свѣтлая-ль Пасха придетъ, —
То-то у мальчика пряниковъ,
То-то затѣй и заботъ!
А что рассказовъ наслышится —
Про Ахашверосовъ пиръ,
И про Амана жестокаго,
И про царицу Эсфирь;
Вспомнилъ другіе онъ праздники —
Скорбные «страшные» дни.
Тихой печалью обвѣяны,
Въ храмѣ молились они,
Всѣ — отъ сѣдого до малаго.
Желтыя свѣчи оплывшія
Тускло и блѣдно горять,
Передъ кіотомъ серебрянымъ
Хазанъ поетъ, — и звучать

Грустью глубокой завѣтныя,
 Вѣчно святыя слова.
 Слышишь, какъ скорбно выводится:
 Благословенъ Егова!
 Слышишь, какъ гѣснь заунывная
 Лется дрожащей волной?
 Это Израиль молящійся
 Плачетъ о славѣ былой...

. . . . .
 Плачь, іудей обездоленный,
 Плачь, да помилуетъ Богъ;
 Плачемъ душа омывается,
 Точно рососою цвѣтокъ.
 Плачь! рядомъ съ скорбью гнетущею
 Свѣтлая радость живетъ:
 Вѣдь, для тебя неожиданно
 Ясное солнце взойдетъ;
 Грѣхопаденье искупится,
 Сниздетъ съ небесъ Мессія!—
 И возсіяетъ все счастиемъ!...
 Вѣрь! въ вѣрѣ сила Твоя...

Бенъ-Давидъ Галеви.

Изъ жизни.

(ЭСКИЗЪ).

Юліанъ Яковлевичъ Шумахеръ лихорадочно работалъ надъ латинскими и греческими писателями. Онъ хотѣлъ непременно получить аттестатъ зрѣлости въ текущемъ году. До экзаменовъ осталось еще какихъ нибудь пять мѣсяцевъ, а работы была цѣлая гора... Столько времени пропало даромъ!... Почти цѣлыхъ три года!... При мысли о пропавшемъ даромъ времени дрожь пробѣгала по его тѣлу. За это время друзья Шумахера и знакомые, которые, кажется, уступали ему въ способностяхъ и начали учиться гораздо позже его, ушли уже далеко впередъ. Эка досада!... Допустимъ, что по развитію они стояли куда ниже его, но вѣдь зато они знали лучше древніе языки.. Въ то время, какъ онъ увлекался чтеніемъ различныхъ книгъ и трудился надъ выработкой міросозерцанія,—они, какъ автоматы, упражнялись въ переводахъ съ русскаго языка на древніе и одолѣли эти проклятыя грамматикки. А теперь?... Теперь они уже почти готовы къ экзамену, который ему всегда казался такимъ далекимъ. Еще очень можетъ статься, что они выдержатъ этотъ экзаменъ и поступатъ въ университетъ, а онъ... Но кто виноватъ? И Шумахеръ съ большимъ рвеніемъ набрасывался на древнихъ авторовъ. По временамъ онъ начиналъ падать духомъ,—повидимому, филологія—не его призваніе. А между тѣмъ ему очень хотѣлось бы поступить на факультетъ восточныхъ языковъ, чтобы затѣмъ своими трудами по Талмуду помочь несчастному племени своему. Онъ юношески мечталъ, что докажетъ всему міру, что еврей такой же человѣкъ, какъ и они, его угнетатели; что теперешняя религія евреевъ, если не лучше, то, по крайней мѣрѣ, не хуже многихъ другихъ, и что, слѣдовательно, при лучшихъ историческихъ обстоятельствахъ евреи могли бы быть замѣчательнымъ народомъ. Неужели народы міра этого не понимаютъ, или никто не можетъ разъяснить имъ это? Неужели они не знаютъ, кто былъ Филонъ, Спи-

ноза, Акоста, Гейне, Берне, Лассаль и многіе другіе замѣчательные евреи? Но всѣ мечты обрывались при воспоминаніи объ экзаменахъ и о товарищахъ, далеко обогнавшихъ его.—И какъ онъ могъ предаваться такому мелочному чувству—зависти къ успѣвавшимъ товарищамъ? Онъ себѣ никакъ этого не проститъ. Пусть они поступаютъ въ настоящемъ году въ университетъ, онъ же поступитъ въ будущемъ. Если возможно будетъ, онъ останется въ Одессѣ и не поѣдетъ домой, пока не выдержитъ экзамена... И Шумахеръ, заваленный словарями и грамматиками, продолжалъ переводить греко-персидскія войны Геродота. Онъ плохо зналъ древніе языки, и каждую фразу ему приходилось брать съ бою.

Сумерки. Въ комнатѣ Шумахера въ третьемъ этажѣ уже темно. Безъ лампы нѣтъ возможности продолжать занятія. «Однако не мѣшало бы выпить чаю», подумалъ Шумахеръ, вставая изъ-за стола. Онъ взялъ стоявшій тутъ же на окнѣ чайникъ, всматриваясь въ него изъ бумажки чаю и побѣждалъ по лѣстницѣ внизъ въ бакалейную лавочку за кипяткомъ и хлѣбомъ. Минуть черезъ десять онъ уже ѣлъ фунтовой «арнаутскій» хлѣбъ и запивалъ «юнкерскимъ» чаемъ. Кончивъ свою трапезу, онъ скрутилъ папироску и, закуривъ ее, сталъ шагать взадъ и впередъ по темной комнатѣ. Шумахеръ боролся съ собою, пойти ли ему погулять немного по камнямъ Одессы или зажечь лампу и сѣсть заниматься. Цѣлый Божій день онъ занимался, не выходя изъ комнаты, и теперь чувствовалась потребность немного расшевелиться, подышать свѣжимъ воздухомъ. Наконецъ онъ рѣшилъ пойти. Въ пользу такого рѣшенія говорило еще желаніе увидѣться съ Катей Ашкинази, въ которой онъ уже давно былъ неравнодушенъ. Кажется, ни красотой, ни блестящимъ образованіемъ Екатерина Самойловна взять не могла, а между тѣмъ Шумахеру было очень пріятно слѣдить и говорить съ нею по цѣлымъ часамъ. «Говорить, что думаетъ, и дѣлаетъ, что говорить», думалъ про нее Шумахеръ: «и слѣда кокетства въ ней не замѣтишь». Съ такими размышленіями онъ вышелъ на улицу. Сумерки уже ступились, а фонари еще не были зажжены. Высоко, высоко на небѣ уже сверкали звѣзды. Въ воздухѣ было тихо, но немного морозно. Стояли послѣдніе дни ноября. Безъ калошъ ноги уже мерзли, но калошъ у него еще не было, и чтобы не чувствовать холода, онъ сталъ шагать быстрѣе. Онъ шелъ, опустивъ голову на грудь и поминутно на-

талкиваясь на прохожихъ. Безъ всякаго порядка мысли бродили въ его головѣ. И ногамъ холодно, и никакого урока нѣтъ, и ему тяжело просить у своихъ родителей, хотя они ему охотно присылаютъ. Сердце его сжималось отъ боли, когда онъ вспоминалъ, что его родители во многомъ отказываютъ себѣ, чтобы дать ему возможность учиться. Шумахеръ прекрасно понималъ, что отецъ и мать его, — хотя они этого и не говорятъ, — видятъ въ немъ свою будущую опору и гордость, и онъ вздрагивалъ, когда предъ нимъ возставалъ грозный вопросъ: «а можетъ быть, ты не оправдаешь возложенныхъ на тебя надеждъ?». Онъ гналъ такую мысль прочь и шагалъ еще быстрѣе... Бѣдные родители! Сколько любви, сколько сердечности въ ихъ отношеніяхъ къ нему! Темные и правовѣрные евреи, они долго противились его желанію учиться. Научивъ его читать и писать по русски, они хотѣли посвятить его коммерціи. Сдѣлать сына своего коммерсантомъ казалось для нихъ высшимъ счастьемъ. Положеніе еврея-ремесленника имъ было слишкомъ хорошо знакомо, чтобы желать этого своимъ дѣтямъ. Но, когда онъ бросилъ лавку, въ которую поступилъ переписчикомъ счетовъ, они изъ любви къ нему согласились на его просьбу — предоставить его самому себѣ. Съ того времени онъ учился, давалъ уроки и бился, какъ рыба объ ледь... Теперь онъ въ Одессѣ, и они присылаютъ ему послѣднее. Бѣдный папа! Бѣдная мама!.. Изъ любви къ нему они даже поступились своимъ фанатизмомъ въ пользу просвѣщенія... Да, на немъ лежатъ обязанность, и трудная обязанность... Углубившись въ свои воспоминанія, Шумахеръ и не замѣтилъ, какъ очутился у воротъ большого дома на Успенской улицѣ. У подъѣзда, завернувшись въ полушубокъ, дремалъ дворникъ. Здѣсь же, немного поодаль какая-то горничная кокетничала съ высокимъ усатымъ парнемъ. Шумахеръ прошелъ мимо во дворъ и сталъ подыматься по открытой чугунной лѣстницѣ на четвертый этажъ. Пробравшись черезъ узкій длинный корридоръ, освѣщенный небольшой закопѣлой лампой, висѣвшей гдѣ-то въ самомъ концѣ, онъ остановился передъ дверью, на которой маленькими гвоздиками была прибита визитная карточка съ надписью: «Сарра Григорьевна Гринбаумъ. Одесса». Это была тетюшка Катя Ашкеназя. Шумахеръ слегка постучался въ дверь и сталъ прислушиваться. Кто-то завозился, и изнутри отвѣтили: «войдите!» Онъ открылъ дверь и вступилъ

прямо въ большую комнату. Но на минуту онъ остановился у дверей, не двигаясь съ мѣста: въ комнатѣ было совершенно темно. Только свѣтъ, падавшій въ окно изъ сосѣдней квартиры, позволялъ ему различать, что происходило въ комнатѣ. За небольшимъ столомъ, стоявшимъ у окна, сидѣли дѣвочка и мальчикъ, дѣти вдовы Сарры Григорьевны. За занавѣской, раздѣлявшей комнату на двѣ половины, возилась сама хозяйка. «Это вы, мосье Шумахеръ?» раздался ея голосъ изъ-за занавѣски: «снимите пальто и садитесь... Я сію минуту... У насъ, видите, беспорядокъ. Катя сейчасъ принесетъ керосинъ, и мы зажжемъ лампу». Черезъ нѣсколько минутъ явилась и Катя съ бутылкой керосина въ рукахъ. Въ темнотѣ она не замѣтила Шумахера, который присѣлъ къ маленькому Васѣ и раскрашивалъ ему молча какую-то картину.

— «Здравствуйте, Екатерина Самойловна!» сказалъ Шумахеръ.

— «Здравствуйте, здравствуйте!» отвѣтила Катя, узнавъ Шумахера по голосу: «въ темнотѣ я васъ и не замѣтила. Сію секунду будетъ свѣтло».

Скоро комната освѣтилась небольшой лампой безъ абажура.

— «Вы выпьете съ нами чаю?» обратилась къ нашему герою появившаяся изъ-за занавѣски Сарра Григорьевна.

Это была женщина небольшого роста съ умнымъ энергичнымъ лицомъ. Съ перваго взгляда ей можно было дать лѣтъ сорокъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, ей было не болѣе тридцати трехъ-четырехъ. Умные черные глаза выглядывали изъ-подъ густыхъ бровей. Она была въ простомъ ситцевомъ платьѣ и съ накинутымъ на голову бѣлымъ платкомъ. Говорила она ломаннымъ русскимъ языкомъ, по временамъ вставляя еврейскія слова и даже цѣлыя выраженія. Голосъ ея былъ пріятный, полумужскій.

— «Нѣтъ, не отказывайтесь!» продолжала она, обращаясь къ Шумахеру: «мало чего, вы пили... Вамъ, должно быть, скучно самому пить и ѣсть. Неправда ли, дома у отца и матери было веселѣе, и куда съ меньшими заботами все это доставалось. Охъ, дѣти, дѣти!» продолжала она и засмѣялась: «не знаете вы, какъ цѣнить своихъ родителей. Думаете, что все вамъ съ неба падаетъ».

— «Юліанъ Яковлевичъ, должно быть, уже убѣдился, что не все съ неба падаетъ», сказала Катя, внося изъ-за занавѣски кипящій жестяной самоварчикъ и ставя его на столъ: «какъ я слыхала, онъ теперь сдѣлался полнымъ хозяиномъ и, слѣдовательно, имѣетъ

возможность убѣдиться въ своей прежней ошибкѣ», продолжала она, улыбаясь.

Шумахеръ слушалъ рѣчь этихъ женщинъ также съ улыбкой и на послѣднія слова Кати отвѣтилъ, нѣжно глядя ей въ лицо: «Да, къ счастью, я ближе познакомился съ прозой жизни. Раньше она—эта самая жизнь—представлялась мнѣ чѣмъ-то отвлеченнымъ. Мнѣ всегда казалось, что захоти я только, и все будетъ по моему. Теперь же я эту самую жизнь понялъ иначе. Я уже убѣдился—хотя судьба и раньше меня не баловала,—что то, что ученые называютъ борьбой за существованіе, есть не одинъ лишь предметъ отвлеченныхъ разсужденій».

Шумахеръ помолчалъ немного и опять продолжалъ: «Бороться, бороться приходится, особенно нашему брату еврею. Вѣдь кромѣ борьбы за существованіе, какъ челоуѣка, бѣдному еврею надо бороться и за свое національное существованіе...»

— «Скажите, мосье Шумахеръ», перебила его довольно невѣжливо Сарра Григорьевна, которая плохо понимала разсужденія нашего героя: «каково живетъ теперь вашему земляку Зингеру?»

Зингеръ былъ землякъ Шумахера и пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Одессу. Внукъ раввина, онъ принадлежалъ къ аристократическому еврейскому сословію, и потому до двадцати двухъ лѣтъ и не думалъ когда нибудь учиться «мудростямъ гоевъ». Но когда дѣвушка, на которой онъ женился девятнадцати лѣтъ, умерла черезъ три года послѣ свадьбы, Зингеръ затосковалъ, отказался отъ вторичнаго брака и сталъ искать утѣшенія въ чтеніи современныхъ книгъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Какъ большинство евреевъ, онъ опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, а жилъ «на харчахъ» у своего отца, мелочного торговца, и потому могъ читать, сколько ему угодно было. Это чтеніе и знакомство съ нѣкоторыми учащимися молодыми людьми изъ евреевъ измѣнили все его міросозерцаніе, и онъ рѣшился на смѣлый шагъ—уѣхать въ Одессу учиться. Объ этомъ Зингерѣ теперь и спросила нашего героя Сарра Григорьевна. Шумахеръ, страшный охотникъ до отвлеченныхъ темъ, уже привыкъ къ подобнымъ печальнымъ исходамъ своихъ разсужденій и не думалъ обижаться. Онъ надѣялся возобновить еще разговоръ на свою любимую тему.

Онъ только что хотѣлъ отвѣтить на вопросъ Сарры Григорь-

евны, какъ та опять заговорила: «Дѣти, пейте чай, только пейте съ хлѣбомъ, чтобы черезъ пять минутъ не морочить меня: мамаша, давай намъ ѣсть!» Катя, пей свой чай!» сустилась Сарра Григорьевна: «пейти и вы, мосье Шумахеръ». Нашъ герой ждалъ, пока хозяйничавшая Сарра Григорьевна не усядется на мѣсто, чтобы отвѣтить ей на вопросъ. Наконецъ всѣ усѣлись и принялись за свои стаканы.

— «Знаете, мнѣ почему то не вѣрится въ успѣхи Зингера», сказала Катя, обращаясь то къ Саррѣ Григорьевнѣ, то къ Шумахеру. Послѣдній вопросительно взглянулъ на Катю. «Урокъ трудно достать», продолжала она: «а помощи ни откуда. Пойти же попросить пособія у нашихъ богачей, я знаю, онъ не захочетъ. Не таковъ онъ! Бѣдный! жизненная буря вырываетъ съ корнемъ такіе характеры».

Шумахеръ сталъ пить, прихлебывая, свой чай, не поднимая глазъ. Уши его горѣли. Онъ хотѣлъ бы прекратить разговоръ. Ему крайне неприятно было, что Зингеръ въ сравненіи съ нимъ былъ гигантъ. Нашъ герой не зналъ, нашелъ ли бы онъ въ себѣ столько мужества, будь онъ въ положеніи Зингера. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что Катя цѣнитъ выше силу воли этого послѣдняго, и это было ему крайне не по душѣ. «Богъ милостивъ!» отвѣтилъ наконецъ Шумахеръ. «Никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ въ своемъ усиѣхѣ», старался онъ замять разговоръ: «Я занимаюсь съ нимъ по математикѣ, и онъ дѣлаетъ довольно хорошіе успѣхи. Правда, трудно учиться, когда ѣсть нечего, но... но онъ не первый, онъ и не послѣдній. Въ Одессѣ такихъ молодцовъ, какъ Зингеръ, масса. Всѣ они трудятся, ѣдятъ одинъ черствый хлѣбъ и часто, даже очень часто ночуютъ въ паркѣ. Да, трудно имъ приходится», продолжалъ Шумахеръ, устремивъ глаза на лампу и покачивая головой: «но для насъ евреевъ важно то обстоятельство, чтобы мы при всѣхъ стѣсненіяхъ стремимся къ свѣту».

Онъ замолчалъ, оставшись, повидимому, доволенъ своимъ краснорѣчіемъ. Еще съ полчаса посидѣлъ онъ, разсуждая съ Саррой Григорьевной и Катей о томъ, какъ слѣдуетъ вести обученіе Васи и Манички. Сарра Григорьевна рассказывала нашему герою, что всегдашней мечтой ея покойнаго мужа, хорошаго знатока еврейской литературы и человѣка начитаннаго, было дать своимъ дѣтямъ, несмотря ни на какія лишенія, современное образованіе.

«Образованіе, и только оно», говорилъ ея покойный мужъ: «можетъ дать въ большей или меньшей степени обезпеченное положеніе человѣку, еврей же въ особенности. Вѣдь образованный еврей можетъ жить, гдѣ ему угодно, предъ нимъ почти всѣ двери открыты, и потому грѣшно лишать дѣтей этого образованія, которое такъ необходимо въ наше время. Сарра Григорьевна сама это прекрасно понимала; она также говорила, что ей очень жаль, почему она осталась такой невѣждой; что раньше были другія времена, а теперь далеко не то. Поэтому она рѣшила непремѣнно отдать въ гимназію своихъ дорогихъ дѣтокъ, единственное утѣшеніе ея въ теперешней горькой судьбѣ.

Шумахеръ поднялся и сталъ прощаться. Подавая руку Катѣ, онъ только мелькомъ взглянулъ на нее. «Зайдите, мосье Шумахеръ, къ намъ въ субботу», сказала Сарра Григорьевна, провожая нашего героя въ корридоръ: «мы тогда будемъ свободны и пойдемъ всѣ вмѣстѣ гулять».

Домой Шумахеръ шелъ еще быстрѣе, чѣмъ къ Саррѣ Григорьевнѣ. Былъ десятый часъ вечера. Улицы все еще были оживлены: туда и сюда летѣли съ звономъ и грохотомъ конки и извозчичьи дрожки. По тротуарамъ спѣшила куда-то и просто гуляла расфранченная одесская публика. Шумахеръ не обращалъ вниманія на окружающее и останавливался только, когда ему нужно было перебѣжать съ одного тротуара на другой. Онъ все думалъ о сегодняшнемъ вечерѣ. Передъ нимъ стояла стройная, хорошенькая Катя. Онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ ея сѣрыхъ, правда, некрасивыхъ, но умныхъ глазъ и, казалось, спѣшилъ укрыться отъ нихъ.

До субботы осталось еще дня три. Въ эти дни Шумахеръ чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то неладное. Обычная веселость его какъ будто пропала. Зингеръ, приходя заниматься, не засиживался, какъ раньше, когда мечтательный Юліанъ послѣ головоломнаго урока ложился на кровать, усаживалъ его рядомъ и начиналъ бесѣду о занятіяхъ, о книгахъ, о евреяхъ. Шумахеръ любилъ рассказывать эпизодики изъ своей жизни, небогатой внѣшними обстоятельствами, но обильной, такъ сказать, своей духовной стороной. Если Шумахеръ видѣлъ, что его охотно слушаютъ, онъ очень любилъ говорить о волнующихъ его вопросахъ, почерпнутыхъ прямо изъ жизни или же изъ книгъ. Часто случалось

что передавая что-нибудь прочитанное, Шумахеръ вдругъ приходилъ къ новому для себя выводу, очень важному для его міросозерцанія. Въ такихъ случаяхъ глаза его расширялись, онъ поднимался съ подушки на локоть и начиналъ повторять свои слова, заключая при этомъ, что такая и такая-то мысль ему только что пришла въ голову. Зингеръ слушалъ его тогда съ какой-то торжественностью, рѣдко возражалъ, а обыкновенно прибавлялъ: «жаль, я объ этомъ никогда еще не думалъ». Если же и случилось, что Зингеръ возражалъ Шумахеру, то это было, когда рѣчь заходила объ отношеніяхъ христіанъ къ евреямъ.

Удалившись весь въ свои книги и живя одними идеалами своими, Шумахеръ забылъ уже или старался забыть о всѣхъ гоненіяхъ, онъ не жилъ больше въ своемъ родномъ мѣстечкѣ, а встрѣчался съ одними образованными христіанами. О нѣкоторыхъ своихъ учителяхъ, христіанахъ, онъ сохранилъ благодарную память. Если они и не выражали прямо своей любви по отношенію къ еврею, то все таки смотрѣли на еврея, какъ на человѣка. Правда, и эти люди не были свободны отъ нѣкоторыхъ предрасудковъ, но это объяснялось прямо ихъ незнакомствомъ съ жизнью евреевъ. «Слѣдовало бы только разъяснить имъ, какъ слѣдуетъ, или, лучше всего, познакомить ихъ съ еврейской жизнью, и тогда никакимъ предрасудкамъ не было бы мѣста»,—такъ думалъ Шумахеръ, твердо вѣря въ торжество любви и добра, которыя рано или поздно должны воцариться на землѣ. «А пока намъ приходится терпѣть. Таковъ ужъ нашъ удѣлъ», говорилъ онъ обыкновенно: «какъ и всѣ вышедшіе изъ нашего народа пророки и апостолы, мы, евреи, страдаемъ за грѣхи людскіе, за ихъ варварство. Но люди способны и на нѣчто высшее и болѣе благородное, чѣмъ ненависть другъ къ другу».

Толстой и Достоевскій были его любимыми авторами. «Вотъ образецъ людей, которымъ мы должны подражать. Противъ грубой силы надо пойти не силой же, а любовью, кротостью и смиреніемъ. Онъ чувствовалъ себя тогда цѣлой головою выше. Вспоминалъ онъ, какъ однажды въ какой-то христіанскій праздникъ, кажется, на Пасху, онъ утромъ, часу въ одиннадцатомъ, шелъ куда-то. Народъ валилъ изъ церкви, разсыпаясь по улицамъ мѣстечка. При видѣ этого душа его умилилась, и сердце его рвалось наружу. Онъ хотѣлъ тогда остановить этихъ здоровыхъ радостныхъ людей

и обнять ихъ. Онъ хотѣлъ сказать имъ: «поцѣлуемтесь, люди добрые! нужды нѣтъ, что я еврей. Будемъ братьями, близкими, будемъ любить другъ друга, и тогда наступитъ Царство Божье на землѣ». Да, онъ тогда позналъ Бога и цѣль жизни. Такому идеалисту, какъ Шумахеру, было тяжело выслушивать отъ Зингера доказательства въ ненависти русскихъ и поляковъ къ евреямъ, и они вѣчно вели споры на тему о равенствѣ и братствѣ народовъ, о будущности еврейскаго народа и его идеаловъ.

Но въ эти три дня, которые остались до субботы, дня свиданія съ Катей, Шумахеръ какъ будто-забылъ о своихъ мечтаніяхъ. Онъ былъ молчаливъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы. Зингеръ терпѣлся въ догадкахъ. Не получилъ ли онъ дурныхъ вѣстей изъ дому? не отчаивается ли онъ въ успѣхѣхъ?—Но нѣтъ! Не таковъ, Шумахеръ. Онъ можетъ въ своей пылкой фантазіи найти себѣ утѣшеніе во всякомъ положеніи. Но что бы это могло значить? чѣмъ онъ такъ разстроенъ?.. Онъ даже разспрашивалъ всѣхъ товарищей, собравшихся въ публичной библиотекѣ рѣшать алгебраическія и геометрическія задачи, но никто не могъ ему объяснить причинъ перемѣны, происшедшей въ Шумахерѣ. Мечтательный Юліанъ все болѣе и болѣе уединялся. Шелъ ли онъ въ кухмистерскую обѣдать или вечеромъ гулялъ по улицамъ, всюду ему казалось, что онъ долженъ встрѣтить Катю. Вотъ, вотъ она появится изъ-за угла. «Какими судьбами попали вы сюда?», подготавливалъ онъ вопросъ. А она, нѣжно взглянувъ ему въ лицо, ничего не отвѣтитъ. Да и отвѣта не нужно было. Глаза ея сами говорятъ за нее. «Неужели вы не знаете?» говорятъ эти глаза. «О, мой милый, вы меня обманываете», и онъ беретъ ее за руку и идетъ съ ней, и они такъ счастливы... Тутъ Шумахеръ какъ бы пробуждался и судорожно потряхивалъ головой? «Фу, какой же я дуракъ!» укорялъ онъ себя: «мечтаешь, словно ребенокъ»... «И какое право ты имѣешь любить? задавалъ онъ себѣ вопросъ: «можешь ли ей дать вмѣсто этого чтонибудь?—Ничего! никому отъ этого не будетъ ни холодно, ни жарко, но требовать отъ Кати любви къ себѣ ты не долженъ». Сердце Шумахера отъ боли разрывалось на части, и онъ старался не предаваться чувству, и смирять его разсудкомъ. Пусть, Катя, эта умная и милая Катя, такъ же любитъ его, какъ и онъ ее. Допустимъ, что она ему скажетъ: «Я навѣки твоя. Мнѣ не нужно ни богатствъ, ни знат-

ности. Я вмѣстѣ съ тобой буду трудиться, и Богъ насъ не оставитъ». Передъ такой картиной Шумахеръ не могъ уже устоять и опять сбивался съ пути. Ему тогда казалось, что Катѣ и не нужно лучшаго мужа, чѣмъ онъ, да она и не найдетъ лучшаго. Теперь она трудится съ самаго утра до поздней ночи вмѣстѣ съ своей тетей, чтобы не умереть съ голоду, а когда она выйдетъ за него... Онъ тогда будетъ уже студентомъ... Онъ возьмется теперь и засядетъ за работу, чтобы выдержать экзамень... Но при одной мысли объ экзаменѣ кровь Шумахера стннетъ, и онъ отмахивается рукой. Нѣтъ! нѣтъ! онъ не имѣетъ права связывать судьбу Кати съ своей сомнительной судьбой, и передъ его глазами потянулись карты Европы и Америки. Онъ видитъ себя оборваннымъ и голоднымъ, шатающимся по улицамъ Берлина, Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Вотъ предъ его глазами пошли одинъ за другимъ университеты различныхъ странъ съ тысячами слушателей... Вотъ онъ также между всѣми студентами, а съ нимъ и... Катя. «Охъ» вздыхалъ Шумахеръ, какъ будто освобождаясь отъ мучившаго его кошмара. «Нѣтъ! ты долженъ успокоиться!» твердилъ, онъ себѣ: «и Катѣ ничего не говорить о своей любви. Можно будетъ въ видѣ шутки рассказать ей объ этомъ когда-нибудь. А Катя сумѣетъ найти хорошаго человѣка и будетъ счастлива, и ты будешь радъ ея счастью».

Наконецъ наступила суббота. Шумахеръ тщательно выбрился и придалъ своимъ маленькимъ черненькимъ усикамъ наизящнѣйшую, по его мнѣнiю, форму. Битый часъ онъ провозился надъ своими штиблетами, чтобы придать имъ хоть кое-какой блескъ. Но напрасно. Съ самаго приѣзда своего въ Одессу онъ ихъ не чистилъ ваксой. Тратить деньги на ваксу онъ считалъ лишнимъ и обременительнымъ для себя расходомъ. Шумахеръ рѣшилъ пойти къ своимъ знакомымъ въ три часа. Но часу во второмъ къ нему явилось нѣсколько товарищей-земляковъ, которые по субботамъ обыкновенно сходились потолковать о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Одессѣ. На этотъ разъ они зашли къ Шумахеру, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ развлечь его въ его грусти. Ихъ было теперь четверо, въ томъ числѣ и Зингеръ. «Guten Schabas!» сказали они, хоромъ входя въ комнату. «Guten Schabas!» отвѣтилъ имъ Шумахеръ съ принужденной улыбкой. Ему былъ непрiятенъ ихъ несвоевременный визитъ. Гости, должно быть, это замѣтили и переглянулись.

«Можетъ быть, тебѣ некогда теперь»... заговорилъ Зингеръ, обращаясь къ Шумахеру. «Нѣтъ, ничего! пожалуйста садитесь!» отвѣтилъ тотъ: «ну, рассказывайте, каковы у васъ дѣла». Видно было, что онъ говорить это изъ одного приличія. Но одинъ изъ пришедшихъ, высокій румяный парень съ желтыми усами, усѣвшись въ кровать, не снимая своего лѣтняго пальто (зимняго у него не было), сталъ съ живостью рассказывать, какой вкусный и обильный обѣдъ имъ сегодня дали въ «дешевой кухнѣ». Онъ былъ въ восторгѣ отъ рыбы, кугеля и цимеса. «Что ни говори», продолжалъ онъ: «но если бы не общество распространенія просвѣщенія, мы и днѣ не могли бы продержаться въ Одессѣ. Ein Ketsch—ein Thora. И кому на умъ пойдетъ на желудокъ пѣтъ голодный?»—*«Вѣчно ты объ одной только подѣ толкуешь»*,—перебилъ его съ досадою другой гость: что намъ въ обѣдѣ, когда общество не обращаетъ вниманія на другую, болѣе важную сторону. У насъ нѣтъ учителей! Вотъ мы уже, слава Богу, цѣлый годъ въ Одессѣ; а много ли мы успѣли за это время? Попросишь въ Обществѣ, тебѣ отвѣчаютъ: прійдите черезъ двѣ недѣли» горячился онъ, преимущественно обращаясь къ Шумахеру: «а черезъ двѣ недѣли—тотъ же отвѣтъ, и такъ безъ конца».

«Да, но можетъ быть общество не располагаетъ такими средствами, чтобы каждаго удовлетворить», замѣтилъ Шумахеръ.

Эти слова заставили жалобщика призадуматься немного, но затѣмъ онъ опять продолжалъ, обращаясь къ Шумахеру: «я тебѣ не рассказывалъ про столкновение съ одной дамой, должно быть, также членомъ общества? Нѣтъ, не говорилъ? Ну, такъ вотъ, слушай же. Прихожу я туда, въ общество, какъ то разъ въ пятницу. Это было въ первое время по прїѣздѣ въ Одессу. Долго мы, просители, ждали въ передней, пока насъ не впустили. Наконецъ мы зашли, и я подаю свое прошеніе. Сидѣвшая тутъ же дама, дородная и красивая женщина. вкокетничавшая съ молоденькимъ секретаремъ, взяла мое прошеніе и прочитала его.

— «А за сколько классовъ хотите вы держать экзаменъ?» спрашиваетъ она меня.

— «За четыре», отвѣчаю я.

— «А затѣмъ?» полюбопытствовала она.

— «А затѣмъ», говорю я ей: «за шесть, а тамъ и за восемь».

Она засмѣялась.

«Знаете ли вы», говорит она мнѣ: «какъ трудно держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости? А если вы и выдержите—во что я однако не вѣрю,—то васъ, какъ еврея, не примутъ въ университетъ».

Меня это взбѣсило. Какъ? это значить распространять посвященіе между евреями въ Россіи? Человѣкъ стремится, хочетъ чего-нибудь добиться, а вотъ тебѣ на пути дама съ пророчествомъ! И она, имѣй въ виду, членъ общества!

Шумахеръ слушалъ своего земляка съ усмѣшкой. Трудно было сказать, что въ данную минуту выражала эта усмѣшка. Еще немного посидѣли гости Шумахера, передавая впечатлѣнія, которыя производить на нихъ Одесса съ ея разношерстнымъ населеніемъ. Они подтрунивали надъ плохой жаргонной рѣчью одесскихъ евреевъ, смѣялись надъ ихъ незнаніемъ обязательныхъ еврейскихъ молитвъ и даже возмущались ихъ пренебреженіемъ къ наиболѣе важнымъ обрядамъ. Зингеръ, который уже въ десятый разъ слушалъ эти рассказы, не вмѣшивался въ разговоръ. Онъ смотрѣлъ на Шумахера, какъ тотъ крутилъ свои маленькіе усики и нетерпѣливо вертѣлся на стулѣ. «Ну, пойдете, господа!» обратился Зингеръ къ своимъ товарищамъ, подымаясь съ мѣста: «Юліану, должно быть, нужно заниматься, а мы ему мѣшаемъ».

— «Ничего!» отвѣтилъ Шумахеръ, «я сейчасъ заниматься не буду, а пойду съ вами: мнѣ нужно по дѣлу».

На углу Тираспольской и Дегтярной Шумахеръ попрощался съ своими товарищами и пошелъ по Успенской улицѣ къ Саррѣ Григорьевнѣ.

Шумахеръ, весело насвистывая, спѣшилъ, боясь опоздать. Онъ рѣшилъ отбросить всѣ эти глупости и опять приняться за ученіе. Если сегодняшній день и пропадетъ для него даромъ, зато онъ надѣется, что впродъ все пойдетъ къ лучшему. Катѣ онъ и говорить не будетъ о своей любви. Къ чему это? Онъ постарается не встрѣчаться съ нею такъ часто, и увлеченіе пройдетъ само собою. Шумахеръ уже подходилъ къ подъѣзду дома, въ которомъ квартировали его знакомыя, когда обѣ женщины, тетя съ племянницей, появились изъ-за угла, держа за руки дѣтей. Съ притворнымъ равнодушіемъ онъ пошелъ имъ навстрѣчу, оглядываясь по сторонамъ на прохожихъ и проѣзжихъ. «А, здравствуйте мосе Шумахеръ!» сказала Сарра Григорьевна: «мы уже перестали

ждать васъ. Теперь не взыщите: я устала, и дѣти, думаю, также, я не могу больше гулять». «Катя, если хочешь, прогуляйся еще съ мосье Шумахеромъ», обратилась она къ племянницѣ: «только приходите къ чаю. Я здѣсь позабочусь о самоварѣ». Посмотрѣвъ на Катю, которая не знала, на что рѣшиться, Сарра Григорьевна продолжала: «Посмотри, какой чудесный день сегодня выдался. Право, грѣшно даже приглашать мосье Шумахера въ комнату».

Шумахеръ все это время безнадежно улыбался и смотрѣлъ на Катю. Та не поднимала на него глазъ и наконецъ сказала: «Ну, хорошо, пойдемте!» «Тетя!» обратилась она къ Саррѣ Григорьевнѣ: «мы скоро будемъ обратно».

Они пошли, но то радостное настроеніе, въ которомъ Шумахеръ шелъ сюда, сразу исчезло. Ему казалось, что Катя неохотно отправилась съ нимъ гулять, сдѣлала это изъ одной вѣжливости, чтобы не обидѣть его; и ему стало тяжело, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея присутствіе доставляло ему удовольствіе. Онъ шелъ молча, чувствуя себя въ какомъ-то глупомъ положеніи. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ, почти растягивая каждое слово: «Какая чудесная погода! У насъ на сѣверѣ—а наше мѣстечко лежитъ далеко на сѣверѣ въ сравненіи съ Одессой.—такихъ дней не бываетъ поздней осенью. Дождь, грязь, снѣгъ—вотъ наша поздняя осень. Особенно же грязь. Эта грязь отравляетъ жизнь обывателямъ мѣстечка. Я безъ ужаса не могу вспомнить о ней...»

«А гдѣ, по вашему, лучше жить?» спросила Катя: «не говоря о грязи, гдѣ лучше, въ Одессѣ или въ мѣстечкѣ какомъ нибудь?»

«Что я вамъ могу сказать?» отвѣтилъ, пожимая плечами, Шумахеръ. «Въ мѣстечкѣ, понятно, ничего того не найдете, что въ Одессѣ. Скука отчаянная: ни книгъ, ничего тамъ нѣтъ. Я, по крайней мѣрѣ, буду стараться жить только въ большомъ городѣ».

Катя молчала. Шумахеръ не понялъ ея вопроса. Онъ полагалъ, что всѣ только и думаютъ, что о книгахъ. Съ нимъ нужно было говорить прямо, безъ намековъ, и черезъ нѣсколько минутъ молчанія Катя заговорила: «Видите ли, мнѣ кажется, что въ провинціи гдѣ-нибудь можно жить спокойноѣе, чѣмъ въ Одессѣ. Я полагаю, что живи я въ мѣстечкѣ какомъ-нибудь, у меня было бы больше свободнаго времени. (Она замаялась). Я могла

бы даже открытъ начальное училище для еврейских дѣвочекъ. Такихъ школъ очень мало въ нашихъ мѣстечкахъ, а между тѣмъ онѣ тамъ болѣе всего нужны». Катя говорила спокойно, по временамъ только жестикулируя правой рукой. «Что мнѣ теперь въ томъ, продолжала она, что я получила кое-какое образованіе, когда мнѣ некогда читать даже книжку. Прежде, бывало, когда жилъ еще мой покойный дядя, я очень много читала, вмѣстѣ съ нимъ. Да, это былъ умный довольно оригинальный человѣкъ... Но прошли тѣ времена... Теперь съ разсвѣта до вечера сидишь за машиной и строчишь, а когда отложишь работу, рада, если тебя не трогаютъ, и ты можешь уснуть, чтобы на другое утро проснуться для такой же каторжной работы... Впрочемъ, я не рошшу»...

Катя замолчала. Шумахеръ также молчалъ, не находя, о чемъ говорить.

— «Мы пойдемъ направо?» спросила Катя, когда они поровнялись съ греческой Свято-Троицкой церковью.

«Нѣтъ, отвѣтилъ Шумахеръ, я не люблю толпы. Пойдемте, если хотите, прямо: тамъ улицы менѣе многолюдны и спокойнѣе».

Катя, которая теперь больше, чѣмъ когда либо, хотѣла быть подальше отъ людей, охотно согласилась, и, взявъ Шумахера подъ руку, она опять заговорила: «Такъ вотъ, я могла бы какънибудь пристроиться, но меня удерживаетъ здѣсь одно»... Шумахеръ нѣжно посмотрѣлъ на Катю, но она продолжала: «Моя бѣдная тетушка Сарра Григорьевна нуждается теперь во мнѣ, и, если я ее брошу и уѣду искать счастья, одинъ Богъ вѣдаетъ, что съ нею тогда станется. О новомъ замужествѣ она уже не мечтаетъ, а живетъ одной надеждой—дать хорошее образованіе своимъ дѣтямъ». Катя перевела духъ. «Повѣрите?» продолжала она: «часто во мнѣ происходитъ борьба. Съ одной стороны, мнѣ представляется моя личная жизнь и счастье, въ которое я все же вѣрю, а съ другой—бѣдная Сарра Григорьевна съ ея малютками». Катя задумалась, опустивъ глаза внизъ. Казалось, что она старается что-то вспомнить. «Многимъ, очень многимъ я обязана ей. Какъ ласково приняли меня она и ея мужъ, когда я сиротой послѣ смерти матери очутилась въ Одессѣ. Я была тогда ребенкомъ. У дяди съ теткой дѣтей еще не было. Съ какой любовью и предупредительностью они вхаживали за мной, точно за родной до-

черью. Онъ, мой покойный дядя, цѣлый день бывало трудится въ конторѣ, гдѣ служилъ, а вечеромъ, когда возвращался домой, училъ меня еврейской и русской грамотѣ. Помню я нашу общую радость, когда мнѣ удалось поступить въ женское профессиональное училище. Онъ самъ ходилъ со мною въ книжную лавку покупать нужные учебники... Катя была растрогана нахлынувшими чувствами и не могла дальше говорить. Она помолчала немного и, успокоившись, продолжала: «Да, онъ былъ очень, очень добръ ко мнѣ... Отношеніе же моей тети ко мнѣ вы, навѣрное, знаете... Право, мнѣ подчасъ приходитъ на мысль, что я не имѣю права думать о личномъ счастьѣ и что не должна оставлять своей бѣдной тети»...

Катя замолчала; щеки ея горѣли. Шумахеръ ступалъ медленно, чтобы дать ей возможность опираться на его руку. Прошло минутъ пять. Они шли, углубившись каждый въ свои думы.

— «Не пора ли намъ домой?» сказала Катя, взглянувъ на заходившее солнце, которое отбрасывало отъ домовъ длинные тѣни, покрывавшія всю улицу: «мы обѣщали тетѣ скоро вернуться»

— «Погуляемъ еще немножко», почти просилъ Шумахеръ: «ваша тетя ничего не будетъ имѣть противъ этого. Теперь чудесная погода», и онъ полной грудью втонулъ въ себя слегка морозный воздухъ.

Долго еще гуляли Шумахеръ съ Катей по улицамъ Одессы, но разговоръ у нихъ не клеился. Нашъ герой былъ молчаливъ и грустенъ. Онъ хотѣлъ и сказать Катѣ о своей любви, и скрыть это отъ нея, и боролся съ собою. «Теперь или никогда», думалъ онъ, когда они возвращались уже домой. Онъ чувствовалъ, что сердце его не спокойно. Ему хотѣлось задержать еще Катю, чтобы собраться съ мыслями и какъ нибудь признаться ей, а между тѣмъ было уже поздно, и до дома, въ которомъ жила Катя, оставались какихъ нибудь два квартала. Катя торопилась. «Зачѣмъ вы такъ бѣжите?» останавливалъ ее Шумахеръ.

— «Мнѣ скучно съ вами», отвѣчала она шутливо: «вы весь вечеръ такой хмурый, точно ваше осеннее небо».

Своимъ зоркимъ женскимъ взглядомъ Катя сейчасъ замѣтила, что происходитъ въ душѣ Шумахера, и это ее очень беспокоило. Она прекрасно понимала, что его любовь—юношеское увлеченіе, которое скоро пройдетъ. Кромѣ того, она слишкомъ привыкла

считать его мальчикомъ, чтобы, съ своей стороны, полюбить его. Вѣдь онъ былъ еще такъ наивенъ и такъ мало жилъ. Теперь онъ шелъ только по пути, ведущему къ дѣйствительной жизни. Увлеченіе Шумахера представлялась Катѣ протестомъ его темперамента противъ уединеннаго и противнаго его юной природѣ образа жизни, который онъ велъ, и она не хотѣла даже говорить съ нимъ объ этомъ. Но нашъ герой, увлекаемый своими чувствами, забылъ все то, что недавно самъ себѣ проповѣдывалъ. Онъ хотѣлъ непремѣнно объясниться съ Катей. Какъ онъ былъ бы счастливъ, если бы... Но неужели она не пытается къ нему никакого чувства?

«Да», началъ онъ: «я вамъ сегодня порядкомъ надоѣлъ». Но тутъ онъ запнулся и замолчалъ.

Сказать ли ей теперь, что я люблю ея, думалъ онъ. «Но какъ это высказать?» Онъ много разъ любилъ, даже когда ему было лѣтъ семь-восемь, но никогда не дѣлалъ никакихъ признаній. Неужели и на этотъ разъ смолчать? Можетъ быть, онъ и успокоится, но какъ бы онъ желалъ знать, какъ Катя относится къ его любви, что она отвѣтитъ. У Шумахера кружилась голова, и что-то толкало его сказать, непремѣнно сказать. Но неужели такъ прямо взять и сказать: «я васъ люблю», шумѣло въ его головѣ: «нѣтъ, такъ не годится. Надо какъ нибудь осторожнѣе». У него вдругъ блеснула новая мысль, и онъ-какъ въ чадѣ заговорилъ:

— «Помните, Екатерина Самойловна, мы съ вами когда-то говорили о томъ, можетъ ли существовать безкорыстная дружба между мужчиной и женщиной».

Катя съ досадою что-то пробормотала. Она сразу поняла, къ чему клонится этотъ разговоръ.

«Вы тогда говорили, продолжалъ онъ, «что такая дружба возможна, а я васъ оспаривалъ. Теперь мнѣ какъ разъ самому пришлось убѣдиться въ справедливости моихъ словъ... Впрочемъ, можетъ быть, по себѣ нельзя судить о другихъ»... И онъ сталъ, заикаясь, рассказывать, какъ онъ познакомился съ нею, съ Катей. Онъ говорилъ, что въ ней первой онъ увидѣлъ не женщину, какими онъ обыкновенно биваютъ, а человѣка. Онъ всегда желалъ подружиться съ нею, повѣрять ей свои тайны и спрашивать у нея совѣта. Большаго онъ никогда и не хотѣлъ. Но по капризу судьбы вышло такъ, что онъ полюбилъ ее не любовью брата или

друга, какъ онъ этого желалъ, а иначе, т. е. какъ обыкновенно любить мужчины женщинъ. Эта любовь, говорилъ Шумахеръ, и есть причина бессонныхъ ночей его и сегодняшней грусти, которой онъ навѣялъ такую скуку на Катю.

Шумахеръ кончилъ и, повидимому, ждалъ отвѣта Кати. Она молчала, глядя прямо впередъ, и съ грустью въ голосѣ сказала:

«Очень, очень жаль, что оно такъ случилось», она на мгновенье замолчала, повидимому, собираясь съ мыслями, и продолжала: «Вы говорили, что всегда желали имѣть меня своимъ другомъ. Что же? Я—вашъ другъ и теперь готова дать вамъ совѣтъ. Вамъ, по моему, не слѣдуетъ теперь влюбляться. Вы идете къ цѣли и должны неуклонно стремиться къ ней. Я полагаю, что всякое уклоненіе въ сторону принесетъ вамъ одни несчастія. Теперь вы должны успокоиться, и я васъ прошу объ этомъ. Очень, очень жаль».

Катя кончила. Шумахеръ былъ пораженъ такимъ отвѣтомъ и чуть не заплакалъ. «До свиданья!» сказалъ онъ глухимъ голосомъ, подводя ее къ самому дому.

— «Вы не зайдете? Зайдемте! посидите немного у насъ» сказала серьезно Катя.

— «Нѣтъ, не могу; мнѣ нужно пойти заниматься», почти плачущимъ голосомъ сказалъ Шумахеръ.

— «Ну, какъ знаете! Однако успокойтесь, я прошу васъ, и приходите къ намъ, когда вы будете свободны», отвѣтила Катя, быстро удаляясь.

Шумахеръ пошелъ домой. Въ головѣ у него стучало... «Да, она права!» рѣшилъ онъ наконецъ: «надо пойти читать Гомера».

Прошло около мѣсяца. Шумахеръ съ удвоеннымъ рвеніемъ по цѣлымъ недѣлямъ трудится надъ Виргиліемъ и Гомеромъ, а по субботамъ гуляетъ съ Катей, но уже не по уединеннымъ улицамъ, а по Дерibasовской и на Николаевскомъ бульварѣ. Зингеръ уже посвященъ въ причину прежней грусти своего друга, знаетъ и отвѣтъ Кати, но говорить, что *Gam su l'touvo*.

М. Кушниръ.

Внутренняя организація евреевъ въ Польшѣ.

М. Шорра.

(СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО 1772 ГОДА).

Переводъ съ польскаго.

Ни одинъ историкъ, занимавшійся исторіей евреевъ въ Польшѣ вообще, или только въ какой-нибудь ея провинціи и въ одну опредѣленную эпоху, не можетъ избѣжать вопроса объ организаціи польскихъ евреевъ. Поэтому, всѣ работавшіе на этомъ поприщѣ: Краусгаръ, Мацѣевскій, Штернбергъ, Смоленскій, Нусбаумъ,—болѣе или менѣе затрагивали этотъ вопросъ, хотя никто изъ нихъ не исчерпалъ его во всей полнотѣ, такъ какъ они касались его лишь вскользь и въ разныхъ недостаточно обоснованныхъ мѣстахъ своихъ трудовъ набрасывали лишь общія очертанія вопроса. Даже Краусгаръ и Нусбаумъ, наиболѣе полно обработавшіе исторію польскихъ евреевъ, удѣляютъ только изрѣдка вниманіе внутреннему устройству еврейскихъ общинъ, ограничиваясь по большей части общей характеристикой правового положенія евреевъ въ Польшѣ¹.

Весьма обстоятельное изслѣдованіе о польскомъ законодательствѣ по отношенію къ евреямъ издано 30 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ ученымъ, профессоромъ Л. Гумпловичемъ; авторъ основательно разобралъ всѣ факторы, отъ которыхъ зависѣло правовое положеніе евреевъ съ древнѣйшихъ временъ до самаго раздѣла Польши; но картина собственно внутреннего устройства евреевъ и

¹ Краусгаръ, къ сожалѣнію, довелъ свою „Исторію евреевъ въ Польшѣ“ только до смерти Сигизмунда Августа, когда самоуправленіе еврейскихъ общинъ едва лишь начинало развиваться; поэтому онъ и не могъ удѣлить должнаго вниманія одной изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи еврейской организаціи.

у него набросана въ самыхъ общихъ чертахъ, за отсутствіемъ архивнаго матеріала. Только въ послѣдніе годы Бершадскій и Дубновъ, основываясь на архивныхъ источникахъ (преимущественно древнееврейскихъ), напечатали въ русскомъ журналѣ „Восходъ“, посвященномъ исторіи и литературѣ евреевъ, рядъ цѣнныхъ монографій, содержащихъ важныя матеріалы для цѣльнаго представленія о внутренней организаціи польскихъ евреевъ¹.

Упомянемъ еще серьезныя труды Bloch'a² и Feilchenfeld'a;³ первый изъ нихъ критически изслѣдовалъ генеральныя привилегіи, дарованныя евреямъ въ разныя времена польскими королями; второй — на основаніи древнееврейскихъ архивныхъ книгъ далъ описаніе устройства еврейской общины въ г. Познань, начиная со 2-й половины 16 вѣка.

Принявъ во вниманіе сочиненія всѣхъ этихъ авторовъ, мы основываемъ наше изслѣдованіе преимущественно на рукописныхъ источникахъ, собранныхъ въ архивѣ „городскихъ актовъ“ во Львовѣ, въ городскомъ архивѣ тамъ же, въ библіотекѣ Оссолинскихъ, въ Пшемысльскомъ городскомъ архивѣ, а также на древнееврейскихъ источникахъ, частью опубликованныхъ въ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ, частью остающихся еще въ рукописи (т. наз. „пинкось“ или общинныя книги).

Мы постарались впервые дать полную картину организаціи евреевъ за все время существованія польскаго государства, показать тѣ измѣненія, какимъ она подвергалась въ теченіе шести вѣковъ, и обнаружить причины, вызывавшія эти измѣненія.

Внутреннее устройство евреевъ въ Польшѣ, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, является продуктомъ весьма мно-

¹ Бершадскій довелъ свой трудъ „Литовскіе Евреи“ только до Люблинской Уни 1569 г., тѣмъ не менѣе онъ даетъ весьма цѣнныя указанія относительно интересующаго насъ вопроса.

² „Die Generalprivilegien d. poln. Judenschaft“ — Zettschr. f. Gesch. Posen 1891.

³ „Die Innere Gemeindeverfassung d. Juden in Polen“ Ibid. 1886.

гихъ факторовъ правовыхъ, религіозныхъ и обще-соціальныхъ, въ различной степени вліявшихъ на его возникновеніе, развитіе и усовершенствованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основу всей организаціи легло польское законодательство по отношенію къ евреямъ, на почвѣ котораго и возникло еврейское самоуправленіе, —этотъ достойный удивленія институтъ, обнимавшій собою всѣ стороны жизни евреевъ во всей Рѣчи Посполитой, какъ административную и судебную, такъ и экономическую и религіозную; эта огромная система однообразнаго самоуправленія, несомнѣнно подвергавшаяся вліянію организаціи другихъ общественныхъ классовъ и сословій, носитъ однако на себѣ отпечатокъ замѣчательной оригинальности: она вся проникнута духомъ еврейства и духомъ талмудическаго кодекса, какъ продукта его.

Описать это самоуправленіе, эту самостоятельную организацію во всѣхъ фазахъ ея развитія и вѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить участіе каждаго изъ упомянутыхъ факторовъ въ процессъ ея развитія — вотъ задача нашего изслѣдованія. Рѣшеніе этого вопроса позволить намъ судить о томъ, какая именно причина играла первенствующую роль въ дѣлѣ созданія еврейской организаціи, составляющей одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ страницъ восьминвѣковой исторіи евреевъ въ Польшѣ. И чтобы понять эту организацію, нужно прежде всего отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ и какіе факторы проявлялись вообще въ исторіи польскихъ евреевъ и какое было обще-правовое положеніе евреевъ въ польскомъ государствѣ?

Проф. Гумпловичъ задался этимъ вопросомъ въ упомянутомъ нами сочиненіи; исходя изъ рассмотрѣнія генеральныхъ привилегій, дарованныхъ евреямъ кн. Болеславомъ Калишскимъ въ 1264 г. и Казиміромъ Великимъ въ 1367 г. и подтвержденныхъ всѣми почти ихъ преемниками на польскомъ престолѣ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: ¹... „Отношеніе польскихъ королей къ евреямъ совершенно иное, чѣмъ отношеніе къ нимъ правителей

¹ L. Gumplowitz, „Prawodawstwo polskie wzgledem zydow“, стр. 108.

другихъ странъ, какъ напр. Германіи. Тамъ евреи считались собственностью короля, составляя его камеральное имущество, они были „*servi camerae*“ короля. Евреи, значитъ, не принадлежали къ народу, не входили въ составъ его, а были лишь частной собственностью правителя въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ былъ защищать ихъ отъ народныхъ преслѣдованій. Причинявшій имъ вредъ считался причиняющимъ вредъ государственной казнѣ („*est dissipator camerae postrae*“)...

Иначе обстоило дѣло въ Польшѣ. (Здѣсь евреи составляли *классъ народа*, входили въ составъ его, какъ часть интегральная, подобно шляхтѣ, мѣщанству, хлопству, а между этими классами населенія евреи не занимали послѣдняго мѣста, ибо они ставились на одномъ уровнѣ съ мѣщанами. Законъ Стефана Баторія гласитъ: *Coaequantur cum civibus, iisdemque libertatibus dotantur*. Король, присягая „правамъ всѣхъ сословій, этимъ самымъ обязывался охранять и права евреевъ“...¹ Но королевскія привилегіи не составляютъ единственнаго источника польскаго законодательства по отношенію къ евреямъ; это было такъ лишь до тѣхъ поръ, пока королевская власть имѣла въ странѣ перевѣсъ надъ властью магнатовъ, пока послѣдніе не имѣли достаточно силъ, чтобы нарушать королевскія привилегіи, иначе говоря это было въ теченіе всей эпохи Пястовъ. Но когда во времена Ягеллоновъ на законодательство пріобрѣтаетъ вліяніе шляхта, а отчасти и духовенство, тогда къ королевскимъ привилегіямъ присоединяются еще два новыхъ законодательныхъ фактора: сеймовыя постановленія и синодальныя конституціи. Все сильнѣе и сильнѣе выступаетъ ихъ вліяніе наряду съ королевской властью, пока, наконецъ, въ

---

¹ Мы должны здѣсь исправить ошибочное мнѣніе Гумшловича, полагающаго, будто привилегіи нормировали только положеніе всего польскаго еврейства, не касаясь отдѣльныхъ кагаловъ, предоставленныхъ власти воеводы,—власти обнаруживавшейся въ т. наз. „*porzadkach wojewódzkich*“. Намъ извѣстны многія привилегіи, имѣющія характеръ уставовъ, дарованныхъ евреямъ отдѣльными городами и притомъ касающихся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

эпоху избирательнаго престолонаслѣдія, послѣдняя не падаетъ окончательно, подавленная возрастающей силой и значеніемъ первыхъ.

Однако, на организацію евреевъ главное вліяніе оказывали королевскія привиллегіи. Въ тотъ моментъ, когда власть перешла въ руки шляхты и духовенства, однообразное устройство евреевъ въ Польшѣ было уже закончено, и ни сеймъ, ни духовенство не нарушали его, по крайней мѣрѣ, въ его основахъ; наоборотъ, они считали его общественнымъ явленіемъ, существующимъ на законномъ основаніи.

Организація польскихъ евреевъ во многихъ подробностяхъ носить на себѣ, какъ мы это покажемъ въ нашемъ трудѣ, черты того общества, среди котораго она возникла и развилась. Иначе и быть не могло. Вліяніе, которые испытывали разныя стороны внутренней жизни евреевъ¹, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ мѣщанствомъ и шляхтой, должно было съ психологической необходимостью отразиться на ихъ устройствѣ.

Само собою, разумѣется, что и еврейская религія оказала свое вліяніе на это устройство; польское законодательство—было фундаментомъ и талмудическое право—колонной, поддерживавшей это огромное зданіе.

Не только судъ и администрація,—главныя стороны этой организаціи проникнуты духомъ Талмуда, но и вся внутренняя жизнь евреевъ сложилась подъ его вліяніемъ. Польша не только была колыбелью талмудической науки въ теченіе 3-хъ вѣковъ, сюда не только стекалась молодежь изъ сосѣднихъ странъ въ еврейскія академіи, но и до сихъ поръ еще *responsa* польскихъ раввиновъ считаются источникомъ для нормированія всѣхъ случаевъ практической жизни, имѣющихъ отношеніе къ религіи.

¹ Вліяніе это наиболее очевидно въ эпоху реформаціи. Литературное и главнымъ образомъ религіозное движеніе этого времени нашло живой откликъ среди евреевъ, разбудивъ въ нихъ любовь къ просвѣщенію и, особенно, къ философскимъ изслѣдованіямъ, что дало возможность нѣкоторымъ выдающимся личностямъ выступить съ полемикой противъ главарей реформаціи. (См. Дубнова: „Евреи и реформація въ журн. Восходъ“ 1895 г.).

Въ организаціи польскихъ евреевъ можно различить три главных періода развитія.

Первый періодъ начинается съ полученія евреями Великой Польши привилегіи отъ Болеслава Калишскаго, въ 1264 г., и простирается до начала XVI в. Характерныя черты устройства евреевъ въ эту эпоху, въ отлічіе отъ послѣдующихъ, съ трудомъ поддаются изслѣдованію за отсутствіемъ источниковъ.

Развѣ только простота „гминнаго“ устройства съ одной стороны и отсутствіе централизаціи съ другой могутъ характеризовать эту почти 300-лѣтнюю эпоху.

Стоя на точкѣ зрѣнія постепеннаго развитія организаціи евреевъ, можно уже въ эту эпоху видѣть зародыши позднѣйшей автономіи евреевъ; уже въ генеральныхъ привилегіяхъ XIV, а особенно XV вв. на еврейскій законъ и еврейскій обычай ясно указывается какъ на одинъ изъ источниковъ польскаго законодательства о евреяхъ, какъ на дѣйствительную основу этого законодательства.

Періодъ отъ начала XVI в. до второй половины этого же вѣка можно назвать переходной эпохой. Въ это время мы видимъ централистическое устройство общинъ приспособленнымъ къ административному дѣленію государства и воплощающимся въ лицѣ такъ называемыхъ *докторовъ* или *генеральныхъ сеніоровъ*.

Но такъ какъ эта система центральнаго управленія возникла не среди самихъ евреевъ и оказалась не вполне практичною и удобною, то она и встрѣтила сильное сопротивленіе, которому, наконецъ, должна была уступить и государственная власть; привилегіей 1551 г. послѣдняя предоставила евреямъ свободный выборъ генеральныхъ сеніоровъ, до того времени назначавшихся королемъ, а нѣсколькими другими привилегіями евреямъ гор. Львова, Познани, Пшемьсла дарована была самая широкая общинная автономія.

Эти два факта произвели переломъ въ организаціи евреевъ ихъ ближайшимъ послѣдствіемъ явилось возникновеніе въ цен-

тральномъ устройствѣ евреевъ новаго начала, положившаго свой отпечатокъ на третью эпоху, а именно генеральныхъ сѣздовъ и сеймиковъ. Однообразное устройство всѣхъ общинъ Польши и Литвы и централизація всѣхъ общинъ, возникавшая по инициативѣ самихъ евреевъ — вотъ характерныя знаменія третьей эпохи, продолжавшейся до перваго раздѣла Польши въ 1772 году.

I. Первый періодъ

(съ древнѣйшихъ временъ до начала XVI вѣка).

Генеральныя привиллегіи, дарованныя евреямъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ польскими монархами имѣли цѣлю, главнымъ образомъ, упрочить ихъ обще-государственное положеніе; самой же внутренней организаціи евреевъ онѣ касались постольку, поскольку послѣдняя находилась въ связи съ общимъ государственнымъ устройствомъ Польши и постольку этого требовало отношеніе всего правопорядка къ евреямъ, какъ къ одному изъ сословій или классовъ населенія. Это то обстоятельство и обусловливаетъ, главнымъ образомъ, крайнюю ограниченность нашихъ свѣдѣній собственно о внутренней организаціи евреевъ.

Мы не знаемъ, каковъ былъ составъ общинныхъ управленій, въ чемъ состояли обязанности отдѣльныхъ его членовъ по отношенію къ общинѣ, какъ широко было ихъ поле дѣятельности, наконецъ, избирались ли они самими евреями, или же назначались отъ правительства. Намъ извѣстно только, что евреи организовались въ общины, которыхъ необходимую основу составляла „школа“ или синагога и кладбище, такъ называемое „окоріско“, и что представителями общины были такъ назыв. „старшины“. Въ привиллегіяхъ болѣе подробно указывается только на одну сторону ихъ дѣятельности—судебную юрисдикцію, которая поэтому и является единственной, поддающейся точному изслѣдованію стороною внутренняго строя еврейскихъ общинъ въ разсматриваемую эпоху.

Привиллегія Болеслава Калишскаго отъ 1264 г., сохранив-

шаяся въ подтвержденіи Казимира Великаго (1334 г.), и рисуемая намъ главныя черты общественнаго и правового положенія евреевъ, содержитъ также указанія на ихъ судебныя установленія. Привиллегіей этой нигдѣ ясно не установлено, кому собственно принадлежитъ право суда надъ евреями; оно, повидимому, приурочивается къ издавна сложившимся отношеніямъ, нуждавшимся только въ законодательной санкціи.

Основываясь на этихъ сложившихся обычаяхъ, такъ сказать узаконенныхъ привиллегій, мы получаемъ слѣдующую картину суда у евреевъ. Всякіе спорные вопросы между одними ли евреями, или же между евреями и христіанами, разбираются такъ называемымъ „еврейскимъ судьей“¹, который, однако, въ нервомъ случаѣ можетъ творить судъ не иначе, какъ по жалобѣ сторонъ². Мѣсто суды служитъ обыкновенно „школа“, но евреи имѣютъ право выбирать другое мѣсто; во всякомъ случаѣ, судья не имѣетъ права звать ихъ на судъ къ себѣ, — это право принадлежитъ только воеводѣ и монарху³. Присяга еврея на судѣ можетъ быть двоякая: въ дѣлахъ, касающихся болѣе значительныхъ суммъ до 50 гривенъ, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда еврей предстаетъ передъ королевскимъ судомъ, она совершается надъ свиткомъ завѣта; въ мелкихъ дѣлахъ — передъ „школой“, у входа. За неявку въ судъ по вызову судьи, еврей платитъ судѣ штрафъ, „который ему слѣдуетъ“ и, надо думать, все болѣе и болѣе до третьяго раза; о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ неявки привиллегія не упоминаетъ, но непослушный, вѣроятно, проигрывалъ дѣло.

¹ „Sedzia zydowski“ — такъ назывался судья, замѣнявшій воеводу и разбиравшій въ первой инстанціи дѣла между евреями и христіанами (Por. Cod. Min. Pol. I. 372. § 8). Поэтому ошибочно мнѣніе Мацѣевскаго, („Zydzi w Polsce“; 38), будто сначала „еврейскимъ судьей“ былъ только еврей, а лишь впоследствии имъ могъ быть и христіанинъ, набранный на эту должность „гминой“.

² § 22 [по тексту Bloch'a „Hist. Ztschr. f. d. Provinz Posen“ 1891, p. 92] этотъ текстъ самый обстоятельный, потому что приняты во вниманіе всѣ варианты, его же мы будемъ придерживаться во всѣхъ цитатахъ.

³ Ibid. § 30.

Вотъ фактическія данныя о судѣ, заключающіяся въ привилегіи Болеслава. Однако, при болѣе близкомъ ихъ разсмотрѣніи, возникаютъ нѣкоторые сомнѣвія и неточности, требующія разъясненія. Неужели сами евреи, или ихъ „старшіе“ (о нихъ въ этой привилегіи совсѣмъ еще не упоминается), которые, какъ явствуетъ изъ пунктовъ § 19 и 30, принимали участіе въ первоначальномъ редактированіи привилегіи, не старались получить право суда хотя бы надъ одними только евреями? Неужели тѣ же самые евреи, которые по привилегіи 1367 г. имѣли рѣшающій голосъ даже въ христіанско-еврейскихъ дѣлахъ, за тридцать лѣтъ до этого не пользовались правомъ творить судъ даже надъ одними евреями? Мы думаемъ, что право суда принадлежало еврейскимъ старѣйшинамъ уже на основаніи привилегіи Болеслава; упомянутый нами 22-ой пунктъ содержитъ какъ бы молчаливое признаніе за евреями юрисдикціоннаго права надъ евреями же, особенно если за истинный подлинный текстъ мы примемъ слова привилегіи 1367 г., гласящія: „Item iudex Iudeorum nullam causam artam inter Iudeos in iudicium deducat, nisi fuerit per querimoniam invitatus..“¹⁾. Юрисдикціонное право „еврейскаго судьи“ христіанина этииъ пунктомъ какъ бы нѣсколько ограничивается въ пользу еврейскихъ старѣйшинъ. Къ такой интерпретаціи побуждаетъ насъ также двукратное повтореніе того постановленія, что судъ надъ евреями можетъ происходить только въ „школѣ“. „Школа“ всегда была нѣстомъ общиннаго управленія, тамъ же, вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ и разбирались еврейскія, а можетъ быть и еврейско-христіанскія тяжбы, еврейскими старѣйшинами, въ качествѣ „ассессоровъ“, подъ предсѣдательствомъ „еврейскаго судьи“, какъ этого ясно требуютъ позднѣйшія привилегіи. То обстоятельство, что привилегія Болеслава совершенно не упоминаетъ о еврейскихъ ста-

¹ Ztschr. f. Pos. 1891, f. 92. Текстъ этого пункта неясно сформулированъ въ привилегіи кн. Болеслава; принимая во вниманіе, что и другія мѣста въ этой привилегіи сильно испорчены, какъ это доказано Bloch'омъ, мы смѣло можемъ считать приведенный текстъ подлиннымъ.

рѣшѣніяхъ, нисколько не измѣняетъ нашего предположенія; какъ мы уже говорили, привиллегія касается издавна установившихся обычаевъ, и потому она могла не коснуться юрисдикціи старшинъ надъ одними евреями, какъ вопроса, не имѣющаго прямого отношенія къ общеправовому порядку государства.

Итакъ, оказывается, что судъ уже въ XIII в. совершался въ той формѣ, въ какой онъ ясно выступаетъ въ привиллегіяхъ Казимира Великаго и Казимира Ягеллона.

Привиллегія, дарованная Казиміромъ Великимъ 25 апрѣля 1367 г. евреямъ Малой Польши и служащая распространеніемъ привиллегіи кн. Болеслава, содержитъ мало переищѣнъ по отношенію къ организаціи; новымъ, повидимому, является лишь законъ, признающій за евреями право рѣшающаго голоса въ судебныхъ разбирательствахъ происходящихъ подъ предсѣдательствомъ судьи¹. На самомъ дѣлѣ, однако, еврей, какъ мы уже упомянули, уже до этого могли быть „ассессорами“ при нѣкоторыхъ судебныхъ разбирательствахъ; этотъ пунктъ привиллегіи имѣетъ лишь цѣлью предупредить злоупотребленія „еврейскаго судьи“, который, пользуясь тѣмъ, что въ привиллегіи Болеслава ясно не опредѣлено, пользуются ли еврей, засѣдающіе вмѣстѣ съ нимъ на судѣ, правомъ голоса рѣшающаго или же только совѣщательнаго, толковалъ этотъ вопросъ произвольно, въ ущербъ правамъ еврейскихъ ассессоровъ.

Достойнъ вниманія также другой фактъ, вытекающій изъ этой привиллегіи. Законы еврейскіе, еврейскіе обычаи получаютъ въ ней характеръ законодательнаго источника. Два раза подчеркиваются права и обычаи евреевъ, какъ законодательные факторы². Это повторяется и въ привиллегіяхъ XVI вѣка, какъ мы увидимъ ниже.

¹ Вторая часть пункта неясна; относительно I-ой части этого пункта см. Cod. Min. Pol. p. 370 и слѣд. § 24.

² § 19 (какъ и выше) и § 16, гдѣ за неяску въ судѣ назначается наказаніе „secundum consuetudinem ipsorum“.

Самымъ важнымъ документомъ, дающимъ намъ возможность познакомиться съ внутренней организаціей евреевъ въ эту первую эпоху, является извѣстная, хронологически не помѣченная привиллегія Казимира Великаго, дарованная, какъ предполагается, евреямъ Великой Польши и подтвержденная Казимиромъ Ягеллономъ въ 1453 г. Если даже согласиться съ мнѣніемъ Hube, предполагающаго, что привиллегія эта поддѣльная, составлена самими евреями и подана королю для утвержденія вмѣсто оригинальной привиллегіи, погибшей во время пожара въ Познани въ 1447 г., то и тогда она можетъ считаться источникомъ для ознакомленія съ устройствомъ еврейскихъ общинъ второй половины XV вѣка. Однако, тѣ доводы, которыми Hube опровергалъ подлинность привиллегіи, въ значительной степени разбиты Bloch'омъ, въ томъ числѣ и главный упрекъ, дѣлаемый привиллегіи и касавшійся пункта объ ипотекахъ на недвижимыя имущества, якобы противорѣчившаго всѣмъ прежнимъ статутамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Bloch доказалъ, что статутъ дарованный чешскимъ евреямъ Оттобаромъ II въ 1254 г. и служащій непосредственнымъ источникомъ Болеславской привиллегіи, дозволяетъ евреямъ ссужать деньги подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, и что поэтому въ статутѣ Болеслава этотъ пунктъ сохранился, хотя и въ испорченномъ видѣ; съ другой стороны документально доказано, что въ Польшѣ фактически евреи и въ XIV вѣкѣ часто давали шляхтѣ деньги подъ недвижимое имущество.

Но подлинность привиллегіи можно установить и на основаніи тѣхъ пунктовъ, которые нормируютъ организацію евреевъ, на что Bloch не обратилъ вниманія въ своемъ трудѣ. Разсмотрѣніе этой организаціи въ томъ видѣ, какъ она очерчена въ привиллегіи, несомнѣнно приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ дѣйствительности уже Казимиръ Великій далъ эту привиллегію въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Никакихъ радикальныхъ измѣненій въ еврейской организаціи мы здѣсь не находимъ; ямѣтно, правда, значительное расширеніе автономіи еврейскихъ общинъ (что въ сущ-

ности не удивительно со стороны короля, спеціально покровительствовавшего крестьянамъ и евреямъ),—но по существу эта привилегія все-таки тождественна съ прежними статутами. Главное отличие ея отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что она окончательно узаконила издревле установившіеся судебные обычаи евреевъ, что въ прежнихъ привилегіяхъ дѣлалось лишь мимоходомъ и неясно. Вотъ почему мы впервые и находимъ здѣсь точную и полную картину судоустройства евреевъ, постепенно развивавшагося въ теченіе всей первой эпохи, со времени статута кн. Болеслава.

Вотъ какъ оно намъ представляется въ этой привилегіи: спорныя дѣла между одними евреями могутъ разбираться исключительно только еврейскими „старшинами“; если послѣдніе не въ состояніи доискаться правды въ спорѣ между противными сторонами,—дѣло передается воеводѣ.¹

Неповиновеніе „старшимъ“ наказывается шестью гривнами, изъ которыхъ одна половина идетъ въ пользу воеводы, другая—въ пользу „старшинъ“.

Въ уголовныхъ дѣлахъ между одними евреями можетъ засѣдать только воевода или его замѣститель т. н. „еврейскій судья“, выѣтъ съ евреями.² Христіанинъ, раненый евреемъ, долженъ показать свою рану „школьному“ и „возному“; судъ по такимъ дѣламъ можетъ происходить или у синагоги или же тамъ, гдѣ укажутъ евреи (евреи ассесоры) и при томъ подъ предсѣдательствомъ „еврейскаго судьи“. Судья не можетъ ни постановить приговора, ни привести его въ исполненіе безъ согласія евреевъ.

На приговоръ судьи или воеводы всегда можно апеллировать къ королю, точно также какъ и въ дѣлахъ между евреями съ

¹ О подробностяхъ внутренней организаціи не упоминаетъ и эта привилегія; есть только общія упоминанія о „сеніорахъ“ (§ 10 и 11), о „старшихъ школахъ“ (§ 17), о „школьномъ“ (§ 25), о „службѣ школы“ (§ 27).

² § 7. Bloch вполне справедливо вычеркнулъ изъ этого § слова: „vel Iudeum Christiano“, какъ сюда не относящіеся и вставленные по ошибкѣ, потому что этому случаю посвящены §§ 12 и 26; впрочемъ, обвиняемый христіанинъ вѣдь не подлежалъ суду воеводы.

одной стороны, и воеводой или его судьей, съ другой. За неявку въ судъ помимо вызова судьи, еврей обязанъ въ первый и во второй разъ уплатить судѣ штрафъ въ размѣрѣ одного фунта перцу; если онъ послѣ этого опять не появится къ сроку, дѣло считается проиграннымъ окончательно. Однако на судѣ еврей обязанъ отвѣчать только тогда, когда его вызывалъ „школьный“. Ни одинъ христіанинъ ни по какому дѣлу не имѣетъ права требовать еврея къ суду духовному; самъ воевода, равно какъ и староста, обязаны въ такихъ случаяхъ оказывать еврею защиту и не допускать подобнаго вызова. Точно также и шляхтичъ можетъ требовать еврея только къ воеводскому суду. Воевода не долженъ получать никакихъ доходовъ или вознагражденій, кромя тѣхъ, которые евреи добровольно ему назначаютъ.

При разбирательствѣ судебныхъ дѣлъ можно иногда пользоваться присягой; а именно, если украденныя у христіанина вещи доставались въ закладъ еврею, то „старшій школы“, обязанъ былъ лично или черезъ „школьнаго служку“ произвести разслѣдованіе подѣ присягой. Въ дѣлахъ на сумму свыше 50 гривенъ присяга должна совершаться надѣ свиткомъ завѣта, въ дѣлахъ на меньшую сумму—при входѣ въ синагогу надѣ висящей тамъ цѣпью или т. н. „Kalcze“. Обычная формула присяги слѣдующая: „Такъ пусть Богъ мнѣ поможетъ, создающій свѣтъ и тьму, и книги Моисея“.

Этии общими и односторонними чертами ограничиваются наши извѣстія объ организаціи евреевъ въ Польшѣ до самаго начала XVI вѣка, потому что кромя привилегій у насъ нѣтъ соответственныхъ источниковъ, ни архивныхъ, ни еврейскихъ. Существуетъ только одна замѣтка извѣстнаго Р. Эліезера изъ Чехіи, знаменитаго комментатора Талмуда XIII в., который въ одномъ изъ своихъ респонсовъ рисуетъ слѣдующую картину внутренней общинной жизни венгерскихъ и славянскихъ евреевъ.—„...Евреи во многихъ городахъ Польши, Руси и Венгріи совершенно не занимаются изученіемъ (закона) вслѣдствіе нужды. Они нанимаютъ себѣ перваго

попавшагося человѣка, обладающаго нѣкоторой религіозной эрудиціей, и онъ исполняетъ обязанности раввина, кантора и учителя дѣтой; но такъ какъ общины не въ состояніи покрыть расходовъ на его содержаніе, то они устанавливають въ его пользу сборы во время праздниковъ... а также на свадьбахъ со свадебныхъ гостей“¹. Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе, что не только отъ XIII вѣка, но и отъ двухъ послѣдующихъ вѣковъ у насъ нѣтъ никакихъ памятниковъ религіозной литературы польскихъ евреевъ, тогда какъ одновременно съ этимъ въ Германіи талмудическая литература достигла своего высшаго расцвѣта. Изъ этого обстоятельства можно заключить, что польскіе евреи прибыли съ Востока и до самаго конца XV вѣка не приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ нѣмецкими евреями, вслѣдствіе чего въ Польшѣ не было такихъ ученыхъ раввиновъ, какихъ мы видимъ въ это время въ Германіи².

II.

Вторая эпоха—переходная (1500—1557).

Генеральный Сеніоратъ.

Въ концѣ 15 в. евреи были изгнаны изъ нѣсколькихъ странъ болѣе или менѣе близкихъ къ Польшѣ, куда главнымъ образомъ

¹ Это „gesponsum“ напечатано между респонсами Р. Менра изъ Роттенберга (ум. 1293 г. ч. III) № 112 (изд. во Львовѣ) и въ сочиненіи Р. Исаака изъ Ваны (XIII, 4) „Or Zarua“ стр. 40 № 113 (изд. Житомиръ 1862); замѣтка цитируется у Dembitzer'a: „Klilath Jofi“ (Краковъ 1892) (Исторія знаменитѣйшихъ львовскихъ раввиновъ) и въ соч. Buber'a, „Anshe szept“ на ту же тему. (Ср. Kwartalnik Historiczny; 1897 г. стр. 585—590).

² Если въ XIII в. и упоминаются мѣстами ученые изъ Польши, то это только касается ихъ происхожденія, учились же они за границами Польши. Такъ напр. о Р. Исаакѣ изъ Чернигова упоминается въ рукописи „Ewep haschoham“ Р. Исаака изъ Британіи (іаркави: „Евреи и славянскіе языки“, стр. 62); въ числѣ комментаторовъ Ибнъ-Эзри (знаменитаго интерпретатора Библии, поэта и философа XI в.). Одинъ нѣмецкій комментаторъ называетъ ученыхъ Исаака и Мордухая изъ Польши (Угриць: „Ig hasedek“, „Исторія краковскихъ раввиновъ“—Прил. стр. 4). Впрочемъ, въ геспонсахъ нѣмецкихъ ученыхъ нигдѣ не упоминаются польскіе раввины. Только въ концѣ 15 в. говорятъ объ „ученыхъ изъ Познани (Responsa p. Израяля Вруна № 265); другой раввинъ Моисей

и собрались изгнанники; здѣсь они расселились по болѣе крупнымъ городамъ и частью вошли въ составъ уже существовавшихъ общинъ, частью же образовали новыя независимыя гмины, какъ это напр. сдѣлали чешскіе евреи въ Краковѣ. Этотъ притокъ чужихъ евреевъ въ Польшу не могъ не повліять на устройство евреевъ туземцевъ, давнымъ-давно осѣвшихъ въ этой странѣ. И въ самомъ дѣлѣ, акты коронной метрики начала 16 вѣка показываютъ, что какъ общее положеніе евреевъ, такъ и общинное устройство ихъ подверглись въ это время существеннымъ измѣненіямъ. Прежде всего во главѣ общины стоитъ уже не „старшій школы—senior scholae“ но „докторъ монсеева закона“¹, который не избирается общиной, а назначается королемъ или заступающимъ послѣдняго—воеводою; община избираетъ его лишь тогда, когда она специально уполномочена на это королемъ или воеводою; завѣдующихъ общиною старшинъ, избираетъ вся община, но и это избраніе должно быть утверждено воеводою. Община, *communitas Iudaeorum*, какъ таковая, уже официально фигурируетъ въ разныхъ актахъ. Однако, болѣе важныя измѣненія произошли въ общей организаціи польскихъ евреевъ.

Въ 14 и 15 вѣкахъ мы встрѣчаемъ всюду только общинное устройство. Только изрѣдка въ случаѣ необходимости представители отдѣльныхъ общинъ соединялись, чтобы дѣйствовать сообща, какъ напр. тогда, когда дѣло касалось полученія генеральной привилегіи; но о какой нибудь постоянной солидарности и законно обоснованной системѣ централизаціи въ то время еще и рѣчи не было. Евреи проживали въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ, гдѣ

Менцъ (Mainz?), который изъ Вамберга бѣжалъ въ Польшу и исполнялъ об. раввина въ Познанѣ (около 1474 г.), говоритъ о различіи между познанскимъ и нѣмецкимъ ритуаломъ. (См. Perles въ *Monatchr. f. d. Wiss. d. Jdt.* 1864).

¹ Первый разъ „докторъ еврейскій“ упоминается въ „Akt. grodz.“ т. XV, въ запискѣ отъ 16 авг. 1497 г.: „Iudei Ioseph Doktoris Iudaici“. Въ позднѣйшихъ пріемныхъ актахъ титулъ доктора носить не только раввинъ, но и судебные ассессоры (*dajanim*) и завѣдующіе высшими школами (*jeschiboth*) см. Wettstein. „Kadmonioth Kraka“ *Hamagid* 1897, № 5.

главнымъ образомъ сосредоточивалась вся польская торговля, и совершенно не чувствовали потребности распространить свою организацію дальше жизни отдѣльныхъ общинъ.¹

Подобное распространеніе организаціи происходитъ только въ началѣ 16 вѣка: въ это время вступаетъ въ жизнь новое организаціонное начало, имѣющее цѣлью централизовать общины, приспособляя ихъ такимъ образомъ къ общему административному дѣленію края. По чьему же почину возникло это существенное измѣненіе въ организаціи евреевъ?

Централизація общинъ была необходима какъ съ точки зрѣнія еврейскихъ интересовъ, такъ и въ правительственныхъ видахъ. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ утверждать, что евреи уже тогда стремились создать сильное центральное управленіе, — несомнѣнно, однако, то, что въ своемъ стремленіи централизоваться евреи руководились совершенно иными побужденіями, чѣмъ король и его чиновники. Последнимъ важно было прежде всего устранить тѣ административныя затрудненія, которыя неизбежно возникали вслѣдствіе внезапнаго наплыва чужеземныхъ евреевъ, и главнымъ образомъ заботиться объ аккуратномъ и своевременномъ поступленіи податей, тогда какъ евреи стремились исключительно къ полной независимости.

Какъ бы то ни было, осуществленіе этой централизаціи показало, что она сыграла въ руку правительственной власти и повлекла за собой крушеніе еврейской автономіи. На сцену выступаетъ новое учрежденіе такъ называемыхъ „докторовъ или генеральныхъ сеніоровъ“, назначавшихся королямъ или непосредственно, или путемъ утвержденія выборовъ, произведенныхъ общиною.

Послѣдствія такого порядка мы рассмотримъ ниже, а теперь

¹ Изъ генеральныхъ привилегій, въ которыхъ обыкновенно перечислялись тѣ общины, для которыхъ привилегіи предназначались, — видно, что евреи жили лишь въ немногихъ городахъ. Привилегія Казимира, данная въ 1367 г. евреямъ Малой Польши, называетъ евреевъ въ городахъ: „... in Cracovia, in Sandomiria, in Lamburga et alibi ubilibet in regno nostro consistuunt“... По-

обратился къ разсмотрѣнiю власти и круга дѣйствiй этихъ генеральныхъ сенiоровъ. Документомъ, обнародованнымъ въ Вильнѣ 12 дек. 1541 г.¹, Сигизмундъ I назначилъ докторовъ еврейскаго закона Моисея Фишля² изъ Бракова и Шахну изъ Люблина сенiорами всей Малой Польши; это званiе было имъ даровано, какъ за глубокiя познанiя въ еврейскомъ законѣ, такъ и по особенной рекомендацiи нѣкоторыхъ королевскихъ совѣтниковъ.

Во всѣхъ воеводствахъ и провинцiяхъ Малой Польши этимъ сенiорамъ было даровано полное право сенiоральнаго суда, независимо отъ мѣстнаго воеводы или старосты, во всѣхъ дѣлахъ, касающихся еврейской вѣры— „hoc est ut iudicare, corrigere, ac pro illorum excessibus excommunicare possint“. Равнымъ образомъ, они пользовались правомъ пребывать во всѣхъ городахъ упо-

слѣднiя слова скорѣе похожи на стилистическiй оборотъ. Казимиръ Ягеллонъ, подтверждая эту привилегiю, прибавляетъ къ перечисленнымъ общинамъ: „et aliis Russiae, Lublincensium et sandencensium terrarum in civitatibus et oppidis“. Въ подтвержденiи второй привилегiи Казимира (не помѣченной годомъ) читаемъ: „Iudei de Posnaniensi, Calisiensi, Stradiensi, Lancicleni, Brzestensi, Wledslaviensi palatinatibus“.

¹ Archiw. Sangusz. V. 334—337. Этотъ документъ послужить намъ источникомъ для выясненiя всѣхъ атрибутовъ сенiората, хотя существуетъ и болѣе раннiй актъ отъ 1527 г., которымъ Сигизмундъ по представленiю евреевъ назначаетъ доктора Самуила сенiоромъ всей Великой Польши; но въ этомъ послѣднемъ документѣ не указываются подробно права, которыми пользовался сенiоръ, говорится только въ общихъ чертахъ, что сенiоръ имѣетъ право судить и налагать прокламiе въ религиозныхъ дѣлахъ—въ случаѣ же неповиновенiя его приговору король налагаетъ смертную казнь; для сохраненiя полной независимости, сенiоръ освобождается отъ всякой юрисдикцiи, кромѣ королевской (Grätz—Iubilschrift, 205—206).

² Моисей Фишель былъ тоже гѣкаремъ и, вѣроятно, своимъ знанiемъ медицинскаго искусства оказалъ нѣкоторыя услуги королю, такъ какъ въ 1523 г. онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ податей (Версовъ, Tobiasz Kohn, стр. 45). Въ 1532 г. король назначаетъ его раввиномъ краковскихъ евреевъ въ „польской“ синагогѣ (in senioretem, seu superioretem Doctorem Iudeorum nostrorum Cracoviensium ad synagogam, quae Polona dicitur, spectantium), названной такъ въ отличiе отъ синагоги, построенной новоприбывшими чешскими евреями, которые послѣ долгихъ пререканiй съ туземными евреями организовали свою отдѣльную общину. Въ 1537 г. король освобождаетъ отъ всякихъ податей мать Фишля Хвалу и жену Денерь, (Zunz, Ir hacedeck, прил. 17. Arch. Sangusz V, стр. 293).

манутыхъ мѣстностей, не взирая на сопротивленіе евреевъ или чье бы то ни было. Ни въ одномъ изъ указанныхъ уѣздовъ и воеводствъ евреи не могутъ избрать раввина (доктора) безъ согласія этихъ сеніоровъ. Право вѣнчать и разводить супруговъ принадлежитъ исключительно сеніорамъ или лицу отъ нихъ уполномоченному. Лицо, не желающее покориться отлученію, наложенному на него сеніорами, или стремящееся уклониться отъ него, привлекается къ отвѣтственности передъ воеводой или старостой, какъ этого требуетъ повсемѣстный обычай, и наказывается денежными штрафомъ, часть котораго поступаетъ въ королевскую казну, а часть— принадлежитъ воеводѣ, или же старостѣ.

Кромѣ этой широкой власти, кромѣ моральнаго авторитета, привиллегія даруетъ сеніорамъ немалыя матеріальныя прерогативы. Ссылаясь на обычай, существовавшій въ Великой Польшѣ, король обязалъ всѣхъ евреевъ платить сеніорамъ нѣкоторую постоянную подать, которую послѣдніе могли по своему усмотрѣнію обращать въ свою пользу. Затѣмъ, опять таки основываясь на старинномъ обычаѣ, король освободилъ генеральныхъ сеніоровъ не только отъ всѣхъ податей, обязательныхъ для прочихъ евреевъ, но и отъ всякихъ чрезвычайныхъ контрибуцій въ пользу государства. Уже самый тотъ фактъ, что генеральные доктора назначались королемъ, часто даже вопреки воли и выбору общинъ, подлежащихъ вѣдѣнію сеніоровъ, указываетъ на нарушеніе правительственной властью автономіи еврейскихъ общинъ, а чрезвычайно широкія права, дарованныя сеніорамъ, и практическое ихъ осуществленіе въ интересахъ правительства должны были въ конецъ разрушить самостоятельность общинъ.

Архивные документы первой половины 16 в. рисуютъ намъ оригинальную и весьма характерную картину отношенія польской администраціи къ евреямъ. Желая заставить евреевъ платить обыкновенныя или чрезвычайныя подати, король обращается не къ подлежащимъ властямъ, къ воеводѣ или его чиновникамъ, но къ

раввину, приказывая ему путемъ сильнѣйшихъ средствъ нравственнаго воздѣйствія, т. е. страхомъ отлученія, принудить общину къ уплатѣ требуемой суммы; самимиъ евреямиъ король грозилъ не только денежными штрафами, но и тѣмъ, что ихъ собственный раввинъ подвергнетъ ихъ отлученію. Такъ, напр., Сигизмундъ I, назначая въ 1514 г. еврея Авраама изъ Чехіи сборщикомъ податей у всѣхъ евреевъ Великой и Малой Польши, обратился одновременно къ евреямъ съ приказаніемъ немедленно уплатить подать, угрожая имъ въ противномъ случаѣ не только денежнымъ штрафомъ, но и „exiactatione per doctorem mandato nostro in vos et quemlibet vestrum fulminanda“. Въ томъ же году король обратился съ подобнымъ приказаніемъ къ краковскимъ евреямъ, медлившимъ съ уплатой 200 зол. за оказанную имъ какую-то защиту, и грозилъ, что прикажетъ „докторамъ права“ сурово наказать ихъ за это „согласно еврейскому закону“. И не ограничиваясь одними угрозами, король дѣйствительно требовалъ отъ раввиновъ, чтобы они страхомъ отлученія склонили евреевъ къ аккуратному взносу податей. Въ обращенномъ къ раввинамъ посланіи Сигизмунда, отъ 1514 г., доктора фигурируютъ вполне какъ орудія королевской власти, при осуществленіи своихъ правъ при наложеніи отлученія, самаго страшнаго по тѣмъ временамъ наказанія для еврея. Трудно, конечно, опредѣлить, насколько раввины, соблазняясь матеріальными выгодами и расположеніемъ короля, принимались къ этимъ строгимъ предписаніямъ и дозволяли пользоваться собою, какъ сильными орудіемъ, для цѣлей, въ сущности очень далекихъ отъ ихъ обязанностей, какъ духовныхъ представителей общины. Упоминаемые въ архивныхъ актахъ разныя милости, которыми пользовались сениоры, какъ-то оказываемое имъ самимъ и ихъ родственникамъ особое покровительство короля,¹ освобожденіе ихъ отъ судебной отвѣтственности передъ кѣмъ бы то ни было² кромѣ ко-

¹ Arh. Sangusz. V 334.

² Act. Tomic. III Nr. 159.

роля, даже внимательство короля въ ихъ семейныя дѣла,¹—все это позволяетъ предполагать, что подобныя фавориты, послушныя королевскому приказу и пользовавшіеся его расположеніемъ, составляли нерѣдкое явленіе. Въ пользу такого предположенія свидѣтельствуютъ также еврейскіе источники, какъ-то приговоры раввиновъ и генеральныхъ сѣздовъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Какъ бы то ни было, подобный порядокъ не могъ пользоваться симпатіями евреевъ, они не могли питать довѣрія ни къ мѣстнымъ раввинамъ, ни къ генеральнымъ сеніорамъ, назначавшимся часто вопреки волѣ общины, тѣмъ болѣе, что сеніоры, преслѣдуя главнымъ образомъ личныя корыстныя цѣли и честолюбивыя стремленія, мало пеклись о благъвѣренной имъ общины, иногда даже цѣлой провинціи. Между раввиномъ и общиной возникали раздоры, и евреи, не питая довѣрія къ сеніорамъ, обращались за разрѣшеніемъ ихъ не къ сеніорамъ другихъ польскихъ провинцій, а, по всей вѣроятности, въ Германію, ища справедливости за-границею. По одному такому дѣлу между познанской общиной и ея раввиномъ король принужденъ былъ прибѣгнуть къ внимательству познанскаго воеводы: по порученію короля, воевода долженъ былъ примирять тяжущіяся стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ запретить имъ въ религіозныхъ дѣлахъ апеллировать къ иностраннымъ раввинамъ².

Несмотря на недостатокъ документальныхъ данныхъ, можно все-таки думать, что подобныя несогласія между общиной и ея духовнымъ представителемъ возникали и въ другихъ мѣстахъ.

Еврейскіе, вновь прибывшіе изъ Германіи и незнавшіе польскаго института правительственныхъ сеніоровъ, особенно генеральныхъ, съ ихъ широкой компетенціей, трудно было освоиться съ этими порядками.

Въ Германіи каждая община выбирала себѣ раввина вполне самостоятельно и могла, спустя годъ или два, устранить его съ

¹ Ibid. Nr. 63.

² Ibid. Nr. 121.

должности, если онъ оказывался неподходящимъ¹. Неудивительно, поэтому, что они всѣми силами стремились свергнуть съ себя тяжелый гнетъ сеніоровъ, пользуясь поддержкой нѣкоторыхъ знаменитыхъ ученыхъ и раввиновъ, хотя и назначенныхъ кородемъ или утвержденныхъ² имъ, но съ большой неохотой взвравшихъ на вѣшательство правительственной власти во внутреннія дѣла еврейскихъ общинъ. Одинъ изъ величайшихъ еврейскихъ ученыхъ 16 в. Моисей Иссерлисъ (Remu), жившій въ Краковѣ и пользовавшійся большою извѣстностью среди польскихъ евреевъ (ум. въ 1573 г.), въ слѣдующихъ словахъ опредѣлил свое отношеніе къ правительственному раввину въ одномъ изъ своихъ респонсовъ:³

„Относительно раввина, получившаго свою власть отъ воеводы или короля, (насъ спрашиваютъ), примѣнимъ ли въ данномъ случаѣ (талмудическій) принципъ: государственный законъ—есть законъ (т. е. обязываетъ всѣхъ). Конечно, король вправѣ распоряжаться своими назначеніями и можетъ поставить своимъ чиновникомъ, кого ему угодно, но такой раввинъ долженъ быть достоинъ своего поста, и назначеніе его должно состояться съ согласія вѣрляемой ему общины (кагала)... Принявшій такую должность противъ желанія кагала отвѣтитъ передъ Богомъ, если дастъ къ этому

¹ Gûdemann: „Geschichte des Erziehungswesens u. d. Cultur der abendlândischen Juden“ III, стр. 32.—Института генеральныхъ раввиновъ въ 15 в. въ Германіи не существовало. Gûdemann доказываетъ (Ibid. 34—39) что намѣреніе нѣмецкаго короля Рупрехта (привил. отъ 1407 г.) назначить раввина для дѣла государства (königliche Reichshofmeister) являлось только его личнымъ *plum desiderium*, но, встрѣтивъ сразу сильное сопротивленіе со стороны евреевъ, не было приведено въ исполненіе. Такимъ образомъ опровергается мнѣніе Краусгара (Hist. Zydow. II, 128), полагавшаго, что основанія сеніората, какъ органа управленія евреями, не были самостоятельно придуманы Сигизмундомъ I, а были заимствованы изъ Германіи, гдѣ правительственные раввины якомъ оказывали государству большія услуги.

² Такимъ утвержденнымъ королемъ раввиномъ является р. Соломонъ Лурье, извѣстный подъ именемъ „Maharszal“ (сокращеніе, составленное изъ начальныхъ буквъ его имени), бывшій раввиномъ въ Люблинѣ, и затѣмъ въ Врестѣ-Литовскомъ. (Iг Tehillah: Варшава 1886, стр. 59).

³ Nr. 123. „Responsa“—это рѣшенія разныхъ современныхъ вопросовъ, преимущественно религіознаго, а иногда и общественнаго характера.

поводъ... Если же его назначить король, и въ то же время община письменнымъ договоромъ согласится принять его, тогда онъ занимаетъ свою должность по всей справедливости“.

Значитъ среди тогдашняго польскаго еврейства раздавались голоса, отрицавшіе законность власти раввина, назначеннаго королемъ безъ согласія общины, а только-что приведенное рѣшеніе этого вопроса, данное знаменитымъ ректоромъ краковской „іешивы“, сильно укрѣпило недовольныхъ въ ихъ протестѣ.

На Литвѣ Сигизмундъ I подвинулъ свое вмѣшательство въ еврейскія дѣла еще дальше; въ 1514 г. онъ назначилъ главою евреевъ во всей странѣ Михала Езофовича, человѣка очень богатаго, но до такой степени незнакомаго съ еврейскимъ правомъ, что король долженъ былъ дать ему въ помощники по судебной части ученаго еврея, сразу ставшаго его правой рукой. Въ концѣ концовъ Езофовичъ принужденъ былъ, конечно, уступая недовольству евреевъ, сложить съ себя свои судейскія обязанности и оставался только сборщикомъ податей у литовскихъ евреевъ, подобно тому какъ Авраамъ Чехъ у евреевъ коронныхъ ¹.

Постоянный протестъ евреевъ противъ сеніората, какъ учрежденія съ правительственнымъ характеромъ, не остался безъ послѣдствій. Правда, Сигизмундъ I, самъ затѣявшій эту реформу общиннаго и центрального устройства евреевъ, не соглашался, несмотря на очевидное противодѣйствіе евреевъ, на уничтоженіе установленнаго порядка или на какія либо измѣненія въ немъ. Но то, чего евреи не добились отъ Сигизмунда I, получено ими отъ его преемника Сигизмунда II Августа; уступчивый, или вѣрнѣе нерѣшительный во всей своей внутренней политикѣ, этотъ король снизошелъ къ горячимъ просьбамъ евреевъ и обнародовалъ двѣ привилегіи, легшія въ основу самоуправленія, — порядка, котораго съ

---

¹ Kraushar, Hist. Żyd. II, 127 и слѣд., о Михаелѣ Езофовичѣ, сборщикѣ податей, см. «Akta Tomic.» III № 67.

тѣхъ поръ не пытался нарушать ни одинъ изъ послѣдующихъ королей ¹.

13 августа 1551 г. члены королевскаго совѣта представили Сигизмунду II Августу слѣдующую петицію евреевъ Великой Польши.

„Такъ какъ послѣ смерти сеніора Великой Польши эта судебная должность остается вакантною впродолженіе долгаго времени, пока король не назначитъ на его мѣсто другого, вслѣдствіе чего страдаютъ многія важнѣйшія дѣла, то евреи Великой Польши просятъ, чтобы король позволилъ имъ самимъ единогласно выбрать изъ своей среды въ равнины или судьи того, кто имъ покажется наиболѣе способнымъ и достойнымъ“. Король въ удовлетвореніе этого ходатайства евреевъ, представленнаго ему его совѣтниками, издалъ привилегію, уполномочивающую евреевъ выбрать сеніора совершенно самостоятельно, и не только въ этомъ единичномъ случаѣ, но и всегда, „когда это понадобится“; сеніору же даровано безусловное право суда надъ евреями въ религіозныхъ вопросахъ. согласно Моисееву закону; вмѣстѣ съ тѣмъ за неподчиненіе приговору сеніора установлено наказаніе—смертная казнь и конфискація имущества.

¹ Кромѣ указаннаго нами протеста, мы не можемъ констатировать никакой другой фактической причины, которая могла-бы побудить Сигизмунда Августа даровать евреямъ такую широкую автономію, какую обнаруживаютъ послѣдующія привилегіи. Отношеніе его къ евреямъ вообще отличается мягкостью и доброжелательствомъ. Непрактичность правительственнаго раввината должна было прямымъ путемъ причести къ измѣненію этого порядка. Однако, не играли-ли здѣсь какой нибудь роли деньги? Первую привилегію евреи получили благодаря содѣйствію пановъ, королевскихъ совѣтниковъ; вторая была редактирована самими евреями и представлена королю на утвержденіе! Значитъ починъ въ этомъ дѣлѣ исходилъ отъ самихъ евреевъ... Во всякомъ случаѣ сношенія Сигизмунда II Августа съ евреями донъ-Иосифомъ Наси, придворнымъ турецкаго султана Салима II (См. Kraushar «Olbracht Laski» I, 94), не оказали никакого вліянія на внутреннее положеніе евреевъ въ Польшѣ, какъ это ошибочно предположили Грець (IX, 386) и Краусгаръ («Ист. Евр.» т. II прил.) Ср. Schorr «Zur Geschichte des Don Joseph Nasi», Monatschr. f. d. Wiss. d. Jud. 1897, III, IV.

Другимъ не менѣе важнымъ знаменіемъ перемѣны, наступившей въ организаціи общинъ, является слѣдующій документъ:

Въ февралѣ 1569 года евреи города Львова получаютъ отъ Сигизмунда Августа на Люблинскомъ сеймѣ привиллегію, подтверждающую извѣстныя положенія, „выработанныя ими самими“; статьи эти имѣютъ цѣлью „сохраненіе добраго порядка въ управленіи“ и должны служить „на вѣчныя времена“ воеводамъ и ихъ подчиненнымъ какъ обязательныя постановленія.

Важнѣйшіе пункты этой привиллегіи гласятъ:

„Воевода не вправе назначать для нихъ (евреевъ) раввина безъ ихъ согласія, исключая такого, котораго они сами выберутъ изъ своей среды“.

„Еврейскихъ старшинъ никто не вправе выбирать, кромѣ еврейской общины, которая, избравъ ихъ изъ своей среды, должна представить ихъ на утвержденіе своего воеводы“.

„Еврейскіе акты и книги должны лежать въ ихъ „божницѣ“ или школѣ, запечатаны въ сундукѣ, а не въ другомъ мѣстѣ“.

„Если судья, имѣя подъ рукой еврейскіе акты, захочетъ внести въ нихъ какія нибудь записи безъ вѣдома еврейскихъ старшинъ, то таковыя будутъ считаться не имѣющими никакого значенія“.

„Судья ихъ не можетъ издать никакого рѣшенія, иначе какъ по соглашенію съ еврейскими старшинами“.

Двѣ эти привиллегіи, изъ которыхъ первая даруетъ евреямъ полную свободу въ выборѣ генеральныхъ сеніоровъ, а другая ¹

¹ Ту-же привиллегію получили Шемисельскіе евреи отъ Стефана Баторія, по мандату, изданному въ Варшавѣ 27 іюля 1576 г. (Arch. Przem. Lib. 290, р. 317 — 319). Но самый важный пунктъ этой привиллегіи, касающійся выбора раввина, былъ распространенъ Стеф. Батор. на всѣхъ польскихъ евреевъ. Пунктъ этотъ, какъ 28 въ генеральной привиллегіи, дарованной евреямъ Яномъ Собіескимъ на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ 28 апр. 1676 г. и содержащій подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ королей, гласитъ: *Conceditur facultas eligendi doctorem seu iudicem legalem, cuius sententiae Iudeus temerarie adversetur, ad Regiam Majestatem delectus poena capitis et confiscatione bonorum puniatur. Qui quidem iudex eximitur ab omnibus Jurisdictionibus etiam palatinalibus solique tantum Regiae iurisdictioni reservatur, ut es facillius indicium*

предоставляет имъ такую-же свободу въ учрежденіи общиннаго управленія, т. е. въ избраніи раввина и старшинъ, составили эпоху въ организаціи польскихъ евреевъ. Начиная со второй половины 16 в. появляются почти во всѣхъ крупнѣйшихъ польскихъ городахъ ученые раввины, которые сразу привели въ цѣлѣтущее состояніе талмудическую науку и основали школы, привлекавшія учениковъ изъ всей Польши, Германіи и даже Италіи. Эти раввины не только ввели однообразное общинное устройство для всей Польши, но и создали, какъ это видно будетъ дальше, новую основанную на началахъ полной автономіи, централизованную систему, обнимавшую въ теченіе двухъ столѣтій всю внутреннюю жизнь польскихъ евреевъ. Въ основу этого величественнаго зданія легли двѣ упомянутыя привилегіи, въ которыхъ и слѣдуетъ искать зародышъ и начало позднѣйшаго развитія всей системы.

Институтъ генеральныхъ сеніоровъ потерпѣлъ значительныя измѣненія, повидимому, уже въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа. Въ то время какъ въ первой половинѣ 16 в. кругъ дѣятельности сеніоровъ обнималъ цѣлую провинцію, Малую или Великую Польшу, теперь власть старшихъ раввиновъ ограничивалась только тѣмъ воеводствомъ, въ главномъ городѣ котораго они были избраны ¹. Вообще, возникло, какъ мы это увидимъ, новое административное дѣленіе страны, по отношенію къ власти раввиновъ. Съ этого времени стали различать раввиновъ мѣстныхъ, областныхъ и воеводскихъ, сообразно съ сферой ихъ власти.

Итакъ, первая половина 16 в. играетъ въ исторіи организаціи евреевъ въ Польшѣ роль переходной эпохи.

«exergent» (Рукопись этой важной привилегіи, еще не обнародованной въ печати, любезно доставилъ намъ для воспользованія ею проф. Гушловичъ изъ Граца.)

¹ Въ 1571 г. Сигизмундъ Августъ принимаетъ подъ свое покровительство доктора Соломона «еврея, жившаго въ это время во Львовѣ, котораго всѣ евреи львовскіе и всей земли русской избрали себѣ въ старшіе раввины». (Arch. akt. krodz. lw. №. с. 384, pag. 720—721).

Правительственный генеральный сеніоратъ, какъ форма централизаціи общинъ, не могъ удержаться, наткнувшись на сильное противодѣйствіе общинъ, неохотно терпѣвшихъ контроль государства надъ своими внутренними дѣлами. Правительство, убѣдившись въ несостоятельности этого института и побуждаемое постоянными проявленіями недовольства со стороны евреевъ, склонилось, наконецъ, къ ихъ желаніямъ, и провозгласило въ вышеупомянутыхъ привиллегіяхъ принципъ полной автономіи въ общинныхъ дѣлахъ. Эти два капитальныхъ документа вводятъ насъ въ третью эпоху въ исторіи организаціи евреевъ въ Польшѣ — въ періодъ самоуправленія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. А. З.

Изъ иностранной литературы.

P. Berthold (Bertha Pappenheim), Zur Judenfrage in Galizien. 1900—Octave Tauzier. De l'inaptitude des Français à concevoir la question juive. Paris 1900.—L'Humanité nouvelle 1900 № 9, Antisemitisme et sionisme.—Guillard, La question juive, Paris 1900.

Время ли въ разгаръ битвы дѣлать смотръ сражающемуся войску, заботиться о его внутренней дисциплинѣ, указывать на недостатки и погрѣшности? А развѣ не въ такомъ положеніи вѣчно воюющаго находится еврейство! И развѣ не вѣчно въ непрестанной перестрѣлкѣ приходится быть его сторожевымъ постами, русско - нѣмецко - французско - еврейскимъ публицистамъ? Не знаемъ, много ли у насъ друзей, но что число нашихъ недруговъ велико, — въ этомъ мы увѣрены. Наша армія грѣшитъ во многихъ отношеніяхъ. Она дезорганизована, необучена, не вымуштрована; подъ знамена для борьбы за сносное настоящее и славное будущее призваны не всѣ боевыя силы, много здоровыхъ сѣмянъ чахнутъ въ сорной травѣ еврейской современности, но нападки извнѣ сильнѣе, больше, или ощутительнѣе, и замѣтнѣе внутреннихъ дѣлъ, — и всѣ усилія бойцовъ направляются отъ центра къ периферіямъ и ихъ окружающей средѣ. Самый легкій ударъ въ спину ощутительнѣе для горбатаго, чѣмъ его горбъ, но вѣдь если бы не наносили этихъ ударовъ, и горбъ бы, пожалуй, не выросъ. Внутреннія бѣды привычнѣе, незамѣтнѣе тѣхъ, что приходятъ извнѣ. Но этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что современное положеніе вещей удовлетворительно, и что всѣ наши силы въ наукѣ и литературѣ должны быть направлены исключительно на борьбу съ внѣшними врагами.

До сихъ поръ въ нашихъ обзорахъ намъ не приходилось останавливаться на вопросахъ еврейской жизни. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ удѣлимъ мы теперь вниманіе только что

появившейся брошюрѣ г. Бертольдъ: *Къ еврейскому вопросу въ Галиціи*. Бертольдъ—псевдонимъ, подъ нимъ скрылась г-жа Берта Паппенгеймъ, писательница, не разъ уже выступавшая въ нѣмецкой литературѣ въ защиту поправныхъ правъ женщины. И въ настоящемъ произведеніи г-жа Паппенгеймъ обнажаетъ мечъ во имя равноправности своего пола, но ограничиваетъ поле битвы лишь областью еврейской жизни. Съ полнымъ правомъ, думаемъ мы, жалуется она на теперешнее состояніе дѣлъ у галиційскихъ евреевъ, которые совершенно исключаютъ женщину изъ сферы благотворительности: ее не принимаютъ ни въ качествѣ опекаемой, ни въ качествѣ опекающей. Авторъ, по нашему мнѣнію, безусловно правъ, когда онъ негодуетъ по поводу того, что извѣстный Гиршевской фондъ для просвѣщенія галиційскихъ евреевъ оставляетъ въ полномъ пренебреженіи слабую половину просвѣщаемого населенія, а именно не принимаетъ ея представительницъ ни ученицами своихъ школъ, ни членами своихъ учреждений. Фондъ преслѣдуетъ цѣли возрожденія галиційскаго еврейства, а «раввъ народъ, племя, семья состоитъ изъ однихъ только мужчинъ?» спрашиваетъ г-жа Паппенгеймъ. Новыя рационально поставленныя школы создадутъ новое поколѣніе мужчинъ, но гдѣ найдутъ они себѣ достойныхъ спутницъ по жизненному пути? Грустно становится, когда читаешь характеристику современной еврейской дѣвушки въ Галиціи. Она, — если вѣрить описаніямъ нашего автора, — непременно должна быть перевоспитана. А кому же и поручить это дѣло перевоспитанія какъ не тѣмъ-же женщинамъ? Правда, сама г. Паппенгеймъ признаетъ, что не далеко ушло отъ насъ то время, когда призывъ къ женской работѣ въ области общественныхъ дѣлъ оставался безъ отголоска, но tempora mutantur, — измѣнились если не всѣ, то хоть часть женскаго населенія еврейской Галиціи. Теперь эта группа женщинъ, проникшись сознаниемъ своихъ обязанностей передъ обществомъ, требуетъ предоставленія имъ возможности работать на общее благо, и этой возможности имъ не даютъ.

Не думаемъ, чтобы такой порядокъ вещей создавался по винѣ просвѣщенныхъ элементовъ среди нашихъ галиційскихъ собратьевъ; если они причастны злу, то не впродъ пошло имъ просвѣщеніе. Скорѣе надо разсчитывать, что виновнымъ является ортодоксальное еврейство, столь многочисленное въ Галиціи. Но чего опасается оно, боясь открыть женщинамъ до-

ступь къ общественной дѣятельности? Ослабленія супружескихъ и материнскихъ добродѣтелей? распаденія семьи?— Старые, недѣльные разговоры эгоистичныхъ мужей! Съ какихъ это поръзаніе дѣлами благотворенія стало вредно отзываться на веденіе хозяйства? Съ тѣхъ поръ какъ возникла, образовалась семья, мать, хозяйка дома, постоянно наряду съ уходомъ за домомъ, практически осуществляла культъ любви къ ближнему, — и у евреевъ это имѣло мѣсто не меньше, чѣмъ среди другихъ народовъ. Но одна область благотворительности слишкомъ узка для современной женщины; она требуетъ «открытыхъ дверей» во всѣ развѣтвленія общественной жизни, — и мы можемъ сказать съ гордостью, что еврейская женщина идетъ въ первыхъ рядахъ этого прогрессивнаго шествія. Еще большее удовольствіе доставляетъ намъ засвидѣтельствованіе того факта, что въ еврейскомъ мірѣ, именно, у насъ, русскихъ евреевъ, нашлось раньше и больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, живыхъ воплощеній новыхъ идеаловъ; тысячи русско-еврейскихъ дѣвушекъ, мужественно перенесшія и тягость нужды, и разлуку съ роднымъ краемъ, и мученія разрыва съ близкими — все изъ-за стремленія къ осмысленной самостоятельной жизни, — тысячи этихъ русско-еврейскихъ дѣвушекъ, сдѣлавшихся послѣ всѣхъ перенесенныхъ страданій полезными членами общества и разумными матерями, являются живымъ опроверженіемъ всѣхъ навѣтовъ г.г. обскурантовъ.

Весь социальный строй нашего времени толкаетъ женщину на путь самостоятельности. Заработка отца, брата, мужа становится мало для содержанія семьи; возвращенія на взаимныя обязанности ея членовъ замѣтно мѣняются, и женщина берется за работу; въ низшихъ слояхъ населенія она уходитъ на фабрику, на сельскія работы, въ городъ въ прислуги; въ среднихъ слояхъ она избираетъ себѣ какую-нибудь либеральную профессію, или коммерческое занятіе. И если отъ такого измѣненія въ положеніи женщины терпѣть домашній очагъ, то причиной тому не самый фактъ измѣненія, а сопутствующія ему и, надо полагать, устранимыя крайности, въ видѣ чрезмѣрнаго и ночного труда женщинъ-фабричныхъ работницъ, полной неурегулированности участи женской прислуги, разъединенности въ средѣ представительницъ свободныхъ профессій и т. д. Мы, евреи, въ матеріальномъ отношеніи значительно бѣднѣе окружающаго христіанскаго населенія, поэтому экономическихъ стимуловъ для выступленія женщины на путь самостоятельности у насъ

еще больше, чѣмъ у христіанъ. Но и у насъ еще прочно сохраняются старыя воззрѣнія на взаимныя обязанности членовъ семьи, воззрѣнія, отводящія дѣвушкѣ положеніе «невѣсты», вся судьба которой зависитъ отъ благосклонности какого-нибудь молодого франта, и обрекающія всю семью на разореніе, въ случаѣ выхода дочери невѣсты замужъ (вѣдь надо дать приданое!). Еврейская дѣвушка не цѣнится, какъ рабочая сила: она—бремя для родной семьи, а берущій ее въ жены видитъ себѣ поддержку не въ ней, а въ тѣхъ деньгахъ, которыя она ему приноситъ. Таковы наиболѣе частые еще факты жизни. Выше мы говорили о тысячахъ еврейскихъ дѣвушекъ, пробившихъ себѣ дорогу къ свободному существованію, но на эти тысячи сколько приходится десятковъ тысячъ такихъ, что вынуждены были смириться и сложить оружіе въ началѣ или на серединѣ пути? Слава побѣдителямъ, горе—побѣжденнымъ, а вѣдь побѣжденными въ этой борьбѣ оказываются наши наиболѣе существенные духовные и матеріальные интересы.

Теперь у насъ въ большомъ ходу разговоры о національномъ духѣ, національномъ возрожденіи, національномъ самосознаніи. И притомъ, отчасти въ силу отчетливо понимаемыхъ обязанностей, отчасти въ силу слѣпого подражанія передовому русскому обществу, заботящемуся о мужикѣ, всѣ разговоры о необходимости націонализированія ведутся въ такомъ духѣ, будто объектомъ проповѣдуемыхъ мѣропріятій должна служить наша масса. Намъ сдается, что та часть нашей интеллигенціи, которая задается подобными цѣлями по отношенію къ еврейской массѣ, что она повторяетъ не разъ дѣлаемую ошибку,—хочетъ излѣчить массу отъ той болѣзни, которой у нея нѣтъ, а которой болѣли раньше они сами—спохватившіеся еврей-интеллигенты. Отсутствіемъ національнаго достоинства страдает одна наша интеллигенція или, что будетъ ближе къ истинѣ, порвавшая съ традиціями и еврейскимъ прошлымъ буржуазія. Низшіе слои русскаго еврейства не утратили національнаго чувства; они даютъ ему выраженіе во всемъ обиходѣ своей томительно-суровой жизни: молитвахъ, образѣ мыслей, пищѣ, привычкахъ.

Національное самосознаніе у нашей массы есть, но чего она лишена, это сознанія личнаго, человѣческаго достоинства. Этотъ же недостатокъ свойственъ и значительной части нашихъ «просвѣщенныхъ» классовъ, но у нихъ онъ часто маскируется

напускнымъ чванствомъ и притязательностью. Отсутствие личнаго самоуваженія наиболѣе распространенный порокъ нашъ, и съ нимъ необходимо бороться не меньше, если не больше, чѣмъ съ пренебреженіемъ національнымъ духомъ. Почему въ умѣ многихъ христіанъ (а даже и нѣкоторыхъ евреевъ!) фигура еврея представляется въ смѣшномъ видѣ вѣчно трепещущаго, сгорбленнаго въ три погибели, жалкаго, презрѣннаго существа? Не потому ли, что мы постоянно жмемъ къ стѣнкѣ, уходимъ въ тѣнь, ежеминутно стараемся оправдать свое существованіе. Кому принадлежитъ право распоряженія нашими умами и сердцами, кому обязаны мы давать отчетъ въ нашихъ дѣлахъ и помысленіяхъ, кого должны благодарить за наше пребываніе въ сей юдоли? Здѣсь на землѣ—никому и никого, кромѣ собственной совѣсти.. Такъ почему же мы боимся заявить громогласно о своихъ человѣческихъ правахъ, публично снять съ себя забрало и во всеуслышаніе назвать свое имя, занять принадлежащее намъ мѣсто на жизненномъ пиру? Потому что на насъ тяготѣютъ два бремени: бремя прошлаго — многовѣковыхъ преслѣдованій и униженій и бремя настоящаго — отсутствіе рациональнаго воспитанія. Слѣды прѣшедшей жизни изглаживаются медленно; бѣды данной минуты можно искоренить быстро. Но по вкоренившейся привычкѣ у насъ, евреевъ, какъ и у другихъ народовъ, воспитаніе дѣтей находится всецѣло въ рукахъ одной матери. Какимъ же образомъ ребенокъ можетъ заимствовать чувство личнаго достоинства у матери, существа несамостоятельнаго, варварскимъ воспитаніемъ лишеннаго инициативы, индивидуальности?...

Женское воспитаніе одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего національнаго возрожденія.

«Общественный договоръ» появился въ 1762 г., революція въ 1789; «Еврейская Франція» всего лишь въ 1886 г.

Кто говорить это? Конечно, Дрюмонъ: кромѣ него, мало найдется поклонниковъ славнаго творенія *La France Juive*. И на основаніи этого наглаго сопоставленія своего уродливаго дѣтища съ шедевромъ Руссо, Дрюмонъ дѣлаетъ выводъ о близости для его родины антисемитской революціи и о подготовленности къ ней умовъ своихъ соотечественниковъ.

По этому пункту его мнѣніе не находитъ подтвержденія въ рядахъ его сторонниковъ. Передъ нами лежитъ брошюра

нѣкоего Токсье (Tauxier), авторъ которой считаетъ непригодность французовъ къ антисемитизму одной изъ существенныхъ особенностей ихъ ума. Брошюра такъ и называется: *о неспособности французовъ понять еврейскій вопросъ* (De l'incapacité des Français à concevoir la question juive). И цѣль брошюры — указать на причины этой неспособности.

Чтобы читатель зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, скажемъ прежде всего, что брошюра эта посвящена Дрюмону, и ея содержанію предшествуетъ похвальное слово ея автору, написанное самимъ отцомъ «школы». Чтобы не было уже никакихъ сомнѣній, добавимъ, что г. Токсье исходитъ изъ двухъ непреложныхъ для него положеній: 1) что національныя особенности евреевъ и французовъ — диаметрально противоположны и 2) что евреи, превратившіеся изъ націи въ *постоянный и тайный коммерческій синдикатъ*, захватили въ свои руки завѣдываніе всѣми дѣлами въ странѣ.

Это положеніе является для нашего автора аксіомой, а для всего многомилліоннаго французскаго народа глупыми бреднями. Почему же такъ? Гдѣ корни этой слабой, по мнѣнію Токсье, воспріимчивости французовъ къ антисемитической бациллѣ?

Г. Токсье — ярый націоналистъ и ревностный католикъ. Кроме того, — что намъ рѣдко приходится встрѣчать среди гг. юдофобовъ, — онъ понюхалъ науку, — и вотъ онъ старается дать научное рѣшеніе вопроса.

Какъ у «патріота» и католика, у него коломъ засѣла въ мозгу великая революція; онъ ни за что не можетъ простить ей ея космополитизма и культа Разума. И въ ней то онъ видитъ источникъ современныхъ бѣдъ — малаго, на его взглядъ, распространенія антисемитизма. Онъ говоритъ, что теперешніе французы — дѣти по духу своихъ предковъ 1789 года; они унаслѣдовали у тѣхъ ихъ приверженность къ абстрактнымъ построеніямъ, ненависть къ традиціи, поклоненіе чистому разуму, презрѣніе къ слѣбному чувству. Раціоналистическія теоріи XVIII вѣка характеризовались формализмомъ и эгалитаризмомъ: онѣ создавали цѣлыя системы на основаніи однихъ понятій, пренебрегая фактами, и ставили всѣхъ и все на одну доску, не обращая вниманія на природу и силу вещей созданныя различія. Отринувъ прошлое, уравнивая все опадающее по пути, дѣятели революціи должны были взглянуть по-новому и на евреевъ.

Но можно ли утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Токсье, что современные французы живутъ такими же абстракціями, какъ ихъ предки? можно ли говорить объ антисемитизмѣ или юдофильствѣ всего французскаго народа?

Il y a des *fagots* et *fagots*: не всѣ французы схожи, не всѣми классами руководятъ одни и тѣ же мотивы, не у всѣхъ классовъ одинаковыя воззрѣнія:

„Мы полагаемъ, что антисемиты не потому относятся враждебно къ евреямъ, что послѣдніе разорили ихъ въ большой степени, чѣмъ христіане или либръ-пансеры, но потому что они вообще видятъ свое разореніе, потому что классовые предразсудки въ нихъ слишкомъ сильны, чтобы они были въ состояніи уразумѣть истинныя причины своего разоренія, потому что они не чувствуютъ у себя подъ ногами почвы и вѣрятъ въ плодотворность общаго антисемитизма — политиками реформъ, подобно тому какъ вѣрили въ реформы, которыя были имъ обѣщаны политиками — республиканцами, манчестерцами, протекціонистами или радикалами. Антисемитическая клиентура рекрутируется прежде всего въ рядахъ мелкой буржуазіи, среди мелкихъ и среднихъ коммерсантовъ, среди ремесленниковъ, однимъ словомъ въ этомъ промежуточномъ (*intermédiaire*) классѣ, исчезновеніе коего было съ полной справедливостью предсказано уже давно. Симптомы близкой кончины увеличиваются, условія жизни мелкаго ремесла, мелкаго коммерсанта, самостоятельнаго ремесленника становятся со дня на день тяжелѣе. Это ощущается всѣми, всѣ даютъ себѣ въ этомъ отчетъ, даже заинтересованные въ этомъ событіи. Но надежды на то, что этотъ средній классъ со смиреніемъ встрѣтитъ свой послѣдній день были, кажется, мало основательны. Вплоть естественно, что онъ старается во что бы то ни стало продлить свое существованіе и, какъ всѣ больные, которыхъ врачи дѣлать лишь по обязанности, прибѣгаютъ къ содѣйствію шарлатановъ. Национализмъ, антисемитизмъ это — предсмертныя судороги. Во всей французской метрополіи, антисемиты чистой воды живутъ въ одномъ только Парижѣ, да и здѣсь они сосредоточены почти въ одномъ центрѣ города. Послѣдніе муниципальные выборы очень характерны, не съ одной избирательной точки зрѣнія, но и въ статистическомъ отношеніи: они свидѣтельствуютъ, что, если оставить безъ разсмотрѣнія богатые кварталы западной части города, которые не могутъ не быть монархическими, социалисты удержали свои позиціи въ предмѣстьяхъ, и что умѣренные республиканцы и радикалы потеряли свои мѣста въ центрѣ. А въ центрѣ, именно, и сгруппированы торговцы патетальными продуктами и фабриканты и торговцы *articles de Paris*. Когда говорятъ о тяжеломъ времени парижской торговли, то подразумеваютъ именно эти отрасли ея. Говорятъ, что социализмъ вербуетъ своихъ сторонниковъ среди всѣхъ недовольныхъ: а вотъ эти мелкіе коммерсанты недовольны, между тѣмъ они не только не приблизились къ социализму, но свернули на путь самой крайней реакціи, — реакціи же теперь это — антисемитизмъ и націонализмъ. Было бы большимъ преувеличеніемъ полагать, что антисемитизмъ средняго класса есть глубокое чувство; большинство антисемитовъ сами были бы крайне испуганы, если бы имъ предоставили возможность перейти къ дѣйствіямъ, когда они кричатъ: *A bas les juifs!* Это говоритъ въ нихъ смутное чувство недовольства, наиболѣе опредѣленнымъ элементомъ котораго является-быть можетъ страхъ передъ социализмомъ.“

„Но развѣ одни мелкіе коммерсанты — антисемиты? Конечно, нѣтъ! въ этой разнородной арміи находится часть крупныхъ коммерсантовъ, тѣхъ, которые орудуя въ предѣлахъ страны и являясь французскими посредниками во внутреннихъ сношеніяхъ, есть антисемиты также и среди поземельныхъ собственниковъ, тѣхъ, для коихъ земля служитъ не орудіемъ труда, а объектомъ

спекуляціи. Крупные портовые судовозвеза, комиссіонеры по ввозу и вывозу, по самой природѣ своей профессіи, не могутъ заботиться о сокращеніи своихъ сношеній, не могутъ быть антисемитами и націоналистами. Но есть другіе коммерсанты, болѣе многочисленные, такіе, что покупаютъ и продаютъ во Франціи, которые такъ же смотрятъ на иностранные продукты, какъ мелкіе лавочники—на большіе магазины. Для нихъ девизъ: „Франція для французовъ“ равно значить: „французская торговля—французамъ коммерсантамъ“. Сначала ихъ удовлетворяла повровительственная политика, но когда она не принесла желаемыхъ плодовъ, они расширили свою точку зрѣнія, и—народился антисемитизмъ и націонализмъ.

Крупный французъ - помѣщикъ и по сію пору еще принадлежитъ къ родовому дворянству. Слѣдуя обычаямъ предковъ, онъ не заботится о землѣ. А тѣмъ временемъ отсюда то недалеко, изъ Америки, Австраліи успѣли повести хорошихъ сортовъ хлѣба и вытѣснили его продукты съ рынка. Нашъ землевладѣлецъ въ отчаяніи, онъ требуетъ у правительства защиты, вопіетъ о необходимости охранять страну отъ вторженія чуждыхъ элементовъ, вступаетъ въ ряды націоналистовъ. Для веденія дѣлъ ему нужны деньги, деньги онъ находитъ у банкировъ, среди банкировъ есть евреи; долгъ надо возвращать, за него нужно уплачивать проценты, - и помѣщикъ дѣлается антисемитомъ.

Г. Токсъе полагаетъ, что между его соотечественниками нѣтъ антисемитовъ. Приведенныя только что, пожалуй, немного длинныя, но поучительныя цитаты свидѣтельствуютъ о противоположномъ. И если авторы этихъ цитатъ грѣшатъ на нашъ взглядъ нѣкоторой односторонностью въ указаніи причинъ антисемитизма названныхъ классовъ Франціи (развѣ одинъ экономическій факторъ сыгралъ тутъ роль?), то въ перечисленіи классовъ, группирующихся въ настоящее время подъ знаменами Дрюмона, они несомнѣнно правы. Приведенныя нами цитаты имѣютъ особенное значеніе: онѣ не являются мнѣніемъ единичной личности, а цѣлой и притомъ многочисленной группы лицъ. Эти цитаты заимствованы нами изъ доклада международному социалистическому конгрессу одной изъ партій французскихъ студентовъ—социалистовъ. Такимъ образомъ, приведенная нами характеристика французскихъ антисемитическихъ элементовъ сдѣлана цѣлымъ политико-соціальнымъ направленіемъ въ лицѣ его молодыхъ представителей.

Изъ приведенныхъ нами цитатъ не трудно было понять отношеніе составителей доклада къ антисемитическому движенію. Но не довольствуясь этимъ косвеннымъ осужденіемъ юдофобства, они считаютъ нужнымъ прямо высказать свое воззрѣніе. Религіозные вопросы для нихъ не имѣютъ значенія, расовые признаки не пользуются ихъ уваженіемъ; чѣмъ же должны они руководствоваться при анализѣ еврейскаго вопроса. «Есть евреи—банкиры, это—правда, но развѣ они занимаются ростовщичествомъ и прибѣгаютъ къ злостному банкротству не такъ же, какъ банкиры—не евреи? Есть евреи—промышлен-

ники, капиталисты; но развѣ они особеннымъ образомъ обращаютъ въ свою пользу прибавочную стоимость? Мы — противники евреевъ-буржуа и капиталистовъ, потому что они буржуа и капиталисты, а не потому, что они евреи; и равнымъ образомъ мы противники христіанъ и свободомыслящихъ буржуа и капиталистовъ, потому что они буржуа и капиталисты».

Такого образа мыслей относительно положенія евреевъ придерживаются извѣстные слои французскаго общества. Но съ грустью приходится отмѣтить, что и они отмѣчаютъ гнусный духъ времени. Составители цитированнаго нами доклада настаиваютъ на томъ, чтобы конгрессъ занялся обсужденіемъ вопроса объ отношеніи социализма къ антисемитизму. «Десять лѣтъ тому назадъ, говорятъ сами авторы доклада, ни одинъ социалистическій или анархическій конгрессъ не сталъ бы терять время на разговоры о подобныхъ вещахъ; удовольствовались бы напоминаніемъ, что пролетаріатъ преслѣдуетъ дѣло освобожденія человѣчества безъ различія пола, расы или національности. Это было ясно, логично, этого было достаточно; теперь же это еще ясно и логично, но, къ крайнему сожалѣнію, этого отнюдь не достаточно». Почему же? Да потому что среди самихъ социалистовъ явились люди, проповѣдующіе союзъ съ антисемитами, одни — какимъ то непонятнымъ образомъ сочетая идеи коммунизма съ идеями національной исключительности, другіе — изъ чисто политическихъ видовъ, желая наловить рыбы въ мутной водѣ юдофобскаго теченія. Но, къ чести французскихъ социалистовъ, эти уродливыя направленія не имѣютъ среди нихъ много послѣдователей: партія, въ цѣломъ, враждебна антисемитизму.

Социалисты не выдѣляютъ насъ изъ общей массы населенія той или иной страны; въ ихъ глазахъ, мы не представляемъ собой компактной массы, одинаго цѣлага, а являемся разнесенными по отдѣльнымъ рубрикамъ, раздробленными на извѣстное количество частей, каждая изъ коихъ подвергается особой оцѣнкѣ. Но сила вещей могучѣе теоретическихъ построеній, жизнь создаетъ положенія, не укладывающіяся въ рамки отвлеченныхъ схемъ, нарушающія всѣ установленныя разграниченія и системы. Такимъ непредвидѣннымъ явленіемъ мы можемъ назвать сіонизмъ. Это движеніе, наперекоръ ученію о кардинальной роли классовой борьбы, охватило всѣ слои еврейскаго общества, имѣетъ своихъ защитниковъ одинаково какъ среди буржуазіи, такъ и въ пролетаріатѣ. Мы не беремъ

здѣсь анализировать происхожденіе этого крайне важнаго явленія еврейской жизни, но думаемъ, что при всей важности экономическаго момента въ возникновеніи сіонизма, ошибочно приписывать этому моменту исключительную роль. Сіонизмъ, именно, какъ движеніе общенародное еврейское, останавливаетъ на себѣ вниманіе социалистовъ. Мы говоримъ это, имѣя въ виду упомянутый нами докладъ. Его составители выступаютъ противъ сіонизма. «Мы думаемъ, что сіонизмъ, если не трусость (*lâcheté*), то во всякомъ случаѣ, слабость», пишутъ они. И далѣе слѣдуетъ рядъ возраженій; говорится о бѣдности Палестины, о томъ, что вслѣдствіе ея географическаго положенія между Западомъ и Востокомъ, колонисты, переселенные для занятія земледѣльствомъ, вынуждены будутъ стать торговыми посредниками. Идея созданія колоній, вообще, несимпатична нашимъ оппонентамъ: социалистическія колоніи, при повсемѣстномъ господствѣ капиталистическаго режима, по ихъ мнѣнію, существовать не могутъ. Впрочемъ, если бы проектируемыя сіонистами палестинскія колоніи носили коммунистическій характеръ, авторы доклада, можетъ быть, примирились бы съ ихъ существованіемъ, «но колоніи эти не будутъ таковыми, колонисты въ нихъ будутъ находиться въ экономическомъ рабствѣ у тѣхъ, кто ихъ туда переселить». Сіонизмъ имъ несимпатиченъ, наконецъ, какъ движеніе, преслѣдующее созданіе націи.

Съ этимъ отзывомъ о сіонизмѣ любопытно сопоставить другой нѣкоего Гилляра (*Guillard*), книжка котораго «Еврейскій вопросъ» недавно появилась въ печати. Гилляръ тоже говоритъ о сіонизмѣ, но онъ видитъ въ немъ спасеніе для евреевъ и гибель для христіанскихъ народовъ. Къ такому оригинальному заключенію онъ приходитъ очень просто; ходъ его разсужденій таковъ: христіане своими гоненіями заставили евреевъ направить всѣ усилія на накопленіе денегъ; въ настоящее время всѣ денежныя богатства въ рукахъ евреевъ, но притѣсняють ихъ христіане по старому. Сіонизмъ даетъ евреямъ собственную родину, ихъ деньги дадутъ имъ благоденствіе. Христіане останутся безъ евреевъ и безъ денегъ.

Коротко и ясно! въ двухъ—трехъ строкахъ дано рѣшеніе еврейскаго вопроса. Ларчикъ такъ просто открывался, а мы то, бѣдные, ломали и ломаемъ голову. А многимъ ли обстоятельнѣе сужденіе составителей социалистическаго доклада? Конечно, они ближе знакомы съ вопросомъ, чѣмъ г. Гил-

ляръ, но мы всетаки хотѣли бы болѣе близкаго знакомства. Развѣ вся сущность сіонизма сводится къ колонизаціи Палестины? Откуда почерпали составители свое мнѣніе о будущности колонистовъ? Развѣ нѣтъ въ сіонизмѣ иныхъ элементовъ, помимо политическо-національныхъ? Много еще могли бы мы задать, вопросовъ, которые бы ясно свидѣтельствовали о томъ, что сіонизмъ, въ частности, а еврейскій вопросъ, вообще, требуетъ для своего разрѣшенія не простого прикидыванія существующихъ шаблоновъ, а ряда особыхъ мѣрокъ, совокупность коихъ можно выработать лишь на основаніи тщательнаго изученія.

Въ силу ли моды, или подъ вліяніемъ упрековъ пробудившейся совѣсти, значительная часть общей европейской печати заинтересовалась нами. Въ ея сужденіяхъ нѣтъ недостатка въ доброй волѣ, искренномъ желаніи разрѣшить еврейскій вопросъ къ обоюдному удовольствію обѣихъ затронутыхъ сторонъ. Но для рѣшенія проблемы, у нея нѣтъ надлежащихъ познаній, несмотря на то, что среди сотрудниковъ газетъ и журналовъ встрѣчается много евреевъ. Кому же, какъ не евреямъ, заботиться объ ихъ доставленіи? И на кого какъ не на насъ самихъ падетъ вина, если нахлынувшая волна вниманія расплывется въ большомъ морѣ вражды и индифферентизма? Но почему мы не заботимся объ ознакомленіи христіанъ съ нашимъ положеніемъ? Увы! не потому ли, что мы сами мало освѣдомлены о немъ и что мы сами придерживаемся все больше шаблонныхъ и незамысловатыхъ приемовъ рѣшенія мучающей насъ проблемы?

Стеллингъ.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжн. магазин. и въ конторѣ „ВОСХОДА“

НОВАЯ КНИГА:

„ЕВРЕЙСКІЕ СИЛУЭТЫ“

Разказы русскихъ и польскихъ писателей.

(Эл. Оржешко. Гедали. — Вл. Короленко. Сказаніе о Флоръ-римлянинѣ и о Менахимѣ сынѣ Іегуды. — М. Конопницкая. Мендель Гданскій. — А. Станюковичъ. Исайка. — А. Шиманскій. Сруль изъ Любартова. — Клеменсъ Юноша. Портной. — А. Яблоновскій. Нухимъ. — Л. Мельшинъ. Кобылка въ пути. — Ал. Свентоховскій. Хава Рубинъ. — Н. Гаринъ. Ицка и Давыдка. — И. Потапенко. Ицекъ Шмуль, бриллианщикъ).

Весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу голодающаго еврейскаго населенія южныхъ губерній.

Продается въ конторѣ „Восхода“.

Цѣна 1 р. 50 к. За перес. 23 к., съ налож. плат. 33 коп.

Складъ изданія въ С.-Петербургскомъ книжномъ складѣ М. Залшупина. С.-Петербургъ, Б. Московская, 11. Варшава, Новый Свѣтъ, 24. Витебскъ, Замковая ул., д. Хайкина.

Выписывающіе болѣе десяти экземпляровъ за пересылку не платятъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

I. КУДА. (Окончаніе). Разсказъ М. З. Фейерберга . Перев. Н. Шварца	3
II. ДУХОВНЫЙ СІОНИЗМЪ И ЕГО ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ— АХАДЪ-ГААМЪ. (Окончаніе). Г. Клаузнера	42
III. СТИХОТВОРЕНІЯ. А. Георгіевой . I. ГДѢ ЖЕ РОДИНА? II. ИЗЪ КНИГИ ЕЗДРЫ.	65
IV. РАВВИ ІОНАТАНЪ ЭЙВЕШЮТЦЪ И Р. ІАКОВЪ АШКЕНАЗИ-ЭМ- ДЕНЪ. (Историческій этюдъ). Н. Голубова	67
V. ГЛАСЪ ИЗЪ ПУСТЫНИ. (Продолженіе). Бенъ-Ами	95
VI. ВЕЧЕРНІЯ ДУМЫ. Стихотвореніе. Бенъ-Давида Галеви	116
VII. ИЗЪ ЖИЗНИ. (Эскизъ). М. Бушнира	121
VIII. ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ. (Съ древнѣй- шихъ временъ до 1772 года). М. Шорра . Переводъ съ польскаго.	138
IX. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. P. Berthold (Bertha Pap- penheim) . Zur Judenfrage in Galizien. 1900— Octave Tauzier . De l'inaptitude des Français à concevoir la question juive. Paris 1900.— <i>L'Humanité nouvelle</i> 1900 № 9, Antisemitisme et sionisme.— Guillard , La question juive. Paris 1900. Стел- льма	164

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW

CANCELLED
BOOK DUE - WID
JUL 25 1984
JAN 31 1978
CANCELLED
CHARGE

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 25 1984

